СОКРОВИЩНИЦА НАРОДНОЙ СЛОВЕСНОСТИ НОГАЙЦЕВ

ЭДИГЕ

НАУКА

КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕССКИЙ ОРДЕНА «ЗНАК ПОЧЕТА»
ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ПРИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕССКОЙ РЕСПУБЛИКИ

НОГАЙДЫНЪ АСЫЛ СОЬЗ КАЗНАСЫ

ЭДИГЕ

НОГАЙДЫНЪ БАЬТИРЛИК ЙЫРЫ

Филология илмилерининъ докторы
Н.Х. СУЮНОВАДЫНЪ
редакциясы ман баспаланады

МОСКВА НАУКА 2016

СОКРОВИЩНИЦА НАРОДНОЙ СЛОВЕСНОСТИ НОГАЙЦЕВ

ЭДИГЕ

НОГАЙСКАЯ ЭПИЧЕСКАЯ ПОЭМА

Под редакцией
доктора филологических наук
Н.Х. СУЮНОВОЙ

МОСКВА НАУКА 2016

УДК 821.0:398
ББК 82-6
Э16

Концепция издания, ответственный составитель,
автор предисловия
доктор филологических наук *Н.Х. Суюнова*

Ответственный редактор издания
кандидат филологических наук *С.А. Кукаева*

Рецензенты:
Г.М.-Р. Оразаев
кандидат филологических наук *М.А. Булгарова*
кандидат филологических наук *Ф.А. Кусегенова*

Транслитерация арабографических текстов:
Т.Х. Джемакулов, Ю.И. Каракаев

Транслитерация латинографических текстов:
М.А. Булгарова, Т.Х. Джемакулов, Х.А. Алмакаев

Перевод с английского языка:
Э.З. Суюнова

Перевод с немецкого языка:
Э.Т. Суюндикова, С.М. Бекжанова

Эдиге : Ногайская эпическая поэма / под ред. Н.Х. Суюновой; Карачаево-Черкесский институт гуманитарных исследований при Правительстве КЧР. – М.: Наука, 2016. – 512 с. + 16 с. вкл. – ISBN 978-5-02-039964-8 (в пер.).

Настоящее издание является первым собранием оригинальных текстов жемчужины средневекового словесного искусства ногайцев – эпической поэмы «Эдиге», записанных в XIX–XX вв. в местах компактного расселения народа – создателя этой и других поэм ногайского героического эпоса. Тексты записей известных ученых-тюркологов М. Османова, В. Радлова, И. Березина, Ч. Валиханова, А.-Х. Джанибекова, С. Чагатай даны в транслитерации, проиллюстрированы образцами оригинальных текстов, оснащены примечаниями, комментариями. Тексты записей ногайских исследователей фольклора А. Сикалиева, Т. Акманбетова, И. Капаева представлены на современном ногайском языке. В издание также включены научные, научно-популярные статьи ученых, деятелей культуры об истории записи и публикации, художественной значимости поэмы «Эдиге», приведены нотированные записи современного живого исполнения поэмы. В книге впервые представлены фотографии ногайских йырау – исполнителей героического эпоса, репродукции работ современных художников.

Для ученых-гуманитариев, преподавателей, студентов филологических факультетов вузов, всех любителей словесности.

ISBN 978-5-02-039964-8

© Суюнова Н.Х., составление, предисловие, 2016
© ФГУП Издательство «Наука», 2016

Дни его царствования были светлым пятном на челе веков,
и ночи владычества его – яркою полосою на лике времен.

Ибн-Арабшах

Ногайский материал заслуживает особого внимания, так как эпические сказания об Идиге и ногайских богатырях, его потомках, сложились исторически в Ногайской Орде.

В.М. Жирмунский

ПРЕДИСЛОВИЕ

Ногайский героический эпос является выдающимся творением средневекового фольклорного искусства, запечатлевшим ярчайшие этапы многовекового историко-культурного развития народа, отразившим эволюцию его художественного сознания, создавшим легендарную галерею эпических образов реальных исторических личностей.

Возможность появления такого масштабного художественного явления, несомненно, была предопределена всем ходом предыдущей историко-культурной эволюции древних государств Великой Степи (орхоно-енисейская руническая эпика времен Каганатов, словесность караханидского и хорезмийского периодов), а также искусством Золотой Орды и возвысившейся на ее обломках Ногайской Орды. Периоды соответственно упадка и расцвета этих двух последних империй и породили такие шедевры сказительского искусства, каковыми являются сказания о ногайских богатырях («Эдиге», «Мамай», «Карасай эм Казый», «Муьсевке баьтир», «Шора баьтир», «Эр Таргыл», «Эр Куьсеп», «Эр Сайын», «Аьдил-Султан», «Айсылдынъ улы баьтир Аьмет», «Копланлы баьтир» и мн. др.). Совокупная эстетическая, аксиологическая значимость этого наследия в авторитетных оценках (Н.С. Семенов, В.М. Жирмунский, Е.М. Мелетинский, Д. Хант и др.) ставится в один ряд с явлениями мировой культуры, такими, как англосаксонский «Беовульф», карело-финская «Калевала», среднеазиатские «Короглы», «Алпамыш», «Манас».

Работа по сбору образцов текстов героического эпоса, в том числе и в местах компактного расселения ногайцев, началась относительно поздно, с середины XIX в., и проводилась силами выдающихся российских ученых В.В. Радлова, П.М. Мелиоранского, А.Н. Самойловича, И.Н. Березина, М. Османова, П.А. Фалёва. Продолжилась она в XX в. и ее результатом стали многочисленные собрания фольклорных текстов, аккумулированные в крупных востоковедческих центрах Москвы, Санкт-Петербурга, Поволжья, Урала, республик Средней Азии, Крыма и Кавказа. В трудах ученых-тюркологов XX века (В.М. Жирмунского, М.О. Ауэзова, А.Х. Маргулана, Е. Исмаилова, Р. Бердибаева, А.И-М. Сикалиева, А.Т. Конратбаева, И.Т. Сагитова, Ф.И. Урманче, А.М. Аджиева, Р. Кыдырбаевой и др.) осмыслено ценностное содержание тюркского фольклора и, в частности, эпоса о предках и потомках Эдиге. Значительный пласт все еще не исследованного ногайского фольклора хранится в зарубежных архивах, фондах.

Нынешняя малочисленность и дисперсный характер расселения ногайцев – «первоначальных создателей эпоса о ногайских богатырях» (В. Жирмунский) – на огромных пространствах Евразии – основная причина позднего (60-е годы XX в.) включения столь же немногочисленных ногайских ученых в работу по системному

научному исследованию памятников народной словесности. Несмотря на это, деятельность ногайских собирателей и исследователей фольклора в XX – начале XXI вв. дала заметный результат. Это труды: А-Х.Ш. Джанибекова, С.А-Х. Джанибековой-Калмыковой, А.И-М. Сикалиева, Д.М. Шихмурзаева, Т.А. Акманбетова[1] и др. В современной тюркологии все менее дискуссионным становится вопрос этнической принадлежности эпоса о ногайских богатырях. И не только потому, что очевиден факт очень давнего и органичного врастания этого пласта в почву духовности родственных тюркских народов, история и культура которых вершилась в смежном временном и географическом пространстве. Но еще и потому, что исследования героического эпоса о ногайских богатырях, проведенные, в том числе и учеными-тюркологами этих самых родственных народов (см. работы: М. О. Ауэзова, С.А. Аманжолова, Н.С. Исанбета, И.Т. Сагитова, Э.А. Абдыллаева и др.), подтверждают вывод академика В.М. Жирмунского о том, что «эпические сказания об Идиге и ногайских богатырях, его потомках, сложились исторически в Ногайской Орде» и еще более раннее заключение П.А. Фалёва о том, что «…сами ногайцы принесли свои героические песни и сказания в киргизские степи…», «разнесли свой эпос по всей Средней Азии до самого Алтая…»[2].

Известный ногайский ученый-фольклорист, автор фундаментальных исследований героического эпоса ногайцев, А.И-М. Сикалиев, обращаясь к проблеме средневекового этнического самосознания, пишет о том, что «ко времени создания эпоса, различные племена, участвовавшие в этногенезе ногайцев, уже утратили свою племенную замкнутость и самостоятельность и сформировались в единый ногайский этнос, достигли своей этнической консолидации и государственности, т.к. герой эпоса, желая сказать о своем происхождении, всегда называет себя ногайцем, сыном и батыром ногайского народа и не упоминает о своем роде или племени»[3]. П.А. Фалёв также подчеркивал, что «в конце XIV в. участие ногайцев в борьбе (ханской власти и степной аристократии. – *Н.С.*) осложнилось ростом ногайского племенного самосознания, что выразилось в создании ряда эпических произведений»[4].

Место действия эпических поэм – обширная территория ногайского государства (Ногай Эли, Ногайлы). Зачастую об этом говорится в зачинах, которые

---

[1] *Джанибеков А-Х.Ш.* Соьз казнасы (Сокровищница слов) ТТ. 1–4. Рукописный фонд ИЯЛИ ДНЦ РАН (рукопись); Ногай халк йырлары (Ногайские народные песни) / Сост. Калмыкова С.А-Х., Сикалиев А.И-М.: М. Наука. 1969; *Калмыков И.Х., Керейтов Р.Х., Сикалиев А.И-М.* Ногайцы. Черкесск, 1988; Ногайдынъ кырк баьтири. Эдиге / Сост. Сикалиев А.И-М. Махачкала, 1991; Домбыра. Ногай халк дестанлары / Сост. Сикалиев А.И-М. Черкесск, 1993; *Сикалиев А.И-М.* Ногайский героический эпос. Черкесск. 1994; *Nedret ve Enver Mahmut.* Bozcigit // Dobruca Tatar Masallari. Birinci Kitap. Kriterion Kitap Uyi. Bucuresti, 1988; *Керейтов Р.Х.* Народный календарь и календарная обрядность ногайцев // Календарь и календарная обрядность народов Карачаево-Черкесии: Сб. научных трудов. Черкесск, 1989; Ногайские народные сказки / Сост. Д.М. Шихмурзаев. Махачкала, 1993; *Кусегенова Ф.А.* Ногайские дестаны. Махачкала, 2007; Аямда болса яларман, анамда болса аларман / Сост. Ф.А. Кусегенова. Махачкала, 2015; Коьзясым нур болсын / Сост. *Акманбетов Т.А.* Махачкала, 2009; Колым яхшылыкка тийсин / Сост. *Акманбетов Т.А* Махачкала 2012; Коьнъилимнинъ юманышы / Сост. *Акманбетов Т.А.* Махачкала, 2010; *Капаев И.С.* Ногайские мифы, легенды и поверья: Опыт мифологического словаря. М., 2012; Nogay destanlari / Hazirlayanlar: Ismail Dogan, Nesrin Gulludag/ Ankara: Turk Dil Kurumu, 2014; Edige (Nogay) // Hunt David. Legends of the Caucasus. London, 2012. P. 19–62. и др.

[2] *Фалёв П.А.* Введение в изучение тюркских литератур и наречий. Ташкент. 1922. С. 14.

[3] *Сикалиев А.И-М.* Ногайский героический эпос. Черкесск, 1994. С. 91

[4] *Фалёв П.А.* Указ. соч. С. 32.

«профессиональными ногайскими певцами не опускались и не переосмысливались» (Сикалиев). Ибо они – источник важной информации. Например, место действия в поэме «Ахмет, сын Айсыла» – Сарай, столица Золотой Орды; в «Эдиге» – столица Золотой Орды, дворец хана Тохтамыша; «Копланлы батыр», «Мамай» – Ногайская Орда, Сарайшык; «Карасай-Казый» – долина Кубани; «Манаша» – долина Иртыша, владения ногайского мурзы Манаша; «Адил-Солтан» – Крым; «Эр Таргыл» – владения мурзы Мамая, Эдил и Яйык; «Эр Кусеп» – Северный Кавказ, район Бештау и т.д.[1] Известно, что в XV–XVI вв. все политические процессы в средневековых государствах контролировала ногайская знать. Отсюда и такая масштабность пространства, в котором разворачиваются поистине эпические события, что подтверждается и тезисом В.М. Жирмунского об обширности пространства распространения эпоса «от Крыма и причерноморских степей до Сибири и Казахстана» и ее соответствии «исторической рамке, в которой происходили передвижения ногайцев-кочевников, в особенности после распада ногайского улуса в XVI–XVII вв.»[2].

Наряду с топонимикой, гидронимикой к реальности близки и эпические биографии героев ногайских сказаний. «Это совпадение… свидетельствует о том, как прочно хранились исторические воспоминания о потомках Идиге в среде ногайского народа, чьими правителями они были на протяжении ряда поколений»[3]. Касаясь фольклора среднеазиатских народов – казахов, каракалпаков, узбеков, киргизов, – В.М. Жирмунский подчеркивает, что «ногайская тема занимает в нем настолько заметное место, что само это обстоятельство указывает на большую роль ногайцев в историческом прошлом этих народов, на необходимость специального исследования вопроса»[4].

Гораздо раньше выдающийся казахский просветитель Ч. Валиханов оставил в своих записях аналогичные свидетельства ногайского историко-культурного влияния на постзолотоордынском пространстве: «Довольно странно и замечательно, что все почти народы Среднеазиатских степей все древнее приписывают ногаям и многие почитают их своими предками. Так говорят каракалпаки и дикокаменные киргизы»[5], «киргиз-кайсаки тоже все развалины в юго-западной полосе своей земли приписывают также ногаям… и башкиры имеют также притязания на ногаев. Пункт этот особенно достоин исследования, и я намерен говорить о нем подробно в другом месте» [6].

Известный татарский ученый Ф. Урманче также отмечает: «Поскольку ногайцы, жившие на огромной территории от Среднего и Нижнего Поволжья до Иртыша, от южных границ Казанского ханства до Аральского моря, оказали известное влияние на формирование многих тюркских народов: киргизов, казахов, каракалпаков, башкир, татар – как поволжских, так и сибирских, одновременно и

---

[1] *Сикалиев А.И-М.* Указ. соч. С. 166.
[2] *Жирмунский В.М.* Тюркский героический эпос. Л.: Наука. С. 377.
[3] Там же. С. 374.
[4] *Жирмунский В.М.* Указ. соч. С. 411.
[5] Сочинения Чокана Чингисовича Валиханова. СПб, 1904. С. 293
[6] *Валиханов Ч.Ч.* Указ. соч. С. 189.

устно-поэтическое, особенно эпическое творчество этих народов испытало определенное влияние ногайской культуры, языка и фольклора. Возможно, поэтому среди предков ряда эпических героев… тюркоязычных народов неоднократно встречается имя Ногай – Ногой – Нугай»[1].

Столь широкому распространению ногайского эпоса способствовал ряд факторов, о которых в научной литературе уже достаточно сказано. «С последней четверти XV до последней четверти XVI в. Ногайская Орда играла важную политическую роль между Москвой, Казанью, Астраханью и Крымом и в судьбах всех тюркских кочевых племен Средней Азии и Юго-Западной Сибири. Именно в эту пору эпические сказания, связанные с историей Ногайской Орды, получают широчайшее распространение среди тюркских народов Средней Азии и Сибири, входят в состав эпических преданий казахов и находят частичное отражение и в киргизской эпопее «Манас»[2]. В начале XX в. П.А. Фалёв в своей известной работе дал следующее объяснение этому факту: «Помня свое воинственное прошлое, ногайцы отрядами выходили из своих улусов и нанимались в военные защитники в соседних ханствах и у соседних племен. В этот период ногайцы разнесли свой эпос по всей Средней Азии до самого Алтая. Их значение было столь велико, что киргизы до сих пор называют ногайцами приходящих в их степи с Запада (т.е. откуда приходили настоящие ногайцы) поволжских татар»[3]. О том, что «значительное число ногайских племен вошло… в состав казахов Младшей орды, среди которых цикл сказаний об Идиге и его потомках сохранился наиболее полно», о логичности того, что «в основе всех известных вариантов поэмы об Эдиге – версии, записанные у ногайцев», – пишет В.М. Жирмунский[4]. Это подтверждает в своем исследовании, посвященном эпосу «Идегей», Ф.И. Урманче, называя «непосредственным источником татарской версии сказания "Идегей" версию ногайскую» и приводя в качестве свидетельства «чрезвычайную близость их сюжета, отдельных мотивов, художественных деталей и особенно – языка, в котором в изобилии представлены ногайские элементы – в лексике (особенно!), фразеологии и др.»[5]. О каракалпакских поэмах, «восходящих к преданиям Ногайской Орды», пишет И.Т. Сагитов[6]. «У киргизов мы встречаем почти все большие предания ногайцев: об Идиге, Мамае, Чоре, Амеде, сыне Айсула…»[7].

Цель актуализации некоторых выводов этих общеизвестных источников в контексте настоящего издания следует видеть не в излишнем и самоцельном желании вновь заострить внимание на факте ногайского происхождения героического эпоса о предках и потомках Эдиге. Эта тема, как подчеркивалось выше, уже не дискутируется в науке. Задача здесь несколько иная – обосновать необходимость заострения внимания эпосоведов именно на ногайском материале, на ногайских вариантах героического эпоса, потому как «наиболее полные и близкие к истории версии собраны пока у ногайцев» (П.М. Мелиоранский), у «самих первоначальных создателей эпоса» (В.М. Жирмунский), и они «особенно достойны исследования»

---

[1] *Урманче Ф.И.* Народный эпос «Идегей». Казань: Фэн 1999. С. 187.

[2] *Жирмунский В.М.* Введение в изучение эпоса «Манас» // Киргизский героический эпос «Манас». М.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 147.

[3] *Фалёв П.А.* Указ. соч. С. 34.

[4] *Жирмунский В.М.* Указ. соч. С. 377.

[5] *Урманче Ф.И.* Указ. соч. С. 187.

[6] *Сагитов И.Т.* Каракалпак халкынын кахарманлык эпосы. Нукус. 1963. С. 57, 64.

[7] *Фалёв П.А.* Указ. соч. С. 14.

(Ч.Ч. Валиханов), как тексты «гораздо более историчные, близкие к архетипу» (В.М. Жирмунский).

Не одно десятилетие прошло с момента признания тюркологией приоритетности и актуальности историко-филологических исследований сравнительно-сопоставительного плана на материале национальных вариантов героического эпоса о ногайских богатырях, целью которых было бы выявление вероятных архетипов сказаний. Однако все еще не подготовлена необходимая основа для такого рода исследований нет аккумулированных в отдельных изданиях канонических версий сказаний тюркских народов, в чьих культурах бытует эпос о ногайских богатырях. Хотя издания отдельных текстов из этого наследия у ногайцев: «Ногайдынъ кырк баьтири. Эдиге». (1991 г.), «Домбыра» (1993 г.); у каракалпаков – «Едиге» (1990 г.), у татар – «Идегей» (1988 г.); у башкир – «Идукай и Мурадым» (1994 г.), у казахов «Едіге батыр» (1999 г.), а также недавние объемные казахские издания: «Ногайлы жырлары. Кырымнынъ кырык батыры» (2005 г.), 100-томник «Бабалар сьози» (2004 – 2013 гг.) и другие – можно оценить как плодотворное движение в этом направлении. Настоящее издание также может быть поставлено в этот ряд.

* * *

Эпос «Эдиге» – один из самых значимых памятников народной словесности ногайцев. Более шестисот лет он поется народными йырау, передающими из уст в уста бесценное народное предание о любимом батыре, сохраняя в памяти народа «замечательные происшествия своей эпохи так, что все они в совокупности составляют нечто целое... полную картину прошедшей исторической и духовной жизни народа, дают нам возможность к пополнению известных исторических данных и к определению их происхождения» [1].

В образе Эдиге воплотились самые высокие представления народа о герое-личности – хранителе единства, достоинства, благополучия Ногайлы. Народная любовь к эпосу о прославленном вожде основана на знании и почитании заслуг исторического Эдиге, с именем которого его потомки связывают «начало Орде Нагаиской»[2]. Благодаря незаурядному уму и образованности, благородству и влиятельности, которыми обладал герой, еще «при жизни Идиге вокруг его имени стала складываться легенда. Воспевались его личное мужество, военные успехи, авторитет как правителя, поддерживавшего единство и порядок в стране. Именно эти качества снискали ему широкую популярность и сохранили его имя в памяти потомства»[3]. Письменные свидетельства выдающихся современников ордынского эмира, арабских летописцев, содержат столь же яркие характеристики. Ибн-Арабшах писал: «Был он… высокого ума, щедр, с приятной улыбкой, меткой проницательностью и сообразительностью, любитель ученых и достойных людей, сближался с благочестивцами... постился и по ночам вставал (на молитву)…», «По своему усмотрению он вручал царствование и

---

[1] Из черновых бумаг Чокана Валиханова. Записка 1 // Сочинения Чокана Чингисовича Валиханова. СПб, 1904 г. С. 193–194.

[2] Родословцы XVII в. Цит. по: *Трепавлов В.В.* История Ногайской Орды. М.: Восточная литература, 2001. С. 72.

[3] *Жирмунский В.М.* Указ. соч. С. 377.

лишал его, и никто не смел противиться ему, переступать проведенной им черты»[1]. Другой летописец, Эс-Сахави, свидетельствовал: «Я встретился с человеком, который видел его, знал его деда и провел с ним несколько лет. Он рассказывал мне про него удивительные и необыкновенные вещи относительно его отваги, познаний, обходительности, умения начальствовать и величия его», «...султаны при нем носили только имя, но не имели никакого значения»[2].

Исторический Эдиге – «крупнейший государственный деятель Золотой Орды в период ее политического упадка, и при нем в последний раз она выступает в истории как крупный фактор международных отношений в Восточной Европе и кыпчакских степях»[3]. В одной из первых глав («Эпоха Эдиге») фундаментальной монографии «История Ногайской Орды» известный российский историк В.В. Трепавлов последовательно излагает суть событий времени Эдиге, анализирует их причинно-следственную связь. «Историческая память ногаев, – пишет ученый, – фиксирует начало истории Мангытского юрта (Ногайской Орды) от Эдиге»[4]. «Эпический ореол основателя мангыто-ногайской бийской династии бросал отсвет и на его потомков. Начал формироваться знаменитый эпический цикл о сорока богатырях, воплощавший "взгляд на единство, сплоченность, легитимность Ногайской Орды" (ДеВизе)»[5].

Сказание об Эдиге – художественное осмысление сути внутренних событий в Золотой Орде времени ее заката, основанное на народном понимании и видении происходившего. Мотивы противостояния могущественных вождей: Тамерлана, Тохтамыша, Эдиге, реальные эпизоды истории их взаимоотношений, последовательная цепь подлинных событий, теперь уже являющихся значимыми страницами истории Золотой Орды, отражены в эпосе в соответствии с классическими законами эпического изображения действительности, обрисовки конфликта, создания образов героев противоборствующих сторон и обособленного внимания к главному эпическому герою.

Фабула сказания, в целом подтверждающая историческую основу песни, сводится к следующему: почувствовавший недоверие хана Тохтамыша Эдиге покидает его владения, получив подтверждение своим опасениям от мудрого старца Сыбра (в некоторых вариантах – после предупреждения Янбая). Прибывает к Тамерлану, врагу хана Тохтамыша. Собрав войско, идет вместе с сыном Нурадином против хана. Тохтамыш гибнет. За его смерть мстят сыновья. Однако «политические мотивы борьбы,.. соперничество династий и интриги претендентов на престол не сохраняются в народной памяти». Эпос обходит их вниманием, рассказывая только о личных отношениях «между Тохтамышем, несправедливым и жестоким ханом, и Идиге, его мудрым вельможей и храбрым военачальником, на стороне которого – народные симпатии». И этот конфликт получает столь же «типичную для народного предания мотивировку: зависть приближенных хана, или… страх слабого и неспособного властителя перед популярным в народе вельможей и

---

[1] Цит. по: *Трепавлов В.В.* Указ. соч. 2001. С. 72.
[2] *Жирмунский В.М.* Указ. соч. С. 553–554.
[3] Там же С. 376.
[4] *Трепавлов В.В.* Указ. соч. С. 72.
[5] Цит. по *Трепавлов В.В.* Указ. соч. С. 87.

военачальником… Все внимание в эпосе сосредоточено на герое, получившем черты эпического богатыря (батыра), и даже исторические события становятся лишь звеном его эпической биографии»[1].

Но эпическая биография Эдиге не представляет собой гладкую сказочную историю. В ней в противоречивом единстве выступают две ипостаси образа героя: выходца из народа, возвысившегося за счет личных качеств, и героя «высокого происхождения», даже «с царской родословной, оправдывающей и санкционирующей это возвышение наследственными правами». В различных вариантах эпоса в разной степени отчетливости обосновываются эти противоречия в эпической биографии Эдиге. Вполне закономерно они возводятся ко времени и обстоятельствам рождения и детства героя, связываются с судьбой отца героя, казненного несправедливым ханом, что в итоге «мотивирует борьбу Идиге против Тохтамыша как родовую наследственную распрю» (В.М. Жирмунский).

Эпос «Эдиге», отражая реальные события истории распадающейся империи, в динамику которых вплетены судьбы великих героев того времени, среди которых эмир Эдиге, в то же время совсем не затрагивает внешнеполитическую сторону деятельности властителя Орды. «Фактически поэма заканчивается там, где начинается деятельность исторического Эдиге, как вершителя судьбы всей Золотой Орды» (А.И-М. Сикалиев). Однако сохранилось множество исторических, летописных источников, свидетельствующих о средневековых взаимоотношениях Руси и Орды (труды Н.М. Карамзина, М.М. Щербатова, Г.В. Вернадского, Л.Н. Гумилева, тексты русских летописей)[2], в контексте которых достаточно заметен образ исторического Эдиге. Современная российская историческая наука (Я.С. Лурье, Ю.В Кривошеев, А.А. Горский, Ю.В. Селезнев) [3] активно привлекает эти источники для объективной научной оценки явлений прошлого с учетом специфики средневековых межгосударственных отношений, реальной расстановки сил. В гуманитарной науке признаны неплодотворными антинаучная заданность критериев оценки минувших событий и бездумный подход к ним с современными мерками. К примеру, факт «разбойничьего», «опустошительного» набега вовремя не получившего дань Едигея на Русь в 1408 г.[4] был основанием для настороженного отношения в XX в. к его потомкам, воспевающим своего батыра совсем за другие деяния.

Н.М. Карамзин в «Истории государства Российского» писал об имевших место «несомнительных благотворных следствиях» ордынского периода в истории России, когда произошло «достопамятное возвышение духовенства, ...размножение церковных имений», потому как «политика Ханов покровительствовала Церковь и ее служителей, изъявляла особенное к ним благоволение…», «под смертною казнию запрещали своим подданным грабить, тревожить монастыри...»

---

[1] *Жирмунский В.М.* Указ. соч. С 378.

[2] См.: *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. 3,4,5. М. 1993; *Щербатов М.М.* История Российская от древнейших времен. СПб. 1770–1791; *Вернадский Г.В.* Монголы и Русь. Тверь, Москва, 1997; *Гумилев Л.Н.* Древняя Русь и Великая Степь. М.: АСТ, 2000.

[3] *Лурье Я.С.* Две истории Руси XV века. СПб. 1994; *Кривошеев Ю.В.* Русь и монголы: Исследования по истории Северо-Восточной Руси XII–XIII вв. СПб. 1999; *Горский А.А.* Москва и Орда. М., 2000; *Селезнев Ю.В.* «Едигеева рать» и ее последствия // Русско-ордынские отношения в конце XIV – первой трети XV вв. Дисс. к.и.н. Воронеж, 2002. С. 107–119; *Селезнев Ю.В.* Идегей // Элита Золотой Орды. Казань: Фэн, 2009. С. 80–88.

[4] Ярлык Едигея // Лицевой летописный свод: Русская история. В 24 кн.: Народное издание «Актеон». 2014. Книга 11. С. 213–216.

Говоря о «княжеских междоусобиях» и их возможных последствиях, Карамзин допускает, что они могли закончиться «погибелию нашего отечества: Литва, Польша, Венгрия... могли бы разделить оное; тогда мы утратили бы и государственное бытие и Веру, которые спаслися Москвою; Москва же обязана своим величием Ханам»[1]. Именно такой степени опасность была предотвращена 12 августа 1399 г. в ходе исторической битвы ордынского эмира Эдиге против Литовского князя Витовта на реке Ворскла. «Безопасность Литовских приобретений в России требовала гибели Княжения Московского… И Витовт, обещаясь восстановить власть Тохтамыша над Золотою Ордою,.. поставил в условие, чтобы сей хан отдал Москву Литве»[2]. Русские летописи подробно описывают тот момент, когда Тимур-Кутлук, царь Орды, уже готов был отступить и принять условия грозного Витовта стать его данником. «И в то время пришел к царю князь Едыгей. Этот князь Едыгей был известен во всей Орде своим мужеством, смелостию и храбростию. И сказал царю Тимур-Кутлую: "О, царь, лучше будет для нас принять смерть, чем согласиться на такие условия". Разгневанный Витовт приказал войскам вступить в бой. «Прежде всех выступил со своим войском великий князь Ордынский Едыгей…», – сообщает летопись[3]. «Ни Чингисхан, ни Батый не одерживали победы совершенней». «В Москве, Новгороде, Рязани с изумлением видели, сколь могущество Орды еще велико…, и вместе утешались мыслию, что силы опасной Литвы ослабели»[4]. За этим последовали битва на Плаве (1406), битва на Угре (1408), когда литовцы, помня о Ворскле, видя вновь перед собой московско-ордынское войско и Едигея, отступили. Свидетельства о тех событиях также сохранены в одноименных летописных повестях. О «тесной взаимосвязи Руси и Орды» в период правления Едигея (при «марионеточных» ханах) пишет М.М. Щербатов, «Образованию единодержавия на Руси», по мнению Н.М. Карамзина, способствовала Орда периода правления Едигея. В контексте такого знания «Едигеева рать», описанная почти во всех источниках на материале летописной «Повести о нашествии Едигея», вероятно, также требует переосмысления – с опорой на расширенную источниковую базу и новый концептуальный подход. Тем более что летописцы, в периоды обострения споров об ордынской политике русских князей (а рубеж XIV–XV вв. был таковым), «не столько описывали событие, сколько его оценивали» (Я.С. Лурье). Н.Ф. Дробленкова, к примеру, пишет: «Кроме русских летописных сказаний сохранился ногайский героический эпос о Едигее и его предках и потомках, возникший, по-видимому, по следам событий и долгое время бытовавший среди тюркоязычных народов СССР… Эпические предания о Едигее отличаются бóльшей исторической достоверностью и могут кое в чем уточнить русские летописные данные…»[5].

Неоднозначное отношение к личности Эдиге в советской идеологизированной истории усугубилось в годы Великой Отечественной войны, в условиях жесткой политики военного времени, когда, для поднятия воинского духа и подпитки

---

[1] *Карамзин Н.М.* Указ. соч. Т. 5. С. 207.
[2] *Карамзин Н.М.* Указ. соч. Т. 5. М. 1993. С. 91–92.
[3] Лицевой летописный свод. Книга 11. С. 420.
[4] *Карамзин Н.М.* Указ. соч. С. 93–94.
[5] Сказание о нашествии Едигея / Подгот. текста, пер. и комм. Н.Ф. Дробленковой // Памятники литературы Древней Руси: XIV – середина XVв. М., 1981. С. 244–255.

патриотических чувств, актуализировалась слава исторических предков народов страны. В истории каждого из народов страны нашлись почитаемые герои. Эпос о ногайских богатырях, образцовых героях средневековья, защитниках родной земли был героическим прошлым для многих тюркоязычных народов. Наиболее популярный из них – эпос «Эдиге». Вслед за публикацией сводного варианта поэмы Н. Исанбетом в татарском журнале «Совет эдебияты» в начале 40-х, по этому пути пошли было и другие народы Кавказа, Урала, Поволжья, Казахстана. Но поскольку это прошлое было связано с Золотой Ордой, такой пример для подражания цензурой оценен не был. При этом нельзя сказать, что проявлялась особая пристрастность в отношении культурных предпочтений тюркоязычных народов. Из культурного оборота тогда изымалось все, что не укладывалось в рамки идеологических установок. Известные документы ЦК ВКП (б) 40–50-х годов. XX в.[1] о слабости идеологической работы в Ленинградской парторганизации (журналы «Звезда» и «Ленинград», допустившие к печати А. Ахматову и М. Зощенко), Татарской, Башкирской, Казахстанской партийных организациях, ненадлежащим образом курирующих работу научно-исследовательских институтов (популяризация «антинародного», «ханско-феодального эпоса об Идегее», «прославление эмира Золотой Орды Едыгея как народного героя»), последовавшие за этим показательные суровые меры в отношении представителей национальной интеллигенции (Х. Ярмухаметова, Н. Исанбета, М. Бурангулова, М. Ауэзова, А. Маргулана и др.) вплоть до 80-х годов – времени «перестройки и гласности» в стране – оставили, в частности, эпос о ногайских богатырях на периферии научного и культурного поля. Даже кириллические, не говоря уже об арабографических, латинографических текстах этих записей, и поныне – редчайшие источники.

Надо сказать, что некоторое потепление в отношении к эпосу наметилось после выхода в свет в 1974 г. в издательстве «Наука», фундаментального научного труда академика В.М. Жирмунского «Тюркский героический эпос», содержащего, в частности, такие объемные разработки, как «Сказание об Идиге», «Казахский эпос о ногайских богатырях». Авторитетный ученый в обстоятельной монографии проанализировал исторический и эпический пласты тюркского эпоса в целом и сказания о ногайских богатырях в частности.

Спустя только десять с небольшим лет в тюркологии стали появляться исследования национальных ученых (Ф. Урманче, Р. Бердибаева, О. Нурмагамбетовой, К. Айымбетова и др.), содержащие непредвзятый анализ, осмысление этого феномена – столь широко распространенного и почитаемого в тюркоязычном мире.

Сами ногайцы, «первоначальные создатели этого эпоса», в 1991 г. в ногайском селе Терекли-Мектеб, в Дагестане, широко отметили 600-летие Ногайской

---

[1] Постановление ЦК ВКП (б) «О состоянии и мерах улучшения массово-политической и идеологической работы в Татарстанской партийной организации» (9.08.1944 г.); Постановление обкома ВКП (б) «Об ошибках и недостатках в работе Татарского научно-исследовательского института языка, литературы и истории» (6. 10. 1944 г.); Постановление Оргбюро ЦК ВКП (б) о журналах «Звезда» и «Ленинград» (14 авг. 1946 г.); Постановление ЦК КП (б) Казахстана «О грубых политических ошибках в работе Института языка и литературы Академии наук Казахской ССР»; Постановление «О состоянии агитационно-пропагандистской работы в Башкирской партийной организации и путях ее улучшения» (27.01. 1945 г.) и др.

Орды и эпоса «Эдиге», приурочив к этой дате Всесоюзную научно-практическую конференцию и издание Материалов по ее итогам[1], и самое главное – первую после запрета публикацию текста живой записи сказания, осуществленной известным ногайским ученым-фольклористом А. И-М. Сикалиевым еще в 1958 г. [2] Эту запись в свое время, по просьбе В.М. Жирмунского, молодой ученый привез в Ленинград, чтобы лично передать академику для работы. Впоследствии именно об этом варианте В.М. Жирмунский скажет, что «ногайские варианты пополнились в 1958 г. очень полной записью, сделанной молодым фольклористом А. Сикалиевым в Карачаево-Черкесии»[3]. Еще один вариант «Эдиге йыры», составленный ногайским писателем, собирателем фольклора, И. Капаевым, на основе нескольких известных вариантов и фрагментов собственных записей, в частности у дагестанского *йырау* Курая Лукманова, был также опубликован в 1991 г. в Черкесске в ногайской газете «Ленин йолы»[4]. К юбилею эпоса «Эдиге» был приурочен выпуск первого номера литературно-художественного и публицистического журнала Юга России «Половецкая луна» (1991), в котором впервые был опубликован художественный перевод на русский язык поэмы «Эдиге» (сводного варианта И.С. Капаева). В предисловии к журналу о «выходе из заточения любимой песни ногайцев »Эдиге"» написал главный редактор И.С. Капаев, предрекая ей широкое распространение в будущем в среде любителей русской словесности.

В это же самое время ногаеведение получило в активный научный оборот ряд значимых материалов, среди которых – серия публикаций А.Х. Курмансеитовой, касающихся в том числе и родословной ногайской правящей знати, ведущей свой род от Эдиге[5].

В 1994 г. увидела свет фундаментальная монография А.И-М. Сикалиева «Ногайский героический эпос»[6] – плод длительной и кропотливой работы ученого. Ценность этого труда заключается в том, что исследование героического эпоса ногайцев осуществлено А. Сикалиевым в широком историко-культурном контексте, его породившем. Оно стало первым и очень значительным опытом представления научному миру ногайского словесного искусства. В монографии опубликована библиография записей образцов ногайского героического эпоса, а также научных исследований по теме. Имена В.В. Радлова, П.М. Мелиоранского, А.Н. Самойловича, И.Н. Березина, М. Османова, Н.С. Семенова, П.А. Фалёва и др., приводятся в контексте оценочных рассуждений об их вкладе в собирание и изучение ногайского фольклорного наследия. Здесь же ученый обращает особое внимание на самое значимое издание последних десятилетий XX в. – монографию В.М. Жирмунского «Тюркский героический эпос».

---

[1] Сборник Материалов Всесоюзной научно-практической конференции «Историко-географические аспекты развития Ногайской Орды». Махачкала, 1993 г.

[2] Ногайдынъ кырк баьтири. Эдиге / Запись составление, предисловие А.И-М. Сикалиев. Махачкала. 1991.

[3] *Жирмунский В.М.* Указ. соч. С. 354.

[4] Эдиге йыры // Ленин йолы (на ногайском языке), 27 апреля. 1991. № 44–45.

[5] *Курмансеитова А.Х.* Ярлык Токтамыш-хана к польскому королю Ягайло и Эдиге // Материалы Всесоюзной науч-практ. конф. «Историко-географические аспекты развития Ногайской Орды». Махачкала. 1993. С. 94–98; *Курмансеитова А.Х.* Князья Юсуповы // Половецкая луна. 1992. № 2. С. 46–70; *Курмансеитова А.Х.* Эдиге мырза тарыйх бетлеринде: Юсуп мырзалардынъ тукымлык асылы: Ногай мырзалардынъ тарыйхыннан: Суюмбийкединъ бозлавы // Курмансеитова А.Х. Байтеректинъ байлыгы. Черкесск, 1996. С. 11–39.

[6] *Сикалиев А.И-М.* Указ. соч.

Обстоятельный и всесторонний анализ содержательно-формальной сущности героического эпоса ногайцев, и конкретно эпоса «Эдиге», позволяет оценить монографию А. Сикалиева как значительный вклад в тюркологическую науку. Важные выводы этого исследования публикуются во второй части настоящего издания.

Эпос «Эдиге» – одна из самых популярных героико-эпических поэм, значимость которой определяется в ряду памятников мировой словесной культуры. Почему сохраняется интерес к этой поэме? «Для всех групп ногайцев XVIII–XIX вв., бедствующих и оторванных друг от друга, потерявших свою государственность, воспоминания о былом единстве, о героическом прошлом, создавали иллюзию процветания. Эпос был для них памятью о "лучших временах"[1], когда "при Едигее ногайцы достигли вершины своей власти"[2].

Эпос «Эдиге» все более приковывает к себе внимание тюркологов всего мира. Такой повышенный интерес ученых к памятнику объясняется насыщенностью последнего фактами из истории внутренней жизни Золотой Орды в период ее распада». «…Одних только приведенных особенностей песен, именно исторической достоверности и поэтичности их, вполне достаточно для того, чтобы признать за ними право на известное место в ряду памятников всемирной литературы», «...они имеют еще и другое, очень крупное и ценное значение – значение документа»[3].

Конечно же, важнейшим фактором популярности эпоса остается феномен личности самого Эдиге. И.С. Капаев в своем эссе «От Чингиз-хана до Эдиге» столь широкую распространенность песни объясняет, как харизматичностью образа Эдиге и незаурядностью его личных качеств, так и тем, что «эпос был создан военной элитой Орды для объединения ордынцев» на огромных пространствах[4]. «Судьба Идигу оказалась гораздо счастливее, чем у других золотоордынских временщиков – …Ногая и Мамая. Во-первых, с его гибелью созданное им собственное владение не погибло, а, напротив, – росло и набирало могущество и вскоре, под именем Ногайской Орды, достигло расцвета и заставило считаться с собой соседние государства от Москвы и Литвы на западе до Казахского ханства и Могулистана на востоке. В течение XV–XVIII вв. ногайскими правителями были многочисленные потомки Идигу»[5]. И после смерти его имя осталось в народной памяти; он стал героем эпосов многих народов – чего не удостаивались даже многочисленные ханы – Чингизиды[6].

В 2012 г. в Лондоне, в переводе профессора Д. Ханта вариант эпоса «Эдиге» А.И-М. Сикалиева был издан на английском языке[7].

В Предисловии к переводу текста поэмы Д. Хант, в частности, пишет: «Не будет преувеличением сказать, что эпическая поэма об Эдиге является одним из сокровищ мировой культуры. Как для тюркских народов Западной Азии в целом, так и для ногайцев, в частности, она представляет собой народный эпос, который

---

[1] *Сикалиев А.И-М.* Указ. соч. С. 159.
[2] *Филёв П.А.* Указ. соч. С. 34.
[3] *Семенов Н.* Туземцы Северо-Восточного Кавказа. СПб., 1895. С. 415–416.
[4] *Капаев И.С.* От Чингиз-хана до Эдиге: Эссе. См. С. 436 настоящего издания.
[5] *Почекаев Р.Ю.* Едигей, или Последняя попытка возродить Великую Орду // Цари Ордынские. СПб.; Улан-Батор, 2007. С. 139.
[6] Там же.
[7] Edige (Nogay) // Hunt David. Legends of the Caucasus. L., 2012. P. 19–62.

сравним с западноевропейскими легендами Артурова цикла, английским Беовульфом и финской Калевалой»[1].

В контексте сказанного становится очевидным то, что проблема сохранения памятников словесной культуры, в частности, ногайцев, требует специального внимания. Она, к сожалению, сохраняет свою актуальность со времени проявления первого интереса к этому наследию, когда живы были еще носители преданий. Н. Гулак – автор публикации, посвященной переводам ногайских текстов эпоса «Эдиге», опубликованным А. Ходзько в 1842 г. на английском языке в Лондоне и Н. Семеновым в 1885 г. на русском языке в газете «Кавказ», – еще в конце XIX в. писал, что «нельзя не пожалеть о том, что эти песни доступны нам только в бледных переводах,.. время безжалостно стирает… древние памятники народной жизни. Еще несколько поколений – и не останется и следов этих песен …неужели наша академия наук не может отрядить от себя человека, знающего тюркские… наречия, который бы – подобно Радловым и Кастренам – посвятили несколько лет на тщательное собирание и записывание не переводов, а подлинных поэтических излияний наших многочисленных инородцев?»[2]

Однако ныне, когда уже почти не осталось мастеров живого исполнения эпоса, популяризация памятников словесности возможна лишь посредством обнародования записанных в свое время известными собирателями фольклора текстов.

* * *

В настоящем издании впервые сосредоточены тексты двенадцати аутентичных записей ногайских вариантов эпоса «Эдиге»: арабографические варианты М. Османова, И.Н. Березина, латинографические варианты А-Х.Ш. Джанибекова, С. Чагатай, транслитерированные кириллицей. Классический арабографический вариант Ч.Ч. Валиханова – П.М. Мелиоранского также включен в издание в транслитерации кириллицей, потому как изобилующие в нем «признаки ногайского влияния» (П.М. Мелиоранский) могут быть полезны для будущих историко-филологических исследований. Среди вариантов – тексты, записанные в ногайской среде Н.С. Семеновым («Мурза Эдыге»), Ч.Ч. Валихановым («Эдигей»), и печатаются они в их собственном переводе на русский язык. Публикуются в издании в переводе на русский, соответственно с английского и немецкого языков, варианты записей А.Л. Ходзько и С. Чагатай. Ногайский вариант записи С. Чагатай дается в транслитерации кириллицей. Вариант Э. и Н. Махмутов, записанный у добруджинских (румынских) ногайцев, приводится в переложении (максимально приближенном к оригиналу) на современный литературный ногайский язык.

В издание включен текст одного из наиболее полных среди существующих ногайских вариантов «Эдиге», записанный А.И-М. Сикалиевым в 1958 году у кубанских ногайцев. Впервые публикуется текст записи Т.А. Акманбетова, осуществленной в 1975 г. у караногайцев в Дагестане. Интерес для читателей представит и сводный текст И.С. Капаева и его художественный перевод на русский язык, осуществленный Ф.М. Сидахметовой.

Ногаеведение и тюркологическая наука в целом, таким образом, получают в активный научный и культурный оборот ценный источник, который одновременно

---

[1] Edige (Nogay) P. 17.

[2] *Гулак Н.* Песнь об Эдиге // Кавказ, № 28. – 1885.

явится репрезентативным материалом для проведения историко-филологических и сравнительно-сопоставительных (текстологических) исследований записей сказаний о ногайских богатырях. Это тем более значимо, что многовариантная героико-эпическая поэма «Эдиге» является достоянием и фундаментальной ценностью как ногайской духовности, так и наиболее распространенным (имеющим десятки вариантов) памятником культуры многих тюркских народов Западной Азии.

Никоим образом нельзя утверждать, что представленный набор ногайских вариантов окончателен, потому как идет активный научный поиск, в орбиту которого продолжают вовлекаться новые источники, неисследованные материалы. Велика вероятность того, что последуют уточнения, дополнения представленного в настоящем издании материала, что вполне естественно для развивающейся науки.

Издание открывается настоящим Предисловием, в котором обобщаются значимые сведения из известных публикаций, обосновывается плодотворность специального внимания тюркологов, в частности, эпосоведов, на ногайском материале, а также представляется информация о специфике настоящего издания.

При отборе включенных в издание текстов предпочтение отдавалось тем из них, которые сосредоточены в авторитетных фондах и хранилищах. Это национальные библиотеки России, фонды известных научных центров Москвы, Санкт-Петербурга, Казани, Махачкалы, зарубежные библиотеки, а также заслуживающие доверия частные архивы.

При расположении материала в издании мы придерживались принципа историко-хронологической последовательности в фиксации (записи) и публикации текстов эпоса «Эдиге». При этом, нарушая избранный принцип, сочли полезным первую часть книги открыть вариантом записи А.И-М. Сикалиева, «наиболее полным» (В.М. Жирмунский), зафиксированным на живом современном ногайском языке.

Решение дать классические арабографические и латинографические тексты (кроме варианта Э. и Н. Махмутов) в транслитерации, а не в переложении на современный ногайский язык, было продиктовано желанием участников проекта сохранить для науки территориальные, временные языковые особенности ногайского фольклора, в первую очередь, лексики, и специфику орфографии. Известно, что именно такие тексты представляют научную ценность, вызывая к себе, как к надежному и важному источнику, интерес ученых, занятых разработкой самых разных направлений гуманитарного знания, в первую очередь, лингвистики (текстологии, исторической грамматики, лексикологии), конечно же, фольклористики и литературоведения (поэтики и стилистики), этнографии и истории.

Тексты вариантов записей предваряет краткая информация, своего рода их паспортизация, содержащая имеющиеся, доступные сведения о времени и месте записи, об информантах. Постраничные сноски и комментарии соответствующим образом разграничены по принадлежности самим авторам записей и тем, кто выполнял транслитерацию.

Издание имеет раздел, включающий, как общие статьи фундаментального уровня (исследования В.М. Жирмунского, Е.М. Мелетинского, А.И-М. Сикалиева, Ф.И. Урманче), так и работы по исследованию более частных, специфических проблем публикуемых текстов поэмы. Обе группы статей-исследований содержат важные выводы об исторической обусловленности ногайского эпического искусства в целом, и поэмы «Эдиге», в частности, а также оценочные характеристики художественной специфики различных вариантов эпоса. Раздел является, по сути, многоаспектным научным комментарием к опубликованным текстам.

В специальной вкладке издания размещены фотографии ногайских йырау, исполнителей героического эпоса, ногайских ученых – фольклористов – авторов

записей поэмы, репродукции тематических работ художников, а также музыкальный материал – впервые осуществленное нотирование трех фрагментов современной живой записи эпоса «Эдиге».

В конце издания приводится сводный Словарь, разъясняющий значения слов и выражений, помеченных (*) в тексте книги.

Полная Библиография текстов поэмы «Эдиге», вошедших в Сборник, приведена дополнительно в конце издания.

Подготовка рукописи настоящего издания стала результатом труда коллектива ученых-ногаеведов, а также вспомогательного состава участников проекта. Непосредственной работе с текстами предшествовала большая научно-организационная работа: выработка концепции издания, обеспечение доступа к оригиналам эпоса, рассредоточенным по различным архивам и фондам России и мира, зафиксированным на различной графике, их копирование, отбор материала, его структурирование.

Самой трудоемкой и ответственной частью работы явилась транслитерация арабографических текстов, которую выполнили Т.Х. Джемакулов (варианты М. Османова, Ч.Ч. Валиханова – П.М. Мелиоранского, И.Н. Березина), Ю.И. Каракаев (вариант И.Н. Березина), транслитерация специфической кириллицы В.В. Радлова (Т.Х. Джемакулов), латинографических текстов С. Чагатай (М.А. Булгарова), А-Х.Ш. Джанибекова (Х.А. Алмакаев), переложение на современный ногайский язык текста Э. и Н. Махмутов (Т.Х. Джемакулов, М.А. Авезов), а также переводы текстов записей А.Л. Ходзько с английского (Э.З. Суюнова) и С. Чагатай – с немецкого языков (С.М. Бекжанова, Э.Т. Суюндикова).

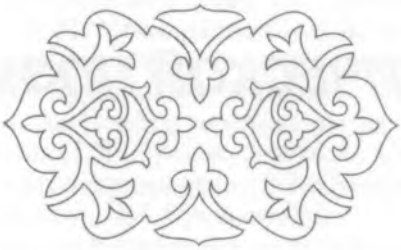
Кропотливая работа по ответственному редактированию издания выполнена кандидатом филологических наук С.А. Кукаевой.

Усилия ученых, задействованных в реализации этого значимого проекта, оправданы благородной целью – вернуть в культуру ногайцев во всем многообразии один из образцовых продуктов многовековой эволюции художественного сознания народа, жемчужину его духовности – эпос «Эдиге».

Н.Х. СУЮНОВА,
доктор филологических наук

ЧАСТЬ I

ТЕКСТЫ ЭПИЧЕСКОЙ ПОЭМЫ «ЭДИГЕ»



Эдиге

Вариант А.И-М. СИКАЛИЕВА

Печатается по текстам:

Эдиге // Сикалиев А.И-М. Ногайский героический эпос (монография). – Черкесск. – 1994. – С. 243–280;

Эдиге // Ногайдынъ кырк баьтири. Эдиге. Ногай халк дестанлары. Туьзуьвши: Сикалиев А.И-М. – Махачкала. – 1991 – С. 17–52;

Эдиге //Домбыра. Ногай халк дестанлары. Туьзуьвши: Сикалиев А.И-М. – Черкесск. – 1993 С. 50–97.

Настоящий вариант эпоса «Эдиге» является первой публикацией записи живого исполнения ногайской поэмы, осуществленной А.И-М. Сикалиевым. Об этом тексте В.М. Жирмунский писал: «Ногайские материалы пополнились в 1958 г. очень полной записью, сделанной в Карачаево-Черкесской (автономной) области молодым ногайским фольклористом Ашимом Сикалиевым».

Эпическая поэма «Эдиге», одна из популярнейших в ногайском эпосе, была записана мною в ауле Икон-Халк (бывший аул Тохтамыш) Адыге-Хабльского района Карачаево-Черкесии в августе 1958 года от знаменитого певца (йырау) кубанских ногайцев Кумукова Хаджи-Исхака Джума-Али улы.

Хаджи-Исхак Кумуков (1888–1966) – ногаец. Он эту поэму перенял в 1905 году от известного ногайского певца Арслана Шабан улы (1858–1912) в ауле Канглы близ г. Минеральные Воды. Подстрочный перевод данного варианта поэмы, выполненный мною по просьбе академика В.М. Жирмунского, в свое время был выслан ему в Ленинград. В.М. Жирмунский тепло отозвался о предлагаемом читателю варианте поэмы в своей книге «Тюркский героический эпос» (Л.: Наука, 1974. С. 354, 383).

Ашим Имам-Мазем улы СИКАЛИЕВ (ШЕЙХАЛИЕВ)

А. И.-М. Сикалиев (Шейхалиев)

НОГАЙСКИЙ ГЕРОИЧЕСКИЙ ЭПОС

Черкесск 1994

Эпическая поэма «Эдиге», одна из популярнейших в ногайском эпосе, была записана мною в ауле Икон-Халк (бывший аул Тохтамыш) Адыге-Хабльского района Карачаево-Черкесии в августе 1958 года от знаменитого певца (йырау) кубанских ногайцев *Кумукова Хаджи-Исхака Джума-Али улы.*

Хаджи-Исхак Кумуков (1888—1966)—ногаец. Он эту поэму перенял в 1905 году от известного ногайского певца Арслана Шабан улы (1858—1912) в ауле Канглы близ г. Минеральные Воды. Подстрочный перевод данного варианта поэмы, выполненный мною по просьбе академика В. М. Жирмунского, в свое время был выслан ему в Ленинград. В. М. Жирмунский тепло отозвался о предлагаемом читателю варианте поэмы в своей книге «Тюркский героический эпос» (Л.: Наука, 1974. С. 354, 383).

Ашим Имам-Мазем улы
Сикалиев (Шейхалиев)

Бир ярлы койшы кырда койларын багып юргенде, мунынъ алдына адамнынъ бас суьеги рас келеди. Койшы таягы ман бас суьекти авдарып карайды. Караса – бастынъ манълайына бир затлар языылган. Койшы окып-язып билмейди. Бас суьекти таякка кийгистип, уьйге ала кайтат та, авылда окып билген биревге коьрсетеди. Окып карасалар: «Мен оьлмей турып сан мынъ адам оьлтиргенмен, оьлгеннен сонъ кырк адам оьлтирермен», – деп языылган экен. Койшы буга сейирсинеди. Бас суьекти уьйине аькеледи, аьруьв этип шоькиш пен суьекти уваткылайды, сонъ юмсак этип термен мен тартат та, бир шиберекке туьйип, пишесине йыйдырмага береди. Пишесине не зат экенин, бу ун кайдан шыккан экенин, айтпайды.

Койшы койларын бакпага кеткенде, койшыдынъ кызы шиберекти шешип карайды. Караса – ак ун. Кыз тили мен ялап карайт та, ютады. Даьм-дуьм йок. Болса да, кыз сол уннан авыр аяклы болады. Заманы етип, кыздан бир ул бала тувады. Ол да, тез оьсип, асыл болады. Муны Баркая деп атайдылар. Бу бек акыллы, йигит бала болады. Соьйтип яшап турганда, сол юрттынъ ханы туьс коьреди экен.

Хан уьйкен аргымак ат пан бараятканда, муны кырк ийт, эки боьлинип, йырмасар болып, ханнынъ онъ ягыннан да, сол ягыннан да сермеп, аттан юлкып туьсирип, талаяк боладылар экен. Хан сосы туьсин ваьзирлерине йорытаяк болады. Ваьзирлери де бир зат та айтып болмайдылар.

Сонда хан юртына хабар яяды: меним туьсимди туьз йорыган адамга не суьйсе соны беремен деп. Бир адам да йорып болмайды. Сол хабар Баркаяга да етеди. Бала келеди ханга, туьсинъди мен йорыйым деп.

– Йоры, – дейди хан.

Баркая айтады ханга: «Сенинъ кырк ваьзиринъ бар. Сол кырк ваьзиринъ эки боьлинип, йырмасар болып, сенинъ хатынынъ ман билисип, хатынынъа сени оьлтиртип, сени тактан туьсирип, баска хан салайык боладылар. Йырма ваьзиринъ сенинъ орнынъа бир адамды салайык болады, анав йырмасы – баска адамды».

– Сен ялган айтасынъ, ийттен тувган бала! – дейди хан ашувланып, – сени мен бу саьат аскакка астырарман.

– Ыйнанмасанъ, кеше каравыл сал. Туьн ортасы ава ваьзирлердинъ хатынынъа келгенлерин коьрерсинъ, – дейди Баркая.

Ыйнанмаса да, хан каравыл салады. Карасалар, кырк ваьзири де туьн ортасы ава ханнынъ хатынына келип, ханды кайтип оьлтиреклерин эм кимди хан этип салаякларын соьйлеседилер. Сонда хан кырк ваьзирин де аскакка асып оьлтиреди. Мине сосы кырк ваьзир эди баягы бас суьектинъ манълайына «оьлгеннен сонъ кырк адам оьлтирермен» деп языылганы.

Хан Баркаяды оьзи мен калдырып, ваьзир этеек болады. Болса да, Баркая унамай, Ана Эдил сувы бойына кетип, анъшылык, балыкшылык пан кешинип баслайды. Баркая оьсип, уьйкен адам болады. Ол коьбисинше анъшылап юрген. Сонынъ уьшин халкка коьп косылган йок. Кеше-куьндиз агашлыкта, сув ягада юргеннен себеп, Баркаядынъ савлай кевдесин туьк баскан, басына узын шаш биткен, сакалы сав коькирегин ябатаган болган. Оьзи колайсыз мазаллы, куватлы болган. Баркаяга халк «Баба-туьклес шашлы Азиз» деп ат таккан.

Бир кере Баркая, соьлеги Баба-туьклес шашлы Азиз, Секерли коьлде, танъ сес берген заманда йылым ман балык ыслап турганда, коьлдинъ ягасына тогыз

аккув келип конады. Конса консын, бирден канатларын кагып йибередилер де, аккув кийимлерин таслап, тогызы да ишкен сувы тамагыннан коьринген, юзиктей кызлар боладылар. Баркая, буларды коьрип, акырын ягага шыгады эм, ясырынып, буларга ювык келеди. А тогыз кыз, аьруьвликлеринде эсап йок, аккув кийимлерин коьлдинъ ягасында калдырып, оьзлери коьлге кирип, сувга туьсип баслайдылар.

Баркая кызлардынъ биревине бек ашык болады эм акырын, билдирмей, сол кыздынъ аккув кийимин урлайды. Кызлар сувга туьсип болып, шыгып кийинип басласа, бир кыздынъ кийими йок. Не этсинлер, сегизи кийинип, кайтара аккув болып, ушып кетеди. Биреви, йылай-йылай, калады. Сонда камыстынъ ишиннен Баркая шыгады. Баркая айтады кызга: «Мен сага ашык болдым. Сен кетсенъ, мен кайгыдан оьлеекпен. Сенинъ кийиминъ менде. Мен сага кийиминъди кайтарайым, тек сен меним хатыным болсанъ». Кызга амал йок, кыз айтады: «Аьруьв, мен сенинъ хатынынъ болайым, тек сен юмада бир кере кийимимди берип, оьз аьптелериме барып келмеге ызын берерсинъ». «Яхшы», – дейди Баркая. Булар яшай береди: Баркая балык ыслайды, кийик урады. Хатыны оларды кептиреди. Бир хыйлы заман кеткен сонъ, хатын авыр аяклы болады.

Бир кере Баркая, балык авлап, уьйге кайтса, хатыны йок, костынъ ишинде бир бала йылайды. Шавып барып караса – янъы тувган эр бала ятыр. Баркая хатынын излейди, шакырады, – йок. Сонъ барып, аккув кийимин ясырган ерин карайды. Караса, аккув кийими де йок. Сол заманда Баркая аккув кыздынъ коьтере кеткенин анълайды. Амал йок, Баркая балады алат та, авылга кайтады. Балага Кутлы-Кая деп ат береди. Кутлы-Кая, кишкейиннен баслап, атасы ман бирге анъга юрип баслайды. Анъга бек уста болады. Боьтен де анъшылык кусларына бек уста.

Яс, уьйкен болганда, анъшы кус-сунъкарларын уьйретип баслайды. Мунынъ сунъкар кусларындай алгыр кус бир ерден де табылмайды. Сол Кутлы-Кая яшаган юртынъ ханы Токтамыс та анъшы сунъкарларды бек суьеди экен. Токтамыс та, Кутлы-Каядынъ усталыгын эситип, оны оьзине кусшы этип алады.

Соьйтип яшап турады Кутлы-Кая Токтамыс ханнынъ колында. Токтамыс ханнынъ сунъкарлары баска ханлардынъ анъшы кусларыннан алгыр болып шыгады.

Баска бир хан, Шаьтемир ханнынъ, Токтамыстынъ сунъкарларына коьзи кыйлады. Токтамыстан тилейди: «Бир бала сунъкар бертага», – деп. Токтамыс касына ювытпайды. Сонда, Шаьтемир хан Кутлы-Каяга келет те, сол атаклы сунъкарлардынъ бир йымырткасын тилейди. Бермеге Кутлы-Кая Токтамыстан коркады.

Сонда Шаьтемир хан айтады: «Сунъкар картайган, йылда эки йымыртка йымырткалайтаган эди, быйыл бирев йымырткалады дерсинъ, бир йымыртка мага сат», – дейди. Кутлы-Кая бир йымырткады сатады. Куьни етип, ол йымырткадан сунъкар баласы шыгады. Ол да оьсип, оьткир коьзли, куватлы сунъкар болады. Бир кере Шаьтемир хан яс сунъкарын да алып, Токтамыс ханга конакка келеди. Булар анъга шыгадылар. Бир кийик шыгып кашады. Токтамыстынъ сунъкары да, Шаьтемир ханнынъ сунъкары да атылып кийикти кувадылар. Сонда Шаьтемир ханнынъ яс сунъкары алдын етип, кийикти ыслайды. Токтамыстынъ сунъкары артта, бир затсыз калады.

Сонда Токтамыс сорайды: «Сен бу яхшы тукым сунъкарды кайдан таптынъ? Бу тукым куры менде болмаса бир ханда да йок эди?» – дейди. Шаьтемир хан айтпайды.

Булар арып, йолда олтырып, кымыз ишедилер. Кымызга кызганда, Шаьтемир хан айтады: «Мага бу сунъкарды, йымыртка болып, сенинъ кусшынъ Кутлы-Кая берди». Сонда Токтамыс бек яман ашувланады. Келип хан сарайына, Кутлы-Каяды оьлтиреек болады. Кутлы-Кая оны эситип, агашка кашады. Кутлы-Кая агашлыкта анъшылап яшайды бир хыйлы йыллар.

Бир кере буга албаслыдынъ кызы рас болады. Кутлы-Кая албаслыдынъ кызына уьйленеек болады. Кыз айтады: «Мен сага хатын болайым, тек сен, мен шешингенде, меним колтыгым ман аягыма карамассынъ», – дейди.

– Аьруьв, – дейди Кутлы-Кая.

Албаслыдынъ кызы айлак бек ярасыклы болган. Булар яшап баслайдылар. Бир кере, албаслыдынъ кызы шешинеятканда, Кутлы-Кая, даяна алмай, акырын хатыннынъ колтыгына эм аякларына карайды. Караса карасын, колтыгы тесик экен, сол тесиктен ишинде оьпке-бавыры коьринеди. Аякларына караса – аяклары кустынъ аягындай.

Сол саьат албаслыдынъ кызы Кутлы-Каядынъ караганын сезет те, былай дейди: «Сен антынъды ыслай алмадынъ, меним карама деген ерлериме карадынъ. Бу саьаттен баслап мен сенинъ хатынынъ тувылман, сен меним эрим тувылсынъ. Меним аягым авыр. Мынадай куьнде аьвлет туваяк. Эгер кыз болса, ол аьвлет мени мен калар, эгер ул бала болса, сол тувган куьн мына теректинъ астына аькелип салырман, сен келип улынъды аларсынъ». Соны айтат та, албаслыдынъ кызы, арт та карамаганлай, кетеди.

Не амал. Кутлы-Кая калады. Куьн санап турады. Белгили куьнде келип теректинъ астына караса, ерде бир ул аьвлет ятыр. Кутлы-Кая улын коьтерип алады. Бала йылайды, увантып болмайды. Кутлы-Каядынъ янъы куьшелеклеген ийти болады касында. Баладынъ йылаганын токтаталмаганда, Кутлы-Кая балага ийтти эмдиреди. Бир хыйлы заман бала ийтти эмип яшайды. Сонъында ийт эмдирмейтаган болады. Кутлы-Кая калай этеегин билмей, авылга ясыртын кайтады. Балады бир йылкышы тенъине калдырады. Оьзи авылда яшамага, Токтамыс ыслап оьлтирер деп, коркады.

Кутлы-Каядынъ тенъи йылкышыдынъ тогыз улы бар экен. Кутлы-Кая улын Эдиге деп атады. Эдигеди де тогыз улына костылар. Кутлы-Кая агашка кайтып кетти.

Эдиге бек тез оьсип баслайды, оьзи де бек оьткир. Балалар ман тоьбелессе, ыслаган-ыслаган ерин уьзип алады. Сол заманда, Эдиге Кутлы-Каядынъ улы экенин бирев билет те, Токтамыс ханга айтады: «Сени алдайтаган Кутлы-Кая, кашып, агашта яшайды, онынъ бир улы бар, улын авылда йылкышы тенъи асырайды». Токтамыс тез болып йылкышыды шакырады.

– Кутлы-Каядынъ улы сендем? – деп сорайды.

– Менде, – дейди йылкышы.

– Тез болып мында аькел, оьлтиреекпен!

Йылкышы уьйине кайтады эм пишесине айтады: «Бизде тогыз ул бар. Кутлы-Каядынъ ялгыз бир улы бар. Ол да бек баьтир адам болаяк, коьринеди.

Кутлы-Каядынъ ялгыз улын оьлтирткишей, биз Токтамыска оьзимиздинъ бир улымызды берейик». Токтамыска аькетеди.

– Мынавыма Кутлы-Каядынъ улы? – дейди хан.

– Мынавы.

Сол ерде Токтамыс хан йылкышыдынъ улын, Кутлы-Каядынъ улына санап, аскакка асып оьлтиреди.

Эдиге йылкышыдынъ колында сав калады. Болса да, йылкышы ман пишеси буга энди Эдиге демей, Кубугул дейдилер. Олай дегени «Куба огул» демек болады. «Куба» деп бек юрекли баьтирге айтылган, баьтир демеклик болады. Кутлы-Кая да мазаллы, йигерли баьтир болган сонъ, ога да «Куба» дегенлер. Энди онынъ улы Эдигеге «Куба огул» – «Кубугул» деп ат тактылар. Кутлы-Каядынъ улы экенин билдирмес уьшин айтадылар. Суьйтип яшайдылар. Йылкышыдынъ уллары Токтамыс ханнынъ колында йылкы багадылар.

Кубугул бир аз оьскенде, оны бир байдынъ бузавларын бакпага бередилер. Солай этип кишкей Кубугул, куьндиз бузав багып, яшай береди.

Сол мезгилде Токтамыс хан, оьзининъ атагын шыгармак уьшин, арба ясатады, ол арбадынъ тегершиклерин алтыннан эттиреди, баска ерлерин де алтын ман куьмистен эттиреди. Сонъ халкты йыят та: «Эй, мына арбага баа салынъыз!» – дейди.

– Эй, ога баа барым? Бул алтынт та, – деп, халк баа салалмайды. Сонда Токтамыс хан арбага бир-эки адамды олтыртат та, «бар, энди кыдырып шыгынъыз, неше баа салырлар», – деп йибереди. Кыдырадылар. Эш бирев де баа салып болмайды. Бир баска байдынъ ерине еткенде, бир бала бузав багып туры. Оьзи олтырып сыякка шыгып туры, оьзи ашап туры. Сонда арбадагылардынъ биреви айтады: «Токташ, сосыннан хабар сорайык».

– Эй, онынъ несиннен сорайсынъ. Оьзи ашап тургандай коьринеди, оьзи сыякка шыккандай коьринеди. Оннан адам хабар сорайма?

Балады шакырадылар: «Бала, бербеген кел!».

– Оьзинъиз келинъиз, – деди бала, – меним куллыгым бар. Коьрмейсизбе?

Арбашылар барадылар.

– Не этип турысынъ?

– Эй, керек затын курсакка салып туры эдим, ярамаганын таслап туры эдим.

– Олай болам?

– Керек болса, болатаган.

– Аьше, бу не зат?

– Бу арба.

– Бу арбадынъ баасы не болар?

– Ханнынъ элинде бир-эки йыл аслык битпесе, бир оьтпек болыр мунынъ баасы.

Булар оннан зат анъламай, ханга айтып барадылар.

– Эй, ол балады мага келтиринъиз! – дейди хан.

Алып келедилер балады бай адамнынъ колыннан.

– Эй, не этип юресинъ?

– Мен оьксиз, бир байда юремен, куллык этип.

– Менде этсенъ?

– Сенде де этейим.

– Ол байда не этесинъ?

– Бузав багаман.

– Менде де бузав бак.

– Йок, сенде бузав бакпайман.

– Аьше тувар бак.

– Йок, тувар да бакпайман.

– Аьше кой бак.

– Йок. Ол да меним куллыгым тувыл. Оннан да барып бузавымды бакканым колай.

– Йылкы бак, аьше.

– Йылкы багайым.

Ханнынъ тогыз йылкышысы бар эди. Онышы этип муны да алды. Бу йылкышылар, тогыз-он куьнде, ханга келип, коьринип кетеди экенлер. Йылкыдынъ хабарын айтадылар. Ханга баьри де ызлы-ызыннан киредилер. Хан, тогыз йылкышы келгенде, козгалмай турат та, онышы Кубугул келгенлей, орнынан козгалып коьтериледи. Ханнынъ хатыны ханга айтады оны.

– Йок, козгалмайман! – дейди хан. Сонда хатыны ханнынъ этегин туьйрегиш пен астындагы ястыкка кадайды. Кубугул келгенде, хан баягылай козгалады. Козгалганда, ханнынъ этеги тартылады.

– Козгалдынъма? – деп сорайды хатыны, йылкышылар кеткен сонъ.

– Козгалдым! – дейди Токтамыс. – Энди, олар келгенше, сен бир савытка каты этип ювырт уйытып кой! – дейди. Бир он куьннен сонъ йылкышылар тагы келгенде, хан савыттагы ювырттынъ уьстине каш салат та, Кубугулга береди. Кубугул да, ювыртты алып, камасын шыгарып, уйыган ювыртты бузат та, ишип, шыгып кетеди.

– Ол не айтты? – дейди хан.

– Ол бир зат та айтпады, сен де бир зат та айтпадынъ.

– Мен ювыртка каш салып бергеним, эгер сенинъ юрегинъде яман зат бар болса, мен сени доьрт боьлермен деген эдим. Ол мага айтты «сен мени доьрт боьлсенъ, мен сенинъ элинъди, юртынъды, мине булай бузып, ювырт ишкендей этип байырларман», – деп айтты. Онынъ ким экенин билмеге керек эм оьлтирмеге керек. Ол адам тек адам тувыл».

Токтамыс йылкышылардан Кубугулдынъ асылын сорайды. Олар да билмейди. Токтамыс хан Кубугулды ыслайды. Аькелип термединъ бир боьлигине капатады. Асылын билгеннен сонъ, оьлтиреек болып. Термединъ баска боьлигинде хан оьзи олтырып, касына элдинъ картларын, баьтирлерин йыйдырды:

Токтамыс ханы
Байтал сойып, бал куйды,
Йыравларын йыйдырды,
Туькли шатыр курдырды,
Тоьре картлар йыйдырды.
Уьйкен тоьбе басында,
Уьйкен торы ат астында,
Камышысы яйма алтын,
Яйылганы баьри алтын,
Ягы туьги уьрпейип,

Хан ием сонда толгайды:
– Мынънын Болат баьтири,
Кубугулдынъ асылын
Билемисинъ? – деп эди.
– Кубугулдынъ асылын
Мен билмеймен, хан ием,
Уллы соьзден мен оьзим
Таксырлыман, – дей турды.
– Юздинъ Ногай баьтири,
Кубугулдынъ асылын
Билемисинъ? – деп эди.
– Кубугулдынъ асылын
Мен билмеймен, хан ием,
Уллы соьзден мен оьзим
Таксырлыман, – дей турды.
– Хырювдынъ Буган баьтири,
Кубугулдынъ асылын
Билемисинъ? – деп эди.
– Кубугулдынъ асылын
Мен билмеймен, хан ием,
Уллы соьзден мен оьзим
Таксырлыман, – дей турды.
– Асылын адам билмеген,
Элге синъип юрмеген,
Найманнынъ Касай баьтири,
Кубугулдынъ асылын
Билемисинъ? – деп эди.
– Кубугулдынъ асылын
Мен билмеймен, хан ием,
Уллы соьзден мен оьзим
Таксырлыман, – дей турды.
– Уьйсиннинъ Нукай баьтири,
Кубугулдынъ асылын
Билемисинъ? – деп эди.
– Кубугулдынъ асылын
Мен билмеймен, хан ием,
Уллы соьзден мен оьзим
Таксырлыман, – дей турды.
Коькиреги коьк уьйдей,
Буйрабастынъ Толыш улы,
Янмухамбет баьтири,
Кубугулдынъ асылын
Билемисинъ? – деп эди.
– Кубугулдынъ асылын
Мен билмеймен, хан ием
Уллы соьзден мен оьзим,
Таксырлыман, – дей турды.
– Кыпшактынъ Куба баьтири,
Кубугулдынъ асылын
Билемисинъ? – деп эди.
– Кубугулдынъ асылын
Мен билмеймен, хан ием,
Уллы соьзден мен оьзим

Таксырлыман, – дей турды.
– Канълыдынъ Кара Байысы,
Кубугулдынъ асылын
Билемисинъ? – деп эди.
– Кубугулдынъ асылын
Мен билмеймен, хан ием,
Уллы соьзден мен оьзим
Таксырлыман, – дей турды.
– Конъыраттынъ Узын Айдары,
Кубугулдынъ асылын
Билемисинъ? – деп эди.
– Кубугулдынъ асылын
Мен билмеймен, хан ием,
Уллы соьзден мен оьзим
Таксырлыман, – дей турды.
– Шырыннынъ Сылув-Мамбети,
Кубугулдынъ асылын
Билемисинъ? – деп эди.
– Кубугулдынъ асылын
Мен билмеймен, хан ием,
Уллы соьзден мен оьзим
Таксырлыман, – дей турды.
– Манъгыттынъ Манъка йыравы,
Кубугулдынъ асылын
Билемисинъ? – деп эди.
– Кубугулдынъ асылын
Мен билмеймен, хан ием,
Уллы соьзден мен оьзим
Таксырлыман, – дей турды.
– Кенегес улы Кер-Янбай,
Кенъесинъ артык бий Янбай,
Келимли ердинъ отысынъ,
Йылкы ишинде белгили
Кер биемнинъ суьтисинъ,
Тонавшы меним нартымсынъ,
Эндигиси буьгуьнде,
Кенегес улы Кер-Янбай,
Кенъес алды картымсынъ.
Кубугулдынъ асылын
Билемисинъ? – деп эди.
Ботасы оьлген туьедей,
Бозлай берип, анда
Янбай толгайды,
Кулыны оьлген биедей,
Кисней берип,
Анда Янбай толгайды:
– Мен йыравман, йыравман,
Бетегели ерде отав курарман.
Нагашам меним –
Кары йырав келгенше,
Мен юбанта турарман.
Нагашам Кары йырав
Келген сонъ,

Кол кавсырап, тиз буьгуьп,
Тиз астына боьрк салып,
Таьжим кыла турарман.
Юз де сексен яшаган,
Азув тиси босаган,
Нагашам Кары йырав буьгуьнде,
Ол билмесе, ким билер?
Арайыслап арыс салдырып,
Йоьмхоьрлеп елкен актырып,
Куьмистен куьпшек буьктирип,
Кербеттен керей тактырып,
Келместен тогын эттирип,
Телегенин тенъ этип,
Ат ялкынын бек этип,
Арысына алты кара ат ектирип,
Етегине ети торы ат еттирип,
Айырлыктынъ алдыннан,
Ак шал ат пан тарттырып,
Барып эди Сыбырага,
Арбага минер ол Сыбырадынъ
Аьли йок,
Атка минер яны йок.
Якларын увлав мынан
Увлатып,
Тислерин ший йибек пен
Тиздирип,
Беллерине бота мынан
Бувдырып,
Колтыгына аса таяк
Суьйретип,
Оьтирик, ялган айтпаска,
Ийман шаадет эскертип,
Алтынлы уьйкен коьшке
Миндирип,
Алып келди Сыбырады,
Сосы бастан ол Сыбырага
Ер берди.
– Сыбырадай карт йырав,
Сен толгашы, – деп эди.
Ыргыланды Сыбыра йырав,
Козгалды,
Толгайым деп карады.
Айтарга авызы бармады,
Соьйлерге тили келмеди.
Оны коьрип Токтамыс
Уьйкен тостакай бал берди,
Сыбыра, балды ишкенде,
Бал буьйрекке туьскенде,
Буьйрек балга сискенде,
Эрни-бурны йыбырдап,
Сыбыра сонда толгайды:
– Ай, Токтамыс, ай, балам,
Мен коьргеним айтайым.

Ай астында бир коьл бар,
Айланасы
Ат шаптырса еткисиз.
Ортасына биткен
Кога мынан тал да бар,
Эриккенлер, ялкканлар
Кабан кувып аткысыз.
Ягасына орам биткен тал да бар,
Эриккенлер, ялкканлар
Кабан кувып аткысыз.
Басынъда сенинъ даьвлетинъ бар,
Нелер берсе еткисиз.
Йыйынынъда сенинъ бирев бар,
Нелер берсе еткисиз.
Кубугулды ша сен, ай балам, Токтамыс,
Кувлай билмей, кувлайсынъ.
Ай Токтамыс, ай балам,
Эски ханнан отыз хан,
Янъы ханнан он бес хан,
Толайысы мунынъ болар
Кырк бес хан.
Оны коьрип, мен оьзим
Оннан калган карыман.
Кубугулдынъ асылы
Аннан да артык усайды.
Аьр мезгилде карасанъ,
Тоьбеси алтын боьрк кийген,
Тоьрели Алшанъыр деген
Хан болган,
Аны коьрип, мен оьзим
Аннан калган карыман.
Кубугулдынъ асылы
Аннан да артык, усайды.
Сайын ханлар келгенде,
Аны коьрип, мен оьзим
Аннан калган карыман.
Кубугулдынъ асылы
Аннан да артык усайды.
Анав хан да, мынав хан,
Дуныядынъ бойын еген
Кутай хан,
Бу дуныядан, донъыз болып,
Оьткен хан.
Аны коьрип, мен оьзим
Аннан калган карыман.
Кубугулдынъ асылы
Аннан да артык усайды.
Тетиретип, явга шабаган,
Палван Солтан Берке хан,
Аны коьрип, мен оьзим
Аннан калган карыман.
Кубугулдынъ асылы
Аннан да артык усайды.

Ямышысы яйма алтын,
Ябынганы баьри алтын,
Аьр мезгилде азбарына карасанъ,
Мынъ аргымак байлаган,
Хан Яныбек хан болган.
Аны коьрип, мен оьзим
Аннан калган карыман.
Кубугулдынъ асылы
Аннан да артык усайды.
Тебингиси ший алтын,
Динибектей хан болган,
Аны коьрип, мен оьзим
Аннан калган карыман.
Кубугулдынъ асылы
Аннан да артык, усайды.
Нардынъ бойын шорт кескен
Бердибекти коьргенмен.
Кубугулдынъ асылы
Аннан да артык усайды.
Зоьнъги бавы уьзбе алтын,
Терлиги шым алтын,
Иерининъ касы алтын,
Ювенининъ басы алтын,
Куйысканы куйма алтын
Хан Оьзбек хан болган,
Аны коьрип, мен оьзим
Аннан калган карыман.
Кубугулдынъ асылы
Аннан да артык усайды.
Боьденедей, боьридей,
Тек туьнегуьн ол оьзи,
Калмык деген ерлерде,
Шаган деген хан болган.
Аны коьрип, мен оьзим
Аннан калган карыман.
Кубугулдынъ асылы
Аннан да артык усайды.
Тутам бойы тобылгы,
Тогын этип, яй эткен
Сенинъ атанъ Тойкожа.
Тойкожадынъ улы Токтамыс,
Туьневгиси куьнлерде,
Ялань аяк, яланъ бас,
Бузав баккан соьлтиксинъ.
Тусынъ келип, хан болдынъ.
Сени де коьрип тураман,
Оьлтиреегинъ билемен,
Оьлтирсенъ, меним нем корайды!
Ахырет уьйге барарман,
Енлет уьйге кирермен,
Енлеттинъ тап тоьринде
Боларман.
Кубугул колынъда юргенде,

Халк – аьлемге шыгармай,
Баьтирге басын баламай,
Оьз суьйгенинъ эткен куьн.
Буьгуьнгиси буьгуьнде,
Суьйген куьнинъ кеткен куьн,
Энди меннен, хан ием,
Кубугулды не деп сорайсынъ?
Аргы улдынъ аргысы,
Берги улдынъ бергиси,
Ортадагы эт елкели,
Кус бурынлы Кубугулдынъ асылы
Сеннен де артык усайды.
Аркага минип карайман,
Асылынъды эш таппайман,
Кубугул!
Тоьбеге минип карайман,
Тоьркининъди эш таппайман,
Кубугул!
Онда Эдиге толгайды:
– Эдиге айтар, эр айтар,
Эдигедей анавда
Эр дугажы оьзи айтар:
– Аркага минип карайсынъ,
Тоьркинимди ким деп сорайсынъ?
Ай, аксакал, аксакал,
Огыл, огыл деп турасынъ,
Сенинъ улынъ мен тувыл.
Огыл, огыл десенъ етпеди,
Огыл, огыл дегишей,
Эдигедей анавда
Эр дугажи оьз улым
Десенъ коьппе ди?
Ассаламу алейкум,
Кепеек кимсинъ? – дегенде,
Кепеекпен дегенмен.
Кепеек кимсинъ? – дегенде
Курайышпан дегенмен.
Аьзизден тувган шок ялгыз.
Бала оьзиммен дегенмен.
Абубекир Сыддыктан,
Пайда болганман,
Нурдан уьлги алганман.
Сенинъ атанъ Тойкожа,
Тойкожадынъ улы Токтамыс,
Асылым Алшанъгыр деп, мактанма.
Асылынъ Алшанъгыр болса, не болгай?
Дугажи Махмун Керемет,
Кереметтинъ улы Анъшыбай,
Анъшыбайдынъ улы Бирперие,
Бирпериединъ улы Баркая,
Мен Баркаядынъ улы анавда,
Кутлы-Кая улыман.
Сол заманда сол шакта,

Сыбыра айтып толгайды:
– Ай, Токтамыс, ай, балам,
Курыган шоьпте даьм болмас,
Кув йиликте май болмас,
Карт айткан соьз саналмас.
Курыган шоьпте даьм болса,
Кув йиликте май болса,
Карт кисиде бет болса,
Карт айткан соьз саналса,
Кубугулды ша буьгуьнде сен,
Ай, балам,
Кувлай билмей, кувлайсынъ.
Сол заманда, сол шакта,
Сыбыра айтып толгайды:
– Аргы улдынъ бергиси,
Берги улдынъ аргысы,
Ортадагы кус бурынлы Кубугулдынъ
Болайларына карасанъ,
Нурдан пайда болгандай.
Яй тартпага колы узын,
Мергин болар Кубугул,
Эрни юка, ягы этсиз,
Соьйлемеге шешен болар Кубугул.
Кубугулды сен буьгуьнде,
Кубугул деп, корлама,
Майтагым коьп деп, зорлама.
Кубугулды, Кубугул деп, корласанъ,
Майтагым коьп деп, зорласанъ,
Бир йылгысы,
Япалак кустай, ялпылдап,
Языда болар бугай Кубугул!
Йыл айланып келгенде,
Кумга биткен куба тал,
Курык сайлар Кубугул.
Кубаалалы сенинъ коьп йылкынъды
Кувып айдар Кубугул.
Кувып барган нартынъа
Кум каптырар Кубугул.
Касыклап йыйган коьп халкынъды,
Шоьмишлеп тоьгер Кубугул.
Куралайдай, эки коьзинъ кызартып,
Кутандай, мойнынъ созылтып,
Элинънен сени айырып,
Эндигиси буьгуьнде
Хайырынъды
Коьрер бугай Кубугул.
Басы бурма,
Сары алтын тагынъды
Тартып алар Кубугул.
Эт билеги сав алтын,
Соьйлегенде –
Аьр бир соьзи мынъ алтын,
Каныкедей аьруьвинъ,

Коьзикедей сылувынъ
Олжа да этер Кубугул.
Тогыз керей бабасы,
Толы юрттынъ иеси,
Токтамыстай сизлерди
Кырга кувар Кубугул.
Бал шапшактан
Басар бугай Кубугул.
Шыгарактан шыгып
Кашар бугай Кубугул.
Баьрин айтып кайтейим,
Айтканым болса, буьгуьнде
Кула туьзде, кув шоьлде
Ахырында сенинъа хайырынъды
Коьрер бугай Кубугул.

Сыбырадай карт йырав ханга анълатты Кубугулдынъ асылы яхшы, ханлардан да артык экенин. Кувлама деп те карады. Болса да, Токтамыс ханга сенип болмайды. Соннан себеп, йырав Эдигеге де кенъес береди, муннан шыгып каш деп.

Эдиге шыгарактан, сол Сыбыра айткан кепте, кашып шыгып кетти. Ога кашпага, соьлеги оьзи минен бирге йылкы багып юрген, тогыз йолдасы ярдамласады.

Эдиге капалып турганда, йолдаслары тыста атларды кашпага аьзирлейдилер. Артыннан куваяк атлардынъ зоьнъги бавларын, иш бетиннен йинъишке этип калдырып, кеседилер. Эдиге шыгарактан каргып шыкканда, тогыз йолдасы да бирге муны мынан кашадылар. Артыннан куваяк болып шыкканлар, атларына минемен дегенде, ялп-ялп этип, ерге йыгыладылар. Зоьнъгилери, айыллары уьзилип. Сонда Токтамыс толгайды:

– Эй, тогыз эр, тогыз эр,
Тогызынъ да бара коьр,
Алдап-сулдап, Эдигеди
Касынъызга ала коьр.
Алдап-сулдап, касынъа ал,
Касынъа ал да, басын ал!

Энди Эдигединъ ызыннан кувмага эп йок. Кувса да, еталмаяк. Сонда Токтамыс хан Сыбырага каныгады: «Сен не эттинъ!» – деп. Болмаганда, артыннан Янбайды йибередилер. Кайтип те болсын, алдап-сулдап, кайтар деп. Эдигединъ ызыннан Янбай барады. Артыннан етип, таьтли тил мен йырлап баслайды:

– Кайт, кайт, аьзиз, кайтсана,
Кайтып, Эдил оьтсене,
Эл аралап, юрт сайлап,
Занъырдаган уьйкен нарга
Шанъ байлап,
Хан иенъ сени шакырады,
Кайтсана!
Энегеси бийик боз орда,
Энип, керес берсене.

Эрни юка шынъ аяк
Хан иенъ
Бал береди – ишсене.
Этеги алтын, енъи алтын,
Хан иенъ
Тон береди – кийсене.
Ямышысы яйма алтын,
Ябынганы баьри алтын,
Тебингиси тилме алтын,
Тебингени баьри алтын,
Иерининъ касы алтын,
Ювенининъ басы алтын,
Кулагын, биздей, кадаган,
Кекелин, кыздай, тараган,
Юргенде, ызын санаган,
Асылы артык араптан,
Хан иенъ
Ат береди – минсене.
Балдагы алтын айболат
Хан иенъ
Кылыш береди – бувсана.
Куйрыгы узын ак сунъкар
Хан иенъ
Кус береди – шуьйсене.
Шорасыннан
Шора боьлип береди,
Шора агасы болсана.
Бир шегеси мынъ кызылга
Битпеген,
Ханлардынъ айдаган малы
Етпеген,
Усталардынъ мынъ шоькиши
Туьтпеген,
Хан иенъ
Куьбе береди – кийсене.
Хан иенъ,
Эллерден эллер сайлап,
Эр оьзинъе
Аьруьв косып береди,
Эл иеси болсана.
Байталыннан байтал
Боьлип береди,
Байлап кымыз ишсене.
Майтагыннан
Майтак боьлип береди,
Падишалык суьрсене!
Эдиге айтар, эр айтар,
Эдигедей, анавда
Эр дугажы оьзи айтар:
– Эл аралап, юрт сайлап,
Занъырдаган уьйкен нарга
Шанъ байлап,
Хан ием мени

Шакырса да, барманда,
Оьзим элден тайган сонъ.
Энегеси бийик боз орда,
Энип керес берменде,
Тоьбем кутсыз болган сонъ.
Эрни юка шынъ аяк,
Хан ием меним
Бал берсе де, ишпенде,
Эрним елкек болган сонъ.
Этеги алтын, енъи алтын,
Хан ием меним
Тон берсе де, киймен де,
Ийним кутсыз болган сонъ.
Ямышысы яйма алтын,
Ябынганы баьри алтын,
Тебингиси тилме алтын,
Тебингени баьри алтын,
Иерининъ касы алтын,
Ювенининъ басы алтын,
Кулагын, биздей, кадаган,
Кекелин, кыздай, тараган,
Юргенде, ызын санаган,
Асылы артык араптан,
Хан ием меним,
Ат берсе де, минменде,
Авым кутсыз болган сонъ.
Балдагы алтын айболат,
Хан ием меним,
Кылыш берсе, бувманда,
Белим салпы болган сонъ.
Куйрыгы узын ак сунъкар,
Хан ием,
Кус берсе де, шуьйменде,
Оьзим кутсыз болган сонъ.
Байталыннан
Байтал боьлип берсе де,
Байлап кымыз ишпенде,
Авызым кутсыз болган сонъ.
Бир шегеси мынъ кызылга
Битпеген,
Ханлардынъ айдаган
Малы етпеген,
Усталардынъ мынъ шоькиши
Туьтпеген,
Ягасы алтын ак куьревке,
Темир тон,
Хан ием меним,
Куьбе берсе, кийменде,
Шаркым кутсыз болган сонъ.
Хан ием,
Эллерден эллер сайлап,
Аьруьв берсе, алманда,
Оьзим яман болган сонъ.

Шорасыннан
Шора боьлип берсе де,
Шора агасы болманда.
Майтагыннан
Майтак боьлип берсе де,
Падишалык суьрменде,
Басым кутсыз болган сонъ.
Кенегес улы Кер-Янбай,
Кенъесинъ артык ийт Янбай,
Кенъеспеге келгенде,
Йок болсана, кайт Янбай.
Сен ат бергеннинъ улысынъ,
Ас бергеннинъ кулысынъ.
Кайт, кайт Янбай, кайт Янбай,
Кайтып уьйинъ тап, Янбай,
Тартпай тилинъ кесермен,
Танълайынъа мен сенинъ
Тал кыздырып басарман,
Тартып тилинъди кесермен,
Явырынънан ярмай оьтинъ аларман,
Эр болып, атка минген сонъ,
Бир йол алып юрген сонъ,
Хатын болып, кайтпанда.
Оьпкелеген соьзимди
Коьктен огым кайтпаса,
Авызым ман айтпанда.
Муннан аьри мактанман.
Мактандырсанъ сен мени,
Он эки тутам ок туткан,
Бурынгы оьткен эр Шынъгыз
Мен оьзимди
Ал Шынъгыз ман тенълермен.
Карагайдан бийик терекпен,
Басымнан давыл оьтсе – тенъселмен.
Токтамыстынъ тогыз эр,
Ой салынъыз ойыма,
Камышы тиер мойнынъа,
Кан сарыкар койнынъа.
Шыдамассыз
Меним кылган ойыныма.
Мен мендирмен, мендирмен,
Менменликте тоба кылган
Эрдирмен.
Душпан отын яндырман,
Шетенли коьз тоьгерек,
Алдавлы соьзинъ не керек?
Бу кеткеннен кетермен,
Шаьтемир ханга етермен.
Шаьтемир мага кол берсе,
Кудай-Аллам йол берсе,
Токтамыстай, тиси кертик,
Тили муьлтис ханларды,
Аягымнынъ астына салып,

Бир маскара этермен.
Эдиге айтар, эр айтар,
Эдигедей анавда
Эр дугажы оьзи айтар:
– Канъкадай кара басыма
Каравыл турган тогызым.
Ай, тогызым, тогызым,
Дувадактай токанълап,
Кезлик берген тогызым.
Кара кустай шошанълап,
Каравыл турган тогызым.
Ерге биткен елкекти
Азык эттинъ, тогызым.
Этсиресенъиз, булан атарсыз,
Эрикпесенъиз, бир муратка етерсиз.
Бир заманы келгенде,
Токтамыстан толы ногай мен алсам,
Толкысытып ана Эдилге кондырсам,
Сарайшыктай, кожадай,
Ул-улынъа калганша,
Емегинъ болсын, тогызым!
Елке шашын оьрмеген,
Адам юзин коьрмеген,
Байлардынъ томпак шашлы аьруьви
Олжа болсын, тогызым.
Эй, тогызым, тогызым,
Тогызымнынъ басын етермен.
Атынъ оьлсе, тоьлермен.
Калганынъды мен оьзим
Кара киске боьлермен.
Оьзинъ оьлсенъ, мен сени
Ак кебинлеп, аьруьв ювып, коьмермен.
Болса, алай этермен.
Болмаса, Кудайымнынъ
Болмасына не этермен?

Соны ман, бираз юргеннен сонъ, буларга тогыз баслы, бир куйрыклы йылан карсы болады. Сонъ баягы булар: «Йылан-йылан», – деп кышкырадылар. Кубугул: «Оьлтиринъиз!» – деп айтады. Тогызы да аьр бириси бир йыланнынъ басын шавып аладылар. Оннан бираз кеткеннен сонъ, тагы да тогыз куйрыклы, бир баслы йылан карсы болды. Булар: «Йылан-йылан», – деп Эдигеге айтадылар. Эдиге: «Оьлтиринъиз!» – деп айтты. Булар, оьлтиреек болып, аьри-бери этедилер, сол эки арада йылан инге кирип кетеди. Булар оьлтиралмай каладылар. Сонъ айтады Эдиге: «Коьресинъизбе, тогыз баслы бир куйрыклы йыланды бир саьат оьлтирдинъиз. Энди тогыз куйрыклы, бир баслы йыланды оьлтиралмадынъыз, басы сыйган ерге тогыз куйрык та сыйды. Солай болган заманда, биз де оьзимизге бас сайлайык», – деди Эдиге. Басшы этип Эдигеди сайладылар.

Соьйтип Эдиге, Токтамыска кайтпай, Шаьтемир ханга барып бир аз турган сонъ, бул касында тогыз йолдасы ман анъга шыгады. Эдиге анъга кеткенде, Кабарты Алып баьтири бир мынъ аьскерин алып, Шаьтемир ханга келеди. «Кызыньды

бер», – деп, зорлайды. Шаьтемир хан муннан коркат та, кызына айтады: «Балам, мен муны ман согысып болмайман, ол шаклы куьшим йок. Не болса да, муны ман кет. Айлак болмаса, сага Кудай карсы этсин Эдигеди».

– Атай, энди болмады, кетейик! – деди кызы, – Эдигединъ Эдиге экенин мен кайдан билеекпен?

Атасы айтады:

– Эдиге сондай киси: аппак кийим киер, сол аппак кийимге бир шанъ тийгистпес, кир тийгистпес, астына зат салмай, кара ерге олтырмас. Бир зат та таппаса, астына сыбырткысын, камышысын буьклеп салып, олтырар. Намаз кылган заманда да, кылжанын шыгарып, бас бетине кадап кылар. Эгер ялгыз оьзи айван сойса, сол айваннынъ канын шаркына юктырмас. Сондай таза киси».

Кабарты Алып кызды алып кетти. Эдиге йолдасы ман Шаьтемир ханнынъ юртына, бир мал багылып турган ерине келеди. Келип караса, бир коьп атлыдынъ ызы кетип барган болады.

Бир туваршыдан сорайды Эдиге:

– Бу не деген коьп ыз ды?

– Бу Шаьтемир ханнынъ кызын Кабарты Алып алып кетти.

– Кашан?

– Буьгеше.

Эдиге тогыз йолдасына айтады:

– Энди биз Шаьтемир ханга бармайык та, соьлеги ыз бынан юрейик. Тогыз йигит пинен Эдиге ант этискенлер айырылмаска. Тогызы ыз бынан юрмеге разы боладылар. Юредилер. Бир неше куьннен сонъ булар алдыда аьскер коьредилер. Сонда Эдиге айтады: «Энди сиз кери калынъыз, мен оларга барайым. Мен, амал болса, онда казаншы боларман. Казан ассам, сизге тандырга ас коьмип кетермен».

Барады Алыптынъ алдына. Алып сорайды: «Сен не адамсынъ, не ерге барасынъ?» – деп.

– Эй, мен оьзиме бир иш излеп юремен, – дейди Эдиге.

– Не бажарып боласынъ?

– Мен казаншыман. Мине сенинъ аьскеринъе бир биеди оьзим сойып, оьзим асыллап, оьзим ас аьзир этип боламан.

– Олай болса мага юр! – деп, муны Кабарты Алып юритеди. Бир неше куьнлер юреди, казан асады. Тандырга коьмип, йолдасларына ас калдырады. Артыннан келип мыналар оны ашайдылар. Бир юмалар кетеди.

Кабарты Алып ети куьн, уйкламай, юреди экен, оннан сонъ ети куьн, уянмай, уйклайды экен. Бир заманда Шаьтемир ханнынъ кызы Эдигеге карап турады. Бунын аьр бир нышаны сол атасы айткан кепте. Сонъ кыз сорайды Эдигеден:

– Сен Эдиге тувылмысынъ?

– Йок, мен Эдиге тувылман.

Эдиге сорайды кыздан: «Меним Эдиге экеним сага неден керек болды?»

– Меним атам былай-былай айткан эди.

– Алай болса, мен Эдигемен! – дейди бул да, – энди биз калай этейик. Бу дав дегенинъ де адам соккан ман оьле коймас. Онынъ бир ян ери бар болыр. Сен онынъ хатыны. Сен акырын сорап кара: «Сен дав. Сени оьлтирип болмас. Калай оьлтирип

болар. Янынъ кайсы ерде?» – деп сора. Ол сага айтпас. Кене де сен, аьруъв айтып, алдап, кушаклап айттырарсынъ. Сол заманларда Алыптынъ уйклайтаган заманы етип бараятыр. Атларды сувгармага керек. Сувдынъ касына келедилер. Эдиге айтады Кабарты Алыпка:

– Булайда сув бар, тек от йок. Оннан да, биз бир аз эрек кетип, отка шыгып тувараяк арбады.

– Дурыс айттынъ, – деп Алып та разы болады. Аькетип тувaрадылар. Ас-сув ишкен сонъ, аьскер атларды сувгармага алып кетеди. Арбалардынъ касында тек Алып, кыз эм Эдиге калады. Кыз Алыптан янынъ каерде деп сораган. Алып та тамам безгенде айткан: «Меним каеримге урса да, мага бир зат болмас. Тек, колтыгымнан бир урса, оьлермен. Эки урса, тирилермен». Уьшевлери ялгыз калганда, Алыптынъ уйклайтаган заманы етип, ятып уйклайды. Сонда Эдиге айтады кызга: «Сен мунынъ колын коьтер, мен оны колтыгыннан урайым». Эдиге оьзи бас деп атына минет те, кызга колын коьтертип, Алыптынъ колтыгыннан, куьбе йок ериннен урады. Дав сонда да оьлмей, ушып турады. Караса – аттынъ уьстинде киси туры.

Дав Алып сермеп аттынъ куйрыгыннан ыслайды. Ат орнынан козгалалмайды. Сонда Эдиге, кынжалын шыгарып, аттынъ куйрыгын кеседи. Алып дуьрсилдеп йыгылады, оьледи. Эдиге, кызды Алыптынъ атына мингистип, айдап кетедилер. Сув касына барсалар, баягы аьскер эки боьлинип, бир ягы Эдигедики болып, бир ягы Алыптыкы болып, согысып турган болады.

– Эй, кайсы ягы Эдигедики? – деп сорайды Эдиге.

– Бу ягы.

– Эдигедики болганлар, тайынъыз!

Алыптыкы болган бес юз адамга Эдиге айтады:

– Айда, кетинъиз, сиз басынъызга эркинсинъиз? – деп уьйлерине йибереди. Сонъ, кызды алып, Шаьтемир ханга келеди. Сонда хан айтады: «Мен сага ханлыгымды берейим».

– Йок, сенинъ ханлыгынъ керек тувыл.

– Аьше, мына кызымды ал. Киевим бол!

Соны ман Эдиге Шаьтемир ханнынъ кызын алады. Оьзи де Шаьтемир ханнынъ колында яшап турады. Хатыны да ул табады. Эдиге улына Нурадин деп ат береди.

Эдиге Шаьтемирде коьп турады. Нурадин де оьседи, оьсип, йигит, йигерли яс болады. Бир куьн Нурадин бир йолдасы ман илиниседи. Сонда йолдасы айтады: «Сен мени корлама да, атанъ Эдигеди элиннен кувган Токтамыска йигит бол». Нурадин уьйге келип атасына: «Токтамыстан оьш алайык», – деп канытгады. Сонда Эдиге Шаьтемир ханнан аьскер тилейди. Ол да бир аз аьскер береди. Эдиге йол шыгады. Токтамыстынъ юртына келеди. Токтамыс, шарлак баска минип, Эдигединъ келуьвин карап турады экен. Эдиге де, кеше аьскерин коьп этип коьрсетеек болып, уьйкен от ягып, аз аьскерди токтатпай, танъ аткышай оттынъ ярыгыннан айдайды. Токтамыстынъ куьзетшилери коьрип: «Сансыз аьскер, танъ аткышай юрди», – деп ханга айтадылар.

Эдиге келер деп, коркып турган Токтамыстынъ апаты кетеди. Эдигеди кувмага аьскерин йибереди. Эдиге бирден келгенге, Токтамыс хан аьскерин йыялмай калган. Ханнынъ аз аьскерин Эдигединъ аьскери енъеди. Кашканы кашады, кашпаганы Эдиге мен Нурадинге косылады. Сонда Токтамыс элден кашпай амал йок экенин анълайды. Кашады.

Нурадин айтады атасына: «Токтамысты мен оьлтирип келейим».

– Бар, – дейди Эдиге, – тек басын мага ала кел.

– Аькелермен, – дейди Нурадин, – тек, атам, Токтамыстынъ кызларын мага хатынлыкка берерсинъ. Бек тилеймен.

– Болыр, – дейди Эдиге, – бек яхшы, улым. Токтамыстынъ хатыны мага болыр, кызлары сага болыр.

Токтамыс хан, кашып кетеятып, Эдил сувына карап, булай толгайды:

– Хан кашып, бийлер кувган куьн,
Хан ювдырга туьскен куьн.
Алтын таклар буьлген куьн,
Ат йоьнъкип, иерлер сынган куьн,
Темир сувлык уьзилип,
Тизгин колга келген куьн.
Ханымлар каптай кара кийинип,
Кара нарга юк артып,
Йоьке арыслы арба ектирип,
Куьнимиз булай болды деп,
Ханымлар шувлай турган куьн.
Танавларын шанъ басып,
Табанлары ер басып,
Яланъ аяк, яланъ бас,
Кабыргадан кос ат айдап,
Коьшкен куьн.
Эки коьзин яс басып,
Танавларын шанъ басып,
Бу языда ханымлар,
Куьни туьзде кешкен куьн.
Аланъ, аланъ, аланъ юрт,
Аланълаган уьйкен юрт,
Ак капталы салынып,
Атам киев болган юрт,
Ак буьркеншик салынып,
Анам келин болган юрт,
Сазандай куйрык таслатып,
Сан аргымак оьскен юрт,
Запырандай сары баллар сапырып,
Сабантойга коьшкен юрт.
Келин келген кепли юрт,
Йылгын яккан йылы юрт,
Тай кашып, бие болган юрт,
Тана кашып, сыйыр болган юрт,
Ябагылы яс тайлак,
Ярдай атан болган юрт.
Яйлакта ятып калган бир токлы,
Яйылып, мынъ кой болган юрт,
Эдилимсинъ, Тенимсинъ,
Отынъ секер, сувынъ сербет еримсинъ.
Хан таьлейсиз бу куьнде
Казак шыгып барады.
Хан иенъе сен оьзинъ
Йолынъ болсын дермисинъ?

Токтамыс хан, кашып барып, бир коьлдинъ ягасындагы калын камыслыкка киреди. Бирден мунынъ аягынынъ астыннан кызгыш кус ушып, коькке шыгат та, ян авыртып кышкырады. Сонда Токтамыс, куска карап, толгайды:

Сол заманда, сол шакта,
Хан Токтамыс сол куьнде
Булай айтып толгайды:
Кызгыш, кызгыш, кызгыш кус,
Канатынъ кат, мойнынъ бос,
Авызынъ-бурнынъ муьйиз кус,
Сен кышкырма, кызгыш кус.
Коьк юмыртканъ аларга
Майтагым болса – мында йок.
Кыжгыжлама сен, айван.
Коьл иеси сен эдинъ,
Эл иеси мен эдим,
Сени коьлден айырган,
Мени элден айырган,
Эдиге улы Нурадин,
Эш бермесин Кудай онынъ мырадын.
Садагы салынмай, илинип белиннен,
Саргайып казак шыксын элиннен.
Сувсылдама, коьк сона,
Эдиге улы коьп майтак,
Келип конса, соларсынъ.
Толкысыма, ана Эдил,
Токсаннынъ бири келсе, катарсынъ.
Буркысыма, куба шанъ,
Шырылдап ямгыр явса, ятарсынъ.
Буьлкилдеме, сом юрек,
Бир толгасам, ятарсынъ.
Тыпыршыма, кула ат,
Бир туьн минсем, юбарсынъ.
Янымдагы йолдасым
Сыбсынъ-сыбсынъ этеди.
Яныма кыйын келгенде,
Мени койып кетеди.
Сыр билмеген яшларга
Сырымды калай тоьгейим.
Сыналмаган ебеди,
Сынамай, калай барып минейим.
Артымыздан коймай,
Кувып келедир
Каны еткир Нурадин,
Эш бермегир мырадын.
Ханнынъ улы мен оьзим,
Оьлмей, колга тутылман.
Алладан аьжел буьгуьн
Еткен кисимен.
Буьгуьнгиси мен оьзим,
Ерге синъсем кутылман.

Соьйтип, Токтамыс хан ясырынады. Нурадин, Эдигединъ улы, Янбайды табады. Янбай айтады:

– Сен мени оьлтирме, мен сага Токтамыс ханды тавып аькелейим.

– Тап! – дейди Нурадин. Янбай, Токтамысты алдап, Нурадиннинъ колына береди.

Сол заманда Нурадин Токтамыска айтады: «Мен сени булай оьлтирмеймен. Сен меним атамдайсынъ, ясынъ уьйкен. Солтта, бас деп сен ат. Кезуьвинъди беремен». Токтамыс, огын тускап, Нурадинге атады. Атса да, тийгистеялмайды.

Сонъ Нурадин Токтамыстынъ басын кагып алады. Энди Нурадин атасына келеек болып турганда, Янбай айтады:

– Мен сеннен алдын барып, атанъа суьйинши айтайым! – дейди.

– Айт! – дейди Нурадин. Янбай шавып, Токтамыстынъ эки кызына келеди.

– Сизинъ атанъыз Токтамысты Нурадин оьлтирди. Оьзи де келеятыр. Ол сизди олжа этип алаяк болар. Сиз курсагынъызга кишкей ястык салып, юклидей болып турынъыз. «Не болган», – деп сораса, «не болса да, атанъ Эдигеден болган» – дерсиз. Ол заманда улы атасын оьлтирер, яде кувар», – дейди. Кызлар сол Янбай айткандай этедилер. Шах-Нурадин келеди атасына. Токтамыстынъ басын береди шаатлыкка. Сонъ Токтамыстынъ кызларын олжа этпеге барады.

– Эй, сизге не болган? – дейди Шах-Нурадин.

– Эй, сенинъ атанъ турып бизге не болаяк эди!

Сонда Нурадин, ашувланып, атасына: «Тай мыннан, элден кет», – дейди. Сол заманда Эдиге толгайды:

Эдиге айтар, эр айтар,
Эдигедей анавда,
Эр дугажы оьзи айтар.
Уллы юма куьнинде
Мен дуныяга энгенмен.
Коьзимди ашып турганда,
Хайыр туьнин коьргенмен.
Актан белги алганман,
Нурдан уьлги алганман,
Кудиретли китап колга алып,
Куфуалла дегенмен.
Арабы китап колга алып,
Алимлердинъ айтканын
Мен айтарман дегенмен.
Йогарыда коькке туьйинмей,
Тоьменде ерге туьйинмей,
Куьрилдеген коьк тенъиздинъ ишинде,
Кыдырлы яска йолыгып,
Кырк куьн тагат кылганман.
Сол тагатымнынъ ишинде,
Эр Нурадин, мырза улым,
Сени тилей турганман.
Токтамыстай ханларга,
Шахтемирдей ханларга,

Ишим колай келгенше,
Аягымнынъ уьстинде
Таьжим кылып турганман.
Ишим колай келген сонъ,
Бир мезгилде мен оьзим,
Беш юз киси оьлтирдим.
Эдиге улы Шах-Нурадин оьзи айтар:
Бабам, сени коьргенде,
Булан сынлы куьренди
Мен бутка кагып кеткенмен.
Эзешик минен Бозешик,
Сарыаркадынъ басында,
Эрлерге сонда кувып еткенмен.
Эртиш басы кара агаш,
Токтамыска сонда суьрип еткенмен.
Еткен болсам, не эткенмен?
Басын кесип алганман.
Савкат этип, мойныма
Аьйкел салып келгенмен.
Эдиге айтар, эр айтар,
Эдигедей анавда
Эр дугажы оьзи айтар:
Тувды, тувды дегенде,
Тув биелер сойганман,
Болды, болды дегенде,
Боз биелер сойганман.
Бетинъди йыпар мынан
Ювдырдым,
Белинъди алдаспаннынъ
Бавы мынан бувдырдым.
Нурадиннинъ бесиги
Неден болар дегенде,
Карагайдан бутак шыгартып,
Кайыннан бесик ясаттым.
Нурадиннинъ тоьсеги
Неден болар дегенде,
Катеби, камка тоьсеттим.
Катеби каты болар деп,
Астынъа камка яйдырдым.
Йоктан сени бар эттим,
Мырзаларга мен сени
Бас костырып, тоьре эттим.
Кунадил эдинъ – кус эттим,
Буьлдирик эдинъ – боьри эттим.
Каршыгадай куьзеттим,
Кайын октай туьзеттим.
Картайганда карт бабанъды
Кувлайсынъ,
Эр Нурадин, мырза улым,
Кувлагандай мен не эттим?
Эдиге айтар, эр айтар
Эдигедей анавда
Эр дугажы оьзи айтар:

Тувралар шавып, кесе озган,
Он сегиз туьрли, мырза улым,
Кеспе-кеспе сары алтын
Беруьвине келгенде,
Кеспей-боьлмей берген,
Мырза улым,
Аталсын да, тоналсын,
Эр Нурадин мырза улым,
Кувлагандай мен не эттим?
Кавданлы ерге от берсем,
Отты кайдан отларсынъ?
Кара лашын катырсам,
Кусты кайдан шуьерсинъ?
Кара аргымак катырсам,
Атты кайдан минерсинъ?
Куралайдай, эки коьзи кызарган,
Кувдай шашы шаларган,
Кутандай мойны созылган,
Картайганда, карт бабанъды
Кувлайсынъ,
Эр Нурадин, мырза улым,
Кайда барып онъарсынъ?
Эдиге улы Шах-Нурадин
Мырза айтар:
Кавданлы ерге от берсенъ,
Отлардан отлар сайлап отларман,
Кара лашын катырсанъ,
Кустан сунъкар шуьермен.
Кара аргымак катырсанъ,
Аттан тулпар минермен.
Куралайдай эки коьзи кызарган,
Кувдай шашы шаларган,
Кутандай мойны созылган,
Картайганда, карт бабамды кувласам,
Алладынъ суьер уьйи Бейтулла
Уьш айланып тевбе этсем, ювыларман.
Эдиге айтар, эр айтар,
Эдигедей анавда
Эр дугажы оьзи айтар:
Борай-борай кар явса,
Боз кериске тувылма эдим,
Мырза улым?
Ямгыр кимик ок явса,
Елкенъде болат калкан
Тувылма эдим, мырза улым?
Хывадан, Бухардан
Юмлисиннен йыйдырса,
Ортасында болат калкан куйдырса,
Ишиннен мыскал бакыр табылмас,
Ети асыллы, мырза улым,
Камтыганда хаьтесиз,
Кара лашын тувылма эдим,
Мырза улым?

Кувлаганынъ мен болсам,
Мен кашайым, сен кувшы.
Аьр душпанынъ алдынъда
Мендей кашсын, мырза улым!

Соны мынан йыйынып, Эдиге, бир ак шал атты егип, бир буьгедек те алып, кетип барады. Улы кет дегеннен сонъ, амал йок. Элден тайып кетти. Кетип, бир авлакка барып, яшап турады.

Сол заманда бир доьрт ага-инили яшайды. Олардынъ бир эшкиси болады. Биревине эшкидинъ бир аягы тиеди. Аксак аяк, шиберек байланган, энъ кишкейине тиеди. Ол да барып бир отка басат та, шиберек янып, кашады, барып бир байдынъ пишенлигине от салады. Бай ыслап турып муны тоьреге Нурадинге аькетеди.

– Булай-булай, мунынъ эшкиси, мунынъ аягы от салган. Нурадин тоьре этет те, бу ярлыга уьйкен тоьлев салады. Акша тавып аькел деп, кувады. Бул мунъайып кетеди. Бир авлакта бир картка ырасады. Бул оьз кайгысын картка айтады.

– Ай, балам, бир зат айтар эдим, тек мен айтты деп айтпасанъ.

– Айтпан!

– Аьше, барып булай айт: «Тоьренъизден тоьре калыпты, меннен бир авыз соьз калыпты. Меним аксак аягым бармаяк эди отка да, пишенликке де, эгер сав аяклар суьйреп аькетпеген болса. Тоьлевди ялгыз мага неге салдынъ? Тоьре тувра болган йок», – деп айт. Ол заманда сен кутыларсынъ.

Яс кетип, Нурадинге солай айтады.

Нурадин айтады:

– Сен сол заманда неге айтпадынъ? Сага бирев уьйреткен. Айт, ким ди айткан?

– Йок. Мен оьзим. Ол заманда муткан эдим, соьле туьсти эсиме.

– Болмаякты кой. Сен оьзинъ табалмаяксынъ оны. Айт, ким экенин аьруьвлик пен. Айтпасанъ – оьлтирермен!

– Ол авлакта бир карт айтты.

Нурадин барып караса – атасы Эдиге. Атасына улы «уьйге кайттагы», – деп тилейди. Сол заманда атасы айтады: «Эгер сен мени арканъа коьтерип аькетеек болсанъ, мен барарман», – дейди. Улы атасы айткан соьзге ыразы болады. Атасын аркасына коьтереди. Нурадиннинъ аяклары тизине дейим ерге кирип кетеди. Соьйтип, калай болса да, уьйине аькеледи. Ярасадылар. Солай яхшы яшап турадылар.

Сол заманда Токтамыс ханнан Кадырберди яс солтан деген ул калган эди. Ол да баска бир ханнынъ колында яшап турады. Сол Кадырберди яс солтан атасынынъ оьшин алаяк болып, бир аз аьскер де йыйып, Нурадиннинъ ерине келеди. Ол да баягы кырда анъшылап юрген Янбайды ыслайды. Ыслайт та: «Сен меним явыма куллык этесинъ, сен де меним явымсынъ. Соьле оьлтирермен», – дейди.

– Ий, кой, мени кой. Сага кереги Шах-Нурадин тувыл ма? Мен оны савытсыз-садаксыз колынъа аькелип берейим. Согысып, сен энди оьш алып болмассынъ. Онда коьп куьш бар.

– Бар, аькел, – деп Кадырберди муны кувып йибереди. Шавып Нурадинге барады.

– Эй, неге шабасынъ? – дейди Нурадин.

– Анда, Секерли коьлде, кувлар биревининъ этин биреви еп турылар.

Нурадин анъшылавга айлак коьнъилин берген адам эди. Янбай муны, колына савыт та алдырмай, «кувлар сондай коьп, колынъ ман ыслаяксынъ булайда», – деп, коьлге аькеледи де, Кадырбердиге ыслатады.

Токтамыстынъ улы муны ыслайт та, шатырына аькетип, бийда кагылган олтыргышка олтыртады. Бийдалар Нурадиннинъ санларын астыннан тесип, уьстине ыгадылар. Нурадин душпанына сыр бермей, куьлемсиреп, санын тесип шыккан сислердинъ ушыннан ыслап, Кадырбердиге карайды. Сол ерде Кадырберди оннан сорав алады:

Тогай, тогай ювырган,
Томаслав коьрсе – каргыган,
Каргып барып тик туьскен,
Томага коьзли торымды
Оны-ав неттинъ, Нурадин?
Томагалы айбалта,
Аны неттинъ, Нурадин?
Арка авылдан коьшкен
Алты арба,
Алтавы да казналы,
Уьйден коьшкен он арба,
Онавы да казналы,
Оны-ав неттинъ, Нурадин?
Каслы, каслы, каслы орда,
Он эки табан боз орда,
Босагасы болаттан,
Болатка алтын ялаткан,
Туьнлигининъ иши – камка,
Тысы – кис,
Орта бавы – арайыс,
Ялкынлары – ярма ока,
Туьйирлиги – суьрме ока,
Каска уьйректинъ аласы,
Ак уьйректинъ баласы,
Ыдырынып ол айван,
Адым ерге тарталмас.
Он эки табан каслы орда,
Оны-ав неттинъ, Нурадин?
Бир шегеси мынъ кызылга
Битпеген,
Ханлардынъ айдаган малы
Етпеген,
Усталардынъ мынъ шоькиши
Туьтпеген,
Атамнан калган
Ак куьревке темир тон,
Оны-ав неттинъ, Нурадин?
Коьргеннинъ коьзин оьлтирген,
Соьйлегенде, эр аьдетин келтирген,
Каныкедей аьруьвди,
Коьзикедей сылувды,

Аны-ав неттинъ, Нурадин?
Баслапкысы кырк бес хан,
Толай майтак иеси,
Кырк бес ханнынъ кенжеси,
Токтамыс атлы бабамды,
Аны-ав неттинъ, Нурадин?

Анда Нурадин айтады:

Тогай, тогай ювырган,
Томаслав коьрсе – каргыган,
Каргып барып тик туьскен,
Томага коьзли торынъды,
Алла оьзимге берген куьн,
Тонав да этип мингенмен.
Томагалы сенинъ айбалтанъ,
Алла оьзиме берген куьн,
Аш белиме илгенмен.
Арка авылдан коьшкен алты арба,
Алтавы да казналы,
Уьйден коьшкен он арба,
Онавы да – казна арба,
Алла оьзиме берген куьн,
Тегин олжа эткенмен.
Каслы, каслы, каслы орда,
Он эки табан боз орда,
Босагасы болагтан,
Болатка алтын ялаткан.
Туьнлигининъ иши – камка,
Тысы – кис,
Орта бавы – арайыс,
Ялкынлары – ярма ока,
Туьйирлиги – суьрме ока.
Каска уьйректинъ аласы,
Ак уьйректинъ баласы,
Ыдырынып ол айван,
Адым ерге тарталмас.
Эн эки табан каслы орда,
Анъкыганым меним кайтсын деп,
Адасканым келсин деп,
Сол языдынъ бойында мен
Отка ягып кеткенмен.
Бир шегеси мынъ кызылга
Битпеген,
Ханлардынъ айдаган малы
Етпеген,
Усталардынъ мынъ шоькиши
Туьтпеген,
Атанънан калган
Ак куьревке темир тон,
Алла оьзиме берген куьн,
Тонав да этип кийгенмен.

Коьргеннинъ коьзин оьлтирген,
Соьйлегенде, эр аьдетин келтирген,
Каныкедей сенинъ аьруьвинъ,
Коьзикедей сылувынъ,
Алла оьзиме берген куьн,
Катын да этип алганман.
Баслапкысы кырк бес хан,
Толай майтак иеси,
Кырк бес ханнынъ кенжеси,
Токтамыс атлы бабанъа
Сарыаркадынъ басында,
Суьрип кувып, еткенмен.
Еткен болсам не эткенмен?
Басын кесип алганман,
Бабама соьзим ялган шыгар деп,
Мойныма аьйкел салып келгенмен!
Кеселтек кара булытпан,
Уьстинъе бир явмайын, ашылман.
Ак тенъиздинъ ашшысыман,
Арбалап секер сепсенъ – шоршыман.
Боз агаштынъ бегимен,
Булытка етпей, шорт сынман.
Куьлтиреп соккан ясынман,
Лавлап янган шыракпан,
Ашувлансам – шорт уьзилген болатпан.
Касыма алпыс ноьгер иертип,
Нарт сайлаган мырзаман.
Касыма келген ноьгерге
Алапасын артык язган
Мырзаман.
Атасын сорамай, ноьгер иертпен,
Асылын сорамай, мал бермен.
Беруьвиме мынъ да беш юз
Кызыл алтынга токтаман,
Досымнынъ отын соьндирмен,
Душпан отын яндырман.
Анадан кара тувганман,
Сабынлап ювган мынан – агарман.
Эдиге улы Шах-Нурадин
Мендирмен!
Сени кимик кызыл шашбав
Ханлардынъ,
Кайсысыннан кемдирмен?
Саным тувыл бурнымнан
Бийда оьткерсенъ, кайгырман!
Узын огым, кенъ яйым
Туьспей туры колыма,
Узын огым, кенъ яйым

Туьсе койса колыма,
Кадыр-Берди, кызыл шашбав
Яс солтан,
Йиберер эдим мен сени,
Атанъ барган мынавда
Хан Токтамыс йолына!

Санларды тесип шыккан оьткир бийда – сислердинъ басыннан эки колы ман ыслап, сосы соьзлерди айткан Нурадиннинъ тилге шешенлигине, йигерлигине, шыдамлыгына, эрлигине Кадырберди, сейир этип карап турды. Сонъ, йигерлиги уьшин, муны кеширеди Кадырберди. Нурадинге, досласайык деп, колын созады.

Нурадин Кадырберди мен досласады, ама Янбайды сол ерде оьлтиредилер. Солай этип, Нурадин киеви болып, Кадырберди кайын иниси болып, онъып-оьсип каладылар.

Эдиге

Вариант А.Л. ХОДЗЬКО

Печатается в переводе с английского языка по тексту :

Adiga / Chodzko A. Astrakan tatar songs // Specimens of the popular poetry of Persia. – London, 1842. – P. 348–362.

Введение

Эти толгау были сообщены мне одним из моих татарских друзей Али Бегом Шараповым зимой 1830 года, во время моего пребывания в Астрахани. Будучи человеком ученым и прекрасно владея родным языком, он объяснил мне их смысл, слово в слово переводя на персидский язык, и я записал их под его диктовку.

Впоследствии мне сообщили, что этот же сборник толгау, дополненный переводом на русский язык, был отправлен господину Фон Коппену (Von Köppen), инспектору крымских шелкопрядных фабрик, и что он намеревался его издать. Так как я никогда не видел этой публикации и не слышал о ней, то привожу здесь и сам текст и его вариант в том виде, в котором они мне были переданы Али Бегом и йырау, певцами-сказителями его страны.

Эти эпические поэмы считаются старинными. Они очень популярны среди татар, от Урала до Кумы. Самая старая, помещенная в сборнике первой, скорее всего была сочинена ближе к концу XIV-го или в начале XV-го века. Передаваемые по наследству умения профессиональных йырау (которые напоминают нам скандинавских скальдов) сегодня исчезают с каждым днем. Но лучшим образцом, а, возможно, и единственным, того, кем они были, является Сыбра, который был поэтом, историком, патриотом, а также мудрым и честным советником хана.

Александр ХОДЗЬКО

1. Эдиге

[Эта толгау, самая длинная из представленных в сборнике и самая популярная среди астраханских татар, повествует об эпохе освобождения народа от монгольской зависимости. Она написана на диалекте ногайских татар; самая красивая ее часть заканчивается ответом Сыбра. Другая часть, я думаю, апокрифическая, и была добавлена много позже татарами-шиитами. Она демонстрирует некоторые тонкие образцы восточной поэзии, но лишена истинно гомеровской простоты ее первой, более древней, части.]

А. Ходзько

«Когда жил храбрый Эдиге, его народ благоденствовал, его владения процветали. Подданные его имели обыкновение собираться вместе, и тогда хан приказывал резать кобылиц и варить мед. Созвавши все племена, он приказывал привести и поставить впереди себя йырау по имени Сыбра, старца трехсот шестидесяти лет, с шатающимися зубами, но свежего ума, носившего соболью шапку.

«Эдиге был сыном воина, он служил Богу с самого детства. Грива гнедого коня Эдиге сияла издали. Эдиге имел обычай, угодный Богу: когда он встречал человека, хоть одним годом старше себя, он спрашивал его: «Султан мой! Что ты желаешь? Говори!»

«Добрые люди! Вы взываете ко мне: «Расскажи нам что-нибудь, о, йырау! Расскажи что-нибудь! «Хорошо, я расскажу, но, увы, что вам рассказывать, добрые слушатели? Этот доблестный муж, порожденный своим отцом, был единственным сыном матери. С самого рождения он имел *право виселицы* [1]. Он прочел все, прочел до последнего слога все четыре книги, ниспосланные небом: Библию, Псалтырь, Евангелие и Коран. Он совершал свои омовения водою из источника *Земзем*, привезенной из священной *Мекки*. Приказав разостлать ковер, он на нем совершал молитвы. Когда ему исполнилось девять лет, он поступил на службу к хану Тохтамышу [2]. В возрасте четырнадцати лет его посадили на престол, как подобает доблестному мужу. Когда же он утвердился на престоле, Тохтамыш стал опасаться, что его жена Тулай-Ханум влюбится в молодого человека, и в нем возникла глупая мысль преследовать Эдигея».

«Эдиге, заметив перемену в обращении хана, взял с собой девять человек и ушел в степь, сделавшись *казаком* [3].

«Когда Тохтамыш-хан услышал об этом, то выслал в погоню за ним девять воинов: *Омрук-Темира*, из племени Киргиз, *Кара-Ходжу* из Крыма, *Джентай-Куссу* из племени Кипчак, *Джамбая, сына Кобана*, из племени Кенегес... Они погнались за ним со всей быстротой, погнались и возвратились вспять. Что же они поведали?»

«О, Хан наш!» – вскричал Джамбай – Мое тело одето в броню, меч мой у бедра, а все-таки я боюсь, что ты предашь мою душу погибели!»

«Не бойся, клянусь душою своей! Говори мне все, что слышал и видел».

Тогда Джамбай рассказал следующее: «О, мой Хан! Ты приказал мне идти, и я пошел. Я нагнал его, Эдиге, и сказал ему: «Возвратись, о, мой единственный сын, возвратись в твой дом. Скажи хану своими собственными устами причину твоей сердечной боли. Поклонись ему и припади к его ногам, в его высоком белом шатре.

---

[1] Т.е. право казни через повешение, которое считалось высшей привилегией среди татарских мурз.

[2] Скорее всего, это та же самая личность, что и Тохтамыш-хан, побежденный Тамерланом в 1395 г. н.э.

[3] Слово «казак» среди татар, калмыков, киргизов, узбеков и других народов, населявших кипчакскую степь, означало человека вне закона, не признающего закон и зависящего целиком от своего оружия.

SPECIMENS

OF THE

POPULAR POETRY OF PERSIA,

AS FOUND IN THE

ADVENTURES AND IMPROVISATIONS

OF

KURROGLOU,

THE BANDIT-MINSTREL OF NORTHERN PERSIA;

AND IN

THE SONGS OF THE PEOPLE INHABITING THE SHORES OF THE CASPIAN SEA.

ORIGINALLY COLLECTED AND TRANSLATED, WITH PHILOLOGICAL AND HISTORICAL NOTES,

BY

ALEXANDER CHODZKO, ESQ.

FOR. MEM. R.A.S.

LONDON:

PRINTED FOR THE ORIENTAL TRANSLATION FUND

OF GREAT BRITAIN AND IRELAND;

AND SOLD BY

W. H. ALLEN AND CO., LEADENHALL STREET; DIDRAT, PARIS;

AND BROCKHAUS AND CO., LEIPZIG.

MDCCCXLII.

ASTRAKAN TATAR SONGS.

INTRODUCTION.

In the winter of 1830, during my stay in Astrakan, the following *tolgaws* were communicated to me by one of my Tatar friends, Aly Beg Sharapow. Being a perfect scholar in his native language, he explained to me their meaning, word for word, in Persian, and I wrote them down under his dictation.

I was afterwards told that the same collection of tolgaws, accompanied with a Russian translation, was sent to Mr. Von Köppen, inspector of the silk-worm establishments in the Crimea; and that he intended to publish them. As I never saw or heard of such publication, I give here both the text and its version, in the state they were handed to me by Aly Beg and the bards of his country, the Gyrans.

These rhapsodies are all believed to be old. They are highly popular among the Tatars, from Ural to Kuma. The oldest, viz., the first in the collection, was probably composed towards the end of the fourteenth or in the beginning of the fifteenth century. The hereditary skill of the professional Gyrans (who remind us of the Scandinavian Scalds) disappears daily in modern times.

But the best, perhaps the only, specimen of what they were, is to be found in Sobra, who was the poet, the historian, the patriot, and the wise and straightforward adviser of the king.

I.—*Adiga.*

[This, the longest in the present collection, and the most favourite tolgaw of the Astrakan Tatars, relates to their deliverance from the Mongolian yoke. It is written in the Nogay-Tatar dialect; the most beautiful portion ends with Sobra's answer. The other part, I think, is apocryphal, and was added much later by the Sheah Tatars. It exhibits some fine specimens of Oriental poetry, but is destitute of the true Homeric simplicity of the ancient part.]

"While the brave Adiga lived, his people were happy, his dominions flourished. His subjects used to collect themselves in crowds, and then the khan ordered the mares to be killed, and the meal to be brewed. And when he called all the tribes together, he ordered to be brought before him a Gyran, called Sobra, a man three hundred and sixty years old, with loose teeth, clear reason, and wearing a sable cap.

"Adiga was the son of a warrior; he served God

Из изящных китайских фарфоровых чашек испей то, что оставили воины. Хан хочет дать тебе многочисленные табуны кобылиц, дабы мог ты пить *кумыс* [1]. Он дозволяет тебе пускать твоих соколов на лебедей по семи озерам *Караяла* [2]. Он дарит тебе пастбища Карадая, чтобы пас ты твоих охотничьих коней: да будут они жиреть и бедра их будут подобны бедрам льва. Кольчуга хана знаменита: она сделана из полос замши, переплетенных кольцами лучшей стали, с подкладкой из *курпяков* [3]. Возьми эту кольчугу за воротник, стряхни с нее пыль и надень ее, как свою собственную. У ханского шатра, справа и слева, оставлены два почетных места, приди и займи место справа. Там многочисленные слуги с той и другой стороны: приходи и будь Агой над ними всеми. Твоя жена, Омар-Бегум, дочь Амир-Ходжа, пока Тохтамыш царствует, ласкай ее, целуй ее и спи счастливо с ней!»

«О, ты клятвопреступник! Ты собака, Джамбай! Твой отец низкой породы, а ты сам раб золота. Иди прочь от меня и подальше от меня вой свою песнь. Я отрежу тебе язык, не вынув его; я повешу тебя за нёбо и пылающим прутом поставлю на лоб клеймо. Я не вернусь назад, не вернусь в свой дом. Я не раскрою уста и не поведаю хану сердечную кручину, язык мой отягощен злыми речами. Я не преклонюсь пред ханом в послушании, в его высоком белом шатре (орде) – дуб вырос на моей шее, и одеревенела шея. Не стану я пить ханского питья из его фарфоровых чашек – мои уста стали слишком для этого тонки. Хоть бы хан и предлагал мне пить кумыс от всех его кобылиц, я не попробую его – слишком сердце мое болит. Я не пущу своих соколов на лебедей по семи озерам Караяла – рука моя стала слишком неудачлива. Я не стану более пасти охотничьих коней на пастбищах Карадая – мои охоты безуспешны. Если хан и дарит мне свою сверкающую кольчугу, сделанную из замшевой кожи, переплетенной кольцами из лучшей стали и подбитой *курпяками*, я не возьму ее и, стряхнув пыль, не надену ее, как свою собственную – мои плечи стали слишком слабы. Я не сяду на переднем месте справа в орде – там вырос для меня стальной кол. Я не хочу начальствовать над его слугами правой и левой стороны – желание повелевать оставило меня. Моя жена, Омар-Бегум, дочь Амир-Ходжа, – что из этого? Я буду целовать и ласкать ее, но лишь короткое время».

«Кроме того Эдиге приказал сказать хану: «Какое право ты имеешь на Эдиге? Он раб Господа, он обязан службою одному Богу. Как верный подданный, он никогда не покидал твоего порога. Он часто терпел обиды, но всегда прощал их все, теперь ты сам напоминаешь ему о них. Бог укажет тот день, когда я опять увижу синее море и плещущихся в нем осетров. Думаешь ли ты, что Бог не будет сопутствовать мне на моем пути по неизведанным холмам и диким пустыням? Когда мне придется бодрствовать всю ночь, словно голодному волку, или когда я, одинокий странник, буду шагать против ветра, покрытый инеем, думаешь ли ты, что Бог не будет со мною?»

---

[1] Кумыс – опьяняющий напиток, изготавливаемый из молока кобыл, очень популярен у татар.

[2] Недалеко от устьев Волги.

[3] Курпяк – кожа ягненка, вынутого из утробы матери до рождения.

Эдигей удалился и сделался *казаком*. Тохтамыш-хан, услышав это, был поражен ужасом и упал духом. Он велел поставить кругом и укрепить шатры с *«ошаками»* [1]. Он приказал зарезать многих кобылиц и велел наварить большое количество меда. Он разослал гонцов во все стороны, созывая на совет всех почетных и опытных старцев, всех доблестных и юных воинов. Он созвал вече всего народа.

Прежде всего, он обратился с вопросом к главе этого собрания, к *Худай-Берди, сыну Хасана*. Но Худай-Берди сказал: «Я не могу этого понять».

«Если так, то я спрашиваю мнения *Джамбая*, сына *Куса*, из племени Кенегес. Ты глава моего *курултая* [2]. В большом котле моего царства ты составляешь как бы закваску (кор). Говори».

«О, мой Хан! Я виноват сегодня. Я не знаю, что сказать».

«Ну, так ты, Акмуса, говори».

«О, мой Хан! Бог сотворил человека более старого, чем я – есть человек, ему от роду триста шестьдесят лет, его зубы шатаются, но ум его светел, носит он соболью шапку, его имя *Сыбра*. Пошли за ним».

«Если так, то прикажи впрячь лошадей в мою золотую колесницу *(кус)*. Пусть лошади имеют золотые подковы на серебряных гвоздях, пусть покрывают их золотые попоны, пусть они отправляются и привезут сюда Сыбру».

Они отправились. Колеса погрузились по ступицу в землю. Они взяли Сыбру и привезли его к хану.

Хан приказал расчесать его бороду и очистить ее от всякой гадости. Он приказал перевязать шелковыми нитями его зубы, дабы они не шатались.

Он оказал ему почести и пригласил сесть на переднем месте.

«О, мой Хан! Если ты приказываешь, я буду говорить. Но нет сока в сухой траве, нет мозга в иссохших костях. Ум старых людей слабеет. Хан не будет доволен».

«О, мой Хан! Не преследуй этого *светлокожего* мужа. Твой народ вскоре станет военной добычей, если ты его будешь преследовать. Его первый предок был Абубекир Садык, после него был султан Махмуд, потом султан Ибрагим, затем султан Аббас, затем султан Хамза, потом Халид, потом Валид, потом Осман, потом Джалаль-ед-Дин, потом Абул-Халифе, потом Салем, потом Баба-Тукла[3], затем Турбай-Курабчи, потом Ислам-Кая, потом Кадыр-Кая, потом Кутлу-Кая; после него следует бесценный алмаз (Эдиге).

О, мой Хан! Ты не презирай его. О, мой Хан! Я старше многих. Я знавал многих великих мужей, я видел Ахмет-хана и твоего прапрадеда Чингис-хана в золотых одеяниях. Я видел Кара-хана, и Бурак-хана, и Халкман Гургана, и Джучи-хана,

---

[1] Ошак или печь на кочевьях, состоящая из двух камней или кирпичей, поставленных рядом на землю и поддерживающих котел. В вырытую между ними яму кладутся дрова и уголья, и под котлом разводится огонь. Каждая семья имеет такой котел для приготовления пищи, поэтому налоги собирались у кочевников по числу ошаков. Такие налоги не соответствуют нашим подушным податям. В простом, но образном языке татар выражение «очаг этого человека погас» означает, что у него больше нет потомков и некому разжечь огонь в его сердце.

[2] Курултай – широко известный термин, означающий общее собрание у кочевников Центральной Азии. Чингисхан прибегал к нему по особо важным случаям.

[3] Этот персонаж широко известен среди соплеменников не только как выдающийся воин, но и как ревностный и успешный проводник ислама. Он обратил в мусульманство многих калмыков и был с великими почестями похоронен близ Казачьего Бугра, в полукилометре к югу от Астрахани, где и поныне можно увидеть его захоронение.

и Остемир-хана, этого несравненного хана, я также видел. Когда я был в Хиве, я видел двадцать ханов и троих в Ургенче. Я видел в Бухаре Абдул-Хаир-хана и в Самарканде – хана Джейбака. Я видел в Ташкенте великого хана, я был свидетелем могущества хана Джанибека. Он выстроил в пустыне дворец, богато украшенный, с тысячью кольцами в стенах для того, чтобы привязывать к ним тысячу коней.

Его сын Берды-бек был щедрый хан, я его тоже видел. Но к чему мне называть всех, кого я видел? Не говори, что уста мои изрекли лживое пророчество».

«Твой славный конь с выдающимися скулами, с гривою, развевающейся по шее, он скачет галопом, пожирая пространство и опережая дуновенье ветра. Насколько я знаю, этот беглец, этот светлокожий муж, будет ездить на твоем коне».

«Твоя славная кольчуга! Пусть стреляют в нее, сколько хотят – стрела не пробьет ее. Пусть попробуют бросить копье – копью не пронзить ее. Пусть льется дождь и веет буря – она не пропускает ни воды, ни ветра. Этот беглец, этот светлокожий муж, возьмет твою кольчугу и наденет ее на себя».

«Этот беглец, этот светлокожий муж, вырвет из почвы высочайшее дерево без помощи секиры».

«Этот беглец, этот светлокожий муж, может повалить девять рядов каменных валов без помощи пушки».

«О мой Хан! Твой трон о четырех ножках и о пяти главах, с яхонтом на вершине каждой главы. Порог твоего шатра сделан из полированной стали и блестит подобно зеркалу. Все веревки сделаны из шелка, шатер твой покрыт атласом, верхушка его из горностая, подбитая черным соболем. Шест посреди шатра из чистого золота. Но этот главный шатер стоит с непокрытой главою, точно он лысый. Этот беглец, этот светлокожий муж, войдет в твой шатер «С челами, сияющими подобно луне, согнув пальцы, словно медные крючки, на подобных лилиям руках, сидят Джани-Бика и Каззай-Бика, отдыхая на тахте, обе прекрасные и розовые, словно нежный свет после захода солнца. О, мой Хан! Слушай мое пророчество: этот беглец, этот светлокожий муж, может взять их обеих даром, как свою добычу».

«Бледные ивы растут на песке. Этот беглец, этот светлокожий муж, может вырвать одну из них и сделать из нее *курук*[1].

«Твои табуны многочисленны и различных мастей. Этот беглец, этот светлокожий муж, может их всех погнать пред собою».

«О, мой Хан! Не преследуй этого светлокожего мужа. Говорят, у тебя много союзников, но все-таки не унижай его. Тут кончаются мои слова. Нет лести в моих устах. Я желаю, чтобы мои пророчества никогда не сбылись. Я желаю, чтобы они пристали к сухой траве в бесплодной пустыне и истлели вместе с ней. Но берегись, чтобы этот светлокожий муж не потоптал твоей главы».

Итак, о пророк Господень! Ты всегда пребывал в уме этого человека, столь богато наделенного милостью Аллаха. Ты был там, словно на страже. Он же сам, во время молитвы, стоял прямо, опоясанный поясом Али, этого льва Господня. Во

---

[1] Курук – длинная жердь с петлей аркана на конце. Употреблялась для поимки диких лошадей. Отличается от аркана у черкесов.

время сражения он скакал на коне Али *Дульдуль*. Удалившись в одиночество, он ждал ночи Кадыр[1]. И когда она настала, тогда он, бодрствуя и молясь в продолжение всей ночи, приобрел истинную мудрость от ученых мужей: Ильяс и Эздра открыли ему свои чудеса».

«Он, словно ангел, переплыл в лодке синее море, в котором играют осетры. Сам Бог сопутствовал страннику на неведомых путях, среди необъятных степей. Подобно голодному волку, не смыкая глаз в продолжение долгой ночи, он бежал против ветра, от захода солнца до утренней зари. Его чело, гладкое, как замшевая кожа, покрылось инеем.

«Наконец, он явился перед миром, подобно богатому кочевью, подобно луне четырнадцатидневной, когда в четырнадцатый день Рамазана она сияет на небосклоне. Вернувшись таким образом, он рассеял своих врагов по всем четырем сторонам света. Всемогущий создал его доблестным отпрыском двух славных верблюдов, единственным жеребенком двух аргамаков, сыном двух грифов, он создал его из света.

И казалось он говорил: «Я явился, когда благочестивые мужи возносили молитвы на святой горе *(Синай)*. Я явился на свет в конце ночи Кадыр, на утренней заре, когда ангелы расхаживают по миру[1]. Мое первое видение совпало с ночью Кадыр. Первые слова, которые произнесли мои уста, были следующие: «Свидетельствую, что нет Бога кроме Аллаха». Молва обо мне сама разнеслась по всему свету. Я узнал пути святых, прислушиваясь к словам ученых. Ученые мужья приходили ко мне с вопросами, и мои ответы скоро заставляли их умолкать. Я родился мудрым и вдохновенным. Я удивил своей ученостью людей, сведущих в арабской письменности. Я разгадывал с первого взгляда свойства самых сложных талисманов и сам составлял такие талисманы и диктовал их муллам. В чалме из белой кисеи и в простых туфлях, с плачем и вздохами, я возносил молитвы к Богу о милости, и Господь внимал моим молитвам. Я кормился душистыми листьями василиска и пил воду реки *Кузера*[2].

«Я избрал себе для езды одного из райских коней[3]. Я совершил *суннет* и два *фарза*, чтобы не упустить ни одного нужного слова в моем намазе. Я молился в Кербеле и совершал свои омовенья песком. Мое обыкновенное место стоянки было среди бледной полыни на горах; не зная усталости, я шел изнурительным путем через горы, я пересекал желтеющие пустыни. Я посетил дом Господень. Я служил Ему в продолжении пяти лет, не поднимая лица от земли. Я избрал себе дворец из чистого золота в раю и провел там 300 лет в блаженстве. Душа моя не могла вынести такого блаженства, я впал в обморок и упал на землю, подобно мертвому, а когда на заре *муэдзины* начали распевать утренние азаны, я проснулся на земле.

---

[1] Ночь чудес, согласно Корану. Празднуется ежегодно 18-го числа месяца Зилькада. По распространенному поверью среди мусульман Азии, ночь является прибежищем духов: от захода солнца до полуночи злые духи – дивы, пери, джины и т. д. – посещают землю с различными целями, но затем они должны уступить место высшим существам, и с полуночи до восхода солнца ангелы со всем сонмом добрых духов спускаются на землю, чтобы защищать людей. Это является причиной того, что благочестивые люди рано встают и почему утренние молитвы считаются наиболее действенными.

[2] Река на восьмом небе мусульманского рая. Одна из сур Корана носит такое же название.

[3] Все эпическое сказание дает понятие о снах и видениях мусульман в экстатическом состоянии и курителей опиума. Известный Хасан Сабах и его последователи знали, как воспользоваться этой предрасположенностью соплеменников к мистике.

«Я был в мраморных дворцах *Арафата*. Я видел как Пэхлеван-Хамза бился в великой битве. Схватив стальной меч с золотой рукояткой, я поспешил к нему на помощь. Я встретил пророка Соломона и просил его благословения. Я пожелал, чтобы он помазал меня царем, и он дал мне престол, который я принял из рук его. Но, привыкнув все начинать с помощью Бога, я не хотел воссесть на трон без молитв. Бог Всемогущий услышал мои молитвы, Архангел Гавриил воскликнул: «Аминь! Аминь!».

«Получив таким образом милость Божью, я сел на трон в понедельник и начал свои странствования с тем, чтобы осмотреть все части света. Я прибыл в Тавриз, полагая, что там много ученых мужей. В Тавризе, в этом большом городе, я служил Богу в продолжение трех лет посреди мечети.

«Мой дорогой товарищ Худай-Кул пришел навестить меня. Я странствовал два года сряду, не слезая с коня, белый, как душа добродетельного человека. Я прошел всю страну от лесной реки *Самары* до *Алты-Узеня* [1] и прибыл в кочевья *Аир-Агаджи*. Я был в *Атчулу-Тогае* [2], был в *Аллабасе* [3]. Я был в городе Саяк, и в кочевье *Боз-Агаши*, и в *Кунчаке*, где почва пропитана солью. По другую сторону *Джигит-Агры* лежит в степи озеро *Баскунчак*. В этом месте [4] я сокрушил своих врагов».

«Эдиге вскочил на коня, по имени *Каранташ*, и скакал с такой быстротой, что лицо его почернело от пыли и пота. Он приказал вбить крепкие кольца, выбрал самых быстрых коней и собрал как можно больше воинов.

«Тохтамыш-хан, надменный, прибыл со своим войском. Эдиге сразился с ним, ранил его в голову концом тупого ножа и прогнал его.

«Этот воин (Эдиге) совершил только одну ошибку: он поклонился низко, очень низко пред тестем своим, Ходжа-Котлой, который оставался в шатре Тохтамыш-хана, и просил у него прощения за то, что поднял оружие против своего прежнего повелителя».

---

[1] Это значит: от Кавказа до устья реки Урал. Река Алты-Узень (созвучно названию персидской реки Кизыл-Узень) разливается на летних кочевьях российских киргизов, населяющих долины между Волгой и Уралом.

[2] Атчулу-Тогай – название летнего кочевья дербентских калмыков на левом берегу реки Волга, близ развалин древнего татарского города Джаги-Таджи («город селитры»).

[3] Аллабас находится в окрестностях Красноярска.

[4] Астраханские татары с гордостью показывают туристам это место, как место сражения, победив в котором Эдиге сбросил монгольское владычество. Я не смог найти никакого упоминания об этом в тех исторических трудах, к которым обращался.

Эдигей [1]

Вариант (пересказ) Ч.Ч. ВАЛИХАНОВА

Печатается по тексту:

Эдигей / Валиханов Ч.Ч. Сочинения; ред.: Н.И. Веселовский // Записки Имп. Русского Географического Общества по отделению этнографии. – СПб., 1904. – Т. XXIX. – С. 265 – 273.

Настоящий вариант эпоса «Эдиге» представляет собой «сокращенный перевод ногайского текста»[2] на русский язык, осуществленный Чоканом Валихановым.

Эдиге происходил от Баба Туклас (Чачлы-азиза) в девятом колене; отец его был Кутлу-кая (ази). Однажды этот святой муж встретил девицу, которая прилетела в виде голубя, обратилась в девицу и погрузилась в воду, оставив голубиную шкуру на берегу, наз. *кеб.* Это была, по мнению одних, дочь солнца (Кун-сулу), другие думают, что была дочь духа Албасты. Кутлу-Кая завладел кебом. – Пусти! – Нет. – Ты не сумеешь владеть мной. Уговор: не смотри мне на голову, под мышку и на пятки. – Далее что в киргизской редакции.

Нашедши сына, Кутлу-кая отправился в улус, к Тохтамышу, у которого он был приближенным. У Тохтамыша была птица Тукли-аяк (космоногая). Сатемир-хан просил у Тохтамыша яйцо этой птицы, чтобы вывести у себя птенца. Тохтамыш не дал; тогда Сатемир обратился к Кутлу-Каю, который украл яйцо и послал Сатемиру. Птица эта принесла три яйца, украденное было показано хану гнилым. Тохтамыш, узнавши об этом, отсек голову Кутлу-Кая и хотел убить сына его Эдигу, но бий, которому Кутлу-Кая поручил его воспитание, дал своего сына на убийство. Эдиге пас баранов вместе с другими детьми. – Затем следует первое разбирательство Эдиге по поводу утки, застреленной в чужом озере. Вследствие этого дела, Тохтамыш призвал мальчика, как годного на улусные дела.

---

[1] Это – небольшая тетрадка почтовой бумаги и носит следующее заглавие: «Джир Эдигей. Перевод Чокана Валиханова». Она вместе с киргизским текстом была найдена мной в бумагах В.В. Григорьева; но при каких обстоятельствах поступила к последнему рукопись Валиханова, мне неизвестно. – Ред. [Н. Веселовский]

[2] См.: Жирмунский В.М. Тюркский героический эпос. Л.: Наука. 1974. С. 351.

ЗАПИСКИ
ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА
ПО ОТДѢЛЕНІЮ ЭТНОГРАФІИ.
ТОМЪ XXIX.

СОЧИНЕНІЯ

ЧОКАНА ЧИНГИСОВИЧА ВАЛИХАНОВА.

ИЗДАНЫ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

Д. Ч. Н. И. Веселовскаго.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Главнаго Управленія Удѣловъ, Моховая, 40.
1904.

Находясь у хана, он решил еще два дела, которые сам хан и все бии не могли решить. Первое – спор между двух женщин о ребенке; второе – о верблюжонке. О ребенке то же, что у киргиз, а верблюжонка велел бросить в воду, куда воспоследовала и матка его.

Ханша (говорят одни: вследствие отверженной любви) стала говорить хану, что любимый им юноша – человек опасный для хана и затмит со временем его величие, ибо, когда он входит, то хан невольно содрогается и вскакивает со своего м е н д ы р а (подушки-сиделки). Тогда Тохтамыш созвал народ и потребовал, чтобы они доставили ему породу этого юноши, так как он по своим доблестям должен быть не простого рода. А сам между тем поставил несколько человек своих, с ножами в рукавах, чтобы убить Эдиге, напоив его пьяным.

Друг Эдиге А н г с ы н все это передал Эдиге. Здесь спрашиваются все богатыри – никто не мог дать удовлетворительного ответа и в конце их спрашивается Кемельдынъ углы Кенъ-Джанбай, т.е. сын взрослой девки без отца. «Сын Кемеля Кенъ-Джанбай, ты есть начало моих советов, кор[1] большой моей сабы, огонь хорошего джира, кончик моей пики, лезвие моей сабли, скажи-ка мне о предках бледнолицего юноши», – сказал хан. «Высокопочтенный хан! Я тоже не знаю, но есть человек, знающий более меня, проживший пятьсот лет, у которого пошатнулись во рту все зубы, по имени С а б р а жирау, может быть, он знает», – сказал он. – Веди его. – Послали людей. Привели и посадили на у ч к и б а с (то, что у киргиз тоьр). Дали три чашки меду; когда мед вступил в почки, почки согрелись медом, старый Сабра жирау начал джир, тряся головой, моргая глазами, шумя, как телега. – «Дальний хан, ближний хан – лошади, не выдерживавшие на спине Сагай хана, его переживший – старик я. Имевший золотой потник и золотой тебынге[2]. Джанибек хан, его переживший – старик я. Имевший золотые стремена Узбек хан, и его переживший – старик я. Зачем перебирать всех ханов, из больших ханов тридцать ханов, из малых ханов двадцать пять ханов, и их переживший – старик я. Что много говорить! Тохтамыш хан т о р е (султан), и вас переживу я». – «Мырылдама (не болтай), старая собака! Я тебя не о ханах спрашиваю, говори: кто такой этот юноша?» Между тем народ, собравшийся на торжестве, имел в рукаве по ножу. Эдиге с двумя подобными ему юношами разносил мед. Старик стал смотреть на этих трех бледнолицых юношей и начал: «Тот юноша, этот юноша, по средине их с мясистой шеей бледнолицый юноша, с тонкими губами, с длинным языком – должен быть красноречивым бледнолицый юноша. Широк в плечах, шея длинна – должен быть сильным бледнолицый юноша». «*Мырылдама!* сказал на это хан опять, я тебя просил не выхвалять его. Говори его происхождение». – «Перережет зад твоей телеги – юноша; перерезав, остановит ход, юноша. Из бледного тела сделает курук[3] бледнолицый юноша. Твой серопестрый многочисленный табун угонит и возьмет бледнолицый юноша. Разделит на два народ твой и, подогнав к горе, запрет вас там он. Тот бледнолицый юноша, этот бледнолицый юноша! Происхождение

---

[1] Закваска для кумыза. *Ч.В.*

[2] Пахвы – кожаные накладки под седло. – *Ред.*

[3] Курук – укрюк, – которым ловят лошадей. – *Ред.*

бледнолицего юноши – Баба-Тукты-Чачли-ази; от Чачли азия происходит бледнолицый юноша. Став на кадушку, одним скачком выскочив через чанарак, уйдет он».

Тогда Эдиге, став на кадушку, выскочил из чанарака. Говорят, в это время пришла его волшебница мать и навела тьму, а девять его нукеров (саклау[1]) подрезали стремена у храбрых. Народ в смятении перерезали сами себя. Эдиге бежал, богатыри ударились подбородками о луки седел. – «Возвратись, душка, возвратись! В высокую белую юрту иди и войди!» Здесь как у киргиз.

Эдиге поехал. Дорогой его девять товарищей стали думать: Эдиге один, бездомный, для него мы оставили родину, племя. Эдиге, как человек святой, узнал это. Дорогой они встретили змею с 9-ью головами. Змея бросилась в нору, но одна голова не вошла, другие мешали. Он убил. Встретили змею с 9-ью хвостами. Она ушла в нору. Тогда Эдиге сказал: «Видите!» И товарищи успокоились. Доехавши до гробницы Баба Тукты, Эдиге остановился. Стал молить. Товарищи стали торопить. Эдиге стал настоятельно молить. Баба Тукты сам дал ответ: «Сын мой, поторопил меня! Я просил Бога за все твое потомство, но теперь ты сам будешь счастлив и могущественен, но твои потомки будут львами, тиграми, волками, и концы попадут во власть неверных».

Хабардин Алыб вез дочь Сатемир хана. Эдиге узнал об этом от деда своего, велел своим товарищам ехать за ним. Выехав от деда, поехал барсуковой рысцой и на К а к – Л я б е догнал Хабардина; догнав Хабардина, сделал богатырский подвиг. Дочери Темира, Бердазиз красавице, заставив поднять полы белого шатра храбреца, тут же, стоя лицом к лицу, застрелил. Разделил пополам позвоночный хребет, и кровь поплыла, как вода. Саклау (спутники, слуги) его перерезал, как баранов, пригнанных на убой, и дочь Темира Бердазиз красавицу с помощью стрелы сделал даром добычей. Приехал к Сатемиру с дочерью.

Темир отдал ее ему. Через несколько лет Эдиге с войсками Сатемира выступил в свой юрт [2]. Тохтамыш хан с народом и биями стоял на равнине. Послышался бой барабанов (дабылбаз). Все изумились. Джанбай начал: «Большая гнедая лошадь – Сова под ним, на вершине большой горы; многочисленное войско с ним; одет он (в) т о н (халат вышит.), с золотым воротником. В руке лук с золотыми концами. Спины и бока их в пыли. Бурул сакал (борода с проседью) Джанбай говорит вам: вставайте!» На проходе Кенау, в широком тогае [3] велел положить провизию. Маине тогай на Волге велел наполнить войском. Сказал: это дорога бледнолицего юноши.

Вчера сказанное слово ты не удержал. Что же делать? Не удержал – сказал Джанбай. Хан бежал. Нур Адиль, сын Эдиге, родившийся еще на родине от сестры Тохтамыша, вышел отцу навстречу и сказал, что хан бежал. Эдиге послал Нур Адиля за Тохтамышем и сказал ему, что Узке, старшую дочь Тохтамыша, возьмет сам, а ему отдаст младшую – Канке. Тохтамыш перешел Яик и Волгу и побежал к

---

[1] Телохранители. *Ч.В.*
[2] Народ. *Ч.В.*
[3] Местность, обросшая талом. *Ч.В.*

Уртеленнын басы кара-агач (у киргизов – к Сер-каранын кара-агач). Джаурунчи[1] хана говорит, что враги преследуют. Джаурунчи Нур-Адиля, что враги впереди. Он посоветовал ему переседлать, переднюю луку обратив назад, так как Джаурунчи узнает по луке. Сделали. Тогда хана Джаурунчи сказал, что враги возвратились. Нур-Адиль настиг. Товарищи хана остались, но сам хан на Джель-джетбез убежал. Нур-Адиль выстрелил, но выстрел «сорока гвоздную кольчугу не пробил, хотя и не пробил, но удар был так силен, что не осталось без последствия». Изрыгая кровь, дошедши до каравана, отдал каравану свое оружие, кольчугу и лошадь, а сам лег между деревьями. Нур-Адиль узнал оружие хана и лошадь, отобрал все это от каравана, который указал ему место убежища. Нур-Адиль не может найти между камышом и лесом. Тогда чибис стал летать над ханом. Следует джыр. Нур-Адиль по птице узнал убежище хана и заставил его сделать двухрекатный намаз. «А, старый кабан (карт кабан), лежишь!» «Лежу, голубчик!» Голову хана привязал к седлу, но боясь потерять, завернул в белую олде[2] и повесил на локоть. – Между тем Джанбай начал строить сети, чтобы поссорить Эдигу с сыном. Он посоветовал дочерям хана положить на брюхо подушки, чтобы Нур-Адиль принял их за беременных.

Нурали, через шесть месяцев приехавши, увидел, что обе дочери хана кажутся беременными, между тем как отец одну обещал ему.

Раздраженный Нурали отправился к отцу и бросился на него с саблей в руках, отец молитвой обратил его в бесчувствие. Нурали, очнувшись, снова бросился на отца, который, наконец, снова обратил в бесчувствие. Эдиге до трех раз останавливал сына дуновением, но в конце сел на Тарлан-боза и уехал из орды.

Прошли годы. История его жены с сыном. Нурали раскаялся.

Один старик имел трех сыновей, он, умирая, оставил одну козу, которую они разделили с матерью таким образом. Мать и двое сыновей взяли три здоровые ноги, а младшему досталась больная нога, обернутая в тряпку. Тряпка как-то загорелась, когда коза проходила через огонь, от тряпки загорелся дом чей-то.

Погорелый пошел к Нур-Адилю. Нур-Адиль положил удовлетворение (с) владельцу (а) больной ноги, так как от тряпки, бывшей на ней, произошел пожар. Владелец больной ноги бежал, не имея чем заплатить за убытки. Ему встретился человек в белой чалме, который спросил его, от чего он грустен. Он объяснил дело. Чалмоносец сказал ему: любезный отправляйся теперь к своему судье и скажи ему, что... Только говори от себя: «от туречи (судья) не осталось туре (решение), а от даучи (истец) остались дау (иск)». Нур-Адиль потребовал, чтобы он сказал от кого этому выучился. Тот сказал. Тогда Нурали отравился к отцу и поклонился ему. Отдал ему одну из дочерей хана.

В это время один из сыновей Тохтамыша Кадыр-Берды собрал войско и выступил против Нурали и Эдиге. Джанбай знал все и был с ним в сношении. Когда Кадыр-Берды был близок, Джанбай уговорил Нурали ехать на охоту на озеро

---

[1] Гадатель по лопаткам. *Ч.В.*

[2] Кусок материи. *Ч.В.*

Кугалы-куль, где будто много лебедей (ку). Он постарался, чтобы Нурали не надел на себя кольчугу и взял оружие. Когда они доехали до озера, Нурали увидел «бело-пестрые, сине-пестрые шатры и многочисленное войско». «А! Джанбай, твои лебеди – это?» – Что, видно струсил стрел? – Ну, собака ты, тебя и убивать не стоит – руки марать», – и поехал прямо в шатер. Но ты позади – смерть мне. По дороге к шатру Кадыр-Берды был постлан пестрый войлок (кали кииз), а под ними гвозди заколоты на медвежьей спине. Нурали пошел по ним, выступая твердо. Поздоровался с Кадыр-Берды, сделал знак (приложил руку к губам, потом к уху), садясь, и Кадыр-Берды указал ему подушку, под подушкой были два ножа, ножи вошли через ляжку.

«Шесть телег, вышедшие из Арка, полные казной, что с ними сделал, Нур-Адиль? Семь телег, вышедшие из дневки, полные казной, что с ними сделал, Нур-Адиль? Быстрее и быстрее бегала, когда бегало это животное, укрощало далекий путь; кормясь высокой, сочной травой, полнела; с низко опустившейся грудью и во время бега перескакивающая через большие рытвины, большими, с чашку, глазами гнедко, что с ней сделал, Нур-Адиль? Красавица Узке, хорошенькая Канке, что с ними сделал, Нур-Адиль? И в заключение спрошу: управлявший народом, у которого девять предков были также правители, хан Тохтамыш, что с ним сделал, Нур-Адиль?» «Когда Бог дал мне счастье, я взял его казну; взявши казну, чтобы привлечь к себе людей, роздал бедным и нуждающимся. Когда Бог дал мне счастье, чтобы осчастливить мою задницу, я сам сел на гнедко. Когда Бог дал мне счастье, я красавицу Узке отдал отцу, а хорошенькую Канке взял себе и обвенчался с ней. Заставив кричать, подобно белому атану[1], снял ему[2] голову, привязал к седлу; но, боясь потерять, завернул в белую олде, повесил на локоть. Привез домой, думая, что она голова хана, и, если с ней обращаться непочтительно, то впоследствии может меня постигнуть несчастье. Я есмь мука, очищенная от отруби; верблюжонок между двумя нарами; к р у к, накинутый на шею лошади; качаган срык [3], оправленный в олово, – белой, большой юрты. Если накинешь на шею бугалык[4], – оборву; пробью себе дорогу, подобную канаве, вырытой по середине аула для стоков дождевой воды. Не то что через ляжку, даже если бы и через нос пропустил ты нож и тогда бы даже не смутился я. Я родился от матери матово-черным, будешь мыть мылом, и тогда не побелею, а султанов, подобно тебе поступающих подло, даже ударом в поясницу разделю пополам». Сказав это, бросился на султана, тот упал с сиделки. Нур-Адиль не стал добивать и, севши, уехал. Между тем Эдиге узнал о том, что Джанбай с сыном его уехали, он заподозрил, что дело …… (пропуск).

Нурали с восходом звезды умер. Кадыр-Берды тогда объявил, что он даст дочь Эдиге тому, кто принесет его голову. Погнались двое, Барын и Сарын, догнали они вместе, но Барын отсек; дорогой Сарын взял у него подержать и убежал. Он получил дочь, отсюда поговорка: «Чем быть головой Барына, лучше быть задницей Сарына».

---

[1] 4-х летний верблюд. *Ч. В.*
[2] Т.е. Тохтамышу. – Ред.
[3] Шест, юрту подпирающий. *Ч. В.*
[4] Аркан. *Ч. В.*

Через несколько лет Джанбай пригласил Мансур бия, сына Эдиге от дочери Са-Темира, которая оставалась у Са-Темир хана, тот приехал и вывели войска. Но после переговоров они решили на мир: «ты будешь хан, а я – бий». Джанбая, как виновника всех несчастий, убили.

Мансур имел двух сыновей: Муса и Ямбура. Муса имел 12 сыновей: 1) Иге Мамай, 2) Свек-Мамай, 3) Алчагир, 4) Сидак, 5) Калго, 6) Сыры Юсуп, 7) Алчи-Силам, 8) Айдин Урак сын Алчагира, 9) Агыч сын единственный Ямбура, 10) дети Урака: Кази, Карасай и Ибас – бездетен.

Предание Ногайцев о происхождении Баба Тукласа

Некто увидел в пути череп с надписью на лбу: «я живой убил несметное число людей, мертвый могу убить 40».

Нашедий человек сжег череп, и пепел взял в узелок и привез домой, отдал дочери на хранение. Дочь из любопытства развернула тряпку и, увидевши белый порошок, взяла на палец и попробовала вкус, отчего сделалась беременна и родила сына, который и был Баба Туклас.

Мальчик, будучи еще учеником, обнаруживал необыкновенную проницательность ума. Хан той страны видел сон: во сне он сидел на мосту через большую реку и из реки высунулись драконы, двадцать с одной стороны моста и двадцать с другой, которые хотели его пожрать. Хан созывает своих ученых и требует, чтобы они объяснили его сон. Ученые пришли в тупик, тогда Баба Туклас предложил им, что он бы разрешил сон ханский. Ученые его привели к хану. Стал он просить хана, что смущается присутствием своих учителей, и, когда они вышли, он сказал хану, что драконы суть его сорок ученых, которые находятся в связи с его женой и ходят к ней по очереди в виде черных старух. Хан велел наблюдать. Оказалось, что так. Ученых убили, и тем исполнились слова, написанные на черепе относительно сорока жертв. От этого черепа и называются потомки Эдиге бия а к с у я к а м и – белою костью.

Эдиге бий

Вариант Ч.Ч. ВАЛИХАНОВА – П.М. МЕЛИОРАНСКОГО

Печатается в транслитерации с арабографического текста по изданию:

Эдиге // Сказание об Едигее и Тохтамыше. Киргизский текст по рукописи, принадлежавшей Ч.Ч. Валиханову. Издал профессор П.М. Мелиоранский. – СПб., 1905. – С. 2–24.

Настоящий вариант эпоса «Эдиге» является оригиналом записи Ч.Ч. Валиханова, обнаруженным после смерти ученого в его архиве известным русским востоковедом П.М. Мелиоранским. Позже он, подготовив к изданию, опубликовал рукопись. В Предисловии к публикации Мелиоранский пишет, что Валиханов «услышал эту..., рапсодию в Амак-карагайском [1] округе в кочевьях небольшого аула Керлеум-Кыпчаков[2] от акына Джумагула в 1841 г.; первый список был сделан султаном Чингизом Валихановым со слов...[3] кыпчака Джумагула, второй сделан им же, с добавлениями из устных преданий разных лиц, третий список был сделан со слов Арслан бая и, наконец, из этих трех списков Чокан вместе с Чингизом составили в 1842 г. свод, переписанный Ахмед...». Здесь же ученый отмечает: «Ввиду большого сходства всего отрывка с параллельным местом ногайской редакции «Предания – Тохтамышхане» (см. у Османова, стр. 35), можно думать, что по крайней мере эта часть былины возникла именно у ногайцев и от них уже перешла к киргизам. Найдутся и еще некоторые признаки ногайского влияния, так что, весьма вероятно, что и вообще родиною былины были ногайские, а не киргизские степи, что и с исторической точки зрения представляется весьма правдоподобным».

Ввиду того, что вариант Валиханова-Мелиоранского считается наиболее полной первой записью эпоса, «близкой к архетипу» (Жирмунский,) мы включаем его в настоящее издание. Оно будет полезно для проведения в будущем сравнительно-сопоставительного анализа вариантов «Эдиге».

Эрте заманда Баба Уьмер[1] деген аьвлия* бар экен. Он бешде аьвлиялык кылып* кеткен экен. Шол вакытда бир кызга коьзи тийген[2] экен. Коьзи тийген шол кыз буваз

[1] Вернее: Аман-карагайском.

[2] Вероятно, неразобранное слово, ср. карлеуцкая (sic!)b) волость у киргизов, по описанию Андреева, Живая Старина 1896 вып. 3 и 4, стр. 374.

[3] Точки означают пробелы или неразобранные места в рукописи Ч. Валиханова. (Ред.)

ЗАПИСКИ
Императорскаго Русскаго Географическаго Общества
ПО ОТДѢЛЕНІЮ ЭТНОГРАФІИ
ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ТОМУ XXIX

СКАЗАНІЕ

ОБЪ

ЕДИГЕЙ и ТОКТАМЫШЪ.

Киргизскій текстъ по рукописи, принадлежавшей

Ч. Ч. Валиханову,

издалъ

Проф. П. М. Меліоранскій.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія П. БОРАГАНСКАГО и К°
Петерб. стор. Большой пр. д. № 45.
1905.

болган экен. Буваз бу кимдин[3] огыл* тапды. Ол огылнынъ атын Баба Туькди Чачды Аьзиз койды[4]. Йикирми* беш яшка келгенде аьвлиялык кылып жоьнелди. Агын[5] дериясына барды. Дерия ягасында алтын чачын алдына алып тарап олтырган кызны коьрди. Кызга якын жеткеч[6], [кыз] сувга чомып кетди. «Мен мундай Баба Туькди Чачлы Аьзиз болгач[7], мен де сонъынъдын[8] чомайын!» – деп, кыз артындан чомып кетди. Дериянынъ астында алтмыш* ак отав тур. Отавга кирип барды. Ай десе авызы жок, куьн десе коьзи жок булгарыдай* булкыган[9], боласа[10] жупар* анъкыган, шондай гажип[11] кыз турган кызны коьрди де кайта качды. Кыз этегинден тутды:

– Я, жигит, кайда барасын? – деди.

– Мен сеган[12] соьзлешмеймен, соьзлешсем куьнахкер* боламан деп бараман.

Кыз айды[13]:

– Мен сендейинни излегенмен.

– Жок, мени жибер, мен куьнахкермен.

– Эгер мени алмай кетсенъ – он беш дегей куьнахым мойныга сенинъ.

Жигит акыл ойлады: «Мен сени алмай кетсем куьнам жок болыр деп эдим – алмай кетсем куьнам коьп болады экен, алайын», – деп ой кылды. Некелеп алды.

Кыз айды:

– Менинъки болдынъма?

– Я[14], болдым.

– Йигит, – деди, – Мен этигимни чечкенде аягыма карама, коьйлегимни чечкенде колтыгыма карама, – деди, – Чачымны ювганда башыма карама, – деди.

Куьнлерде этигин чечеди: аягы эчкининъ аягындай – аны жигит коьрди. Бир куьн коьлмегин чечди: колтыкгындан оьпкеси коьринип тур – жигит дахы* коьрди. Кыз коьргенин билди. Аспанга учып кетди.

– Кайран[15], кетхудайым[16]! – деп, кайтып туьшди. Дахы, куьнлерде бир куьн, кыз сачын[17] жувды: баш терисин алдына алып тарап олтыр – жигит дахы коьрди. Кыз аспанга учып жоьнелди.

– Эй, жигит, – деди, – Ичимде алты айлык баланъ кетип барады, Нил[18] дериясынынъ башында, Кумкент шахарынынъ касында баланъды тастап кетермен, оьзинъ издеп тавып ал, – деди.

Я, кыз кетди. Баба Туькди Чачды Аьзиз, баланы излеп, Нил дериясын кыдырды. Нил дериясынынъ басында, Кумкент шахарынынъ касында йибек орамалга[19] оравлы баласыны тавып алды. Элсиз, куьнсиз тувды деп, атын Эдиге койды, я, явырынына танъды[20]. Токтамыс каннынъ авыр журтына[21] алып келди – Ногайлынынъ юрты экен. Уьч ясына киргенде колындан тутып молдага[22] берди. Чачды Аьзиз кайып* болып учып кетди, баласынынъ бир фарызындан* кутылган сонъ. Ондан сонъ сегиз яшкече[23] окувда турды токсан бала бирлен*.

Шол балалар бирлен куьрешсе, баьрисин де жыкды, баьрисининъ кийимлерин алып бир ерге уьйип салды. Кийимлернинъ уьстине чыгып олтырып эди.

– Мине, Токтамыс кан[н]ынъ тагынынъ уьстине олтырдым, – деди. Эмди* кийимлерин кайтарып берди.

Бир куьнлер болганда эки киши келе жатыр, Эдиге айтды балаларга:

– Оьзлеринъиз салам берменъиз, эгер ол салам берсе, – алынъыз, эгер «салам бермединъиз», – деп, бизлерни соьксе – мен жавабын берейин, – деди.

Эки киси келди, бала[ла]р салам бермеди.

– Балалар, неге салам бермединъ? – деди.

Эдиге жавап берди:

– Бастан неге салам бермединъ? – деди.

Эдигеге айтды эки киси:

– [Биз] уьлкенме*, йок сизлер уьлкенме?

Эдиге айтды:

– Биз уьлкен.

Эки киси айтды:

– Сен нечик бизден уьлкен боласын? – деди.

– Мен токсан баланынъ жасын санап салсам, шонда бизлер уьлкен болмайманма? – деди.

Эки киси соьзден жыгылды хем айтды:

– Баганагы давымызны осыган[24] салайык, – дедилер, – Эй, бала, давлы болып, Токтамыс канга бара жатыр эдик, энди бизлер давымызны сеган саламыз, битиресизме?

– Эгер Кудай авызыма салса, битирермен, – деди.

– Мынав – алчын* атасы Коькжалды-мерген*, мен – кенегестин* Кенъ Жанбаймен. Эдил хем Жайык меники эди, ондан качкан коян да меники эди. Жайыкнынъ жагасында Аккоьлнинъ сагасында[25] жаткан ак коянны коьрдим де мылтыгыма кетдим, атайын деп. Мылтыгымны алып келгенче Коькжалды атып алыпды. Сонынъ тоьресин беринъиз.

Коькжалдыдан бала сорады:

– Сен кандай жерден аттынъ? – деп.

Канча[26] ерден аткан оьлчевин коьрсетди.

– Эгер бир тоьре берсем, экевинъиз де коьнесизме[27]? – деди.

Кабыл коьрдилер баланынъ тоьресини. Коянны алып бир балага кучаклатды. Кенегестинъ Кенъ Жанбайга айтды:

– Балага тийгизместен коянны аткан ерден ат, – деп, – Аьгер* балага тийгиссенъ кунын* бер, ок далага кетсе – кояндан бийдамак[28] бол. Тийгизсенъ коян сенинъ болсын, – деди.

– Сенинъ ол тоьре кылганынъга коьнмеймен, – деп, Кенъ Жанбай, – Токтамыс канга бараман, – деп, ачувланып кетди. Кайтып келди.

– Устат* баланъга, атаман! – деп, балага тийгизмесден коян[н]ынъ калаган[29] ериндан тийгизди.

– Бурын коьрген, – коян сенники!

Коькжалды:

– Бу тоьренъге коьнмеймен, – деп, ачувланып кетди. Экеви Токтамыс канга бардылар. Коькжалды айтды соьзни. Кенъ Жанбай айтды:

– Бир тоьре болып эди, – деди.

Токтамыс кан сорайды:

– Кандай тоьре болып эди? – деп.

Баланынъ берген тоьресин Кенъ Жанбай айтды.

Шол мезгилде Токтамыс кан айтды:

– Баланынъ берген тоьреси тоьре! Бизлер ондай тоьрени бералмасмыз, – деп.

Эмди шол бала, Эдиге, сегиз яска келген сонъ окувдан чыкды. Мал табаман, – деп, биревнинъ койын бакты. Тоьрт киши келеди, орталарында бир аягысы аксак малны жетелеп[30]. Доьртев айтды:

– Мынав коьти бокты койчыга жуьгинейик[31], – деп.

Келди тоьртеви – бир агай-ини экен.

– Орталарымыздагы бир кара[32] эди. Осы[33] аксак мал бизлернинъ энчемизге* тийген эди: басы уьлкен агамызга тийип, тоьрт аягы тоьртевимизге тийип эди. Осы аксак мал барып каьвирнинъ* эгинин басыпды. Тоьрт аягынынъ тийген ерине тоьрт юз тилле* сорайды. Бизлер соган[34] давлы болып келдик, тоьресин бересизме?

Эдиге айтды:

– Алда[35] авызыма салса, берермен, – деди, – Бу аксак аягы кайсынъызга тийип эди?

Энъ кичиси айтды:

– Меган[36] тийип эди, – деп.

– Сен бийдамак бол. Эки юзин басын алган аганъ тартсын – анынъ уьчин коьзи коьрип, басы суьйреп барды. Эки юзин эки аганъ тартсын – анынъ уьчин авыры аягын сав аягы суьйреп барып бастырган уьчин.

Уьч агасы:

– Бу тоьре кылган тоьренъге коьнмеймен», – деп, Токтамыс канга барды. Уьчев айтды:

– Жуьгинуьвге келдик, – деп.

Шол вакытда кичиси айтды:

– Биз жуьгинип эдик, – деп.

– Жуьгинген вакытда кандай[37] тоьре берип эди? – деп кан сорады.

Баланынъ берген тоьресин айтды эмди. Кан айтды:

– Сонынъ тоьреси тоьре! Мен ондай тоьре бералмайман, – деп.

Дахы бир куьнде бир атан* туьени жетелеп, эки киси келе жатып айтды:

– Мынав коьти бокты койчыга жуьгинейик, – деп. Келди:

– Я, койчы, осы туьеге давлы болып келдик, тоьре бересизме? – деп.

– Беремен, – деди.

Биреви айтды:

– Осы бота экенинде жогалган, атан экенинде танып тураман, урлаган урым – осы.

Эмди биревине айтды:

– Сен соьйлечи, – деп.

– Оьз туьемнинъ ботасы,
Оьз борамнынъ баласы,
Осынавнынъ[39] маган[39] кылган жаласы.

– Сендеги энеси[40] барма? – деди бирисине. Анавга тагы айтды:

– Анасы сенде барма? – деп, – Бу ерде бир аркан керек, эки инъенни* алып кел, тоьресин берейин, – деп.

Шол вакытда атаннынъ такымына* салып бурады, «жогалтып эрдим*» деген-нинъ инъени уьстине туьсе калды.

Бала айтды:

– Мунынъ урлатканы чуьн*, сизнинъ урлаганынъ чуьн, мунынъ туьесин бер, – деп.

Тоьре тиймеген айтды:

– Ол тоьренъге болмайман, – деп.

Токтамыс канга барды, давны айтды.

Кайсы дыр ки*, тоьре тийген, айтды:

– Шондай бир тоьре тийип эди, – деп.

– Шонынъ тоьреси тоьре! Мен ондай тоьре беральмайман, туьесин бер, – деп.

Дахы да, кой багып юргенде, эки хатын, эки эркек, орталарында бир баласы бар, таласып келеди. Балага айтдылар:

– Мунав коьти бокты койчыга жуьгинейик, – деп, – Жуьгинсек жуьгинейик, – деп, доьртеви бирдей салып келди:

– Я, койчы! Бизлер давлы болып келемен, тоьре бересинме? – деп.

– Тоьресин берейин, – деди.

Бир эркек минен бир хатын айтады:

– Бесикте жогалтып эдим, югирип* юргенде таныдым.

Эмди:

– Мен он ай коьтерип, омырткамны буьгилтип тапкан баламга жала кылады, – деп сонъгы экеви айтды.

Маьзкуьр* тоьртевине айтды:

– Тоьре беремен, коьнесизме? – деп.

– Коьнейик, – деди.

Эки колындан эки хатынга устатды. «Жогалтып эдим» деген хатын уьндемей тур, анав хатын:

– Не кылсанъыз да мейилинъ[41] б[о]лсын, – деди.

Шол вакытда:

– Семсер* минен экевинъизге боьлип беремен, – деп, семсерини коьтерген сонъ «жогалтып эдим» деген хатын билегинден ушлай* эди, анав хатын уьндемеди.

– Оьлтирменъиз, – деди, – Менден тувган бала болса, оьскенде мени табар, – деп айтды.

Уьндемеген хатынга айтды

– Сен огырлаган* чын* экен, «оьлтирсе – оьлтирсин» деп уьндемединъ, мунынъ оьз баласын кыймассан[42] оьлтиртуьвге аяп билегинден[43] ушлай алды, мунынъ ба[ла] сын бер, – деп буйрык кылды.

«Оьзим таптым» деген эркек минен хатын:

– Бу тоьренъге коьнмеймиз, – деп, Токтамыс канга барды.

Тоьре тиймеген хатын бирлен эркек айтды:

– Бизлер, давлы болып, сизге жуьгинейик деп келдик.

Нак[44] баланынъ чечеси[45] айтды:
– Бир тоьре болып эди, – деп.
Кан сорады:
– Кандай тоьре болып эди? – деп.
Койчы баланынъ берген тоьресин айтды, сондай тоьре берген эди деп.
Кан айтды:
– Сонынъ тоьреси тоьре! Ондай тоьрени мен бералман, – деп айтды.
Эмди Токтамыс кан айтды:
– Тоьрт мертебе[46] тоьре берген кандай киши?! Мунда чакырынълар! – деп.
Дерхаьл* чакырып алып келди каннынъ алдына. Кан сорады:
– Тоьрт мертебе тоьре берген сенме? – деп сорады.
– Баьли*, мен, таксыр[47].
– Атынъ ким? – деди.
Жавап берди:
– Атым Эдиге, – деп.
Уьстиндеги кийими шондай яман экен, кан буйырды:
– Бу яман кийимлеринъни таста, – деп.

Жавырындары жакталы[48],
Туьйме бавы тартпалы
Ал-кара кис тон берди.
– Аны уьстинъе кий, – деди,
– Коьк-ала жорга ат мин, – деди,
– Коьн дабылбаз байлан, – деди,
– Учан[49] денъизни айлан, – деди.
Тутам бавы сом алтын
Ак сункар кусны берди:
– Коьл айлана чуьй*, – деди,
– Кырымдан дав[50] келдесе[51],
Ал, Эдигем, соны сен битир, – деди,
– Кырымдан жав келсе,
Ал, Эдигем, битир[52], – деди.

Давды битирди, жавды кырды. Токтамыс кан, тыныч болып, яйына турды, юртны бийлеп, юрт бийлигин алды, суьйтип турды.

Куьнлерде бир куьн Токтамыс каннынъ катыны айтды:

– Осы алып юрген жалчы баланъызнынъ арвагы* сизнинъ арвагынъыздан басым[53] экен.

Кан айтды:

– Ай, тентек ханым, эсигимдеги жалчынынъ арвагы негып[54] менден артык болсын?! – деди.

– А сиз билмеген экенсиз: «Аллахынъ яр болсын[55]!» – деп кирип келгенде оьзинъиз силик[56] этесиз, сескенгенинъизни оьзинъиз билмейсиз. Эгер ки бизнинъ соьзимизге ийнанмасанъыз, кийиминъизнинъ этегинден тебен ийне минен туьйрейин, силк эткенинъ белгиси маьлуьм* болыр.

Шол вакытда Эдиге: «Аллах яр болсын!» – деп, эсикден энип келгенде силик эте туьсти. Туьйреген тебен ийне, ортасындан эки уьзилип, аспанга учды.

Ханымы айтды:

– Энди билдинъизме арвагынынъ зорын*?! Эдигенинъ арвагын тоьмен туьсирейик, – деп, бир аяк катык уйытып, ичине сийип, аралаштырып койды. Эдиге кирип келип олтырган сонъ, катыкны ушлатды, колына берди. Уьнъилип карап, жанындан пычагыны сувырып алып, катыкны тоьрт тилип ортасын булгатып, коьтерип ичип салды. Ханым айтды:

– Эдигем, таьтти мекен?

– Аьгер де ыдысы* эски болмаса, таьвир[57] экен, – деп, чыгып кетди уьйден.

Ханым[г]а хан айтды:

– «Ыдысы эски болмаса, таьвир экен» дегени неси?

– Кары* хатыннынъ сийдиги болмаса таьтти экен, деп билгени.

Кан ханымдан сорады:

– Пычак мынан осып-осып ичкени неси?

– «Юртынъны доьрт боьлик кыларман» дегени, ортасын булгап ичкени: «юртынъны осындай кылып булгарман» дегени.

Кан айтды:

– Муны оьлтирейик!

Ханым айтды:

– Муны буьйтип юргенде оьлтире алмассыз, – деди, – Арап-сарап[58] жыяйык, алтмыс басты ак орданы четке тигейик. Ногайлынынъ авыр юрт, бар-жогын жыйынъыз, Эдигени аякчыга койынъыз, Эдигем «кел, батырга» зорласын, арак ишип, мас[59] болып юргенде оьлтиринъиз.

Бу сырларны э[си]тип юре турган Эдигенинъ алты жасар Анъгысын атлы досты бар эди. Эситкенин Эдигеге айтды:

– «Кел, батырга» зорлап аяк бергенде ичмейинче осы меске[60] куя бер, – деп, серке терисинден кылган бир мес берди, – Мен келген кисилернинъ аттанар жак уьзенъги бавын кыйып коярман. Шол мезгилде оьзинъге бир авыз соьз айтарман, берк бол.

Арап-сарапны жыйды, ак отавны тикди, Ногайлынынъ авыр журт – бар-жогын жыйды, Токтамыснынъ тогыз эрин босагага анъдувчыга[61] койды, Токтамыснынъ алтмыс алыпны айдаладан* анъдытты[62]. Эдигенинъ бала досты Анъгысын аттанар жак уьзенъги бавын аяндырып кыйып койды.

Эдигени уьйге киргизди, аякчыга койды. Серке териси месни ичинден бувындырды. Эдигени зорлады: «Кел, кел!». Салып, аьр кайсысы аяк берди, ичкенин ичип, меске куйып юр. Бойы кызып юргенде Анъгысын досты уьйнинъ тусындан келип карады, андын[63] сонъ айтды:

– Табаны жалпак Тарланбоз[64]
Туьн катувга коьнсе [ий]ги;
Уьстинъдеги камка тон
Тоьрде олтырган бийлерге
Кувлык чакпакка[65] болса ийги.
Меним атым – Анъгысын,

Мени коьп соьйлетип негыласын[66]?
Барлагайсын[67] туьневги[68] соьзнинъ сонъгысын.

Эдигенинъ ядына* туьшип, оьзин атты[69], бир аягы босагага тийгенде, бир аягы Тарлан[н]ынъ уьзенъгисине тийди. Каравылга койган Токтамыснынъ тогыз эр бир-бирини пычактады. Тарланга атып минип, садагын ерден алып йоьнеле бергенде Тарланнынъ янбасы ерге бир тийди де жоьнелди. Токтамыснынъ алтмыс алыб[ы] бастыра туьсип баталмай калды. Со кеткенден Эдиге кетди, Эдил минен Жайык арасындан оьтди. «Бир тил[70] алып кетейин», – деп жатды деди.

Ногайлынынъ авыр журт абдырады, айланды,
Айланып кенъеш тапмады.
Сонда Токтамыс тогыз эрин алып келип,
Эсигининъ алдына койды.
Бир-бирле[п] чакырып акыл сорады.
Биревин уьйге энгизип, Токтамыс айтды:

– Эсенимде эскимди берсем элемес[71],
Энъсеге жыга тийсем кектемес*,
Эсентай улы Кудайберди батырым,
Сен бир толгачы! – деп эди.
Энъкейип уьйге киргечден[72],
Кол кавсырып тургачдан[73],
Турды дагы соьйледи.
Айтып эди бир соьзни –
Оькилине[74] туьсмеди,
Байыбына[75] бармады,
Онынъ бу соьзин жаратпай,
Аны: «Уьйден чык!» – деди.

– Кос-кос пычак асынган,
Косалыктап[76] отав тиктирген,
Коьчкенде байтал тарт[т]ырган,
Салтанатын* кан улындан арттырган,
Муьйтендерден* чыккан эки бирдей, Косдаьвлет,
Эгизинъ минен кирип толгачы! – деп эди.
Энъкейип уьйге келгечден,
Кол кавсырып тургачдан,
Толгап-толгап салдеди[77].
Ол экевининъ соьзин жаратпай,
Байыбына бармады,
Оькилине туьсмеди.
– Экевинъ де уьйден чык! – деди.

– Коьчкенде коьчин айланган,
Жанына оьткир семсер байланган,
Жав карасын коьргенде
Жавар куьндей торланган,

Кетер кустай сайланган,
Аллахдан тилек тилеп зарланган,
Аргындарнынъ* басы эдинъ,
Каракожа батырым,
Сен бир кирип толгажы! – деп эди.
Энъкейип уьйге киргечден,
Кол кавсырып тургачдан,
Ол да толгап салдеди –
Оькилине туьсмеди,
Байыбына бармады,
Аны да: «Уьйден чык!» – деди.

– Каранъыда жол тапкан,
Капия[78] ерде соьз тапкан,
Жавырынынъ уьлкен какпактай[79],
Айдарынъ уьлкен токпактай,
Адам тилин алмаган,
Оьз райысы[80] болмаса,
Асув ерге бармаган,
Каракыпчак Копландым,
Сен бир кирип толгачы! – деп эди.
Энъкейип уьйге киргечден,
Кол кавсырып тургачдан,
Ол да толгап салдеди –
Анынъ да соьзин жаратпай,
Байыбына бармады,
Оькилине туьспеди.
Онда: «Уьйден чык!» – деди.

– Карт кояндай каскарган,
Каранъгыда сансыз колды баскарган,
Куьнде суьнъи сындырган,
Эр коьнъилин тындырган,
Суьнъгисине киси миндирген,
Алмаган жав коймаган,
Ичсе канга тоймаган,
Элге бираз да жавга коьп,
Акбалтыр улы Увагым,
Моьнжир улы Чувагым,
Эгизинъ минен кирип толгачы! – деп эди.
Эгизи мен уьйге кирип келгечден,
Кол кавсырып тургачдан,
Экиси де толгап салдеди –
Анынъ да соьзин жаратпай,
Байыбына бармады,
Оькилине туьсмеди.
– Экинъ де уьйден чык! – деди.

– Садагын кырк нарга тарт[т]ырган,
Салтанатга уьлде минен буьлде[81] арттырган,
Тойга келсе, эрге эди,
Басыма керек алтай кызыл боьрик эди,
Кенъесимнинъ борч[ы] ды,
Кенъ карнымнынъ курчы ды,
Кенегестин Кенъ Жанбай – ай дуьдуьлим,
Сен бир кирип толгачы, – деп эди.
Энъкейип уьйге кирип келгечден,
Кол кавсырып тургачдан,
Ол да толгап салдеди –
Анынъ да соьзин жаратмай,
Байыбына бармады,
Оькилине туьсмеди.
– Сен дагы уьйден чык! – деди.

Ногайлынынъ авыр юрт абдырады, айланды,
Айланып кенъес тапмады.
Авызында отыз тиси босаган,
Суп аякты, суп боьрикди,
Супра сынды суп жырав,
Жагын жибек минен тарттырып,
Салтанатка уьлде минен буьлдени арт[т]ырып,
Алып келчи бери, – деп эди.
Суп аякты, суп боьрикти,
Супра сынды суп жырав
Алып бир жетип келгечден,
Энъкейип уьйге киргечден,
Кол кавсырып тургачдан,
Турды дагы толгайды,
Толгайды да сарнайды,
Сарнайды да жырлайды,
Жырласа сансыз ногай корлайды.
Оькилине туьскен яксылар:
– Бу не окыясы[82] болды? – деп,
Чыдай алмай жылайды.
Оькилине туьсмес жаманлар:
– Картайганда казымыз[83]
Нени айтып былчылдайды? – деп,
Жуьре бара жатып тынъдайды.

– Мен картынъман, картынъман,
Не коьрмеген картынъман?!
Бастык та Бастык, Бастык кан –
Аны коьрген карынъман,
Андан сонъгы Кедей кан –
Оны коьрген карынъман,

Андан соньгы Ала кан –
Оны коьрген карынъман,
Андан соньгы Кара кан –
Оны коьрген карынъман,
Аннан соньгы кулагы чунак Назар кан –
Оны коьрген карынъман,
Он эки тутам ок тарткан,
Оннан соньгы эр Чынъыс –
Оны да коьрген карынъман,
Мунарасы кырык кулач
Оьзден солтан Жаныбек[84] –
Оны да коьрген карынъман.
Улы бабанъ Домбавыл –
Соны коьрген карынъман.
Яс та болсанъ, Тогым[85] кан,
Мен сени коьрген карынъман!
Мен юз сексен бешке келгенде,
Чыкмаган жан жуьргенде,
Менден давран[86] кеткенде,
Саган давран жеткенде,
Сонча[87] кандар оьткенде,
Кечеги[88] кеткен энъсеси бийик,
Эрни салпы Кубача[89] ул,
Мен сонча яска келгели
Сондай эрни коьрмеген карынъман!
Артындан келип сынасам, –
Кахардан пейда* болгандай,
Алдындан келип карасам, –
Лапдан* пейда болгандай.
Сонав бир ялгыз кетер сол,
Сатемир канга жетер сол!
Сатемир кан кол берсе,
Алда талам жол берсе,
Кыркада биткен кырк адыр
Кырк басып юрер ди бугай Кубача огыл;
Кырк куьнчилик чоьл[л]икке
Айдынды* булак салар ды бугай Кубача огыл;
Бут савырлы куьренче ат
Бутка тартып минер ди бугай Кубача огыл;
Эки туьгей[90] торыча ат
Ылавга жайдак алар ды бугай Кубача огыл;
Алаганчык[91] куьндей боп[92],
Сенинъ алды-артынъдан чыкар ды бугай Кубача огыл!
Ногайлынынъ авыр журт,
Яв жаткан кайран журт –
Ач куьзендей буьгилип,
Ач боьридей чуьйилип,
Четинъден кыйкувлап,

Аччы да суьрен салар ды бугай Кубача огыл!
Эсилдинъ* эки жагы кызыл яр
Аспадан сувыт салар ды бугай Кубача огыл;
Эртистинъ* басы Карадон –
Эки арасыны кувар ды бугай Кубача огыл;
Алтындан сокган ак орданынъ,
Куьмистен соккан ак эсик,
Туьссе сувык чын болат,
Эсигинъни ушы мынан ачар ды бугай Кубача огыл;
Тоьрге тоьсек салар ды бугай Кубача огыл;
Тоьс арчынды[93] сылувынъды
Аямай тоьс астына алар ды бугай Кубача огыл;
Керегенъди* кертер ди бугай Кубача огыл!
Тувырлыгынъ тилер ол,
Тилеп токым кылар ол,
Токсан басты ак орда,
Тонамай ие болыр ды бугай Кубача огыл.
Торылы жылкы
Топчак топлап жыйып алар ды бугай Кубача огыл.
Каныкейдей коьрктини, Тиникейдей тектини[94],
Ат коьтине миндирип,
Ал энъдигин* солдырып,
Тегинден-тегин олжа кылар бугай Кубача огыл!
Сонав бир ялгыз аьле кеткен жок,
Эдилден аьри оьткен жок,
Мына бир тогыз эрни йибер де
Алдап-сувлап касынъга ал,
Касынъга ал да басын ал!
Эсен-аман кетсе сол,
Эдилден арман оьтсе сол,
Сатемир канга жетсе сол,
Осы оьчин, сире де[95],
Сенден алмай калмас ды бугай Кубача огыл! –

деп жагы туьсип оьлди.

Яне Токтамыс айтды тогыз эрге:

– Эй, тогыз эр, тогыз эр,
Сен тогызынъ бара коьр,
Алдап-сувлап Эдигени
Касынъга ала коьр,
Алдап-сувлап касынъга ал,
Касынъга ал да басын ал!
Тогыз эр кетди зарланып:
«Бир Алда!» – деп алданып.

Эдилдинъ бойына барганда – Эдиге олтыр: «Бир Аллах!» – деп жалбарынып. Тогыз эр жетип барган сонъ, Эдигенинъ касына барып жетмеди. Бир кисиден сол коркып, соьйлесирге батмады. Эдиге ялгыз олтыры каскайып[96], тогызындан коркмады. Тоьртеви бир-бирине оьтилди[97]: «Эдигеге соьйлес», – деп. Энъ сонъында кенегестин Кенъ Жанбай соьйледи:

– Эй, Эдиге, сен энди кайтсана!
Кайтып Эдил оьтсене!
Энъсеси бийик боз орда –
Энъкейип салам берсене!
Эрни жука сары аяк –
Хан саркытын ичсене!
Жавырындары жакталы,
Туьйме бавы тартмалы
Уьстинъге ал-кара кис тон береди – кийсене!
Коьк-ала жорга ат минип,
Коьн дабылбаз байланып,
Учан денъизде айланып,
Тутам бавы сом алтын
Ак сунъкар кус береди –
Коьл айлана чуьйсене!
Арбанъ[98] да арбанъ жуьгиртип,
Адымынъ жерди кувыртып,
Аргымак ат береди –
Салтанатка илсене!
Кулагын биздей кадаган,
Кекелин кыздай тараган,
Жуьргенде ызын санаган,
Бавырындан тартык жараган,
Кысыр жылан оьзекди,
Колтыравдай танавды,
Саптыяктай[99] эринди,
Сарымсакдай азувды,
От орындай туякты,
Кыйган камыс кулакты
Табаны жалпак Тарланбоз
Ат береди – минсене!
Саган байтал боьлип береди –
Байлап кымыз ичсене!
Байтак боьлип береди –
Бадсалык[100] суьрсене!
Алганынъ аьл-Уьмер каннынъ кыз[ы] эди,
Айтувлынъ оьз[и] эди,
Оймактынъ уьзилди,
Сагынды да саргайды –
Салкын туьсмей барсана!
Ыбын-сыбын[101] эки нак,
Сыбырласып, соьйлесип,
Сынъгылдасып[102], куьлисип,

Женъ учындан жалгасып,
Чий[103] туьбинде сырласып,
Не дегенин билсене!
Токтамыстай кан иенъ
Саган оьпке кылады,
Оьпке-паьне соьзинъди, аьриз кылып,
Оьз авызынъдан айтсана!
Кел, Эдигев, энди райдан кайтсана!

– Мен кайтпан ды, кайтпан ды,
Кайтып Эдил оьтпен ди!
Сенинъ энъсекей[104] боз орда,
Энъкейип салам бермен ди –
Энъсеме эмен-болат чокпар тийген ди[105].
Эрни жука сары аяк,
Хан саркытын ичпен ди –
Эриним желке болган ды.
Жавырындары жакталы,
Туьйме бав[ы] тартпалы
Тон берсенъ де киймен ди –
Ийним[е] ногайнынъ жалгыз котыр
Учыгып чыккан ды.
Коьк-ала жорга ат минип,
Коьн дабылпаз байланып,
Учан денъизди айланып,
Тутам бав[ы] сом алтын
Ак сунъкар кус берсенъ де –
Коьл айлана чуьялман
Колымдан кут кеткен ди.
Арбанъ да арбанъ жуьгиртип,
Адымын жерде кувыртып,
Салтанат кылып ила[л]ман[106],
Салтанат кылып илсем де,
Салтанат бизден кеткен ди.
Кулагын биздей кадаган,
Кекелин кыздай тараган,
Жуьргенде ызын санаган,
Бавырындан тартык жараган,
Кысыр жылан оьзекди,
Колтыравдай танавды,
Саптыяктай эринди,
Сарымсакдай азувды,
От орындай туякды,
Кыйган камыс кулакды
Ат берсенъ де миналман –
Авымдан кут кеткен ди.
Байтал боьлип сен берсенъ,
Байлап кымыз иччалман[107] –

Алдах оьзиме бермесе.
Байтак боьлип сен берсенъ,
Бадсалык суьралман –
Алдах арвак[108] бермесе.
Алганым аьл-Умер кожа каннынъ кыз[ы] эди,
Сагынбактан саргайсын –
Салкын туьспей барман ды
Ыбын-сыбын эки нак
Сыбырласып, соьйлесип,
Сынъкылдасып, куьлисип,
Чий туьбинде сырласып,
Женъ учында жалгасып,
Мен не дегенин билмен ди –
Кулагым санъырав болган ды.
Сенинъ тексиз[109] иенъ Токтамыс
Энди энъкейип барман ды,
Менинъ оьпке-паьне соьзимни,
Коькди огым аралап айтпаса,
Сире авызымдан айтпан ды –
Эркек болып атка минген сонъ!
Бир жол алып жуьрген сонъ,
Мен катын да болып кайтпан ды!
Мен салпан-салпан йортаман,
Сарыазбанга[110] косым тартарман.
Мен учайын десем – канат жок,
Конайын десем – куйрык жок.
Ай, жалгыздык, кайтермен,
Сум ялгыздык, кайтермен?!
Жалгыз да болсам – кетермен,
Сатемир канга жетермен.
Сатемир кан кол берсе,
Кыдыр Алда жол берсе,
Тилегимди мол берсе,
Кыркада биткен кырык адыр –
Кырык басып жуьрмесем;
Кырык куьнчилик чоьлинъге
Айдынды булак салмасам;
Бут саврылы куьренче ат –
Бутка тартып минмесем;
Эки туьгей торыча ат –
Ылавга жайдак илмесем;
Алаканчык куьндей боп,
Алды-артынъдан жыкпасам;
Ач куьзендей буьгилип,
Ач боьридей чувманъдап,
Ногайлынынъ авыр журт,
Баяв[111] жаткан кайран журт,
Четинъден кыйкувдап,

Аччы суьрен салмасам;
Эсилдинъ эки жагы кызыл жар –
Аспадан сувыт салмасам;
Эртистин басы Карадон –
Эки айрысына кувмасам;
Алтындап соккан ак орданынъ,
Куьмистеп соккан ак эсик –
Туьси сувык чым болат –
Эсигинъди учы мынан ачмасам;
Тоьрге тоьсек салмасам;
Тоьс[112] арсынды сылувынъды
Аямай тоьс астына алмасам;
Керегенъди кертмесем;
Кертип отын кылмасам;
Кос тувырлыгынъ тилмесем;
Тилип токым кылмасам;
Токсан басты ак орданынъ
Тонамай ие болмасам;
Торылы жылкы топчак топтап жеп алмасам;
Каныкейдей коьриктини,
Тиникейдей тектинъди
Ат коьтине миндирмесем;
Тегинден-тегин олжа кылмасам;
Осы оьчимни алмасам;
Дегениме жетмесем;
Кечеги мен эсил* эрни энъкейтип,
Эки тизин жавыртып[113], кемер* белин авыртып,
Нил дериясынынъ басында, Кумкент касында
Мени сонда Баба Туькди Чачлы Аьзиз атам,
Тавып алып, Эдиге деп койган аты
Оьтирик куьнинде – Эдиге атым курысын!
Мен – мен дирмен, мен дирмен!
Мен – мен деген, тоба кылган эр дирмен!
Мен досымдынъ отын соьндирмен,
Дусманым отын жандырман!
Оьзим демес намартка
Тогыздан чанъкан боз ат миндирмен!
Токсансыз жебе* салдырман,
Асылын сорамай ас бермен,
Атадан сорамай аста ноьхер иертмен,
Мен оьзим демес намартнынъ
Энъсесине бир минип,
Эменнен чокпар тоьндирмен!
Мундан аьри мактанман!
Мен мактансам – он эки тутам ок тарткан
Мурнагы оьткен эр Чынъгычтын[114]
Оьзи минен тенъ дирмен!
Мен тавга уялар сунъкарман –

Тав боьктерлей[115] жортарман!
Торлавсыз[116] оьскен куланман,
Мезгилсиз жувсап оьрермен[117]!
Божыгандан[118] аччыман,
Сербет куйсанъ туччыман*!
Бувырчындан[119] катты жарысман,
Буйдаласанъ да эч чоькмен!
Бурылчадан[120] асав болысман,
Буга[в]лык салсанъ токтаман!
Оьзим деген яксыны
Оьлгенимче боктаман!

Чалгынды коьл тоьгерек –
Сенинъ меган чалувлы соьзинъ не керек?!
Когалы коьл тоьгерек –
Меган корлыкды соьзинъ не керек?!
Жекенди[121] коьл тоьгерек –
Мени алдап желкен[122] соьзинъ не керек?!
Мен карагайдан бийик биткен терекмен,
Басымдан давыл урса тенъселмен!
Мен карагайга кайнап биткен кара бутакман,
Балталасанъ айырылмас[123]!
Эменге айыры биткен бутакман,
Энъкейтсем онъдырман!
Мен карагайга карсы биткен бутакман,
Мен касалассам[124] онъдырман!
Мен кылтынъдаган куьренче ат
Кыдыравды[125] жыкканман!
Жагасы алтын киревке –
Жагаласып жыртканман!
Токсан бавлы ак куьбе –
Тогыскан жерде кийгенмен!
Садак толган сай жебе –
Кыдыра да тоьккенмен!
Мен атанга тартсанъ авырман,
Батпанга* тартсанъ бастырман,
Таразыга* тартсанъ тенъ дирмен.
Мен мундан аьри мактанман.
Мен тийсем желенъ усаткан тенъдерим
Карт Коьксенинъ оьзи минен тенъ дирмен!
Сен тура турчы, тогыз эр,
Мен саган тувган ерим айтаман,
Айтайын да кайтайын!
Мен Баба Уьмер бабамды баламда коьргенмен,
Баба Туькти Чачды Аьзизге арка берип юргенмен,
Мен Азрайыл перисте алты куьн аьриз эткенмен,
Жебрайыл перистеге ети куьн аьриз эткенмен!
Мен Уьмер минен Османга, Абубекир Сыдыкка,

Аьзрет Аьли бабама арка берип юргенмен!
Мен Мухаммед атты пириме*
Мекке деген сахарында[126]
Барып аьриз эткенмен!
Таьнъревий* Меккени уьч айланып,
Куьнайымдан[127] паьк* болып,
Сонда аралап кайтканман!
Меним туьсимде аян береди
Ак чалмалы бир киси,
Окымысты дыр киси.
Энди Эдиге чаьвлижге[128] кагып,
Токтатаман деген кайсын,
Токтамыснынъ токыз эрисин,
Тогызды мен ялгыз да,
Маьнинъ[129] болса кел, донъыз!
Сенинъ камчы тиер мойнынъга,
Кан соргалар койнынъга,
Чыдамассынъ менинъ
Бир аз аптаркы[130] кылган ойныма!
Кенегестин Кенъ Жанбай,
Кеньесинъ кеткен бок Жанбай,
Ачпа коьзинъ – тесермен,
Соьйлеме – тилинъ кесермен!
Сенинъ атанъ кара киси эди,
Мал бергеннинъ кулы эди,
Эненъ кара киси эди,
Ас бергеннинъ куьнъи* эди!
Мен салпан-салпан жортарман,
Сарыазбанга косым артарман.
Алда бир ялгыз жаратды,
Бир чыбындай карип жан
Ким оьлир деп коркарман.

Ал, жоьнелди де кетди. Тогыз эр баталмай калды. Эдиге, андан-мундан куралып, он сегиз киси болды. Эдигенинъ атка жуьруьвине он сегиз киси чыдамады, ас ичуьвине, карны ачып, чыдамады. Эдиге ойлап билди буларнынъ чыдамаганын.

– Ай, он жети дост,
Бизлер баьримиз жыйылсак – он сегиз!
«Мен чарчадым[131]» деп талыкма,
Сувсадым деп камыкма[132].
Карным ачты деп камыкма,
Тамагынъ[133] сенинъ таьвесилсе,
Тамак тавып берейин;
Кийиминъ сенинъ жыртылса,
Кийим де тавып берейин;
Атынъ оьлсе – тоьлейин;
Оьзинъ оьлсенъ – не дейин?

Арык атынъ коьк жасык –
Сирне кылып жесейик,
Жамгыр мынан турган кызылгак[134] –
Аны сербет кылып ичейик.
Он жети дост, сен оьлсенъ,
Жаназанъды чыгарып,
Баялычдан[135] от жагып,
Таза аьруьвлеп коьмейин.
Ярын айтма – баьрин айт!
Мен тириде оьлмессенъ,
Он жети дост, кедейим*!

Эмди Эдиге бир куьнде туьс коьрип, чочып уянды.

Ай, он жети дост, суьйинчи!
Тура келип кийинчи,
Белинъди кынай бувынчы,
Бет-колынъ жувынчы –
Мен буьгуьн бир туьс коьрдим!
Яксылык туьс сол болса,
Жаксылыкга жорычы,
Жаманлык туьс сол болса,
Осы он сегиз кисини
Тоьгеректеп корычы[136]!
Мен буьгуьнги куьн туьсимде
Алтынды иер ак-боз ат,
Жалындан тартып, минипмен,
Ак сунъкар кус болыпман,
Коькке таман учыпман,
Коькде жуьрген перисте –
Аларга барып соьйлесип
Андан аса учыпман,
Тоьбеде юрген конъыр каз –
Коьк уьстинде алыпман,
Тоьр тавына конып ман,
Тоьс этине тойыпман!
Ол не болыр, он жетим?!
Он жети дост ойлыкты[137],
Ойлыкканнынъ белгиси –
Бир-бирине сыкылды,
Эч амалды тапмады.
Турган энди баьриси.
Бир акылды табы[лы]пды –
Бар экен ичинде бир коьп жасаган карт:

– Алтынды иер ак-боз ат
Туьсинъизде сен минсенъ,
Ат – мыратка жеткенинъ.

Коькке таман сен учсанъ –
Журт алдына чыкканынъ.
Коькте юрген перисте –
Аларга барып соьйлессенъ –
Эрендер* колтыктап жуьргенинъ.
Андан асып сен учсанъ –
Кызыр* суьеп юрген ди.
Тоьбедеги конъыр каз
Коьк уьстинде алсанъ сен,
Тоьр тавына консанъ сен,
Тоьс этине тойсанъ сен –
Кече сени юртындан кувган Токтамыс –
Соны быт-быт[138] кыларсанъ,
Тояттап[139] мейиринъ[140] карарсанъ!

Ал, жуьрип кетди. Бир куьнде алдындан бир ак, бир коьк чатыр коьринди. Атын он жети достына берип, сорга* авнап бир таз коьбеген[141] болып, чатырга барды. Коьрди: оьзининъ излеп бара жаткан Сатемир каннынъ кызын давнынъ оглы Кабантын алып алып келе жатыр экен. Айдаган кырык биеси бар, зорлык мынан алып келе жаткан кырык коччысы* бар экен. Буларны коьргендин сонъ Эдиге йолдашларына кайтып барды:

– Эй, он жети достым, меним бара жаткан Сатемир каннынъ кызын осы алып зорлык мынан алып бара жатыр экен. Эмди мен барып алыпка коччы болайын. Сиздер осынынъ конган ерине конып, туьстенген* жерине туьстенинъдер. Мен сизлернинъ тамак-азыкларынъды хаьр бир жука бутанынъ[142] туьбине жасырып койып кетермен. Излеп алып тамакланып, иерип келинълер, – деп айтды.

Оьзи кайтып келип, алыпка коччы болып турды. Кырк коччылардан артык коьрди. Эдиге кырык коччыга сувны тасытып алып, хаьйле минен далага кондырды. Яшырын, куьн сайын бир биени сойып, кейинъги[143] йолдашлары уьчин жука бутанынъ туьбине койып келеди. Аны йолдашлары алып, жеп келеди, конган жерине конып, туьстенген жерине туьстенип.

Бир куьндерде Эдиге кыздан сорады:

– Сен ким[н]инъ кызы эдинъ, – деп.

– Мен Сатемир каннынъ кызы эдим. Мени осы алып, зорлык мынан алып, келе жатыр.

– Осы алыпны оьлтирсем, эсен-аман журтынъга алып барсам, атанъ мени жаксы коьрер меди, а? – деди.

Кыз:

– Эгер мени эсен-сав журтыма алып барсанъ, оьзинден сонъгы бадса кылар эди сени! – деди.

– Качан жуклайтуган[144] куьнин меган айт, – деди Эдиге.

Кыз айтды:

– Мен саган качан бавырсак берсем – билгейсиз, – деп.

Бир куьни жети ярым бавырсак[145] берди – бу ойлады: «Жети куьн оьтип, туьс ярымда жуклайсын экен». Жети куьн оьткен сонъ, бир бавырсакнынъ жарымын берди. Кызга Эдиге:

– Мен йолдашларыма барып, бир огымны кезеп*, бир огымны тистеп келермен, сен тоьсин ача бергейсин – мен бир атайын сонда, – деди. Уьйден чыгып бара жатып, алыпнынъ ок-жайын коьрди. Колына алып, тартып карады: «Бийкаьр[146] коркып жуьр экенмен, куьчи оьзимдей экен, артык эмес[147]», – деп, желип юре берди. Кырык коччыны сувга йиберген экен. Он жети йолдасларына келсе – семирип калганлар экен, ташлап кеткен атны алып жеп. Йолдасларына айтды:

– Алдадан тилеп турынъдар – буьгуьн ойын бола! – деп.

Бир огын кезеп, бир огын тистеп, жуклап жаткан алыпка якын келип, кызга:

– Тоьсин ача бер! – деди.

Карга жуьнди[148], козы жавырын масакты* огы мынан тартып оьте чыкканда, боьксеси[149] жатып калып, кевдеси минен сермегенде, Тарлан[н]ынъ куйрыгы колына туьсти. Тартып эди – жата калды.

– Бал ачтырганда балгерлер[150] айтувчы эди: «Оьзинъдей, перининъ кызындан тувган, Эдигеден аьжелинъ болыр», – девчи эди. Калтак[151] Эдиге сен болдынъма? – деп, жаны чыкты.

Сувга жиберген кырык коччыга жетип барып, айтды:

– Негып жатырсындар?! Алыпынъ: «Баьринъизди кыраман!» – деп жатыр! – деп.

Барчалары* жыладылар:

– Ялгызга ясак болган,
Жаявга таяк болган
Эдигени кайдан алып келерсин?!
Карны ачканга тамак болган,
Аты жокка ат болган – ол кайдан келер?! – деп жылады.

– Эдиге келсе, алыпны оьлтирсе, не берир эдинъдер Эдигеге?!

– Эгер Эдиге келсе, алыпны оьлтирсе, бизлер аьр кимнинъ жалгызы эдик, биздерге эрик берсе, биздер жол батасын[152] берир эдик!

– Эдиге эр – мен! Алыпны оьлтирип келдим! – деди.

– Бизлер аьр кимнинъ жалгыз баласы эдик, бизлер сизге жол батасын берейик – эрик батасын беринъиз! Барып ата-анамызны кувантайык! – дедилер.

Андын сонъ:

– Барынъдар! Сатемир канга, дуваий[153] салам денъизлер! «Алыпны оьлтирип, кызынъны Эдиге эсен-аман алып келе жатыр!» – деп айтынълар.

Барчалары бата бердилер.

– Жортканда жолынъ болсын, жолдасынъ Кыдыр* болсын! – деп, йолларына кетдилер.

Шол кырык эрнинъ батасы тийип, Эдиге эр болды. Кырык эр, Сатемир канга барып, айтдылар:

– Эдиге – эр деген бир эр! Чыгып алыпны оьлтирип, кызынъны алып, келе жатыр! – деп.

Сатемир кан уьч сан кол* жиберди:

– Куьнге-желге тийгизмей Эдигени алып келинълер, – деп.

Уьч сан кол куьндик, туьстик жерге келгенде:

– Янъгыз атты кедейди кайдан тавып аламыз? Излеткен хан тентекме, излеген биз тентекме? – деп, кайтдылар.

Эдиге, кайтканларын билип, ачув кылды:

– Качан болса да сизлерни кырмасамма? – деп. Эмди эл четине барып кирди. Хан алдындан кисилер жиберип, оьз ордасынынъ касына туьсирди. Тоьбел* бие сойды, тоьрт кырлап очак казды. Сатемирнинъ сансыз кол – барын-жогын жыйды, уьлкен бир той кылды. Арап мынан сарапга журтты жаман тойды, ак некесин кыйды, кызны койнына салды. Кыз айтды:

– Мени алдынъма? – деди.

– Алдым сени, – деди.

– Сол байталга айгыр чапкан куьн алып мынан ойнап эдим. Биеники сув болса, меники де сув, – деди.

Биени сойып карадылар: суьврет болмай, сув болып тур экен.

– Оьзимдики женъер, – деди-койды. Кыз буваз болып, айына жетип куьнине биткен сонъ, бир огыл тувды.

Кара киске боьлетди,
Кара кис батыр деп,
Бала киске боьлетти;
Алтындан чуьмек* ойдыртты,
Куьмистен туьбек* койдыртты;
Кан касында тувды деп –
Атын кан Нуралын койдыртты;
Белине садак бувдыртты;
Коькиреги жавлы оьссин деп –
Качкан бир жавны кувдыртты.
Кан Нуралын тувганда,
Сатемирнинъ сансыз кол –
Бар-жогын жыйдыртты,
Тоьбел бие сойдыртты.
«Жалгызыма алгыс тийсин!» – деп,
Арап мынан сарапка
Сондай бир журтты тойдыртты,
Уьлкен бир той кылдыртты –
Коьнъилин сондай тындыртты.

Нуралын он эки жаска келгенде, асык атып ойнады. Торгай атып куьн коьрген жаман чалнынъ аткан асыгы жилинчигин* уьздиртти. Чал айтды:

– Жуьгермек, меним жилинчигиме аьлинъ жеткенче, юртдан кувып чыгарган Токтамыс кандан, барып, кегинъди алсанъчы! – деди.

Нуралын ачувланып уьйине келди:

– Я, атам, – деди, – сизнинъ бойынъызда бурындан калган эски кек бар экен!

Атасы Эдиге умыткан – ядына туьсди. Сатемир канга билдирди – уьч сан кол берди. Аттанды кол мынан. Бурынгы ичкен анты бар!

Кыркада кырка кырк адыр
Кырк басын жортыпды,
Кырык куьнчилик чоьлге
Айдынды булак салыпды,
Бут савырлы куьренче ат –
Бутка тартып минипди,
Эки туьгей торыча ат –
Ылавга жайдак алыпды.

Алдына жай тоьгип, жалтыр-жалтыр сувдан ичип барады. Жаранлар сорайды:

– Бу кандай кувы жок, кутаны жок, жекени жок, борыгы жок, неткен коьлдер? – деп.

– Бу – когалы коьл, корлы коьл. Жекени жок, борыгы жок. Сорлы коьллер деген – осы коьл.

Эдигенинъ атка юруьвине чыдамай, бир саны ка[й]тып кетди: «Коьрген сувдан сув ичермен», – деп. Сув курып калыпты – бир сан кырылды. Калган эки сан кол, осындай болып, кырылды. Аталы-балалы экев кетди. Алдында бир кара тав коьринди. Тавга келди. Эдиге Нуралынга айтды:

– Бу тав – Токтамыс каннынъ каравыл карай турган тав. Куьнлик, туьстик жерде, – деди, – Токтамыснынъ карга бутты кара кенпир[154] осы кара тавнынъ басына торгай конса да коьретырган[155]. Берк болып чык, – деди. Нуралын чыга келди. Кара бутты кара кемпир карап олтыр экен. Коьрди. Киси экенин, кара кус экенин айыралмады. Кенпир юртына киси чаптырды:

– Тавга бир кара чыкты. Кус экенин, адам экенин айыра алмай турман. Юрт берк болсын, – деп.Нуралын атасына айтды:

– Бир кар[а] ямычы алып кел, бир амал кылайын, – деп, – ол кенпир не экенин айырмады.

Кара ямычыны алып келип, эки четинден устап, кустек[156] канатындан кылып жайды. Бир увыч[157] топыракны чачып, тавдан асып туьсти. Кенпир юртына киси жиберди: «Бейбит[158] болсын! Кара кус экен, учып кетди», – деп.

Юрт бейбит болып жатканда аталы-балалы экеви эл четине кирдилер. Эл коркып буьлди*. Токтамыс канга хабар етди: «Эдиге экевлеп келди» – деп. Кан айтды:

– Эй, журтым! Койынъызны сойынъдар, кол кавсырып алдына барынълар, сизге тиймес, меним уьчин буьлменъдер! – деди.

Койын сойып, кол кавсырып бардылар. Кабыл алды.

Токтамыс кан журтындан айырылганда жырлаганы:

– Эдигем меним эр эди,
Эдигемнинъ мингени
Авызы актан кер эди,
Эдигемнинъ асув иси сол эди:
Оьзинден бир жасы уьлкенди:

«Аьзиз агам, сиз билинъиз», – дер эди.
Оьзинден бир жасы кичи турса:
«Уькем, сен тур[а] тур,
Мен соьйлейин» – дер эди.
Эдигемнинъ эскиден кеги бар эди,
Кеталмай ак[159] жуьр эди,
Коьралмасы коьп болды,
Коьтермеси жок болды,
Мен суьйтип айырылганман Эдигемден, – деди.

«Супра жыравнынъ айтканы келди», – деп журтнынъ жылаганы, Сыпра жыравнынъ бастап аьйткен[160] жырны айтып, токпак жалды торычан[ы] алдырды. Тогыз коьзди[161] киревкени кийди, жети кетпенден аса атады экен. Тогыз коьзди киревкесинден оьтмейди экен. Карагай найзасын таянып, токпак жалды торы ат минип, журтын жыйып аьйткен соьзи:

– Жигитдер, чоралар!
Орманбет бий оьлгенде,
Он сан Ногай оьнгенде,
Саназар батыр жавдан
Жаралы барып келгенде,
Алач да алач болганда,
Алачадан кан болганда,
Айяздар коьндер арчынланып,
Арасат* оты жанганда,
Бора* муздан[162] тайганда,
Бувырчын бас коьтерип турганда,
Кандан кайрат кеткенде,
Бийге медет энгенде,
Кан качып бий кувганда[163],
Кан Токтамыс карланып,
«Байтагым[164]!» – деп зарланып,
Айтып жылай жоьнелди:

– Эй, байтагым, байтагым!
Бастатып сени алдырт[т]ым!
Ал, аман бол менден сонъ!
Байтагымнынъ ичинде,
Он сан меним Ногайым,
Сени тагы алдырттым!
Он сан Ногай ичинде,
Уьч юз алтмыс отав казагым,
Сени тагы алдырттым!
Ал, аман бол менден сонъ!
Онъ жакта он беш чорам* арталмас,
Он эки сахар[165] атан тарталмас,
Бир Коькженден оьзге нар* тарталмас

Байдалы тувым, басты ордам
Бастата сени алдырттым!
Ал, аман бол менден сонъ!
Оьзенде оьзен, оьзен сув –
Оьзектеп ордам конган журт.
Оьзектеп соккан сом темир –
Эсигиме чынжыр болган журт.
Жагасындан балапан торгай учалмас,
Бастырдан басып конса чарып келмес,
Балыгы жылкы жувсатпас
Бакасы киси уйктатпас,
Маралы бар кийиктей,
Балдырганы билектей,
Алмасы бар жуьректей,
Эдил минен Жайыгым,
Сени тагы алдырттым!
Ал, аман бол менден сонъ!
Орманбет бий оьлген журт,
Он сан Ногай оьнген журт,
Саназар батыр жавдан
Жаралы келген журт,
Бие савган суьтти журт,
Кымыз ичкен кутты журт,
Атам куьев болган журт,
Энъкейип таьжим* эткен журт,
Анам келин болган журт,
Ийилип салам эткен журт,
Коьркти-Тогай сылувым,
Алганым келин болган журт,
Ак буьркенчик салган журт,
Ал эндигин* жаккан журт,
Кызыл маржан таккан журт,
Ак-боз атка минген журт,
Жанъгыз да карагым[166] Кадырберди,
Кадырберди солтан тувган журт,
Каплы камка жырткан журт,
Он сан Ногай жыйган журт,
Уьлкен бир той болган журт,
Жалгызыма алгыс тийсин, деп,
Карип минен касарым
Арап мынан сарапка
Сонда жаман тойган журт.
Жабагылы нар тайлак
Жардай атан болган журт;
Адасып калган бир токты
Жайылып мынъ кой болган журт!
Ал, аман бол менден сонъ!
Жапырагын жайкалткан,

Жардай атан семирткен,
Жарымны байга тенъелткен,
Сув[ы] мынан жары тенъ,
Кулынынъ мынан тайы тенъ,
Оьзени минен сайы тенъ,
Уьч алпаты уьлкен сув
Сени тагы алдырттым!
Ал, аман бол менден сонъ!
Мен алыстагыны коьралман,
Жувыктагын жеталман
Жаявлык баска туьскен сонъ,
Алдымда каба катер жерден сонъ.
Сап-сап жуьре, сап жуьре
Сай азамат косылып,
Жав жайкай да ала алман,
Каракыпчак Копландым,
Сен секилди эрден сонъ!
Олтырувчы эдик жайласып,
Коьк орайга* бие байласып,
Кулын-тайдай ойнасып, аяласып,
Олтырып асылдан саба толтырып.
Тенъ-курдаска косылып,
Оьтилип кымыз ичалман[167],
Ногайлымнынъ авыр журт,
Сен секилди элден сонъ!
Меним манъдайым куьнге куьймедим,
Табаным жерге тиймедим
Баска зорлык туьскен сонъ.
Ялгыз да карагым Кадырберди –
Манъдайындан ийискеп суьймедим!
Мен бу баргандан барарман,
Тел[и] коьлге барарман,
Тел[и] коьлде корксам мен,
Коьгилдининъ коьлинде
Баса барып жатарман.
Тилевимди тилеп тургайсын,
Алдам иер иес[и] болса,
Он уьч йыл айланганда
Кайтып келермен! – деп, жол алып кетди.

Сувсады бара жатып. Бир кенпирден бир аяк сорап ичди. Бара жатып алкынды. Тогыз коьзди киревкени чешип алып боьктерди, канжыгасындан босанып, туьсип калды. Со баргандан Тел[и] коьлге барды. Андан, коркып, Коьгил[д]ининъ коьлин баса барып ятды.

Андан сонъ Эдиге кызынынъ биревин алды, энди биревин баласы Нурадынга бермек болып койды. Анынъ уьчин Токтамыс канны издемек болды.

– Ай, балам, меган кырык эрден бата тийген, издесенъ табарсын, – деди.

Тавып Токтамыснынъ басын аларсын, – деди, – Кенегестин Кенъ Жанбай кай жагынъдан жолыгар экен, – деди, – Саган бир жагынъдан жолыгар, – деди, – Эгер жан уьчин жалынып соьз айтса, басын ал. Оьзинъ минен карсыласып соьз айтса, бир эрди тиймегейсин. Бу кызны сактап кой, – деп.

Нуралын жоьнелди. Кан Токтамыс ас сорап ичкен кенпирден Нуралын да ас сорап ичип бара жатып, тогыз коьзди киревкени тавып алып, уьстине кийип алып, излеп кетди. Коьгилдининъ коьлинде жатканда Токтамыс каннынъ жуьреги дуьрсилдейди, найзасы солкылдайды, [коьк орай] жапырылады, сув толкысыйды, кызгыч* «тийп-тийп» чыгады. Сонъ баьрисинден де коркты, зарланып жылады:

– Сен бийкаьр турып тыкырамачы, торыча ат,
Мен куьн-туьн катсам турарсын,
Бийкаьр турып дуьрсилдеме, сом жуьрек,
Эдиге де экев, мен жанъгыз –
Сайыскан жерде тынарман.
Солкылдама, ак найза,
Сайыскан жерде сынарсын.
Бийкаьр турып жапырылма, коьк орай –
Бу катерден[168] жан калса
Ногайлынынъ авыр журт,
Баччы[169] болып мен келсем,
Байларым уьстинъден баса бир айдап жайганда,
Кув чоьп болып соларсын.
Толкысыма, тунык* сув,
Байларым жылкыны баса айдап бир суварса,
Сонда курдым бир батпак боларсын.
Кыйкылама, кызгыч кус,
Тавысынъ зарлы байгус кус,
Канатынъ кувчык, мойнынъ бос сенинъ,
Баттавык[170] толган жылкым жок,
Тор толган жумыртканъ
Этектеп алыр улым жок.
Мен элимден айырылдым,
Сен коьлинъден айырылсанъ,
Сен де мендей боларсын.
Бу катерден жан калса,
Алдам иер иес[и] болса,
Журтыма баччы болып мен келсем,
Меним мен [аь]скерлерим,
Уьстинъден кар[а] лачынны басып салса,
Сонда бир коркып жымарсын.

Кызгычнынъ «тийп» чыкып турган жерине Нуралын жетип келсе, кан орындан турагелди. Бир-бириге салам берип, Нуралын айтды канга:

– Ат! – деп.

– Жок, сен ат! – деди.

Кан уьч мертебе атты. Оьзи[н]инъ жогалткан тогыз коьзди киревкесинден оьтмеди.

– Оьз кураныма[171] жолыктым, – деп, басын сона берди.

Нуралын басын кесип алып, канжыгасына байлап, желип жуьре берди. Коьринип турган бир байтерекке туьстенерге жетип барды. Терек саясында[172] бир аьдем, кара аргымакны кесе канътарып, уйктап жатыр. Оьлтируьвге ойлады. «Уйктаганны оьлтирген хатын иси», – деп, уятды. Аьдем сарнай турагелди де айтды:

– Эй, Нуралын, Нуралын,
Эч бермесин муралынъ!
Тогыз коьзди киревкем –
Аны неттинъ, Нуралын?!
Саварга бие суьти эди,
Байсалды журтка кут эди,
Токтамыстай кан ием –
Аны неттинъ, Нуралын?!

– Яне Нуралын айтды:

– Токпак жалды торыны
Тонаган жерде мингенмен,
Тогыз коьзди киревкенъ
Оьлтирген жерде кийгенмен,
Саварга бие суьт болса,
Байсалды юртка кут болса,
Тел[и] коьлде ызын чыгарып алганман,
Коьгилдининъ коьлде
Баса барып жеткенмен,
Тенъкейтип басын алганман!
– Эй, Нуралын, Нуралын,
Эч бермесин мурадынъ!
Тоьбеге чыккан тоьртевге
Тоьре берер куьнлер тувгайма?!
Аркада турган алтавга
Ага болыр куьндер тувгайма?!
Аркада турган ала тав
Эр артылар куьндер тувгайма?!
Тоьбедеги тоьрт жулдыз
Танъ атар куьндер тувгайма?!
Тоьбел торы ат куйрыгы
Тоьрт чалувга келгейме?!
Калган-куткан эл болып,
Кадырберди солтан кан болып,
Бурынгыдай эл болып,
Тув' желкилдеп чыккайма?!
Бизге тувган осы куьн,
Саган дагы бир тувып,
Чуьйдели балта колга алып,
Чуьйдесине бир минип,
Сенинъ тоьменчик[173] коьзди бабанънынъ
Тоьбелер куьндер туварма?!

Атасы Нуралынга аьйткен: «Карсы соьз айтса, оьлтирме эрди», – деп. Токтамыс каннынъ баласы Кадырберди солтан юз киси минен качып кеткен эрди. Нуралын

кеткеч, Кенъ Жанбай жасырынып, атасы мынан Нуралынны чагыштырайын[174] деп, Эдигеге жетип барды, айтды:

– Бир кызны кувантып, бир кызны кувартып[175] койганынъ не? – деди, – Бу даьвир суьргенде экевин де оьзинъ алсанъчы. Баланынъ ырысы оьзинде, – деди.

Жанбайнынъ чагыштырганыны билмейинче, эки кызны оьзи алды. Уьлде минен буьлдеге малды. Эки колын кызнынъ уьстине салды. Заманда Нуралын кирип келди. Эрини кезерип[176], коьзи бозарып, эки кызнынъ уьстине кол салып олтырган атасын коьрди. Шол заман ачувы келип, атасына «А!» деген эди – атасынынъ коьзи чыкты, «Маьх!» дегенде колы сынды. Эдиге энди зарланып жылады:

– Ай, тувмагыр, тувмагыр,
Сени кайдан тувдырдым?!
Сен тувганда, Нуралын,
Тоьбел бие сойдырдым,
Тоьрт кырлап очак каздырдым,
Сатемирнинъ сансыз кол
Бар-жогын жыйдырдым,
Жалгызыма алгыс тийсин, деп,
Карип минен касарды
Арап мынан сарапка
Сонда жаман тойдырдым!
Сен тувганда, Нуралын,
Кара киске боьлеттим.
Ал-кара кис батады деп,
Бала киске боьлеттим.
Алтындан чуьмек ойдырттым,
Куьмистен туьбек койдырттым,
Кан касында тувды, деп,
Атынъды кан Нуралын койдырттым!
Белинъге садак бувдырттым.
Коькирек жавлы оьссин, деп,
Качкан жавды кувдырттым.
Карга конмас кара агач –
Каз кондырдынъ, Нуралы.
Кузгын конмас кув агач –
[Кув] кондырдынъ, Нуралы,
Кув канатын сал этип,
Эдилден коьктей оьттинъ, Нуралы.
Сен кара сувга кан куйдынъ,
Сувды кайдан урттарсын?
Кара аргымак катырдынъ,
Атты кайдан минерсин?
Кара лачын качырдынъ,
Кусды кайдан чуьерсин?
Жан дегенде жалгыз атанъ мен эдим,
Менинъ алгачдан[177] коьзим чыгардынъ,
Бергечден колын сындырдынъ,
Кайда бир кайда барсанъ тынарсын?

Нуралын айтды:

– Мен карга конмас кара агач –
Каз кондырдым журт уьчин,
Кузгын конмас кув агач –
Кув кондырдым журт уьчин,
Кув канатын сал этип,
Эдилден коьктей оьтдим журт уьчин!
Кара сувга кан куйсам,
Сувны сербет урттарман,
Кара аргымак катырсам,
Ат[ты] тулпар минермен,
Кара лачын качырсам,
Кусты сунъкар чуьермен,
Кавдан жерге оьрт койсам,
Чуьйгин[178] чоьпти оттарман,
Жан дегенде жанъыз аькем[179] сен болсанъ,
Сенинъ алгачдан коьзинъ чыгарсам,
Бергечден колынъ сындырсам,
Таьнърим уьйи Меккени
Уьч айлансам тынарман! –

деп, журтны эки боьлип алып кетди. Сувнынъ эки жагында экеви жатты. Эдиге ялгыз баласын сагынып сарнап аьйткени:

– Терлигим алтын болмады,
Тенъим минер болмады.
Кан жиени бий улы
Нуралын кан болмады.
Кан болганнынъ неси артык?
Оьзимизден сонъгыга
Уьлгиден уьлги бола калмады.
Алыстан кара коьринсе, –
Айланыскан мырза улым,
Жувыктан кара коьринсе, –
Толганыскан мырза улым.
Жети кече бириксе,
Жер жанъылмас мырза улым.
Жети дерия косылып ташканда
Жел кайыктай омыравын
Желге берип оьткен мырза улым.
Борай да борай кар жавса,
Боз кирискен мырза улым.
Борасындап ок келсе,
Болатдан калга[н]* болган мырза улым.

Нуралыннынъ хатыны баласынынъ куйрыгына болат бизни сугып алып жылатты. Нурадын[н]ынъ ачувы келди баласынынъ жылаганына. Шол вакытда хатын[н]ынъ аьйткени:

– Кара киске ораткан, алтындан чуьмек койдырган, алпастап[180] оьстирген атанъга сен не коьрсе[т]тинъ? Була[р] бизге не коьрсетер? – деп чечеси айтды.

Нуралын оьзин бир кисиге камчылатып хем жетелетип, атасы Эдигенинъ алдына барып татувластылар.

– Калган-куткан эл болып,
Кадырберди солтан кан болып,
Кувлыктан[181] бир тувган кулача
Кулында эмди, тайда эмди,
Кунанында арда эмди,
Доьненинде уьйретти,
Бесинде жибек аркан суьйретти,
Алтысында адувын[182] ат болды,
Жетисинде желкилдетип толды,
Сегизинде сырппай[183] кулан атты,
Тогыз жаста толысты,
Он жасына жеткенде,
Сур кундыздай онъгысты,
Он бир жаска келгенде
Ок жыландай каргысты.
Кадырберди солтан садагын сала байланды,
«Журтка курбан боламан!» – деп,
Журтын уьч мертебе айланды,
Акылын ичине сактап кезенейди[184],
Кулачага минип ап[185],
Журтка сырын айтмайды,
Эдигени издейди.

Та[л] туьсте[186] эл четине келип кирди.

– Эдигенинъ ордасы кайсы? – деп сорады.

Бир аьдем Эдигенинъ уьйин: «Анав», – деп коьрсетти. Кулачасын желип келип туьсти. Уьйге энип кирип тоьрде жаткан Эдигенинъ кевдесине минди.

– Кимсин кевдеме минген? – деп сорады

– Тоьбедеги тоьрит юлдыз танъ атув куьнде, тоьбел тор[ы] ат куйрыгы тоьрт чалувга келди. Калган-куткан эл болып, Кадырберди солтан кан болып, аьвелгидей бизнинъ журт тув желкилдеп чыкты.

Чуьйдели балта колга алып, тоьрде олтырган тоьбенчик коьзди Эдигенинъ чуьйдесине бир минип:

– Бизге тувган осы куьн, саган дагы бир тувып, чуьйдеге тоьбелер куьндер тувды.

Кевдесине минди де уьч секирип: – Эр болсанъ оьлирсинъ, жаман болсанъ жуьрерсин! – деп, чыгып кетди.

Мундын сонъ аталы-балалы экев куса[187] мынан оьлди. Кадырберди солтан, кайтып келип, юртына тоьре болды. Оьмирин кечирип калды.

Таммат тамам[188] болды.

ПРИМЕЧАНИЯ [1]

[1] Уьмер – ногайское произношение имени Умар/Омар.
[2] Коьзи тийген – *здесь:* приглянулась.

---

[1] Примечания Т. Джемакулова

[3] Кимдин – значение слова неясно. Возможно, имеет место неправильное написание слова *кимден – от кого, от которого* или *кейимден/кейинден* – потом, после.
[4] Койды – здесь: назвал.
[5] Агын – здесь: текущая.
[6] Жеткеч (еткеш) – дойдя; после того, как дошёл.
[7] Болгач (болгаш) – будучи, являясь.
[8] Сонъынъдын (сонъыннан) – здесь: следом, вслед на ней.
[9] Булкыган – см. глоссарий П. Мелиоранского.
[10] Боласа – точное произношение и значение слова неясно. В рукописи первоначально написано «боласа», но затем исправлено на «болавса». При издании П. Мелиоранским было сохранено первоначальное написание и дано примечание: «Поправлено «болавса», глосса: встречь. Sic!)».
[11] Гажип (аьжеп, аьжип) – дивная, удивительная, изумительная.
[12] Сеган (сага) – тебе.
[13] Айды (айтты) – сказала.
[14] Я – *утверд. частица.*
[15] Кайран – возглас сожаления.
[16] Кетхудайым – обращение к хозяину дома, главе семьи.
[17] Сач (шаш) – волосы.
[18] Нил – река Нил.
[19] Орамал – платок.
[20] Танъув – привязать, привязывать.
[21] Авыр журт (авыр юрт) – Ч. Валихановым переведено как «сильный народ».
[22] Молда (молла) – мулла.
[23] Яшкече (яскаша) – до [восьми] лет.
[24] Осыган – этому.
[25] Сага – место впадения реки в озеро.
[26] Канча – здесь: какое.
[27] Коьнуьв – здесь: соглашаться.
[28] Бийдамак – не имеющий претензий. См. также глоссарий П. Мелиоранского.
[29] Калаган – свободное, не прикрытое.
[30] Жетелев – вести на поводу.
[31] Жуьгинуьв – здесь: обратиться (букв.: кланяться, скрестив руки на груди).
[32] Кара – здесь: скотина.
[33] Осы (сосы) – эта, этот.
[34] Соган (сога) – здесь: из-за него.
[35] Алда (Алла) – Аллах.
[36] Меган (мага) – мне.
[37] Кандай (кайдай) – какой.
[38] Осынав – вот этот вот, вот этот самый.
[39] Маган (мага) – мне.
[40] Эне – мать.
[41] Мейил – желание.
[42] Кыймассан – дорожа [ребёнком]. Возможно, «кыймастан».
[43] Билегинден – по контексту должно быть «билегимден».
[44] Нак – здесь: настоящая.
[45] Чече – мать.
[46] Мертебе – здесь: раз.
[47] Таксыр – господин, государь.
[48] Жакталы – см. глоссарий П. Мелиоранского.
[49] Учан – можно прочитать как «очан, уьчен, оьчен»; возможно, искажённое «океан». См. также глоссарий П. Мелиоранского.
[50] Дав (дава) – претензия, иск.
[51] Келдесе (келди эсе) – если придёт.
[52] Битир – к этому слово имеется примечание П. Мелиоранского: «Так рук. лучше «кыр».
[53] Басым – превосходство, превосходящий.
[54] Негып (не кылып) – здесь: как, каким образом?
[55] Аллахынъ яр болсын! – пожелание помощи Всевышнего.

[56] Силик этесиз (силк этуьв) – вздрагивать. К слову «этесиз» имеется примечание П. Мелиоранского: Sic!». По-видимому, внимание привлекло то, что вспомогательный глагол «эт-» более характерен для ногайского языка, в казахском языке чаще используется вспомогательный глагол «кыл-».
[57] Таьвир – неплохо, недурно.
[58] Арап-сарап – искажённое «арак-шарап» – водка-вино.
[59] Мас – пьяный.
[60] Мес – бурдюк.
[61] Анъдувчыга – стеречь, подстерегать, подкарауливать.
[62] Анъдытты – посадил в засаде.
[63] Андын – арх. «оннан».
[64] Тарланбоз – кличка коня, у Ч. Валиханова «белый с пятнами, белый с крапинками».
[65] Кувлык чагув – насмехаться.
[66] Негыласын (не кыласынъ) – что ты делаешь?
[67] Барлагайсын – здесь: вспомни.
[68] Туьневги (туьнегуьнги) – вчерашнее.
[69] Оьзин атты – бросился.
[70] Тил – здесь: новости.
[71] Элемев – не сердиться.
[72] Киргечден (киргештен) – войдя, после того как вошел.
[73] Тургачдан (тургаштан) – встав, после того как встал.
[74] Оькил – см. глоссарий П. Мелиоранского.
[75] Байып – понимание, разумение; см. также глоссарий П. Мелиоранского.
[76] Косалыктав – см. глоссарий П. Мелиоранского.
[77] Салдеди (салды эди): толгап-толгап салдеди – спели было.
[78] Капия – см. глоссарий П. Мелиоранского.
[79] Какпак – крышка казана.
[80] Рай – настроение, расположение духа.
[81] Уьлде минен буьлде – Ч. Валихановым переведено как «драгоценные ткани».
[82] Окыя (вакыя) – см. глоссарий П. Мелиоранского.
[83] Казымыз – эпитет выдающихся народных певцов- сказителей.
[84] Жаныбек – согласно примечанию П. Мелиоранского, слово можно прочитать и как «Жаьнек», Ч. Валиханову «Жанак».
[85] Тогым – согласно Ч. Валиханову, ласкательное имя Токтамыша.
[86] Давран – время от рождения до смерти, жизнь. В переводе Ч. Валиханова «сила и власть».
[87] Сонча – столько.
[88] Кечеги (кешеги) – здесь: вчерашний.
[89] Кубача (Кубаша) – Ч. Валихановым переведено как «бледнолицый».
[90] Туьгей – см. также глоссарий П. Мелиоранского.
[91] Алаганчык – ладонь. Ниже ещё «алаканчык».
[92] Боп (болып) – став.
[93] Тоьс арчынды (тоьс аршынлы/тоьс арсынлы) – см. глоссарий П. Мелиоранского.
[94] Текти (текли) – знатная, родовитая.
[95] Сире де – наверное; пожалуй.
[96] Каскаюв – смотреть прямо, не боясь и не стесняясь.
[97] Оьтилди – просили друг друга.
[98] Арбанъ – см. глоссарий П. Мелиоранского.
[99] Саптыяктай (саплы аяк) – ковш.
[100] Бадсалык (патшалык) – ханство, царство.
[101] Ыбын-сыбын – см. глоссарий П. Мелиоранского.
[102] Сынъгылдасып – см. глоссарий П. Мелиоранского.
[103] Чий (ший) – песчаный тростник.
[104] Энъсекей – с высоким основанием *(кереге)*; Ч. Валихановым переведено как «высокоплечая».
[105] Тийген ди – согласно П. Мелиоранскому, в рукописи сверху написано «н сонъ», то есть «тийген сонъ». Подобные дополнения есть и ниже по тексту, по-видимому, Ч. Валиханов собирался усовершенствовать свою рукопись вставками из какого-то другого варианта дестана, вероятно из переведённого им на русский язык ногайского текста.
[106] Ила[л]ман (иле алман / иле алмаспан) – не смогу повесить.
[107] Иччалман (ише алман / ише алмаспан) – не смогу пить.

[108] Арвак – согласно П. Мелиоранскому, в рукописи над этим словом карандашом написано «арвах», а на полях заметка: «Солтан Чоханнынъ китабыда шу» (см. предисловие П. Мелиоранского).
[109] Тексиз – безродный.
[110] Сарыазбан – кличка коня.
[111] Баяв – Ч. Валихановым переведено как «беспечно».
[112] Тоьс арсынды (тоьс аршынлы/тоьс арсынлы) – см. глоссарий П. Мелиоранского.
[113] Жавыртып (явыртып) – заставив согнуть.
[114] Чынъгычтын – очевидно, следует читать «Чынъызнынъ».
[115] Боьктерлей – см. глоссарий П. Мелиоранского.
[116] Торлавсыз – Ч. Валихановым переведено как «без пут, без цепей».
[117] Оьрермен – П. Мелиоранский предлагал читать «оьртермен».
[118] Божыган – см. глоссарий П. Мелиоранского.
[119] Бувырчын (бувыршын) – см. глоссарий П. Мелиоранского.
[120] Бурылча (бурылша) – см. глоссарий П. Мелиоранского.
[121] Жекенди (екенли) – с поросшими осокой берегами.
[122] Желкен – здесь: пустые.
[123] Айырылмас – П. Мелиоранский предлагал читать «айырылман».
[124] Касалассам – П. Мелиоранский считал, что лучше «карсылассам».
[125] Кыдыравды – см. глоссарий П. Мелиоранского.
[126] Сахар (шахар) – город.
[127] Куьнайымдан – от своих грехов.
[128] Чаьвлиж – см. глоссарий П. Мелиоранского.
[129] Маьн – значимость, толк.
[130] Аптаркы – см. глоссарий П. Мелиоранского.
[131] Чарчав – уставать.
[132] Камыгув – страдать.
[133] Тамак – здесь: еда, пища.
[134] Кызылгак – в переводе Ч. Валиханова: «вода, оставшаяся в низких местах на солончаковом грунте»; см. также глоссарий П. Мелиоранского.
[135] Баялыч (баялыш) – см. глоссарий П. Мелиоранского.
[136] Корув – охранять, оберегать.
[137] Ойлыгув – см. глоссарий П. Мелиоранского.
[138] Быт-быт кылув – разгромить, разорить.
[139] Тояттав – насытиться, удовлетворить свою потребность.
[140] Мейир – симпатия, благосклонность.
[141] Коьбеген – пёс, кобель.
[142] Бута – куст, кустарник.
[143] Кейинъги – здесь: оставшиеся сзади.
[144] Жуклайтуган (уйклайтаган) – здесь: когда спит.
[145] Жети ярым бавырсак (ети бавырсак ярым) – семь с половиной баурсаков.
[146] Бийкаьр – напрасно, зря.
[147] Эмес – слово-отрицание, соотв. ногайскому «тувыл».
[148] Жуьн – здесь: перо.
[149] Боьксе – задняя часть тела.
[150] Балгер – гадатель.
[151] Калтак – растерянный, робкий.
[152] Бата – благословение.
[153] Дуваий – молитвенный, с молитвой.
[154] Кенпир – старуха.
[155] Коьретырган (коьретаган) – здесь: видит, замечает.
[156] Кустек (кустай) – как птица.
[157] Увыч (увыс) – горсть.
[158] Бейбит – мир.
[159] Ак – частица «ок» – же.
[160] Аьйтуьв (айтув) – сказать.
[161] Тогыз коьзди – Ч. Валихановым переведено как «с девятью бляхами».
[162] Муз (буз) – лёд.

[163] Кувганда – в рукописи к этому месту на полях приписано: «Это место по ногайской редакции: «Кандар качса, бий кувып, кан жуьруьвге туьскен куьн».
[164] Байтагым – в рукописи к этому месту на полях приписано: «Искажение персидского слова «пайтахт».
[165] Сахар – см. глоссарий П. Мелиоранского.
[166] Карагым – ласковое обращение к младшим по возрасту.
[167] Ичалман (ише алман/ише алмаспан) – не смогу пить.
[168] Катер – беда, несчастье.
[169] Баччы (басшы) – здесь: хан.
[170] Баттавык – см. глоссарий П. Мелиоранского.
[171] Куран – Ч. Валихановым переведено как «оружие».
[172] Сая – тень.
[173] Тоьменчик коьзди (тоьменшик коьзли) – Ч. Валихановым переведено как «пучеглазый». «Тоьменчик» – монета достоинством в десять единиц.
[174] Чагыштырув (шагыстырув) – стравливать.
[175] Кувартув – сушить, иссушать.
[176] Кезеруьв – бледнеть.
[177] Алгачдан – сначала.
[178] Чуьйгин (шуьйгин) – сочный. См. также глоссарий П. Мелиоранского.
[179] Аьке – отец.
[180] Алпастав – ласкать. См. также глоссарий П. Мелиоранского.
[181] Кувлык – Ч. Валихановым переведено как «кобыла 4-х лет».
[182] Адувын – Ч. Валихановым переведено как «совершенная лошадь».
[183] Сырппай – см. глоссарий П. Мелиоранского.
[184] Кезенейди – задался целью, замыслил что-либо.
[185] Минип ап (минип алып) – сев.
[186] Тал туьс – полдень.
[187] Куса – тоска, печаль.
[188] Таммат тамам – полностью закончилось.

Идеге бий

Вариант В.В. РАДЛОВА

Печатается в транслитерации по тексту:

Идеге Би // Радлов В.В. Образцы народной литературы северных тюркских племен. – СПб., 1896. – Т.VII. – С. 99–121.

Настоящий вариант эпоса «Эдиге» является одним из четырех текстов поэмы, записанных В. Радловым в степной части Крыма. «Наиболее полным, хорошо сохранившимся» называет В. Жирмунский «Идеге бий», определяя текст как «надежный научный источник». П. Мелиоранский в своем Предисловии к тексту Валиханова отмечает, что «наиболее полные и близкие к истории версии собраны пока у ногайцев» (с. 14). Характеризуя различные варианты эпоса «Эдиге», о настоящем тексте, записанном В. Радловым в степном Крыму, ученый пишет, как об «особенно важном», «близко подходящем к ногайской, довольно полной версии».

Эвели* бир Токтамыш деген кан болду, онунъ да бир Кутлугая бий деген саклаву* болду. Токтамышнынъ лаьшин* деген куш[у] болду. Токтамыш кушларны шуье*, Кутлугая бий бу кушну карай, юмурта козлата, бала чыгарта. Чехерли коьлде Токтамыш кан бу лаьшин[н]и шуье, куш тута. Сон* Темир кан деген кан Токтамыш канга бир адам йоллай – лаьшин кушнунъ бир юмуртасын истей*. Темир канда йок лаьшин куш, Токтамыш канда бар. Токтамыш кан бермий лаьшин кушун. Темир каны[1] кишини[2] бош кайта. Токтамыш кан кушну бермий.

Не япсын[3] Темир кан? «Бу лаьшин кушну ким бере бизге?»

Сон Темир канга соьйле[й]лер:

– Анунъ бир саклаву бар, Кутлугая бий деген, лаьшин кушну о бакар[4], о козлатар, о бала чыгартар. Сен Кутлугая бийге адамны йолла, о, беким[5], юмуртканы саа[6] кырслап[7] бере.

Сон Темир кан Кутлугая бийге адам йоллата. Келди о адам, кире:

– Темир кандан саьлем* бар, – деди Кутлугая бийге, – шу* лаьшин кушнунъ бир юмуртасын маа[8] берсин!

Сон Кутлугая бий деди о кишиге:

– Сен коьлге чык, эки бийдаяк* юмуртасын аккел[9]! – деди.

Кетти о адам, коьлде эки бийдаяк юмуртасын тавуп кетирди. Лаьшин бала уяда чыгармайа яткан. Со Кутлугая бий о адамга соьйледи:

– Сен бу лаьшин кушнунъ эки юмуртасын ал! Сал койнунъа юмуртаны!

НАРѢЧІЯ

СѢВЕРНЫХЪ ТЮРКСКИХЪ ПЛЕМЕНЪ.

I ОТДѢЛЕНІЕ.

ОБРАЗЦЫ НАРОДНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

ЧАСТЬ VII.

DIE SPRACHEN

DER

NÖRDLICHEN TÜRKISCHEN STÄMME

VON

Dr. W. Radloff.

I. Abtheilung.

PROBEN DER VOLKSLITTERATUR.

VII. Theil.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1896.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лин., № 12.

ОБРАЗЦЫ

НАРОДНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

СѢВЕРНЫХЪ ТЮРКСКИХЪ ПЛЕМЕНЪ.

СОБРАНЫ

В. В. РАДЛОВЫМЪ.

ЧАСТЬ III.

ПАРЧА ЕРЕКЛИН ПАЙЛЫРЫ.

PROBEN

DER VOLKSLITTERATUR

DER

NÖRDLICHEN TÜRKISCHEN STÄMME

GESAMMELT UND ÜBERSETZT

VON

Dr. W. Radloff.

VII. Theil.

DO ПЕЧАТИ ПО 1896.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ. 1896. St. PETERSBURG.

Продается у книгопродавцевъ Императорской Академіи Наукъ:

К. Л. Гиппиусъ, Н. Гетцеръ и Комп. въ С. С. Ремеръ въ С.-Петербургѣ.

Н. Р. Карбасниковъ въ С.-Петербургѣ, Москвѣ и Варшавѣ.

Н. Гиппиусъ въ Парижѣ.

Фирма Г. Гессель въ Лейпцигѣ.

Commissionaire de l'Académie Impériale des Sciences:

MM. L. Gissmann, Eggers & Co. et C. Ricker à St.-Pétersbourg.

M. N. Karbasnikof à St.-Pétersbourg, Moscou et Varsovie.

M. N. Gyrnaud à Paris.

Voss' Sortiment (G. Haessel) à Leipzig.

Цѣна: 7 руб. 50 коп. — Prix: 20 Mrk. 75 Pf.

МОМ

[illegible] Чыйрҗі өйләп Төкәрәнне һәм бу
йөзенә өйләнде, бүтән чыгарып. Сон Тимер һәм өйләп һәм Төкәрәнне [illegible]
бер өчен дөнья йөзенә бер [illegible]. Тимер [illegible]
юк йөзен бүтән, Төкәрәнне [illegible]. Төкәрәннәнме бер [illegible]
[illegible]. Тимер [illegible]. Төкәрәннәнме [illegible]
[illegible]. Ни дөнья Тимер [illegible] бер [illegible]? Сон
Тимер [illegible]: [illegible] бер [illegible] бер Кытырҗа [illegible],
йөзен [illegible], [illegible], [illegible]. Сон Кытырҗа
[illegible] дөнья, [illegible] [illegible] бер [illegible]. Сон Тимер [illegible]
[illegible] Кытырҗа [illegible]. Кайбер [illegible] [illegible]
[illegible] Кытырҗа [illegible] [illegible]: [illegible] [illegible]
[illegible] Тимер [illegible] Төкәрәнне [illegible]
[illegible] [illegible]. Сон [illegible] [illegible] [illegible]
[illegible] Тимер [illegible] [illegible]? Төкәрәнне [illegible] [illegible]
[illegible] [illegible]? Төкәрәннәнмәс [illegible], [illegible] Тимер [illegible]
[illegible] [illegible] [illegible] [illegible]. Сон [illegible] [illegible]
[illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]. Кайбер [illegible]
[illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]

Чыгарлар о киши [мен], бу бийдаякнынъ юмуртасын лаьшин кушнунъ астында койдулар. Лаьшин[нинъ] эки юмуртасын алдылар. Сон йоллады Кутлугая бий бу эки юмуртаны. Темир канга саьлем коьндуьрдуь[10], аккетти Темир канга бу юмуртаны, берди, андан бала чыгарды. Ону салды капеске*, асрады. Бу Кутлугая бий бу бийдаяк юмуртасын лаьшин кушнунъ астында койган эди. Онда вахыт* келди – ондан бала чыгады. Сон бир куьн Токтамыш кан соьйледи:

– Наслы[11] Кутлугая бий? Лаьшин куш баланы чыгардымы? – деди.

Кутлугая бий соьйледи онъа:

– Кан эпендим*, – деди, – лаьшиннин аслилиги* кеткен, ол картайды, онунъ бала[ла]ры бийыл бийдаяк балаларына ушайды. – дее соьйледи.

Гене* бактылар, карадылар, бир йылдан сора[12] аккелди лаьшиннинъ балаларыны Токтамыш канга, Чехерли коьлге куш шуьймеэ чыктылар. Темир кан да, о да чыкты лаьшин балаларын алып Чехерли коьлге. Токтамыш кан шуьйдуь (силтеди[13]), бийдаяк кушнунъ балалары кетти, алар кушка бакмады, куш тутмады, кетти башка якка. Темир кан да силтеди кушка лаьшин балаларын, о куш тутту. Темир кан кайтты коьйуьне*. Токтамыш кан да кайтты коьйуьне. Кутлугая бийге соьйледи:

– Сен бу лаьшинге бир ший яптынъ[14]. Темир кан юмурта истеди менден, мен бермедим[15]. Сенден[16] истеди – сен ога лаьшиннинъ эки юмуртасын бердинъ. Бийдаякнынъ эки юмуртасын сен лаьшиннинъ астына койдунъ. Шинди* бийдаяк балалары кушка бакмас, оьз башына башка якка кедер[17].

Шинди Кутлугая бийнинъ башын кесме истеди, мешевуьре* этти. Акылзаделер* мешевуьре бердилер Токтамыш канга:

– Генди* чырагынъны генди соьндуьрме, буну оьлдуьрме! Буну кув! Турмасын топрагынъда!

Сон Токтамыш кан Кутлугая бийни кувду.

– Топрагымда турма! – деди. – Эгер меним топрагымда турсанъ, эшитсем – кесермин, – деди.

Кутлугая бий чыкты, кетти Темир канга. Темир каннынъ, Токтамыш каннынъ сынъырына* барды, токтады анда. Сон анда мешевуьре этти: «Наслы япайым? – деп, – Темир канга барсам не соьйлийим? «Токтамыш кан мени кувду, мен саа эки юмурта бердим, сен маа бир тилим оьтмек бер!» – наслы соьйлийим? Маа айып. Мында Токтамышнынъ топрагы, мында Темир каннынъ топрагы, мында, бу сынъырда, отурайым эки якка бармай». Курду чатырын, шу ерде сынъырда отурду. Ала туьпегин* элине*, эртен чыкты чоьлге, ахшамга* кадар ата, анъжылык* эте, куьнде бир куш сога туьпек мен. Кетире, пишире, ашай. Шайтып* отура шу ерде. Бир куьн отура, он куьн, бир ай отура. Бир куьн чатырына бир кысаяклы* бир кыз кире, келе, дий:

– Сен, Кутлугая бий, сен наслысын?

О кыс соьйле[й]:

– Мен саа чыптылыкка[18] келдим, сиз мени алынъыз!– дий.

Сон Кутлугая бий ону алажак бола. Мейир* соьйлешелер. Кыз соьйлей:

– Меним мейирим уьйге келгенде тышардан[19] сес берип келирсин, мен уьйден чыкканда, [сен] уьйде калганда артымдан бакмассын,– дий, – меним мейирим о дур, – дий, – Эгер артымдан баксанъ, я сес бермий келсенъ, сонъ: мен саа йок, сен маа йок.

Кутлугая бий аны кабул* [этип] никях* эте, ала. Эм бир яттылар, юрелер, бири бийкеси, бири байы. Бир ай, эки ай юрелер барабар*. Кутлугая бий саба* кете, ахшам келе, куьнде туьпек билен* бир куш согуп алып келе. Буьгуьн аккелген кушну бийкеси темизлий*, азырлий*, я эртен тура да бир кете чоьлге, бир куш ахшам дахы* алып келе, бийкеси туьпеги ала, келген кушну буьгуьн азырлий кызартып* емекке. Ахшам Кутлугая бий келе эвге*, барабер кызарткан кушну йийлер.

Бир куьн Кутлугая бий дахы чоьлгоь кеткенде бир лахий (дербиш[20]) келе Кутлугая бийнинъ эвине, соьйлий ки*, Кутлугая бийнинъ карысына*:

– Карным ач, – дий, – Бир парча* емек булунмасмы[21]?

О заманда анда оьтмек йок, не бермее билмий. Бир кызартма куш бар сеэнде*, кары деди оьзуь оьзуьне: «Бир йилегин копарып[77] алып берсем – айып, эпсин* берсем – Кутлугая бийден коркамын. Не олса олур, берийим».

Бара, алкеле сеэнни, онунъ алдына сала. Ача о сехил* сеэннинъ капагынынъ[22], ичинде бир кызартма* бар, о башлай ону емее, бир тамам йий, битире, суьеклери кала сеэннинъ ичинде. Ога бир дува этти. Кутлугая бийнинъ бийкеси яба сеэннинъ капагын, сала йокарга. О сехил кетти. Ога дува эткенде дий:

– Сизлерде эвлаьт* йок, бир эр эвлаьт болур сизге,– деп, бир кайырлы дува кыла.

О сехил кете. Ахшам бола. Кутлугая бий эвине келе. Сонъра бир куш согуп алып келе. Элин-юзуьн ювдра бийкеси. Сонъ соьйлий Кутлугая бий:

– Емек вармы*, бийке? – дий, – Карыным ач тыр, – дий.

О заманда бийкеси соьлий:

– Бир ший йок тур, бир сехил келди буьгуьн, онъа вердим, бир тамам калдырмады, еди. Эгер ынанмасанъ бак, – деди. Анда йогардан сеэнни Кутлугая бийнинъ алдына салды. Сеэннинъ капагын ачып бакты Кутлугая бий. Анда куш кызартмасы битин* тура гене. О заман теэжип* этелер, наслы ший? Кутлугая бий соьйлий:

– Сен мени билен ойнайсын, мени маскара аласын. Мына – битин куш тура, – дий.

О заман соьйлий бийкеси, емин* шарт* эте:

– Бен ялан* соьйлемедим, айтканым керчек* тир.

О заманда Кутлугая бий соьйлий ки:

– Бу келен сехил бу зая* адам дейил* дир.

Шуну ман гене юрелер, бир маьлде* бийкеси курсак коьтуьре, бирер эвлаьт таба. Сонъ Кутлугая бийнинъ бийкесининъ кыз-кардешининъ* дуьгуьнуь* бола. Сонъ Кутлугая бийнинъ бийкеси соьйлий Кутлугая бийге:

– Беним* кыз-кардешимнинъ дуьгуьнуь бар, мени чагыралар. Рухсет* бер, мен кетийим.

Кутлугая бий соьйлий:

– Наслы сен кетерсин? Бу баланы ким бакар? – дий.

О заман бийкеси соьйлий ки:

– Мен бешикке боьлоьп кетийим, эмчек верип, мен етермин.

Сонъ Кутлугая бий аа[24] изин* берди кетмее. О баласын салды бешикке, берди эмчек, юклатты, кийди урбаларын*, чыкты эвден. «Кутлугая, савлук ман кал!» – соьйледи. Эвден чыкты, Кутлугая бийнинъ бийкеси эвден чыккан сонъ Кутлугая бий соьйледи аклы[25] ман. «Бизим бир машараатымыз* бар, – деди, – Мунунъ мейири, келсе сес берип кележекмин, бу кетсе эвден бунунъ артындан бакмайжакмын[26]. Шунунъ артындан бир бакайым!» – деди. Сыртындан бакып, бийкеси эвден кетип бара яткан вахта[27] бакты, коьрдуь ки, бийкесининъ эки оькшеси йок тур, эки колтугу

астында тешик тир – оьпкеси коьруьне, о жин* кызы эди, перилерден*. Кутлугая бийнинъ бактыгын[28] бийкеси туйду*. Сонъ бийкеси кери кайтты уьйуьне, соьйледи Кутлугая бийге:

– Бизим машаратымыз* бузулду. Сен меним сыртымдан бакмайжак эдинъ, шинди бактынъ, энди бизим ишимиз битти, мен саа йок, сен маа йок. Савлук ман кал! – деди, кетти.

Шинди калды Кутлугая бий янъыз*. Бир куьн, беш куьн юрер анъжылык ман, баласын оьзуь карар.

Бир куьн Токтамыш канга хабер* бердилер ки:

– Сен Кутлугая бийни суьрдуьнъ, кувдунъ. Кутлугая бий топрагынънынъ сынъырында отурган. Бийкеси бар, баласы бар, анъжылык эте, тура, бир кимсее* ийваласы[29] йок тур.

Токтамыш кан эмир* эте:

– Барынъыз, Кутлугая бийни кесинъиз, бийкесин кесинъиз, баласын да. Кутлугая бийге де, бир муьпсит* онъа да хабер бере:

– Токтамыш кан саа адам йоллатыр[30] – оьлтуьрежек.

О заманда Кутлугая бий бу баланы бешиктен ала, кундак* шырмай бир шийге, аккете бир ерге, бир эдик[31] таба, йолчылар йолда кылган[32] эдикни, сала баланы бу эдикке, кайта, о бир маьлде келелер Токтамыш каннынъ адамлары, Кутлугая бийнинъ эвин басалар, туталар, оьлдрелер, артык бала, бийке табалмайлар. Кутлугая бийнинъ башын Токтамыш канга аккелелер. Анда Кутлугая бий оьлдуь.

Бир куьн Токтамыш каннынъ аталыгы чоьлге анъга чыга. Йол янында бир эдикте бир бала таба, сала дарбазына[33], аккете эвине. О аталыкнынъ алты улу бола, алтынжы улу бешикте, эмчекте бола. Алып келди баланы бийкесине соьйледи:

– Бу баланы йо[л]да эдикте таптым, – деди, – Бу бала Кутлугая бийнинъ баласы болмак керек тир. Буну асрайык, багайык, карайык! – деди. Яптыбирбешик,одна аталыкнынъ бийкеси ону да бакты. Эки бала эки бешикте аталыкнынъ бийкеси бакты. Сон бир куьн Токтамыш канга соьйледилер:

– Аталык Кутлугая бийнинъ баласын эдиктен тапкан, – дедилер.

Сон Токтамыш кан аталыкны чагыртты. Сон соьйледи Токтамыш кан аталыкка:

– Сон Кутлугая бийнинъ баласын тапкансын эдикте.

Аталык деди:

– Бир баланы таптым эдикте, билмен Кутлугая бийнинъ баласымы, билмен башка.

– Аккел! – деди Токтамыш кан.

– Аккелийим, – деди аталык.

Келди аталык эвине соьйледи бийкесине:

– Канга соьйлегенлер, – деди, – Биз Кутлугая бийнин баласын таптык деп соьйлегенлер, – аталык соьйледи бийкесине, – Токтымыш кан бу баланы аккел деди. Бу Кутлугая бийнинъ баласын бермейик, шунынъ зуьрйаты* йойулмасын! – дий, – Биз бешикте яткан оьз баламызны берийик, – деди. Сон соьйледи бийкеси:

– Вер*!

Кутлугая бийнинъ баласы[н] калдырды оьзуьне, оьзуьнуьнъ баласын бешиги билен аккетти. Токтамыш канга. Токтамыш кан бу баланы, бешиги билен такылып, кестирди ортадан. Шинди анда аталыкнынъ бир баласы кетти. Кутлугая бийнинъ

баласы аталыкта калды. Онунъ аты йок эди, эдиктен тапкан себепли онунъ аты Эдиге болду.

Эдиге эрнинъ улу эди,
Эр Тенъринининъ* кулу эди,
Анасы жиннинъ кызы эди,
Бабасы Баба Туькли Чашлы Азизнинъ улу эди.

Сора аталыкнынъ алты улу йигит болду, Токтамыш каннынъ капусуна саклавга берди. Беш-он йылдан Эдиге йигит олду, ону да бердилерТоктамыш канга саклавга. Еди[34] ул да аталыкнынъ улу эди. Хер* куьн саба кайырга[35] Токтамыш канга баралар. Токтамыш каннынъ кырк саклаву бар, бирер-бирер саба кайырга баралар. Отуз токуз саклав кирсе Токтамыш канга, Токтамыш ятыр чалкайып кыймылдамай. Тап сонъунда Эдиге кире, саба кайыр айта темена* этип. Эдиге эвге киргенде, хер вакыт Токтамыш кан коьтуьн коьтерип аяк уьстуьне тура. Сонъ бир куьн бийкеси Токтамыш канга соьйлий:

– Отуз токуз саклав кирип санъа саба кайыр айта, бирисине кыйбырдамайсын. Бир яш саклав келгенде сен бел уьстуьне турасын. Не уьчуьн шай* япасын?

Токтамыш кан соьйлий бийкесине:

– Йок, хайыр, турмаймын, – дий.

– Мен саа бел уьстуьне турганынъны билдирийим, – бийкеси соьйлий.

Бир куьн саба бийкеси каннынъ урбасын тоьшекке тиге. Эр* саклав келе, саба кайыр айта канга. Тап сонъунда Эдиге кирир. Келгенде кан уьшуьп[36] тура геле. Кан коьре ки, астындагы тоьшек коьтериле, сонъ туя* ки, тура экен. Эдиге кеткеннен сонъ соьйлий бийкесине:

– Сенинъ айтканынъ чын* экен, – дий, – Шинди буну не япмага керек, оьлдуьрмее? – дий Токтамыш кан. Онъа соьйлий бийкеси:

– Оьлдуьрме! – дий, – Беким саа элми*, явмы, беким саа эл дир, беким явунъа каршы туражак. Мен онунъ саа яв экенин, эл экенин билийим, – дий.

Токтамыш каннынъ бийкеси бир бардак* катык* ясай.

– Ярын*, саба кайырга келгенде, – дий, – бу бардак катык сенинъ янынъда турсун! Сен, Эдиге кирип келгенде, саба хайыр айтканнан сон, бардакнынъ каймагы[н] пармак билен бурап алып кап, – дий, – Бардак[ны] ога бер! – дий, – Ол карыштырмай ичмес, – дий, – Онунъ янында камасы бар дыр, – дий, – Эгер амзалып сабы ман карыштырса: саа эл дир, – дий,– Эгер темир мен карыштырса: саа яв, – дий, – Сенинъ бармагынъ билен каймакны бурап алып капканынъ: «Сен кыйбырдама! Мен сенинъ башынъны буруп алармын», – демек тир, – дий, – Эгер ол сабы ман карыштырса: «Мен саа элмин дир, сен меним башымны не уьчуьн буруп аласын?» – демек тир, – дий, – Эгер темир билен карыштырса: «Сен меним башымны буруп алгашы[37], мен камасым[38] ман сенинъ ичинъни карыштырамын», – демек тир, – дий.

Эртен, кырк саклав келгенде, кан берди Эдигеге бу бардакны, Эдиге камасыны алды, темир билен карыштырды да коьтерди, ичти. Сон Эдигенинъ душман экенин билди кан, мешевуьре япты, калкны йийди[39]: «Наслы ону оьлдуьрейик?» – деди.

Мешевуьре эткен адамлар соьйледи: «Шай оьлтуьрмее болмаз, – деди, – Бал бастырарсын, сыпраа[40] жыравшыларны, кобусчыларны* йиярсын, олар тутуп берер саа», – деди.

Кан бал бастырды, боза-аракны азырлады сыпраа жыравшыларны, кобусчыларны йийди, калк эпсин йийди. Эдигенинъ [ким] экенин билмеди. Шинди Токтамыш кан айтты:

– Менимдеки калкымдан калган адам бармы, – дий, – жыравшылардан, билижилерден*, эсил* адамлардан?

О заманда айттылар:

– Хива, Букар* еринде уьч юз токсан яшаган бир Сыпра жырав бар, – деди.

Токтамыш кан айтты:

– Мунъа барып эки адам, – деди, – Шу Сыпра жыравшы[ны] кетережек,– деп, – Адам башына эли[41] алтын берейин, – деди.

Шинди эки адам чыкты кетмее. О адамлар вардылар, Сыпра жыравшы[ны] да коьрдуьлер, каннынъ саьламин да айттылар. О заманда сарт* айтты:

– Мен арбага минмеэ болмам, – деди, – Атка минмеэ де болмам.

Шинди о адам[лар] кайттылар, о карт анда калды. Сонъ кан сорады:

– Не уьчуьн кетирмединъиз?

– Биз ога айттык, – деди,– Анынъ алын коьрдуьк:

Уьч юз токсан яшаган,
Атка минер алы[42] йок,
Арбага минер амал йок,
Уьч юс токсан яшаган.
Онунъ бойу шушаган*,
Тишлерин инжи* салып,
Ший йибек мен куршаган,
Яакларын* ула билен куршаган,
Атка минер амал йок,
Арбаа минер алы йок.

Ана Токтамыш кан онъа ат еккен кош* йиберди. Аны алып келдилер:

Алты ат еккен кош билен,
Сыпра жырав келди, дий,
Кан тоьруьнде ер берди,
Ез аяк ман бал берди,
Буьрек* балга бишкенде,
Чынъкылдатып ичкенде.

Сыпра жыравга шинди бал берелер

– Жырав, ич!– деди Токтамыш кан.

Жырав у[43] яктан, буь яктан карай, жырав айта:

– Байрашнынъ узун айдар Коьсоьбай,
Уьчкуьргенде[44] мермерни
Уьйдей таша копарган,
О жырласа калт[45] эди,
Ону да жыравшы дийлер де.

Гене де берелер бал жыравга. «Жырла!» – дедилер. Гене де йырлады:

Эдилде болду секиз кан,
Яйыкта болду токуз кан,
Ири каннынъ упагы*,
Упак каннынъ ириси,
Карт бабанъ да кан эди,
Алымы катты болса да,
Биримиз[46] сендей туьгеди[47].

О заманда кан аркасында самур* куьркуь* бар эди, ону йыравнунъ аркасына япты.

Шинди Токтамыш каннынъ катында Янбай бар эди, Кемалыйнынъ улу, о Эдиге Янбай биле дос эди. Шинди Янбай Эдигеден сурады:

– Бу калк не уьчуьн йийла? Сен билсенъ муну айт! – деди.

– Билмеймин, – деди, – Сен муну бил! – деди.

– Бу йийин сенинъ уьчуьн йийла. Бу Сыпра жырав сени канга тутуп берер, – деди, – Сен, башынъа сикилет* туьшкенде, оьз оьзуьнуьнъ бурнунъ сок! – деди, – Канат! – деди, – Сонъ аякынъны маа бер! «Ой-бай, бурнумдан кан чыкты, тут, Янбай!» – деп, бер мага, – деди.

Шу шийлерни Янбай ога уьйретти. Ене* о Сыпра жырав толгайжак:

Онъ толгады – тапмады,
Сол толгады – тапмады,
Аргы ул да берги ул,
Орталыкта эт желкели Кыбыул,
Кашыклап йийган малынъны
Чемишлеп чашар бугай шул ул,
Чапчактап басар бугай шул ул,
Чагарактан чыгып кашар шул ул.

Бу шул деп, жыравшы канга да бу Эдигени коьрсетти. Эдиге де канны оьлтуьрежек дуйдурду[48]. Эдиге муну эшитип билди, урду бурнун, канатты.

– Янбай, тут коьрегени*, – деп, – Бурнум канады, – деди.

Янбай келди тутту коьрегени. Эдиге чыкты тышкарга атка минди.

Мен кетермен, кетермен,
Темир канга етермен.
Алла мага йол берсе,
Темир кан маа кол* берсе,
Токтамыштай кан эрни
Аягыма бир мысакар* этермин.

Толга[га]ндан сон Эдиге китти качып. Токтамыш кан эмир этти:

– Тутунъуз Эдигени! – деди.

Эпси пелванлар, батырлар чыктылар атка минмее. Эпси бастылар уьзенгиден, эпси уьзенгиси уьзуьлдуь, йыкылдылар. Эдиге кутулуп кетти. Сонъ Токтамыш кан деди ки, Янбайга:

– Эдигени сен качырдынъ, сен уьзенъги кестинъ, дослук онъа яптынъ – сен бар! Эдигени аккел! Аккелмесенъ сени оьлдуьруьрмин, – деди.

Янбай алды эки улун, кетти Эдигенинъ артындан. Эдигенинъ артындан етти:

Кайтсана! Эдиге, кайтсана!
Кан иенъе: «Савлук ман, кан», – айтсана!
Эрневуь* юка сары аяк ман
Бал вереди, ичсене!

О заманда Эдиге айтты:

Кайтмам да, Янбай, кайтмам, – дий, –
«Савлук ман, кан», – айтмам, – дий, –
Эрневуь юка сары аяк ман
Бал версе де, ичмем, – дий,–
Эрним елке болганда.

Янбай айтты:

Кайтсана, Эдиге, кайтсана!
«Савлук ман, кан», – айтсана!
Аягы терек, мойын эрек,
Ат береди, минсене!

Эдиге бий айта:

Кайтмам да, Янбай, кайтмам, – дий,–
«Савлук ман, кан», – айтмам, – дий,–
Аягы терек, мойын эрек,
Ат берсе де минмем, – дий,–
Авума яман чийкан* чыкканда.

Янбай айтты:

Кайтсана, Эдиге, кайтсана!
«Савлук ман, кан», – айтсана!
Этегинден енъи узун
Тон береди, кийсене!

Эдиге айтты:

Кайтмам, Янбай, кайтмам, – дий, –
«Савлук [ман], кан», – айтмам, – дий, –
Этегинден енъи узун
Тон берсе де, киймем, – дий, –
Энъсеме* тогай буьйуьз* биткенде.

Янбай Эдигенинъ кайтмаганын билгенден сонъ дий ки:

– Кан мени оьлтуьрежек. Айса*, Эдиге, сен меним эки улумну оьлтуьр! – деди, – Башларын канга алып кетийим. Сонъ Эдиге Янбайдынъ эки улунунъ башын кести, эки улунунъ башын эки колуна тутуп аглай-аглай* канга кетти. Янбай аккетти эки башын канынъ алдына анда аглай-аглай:

– Ана Эдиге меним эки улумнунъ башын алды, – деди.

Сонъ Токтамыш кан ога ынанды: «Янбай Эдигени качырмады», – деп. Эдиге кетти Темир кан кашына.

Аталыкнынъ алты улу бар эди Токтамыш канда. Олар мешевуьре яптылар: «Бизим карындашымызны кувлады, о яман болур, биз не якшы болайык Токтамыш канга, айда, биз де кетийик», – дедилер. Тутту алтаву да кашты Эдигенинъ артындан. Бардылар Эдигее. Бардылар бир обада отурдулар, Эдиге билен еди карындаш отурдулар. Сонъ бир атлы бир кийик* кувуп келе ятыр. Эдиге де минди атына кийикнинъ каршысына чыкты. Атлы да келди ок мезгилене, Эдиге де келип каршыдан ок мезгилене. Эки адам аттылар огу ман бири алдындан, бири артындан, экевуь де соктылар, бири алдындан, бири артындан соктылар. Экевуьнуьнъ огу бир бирине келип туьштуь машагы*, бу атлы да келди, Эдиге де келди, экевуь япыштылар кийикке. О атлы адам деди:

– Меним авум[49] дыр, мен бермиймин саа, – деди.

Эдиге де деди:

– Меним авум дыр, мен де бермиймин саа, – деди.

Сонъ ортадан кестилер кийикни, артындан соккан атлы адам кийикнинъ артын алды, алдындан соккан Эдиге алдын алды. Сонъ Эдиге сорады атлыдан:

– Сен наслы сен? – деди.

О деди:

– Мен калмукмын, – деди, – Кабертийннинъ аскеринденмен! – деди.

– Не кисмет[50] мен юресиз? Кайдан келесиз? – деди.

– Кабертийн Темир каннынъ кызын алып барды. Ону билен аскер болуп кетемиз, – о калмук минди атка, кетти аскерине.

Эдиге де минди атка, кардашларынынъ катына келди, айтты:

– Биз Темир канга бара ятар эдик, бизим о канга барганымызда Кабертийн алды Темир каннынъ кызын басып. Энди биз не япайык? Темир канга бармай Кабертийннинъ ардындан кетийик, – деп.

Атландылар, миндилер атка, кеттилер. Кабертийннинъ аскерине. Катып бара ятканда алдыларына бир йылан рас келди, коьлдуьнен* оьтуьп бара ятар, кувдулар йыланны, коьрдуьлер: алты башы бар, бир куйругы бар; еттилер йыланга. Йылан кашты, бир инге кирди бир башы, бир башы тышкарда калды. Йыланны оьлтуьрдуьлер. Ону оьлтуьруьп дахы кеттилер, бир йылан дахы рас келди, бир башы бар, алты куйругу бар. О йыланны да кувдулар – о йылан кашты, тапты, бир инге кирди башы, алты куйругу кетти артындан; ону оьлтуьр'алмадылар. Йылан олардан кутулгандан сонъ Эдиге айтты агаларына:

– Бу йыланлардан бир уьлгуь алдынъызмы? Бир йылан бар эди: алты башы бир куйругу; бир башы кирди инге, беш башы кирмеди; оьлтуьдуьк йыланны; бир йылан рас келди: бир башы бар, алты куйругу бар; о кирди бир башы бир инге, алты куйругу да кирди – оьлтуьр'алмадык. Айсе* биз еди, биз едев де баш болсак, бир иш битир'алмазбыз. Айсе биревуьмиз баш болайык! Алтавумуз куйрук болайык! Бир баш сийген[51] ерге алты куйрук та сиер.

Агалары соьйледи:

– Арув айтасын. Сенден артыгымыз йок тур, баш сен бол! – дедилер Эдигеге. Алай кеттилер.

Кабертийн аскерине якын бардыктан Эдиге соьйледи агаларына:

– Сиз буь ерде калынъ! Мен Кабертийн аскерине кошулайым! Аскер конган ерде туьшленинъиз*, туьшленген ерде конунъуз, бир кона* кери юруьнъуьз. Бен

сизге этмек бракырым[52]. Эгер мен казанчы олмак талапында олурум, сиз билинъиз, ол казанчы олсам сизге емек коьп калдырарым.

Агалары калды. Эдиге Кабертийн аскерине кошулду. Варды онда аскерининъ бириси болду, юрдуь.

Темир[53] кан кызы Бердибекке соьйледи:

– Энди сени Кабертийнден куткаражак адам коьруьнмей, Токтамыш кандан Эдиге кувулган, мага келе деп эшиттим. Эдиге маа келмес. Кабертийн аскерине барар, – деп.

Сонъ Темир кан кызына оьгуьт берди:

– Курткарсанъ[54] Эдиге курткарыр сени Кабертийнден.

О заманда кызы соьйледи ки, Бердибек:

– Мен Эдигени кайдан билирим? – деди.

– Балам, Эдигени билирсин, – деди, – Бинъ* киши мен отурса Эдиге юксек* отурур бинъ кишиден. Такыр ерде коьтуьн салып отурмаз, эш олмаса коьтуьнуьнъ астына камыш салар, шергисин салар, боьруьгуьн* салар, такыр ерде отурмаз. Эдигени бундан билирсин, – деди бабасы.

Бердибек ханым аскер ичинде бакар ки, Эдиге, бир куьн коьрдуь Эдигени. Эр* аскер яткан, юклаган, Эдиге отура. Кабертийн да юклаган. Бердибек коьрдуь Эдигени, чакырды ону. Эдиге варды ога. Бердибек сорду* ондан:

– Сен наслысын? – деди.

Эдиге деди:

– Мен Кабертийн аскеринден калмукмун, – деди.

– Йок, сен Эдигесин, – деди Бердибек.

Эдиге соьйледи:

– Йок, мен Эдиге туьгуьлмен, кайдан билесин мени, – деди, – Не болганын?

– Маа бабам Темир кан соьйледи, – деди Бердибек, – Такыр ерде отурмас Эдиге, – деди, – Айса, сен Эдигесин, – деди.

Сонъ деди ки:

– Мен Эдигемин.

Бердибек соьйледи:

– Аман[55], сен мени куткар!

О заманда Эдиге деди ки:

– Сен мени казанчы яп.

Сонъ Бердибек Кабертийнге соьйледи ки:

– Сенинъ казанчыларынъ шорбасы ярамайды.

Кабертийн соьйледи Бердибекке:

– Кендиге* яраган адамны казанчы яп! – деди.

Сора Бердибек коьрсетти Кабертийнге Эдигени:

– Шо адам пиширсин шорбаны! – деди.

Кабертийн чакырды Эдигени. Ондан сонъ Эдигее деди ки:

– Сен казанчы бол!

– Пек* эйи*, болайым! – деди.

Казанчы болду, хер куьн ожакка туьрлуь-туьрлуь аш коьмдуь. Кардашлары муну тапты, анъладылар сонъ, билдилер ки, Эдиге казанчы болган. Карындашлары севуьндуь*: ишимиз онъга бакты. Эдиге казанчы болган. Бир куьн Бердибекке соьйледи ки Эдиге:

– Соьйле Кабертийнге: отну ятып отласын, сувну юруьп ишсин,– деди. Сонъ Бердибек келди Кабертийнге, соьйледи:

– Сен сувну ятып ичесин, отну юруьп отлайсын, лакин* сенинъ куьлуьклеринъ[56] арык болур. Меним бабам бир кан, аскер топлар, келир саа, сени басар, сенинъ куьлуьгуьнъ ярамаз. Айсе, отну ятып отла! Сувну юруьп ич!

Сонъ Кабертийн соьзуьнуь анълады, отну ятып отлады. Аскер кетти, эректен сувга кетти. Бир куьн аскер куьлуькнуь сувга аккетти, бир адам калмады, аскери хепси* кетти. Кабертийн юклады. Эдиге минди Бакыравук-Бозга[57], алды огун-яйын элине. Соьйледи Бердибекке:

– Мынынъ ок кирер ери вармы? – деди.

Бердибек соьйледи:

– Мынынъ ок кирер ерин коьрмедим, мынынъ колтугунунъ астында бир ок кирер тешиги бар.

Эдиге соьйледи:

– Коьтуьр колун йогарга!

Бердибек коьтерди Кабертийннинъ колун йогары, Эдиге келди, атты окну, сокту колтук астындан коьбенинъ* тешигине, кирди юрекке ок. Кабертийн чопаланып* турду, колун соьрмеди[58], Бакравук-Бознунъ куйругундан тутту, чекти[59] оьзуьне, суьре алып келер. Эдиге чашты[60].

Бердибек соьйледи:

– Белинъдеки кылык калак туьвуьл, – деди, – Кес кыл куйругун.

Эдигенинъ башына акылы келди. Янында кылык калак туьвуьл эди. Кести кыл куйругун. Багыравук-Боз уьч кере алдына суьршуьдуь, йыгылды, Кабертийн яны чыкты, оьлдуь.

Сонъ Эдиге соьйледи:

– Бердике! Сен тур, мен аскерге кетийим!– деди.

Кетти аскерге. Аскернинъ жувыгына барды, ана аскерде коьрдуь бир кавга бар.

– Не уьчуьн кавга этесиз? Не тоьбелешесиз? – деди.

О заман дедилер:

– Бир талайымыз: «Эдиге бар», – деймиз, бир талайымыз: «Йок, – деймиз, – Аскер ичинде», – бунунъ уьчуьн кавга япамыз.

Сонъ Эдиге соь[й]лий:

– «Эдиге бар» деэнинъиз бир якка айырылынъыз! «Йок» деэнинъиз бир якка айырылынъыз!

Айырылгандан сонъ «Эдиге йок» деген ярым, «вар» деген ягы ман барабар. Эдиге бас этти кылычын, кести «Эдиге йок» деген ягын. «Бар» деген ягына барабар келди Бердибекке, орадан алды Бердибекни, кайтты Темир канга. Муьждечи* йоллады Темир канга: «Эдиге, Кабертийнни оьлтуьруьп, Бердибекни аккеле ятыр». Темир кан муьждечиге агыр* муьжде* верип: «Кызым Эдигенинъ!» – дейип, коьзайдын уьлкен дуьгуьннер курдулар. Шинди келди Бердибек бабасына, кырк куьн, кырк кече дуьгуьн этти, Бердибекни Эдигеге берди. Эдиге Бердибекке киев болуп кирди. Ана беш йыл, он йыл отурду онан бир эр оглан* тапты, Бердибек аты Нуредин койду. О[н] беш – он доьрт яшына келди Нуредин. Бир куьн баллар ман ашык ойнап атувда, Эдиге азбар тышында отурганда пейшман* отурду, башы тоьбоьн. Улу Нуредин коьрдуь ону. Урду ашыкны ере, келди бабасынынъ янына. Соьйледи бабасына:

– Баба, сен не пейшман отурасын? – деди.

Бабасы соьйледи:

– Не пейшман болмайым, меним бабам бар эди, ерим бар эди, юртум бар эди, Токтамыш кан бабамны оьлтуьрдуь, оьзуьмнуь кувлады, оьчуьмнуь алалмадым, буга пейшман этемин, – деди.

Сора карт бабасына кетти бала – Темир канга. Аглады капусунда, Темир кан соьйледи:

– Оглум, не аглайсын?

Нуредин соьйледи:

– Не агламайым, меним карт бабамны Токтамыш кан оьлдуьрдуь. Бабам Эдигени кувлады, бен наслы агламайым? Баба оьчуьн алмаган авлат* наслы олур? Бен кетерим, изин веринъиз, Токтамыш канга, баба оьчуьн алырым.

Темир кан соьйледи торунуна*:

– Сабыр эт, оглум, аскердизийинъ[61], санъа верийим, ал оьчуьнънуь!

Сонъ деди Нуредин:

– Маа аскер керекмий, маа доьрт топ йылкы бер! – деди, – Кырк саклав вер, – деди, – Сылах* савут ман! Бир топ ала йылкы болсун, бир топ торы йылкы болсун, бир топ чал йылкы болсун! Бир топ кара йылкы болсун! – деди.

О истеген шийни хепсин жем[62] этти, верди Нурединге Темир кан. Кетти Нуредин Токтамыш канга, варды Токтамыш каннынъ тахтына*. Бир обаа салды бир топ чал йылкы, бир обаа салды бир топ кара йылкыны, бир топ ала йылкыны салды бир обаа, бир топ торы йылкы салды бир обаа, хер топка он атлы койду, тоьрт топ йылкына кырк атлыны койду. Токтамыш каннынъ чевуьруь[63] тоьрт янына тоьрт топ йылкыны койду. О кырк атлы тоьрт топ йылкынынъ катына юрдуь. Хабер верди Токтамыш канга:

– Эдигенинъ улу Нуредин келди аскер билен, доьрт тарапка чадыр курду. Кавга бар болса коьруьшсуьн*. Эгер кавга истемесе менники болсун! Бошатсын тахты! Зире бабам Эдигенинъ оьчуьн алажакмын, – деди.

Токтамыш каннынъ калкы корктулар, эр бириси эр бир якка таркадылар. Токтамыш кан тахтан кашты, карысы, кызлар куьмеге кашты, эки кызы тахытта калды. Шинди Нуредин келди, тахты алды, Токтамыш каннынъ тахтына минип, канлык уькуьмуьн* этти Нуредин. Шинди Эдиге бабасы келди.

– Менинъ оглум Нуредин, не олду? – деп.

Эдиге соьйледи оглу Нурединге:

– Оглум, – деди, – Токтамыш кан кайда? – деди.

Нуредин оглу деди:

– Бабам, Токтамыш кан кашты, тахтны бракты, бен кештим тахытка, кан уькуьмуьн эдерим.

Эдиге соьйледи:

– Оглум, чибинни* оьлтуьрмий балны емее олмаз, – деди, – Алдында Токтамыш каннынъ башын кесиркен[64], сонъра тахытка кечерсин.

Сонъра бинди атына Нуредин, янды аскернинъ янына, бир жавурунжысын* алды янына, кетти Токтамыш канны кыдра. Бабасы Эдиге калды тахытта, Токтамыш каннынъ эки кызы Эдиге мен барабар, олар да калды тахытта. Кетти Нуредин Токтамыш канны кыдра. Токтамыш каннынъ янында да бар жавурунжы. Шинди

Токтамыш буьгуьн конган Кенегесте, Нуредин конду Акташта. Токтамыш каннынъ жавурунжысы жавурун карай:

– Нуредин бир кона артымызда, эпле ятыр.

Нурединнинъ жавурунжысы карай жавурунга.

– Токтамыш кан бир кона алдымызда, – деди, – Сонъ хеш* ет'алмаз.

Нурединнинъ жавурунжысы айта Нурединге:

– Бу сенинъ атынъынынъ эеринънинъ* алды кашын артына берип эерлесин! – дий, – Онунъ жаўурунжысы ону билсе: «Кайтты», – дер[65].

Нурединнинъ аскери атын эерлеэнде алды кашын артына верип эерледи, атка миндилер, юрдуьлер Токтамыш канга.

Токтамыш каннынъ жавурунжысы бакты жавурунга, канга соьйледи:

– Нуредин артына кайтты, энди рахат олунъуз! – деди, – О заман кон о ерде!

Конду бир дахы. Нуредин келди, басты ону. Токтамыш канны тутту, башын кести, аскерин кырды, башын явлукка алды, аккелди бабасына, Эдигенинъ алдына койду. Сора Токтамыш каннынъ эки кызы келди. Нуредин бакты: курсак коьтерди, бала болду курсакта. Нуредин сорду кызлардан:

– Бу сизге не олду? Муну сиз кайдан таптынъыз?

– Бабанъ Эдиге япты буну бизге, – деди.

Нуредин бабасын Эдигени кувлады шехерден* тышкары*, кувгун этти. Бакты ки, бабасын кувганнан сора, Токтамыш каннынъ кызлары яландан «Бабанъ япты», – деп, коьймеклерининъ* ичерисинде* ястык тыкмыш, «Бабанъ япты», – деп, ялган коьрсеткен; сонъра Нуредин:

– Ай, мен не эттим?– деп, – Энди бабамны арыштырмак* керек, – деди. Мемлекетине* хабер верди:

– Он беш – оглан,
Жигирме* беш – жыван*,
Отуз – арслан,
Кырк – каплан,
Элли – туьлкуь,
Алтмыш – куьлкуь,
Етмиш – тышав,
Сексен – кишен,
Токсан – буламык,
Юз – йылавук

– Шуну сиз тавуп аккелинъиз! – деди.

Мемлекети хер ерден кыдырдылар, буларны булмадылар[66], сонъра бир адам кетти тавга, бир чешмеэ* рас келди, бир эхтияр* ак сакаллы пир* адам чешменинъ башында отура. Бу пир адам сорай, деди:

– Сен не ерден сен? Наслысын?

О адам дий ки:

– Мен Нуредин каннынъ калкынданмын, – дий.

– Наслы Нуредин канынъыз, якшымы? – дий.

О адам дий ки:

– Алламыз кышымына* ограсын[67]! Ол бизни бир четтек курай ятыр:

– Он беш – оглан,
Жигирме беш – жыван,
Отуз – арслан,
Кырк – каплан,
Элли – туьлкуь,
Алтмыш – куьлкуь,
Етмиш – тышав,
Сексен – кишен,
Токсан – буламык,
Юз – йылавук.

– Шуну тавуп беринъиз, – дий.
Шу заманда эхтияр карт адам дий ки:
– Сен бар канынъа, соьйле! – дий,

– Он беш яшында – оглан,
Оглан адам чагырлыр,
Жигирме беште – жыван,
Жыван адам чагырлыр,
Отуз – арслан куватта,
Кыркта – каплан куватта,
Эллиде туьлкуьлуьк билир,
Алтмыш яшка келдикте
Халкка куьлкуь болар, дий,
Етмиш яшка келгенде –
Эки аягы тышавланыр,
Сексен яшка келгенде –
Адамларга кишен болур,
Токсан яшка келгенде –
Буламыктан башка ший ашамаз,
Юз яшына келгенде –
Йылавдан башка ший билмез.

– Бу шийлернинъ жуьмлеси* бир кишиде, – деди, – Сен бар шу канынъа, соьйле, – дий, – Шуну соьйлесенъиз, сизге токунмаз[68], – дий.
Келип шу адам канга соьйлейлер: – Мен таптым жувабынъны*, – деди,

– Он беш яшында – оглан,
Оглан адам чагырлыр,
Жигирме беште – жыван,
Жыван адам чагырлыр,
Отуз – арслан куватта,
Кыркта – каплан куватта,
Эллиде туьлкуьлуьк билир,
Алтмыш яшка келдикте
Халкка куьлкуь болар, дий,
Етмиш яшка келгенде –
Эки аягы тышавланыр,
Сексен яшка келгенде –
Адамларга кишен болур,
Токсан яшка келгенде –

Буламыктан башка ший ашамаз,
Юз яшына келгенде –
Йылавдан башка ший билмез.

Кан сорады:

– Муну ким саа уьйретти?

Шу кишилер канга соьйледилер:

– Бир чешменинъ башында бир эхтияр ак сакаллы адам таптым, о соьйледи маа, – деди.

– Шу адамны аккел маа, – деди, – Бакшыш* верийим! – деди.

О адам кене кетти чешмее. Барды, эхтиярны* булду* онда. Деди:

– Сиз[ни] Нуредин кан чагырады, – деди, – Кетийик! – деди.

Эхтияр адам соьйледи:

– Вар*! Сен кайт! Мен де варырмен, – деди.

О адам кайтты, эхтияр да келди. Хабер верилди: «Нуредин канга мысафир* келди», – деп. Нуредин кан эмир этти, бир уьч йыллык бир кысыр кой сойдурду.

– Бунунъ бир суьоьгуьн эксик*, бир буьвуьре кайып* болмасын, биширинъиз! – деди.

Биширдилер, койдулар сыпрага, шорпасын да койдулар бир айманга*, кизметкерлер* аккелди одага*, эхтияр адамнынъ алдына койдулар. Гендилер чыктылар аят уьйге. Башлады эхтияр, еди койнунъ этин, ардындан да ишти шорпасын, бир кесек эт калмады, бир кашык шорпа да калмады. Алып чыктылар сыпраны аятка. Дедилер кизметкер[лер]:

– Анасын с… папазына*, папаз бир кесек эт калдырмады сонъра.

О карт соьйледи оларнынъ лапын* эшиткен сонъ:

Тавда юрген боьруъ эдим,
Талчыгыма* тайлы бие йийир эдим,
Ойга туьшуьп кой болдум,
Конъкулдашкан коьп яманга кор болдум.

О сыпраны алып кеттилер. Сонъ Нуредин сурады:

– Ашадымы карт? – деди.

Кизметкер адамлар деди ки:

– Бир кесек эт калдырмады, шорпасын да дахы ишти, – деди.

– Сонъ сиз не айттынъыз? О не айтты?

– Бир ашады да бир кесек эт калдырмады, – дедим.

– О не соьйледи?

– Сонъ деди:

Тавда юрген боьруъ эдим,
Талчыгыма тайлы бие йийир эдим,
Ойга туьшуьп кой болдум,
Конъкулдашкан коьп яманга кор болдум.

Нуредин билди ки: о бабасы дыр. О заманда келди одаа, бабасына элин оьптуь, аягын оьптуь, разылык истеди. Бабасы ога разы болду. Аккетти дахы генди конагына. Бабасын рахет* этти. Шинди отурду Нуредин Токтамыш каннынъ тахтында, каннынъ уькуьмуьн этти. Токтамыш каннынъ бийкеси киткен эди, курсакта баласы бар эди, эр догду*, ады* Кадырберди султан койдулар. О беш-он йыл оьмуьр оьт[к] сн [сонъ] йигит олду, он секиз яшына келди. Канлардан имдат* алды, бабасынынъ юртуна, тахтына талап эте келди. О исе* Чекерли коьлге келди чатырлар, аскерлер мен. Токтамыш каннынъ оглу Кадырберди султан анда чатырын курду. Бир куьн Янбайга эмир этти Нуредин:

– Бар Чекерли коьлнуь кара! – деди, – Куш бармы? – деди, – Эгер куш болса чыгайык куш шуьйийик, – деди.

Янбай минди атка, кетти, барды, обанынъ башыны, коьрди ки, Чекерли коьлде чатыр вар. Янбай якын келсе, туттулар Янбайны, аккеттилер Кадырберди султаннынъ чатырына. Деди Кадырберди:

– Каны меним бабам? Каны меним тахтым? Каны меним юртум? Каны меним шийлерим? Каны меним кардешлерим? Нурединни аккелерсинмы маа? – деди.

Янбай деди:

– Баш уьстуьне аккелерим, – деди, – Мен Чекерли коьлнуь карай келдим. Шинди мен барып соьйлешейим, Чекерди коьлде куш коьп десем, Нуредин келир, – деди, – Сиз азыр болунъуз!– деди.

Келди Янбай Нурединге:

– Кан эпендим, Чекерли коьлде куш келген – эсабы йок.

О заманда Нуредин деди:

– Айда, кетийик!

Эерлетти атын. Нуредин минди атына, кушун алды элине, Янбай минди бир гоьдийге (осал алаша[69]).

Янбай айтты:

– Султаным, сен бу кушнунъ сейирин коьрмийсин, сен меним атка мин, – деди, – Мен о атка минийим, кушну да мен силтийим! – деп, – Сен сейирни кара! – деди.

Нуредин айтты:

– Бек элаь*.

Туьштуь Нуредин атындан, атын берди Янбайга. Янбайнынъ атына минди. Нуредин кушну да алды Янбай элинден[70]. Чыктылар обаа. Обанынъ алтында* аскер бар эмиш*, коьрдуь Нуредин, токтады, аскер ону куршады, анда Нуредин бир якка кашма олмады. Янбай якшы атын минди, кушну элине алды, Кадырберди султаннынъ чатырына кашты. Нурединни туттулар, темир шиштен* йол туьзет[т]илер, шишнинъ уьстуьне ал чога* сердилер[71]. Шу йолдан Нуредин[ни] яян* юрсеттилер та Кадырберди султаннынъ чатырына баргачы кадар. Кадырберди султан ер коьрсетти: «Отур!» – деди. Бир скембеде[72] отурду, скембенинъ алтын[да] эки бийда* пычак бар, зехерленмиш[73]. Барып отурду, бу эки пычак эки сандан чыкты. Ол да эки пычакнынъ чыккан учларын тутуп отурду. Сонъ деди Кадырберди султан Янбайга:

– Сора: меним тахтым канткен? Меним бабам канткен? Кардашларым канткен, меним болган шийлерим, сора Нурединден хепси!

Сонъ Янбай чыкты Нурединнинъ каршысына:

– Беш, беш оба, беш оба,
Белге тиктинъ, Нуредин,
Беш биеге бир кулун,
Сен телидинъ, Нуредин.
Кавданны ерге от бердинъ,
Отну кайдан отларсын?
Кара куюга кан куйдунъ,
Сувну кайдан ичерсин?
Кара аргымак катырдынъ*,
Атны кайдан минерсин?
Кара уьлеш[ин]ни* качырдынъ,
Кушну кайдан шуьерсин?
Картайганда карт атанъны кувладынъ,
Кайда барып онъарсын?

Анда Нуредин айтты:

– Беш, беш оба, беш оба,
Белге тиксем – юрт уьчуьн,
Беш биеге бир кулун,
Мен телисем – суьт уьчуьн.
Кавданны ерге от берсем,
Язгысын оьркен сайлап отлармын,
Кара куюга кан куйсам,
Чокрак сайлап ичермин.
Картайганда карт атамны кувласам,
Тенъринин уьйуь Каьбеге
Тевап* этсем онъармын.

Янбай айтты:

– Аргы улдан коьшкен меним алт'арбам,
Алтаву да казна арбам,
Аны канттинъ, Нуредин?
Каныкейни, Жаныкейни
Аны канттинъ, Нуредин?

Нуредин айтты:

– Аргы улдан коьшкен сенинъ алт'арбанъ,
Алтаву да казна арбанъ,
Тенъри оьзуь маа бергенде,
Аксубан батырга бергенмин,
Каныкейдий коьрклуьнуь,
Жаныкейдий сылувну,
Тенъри оьзуь маа бергенде,
Тегин олжа* кылганмын.

Янбай айтты:

– Бозагасы* буьйуьк боз уьйуьм
Аны канттинъ, Нуредин?

Нуредин айтты:

– Бозагасы буьйуьк боз уьйуьнъ,
Тенъири оьзуь бергенде,
Эриккенинъ кетсин деп,
Мугайганым[74] келсин деп,
Орман отка бергенмин.

Янбай айтты:

– Аягы терек мойн'эрек
Атымны канттинъ, Нуредин?
Секиз ерден чегели,
Токус ерден тогалы
Тонумну канттинъ, Нуредин?
Толгамалы меним айбалтам,
Ону канттинъ, Нуредин?

Нуредин айтты:

– Аягы терек мойн'эрек
Атынъны, Тенъри оьзуь бергенде,
Тартып ылавга* мингенмин.
Секиз ерден чегели,
Тогус ерден тогалы
Тонунъну, Тенъри оьзуь бергенде,
Сыртыма ону койгамын.
Толгамалы сенинъ айбалтанъ,
Айланышкан ерлерде,
Толганышкан ерлерде
Онъ колума алганмын.
Ер кыйыры Тунада*
Токтамыштай кан эрнинъ,
Сакалын кызыл-ала кан этип,
Башын кесип алганмын.
Жавлугума сарганмын[75],
Эр башы кокланыр деп
Карыма илип келгенмин,
Аккелип бабам алдыма[76] салганмын,
Бабамнынъ оьчуьн алганмын.
Кемалынъ улу кер Янбай,
Кенъеш тапмас ийт Янбай,
Мал бергеннинъ кулу сен,
Кара кишининъ улу сен.
Арбаган[77] кетип соьйлеши,

Бербеген[78] келип динълеши*:
Тилинъни таяй кесермин,
Танълайынъа тал кыздырып басармын.
Анадан кара тувганмын,
Сабынлап ювсанъ агарман,
Санымдан бийда кош-кошлап[79],
Бийда оьткерсенъ мугайман.

Шинди Кадырберди султан:

– Язык*, Нуредин, саа, – деди, – Сенде бир кебегет* йок, – деди, – Хепи* кебегет бабаларымызда экен, – деди.

Миндирди кенди атына Нурединни, йоллады эвине. Нуредин келе ятыр, атына минип, бабасы Эдиге, яйдак атка минип, кылычын колга алган келе ятыр. Нуредин авуша-туьше келе ятыр.

Эдиге айта:

– Э, тоьре улум, шуга дарлыкм'еди[80] алынъ? – деди.

Чапты Кадырберди султаннынъ аскерине. Барды, аскер ичине дуьштуь, бик* чайпады аскерини, чок* адам оьлдуьрдуь. Такыт* кетти карт адамда, тутту, кашты. Кадырберди султан туьштуь пешинде[81]: «Ха, буьерде! Ха, шуьерде!» Кувду артындан, ама етмеди. Эвелине келди бир коьйге Эдиге, туьштуь аттан, кирди бир эвге. Кадырберди султан да келди. О да туьштуь аттан, кылычын колуна алды.

– Папазнынъ оьзуьм колум ман башын кесийим, – деди.

Кирди ичери, капунунъ ортада турду Эдиге. Камасыны колуна алып турду. Кадырберди султаннынъ курсагын баса этти камасы, карын эшти[82], Кадырберди султан йыкылды. Эдиге чыкты, кашты эвден, минди атына, йок болду, кетти. Келди мурзалар аскер мен артындан. Кадырберди султан деди ки:

– Эдигенинъ башын ким аккелсе маа оьлмеден эвел – кан карышкысы онунъкы дыр, – деди.

Чай* да коьплер йолун излеп йолу ман кеттилер, бардылар, Эдигенинъ атынынъ изи* бир камышка барды. Карадылар: Эдигенинъ кирген изи йок, чыккан изи бар. О заман Янбай деди ки:

– О Эдиге уста дыр, о атын кектирип[83] кирген дир камышнынъ ичине. Мен бир толгайым! – деп, – Камышны айланып, сиз о изининъ ики ягын, Барын мырза, Шырын мырза, турунъуз!

Экевуь эки ягынан турдулар кылычын колуна алып. Янбай толгады:

– Оьзуьнден яш адамга:
«Сен тур, азизим,
Мен атайым», – дер эдинъ,
Оьзуьнъден уьлкен адамга
«Мен турайым, азизим,
Сен атчы»,– дер эдим.

Эдиге айтты:

– Кадырберди султанды оьлтуьрдуьм,
Энди соьлтуьклерден ким корка?

Муну айтып чыкты Эдиге камыштан шу из билен. Барын мырза башын кылыш мен акты. Башы тыгыра кетти ерге. О заман соьйледи Эдигенинъ башы:

– Барын саа неттим? – дий, –
Биринъ эки болмасын,
Юртунъ каранъ калмасын!

Барын алды Эдигенинъ башын, Кадырберди султанга аккеле ятыр. Сонъ Шырын мырза соьйледи Барынга:

– Бер Эдигенинъ башын мен алайым, уьстуьнъ булаштырма[84]! – деди, – Кан карышкысы сенинъки дир, – деди.

Сонъ Барын берди Эдигенинъ башын Шырынга. Шырын, колуна алган ман, Эдигенинъ башын тутту, кашты. Барындан бурун Шырын Кадырберди султанга барып, Эдигенинъ башын салды. Кан карышкысын Шырынга берди. Шырын кан болду. Барын кырадывой[85] калды. Эдигенинъ башын кескен Барын болду, башын кетирген Шырын болду.

ПРИМЕЧАНИЯ [1]

[1] Каны – должно быть «каннынъ».
[2] Кишини – должно быть «кишиси».
[3] Не япсын – что будет делать?
[4] Бакар – присматривает, ухаживает (за соколом).
[5] Беким (белки, билким) – может быть.
[6] Саа (сага) – тебе. Крымскому диалекту ногайского языка, так же как и кубанскому, присуще выпадение звуков «гъ» и «г» в позициях между двумя звуками «а» и двумя «е».
[7] Кырслап (кырсызлап) – похитив, украв.
[8] Маа (мага) – мне.
[9] Аккел (первая «к» твёрдая) – принеси.
[10] Коьндуьрдуь – послал.
[11] Наслы – как? какой?
[12] Сора – здесь: через [один год].
[13] Силтеди – пояснение сказителя. «Силтев» – махать. Токтамыш взмахом руки спустил птицу на дичь.
[14] Яптынъ – сделал.
[15] Бермедим – в оригинале опечатка: «бермедин».
[16] Сенден – в оригинале опечатка: «сендин».
[17] Кедер – здесь: улетают.
[18] Чыптылыкка – здесь: для совместной жизни.
[19] Тышардан (тыскарыдан) – снаружи.
[20] Дербиш (дервиш) – пояснение сказителя.
[21] Булунмасмы? – не найдётся?
[22] Капагынынъ – должно быть: «капагын» – крышку.
[23] Шарт – здесь: клятва.
[24] Аа (ога) – от «ага» – ей.
[25] Аклы ман (акылы ман) – то есть сам с собой.
[26] Бакмайжакмын – не буду смотреть.
[27] Вахта (вакытта) – в то время.
[28] Бактыгын – что [Кутлугая] смотрит.

---

[1] Примечания Т. Джемакулова

[29] Ийвала – от турецкого «eyvallah»: 1) до свидания; 2) спасибо; 3) ладно, пусть будет так.
[30] Йоллатыр – направляет.
[31] Эдик (этик) – сапог.
[32] Кылган – опечатка, должно быть «калдырган» – оставленный [сапог].
[33] Дарбазына – вероятно, должно быть «дорбасына»: в свою торбу.
[34] Еди (ети) – выше было сказано, что один из сыновей аталыка был убит Токтамышем.
[35] Кайыр (хайыр) – здесь: приветствие, благопожелание.
[36] Уьшуьп (ушып) – здесь: подскочив.
[37] Башымны буруп алгашы – прежде, чем ты свернёшь мне голову.
[38] Камасым – должно быть «камам».
[39] Йийди (йыйды) – собрал.
[40] Сыпраа (сыпырага) – за стол.
[41] Эли (элли) – пятьдесят.
[42] Ал (аьл) – состояние.
[43] У (ол) – та (сторона).
[44] Уьчкуьргенде – когда чихает [мрамор раскалывается на глыбы величиной с дом].
[45] Калт эди – было бы хорошо.
[46] Биримиз – по смыслу должно быть «берими».
[47] Туьгеди – стяжённое от «туьгуьл эди (тувыл эди)».
[48] Дуйдурду – дал понять [Эдиге, что Токтамыш захочет его убить].
[49] Ав – здесь: охотничья добыча.
[50] Кисмет (кызмет) – здесь: дело.
[51] Сийген (сыйган) – поместилась [голова змеи].
[52] Бракырым – оставлю.
[53] Темир – здесь неожиданно начинается разговор хана Темира со своей дочерью Бердибек.
[54] Курткарсанъ – должно быть: «курткарса» – если спасёт.
[55] Аман – здесь: ради Бога!
[56] Куьлуьклеринъ – здесь: твои лошади.
[57] Бакыравук-Боз – кличка коня.
[58] Соьрмеди (сермеди) – с размаху схватил.
[59] Чекти – потянул.
[60] Чашты – растерялся.
[61] Аскердизийинъ – должно быть: «аскер дизийим» – построю войско.
[62] Жем этти – собрал.
[63] Чевуьруь – вокруг [ставки Токтамыша].
[64] Кесиркен – после того как отрубишь [голову].
[65] Дер – смысл совета гадальщика заключается в том, чтобы установить сёдла на лошадях задом наперёд, тогда гадальщик Токтамыш хана подумает, что Нуредин и его воины решили прекратить преследование и возвращаются домой.
[66] Булмадылар – не нашли.
[67] Ограсын – пусть попадёт [под гнев божий].
[68] Токунмаз – не тронет.
[69] Осал алаша – пояснение сказителя.
[70] Элинден – наоборот, Янбай взял сокола из рук Нуредина.
[71] Сердилер – расстелили.
[73] Зехерленмиш – отравленные.
[74] Мугайганым (мунъайганым) – здесь: опечалившиеся.
[75] Сарганмын – завернул.
[76] Алдыма – должно быть: «алдына».
[77] Арбаган – здесь: подальше.
[78] Бербеген – здесь: поближе.
[79] Кош-кошлап – попарно, парами.
[80] Дарлыкм'еди – было стеснено [твоё положение].

[81] Пешинде – вслед за ним.
[82] Эшти – проткнул.
[83] Кектирип – задом, пятясь назад.
[84] Булаштырма – не пачкай.
[85] Кырадывой – очевидно, искажённое «городовой».

Мурза Эдыге

Вариант Н.С. СЕМЕНОВА

Печатается по тексту:

Мурза Эдыге // Семенов Н. Туземцы Северо-Восточного Кавказа. – СПб., 1895. – С. 415–465.

Настоящий вариант эпоса «Эдиге» – это перевод на русский язык ногайского текста поэмы. Об этом В.М. Жирмунский писал: «Не меньшего внимания заслуживает подробный пересказ (или перевод) ногайской версии, записанный Н. Семеновым на западном берегу Астраханского залива Каспийского моря в 1880–1881 гг. и опубликованный в 1895 г. в его книге «Туземцы Северо-Восточного Кавказа». Сам автор перевода этого «очень полного» (В. Жирмунский) варианта Н. Семенов в своей «Заметке по поводу «Песни об Эдиге» г. Николая Гулака» подчеркнул: «...с искренним удовольствием присоединяюсь к мнению г. Гулака о необходимости послать в ногайские степи ученого специалиста, собрать и иаздать сохранившийся до наших дней героический эпос... Делать перевод по нескольким рукописям, а не по одной и главное – пользоваться устными рассказами ногайцев...» (Семенов Н. Туземцы... с. 486).

Из Предисловия Н. Семенова к тексту поэмы «Мурза Эдыге»:

В 1880 и 1881 годах, живя среди прикаспийских ногайцев, немало летних вечеров провёл я за слушанием отрывков… поэм. Пелись эти отрывки, разумеется, по-татарски и потом переводились для меня на русский язык опытным толмачом… Достаточно ознакомившись с песнями – отрывками, я записал их по-русски, отчасти со слов певцов, преимущественно же пользуясь имеющимися у ногайцев рукописными сборниками на татарском языке.

* * *

Песни [об Эдиге] местами проникнуты истинною поэзией. Пусть это – поэзия своеобразная, азиатско-монгольская или туранская, – тем не менее, как поэзия, она вполне доступна пониманию и оценке всякого эстетически развитого человека. Полагаю, что одних приведённых особенностей песен, именно исторической достоверности и поэтичности их, вполне достаточно для того, чтобы признать за ними право на известное место в ряду памятников всемирной литературы.

Н. Семеновъ

ТУЗЕМЦЫ СѢВЕРО-ВОСТОЧНАГО КАВКАЗА.

(Разсказы, очерки, изслѣдованія, замѣтки о чеченцахъ, кумыкахъ и ногайцахъ и образцы поэзіи этихъ народцевъ).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія А. Хомскаго и К°. Литейный пр., № 43.
1895.

Слѣдуя широкою степью, онъ занимался охотою. Однажды онъ увидѣлъ впереди себя бѣгущаго оленя, за которымъ гнался какой-то охотникъ. Кубугулъ пустилъ въ оленя стрѣлу, а въ тоже время, съ другой стороны, въ звѣря вонзилась стрѣла догонявшаго его охотника. Убитый олень упалъ. Оба охотника бросились къ добычѣ, считая ее каждый своею. У добычи охотники засворили между собою изъ-за права на нее, такъ какъ въ ней оказались стрѣлы обоихъ. Чтобы рѣшить вопросъ, чьею стрѣлою причинена смерть, добычу разрѣзали. Тутъ, къ удивленію всѣхъ, увидали, что обѣ стрѣлы вонзились оленю въ сердцѣ и концы стрѣлъ впились одинъ въ другой.—Такъ ты—мой братъ Эдыге! — воскликнулъ неизвѣстный охотникъ, обратившись къ своему сопернику. Кубугулъ сталъ разспрашивать неизвѣстнаго, какъ онъ узналъ его настоящее имя и почему называетъ его братомъ. Я сынъ Эсебія, твоего *отвлика* [*]), — заявилъ тотъ и затѣмъ разсказалъ, что когда отецъ его Эсебій умиралъ, то подозвалъ его къ себѣ и объявилъ ему: „У тебя есть молочный братъ — храбрый сынъ страшнаго мурзы Кутлу-кая; ты когда нибудь встрѣтишься съ нимъ и узнаешь его по тому, что его стрѣла и твоя стрѣла встрѣтятся одна съ другою въ сердцѣ охотничьей добычи". И вотъ наши стрѣлы встрѣтились—и ты—братъ мой! Послѣ того, молочные братья поздравили другъ друга со счастливою встрѣчею и отправились въ дальнѣйшій путь вмѣстѣ.

Продолжая этотъ путь, Эдыге наѣхалъ въ широкой степи на *калмуцкаго* хана *Кабардына*. Калмуцкій ханъ съ большимъ войскомъ убѣгалъ изъ владѣній шаха Темира, у котораго онъ похитилъ себѣ въ жены дочь его, красавицу *Фердаузъ*. Теперь ханъ былъ уже

внѣ опасности и поэтому подвигался по степи спокойно, проводя время съ молодою женою. Не будучи въ состояніи вступить съ калмукомъ въ открытую борьбу, Эдыге подъ именемъ Кубугула покорился ему и, что-бы быть ближе къ красавицѣ Фердаузъ, поступилъ въ штатъ его прислуги, въ качествѣ повара. Скоро Кубугулъ встрѣтился съ Фердаузъ. Красавица-ханша при первомъ взглядѣ на него назвала его настоящимъ его именемъ Эдыге. Удивленный мурза спросилъ ее, какъ она узнала его, и получилъ отвѣтъ: „Эдыге я узнала по двумъ примѣтамъ: садясь на коня, онъ никогда не оглядывается назадъ, а садясь на землю, онъ всегда подстилаетъ подъ себя что нибудь". Сказавъ это, Фердаузъ дала Эдыге обѣщаніе сдѣлаться его женою, если онъ освободитъ ее отъ ненавистнаго ей калмука.

Между тѣмъ Кабардынъ такъ полюбилъ постоянно угождавшаго ему Кубугула, что началъ возвышать его въ своемъ войскѣ и, наконецъ, сдѣлалъ его главнымъ начальникомъ войска, чего именно и добивался мурза. Какъ главный начальникъ, онъ сталъ выбирать мѣста для стоянки войска во время ночлеговъ. Однажды, предвидя долгую стоянку на одномъ мѣстѣ, онъ выбралъ для нея степь, покрытую сочною травою, но значительно удаленную отъ ближайшей рѣки. На вопросъ Кабардына о причинѣ такого страннаго выбора, Кубугулъ сказалъ, что истощеннымъ постоянными переходами конямъ нуженъ хорошій кормъ, и то, что далеко до воды,—это полезно и для коней, и для всадниковъ: кони не застоятся, а для всадниковъ ежедневная ѣзда къ мѣсту водопоя будетъ хорошимъ и полезнымъ развлеченіемъ. Ханъ Кабардынъ склонился на доводы своего любимца—и войско осталось

Эдыге – Кубугул

Рассказ

При дворе могущественного хана «Золотой Орды» Тохтамыша [1], страстного охотника, первое место занимал ханский кравчий, храбрый мурза Кутлу-кая, потомок многих знаменитых мурз монгольского царства. Заведуя стаей дивных охотничьих птиц хана, Кутлу-кая обязан был в особенности беречь, как зеницу ока, ту драгоценную пару охотничьих соколов, которою во всем свете обладал лишь один Тохтамыш. И не соколов только должен был он беречь, но и их яйца и птенцов, чтобы – Боже сохрани! – их не похитил кто-нибудь и не сделался через это вторым обладателем бесценных птиц. Но молва о чудных соколах разнеслась далеко. Дошла она и до могущественного владыки Азии, шаха Темира [2], который решил во что бы то ни стало приобрести то, чем так гордился хан приволжской орды. Чтобы достигнуть своей цели, шах Темир стал подсылать к Кутлу-кая своих верных людей с богатыми подарками, склоняя мурзу подарить ему лишь два соколиных яйца. Мурза долго не поддавался искушению, но наконец не устоял (его шайтан попутал), – взяв подарки, он послал шаху несколько яиц заветных соколов. Кутлу-кая сделал это совершенно секретно, но поступок его не ускользнул от зорких глаз его исконного врага и соперника, коварного мурзы Джаммая, который поспешил довести об нём до сведения хана Тохтамыша. Могущественный повелитель Золотой Орды пришёл в ярость от измены своего кравчего и приказал казнить вероломного слугу со всеми членами его семейства, чтобы совершенно истребить ненавистный род. Весть о грозном повелении, быстро распространившись по ханству, дошла и до эмчека [3] злополучного мурзы Эсебия, поразив его в самое сердце. Верный эмчек задумался над тем, как избавить знаменитый и славный род мурзы от окончательного истребления, и наконец придумал, что ему нужно делать. Дождавшись наступления ночи, он вынул из колыбельки своего родного сына Кубугула и отправился с ним в юрту Кутлу-кая, где в колыбельке спал сын осуждённого мурзы – Эдыге. В юрте мурзы он подменил одного ребенка другим, а затем, никем не замеченный, вернулся домой и положил подменённого Эдыге в свою колыбельку, на место своего родного сына Кубугула.

Приказ хана о казни над родом Кутлу-кая был исполнен, но Эдыге избегнул сей печальной участи, благодаря преданности эмчека Эсебия, пожертвовавшего за него своим родным сыном.

Неизвестно, где и как жил Эдыге после достижения им отроческого возраста и ухода его из дома своего благодетеля. Известно лишь, что, возмужав, он явился ко двору убийцы своего отца хана Тохтамыша и под именем Кубугула поступил на службу к хану, в качестве его саклау [4]. Много было у хана Тохтамыша славных и храбрых мурз и саклау, но Кубугул скоро превзошёл их всех своими доблестными качествами: силою, мужеством и красноречием. Хан заметил эти качества своего воина и сначала почтил его за них ласкою и доверием; потом он от ласки и доверия

перешёл к уважению, а потом, неведомо для себя, стал оказывать своему воину глубокое почтение. Кубугул, как и другие приближенные хана, являлся ежедневно к своему повелителю приветствовать его с наступлением светлого дня. И вот, когда он входил в юрту хана для произнесения приветствия, Тохтамыш невольно привставал со своего места и на поклон воина отвечал поклоном, чего он не делал ни для кого из самых знатных своих вельмож. Необычайное поведение хана относительно простого воина вызвало в сердцах именитых мурз и саклау зависть и злобу, и под влиянием этих чувств они решились разъяснить причину образа действий своего владыки. Явившись к жене Тохтамыша Дана-Бике, они потребовали, чтобы она узнала от хана, за что он оказывает предпочтение перед ними безвестному воину. Дана-Бике согласилась исполнить требование, но, как только она сказала хану о Кубугуле, тот гневно приказал ей замолчать, воскликнув, что никогда и никакого предпочтения он не оказывает этому воину. Однако, Дана-Бике знала, что мурзы правы, и, чтобы вывести хана из заблуждения, решилась прибегнуть к хитрости. Однажды, в ожидании прихода Кубугула, она, незаметно для Тохтамыша, приколола его платье к подушке, на которой он сидел. Когда вошёл Кубугул и произнёс обычное приветствие, хан, отвечая на приветствие, невольно приподнялся с места и при этом потянул за собою тяжелую подушку... Тут глаза у Тохтамыша открылись – и он задумался над тем, кто же такой Кубугул, какого он племени и рода и в чем заключается тайна почтения и страха, которые этот безвестный воин внушает ему, могущественному владыке народов, земель и морей.

Песня

В дни жизни и царствования хана Тохтамыша и служения при нём телохранителем Кубугула, Тохтамыш созвал к себе всех князей и советников своих, усадил их на высоком кургане и открыл с ними совет.

Обращаются хан к Узун-Айдару [5], сыну Конгурата: «Поведай нам, о Узун-Айдар! Кто такой Кубугул и какого он рода?» Отвечает Узун-Айдар: «Эфенди [6], простите мне: кто Кубугул и какого он рода – я не знаю».

Обращаются хан к Кара-Коджа, из рода Арийт: „Кара-Коджа! Поведай нам ты, кто такой Кубугул?» Отвечает Кара-Коджа: «Я тоже прошу прощения: связанный клятвою, я не властен открыть вам происхождение Кубугула!» [7]

Обращаются хан к народу: «Ты, известный своею храбростью, народ мой! Ты скажи нам, какого рода и племени Кубугул!» Отвечают храбрые своему хану: «Эфенди! Мы не знаем собственного своего происхождения, как же нам знать происхождение Кубугула?» [8]

Обращаются хан к своему молочному брату Ярисиму: «Поведай нам ты, Ярисим: что знаешь о Кубугуле?»

– «Эфенди! Я и о себе ничего не знаю, что же я могу знать о Кубугуле?» [9]

Обращаются хан к певцу Куба из рода Кыпчак [10]: «Эй, Куба! Поведай нам в песне о роде Кубугула!» Куба упал на колени, левую руку приложил к сердцу, правую, сжавшую стакан с медом, поднял вверх и произнёс:

– «Эфенди! Я могу спеть вам песню про род Кубугула!»

Но Джаммай, сын Гебея, схватив Куба за руку, оттолкнул его от хана, промолвив: «Остановись!»

Произносят хан Тохтамыш: «Джаммай, сын Гебея! Джаммай, умнейший из моих князей, первый мой советник! Джаммай, трава лучших моих лугов, молоко буланой кобылицы, храбрейший сын моих предков, советник мудрейший из мудрых! Ты поведай нам про род Кубугула!»

Джаммай, ожидавший обращения к себе с таким нетерпением, что даже баки его ощетинились, поправил на себе лук и стрелы и потом воскликнул: «Эфенди! Или мало людей в твоем ханстве?» «Есть в нём богачи с куньими шапками на головах и собольими шубами на плечах, есть храбрецы, сидящие на конях с оленьими ногами, вооруженные сталью, чистою, как вода, храбрецы, уничтожающие врагов по первому твоему слову». «И есть ста восьмидесятилетние старцы: у них десна даже коренных зубов стерлась, нижняя губа так отвисает, что ее нужно подвязывать шерстяным платком, зубами им служат драгоценные Маргариты...». «Таков певец Парздак, сын Шабана! Он знает про род и племя Кубугула и кроме него никто не знает про это!»

Хан Тохтамыш встал с своего кресла и начал ходить... И приказал хан созвать всех лучших мастеров всего ханства, выбрать из них самых лучших, имеющих самые лучшие инструменты, и велеть им сделать арбу.

Чтобы в колёсах к ней ступицы были из самого крепкого дуба, спицы были серебряные, а ободки карагачевые, чтобы оглобля была золотая, чтобы ящик арбы был узорчатый, а ось, скрепляющая ящик с козлами, была из черной березы [12].

И повелел хан Тохтамыш запрячь в арбу шесть вороных коней и с шестьюдесятью воинами отправить ее в Хиву – привезти на ней певца Парздака.

Посланные воины прибыли в Хиву и нашли там ста восьмидесятилетнего старца, который не мог сидеть ни верхом, ни в арбе, не мог говорить, потому что был без зубов и десна у него стерлась, и нижняя челюсть отвисала, – ему было сто восемьдесят лет. Воины положили старца в золотую арбу и привезли его к своему хану.

Обращаются хан Тохтамыш к певцу Парздаку: «Как мы – старейший между ханами, так ты – старейший между людьми, – таковым тебя сделало время. Старейший из старых! Поведай нам, кто такой наш телохранитель Кубугул?»

Певец сел в углу юрты и выпил три стакана крепкого меду. Мёд зажёг в нём кровь: черные глаза его загорелись, как у молодого оленя, темное лицо просветлело, седоволосая грудь поднялась, и он запел: «Хан Тохтамыш в твоём царстве много дорогих тебе озёр, но одним из них ты дорожишь больше, чем всеми остальными: оно таково, что и павлину не хочется сниматься с него, когда он утолит в нём свою жажду. Потому оно и дорого тебе!»

«Так и в стане твоём много храбрых воинов, но между ними есть один храбрый – он дороже всех! Он – богатство, и что перед ним все твои бурдюки с золотом? О царь! Не сталкивай ногою с своей дороги этого богатства, чтобы оно совсем не ушло от тебя!»

Отвечают хан: «Глаза наши видят его и сердце наше его чувствует, но сам он таится от нас, как скупец таит свои сокровища... Певец! Пой же нам, пой о Кубугуле!»

Певец замолк и задумался. Но Джаммай поднес ему еще стакан меду. Мёд ударил ему в голову, и он снова запел: «Я из числа тех, которые признали своим ханом предка твоего, Тохтамыш, носившего имя Чингиз-хана[13]. Чингиз-хана, носителя железного панциря, покинувшего этот свет язычником, я видел, потому что я жил при нём!» «Я видел сорокасаженную башню Союн-хана[14] и видел Токай-хана[15)], строителя железного неба и противника Бога, наказанного за это истреблением его потомства». «Я видел без вести пропавшего Юша-хана [16] и видел того хана, обладателя золотого лука, который властвовал над Татар-тупом и Джулатом [17)] и назывался Султан Берки-хан и Алтун Берди-бек» [18].

«Я видел Борат-хана, сына Бодыка, владетеля земель от родника Балта до Таш-гечу [19], и видел хана Амед-Самета, владетеля Агистана и Дагестана» [20]. «Я видел хана Янгурчи, владетеля земель от Тует-гала до Сагыз-коль [21], и видел хана Тохта-хана [22], жившего в «Торат баши ак чатыр» [23]. «Я видел хана Буденейтей-Борденкей. Я видел хана Тенибека [24], имевшего тебенги [25] из кованного золота, который царствовал только вчера» [26].

«Я видел хана Узбека [27], обладателя стремян из золота, который сам сделался ханом [28], и видел хана, запрещавшего народу пить воду некоторых источников»[29]. «Почетную стражу его составляли тысячи кутасоносцев[30], садившихся на тысячу аргамаков [31]; дворец его был окружён тенистыми деревьями, у него было восемьдесят сарай [32], в которых жгли собираемый руками сексеул [33] и которые соединялись между собою тысячью труб» [34]. «Бурка его была вышита золотом и золотом же было покрыто одеяло[35] – хан этот Джанибек[36], сын Узебека!» «Я видел хана с верблюжьими локтями [37], который назывался Бердыбекъ [38], и видел хана Той-ходжа [39], в панцире которого каждое звено стоило тысячу золотых. «Высших ханов я видел тридцать и низших видел десять» [40]. «И ныне, в цветущие времена Крыма [41], я вижу последнего из десяти ханов, сына Той-Ходжа, еще вчера бегавшего босым и с непокрытою головою, вижу смотрящего на меня торболиповыми[42] глазами Тохтамыша!...». «Ты можешь убить меня – и я войду в дом праведных, можешь оставить в живых – я вернусь на свою родину (певец встал), но ты велел мне петь – и я пою!» «Говорил я: наполни войском долину Джарнака[43] и заготовь для него достаточно продовольствия, ибо он [44] жив и на воле; говорил я: избавься от него секретно от народа![45] Но меня не послушали и ветер разнёс мои слова по степи». «Эфенди! Теперь его, одинокого, не восстановляй против себя и не прогоняй из своего стана, ибо, уйдя от тебя, он только год проходит казаком»[46] «Через год он внесёт смуту в твой народ, через два – он присвоит себе твои конские табуны, а через четыре – он заставит петь песни [47] твоих храбрецов, которых ты вышлешь против него». «Через пять – он без всяких опасений будет разгуливать по твоим обширным владениям, через шесть – все твои овечьи стада сделаются его добычею, а чрез семь – он беззаботно будет целыми кувшинами пить твой мёд». «Через восемь – он некоего хана, напоминавшего тебя, выгонит из его владений в песчаные степи, а чрез девять – от назовёт своими женами девушек, похожих

на взлелеянных тобою дочерей твоих Ханыке и Газым». «Не восстановляй его против себя, не полагайся на свою силу! Он в безводной степи найдёт свою воду, он там, где нет дорог, найдёт свою дорогу. С икрами как ведра, с бедрами, как ступицы колес, он – палэван» [48]. «Крутолобый, мрачноокий, он свиреп, как верблюд в период гонки; тонкогубый, длинноязыкий, он первый мастер красноречия; широкоплечий, с длинной шеей и длинными руками, он лучший из стрелков». «Он... стоящий между передним и задним..., с орлиным носом... он порвет нить жизни некоего хана...». «У меня цепенеет язык... произнести, кто он? Но ты приказал: могу ли я ослушаться тебя?...»

Рассказ

При последних словах песни Кубугул, бывший в свите хана, понял, что наступил момент той опасности, которой он всегда ожидал и к которой готовился. Незаметно для других, он подал условный знак своим семи преданным товарищам, лучшим воинам хана. Те, один за другим, вышли из ханской юрты и отделили своих коней от коней других воинов и мурз. Затем, чтобы обеспечить себе успешное бегство из ханской ставки, они надрезали подпруги у коней мурз и воинов, которые могли пуститься за ними в погоню. Но у коня мурзы Джаммая подпруги остались неповрежденными, потому что конь этот стоял в стороне и охранялся особыми нукерами [49]. Между тем Парздак продолжал.

Песня

«Он – хан Эдыге [50], другое имя которого Шаабуд-дин-шейх! Он князь народа!»

«Потомок Абубекир-Садыка, Чачлы-Азиза, Батыр-кая, Бор-кая, Кадыр-кая, сын страшного Кутлу-кая, рожденный по молитвам Коджа-Ахмата [51], которого называли также Ясау-бием, – вот кто он! ... Я это знаю... и оттого, что знаю, мне страшно, страшно!...»

Рассказ

Тохтамыш приказал схватить Кубугула. Но в этот миг Кубугул вскочил на кадушку с мёдом, стоявшую посредине юрты; с кадушки, через верхнее отверстие юрты, он выбрался на крышу ее, с крыши спрыгнул на землю, потом вскочил на своего коня и понесся в степь, сопровождаемый своими семью товарищами.

Князья и воины хана бросились в погоню за беглецом. Но подрезанные подпруги лопались и воины, один после другого, падали на землю. Один Джаммай догнал опального воина и обратился к нему с речью.

Песня (Джаммая)

«Возвратись, мурза, возвратись! Хан ждёт тебя в своей кунацкой: войди в нее и поклонись ему!» «Войди в кунацкую хана и выпей из рук хана фарфоровую чашу меду!»

«Хан жалует тебя шубой, вышитой золотом: войди к нему и надень ее!» «Хан жалует тебя конём с золотолуким седлом и серебряною уздечкою: возвратись и садись на него!»

Ответ (Кубугула)

«Джаммай, сын Гебея! Слова твои лживы, Джаммай!»

«Эй, отъезжай подальше и говори, и слушай меня издали!» «Или я втисну тебе в рот горящий тальник и выжгу лживый язык твой, не вытягивая его изо рта». «Сын отца низкого происхождения, ты кланяешься тому, кто жалует тебя подарками…». «А я не вернусь и кланяться хану в его кунацкой не буду». «Войти в его кунацкую не даст мне большой рог, выросший у меня на шее» [52]. «Пить ханский мёд из фарфоровой чаши мешают мне мои больные зубы» [53]. «Подарка хана, золотую шубу, я не приму, потому что она мне, злосчастному, не к лицу». «На коня хана с золотолуким седлом и серебряною уздечкою я и не сяду, потому что я слаб ногами» [54]. «Эй, я еду к шаху Темиру, Боракову сыну!»

«Если шах поддержит меня, и Бог благословит мои дела, то таким ханам, как беззубый и шамкающий Тохтамыш, пощады не дам я, не дам!...»

Часть II

Отмщение за кровь

Рассказ

Окончив речь, обращенную к Джаммаю, Кубугул-Эдыге повернулся спиною к царедворцу и вместе с своими товарищами поехал дальше, держа путь к далёким владениям грозного Темир-шаха. Следуя широкою степью, он занимался охотою. Однажды он увидел впереди себя бегущего оленя, за которым гнался какой-то охотник. Кубугул пустил в оленя стрелу, а в то же время, с другой стороны, в зверя вонзилась стрела догонявшего его охотника. Убитый олень упал. Оба охотника бросились к добыче, считая ее каждый своею. У добычи охотники заспорили между собою из-за права на нее, так как в ней оказались стрелы обоих. Чтобы решить вопрос, чьею стрелою причинена смерть, добычу разрезали. Тут, к удивлению всех, увидали, что обе стрелы вонзились оленю в сердце и концы стрел впились один в другой.

– Так ты – мой брат Эдыге! – воскликнул неизвестный охотник, обратившись к своему сопернику. Кубугул стал расспрашивать неизвестного, как он узнал его настоящее имя и почему называет его братом. – Я сын Эсебия, твоего аталыка[55], – заявил тот и затем рассказал, что когда отец его Эсебий умирал, то подозвал его к себе и объявил ему: «У тебя есть молочный брат – храбрый сын страшного мурзы Кутлу-кая; ты когда-нибудь встретишься с ним и узнаешь его по тому, что его стрела и твоя стрела встретятся одна с другою в сердце охотничьей добычи. – И вот наши

стрелы встретились, и ты – брат мой! После того молочные братья поздравили друг друга со счастливою встречею и отправились в дальнейший путь вместе.

Продолжая этот путь, Эдыге наехал в широкой степи на калмыцкого хана Кабардына. Калмыцкий хан с большим войском убегал из владений шаха Темира, у которого он похитил себе в жены дочь его, красавицу Фердауз. Теперь хан был уже вне опасности и поэтому продвигался по степи спокойно, проводя время с молодою женою. Не будучи в состоянии вступить с калмыком в открытую борьбу, Эдыге под именем Кубугула покорился ему и, чтобы быть ближе к красавице Фердауз, поступил в штат его прислуги, в качестве повара. Скоро Кубугул встретился с Фердауз. Красавица-ханша при первом взгляде на него назвала его настоящим его именем Эдыге. Удивленный, мурза спросил ее, как она узнала его, и получил ответ: «Эдыге я узнала по двум приметам: садясь на коня, он никогда не оглядывается назад, а садясь на землю, он всегда подстилает под себя что-нибудь». Сказав это, Фердауз дала Эдыге обещание сделаться его женою, если он освободит ее от ненавистного ей калмыка.

Между тем Кабардын так полюбил постоянно угождавшего ему Кубугула, что начал возвышать его в своём войске и, наконец, сделал его начальником войска, чего именно и добивался мурза. Как главный начальник, он стал выбирать места для стоянки войска во время ночлегов. Однажды, предвидя долгую стоянку на одном месте, он выбрал для неё степь, покрытую сочною травою, но значительно удаленную от ближайшей реки. На вопрос Кабардына о причине такого странного выбора, Кубугул сказал, что истощенным постоянными переходами коням нужен хороший корм, и то, что далеко до воды, – это полезно и для коней, и для всадников: кони не застоятся, а для всадников ежедневная езда к месту водопоя будет хорошим и полезным развлечением. Хан Кабардын склонился на доводы своего любимца, и войско осталось на избранном месте. В середине лагеря был разбит пышный шатёр для самого хана и его красавицы жены, после чего калмык, по своему обыкновению предался еде и сну.

Войско богатыря устроилось так, как решил Кубугул. Днём на отдыхе, а вечером воины садились на коней и уезжали к реке. На берегу реки, по требованию Кубугула, стали устраиваться разные игры, из которых самою любимою сделалась следующая: воины разбивались на два стана, один стан представлял войско калмыцкого богатыря Кабардына, а другой назывался войском неведомого, но грозного и страшного князя Эдыге. Оба стана вступали между собою в борьбу и боролись до тех пор, пока воинам одного стана не удавалось повалить на землю воинов другого. Во время одной из таких игр победителями остались воины стана Эдыге, воины же другого стана лежали в прахе, придавленные первыми. Кубугул велел победителям перевязать побеждённых поясными ремнями. Потом он зычным голосом объявил, что страшный и грозный Эдыге – он сам, и приказал всех связанных воинов бросить в реку. Приказание его было немедленно исполнено. После того он стал во главе преданной ему половины войска и двинулся с нею к шатру Кабардына. Калмык в это время спал, но Фердауз ожидала прихода Эдыге и, как только он приблизился, открыла ему полы шатра. Эдыге натянул свой лук, прицелился в спящего калмыка

и спустил стрелу. При необычайной силе мурзы стрела, ударившись в спинной хребет Кабардына и раздробив его, пронзила ему живот и впилась в землю. Богатырь, заревев от страшной боли, хотел подняться, но стрела удержала его на месте. Проведя рукою вокруг себя, он поймал, однако, хвост коня Эдыге и потянул его к себе. Конь мурзы стал пятиться назад, приближая всадника к мстительной руке сражённого врага. Но Эдыге не потерялся в опасности: обнажив шашку, он одним ударом ее отрубил хвост своему коню. Потом он тою же шашкою нанёс богатырю такой удар, что рассек его пополам [56].

Сразив противника, Эдыге завладел его имуществом: дивными аргамаками Чаласбаном и Саразлюном, богатым шатром и казною; завладел он и его женою, красавицею Фердауз, и всем его войском. Победа над ненавистным калмыцким ханом была отпразднована пышным пиром, и после него «князь народа» двинул свой стан к владениям шаха Темира, чтобы выпросить у шаха помощь для борьбы с могущественным ханом Золотой Орды Тохтамышем.

И вот он прибыл к шаху Темиру, своему грозному тестю. Много лет он прожил у шаха, служа в его войске, прежде чем успел склонить азиатского владыку двинуть свое войско в царство Тохтамыша. Но, наконец, шах согласился исполнить неотступную просьбу доблестного Эдыге – и войска его двинулись к волжским пределам. Престарелый хан вышел навстречу своему противнику, дал ему сражение – и был разбит [57]. Войско его бросилось в беспорядочное бегство, а с ним должен был бежать гордый хан, спасаясь от преследования сына Эдыге – Нурадиля.

Песня

В момент, когда хана преследуют его же князья [58], в момент, когда золотой трон его разбивается как седло, слетевшее со спины скачущего по степи коня; в момент, когда он похож на всадника, сидящего на бешено несущемся коне, которого он бессилен остановить, потому что порвались удила, – в этот момент хан, тоскуя, говорит:

«Верблюжонок, так пышно обросший шерстью! не на моих ли пастбищах ты вырос и разжирел?» «Земля, расстилающаяся перед моими глазами! не на тебе ли паслись мои несчётные стада овец?» «Земля! Ты не та ли, на которой богачи моего ханства при выдаче дочерей своих брали за них по сорока плодных кобылиц?»[59] «Не на тебе ли они готовили в кадках кумыс, издававший треск, подобный треску растираемого сафьяна[60], и не на тебе ли устраивались мои и их многочисленные пиршества?» «Земля! Не на тебе ли вырастали мои бессчётные аргамаки? Не по тебе ли они бегали и резвились, махая хвостами, как сазаны в реке?» «Не на тебе ли сын мой Султан распространял страх, подобно змею сариек[61]? И не ты ли была свидетельницею свадьбы моей с Дана-Бике?» «Или не по тебе, земля, Эдыль и Тэн[62] текут?! Или не твоя трава – сахар, не твоя вода – шербет и не ты называешься Шермутун ?!»[63] «Тебя я вижу и с тобой расстаюсь! И не ты меня покидаешь, а я покидаю тебя... Так скажи хоть мне: «В добрый час, мой хан!»

Рассказ

Между тем разрозненные остатки разбитого войска Тохтамыша снова соединились между собою на берегу Волги (Эдыль). Признав невозможным дать новое сражение неприятелю, преследовавшему его по пятам, Тохтамыш призвал к себе всех военачальников и предложил им обсудить: что предпринять дальше? Ответы последовали уклончивые и неясные: военачальники уже думали об измене своему властелину. Как раз в это время поднялась сильная буря, предвестница грозы и дождя.

Песня

И надев на себя золотой лук, сразу поседевший хан Тохтамыш говорит:

«Что ты клубишься, проклятая серая пыль? Стихнет ветер, ударит дождь, и ты уляжешься, прибитая к земле». «Эдыль! Что ты бешено вскидываешь свои волны? Придёт токсана [64] и, как узника, скуёт тебя!..». «С конскую голову мое сердце! Что ты прыгаешь, как воробей? Явятся люди Эдыге, вырвут из тебя желчь – и ты остановишься...». «Дочери мои, Ханыке и Газыке! Что вы ослепляете мне глаза своей чистотой? Когда придут люди Эдыге и будут целовать вас – разве вы не покоритесь им?!» «Приближенные мои, советники мои таинственно переговариваются между собою, не посвящая уже меня в свои планы: над моею головою повисла опасность, что же они сделают, если не изменят мне?» «Этим малым детям неизвестна великая тайна... Может быть открыть им ее? Эй! Подо мною уходился испытанный конь, к чему же садиться на неиспытанного!» [65] «Вон сзади виднеются уже люди сына Эдыге – Нурадиля. Боже! Да не исполнятся их надежды! Но когда они настигнут меня, то заройся я в землю, как корень иблек[66] – разве я скроюсь от них?»

Коварный Джаммай действительно, придумал выход из критического положения. По соглашению с другими мурзами, он предложил Тохтамышу покинуть войско и бежать в видневшейся вдали лес. «Если ты будешь с нами, – сказал он хану – то мы погибнем; если ты спрячешься в лесу, тебя не найдут там, нам неприятель даст пощаду». Несчастный хан невольно подчинился предложению и приготовился оставить свой стан. Джаммай пропел ему прощальную песню.

Песня (Джаммая)

Стоя на высоком кургане, сидя на высоком гнедом коне, с золотым луком через плечо, поседелый Джаммай говорит своему хану: «Хан мой! Когда-то я был упруг, как выделанная кожа; а теперь я – старая, растянувшаяся кожа; я был резв, как молодой конь, а теперь я – старая кляча». «Я быль крепок, как дуб, а теперь этот дуб прогнил; я был тверд, как сталь, а теперь сталь эта рассыпалась...». «И ты был мужем, мужем... Теперь же... Теперь нам должно расстаться с тобою».

Рассказ

Отделившись от войска, Тохтамыш один, без телохранителей, поскакал к лесу. Достигнув опушки его, он бросил коня и углубился в лесную чащу. Идя в ней болотом, он задел ногою гнездо ибиса. Ибис вспорхнул и с пронзительным криком поднялся над лесом.

Песня

В момент, когда хана преследуют его же князья, в момент, когда золотой трон его разбивается, как седло, упавшее с бешено скачущего по полю коня, в момент, когда он похож на всадника, не управляющего более разгорячённым конём, потому что порвались удила, хан, тоскуя, поет:

«Зачем кричишь ты, ибис? У тебя крылья и шея свободны, клюв твой крепок, как рог и перед Богом ты чист... Эй, так тоскливо не кричи!..». «Чтобы причинить тебе зло, отняв у тебя детей, мне нужны люди, а я хоть хан, но людей нет у меня! И чтобы взять твои яйца из травы гокчег [67], их нужно разыскать, а кому я велю разыскать их?» «Как я господствовал в своём ханстве, так ты, ибис, господствовал в этом болоте. Выгнавший меня из моего ханства гонит и тебя из твоего болота, – то сын Эдыге, Нурадиль [68], никогда не расстающийся со своим оружием. Да постигнет его участь казака!»

Рассказ

После бегства хана, Джаммай поспешил сдаться со всем войском счастливому победителю Нурадилю. Победителю больше всего нужен был, однако, враг его Тохтамыш, поэтому он потребовал немедленной выдачи его. Джаммай заявил, что несчастный хан покинул войско и скрылся неизвестно куда. Так говорил язык Джаммая, а в то же время лукавый мурза кивал головою на лес, в котором хан только что скрылся. Поняв изменника, Нурадиль воскликнул: «Лес велик! как отыскать в нём хана?» «В несчастье ханы поют, а в лесу голос певца разносится далеко!» – пропел коварный царедворец, поправляя сбрую на своём коне.

Сын Эдыге приказал Джаммаю следовать за собою и поскакал в лес. Вскоре до него донесся голос одинокого хана, успокаивавшего песней испуганного ибиса. В глухой чаще он нашёл и самого Тохтамыша и гневно занёс шашку над его головой.

«Сын Эдыге, остановись! – крикнул хан, – остановись и слушай! Было время – я убил твоего деда по наущенью Джаммая! Теперь ты хочешь убить меня по наущенью Джаммая! Эй, Нурадиль! Будет время – тебя убьёт сын мой Султан – по наущенью Джаммая же!»...

Нетерпеливый Нурадиль не дождался окончания речи своего кровного врага и одним ударом снёс ему голову. Соскочив потом с коня, он радостно поднял отрубленную голову с земли и долго любовался ею; потом он завернул ее в белую бязь и поскакал с нею в главный стан войск Темира, при котором находился отец его Эдыге. Там он радостно положил трофей свой к ногам своего отца.

Отец и сын

Рассказ

Нурадиль, покончив с кровным врагом своего дома Тохтамышем, решил воспользоваться его дочерями, дивными красавицами Ханыке и Газыке. Взяв небольшой отряд войска, он поскакал во дворец хана по Волге, горя нетерпением сделаться обладателем красавиц. Но, когда он уже приближался к дворцу, красавиц предупредили о грозящей им опасности, и они приняли свои меры, чтобы не сделаться женами убийцы своего отца. Обе девушки придали себе вид беременных женщин, мало заботящихся притом о своей наружности и о своём костюме. И все-таки они были так необычайно красивы, что Нурадиль, проникнув в их комнату и увидев их, в восхищении воскликнул: «Вот когда я нашёл себе жён!» На эти слова Ханыке, поднявшись с места, гневно произнесла, что еще не было случая, чтобы сын отнимал жён у своего отца, а она и сестра ее – жены благословенного Богом мурзы Эдыге. Вид девушек послужил подтверждением сказанных Ханыке слов. Нурадиль повернулся к сёстрам спиною и с страшною бурею в душе покинул ханский дворец. С этого времени он воспылал ненавистью к отцу своему и принял решение жестоко отомстить ему.

Между тем грозный Темир-шах, сокрушив Тохтамыша, удалился в свои владения, оставив властителем Золотой Орды доблестного Нурадиля, а руководителем и советником его благочестивого и рассудительного Эдыге. Некоторое время отец и сын жили мирно. Но сын не забыл нанесенной ему отцом обиды и, воспользовавшись каким-то случаем, приговорил отца к изгнанию из ханства [69]. Престарелый мурза был страшно поражён и огорчён приговором Нурадиля и состояние своей души выразил в песнях.

Песни Эдыге

«Я, Эдыге, в ожидании возможности достигнуть своей цели [70], пресмыкался у ног сына Бора-хана, шах-Темира, угождая ему, как простой слуга. А раньше того, для достижения той же цели, я в один день истребил пятьсот человек и в тот же день убил человека, голова которого стоила тысячу человек. Убитый мною назывался калмыцким ханом Кабардыном; ему я, в ожидании случая [71], служил даже поваром. Когда дочь Темира, Фердауз, подняла мне полы шатра богатыря, я, с божьей помощью, рассек Кабардына пополам, я выпустил кровь его, как воду. Потом я восславил Бога за дарованную мне победу и за то, что получил такую жену, как мать твоя Фердауз. Мать твою я вырвал у калмыка, сына Агока, когда убил его, я получил ее в житье даром[72]». «Я отнял золотой трон у такого хана, как Тохтамыш, потомок Чингиз-хана; я концом своей шашки отпер дворец его; я сделал это к концу своей зрелости. А в юности своей я бежал от Тохтамыша с семью товарищами и во время бегства я целыми горстями разбрасывал на пути своём белое серебро и красное золото».

« И ты, сын мой, который стреляет из лука всеми десятью пальцами [73] и служит образцом благочестия для восемнадцати тысяч [74]; Который прочитал все книги четырёх мухамеданских имамов [75], который бросается в бой, сидя на гнедом коне с белою звездочкою на лбу; Который, когда захочет, разбрасывает на своём пути золото целыми слитками, который золото сам, И ты – ястреб, на лету хватающий добычу, ты, Нурадиль, сын мой, ты гонишь меня от себя! ...Гони, я побегу и да побежит от тебя враг твой иблиз [76], как я побегу».

«Сын мой Нурадиль! когда ты рождался, я велел зарезать вольных кобылиц, когда же ты родился, я велел зарезать белых баранов [77]. Колыбельку для тебя я велел сделать из узорчатого дерева, а тюфяк – из бархата, но, считая и бархат жёстким для тебя, я велел покрыть мягким сукном [78]. Из маленького я вырастил тебя большим, стройным, как стрела. И вот, когда глаза мои стали красны, как у молодого верблюжонка, когда грудь моя поседела, когда я постарел, – что я сделал тебе, что ты гонишь меня? ... Ни в детстве своём, ни в зрелом возрасте, ни на старости своей я не видал и не слыхал никогда, чтобы сын прогонял от себя отца своего. А ты – князь, превзошедший мужеством царей, ты – сын мой! Ты, разрушитель крепости, подобной железновратному Дербенту [79], ты – сын мой! Ты, один, без телохранителей, преследующий добычу на быстром скакуне, не останавливаясь перед широкими реками, ты – сын мой! Ты, полость, защищающая человека от снежной метели, стальной щит, ограждающий человека от сыплющихся на него стрел, ты – сын мой!

Пусть из Индостана, Яумена [80], Шам-шаара [81], Мисира [82], Константинополя и Крыма созовут самых лучших мастеров, очищающих золото от посторонних примесей, пусть прикажут им произвести такую очистку наилучшим образом. И вот, сколько бы они ни стали трудиться над своим золотом, им не сделать таким чистым, как происхождение твое, о сын мой, статностью подобный праведному Али [83]. И ты гонишь меня! Гони – я побегу и дай Бог, чтобы враг твой иблиз так бежал от тебя, как я побегу!»

«Нурадиль! Не совершив прежде омовения, я никогда не ступал на землю; в сердце своём я всегда носил чистое учение веры. Неустанно повторяя устами слова веры, я никогда не забывал и мечети; нет, идя по стопам праведников, я молился в тридцати двух мечетях, преклоняясь головою к голой земле [84]. И множество мюридов [85] постоянно сопровождали меня, и я учил их идти по истинному пути тариката [86]. Я делал это, чтобы после облачения меня в белый саван, я удостоился вознесения на небо... И меня, отца своего, заступника своего в день суда, когда Азраил [87] вострубит в трубу, сын мой Нурадиль, ты гонишь от себя!.. Меня, который ездил на тульпаре [88], питавшемся васильками и утолявшем жажду из родника Ковсар [89], тульпар с хвостом, умещавшимся в горсти человека. Меня, который с божьей помощью и с помощью ангелов переходил через синее море, жилище плещущихся рыб, и море было ему по пояс [90]. Который вчерашних ханов заставил реветь по-медвежьи [91], потомка Айшат [92], Патимат[93], Хасана и Усейна [94] ...Человека, всегда ходившего по стопам праведников Хизира и Ильяса[95], пользуясь руководительством Чачлы-Азиза [96], сына Джалал-Уддина-халифа [97], человека, молитвы которого доходят до Бога?!...»

«Но если я прокляну тебя – ты рассыплешься в черный прах, если же я благословлю тебя – ты будешь счастлив вовеки... Ибо я семь раз прочитал аль-Коран – книгу во имя Бога, семь раз проникал в тайны этой книги; я по тридцать три раза постоянно повторяю славословие, по стольку же раз повторяемое при пятничном намазе в большой мечети [98]. Ибо я прочитал все четыре книги, полученные с неба: Библию, Псалтырь, Евангелие и Коран, и прочитав, поступал по требованию их. Ибо я знаю, что всех пророков сто двадцать, всех ангелов – двенадцать тысяч, всех законов – четыре [99] и всех имамов четыре... Но любимейший пророк Божий, давший в Коране двадцать девять наставлений [100], – один раб божий Магомет! Что выше Корана?! Кто выше Магомета, царя настоящего и будущего?! Так нет горы больше и выше Кап-тау [101], охватывающей весь свет!!.»

«Эй, сын мой Нурадиль! Если бы я воду твою превратил в кровь, – чем бы ты стал утолять свою жажду? Если бы я выжег степные травы, – чем бы ты сталь кормить свой скот?

Если бы я заговорил твоего аргамака, – где ты взял бы другого такого аргамака? Если бы я заговорил юрту твою, – где бы ты наслаждался отдыхом? Если бы я заговорил твоего чёрного сокола, – где ты взял бы другую такую дивную птицу? А если ты прогонишь от себя отца своего, шестидесятилетнего старца, – где ты обретешь покой для своей совести?»

(Ответ Нурадиля):

«Любезный отец мой, князь-отец! Преврати ты воду в кровь – я буду пить шербет, сожги ты степные травы – я, до появления новой степной травы, буду кормить свой скот чыин [102]. Заговори ты моего аргамака – я стану ездить на тульпаре; заговори юрту мою – я выстрою себе дворец. Заговори ты моего чёрного сокола – я стану охотиться с сункар [103]. А если я прогоню от себя отца своего, шестидесятилетнего старца, то покой для своей совести я найду в Мекке, обойдя семь раз вокруг священного города [104].

Рассказ

Нурадиль остался непреклонным и выгнал своего отца Эдыге из своих владений.

Прошло после того много лет, в течение которых Эдыге скитался в степи. Но случилось, что Нурадиль заболел. Врачи ханства перепробовали все средства лечения, но больной не поправился. Тут вспомнили о шейхе Эдыге, отце больного, и послали в степь разыскать его. Старика отыскали в самом жалком положении: он был совершенно нагой и питался ягодами и кореньями. Его одели и повели в стан сына. Когда он подходил к стану, навстречу ему вышел Джаммай, несший в руках умирающего Нурадиля. Поравнявшись с Эдыге, Джаммай пропел: «Берется душа, берется... уже шея обвязывается белым платом. Вот пришёл мурза (Нурадиль) просить прощенья у отца своего». Потом он положил больного на землю. Эдыге

стал лицом к Мекке и вознёс горячие молитвы к Богу об исцелении его сына. Бог услышал молитвы шейха – Нурадиль выздоровел и стал управлять ханством по-прежнему. Шейх Эдыге жил с сыном до самого того дня, когда душа его отошла к престолу великого Бога...

ЭПИЛОГ

Рассказ

Между тем сын Тохтамыша, Кадыр-Берды Султан, овладев частью ханства своего несчастного отца, вступил в ожесточенную борьбу с своим кровным врагом Нурадилем. Войска обоих соперников беспрерывно сражались между собою, но эти сражения всегда оканчивались для Кадыр-Берды-Султана полной неудачей. Будучи великим полководцем, Нурадиль без труда побеждал своего противника, производя в его войске великие опустошения. Кадыр-Берды убедился, наконец, что ему не овладеть своим врагом в открытом бою и поэтому решился действовать хитростью. Зная, что первым советником Нурадиля состоит старый слуга и изменник его отца Джаммай, он послал этому царедворцу ценные подарки, предложив ему изменить своему теперешнему господину. Вероломный вельможа не замедлил склониться на предложение сына Тохтамыша и обещал при первой же возможности выдать ему его отважного соперника. При ловкости Джаммая и неосторожности беспечного Нурадиля возможность эта скоро представилась.

Нурадиль был страстный охотник. Зная это, Джаммай велел Кадыр-Берды скрыться с отрядом войск в камышах, окаймлявших одно из озёр во владениях Нурадиля, а на берегу озера поставить несколько палаток таким образом, чтобы их видно было издали. Когда Кадыр-Берды все это исполнил, Джаммай распустил слух, будто бы на озере появились дикие лебеди. Слух скоро дошёл до Нурадиля, пожелавшего немедленно отправиться на охоту. Однако, коварный Джаммай, ближайший советник его, отнесся к слуху недоверчиво и посоветовал проверить его, сделав прежде простую прогулку к озеру. Князь народа принял совет и начал уже надевать на себя оружие, но Джаммай вскользь бросил замечание, что это ненужная предосторожность, так как озеро близко и врагов поблизости нет. Оружие было отложено в сторону, и отважный сын Эдыге отправился к озеру не только без оружия, но и без всякой свиты, в сопровождении лишь одного Джаммая. Сначала князь и его мурза шли камышами, из-за которых ничего не видно было впереди. Но когда они вышли на берег озера, то очутились лицом к лицу не с лебедями, а с белыми палатками Кадыр-Берды Султана.

– «Мы обмануты! Это палатки врага! Бежим, бежим! – закричал Джаммай с притворным испугом. Но гордый князь оставил без внимания слова подлого слуги и без колебаний направился к палаткам своего смертельного врага: он понял, что Джаммай продал его и ему уже не было отступления.

О появлении храброго Нурадиля на берегу озера без войска и без оружия тотчас дали знать Кадыр-Берды. Обрадованный сын Тохтамыша возблагодарил Бога

за отдачу в его руки того, кого он искал всю свою жизнь, и распорядился принять этого гостя в своём шатре особенным образом. По его приказанию, от входа в шатёр до места, где стояло его кресло, был сделан помост из досок, утыканных большими гвоздями концами вверх. Напротив его кресла поставили другое и в последнем скрыли под подушкою два больших гвоздя, пригнанных так, чтобы они впились в тело того, кто сядет в кресло.

Приблизившись к шатру Кадыр-Берды, Нурадиль без колебаний вошёл в него. Он увидел сделанные приготовления к его приему, презрительно усмехнулся и направился по дощатому помосту к креслу, на котором сидел его смертельный враг. Потом, по знаку Кадыр-Берды, он сел в другое кресло... Было это в пятничный день.

Джаммай, при виде дела рук своих, излился в песне.

Песня (Джаммая)

«И вот Кадыр-Берды Султан стал ханом, а я стал его мурзою! Наконец, мы озарены блеском, подобным блеску снега, залитого солнечными лучами! Посадить в одно гнездо лячин и сункар [105], двух природных врагов, еще доступно великим мастерам, но героя Нурадиля так просто посадить около Кадыр-Берды Султана - это возможно только для одного Бога!

Рассказ

Кадыр-Берды молча наслаждался муками своего врага, Нурадиль-же заговорил.

Песня (Нурадиля)

Пригвожденный к своему креслу, перед лицом своего врага, Нурадиль говорит:

«Пятничный день – день, чтимый мною, потому что в этот день я родился, а со дня своего рождения я видел и светлые ночи. С тех пор, как я начал говорить, я неустанно повторял имя Божье, а прочитав арабские писания, я начал свято исполнять их наставления. Будучи от рождения счастливей своего отца, я во имя праведников Хизира и Ильяса сорок дней молился у родника, называемого Казу-су [106]».

«Сын Тохтамыша, Кадыр-Берды [107]! Что в том, что ты происходишь от Чингиз-хана? Я сам сын туркестанского, китайского, кыпчакского, киргизского, индостанского мудреца Коджа-Ахмата, отца Чачлы-Азиза, отца Бор-кая [108]. С населения, такого густого, как толпа на базаре большого города, с такого населения я, князь, брал ясак [109]. Сидя на прак-коне [110], я повелевал этим населением. Я – князь, которого бессменно сопровождают шестьдесят нукеров [111] из почётнейших фамилий! Я – князь, войско которого состоит из храбрецов, сразу бросающихся на врага, ибо я – князь, умеющий ценить храбрых и награждать отличающихся. Не зная

отца человека, я в телохранители его не возьму, не зная происхождения человека, я подарка ему не сделаю; Но если я делаю подарок, то дарю и полторы тысячи золотых [112] и данного подарка я назад не отнимаю – я такого достойного отца сын!»

«Огня, горящего у друга, я никогда не потушу, но у врага я огня не зажгу, ибо сын Эдыге – шах Нурадиль – это я! Которого из потомков Чингиз-хана я ниже?!...»

Песня (Кадыр-Берды Султана)

«Нурадиль! Где гнедой конь мой, что на бегу не чувствовал под собою земли, не утомлялся, скача на гору и перелетал через овраги? Где секира моя айбалта [113)] с золотою рукояткой? Где панцирь мой торбала [114], каждое звено которого стоило тысячу золотых? Где казна моя, помещавшаяся на шести арбах, покрытых белой бязью? Где кибитка моя, подобной которой не было и у афганца Аксак-Темира? Ее не поднимали двенадцать сильных слуг и сдвинуть с места могли только афганские верблюды; Стены ее были атласные, а веревки к ней были серебряные, сиденья в ней были медные, а в длину и ширину она была по двенадцати шагов».

«Где, Нурадиль, тот родник, что назывался Шермутун и воду которого пили лишь радужные павлины? Где, Нурадиль, конский табун мой, в котором было более 9000 коней? Где мои многочисленные стада баранов, для пастьбы которых было мало восьмидесяти пастухов? Где, Нурадиль, сестры мои Ханыке и Газыке, речи которых воспламеняли сердца! Ты стоишь перед лицом смерти, Нурадиль! Отвечай же: где девятый потомок Чингиз-хана, отец мой Тохтамыш-хан?...»

Песня (Нурадиля)

«Эй ты, молодой Кадыр-Берды Султан! Властитель народа теперь, Султан! Без смущенья отвечаю на твои вопросы, отвечаю, не опуская перед тобою глаз».

«На гнедом коне твоём, что на бегу не чувствовал под собой земли, не утомлялся, скача на гору, и перелетал через овраги, я, завладев им, ездил в свое удовольствие. Айбалта с золотою рукояткой, которую я отнял у отца твоего, когда убил его, я присвоил себе, как военную добычу. Панцирь торбала, каждое звено которого стоило тысячу золотых, я, сняв его с твоего отца, надел на себя. Казну твою, помещавшуюся на шести арбах, покрытых белою бязью, я растратил в то время, когда совершал свои подвиги во главе более стотысячного войска, растратил для достижения своих целей и на нужды неимущих.

Кибитку твою, которой подобной не было и у афганца Темира (ее не поднимали двенадцать сильных слуг и тронуть с места могли только афганские верблюды); стены ее были атласные, а веревки к ней были серебряные, сиденья в ней были медные, а в длину и ширину она имела по двенадцати шагов, – Я в походе обратил ее в маяк: чтобы отсталые из моего войска и сбившееся с пути могли найти меня, я поднял ее на возвышенность и сжёг». «Шермутун-родник, воду которого пили лишь радужные павлины, (когда Бог мне дал завладеть им) я обратил в шербет, влив в него меду, потом я отдал его народу и войску, чтобы они утолили им свою

жажду. Конский табун твой, в котором было более 9000 голов, я отдал бедным и сирым, чтобы они утолили им, свой голод. Твои многочисленные стада баранов, для пастьбы которых было мало восьмидесяти пастухов, я отдал войску и народу, как военную добычу. Сестёр твоих Ханыке и Газыке, речи которых воспламеняли сердца (когда Бог мне дал завладеть ими), я сделал своими женами [115]».

«Я сидел на булане[116] с оленьими ногами; на мне был железный панцирь с белым воротником [117] – мое постоянное одеянье. Было так жарко, что я, охлаждая себя, клал на свой выпуклый лоб лёд лопатами, – и я гнал перед собою хана... За Арту [118] есть хвойный лес, в этом лесу я нагнал хана и, нагнав, отрубил ему голову... Отрубил ему голову и привязал ее к седлу своему, но боясь, что она упадёт, я постоянно брал ее в руки. И, боясь выронить ее из рук, я обернул ее белою бязью и повесил себе на грудь. Потом я отдал ее отцу своему [119]...».

«Эй ты, молокосос Кадыр-Берды Султан! Ты воспользовался оплошностью Нурадиля... Но имей я в руках свое оружие, я и с тобою поступил бы также, как с отцом твоим!.. Ибо я – шах Нурадиль, я муж! Прибегающий под мою защиту не остается беззащитным. Я у друга зажигаю огонь, а у врага тушу его! Я черная туча, которая раз появившись, не пропадает иначе, как пролившись дождём! Я родился черным и, сколько не мой меня мылом – я не побелею! Я – кривое дерево: сколько не выпрямляй его – не выпрямишь! Я неукротимее саврасого [120)] коня – никому ни на каком аркане не удержать меня! Я тверже оленьего рога: вдень мне в нос железное кольцо – я вытерплю! Я горше воды Белого моря [121)]: подслащай эту воду, сколько хочешь сахаром, – в ней горечи не убавится! Я гроза – и бью, как грозовая стрела. Я тот самый лев, который преградил дорогу отцу твоему Тохтамышу!»

«Эй ты, молокосос Кадыр-Берды Султан! Через измену Джаммая я очутился перед тобой без оружия – и ты живого и здорового посадил меня на железные гвозди. Но кто свое время княжествовал, тот не будет раскаиваться... И если бы ты не ноги мои только, но и нос мой проткнул гвоздями – я бы ни в чем не раскаялся!»

Рассказ

Твердость в перенесении страданий, гордое самовосхваление в минуту величайшей опасности, презрение к смерти – эти качества героя Нурадиля привели в восторг мучителя его Кадыр-Берды. Вслед за заключительными словами песни он приказал снять Нурадиля с гвоздей, перевязать его раны и первый протянул ему руку в знак готовности забыть все прошлое и чистосердечно примириться. Нурадиль, однако, не сразу принял руку своего счастливого соперника, а потребовал прежде повесить изменника Джаммая. Требование его было удовлетворено, и тогда он примирился с Кадыр-Берды, признал в нём единственного хана Золотой Орды и навсегда отказался от своей независимости. Довольный Кадыр-Берды подарил своему новому другу и подданному в полную собственность степь, орошаемую Тереком и Сулаком, и объявил его первым полководцем своего ханства. Немало побед одержал после того Нурадиль над врагами хана и его ханства. Но однажды, при возвращении его из многочисленных походов, у него вдруг открылись раны, полученные в шатре его бывшего врага и соперника. Принятые меры не помогли – и

сын мурзы Эдыге истек кровью. Смерть доблестного Нурадиля лишила монголов одного из лучших героев их[128)].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Хан Тохтамыш царствовал в Золотой или Кыпчакской орде с 1381 по 1395 год. Предшественником Тохтамыша в орде был столь известный в русской истории Мамай, а сверг Тохтамыша с «золотого трона», как говорится в поэме, всемирно известный грозный завоеватель Темир-шах, Аксак Темир, Темирленг или Тамерлан. В 1382 году, в княжение Дмитрия Донского, Тохтамыш, осторожно подкравшись к Москве, хитростью заставил жителей ее отворить Кремлевские ворота и, ворвавшись в город, опустошил его.

[2] Аксак Темир или Тамерлан.

[3] Эмчек – молочный брат. Так называются взаимно дети женщины из народа, вскормившей своею грудью ребенка знатной фамилии, и этот последний ребенок.

[4] Саклау – воин-телохранитель.

[5] «Обращаются» во множественном числе из почтения к хану. Узун-Айдар – Айдаръ из рода или даже племени Узун, Усун (в нашей истории Узы).

[6] Эфенди – воззвание, совмещающее в себе понятия господин и духовный учитель.

[7] У мусульман и до сих пор существует обычай принимать присягу никогда и ни по какому делу не являться доказчиком или открывателем. Такого рода присягу по преимуществу принимают благочестивые старики и хаджи (поклонившиеся гробу Магомета) и поэтому совершенно естественно, что Кара-Коджа (коджа то же, что хаджи) также мог принять такую присягу.

[8] Ответ уклончивый, доказывающий, что Кубутула боялись.

[9] В ответе слышится горечь обиды со стороны молочного брата самого хана, которому предпочли какого-то неизвестного воина.

[10] Кыпчак (кипчаки) – одна из крупных родовых групп, входивших в состав монгольской орды, отчего и самая орда называлась Кыпчакской.

[11] Арба – азиатская двухколесная повозка.

[12] В подлиннике – кара-тоз (кара – черный, тоз – береза) Может быть, нужно понимать – карельская береза, свойства которой – твердость и крепость.

Чингиз-Хан или Темучин – родоначальник ханов Золотой Орды и основатель великого монгольского царства в Средней Азии.

[14] Союн-хан – быть может, тот повелитель татар, имевший пребывание в Кара-куме (Каракорум), в последствии столице Чингиз-хана, который, нося имя Унг-хана или Ян-хана, известен был европейским миссионерам под именем Иоанна (Всемирн. истор. Шлоссера, VII, 206).

[15] Полагаю, что речь идет об Октае, Оготае или Ёготае, великом хане после Чингиз-хана, выстроившем себе в Кара-куме великолепный дворец с помощью китайских мастеров. Догадка эта подтверждается для меня тем, что именно потомки Октай-хана были истреблены великим ханом Мангу, внуком Чингиз-хана (там же, стр. 217, 222 и 225).

[16] После смерти Октая великим ханом был назначен старший сын его, но жена Октая Туракейна сумела сан великого хана передать родившемуся от нее младшему сыну Октая Коёку (там же, 223); этот старший сын, имени которого история не знает, не Юша ли, без вести пропавший?

[17] Татар-туп – буквально: подошва или низ места татар, в переносном смысле: стоянка татар. Интересно, что Татар-тупом и поныне называется одно место, лежащее вблизи линии Владикавказско-Ростовской железной дороги, между станицей Змейской и осетинским селением Эльхотово. Еще интереснее, что на этом месте стоит каменный минарет, носящий название Джулат, вокруг которого находится множество ям, указывающих, что тут когда-то были жилища. Ногайцы, впрочем, почему-то полагают, что Джулат – Манджурия.

[18] Султан Берки-хан и Алтун-Берды-бек, вероятно, хан Золотой Орды Берке, Беркере, Баркай, сын Бату или Батыя, царствовавший с 1257 по 1266 год и первый принявший мусульманство (Всемирн. истор. Шлоссера, VII, 220. Русск. истор. Соловьева, III, 195, 204, IV, 178). Судя по тому, что в песне от Юша-хана делается скачок прямо к Берке и не упоминается ни о Бату, ни о Мангу, ни о Кублае, предшественниках Берке, надо полагать, что в этом месте песни несколько строф пропущено.

[19] Родник Балта находится на военно-грузинской дороге, верстах в 12 от Владикавказа. Таш-Гечу значит «каменный брод». Брод с таким названием существует на реке Аксай, протекающей по кумыцкой

плоскости. Если верить ногайцам, утверждающим, что в песне говорится именно об этом броде, то выражение «от Балта до Таш-гечу» нужно понимать в смысле определения южной границы Золотой Орды при хане Борак-хане.

[20] Дагестан – страна, известная под тем же названием и ныне, Агистан, по толкованию ногайцев, плоскость между Дагестанскими горами и морем. По соображениям, приведённым в предыдущем примечании, необходимо предположить, что при хане Амет-Самете (может быть, Амет-Самет искажение имён двух братьев или двух со-ханов, Амета и Самета) в пределы Золотой Орды входила уже значительная часть северо-восточного Кавказа.

[21] Гуен-Гала – крепость, находившаяся в устье ущелья реки Акташа, где теперь расположен кумыкский аул Эндери (русские называют его Андрей-аул или Андреева деревня). Около аула находится площадь, обрамленная осыпавшимся от времени рвом, которая и доныне называется местным населением гуен-гала. Сагыз-коль (сагыз или по-русски – сакиз – сосновая смола; коль – озеро) «вязкое озеро, болото». Ученые кумыки утверждают, что болото Сагыз-коль лежит около устья Кубани. Если это так, то при хане Янгурчи Кыпчакская орда простиралась на запад до Азовского моря.

[22] Тохта-хан или Токтай властвовал в Золотой Орде с 1292 года. По нашей истории (Соловьев, Истор. России, III, 243) Тохта был сыном хана Мангу-Темира, завладевшим ханством после истребления четырёх своих соперников внуков Туту-кана или Туту-хана.

[23] Торат баши ак чатыр буквально: белый шатер на голове гнедой лошади. Ногайцы утверждают, что это название местности на Волге, может быть, бывшего там города. Не добившись более ясного разъяснения настоящего выражения, я счёл за лучшее оставить его без перевода.

[24] В нашей истории – Тинбек или Инсанбек – царствоваший после Узбека с 1340 по 1342 год (Истор. России III, 315). В песне он почему-то, может быть, ради размера или рифмы упоминается раньше Узбека.

[25] По казачьи – тебеньки. Это род небольших кожаных фартуков, опускающихся из-под седла на бока лошади. Тебеньки и теперь испещряются тисненными рисунками; в древности же они, очевидно, считались предметом украшения убранства коня и не только вышивались золотыми и серебряными шнурами, но и покрывались иногда уборами, выкованными из этих металлов.

[26] Т. е. очень недавно.

[27] Хан Узбек – современник великих князей Московских Иоанна Калиты и Симеона Гордого.

[28] Узбек был племянником своего предшественника Тохта и, вероятно, захватил ханство силою или хитростью, на что и делается намёк в песне.

[29] Надо полагать, источников, вода которых имела особенно приятный вкус. Дальше в песне один такой источник называется шермутун. Причиною запрещения пользоваться водою этих источников могла быть недостаточность воды в них, уходившей на потребности ханского двора.

[30] Кутас – воинское украшение, принадлежность которого кисть или султан. Кутасы носились на шлемах и также через плечо, как орденские ленты, в последнем случае кисть приходилась ниже талии, на бедре. Кутасом у монголов назывался также придаток к конскому поводу, состоявший из двух шёлковых жгутов, соединённых на груди лошади кистью. Кутасы, как отличие, имели право носить только лица, принадлежавшие к высшему классу воинов или дворяне.

[31] Аргамак – конь.

[32] Под словом сарай здесь разумеется хозяйственный хутор или, как принято называть на Кавказе, кутан: одно или несколько помещений для крупного и мелкого скота с помещениями для лиц, наблюдающих за скотом.

[33] Сексеул – особый род травы-кустарника, растущего по берегам Каспийского моря. Для употребления на топливо собираются руками высохшие стволы этого растения, которые горят очень жарко. Во время закаспийской экспедиции наши войска тоже пользовались этой травою, как топливом, называя ее сексеульник.

[34] Ногайцы объясняют это место так. У хана Джанибека было так много дойного скота, что он устроил для него в разных местах восемьдесят сараев или хуторов, где скот и доился. Не желая, однако, чтобы молоко перерабатывалось в кумыс и другие продукты в восьмидесяти отдельных местах, он соединил эти сараи тысячью труб и по этим трубам молоко сливалось в общие резервуары.

[35] Т. е. одеяло было из золотой парчи. Парчовые одеяла и теперь в большом употреблении на Востоке.

[36] В Русской Истории Чанибек, современник Симеона Гордого и Иоанна II, детей Иоанна Калиты. По сказаниям летописцев, он отличался добротой к христианам (Истор.Росс. Соловьева III, 321).
[37] С локтями или напоминавшими своим выгибом колена верблюда, или обросшими длинными волосами.
[38] Бердыбек – свирепый хан, убивший отца и братьев (1357 г.), современник Иоанна II.
[39] В нашей истории Тоу-Ходжа нет, хотя в период времени от Бердыбека до Мамая и Тохтамыша, между другими, упоминаются два хана Ходжа: Магомет-Ходжа и Темир-Ходжа. Может быть, Тоу-Ходжа, отец Тохтамыша, и Темир-Ходжа – одно и то же лицо?
[40] Вероятно, высшими ханами певец называет ханов среднеазиатского монгольского ханства, а низшими – ханов приволжской орды.
[41] Полагаю, что Крымом здесь называется вся территория монгольского ханства; иначе трудно объяснить появление этого имени в песне, содержание которой не имеет никакого отношения к Крымскому полуострову.
[42] Торбола – птица, но какая именно – этого я не разъяснил: в то время, как одни ногайцы утверждают, что это перепелка, другие стоят за хищника из породы соколов.
[43] Ногайцы думают, что Джарнак – какая-то местность на Кавказе, в которой могла быть летняя резиденция Тохтамыша в пору воспеваемых певцом событий. Не Джерах ли это – местность в Дарьяльском ущелье, населенная теперь джераховским обществом?
[44] Певец прибегает к местоимению он, чтобы не употреблять страшного имени Эдыге.
[45] Надо думать, что певец говорил это на своей родине, в Хиве. Недаром же хитрый Джаммай указал на него, как на человека, знающего происхождение Кубугула.
[46] Т. е. бездомным и одиноким.
[47] Т. е. перебьёт.
[48] Палэван – гимнаст и канатный плясун, в котором предполагается богатырская физическая сила.
[49] Нукеры – военные слуги.
[50] Он – хан Эдыге. Это мурза Эдыгей нашей истории, полководец Золотой Орды после смерти Тохтамыша.
В 1399 году Эдыгей одержал победу над великим князем Литовским Витовтом, при реке Ворскле, а в 1408 году он осадил Москву, простоял под нею более месяца и затем снял осаду лишь после уплаты ему выкупа в 3000 серебряных рублей (Истор. Росс. Соловьева IV, 24, 28).
[51] В другом месте поэмы говорится, что туркестанец Коджа-Ахмат был родоначальником фамилии Эдыге. Интересно, что, судя по описанию наружности Эдыге (выпуклый лоб, орлиный нос и проч.) мурза этот нисколько не походил на монгола. В этом можно видеть доказательство, что вместе с монголами в юго-восточную Европу пришли также представители других росс, например, индоевропейской и тюркской, которые потом слились с исконными обитателями Северного Кавказа: Лезгами, Гумыками, Мичгизами (чеченцы), Оссами, Габарами (кабардинцы) и др.
[52] Т. е. на мне лежит долг кровной мести в отношении убийцы моего отца.
[53] В выражении «мои больные зубы» смысл тот же, что в выражении: «у меня вырван зуб».
[54] Т. е. не стал твердо на ноги: не смыл еще кровного оскорбления.
[55] Аталык – названный отец; название аталык присваивается мужу женщины, вскормившей своею грудью чужого ребенка, по отношению к этому ребенку. Сама женщина называется аналык.
[56] В настоящее время, при большой скудости сведений о происхождении кавказских племен, трудно разобраться в именах рассказанной части ногайской поэмы. Однако нельзя, все-таки, не обратить внимания на совпадение имени героя поэмы Эдыге с именем одного из крупнейших кавказских племен – Адыге или Эдыге (черкесы) и имени калмыцкого хана Кабардына с именем отрасли того же племени – известных кабардинцев.
[57] Сражение при реке Терек в 1395 году, решившее участь Тохтамыша (Истор. России Соловьева IV, 22).
[58] Князь Эдыге и Нурадиль, сын его. Они называются князьями Тохтамыша, как его подданные.
[59] Т. е. при выдаче дочерей замуж брали за них по 40 кобылиц в калым, по обычаям мусульманских народов.
[60] Такой треск производится кумысом во время процесса брожения.
[61] Сарыек – какая-то ядовитая змея.
[62] Эдыль – Волга, Тэн – Дон.

[63] Шермутуном назывался какой-то родник, вода которого имела особенно приятный вкус. Кажется, вместо Шермутун должно стоять слово Шербетум, в корне которого лежит шербет - сладкий напиток. В настоящем случае именем родника названа вся сторона.
[64] Токсана время с 1-го по 10 декабря, когда замерзают обыкновенно даже южные реки.
[65] Место это в подлиннике не совсем ясно. По-видимому, у Тохтамыша внезапно родилась мысль открыть молодым мурзам и воинам тайну своего отношения к Эдыге. И в тоже время он осознал, что делать это уже поздно, что положение его безнадежно, и поэтому решил отдаться на волю судьбы.
[66] Иблек, ебелек – трава, отличающаяся особенно глубоко сидящим в земле корнем.
[67] Шелковистая болотная трава, в которой болотные птицы любят прятать свои яйца.
[68] В нашей истории (Ист. Росс. Соловьева IV, 27 и 28) преследователем Тохтамыша, после изгнания его из Золотой орды Тамерланом, называется хан Темир-кутлуй, действовавший вместе с Эдыгеем. Если принять во внимание, что Нурадиль (Нур-Адиль) был внуком Кутлу-Кая и что эпитет Темир – железный – вполне соответствует железному характеру этого сурового воина (как увидим ниже), то легко допустить, что под именем Темир-кутлуя следует подразумевать железного внука Кутлу-кая – Нурадиля.
[69] Некоторые ногайцы-певцы причиною изгнания Нурадилем своего отца Эдыге из ханства считают не одно мщение за обман относительно дочерей Тохтамыша, но еще и то, что Эдыге вмешивался в дела ханства. Действительность заключается, вероятно, в том, что отважный и честолюбивый Нурадиль, захватив власть в свои руки, вероятно, посредством заговора, признал за лучшее избавиться от своего престарелого соперника изгнанием его из ханства.
[70] Исполнить долг кровомщения.
[71] Случая убить его.
[72] Т. е. не заплатив обычного калыма.
[73] Т. е. стреляет хорошо. Выражение, подобное выражениям «берет руками, думает головой» и проч.
[74] Это выражение малопонятно. Если предположить, что разумеются подданные Нурадиля или даже его воины, то и в том и в другом случае цифра чересчур незначительна. Может быть, тут вкралась ошибка и вместо 18 т. нужно читать 118 т. Кумыкские ученые (большие мистики) думают, впрочем, что здесь дело идёт о 18 т. типов земных тварей, славословящих Бога своим существованием.
[75] Эти имамы – представители четырёх толков, на которые разделилась суннитская секта мусульманства еще в конце VIII века нашей эры. Вот имена их, послужившие названиями и самих толков: Ханифи (по-кумыкски – Ханапи), Малеки, Шафи (по-кумыкски Шепия) и Ханболи.
[76] Иблиз или иблис – злой дух, демон.
[77] Для угощения народа в ознаменование радостного события. Вольные (оставленные на племя) кобылицы и белые бараны – скот более высокой ценности.
[78] Вероятно, сукно в глазах монголов было более ценною материей, чем бархат.
[79] Т. е. разгромивший Золотую Орду и убивший такого хана, как Тохтамыш.
[80] Аравия.
[81] Шам – Дамаск, шаар – город: город Дамаск.
[82] Египет.
[83] Али, сын Абу-Талеба, один из первых четырёх последователей Магомета и зять пророка.
[84] Т. е. как истинный суннит. Шииты, как говорят кумыки, во время моления кладут перед собою для земных поклонов коврик или вообще что-нибудь мягкое.
[85] Мюрид – последователь тариката или ученик мюршида – учителя тарикатизма (см. пр. 86).
[86]Мусульманство признает три пути к спасению. Путь первый – шариат, обязательный для всех без исключения и исполняемый при всяком житейском положении. (Исповедание, что Бог один и Магомет пророк его, совершение омовений и установленных богомолений и затем добродетельная жизнь, не выходящая из пределов разумного и добросовестного удовлетворения своих страстей и потребностей). Путь второй – тарикат. Идущий по этому пути обязан постоянно быть в религиозном настроении, постоянно обуздывать свои страсти и до возможных пределов ограничивать свои потребности. Это путь избранных. Путь третий – хакийкат. На этом пути лежат полный аскетизм, совершенное отрешение от мира и пребывание в созерцании Божества (состояние индийских мусульманских факиров). Вмещающий в себе хакийкат уже на земле шейх (святой) и пророк. Эдыге в своих песнях сначала говорит о себе, как об учителе тариката, а потом заявляет, что чувствует в себе силы шейха.
[87] Азраил – ангел смерти.

[88] Тулпар, по объяснению учёных кумыков, один из легендарных коней пророка Магомета и нарицательное название коня со сверхъестественной силой.
[89] Ковсар – священный родник в раю.
[90] Как в этой строфе, так и в некоторых других строфах настоящей песни воспроизводятся мистические грезы религиозного фанатика и аскета, а потому приводимые в них факты не имеют реального значения.
[91] Напоминание об отношениях Эдыге и Тохтамыша.
[92] Жена пророка Магомета.
[93] Дочь пророка, жена Али.
[94] Сыновья Патимат, дочери пророка.
[95] Христос и Илья.
[96] Действительный предок Эдыге и мусульманский святой.
[97] Джелал-уддином или точнее – Джелалом эд-Дулавеуддин, т. е. украшением государства и веры, называется султан Малек-шах, сын знаменитого в истории восточных мусульманских государств сельджукского султана Альп-Арслана, и светский правитель (Эмиръ-аль-Омра) Багдадского халифата в конце XI столетия. Может быть, Эдыге называет себя сыном этого ревнителя веры в духовном смысле; а может быть, тут таится намёк на родство фамилии мурзы с турками-сельджуками.
[98] Славословие заключается в словах: «Лаиль-ля ильлялах Магомаду расулла. (Свет Бога и Магомет пророк его), повторяемых во время большого богомоления тридцать три раза. У мусульман считается благочестивым делом повторять это славословие многократно.
[99] Библия, Псалтырь, Евангелие и Коран.
[100] Эти наставления (заповеди): верить в Бога, верить в пророка, верить в последний день, совершать омовения, молиться, подавать милостыню и проч.).
[101] Кап-тау, по поверью мусульман-ногайцев, горный хребет, опоясывающий всю землю; вершина его упирается в небо. Вероятно, Кап-тау – Кавказ; город Владикавказ китайцы называют Капкай.
[102] Трава, растущая на мокрых местах.
[103] Сункар – тоже охотничья птица.
[104] Т. е. обойдя семь раз вокруг мекканского храма со священным камнем Кааба. Обойти именно семь раз вокруг храма обязательно для каждого мусульманина, являющегося в Мекку в качестве богомольца.
[105] Охотничьи птицы. См. пр. 103.
[106] По названию, родник, служивший водопоем для овечьих стад. Где он находился, а также какое он имел религиозное значение – разъяснить это мне не удалось.
[107] В нашей истории (Истор. России, Соловьева, IV, 24), под 1412 годом встречается хан Зелени-Салтан или Джелаледдин-Султан, названный сыном Тохтамыша, а под 1424 годом упоминается хан Куидадат, без обозначения его происхождения. Имя последнего хана взято Соловьёвым из письма великого князя Литовского Витовта к великому магистру Ливонского ордена (там же, прим. 27). Даже и для мало знакомого с татарским языком имя Куидадат звучит фальшиво, поэтому мы вправе считать его искажением другого имени. Не есть ли Куидадат исковерканное Кадыр-Берды? А еще правдоподобнее, что Кадыр-Берды-Султан скрывается под Джелаледдиномъ-Султаном.
[108] А Бор-кая был отец Кутлу-кая, отца Эдыге, отца Нурадиля.
[109] Дань естественными произведениями.
[110] Прак или Борак – крылатый конь, на котором Магомет поднимался на седьмое небо, к престолу Всевышнего, как рассказывается в Коране. Может быть, в данном случае Нурадиль выражает, что он правил народом, стоя над ним так высоко, как высоко парил над землею пророк Магомет, сидя на Бораке.
[111] Нукеры – военные слуги, в настоящем случае свита.
[112] Какая именно золотая монета разумеется здесь – мне не удалось узнать.
[113] Ай – луна, балта – топор, айбалта – лунообразный топор, т. е. известная секира средних веков.
[114] О слове торбала см. пр. 42. Вероятно, панцирь в каком-нибудь отношении напоминал эту птицу и поэтому носил ее название.
[115] Есть вариант этого места, выраженный так: «И только по молодости своей я не воспользовался сестрами твоими Ханыке и Газыке». Вариант вполне согласуется с помещённым выше рассказом и поэтому именно я и привожу его здесь. Что же касается редакции, помещенной в тексте, то нет основания считать и ее неправильной, так как Нурадиль мог потом исправить свою ошибку и взять-таки себе в жены сестёр Кадыр-Берды.
[116] Буланый конь.
[117] Вероятно, при панцире надевался на шею серебряный воротник.
[118] Арту, – конечно, река. Было бы очень интересно узнать, какая из существующих рек носила это название, в виду того, что арабские писатели IX и X веков целую славянскую страну (одну из трёх,

которые они знали) называют Артанией. Если позволить себе некоторую смелость в предположениях, то можно за реку Арту, признать реку Каму, так как, по данным нашей истории, Тохтамыш убит в Камской или Волжской Болгарии.

[119] В одном варианте этой песни Нурадиль говорит, что голову Тохтамыша он с подобающими почестями похоронил близ могилы Сали-шейха (Сали-Святого).

[120] Саврасый конь, очевидно, считался у монголов более горячим и диким.

[121] Конечно, монголы могли знать о существовании Белого моря и также могли иметь убеждение, будто вода этого моря горше воды других морей.

[122] Ногайцы рассказывают, что после смерти Нурадиля тело его было отвезено на север и предано земле на берегу Волги (вероятно в столице Золотой Орды), а вынутое из него сердце было погребено на том месте, где герой испустил дух. Над урной с сердцем был насыпан большой курган, который и поныне гордо возвышается в степи Кара-Кум (на север от Терека) и своим названием «Могила Нурадиля» поныне напоминает всем о жизни и деяниях монгольского полководца, сына великого и благочестивого Эдыге.

Токтамыс кандынъ* хикаьети*

Вариант М. ОСМАНОВА

Печатается в транслитерации с арабографического текста по изданию:

Токтамыс кандынъ хикаьети // Османов М. Ногайские и кумыкские тексты. – СПб., 1883. – С. 32–49.

Настоящий текст эпоса «Эдиге» считается одной из базовых версий поэмы. Публикация в 1883 г. хрестоматии «Ногайские и кумыкские тексты» М. Османова, профессора Санкт-Петербургского университета приблизила, время канонизации текста поэмы. Многие тюркоязычные версии стали копией именно этого варианта. П. Мелиоранский в своем Предисловии к «Сказанию о Едигее и Тохтамыше» отмечал, что «Османов располагал несколькими списками, из которых выбрал, что ему понравилось. Опечаток порядочно, и, ввиду отсутствия перевода или хотя бы глоссария, не все подробности ясны, что очень жаль, так как это – одна из самых полных и интересных версий».

Данный вариант поэмы в транслитерации кириллицей ранее опубликован ногайскими учеными Ю.И. Каракаевым и А.Х. Курмансеитовой.

Предлагаемый вариант отличается большей степенью выверенности текста.

Бурын заманда Кырымда Тойгожа деген бир кан болган, оьзи авга авас болып, каршыга, кыргый, улашын* сункар*, таз ийтлер, туьрли куслар саклай экен.

Куьнлерде бир куьн, кандынъ кусларын карай турган ваьзири Кутлыкая Сахтемирге* савкат этип кандан ясыртын сол сункарлардан бир жаксысын* берир[1] де жиберир. Бир замандан сонъ кан муны эситер де Кутлыкаяды асып оьлтирир. Бу жазык Кутлыкаядан бир эр бала калыр. Сол балады керейт Жиентемир аталык болып саклап оьсдирир.

Сол заманда, Тойгожа кан дуныядан кетип, увылы Токтамыс Кырымда кан болды. Керейт Жиентемирдинъ докыз увылы бар эди. Кутлыкаядан калган Эдиге атлы Куба увылды да оьзине увыл этип, онавын да элтеп канга саклавга берди.

Андан сонъ Кубаул канга жылкышы болып жуьрий эди. Эртен, аксам Токтамысдынъ одасына[2] кирип, канга жылкыдынъ аманшылыгын билдирип, анда ас да ишип, кетеген эди.

Кубаул уьйге киргенде, кан сескенип жеринден тура кала экен. Бир куьн муны кандынъ катыны Танай коьрип:

– Кубаул уьстинъе келгенде нете сескенесинъ? – деп кандан сорады.

مس قریم ده قان ... برون زمانده قریم ده طویغوجه دیکان برقان بولغان اوزی آوغه
قیادن قالغان ایدیکه قیرغی اولاشین سونقار تازایت لرتورلی قوس لار صا
ب قان غه صاقلاوغه برده برکون قان دینك قوس لارین قارای تورغان وز
وی ایدی ارتن آقسام ترکه سوقه ایتیب قاندن یاسرتین سول سونقارلار دن
ك امانشیلیغین بیلدریب آنده برزماندن صونك قان مونی ایسیتاردو قوتلوقیا
یکه کیرکانده قان سسکانیب جریندن توراقالا ایکان برکون مونی قان دینك
طنای کوروب قوباول اوستنکا کلکانده نته سسکاناسنك دیب قاندن

ПРЕДАНІЕ О ТОХТАМЫШЪ-ХАНѢ.

توقتامس قان دینك حکایتی

برون زمانده قریم ده طویغوجه دیکان برقان بولغان اوزی آوغه اوس بولوب
قرشغه قیرغی اولاشین سونقار تازایت لرتورلی قوس لار صاقلای ایکان
کون لرده برکون قان دینك قوس لارین قارای تورغان وزیری قوتلوقیا
ساه تیمر که سوقه ایتیب قاندن یاسرتین سول سونقارلار دن برجقی سین
بیر برده جباریر برزماندن صونك قان مونی ایسیتارده قوتلوقیادی آصیب
اولتر ربوجازیق قوتلوقیادن برار بالاقالیر سول بالادی کرایة جیانتمر آطالیق
بولوب صاقلاب اوسدرور سول زمانده طویغوجه قان دنیادن کیتیب اوولی
توقتامس قریم ده قان بولدی کرایة جیانتمر دینك دوقوز اوولی بار ایدی
قوتلوقیادن قالغان ایدیکه آطلی قوبا اوولدی ده اوزینه اوول ایتوب اوناونده
ایلتاب قان غه صاقلاوغه بردی آندن صونك قوباول قان غه جلقی شی بولوب
جوروی ایدی ارتن آقسام توقتامس دینك اوداسینه کیریب قان غه جلقی
دینك امانشیلیغین بیلدریب آنده آص ده ایشیب کتاکان ایدی قوباول
اویکه کیرکانده قان سسکانیب جریندن توراقالا ایکان برکون مونی قان دینك
قاتینی طنای کوروب قوباول اوستنکا کلکانده نته سسکاناسنك دیب قاندن

Кан муькир[3] болмады.

– Мен Кубаулдан нете сескене эдегенмен[4]? – деп катыны Танайга бек шамланды.

Андан сонъ Танай, бир куьн Кубаул канга коьриниске* келмесден бурын, тебен ийне минен кандынъ арт этегин дайым кан олтыра турган махпалга* тийреп койып эди. Кубаул келип, уьйге киргенде, кан сескене берип, тура калды эсе, тебен шарт этип сынды да, Танайдынъ соьзи керти болды.

Кан оьзидинъ сескене экени уьшин болганын билип, ваь* хем* катыны Танайдынъ соьзи дурыс экенин гоьрип, танъга* кылып: «Бу не иш болыр?» – деп, оьз оьзинден сорады. Лекин*: «Бу», – деп айтып, кан бир йорыкга сала алмай, ахырда, арып-талып, пашыманлык* мынан уйыкларга жатды. Уйкысында кан туьс коьрди. Бир яркын юлдыз, янында докыз наьзик юлдызлар мынан авадан саркып келип, бу дуныяга ярык берип турган эди. Аьлек этип оьзи[н], дуныяга жарык берди. Бу туьсди коьрген сонъ тагы кандынъ коркувы артды. Андан Кубаул асылын билмек кандынъ фикирине* туьсди де, кан, уьлкен той ясап, тоьбеге ак шатырлар курдырып, тоьре-картын йыйдырып, кан аьзрет* ала коьзин як-ягына каратды:

– Кубаулдынъ асылын ким биле? – деп соратды.

Эш бир аьдем кан касына келе алмай, канга явап бере алмай:

– Таксырлымыз*, падшах*, биз билмеймиз, – дей турды.

Андан сонъ кыпшакдынъ Куба жыравы кол кавсырып, тиз буьгип, тиз астына боьрк салып, онъ колына бал алып, толгамага келип эди – сол боьки[5] Кебаядынъ увылы Кенъ Янбай кыпшакдынъ Куба жыравын кери тартып, ым этип, эзуьв кагып* олтыртды.

Анда канлар айта турмаймы?
– Кебаядынъ увылы Кенъ Янбай,
Кенъешинъ артык бий Янбай,
Кенъешимдинъ сонъысынъ,
Кенъ сабамдынъ* корысынъ*,
Кыпшакдынъ Куба жыравын
Кери тартып олтыртдынъ,
Кубаулдынъ асылын сен толгашы! – деп эди.

Анда Янбай айтып соьйледи:

– Сувын аяк ат минген,
Сувдай болат байланган,
Сувсар* боьркли, суф[6] тонлы[7],
Юз де сексен ясаган,
Атанъдынъ ак оьтпегин асаган,
Сыбра деген жырав бар.
Кубаулдынъ асылын
Ол билмесе ким билир?
Мен оьзим боьтегели жерде кыравман,
Нагашы акам жокда жыравман, –

деп канга таьзим* этип токтады. Анда Сыбрады алма[га][8] кетдилер.

Алт[ы]ак-боз ат жекдирип,
Алтын коьске[9] мингизип,
Беллерин бувта мынан бувдырып,
Якларын увла мынан увлатып,

Азувларын шыйратылган ший йифек* минен шырматып,
Колтыгына жезлев[10] таяк суьентип,
Колына алмас* кондырып,
Коьзине зуьнбил* суьртдирип,
Оьтирик-ялан* демеске
Ийман шахадетин* эскертип,
Алып келди жыравды.
Уьшки[11] бастан жер берди,
Уьш тостакай бал берди.
Жырав балды ишкенде,
Бал жуьрекке туьскенде,
Телегенлей* сылтырап,
Басы-коьзи калтырап,
Копсымага келип эли карт жырав.
Эсикде Янбай айта турмаймы?
– Кишкенемден эркетип,
Жуьрегимди майлы оьсдирген,
Нагашы акам, сен эдинъ.
Сен турашы, мен жырлайым, – деди энди.
Бал аягын Бекем-жырав усынды*.
Бал аякды Янбай ишкенде,
Бал буьйрекке туьскенде,
Янбай айта турмаймы[12]?
– А, Токтамыс, а, ганым,
Эдиге сенинъ ненъ эди?
Эсигинъ эмен экенде,
Босаганъ болат экенде,
Эсигинъде ат туварган ялшы эди.
Эдигединъ эски кеги* бар эди,
Эсленмей де жуьрийди,
Эсине Бекем туьсирди,
Эбин Алла келтирди.

Андан сонъ Бекем[13] айтып толгайды:

Жыр

Баяндав кан, Сандав кан –
Аны коьрген жыравман,
Сайын канлар кеткенде –
Андан калган жыравман,
Коьгин жойган Коьтей кан –
Андан калган жыравман,
Есуьвгей увылы Шынъыз кан –
Андан калган жыравман,
Йоклавсыз кеткен Йошы* кан –
Аны коьрген жыравман,
Татартуьп*, Жолат* бийлеген
Бувра солтан Берки кан –
Андан калган жыравман,
Уьзенгиси* уьзбе алтын

Кан Оьзбек кан болган –
Аны коьрген жыравман,
Тебингиси тепме алтын
Кан Темирбек кан болган –
Андан калган жыравман,
Жамышысы жайма алтын
Кан Жаныбек кан болган –
Андан калган жыравман!
Улы* кан да докыз кан,
Кишши* кан да отыз кан –
Анлардан калган жыравман!
Тойгожа увылы Токтамыс,
Тек туьнегуьн жаланъаяк, жаланъбас
Юрип турган бала эдинъ,
Тусынъ келди – кан болдынъ,
Сени де коьре тураман,
Оьлтиреегинъ билемен!
Оьлтирсенъ беним нем каврай?
Ахырет уьйге барарман,
Еннет уьйге кирермен,
Еннетдинъ мен оьзим
Тап тоьринде болырман!
Аргы увыл да, бериги увыл
Ортадагы узын бойлы, ат елкели Куба увыл
Бойларына карасак –
Нурдан пейда* болгандай.
Жавырыны ясы, мойыны узын,
Жай тартмага колы узын,
Атысы мерген болыр Кубаул.
А, Токтамыс, а, ганым,
Кубаулды сен, Кубаул деп, корлама,
Байтагым* коьп деп зорлама,
Кубаулды сен оьзинъ,
Кубаул деп, корласанъ,
Байтагым коьп деп зорласанъ,
Бир жылгысын жапалак куслай жалпанълап,
Языда болар бугай Кубаул.
Жыл айланып келгенде,
Кубаталдан* курык сайлар Кубаул,
Куба-алалы коьп жылкынъ
Кувып айдар Кубаул!
Кыдыра келген нартынъды*,
Кум капдырыр Кубаул;
Касыклап йыйган малынъды
Шоьмишлеп тоьгер бугай Кубаул;
Энсиз жылкы, сансыз кой
Эрксизден сояр бугай Кубаул;
Батман*, батман балынъды,
Тартып алып, ишер бугай Кубаул!

Алла оьзине бергенде,
Каьникедей аьруьвди,
Коьзикедей сылувды,
Тартып алып, кушаклап,
Суьер бугай Кубаул!
Кувлай шашынъ агартып,
Куралайлай* эки коьзинъ кызартып,
Элинъден кувлар бугай Кубаул!
Айтганым беним* кула туьзге, кув шоьпке,
Ахырысы хайырынъды коьрир бугай
Кус мурынлы[14] Кубаул!
Кубаулдынъ асылын
Айтма[га] авызым бармайды,
Айтмасам сенинъ коьнъилинъ тыммайды*,
Кубаулдынъ шынты асылы сол болыр:

Башдагысы уллы атасын мен айтсам –
Баба Туьклес карт эди,
Каьбада падшахлык эткен нарт эди,
Анынъ увылы – Терме,
Анынъ увылы – Казыйчы,
Анынъ увылы – Исламкая,
Анынъ увылы – Кадыркая,
Анынъ увылы – Кутлыкая бий эди! – деп,

Сыбра жырав жырын тамам этди.

Сонъ Токтамыс кан, акыллы ваьзирлерин йыйып, анлар мынан кенъеш кылып, Кубаулды тутып оьлтиреек болды. Кубаул, кандынъ оьзине жаман хыял тутганын билип, керейт Жиентемирдинъ докыз увылын хем оьзи минен алып, Токтамыс кандан кашды. Артындан кан аьскери минен кувды, лекин ете алмады. Кан, кайтып уьйине келип, ваьзири Янбайды жиберди:

– Барып, аьруьв таьтли соьзлер минен алдап, Кубаулды алып кел, – деп.

Янбай ызындан барып, Кубаулга жетип, агар не соьйлегени мине бу жырда айтыла:

Жыр

Ызындан Янбай кетипди,
Жетип барып айтыпды:
– Кайтсана, аьзиз, кайтсана,
Кайтып уьйинъ тапсана,
Аьризинъди* эр оьзинъ
Оьз авызынъ мынан айтсана,
Энегеси бийик боз орда,
Энип, коьринис этсене,
Эрни юка шыны аяк
Кан иенъ бал береди – ишсене,
Этеги алтын, женъи алтын,
Кан иенъ саьлесер* тон береди – кийсене,
Асылы артык арапдан[15],

Кан иенъ ат береди – минсене,
Балдагы алтын ой болат,
Кан иенъ кылыш бере – бувсана,
Бир шегеси мынъ кызылга битмеген
Кан иенъ куъбе бере – кийсене.

Жыр

Эдиге баьтир айтып соьйлейди:
– Кайтман ды, Янбай, кайтман ды,
Кайтып уьйим тапман ды;
Аьризимди эр оьзим
Оьз авызым мынан айтман ды –
Тилим кутсыз болган сонъ;
Энегеси бийик боз орда,
Энип, коьринис этмен ди –
Энъсем кутсыз болган сонъ;
Эрни юка шыны аяк,
Кан ием бал берсе де ишмен ди –
Эриним ерке болган сонъ;
Этеги алтын, женъи алтын,
Кан ием тон берсе де киймен ди –
Ийним кутсыз болган сонъ;
Асылы артык арапдан,
Кан ием ат берсе де минмен ди –
Авым кутсыз болган сонъ;
Балдагы алтын ой болат,
Кан ием кылыш берсе де бувман ды –
Белим кутсыз болган сонъ;
Бир шегеси мынъ алтынга битмеген
Кан ием куъбе берсе де киймен ди –
Шаркым шылым* болган сонъ!
Кенешидинъ увылы Кенъ Янбай,
Кери соьзли ийт Янбай,
Асылынъ кара киси улысын,
Мал бергендинъ кулысын,
Кери мен турып тынълашы,
Аьри мен турып соьйлеши!
Танълайынъа тал кыздырып басарман,
Тартып тилинъ кесермен,
Бу кеткешден[16] мен кетермен,
Шахтемир бийге жетермен,
Шахтемир мага кол* берсе,
Кудайым оьзи жол берсе,
Токтамышдай канларды
Бир мусаххар* этермен! – деп, Эдиге жуьрий берди.

Эдиге бара ятып, жолда алдындан бир булан* шыгып кашды. Эдиге буланды атып эди, булан онкасындан[17] кетди. Амма* буланды, артын кувып, келе ятган

бир жигит бар экен. Сол жигит минен Эдиге давалы болды. Эдиге: «Булан меним огымдан калды», – деди. Сол жигит хем сондай айтды. Андан сонъ буланды сойып, сыдырып эдилер – эки окдынъ кези* биригип шыкды да, экисидинъ де соьзлери уьшин болды. Анда эки де жигит атларындан туьсип, коьк-ала шоьлде жел кагып, сисликке уьлкен* от жагып, янтаяшып жал алып, бир-биринден: «Сен кимсин?» – деп сорашдылар. Анда Кубаул:

– Мен Эдиге, атам досты Шахтемирге бараман, – деди. Ол жигит айтды:

– Алай боса, мен де Шахтемирдинъ кыймасындан тувган увылы Асбай боламан. Муна Шахтемирдинъ кызы Бердиаьзизди Кабардин алып эрксизден алып баражатыр, эгер алыпдан кайтара алып болсанъ, бек ийги болыр эди, – деди.

Сол ерде Эдиге баьтир алыпдынъ артындан куваяк болды, амма йолдаслары кувмага кабыл коьрмедилер. Эдиге колына анав буландынъ асыгын алып:

– Жигитлер, мунав асык тулга* басына уьш уьйиргенде бир алшы турса – алыпдынъ ызындан кувармыз, – деди.

Йолдаслары хем бугар ыразы болып, амайыл бузып ант ишдилер. Эдиге асыкды уьйирип эди – асык алшы турды да алыпдынъ артын куваяк болдылар.

– Алай болса, мен илгери кетип, бир йолавшы аьдем болып, алыпга казаншы болырман да сердединъ* астына сизге ас таслап кетермен. Сиз сол асды ееп келерсиз, – деп, оьзи илгери барып, алыпга казаншы болып, сердединъ астына ас таслай турып кетди.

Бир куьн Дайдан шоьл деген жерде Эдиге алыпга айтды:

– Бизим артымыздан кувып келген жав йок, бир азгана ырахатлансак* калай болыр? – деди.

Эдигединъ соьзин макул коьрип, бир уьлкен сувдынъ якасына конып, аьскерин терлерин юварга сувга жиберип, оьзи уйкыларга жатды. Анда Эдиге баьтир Энъишбоз деген атына минип, энъсе берип, ок мынан атып алыпды оьлтирип, алыпдынъ тонавын Бердиаьзизди алып, Шахтемирге келди. Шахтемир уьлкен той этип, кызы Бердиаьзизди Эдигеге хатынлык берди. Сол хатындан Эдигеге бир эр бала тувды. Атын Нураьдил деп атадылар.

Андан сонъ бир кесек заман кетип, Эдиге Шахтемирден Токтамыс кан уьстине барырга аьскер тилеп эди, амма Шахтемир ыразы болмады.

Куьнлерде бир куьн Токтамыс кан кыз карындасы Каьникеди Жалап канга береек болып той этди. Тойына Шахтемирди шакырды. Шахтемир минен Нураьдил де барды. Оьзи он алты ясында эди. Тойда Токтамыс кан мактанып:

– Атам Тойгожа Кутлыкаяды бир жымыртга[18] уьшин оьлтирген, – деп соьйледи.

Сол соьзди эситип Нураьдил, шамланып, тойдан кайтып келип, Шахтемирден аьскер алып, Токтамыс канга юриди. Токтамыс кан, бу хабарды эситип, юртын таслап кашды. Нураьдил ызындан кувып юриди.

Токтамыс кан кашып бара ятып, жолда бир койшыга ушырап, агар жавырын* каратды. Сол койшы айтды:

– Артынъ кувып келген Нураьдил кери кайтды, – деп.

– Кери кайтганы уьшин мекен? Барып билип келши, – деп кан Янбайды жиберип эди. Янбай бара турганда Нураьдилдинъ аьскерине раст келип, Янбайды

тутып алып Нураьдилге элтеп бердилер. Нураьдил Янбайды оьлтирежек болды. Анда Янбай:

– Оьлтирме – Токтамысды тавып берейим, – деп, Нураьдилди алып юриди.

Танъ атып келеятганда Токтамыс кан аста-акырын толгай-толгай келеятыр эди. Анынъ авазын эситип, агар карап юридилер энди. Сол шакда кан Токтамыс айтып жырлаган жырын язамыз:

Жыр

Кан кашып, бийлер кувган куьн,
Кан йодырга* минген куьн,
Ат авнап йоьхерлер [19] сынган куьн,
Алтын таклар буьлген* куьн,
Темир сувлык уьзилип,
Тизгин колга келген куьн,
Кан эр анда мунъайып,
Булай айта турган куьн:
– Ябагылы боз тайлак
Жардай атан* болган журт,
Ятып калган бир токлым
Жайылып мынъ кой болган журт,
Зафырандай* сары баллар сапырып,
Сабам тойга коьшкен журт,
Сазанлай куйрык тислесип,
Саф* аргымаклар оьскен журт,
Кадырберди яс солтандынъ анасы –
Данабегим-ана – келин болган журт –
Эдилимсинъ, Тенимсинъ*,
Отынъ секер, сувынъ сербет еримсинъ.
Савлай сенден айырылып,
Кан иенъ казак шыгып барады,
Кан иенъге сен буьгуьн
«Йолынъ босын!» дермисен[20]?

Жыр

Сарсылдама, балавсак*, –
Эдиге улы коьп байтак,
Атлап* конса солырсын.
Буркысыма, куба шанъ, –
Себелеп жамгыр жавса жатарсын.
Толкысыма, Ана-[Э]дил, –
Токсандынъ бири тувса [21] катарсын.
Кубылыма, куба жел, –
Таьнъриден* ызын келсе тымарсын.
Кубырсыма, кубаша* ат,–
Эдиге увылы Нураьдил
Коймай кувып келеди –
Бир куьн катсанъ жайнарсынъ.
Касымдагы меним йолдасым
Сыбыр-сыбыр этеди,

Жанына кыйын келгенде,
Мени таслап кетеди.
Сыр билмеген ясларга
Сыррым* калай тоьгейим?
Сынавлы бизим шынты юйрик юбайды.
Сынавсыз, [н]ал билмеген бедевге*
Калай базып минейим?
Артымыздан кан айтар:
– Аьне, кара коьринген –
Эдиге увылы Нураьдил,
Эш бермегей мырадын.
Хаьзрет Аллам сол жаьлил*,
Кан увылы мен оьзим
Оьлмей колга тутылман.
Аьне, жетди Нураьдил,
Мен оьзим бу куьнде
Ерге синъсем кутылман.

Токтамыс кан кызгытув* кусга айтып толгаган жыры бу дыр:

Жыр

Кызгытув деген кызгыс* кус,
Канатынъ кос кус, мойнынъ бос,
Авызынъ-мурнынъ муьйиз кус,
Авазынъ* айлак жаман зарлы кус.
Бу языда заьр* кылып,
Коьп шакырма кызгыс кус.
Балаларынъ сенинъ алырга,
Басынъга кеткисиз уллы кыйын салырга,
Байтагым бар ды боса мунда йок;
Когашынъ* туьби коьп жымыртганъ алырга
Калын саклав тагы йок.
Айван, коьл иеси сен эдинъ,
Эл иеси мен эдим;
Сени коьлден айырган,
Мени элден айырган,
Садагын* эш салмасын белинден,
Эдиге улы Нураьдил,
Саргайып, менлей казак шыксын элинден.

Кан Токтамыс, толгай турып, кашып жуьрий эди. Ызын кувып келген Эдиге увылы Нураьдил жетип, кан языкдынъ басын кесип, малын-муьлкин бийлеп, карындасы Каьникеди, хатыны Коьзикеди элтеп, атасы Эдиге мырзага берди.

Андан сонъ Нураьдил, Токтамыс кандынъ карындасы Каьникеди оьзине хатынлыкга алмага суьйип, кызды:

– Сен бу иске кабылмысын? – деп сорап эди, кыз:

– Анама ойласмай явап бере алман, – деди.

Кыз анасы мынан ойласды. Анасы ыразы болмады. Анда кыз:

– Алай боса не явап берейим Нураьдилге? – деп анасындан сорады.

Анда кыздынъ анасы:

– Мен билмем, барып Коьзикеден сора, – деди.

Кыз Коьзикеден сорап эди, Коьзике:

– «Атанъ Эдигединъ колы сенден озды» деп, явап бер, – деп кызды уьйретди. Кыз хем Нураьдилге солай явап берди.

Нураьдил бу хабарды эшитип, бек шамланып, атасы Эдигеди элинден кувды. Эдиге карт казак шыгып кетди. Энди Эдиге, казак шыгып кетмесден бурын, увылы Нураьдилге айтган жырла[р]ны язайым, коьринъиз:

Жыр

Эдиге айтар экен ди:
– Исим колай келгенше
Боракан увылы Темирге,
Боракандынъ оьзи эмирге
Аягыдынъ астында деп-дерги[22] болып олтырдым.
Исим колай келген сонъ,
Бир куьнде беш юз киси оьтирдим.
Бир басы мынъ кисиге тийгендей,
Кабардин деген алыпларды
Языда ялгыз оьзим оьлтир[д]им.
Темир кызы, сенинъ ананъ, Бердиаьзиз,
Алла оьзиме бергенде,
Тегин олжа* келтирдим!
Эдиге айтып толгайды,
Толгайды да не дейди?
– Даьретсиз* ерлер басмаган;
Авызындан ийман кетмеген;
Алладынъ мешит уьйин саклаган;
Отыз эки сежде* бас койып,
Бекке[23] бетин бек салып,
Аг оьлеге боьленип,
Арса* шыгар атанъды,
Замана ахыр* болганда,
Азрайыл бир маьлек
Асмандан* оьзи хабар бергенде,
Кувмашы, а Нураьдил, ай увылым,
Шафагат[24] этер бабанъды.
Эдиге айтып соьйлейди:
– Борай, борай кар жавса,
Боз керискем* тувыл мединъ, мырза увылым?
Борасынлай* ог* жавса,
Болат калкам* тувыл мединъ, мырза увылым?
Хиндден*, Еменден*, Хыйвадан*, Бухарадан
Барша усталар йыйылса,
Ортага болат сандал* курдырса,
Шоькиш минен сокдырса,
Терезеге* салып шекдирсе,
Ишинден эш де бакыр табылмас
Едди* асыллы мырза увылым.

Таьнърини арсланы,
Аьли сынлы мырза увылым,
Кувлаганынъ мен босам,
Мен кашайым, сен кувшы!
Аьр дайым дусманынъ
Менлей кашсын, мырза увылым!
– А, Нураьдил, ай, увылым,
Кара сувга кан куйсанъ,
Сувды кайдан ишерсин?
Кавдан ерге от салсанъ,
Отды кайдан отларсын?
Кас аргымак кантарсанъ,
Атды кайдан минерсин?
Кара улашын косарсанъ,
Кусды кайдан шуьерсин*?
Картайганда оьз бабанъды кувласанъ,
Кайда барсанъ онъарсын?
Эдиге айтып соьйлейди:
– Орай* шабып кесе оьткен
Он бармагынъ, мырза увылым;
Он сегиз мынъ аьлимди[нъ]
Дин тиреги, мырза увылым;
Тоьбели торы ат минген,
Явга шапган, мырза увылым;
Кесме, кесме сары алтын
Бир ерине келгенде,
Кесмей берген, мырза увылым;
Кымтыганы катесиз*
Каршыгадай, мырза увылым;
Аты алтын да тоны алтын,
Хаьр* кылыгы баьри алтын,
А, Нураьдил, ай, увылым,
Кувлаганынъ мен босам,
Мен гашайым, сен кувшы!
Дусманынъ менлей кашсын, мырза увылым!
Нураьдил айтып соьйлейди:
– Аьзиз атам, бий бабам!
Кара сувга кан куйсам,
Сувды сербет ишермен;
Кавдан жерге оьрт салсам,
Отды секер отларман;
Кас аргымак кантарсам,
Аьлемден тулпар сайлап минермен;
Кара улашын косарсам,
Аьлемден шункар* сайлап шуьермен;
Картайганда бабамды мен кувласам,
Таьнъри уьйи Бейт аьл-маьмуьр каьнз уьл-арс[25] –
Сол Каьбады* экилер-уьш айланып,
Ымтылып таваф* этсем онъарман!

Эдиге казак шыгып кетип, Нураьдил канлык кылып бираз жыллар оьтди. Токтамыс кандынъ калкы Нураьдилди яратмай:

– Токтамыс кандынъ асылы Шынъыз эди, Нураьдилдинъ асылы ким экенин Алла оьзи биле, – деп соьйлеген соьзлер Нураьдилге эситилип, анларга явап болырдай Нураьдил айткан жырлар:

Нураьдил айтып соьйлейди:
– Ай, аьзизленген юма куьн –
Дуныяга энди энгенмен;
Коьзим ашып коьргешден –
Кадыр туьнин коьргенмен;
Авызым ашып соьйлегешден –
«Асхаду ан лаь ийлаьха ийллаь-ллах» дегенмен;
Арабий* китап окыганман;
Аьлимлердинъ айтганын
Мен айтарман, дегенмен.
Атамдан артык тувганман,
Хызыр-Ильяс ийги аьзизге
Кырк куьн таат* кылганман!
Тойгожа увылы Токтамыс –
Асылы ал[26] Шынъыз боса не болды?
Мен оьзим кереметли* Туьркстанда*
Кожа Аьхмед Баба Туькли Шашлы Аьзиз
Бархаядынъ увылыман!
Уьйде[27] базар коьп калкдан
Хараж* алган мырзаман,
Бурак* сынлы ат минип,
Бийлик суьрген мырзаман,
Аймакда* алтмыс* ноьгерли
Карт сайлаган мырзаман,
Дирилдеп жавга шабаган
Нарт сайлаган мырзаман,
Кыйын тийген жигитдинъ кыйбетин*
Артык билген мырзаман,
Кыйналып ис коьрсеткен жигитдинъ
Алапасын* артык язган мырзаман,
Берген малын кайта алмас
Белгили Аьзиз увылыман.
Атасын сорамай ноьгер иертмен,
Асылын сорамай мал бермен,
Бергенде мынъ да бес юз
Сары алтынга токтаман,
Достымдынъ отын соьндирмен,
Дусманым отын яндырман!
Эдиге увылы шах Нураьдил мен дирмен,
Оьши юрген Шынъыздынъ
Кайсы увылындан кем дирмен?!
Кеселтек кара булытман,
Явмай турып ашылман;
Боз агашдан бийикмен,
Булытга жетмей шорт сынман;
Куьрилдесем согар ясынман,

Куьлсем тувар шувакман;
Ойнасам ойран* салырман,
Шамлансам шорт уьзилген болатман;
Алтындан байса* сокдырып,
Эригиме[28] сункар шуьермен;
Алты арбага аг явып,
Алтысына нар* жегип,
Эсенимде-савымда
Толтыра алтын тиермен!
Яне де Нураьдил айтып соьйлейди:
– Булан сынлы куьренди*
Бутга кагып мингенмен;
Аг киревке темир тон[29] –
Оькшек этке кийгенмен;
Куьдирейген манълайга,
Коьрикдей бузлар тургызып,
Куьн туьбине декен канды кувганман.
Эз экшик минен боз экшик,
Тобылгылы арка, тувра туьз,
Толарсыкдан йол салып,
Эрмик аттып кувганман.
Эртис* басы боз агаш
Эрлерге анда еткенмен,
Етип, басын, шорт кыйып,
Канжыгама бувганман,
Канжыгамдан калыр деп,
Карыма* ала коьргенмен,
Мен карымдан калыр деп,
Аг оьлеге боьлетип,
Эт койныма салганман,
Аькелип оьз бабама бергенмен.
Каьникедей аьруьвден,
Коьзикедей сылувдан,
Мен оьзим яслыгымдан яйылып,
Юрий куры калганман.

Илгериде* хем айтып эдик – Эдиге карт, кув таягын колга алып, казак шыгып кетди. Нураьдил сол шакда элге канлык этди.

Бодрак деген бек кавгалы калк эди. Алардан Ысмайыл, Юсыф, Аьмет, Мекиш деген доьрт аданас бар эди. Булар эншелерин* алдылар, араларында болган малларын боьлдилер. Бир аксак эшки ортада калды. Шол* эшкидинъ доьрт санын доьрт де аданас савлайын пайладылар да, эшки семиргенде сойып алырмыз деп, койдылар. Эшкидинъ аксак аягы Мекишке тийген эди. Сол айгына майлы шуьперек байлап, эшкиди отлама[га] жиберип эди, эшки от басып майлы шуьперек янды. Андан кашып, эшки Нураьдилдинъ аталыгы Таймаза дегендинъ ындырына кирип, кырк кулаш ызанын якды. Таймаз Нураьдилге барып аьриз этди. Нураьдил Мекишке:

– Сенинъ пайынъдагы аяк себеп болып бу зарар болган, – деп, кырк дийнар* тоьлев салды.

– Мундан кайтип кутыларман? – деп, Мекиш жылап шоьллерде жуьрийди. Бир куьн Бугалы деген ерде кув атып, сислик этип турган бир картга жолыкды.

– Ай, жигит, кимдинъ аьдемисинъ? – деп карт сорады. Анда Мекиш:

– Нураьдил кандынъ аьдеми эдим, – деди.

– Сыфатынъ* агарган, не кыйын коьрдинъ канынъдан? – деп тагы карт сорап эди – Мекиш басына келген кыйынды айтып кутгарды. Ол заман карт:

– Кайтып канынъга барып: «Тоьрешиден тоьре калмаган, давашыдан соьз калып», – деп айт. Анда кан сорар: «Ол не соьз?» – деп. Ол заман сен айт: «Зыянга себеп болган – ол уьш сав аяклар эди. Ол уьш де аяк, меним пайымдагы аякдай савсыз боса эди, не, ызаны куьйип, Таймазга зыян болмас эди ваь не меним эшким янып оьлмес эди», – деп.

Мекиш келип канга солай деди. Кан бу соьзлерди эсидкен сонъ, янъыдан тоьре ясап, ол баьри сав аяк иелерине тоьлев салды ваь хем Мекишден:

– Бу соьзлерди сага ким оьгретди*? – деп сорады. Анда Мекиш жылап:

– Шоьлде сондай сыфатлы бир карт оьгретди, – деп явап берип эди, Нураьдил, Эдиге экенин билип, ноьгерлер минен барып, Эдигеди аькелди. Эдиге кан болып, оьзи Нураьдил бий болып, девран* суьрдилер.

Мундан сонъ арадан йигирме* жыл оьтип, Кадырберди яс солтан атасыдынъ канын алмакга ниет кылып, Кырымдан коьп аьскер алып келип, Каракондырай деген ерде уьш куьн мекам* тутды. Хаьр тарафга* тынъшылар* юритди. Ол тынъшылар бир куьн кув кыдырып юрген Янбайды тутып аькелдилер. Анда Янбай Кадырберди солтанды кушаклап жылады:

– Мен эрксизден, кул болып, Нураьдилдинъ колында калдым, – деп.

Кадырберди:

– Алай боса, бар, осал атга мингизип, Нураьдилди алып кел, – деп, Янбайды кайтарып жиберди.

Янбай келип, Нураьдилди алдап, вадаласган* ерге, болжалласган* шоьлге, яман осал атга мингизип, алып келип эди – Кадырберди солтан, аьскер минен камап, Нураьдилди услады*. Коьпшикдинъ* ишине эки бийда* кагып, аны[нъ] уьстине Нураьдилди олтыртды. Эки де бийда, эки санындан оьтип, колтыгына тирелип токтады. Сол заман Кадырберди яс солтан Нураьдилден жырлап сорады. Жырлаган жыры мине, тынъланъыз:

Жыр

Толгай, толгай ювырган,
Ювырганда жер бавырын кувырган,
Томаслав коьрсе каргыган,
Томавыллар коьрсе токтамай,
Ас[а] шуьйилип тик туьскен
Тостакай коьзли торыды –
Аны нетдинъ, Нураьдил?
Тулгасы алтын айбалтам–
Аны нетдинъ, Нураьдил?
Бир шегеси мынъ кызылга битмеген,
Жагасы алтын, мынъ шоькиш
Торбала атлы куьбеди* –
Аны нетдинъ, Нураьдил?

Аркадан коьшкен алты арба,
Алтавы да казна арба –
Аны нетдинъ, Нураьдил?
Он эки саклав байламас,
Аг юнден оьзге нар жекмес,
Аг юнден басга нар жексе,
Аса шуьйилип элтемес,
Тойырлыгы арайыс*,
Ока бавлы, жез шуьйли
Он эки табан каслы орда –
Аны нетдинъ, Нураьдил?
Суьйгенде эр азатын таркатган
Каьнике минен Коьзике –
Аны нетдинъ, Нураьдил?
Толай байтак иеси,
Баслапгы докыз кандынъ менжеси,
Токтамыс кандай бабамды –
Аны нетдинъ, Нураьдил?

Жыр

Нураьдил айтар экен ди:
– А, Кадырберди яс солтан!
Толгай, толгай ювырган,
Ювырганда жер бавырын кувырган,
Томаслав коьрсе каргыган,
Томавыллар коьрсе токтамай,
Аса шуьйилип тик туьскен,
Тостакай коьзли сенинъ торынъды –
Мен оьзим шадлык уьшин мингенмен;
Тулгасы алтын айбалтанъ –
Дусманды* басып куьртин бузганман;
Бир шегеси мынъ кызылга битмеген,
Жагасы алтын, мынъ шоькиш
Торбала атлы куьбенъди,
Алла оьзиме бергенде,
Бабанъдан тонавга алып кийгенмен;
Аркадан коьшкен алты арбанъ,
Алтавы да казна арбанъ,
Алла оьзиме бергенде,
Адасганым келсин деп,
Анкаганым жетсин деп,
Аркавылдынъ уьстинде
Уран* отын бергенмен;
Суьйгенде эр азатын таркатган
Каьникедей коьрклиди,
Коьзикедей эрклиди,
Алла оьзиме бергенде,

Бабама тегин олжа эткенмен;
Толай байтак иеси,
Баслапгы докыз кандынъ менжеси,
Токтамысдай бабанъды –
Артын кувып еткенмен,
Еткешден[30] аман-заман* дегизмей,
Эрдинъ басын шорт кыйып,
Канжыгамга такганман,
Канжыгамдан калыр деп,
Аг оьлеге боьлетип,
Эт койныма салганман,
Кан суьеги кие* деп,
Канларды койган Сарайжык* –
Бабанъдынъ басын анда аькелип койганман.
Кадырберди яс солтан,
Нураьдилди онъсыз табып турасынъ,
Узын огы, кенъ яйы
Туьсмей тура колына;
Узын огы, кенъ яйы,
Туьсе койса колына,
Сендей эткен солтанды
Жибермес меди эр оьзи
Атанъ барган кайтмас журтдынъ жолына?!

Жыр

Нураьдил айтып соьйлейди:
– Кеселтек кара булытман,
Эш де жавмай ашылман;
Анадан кесе[л]тек кара тувганман,
Сабынлап ювган мынан агарман;
Бурылша атдан шалыкман,
Буга[в]лык салган мынан ювасман;
Бугыршындан катыман,
Бурынымa буйда* оьткерсенъ шыдарман;
Босгыншыкдан айрыман,
Тизге салсанъ туьз болман;
Ак денъизден ашшыман,
Арбалап секер тоьксенъ шушыман*;
Толай байтак иеси,
Токтамыс атлы бабанъды,
Кесе кыркган арсланман.
Аьлшилер* минен алдатып,
Садак-савыт таслатып,
Хаьйле* минен колга алып,
Кадырберди яс солтан,
Сандан буйда оьткерип турасынъ,
Заманында билип эткен оькинмес,
Боса алай куьн,
Бурынымдан аьнже* оьткерсенъ – кайгырман!

Нураьдил мырзага шушындай* кыйын келип тураганын Эдиге эситип, бар аьскерин алып келип, Кадырберди солтан мынан уьлкен урыс этди. Сол урысда солтандынъ жаксы мырзаларындан бир неше мырзасын тутдылар. Андан сонъ Кадырберди Эдиге картга элши жиберди: «Увылы Нураьдилди кери берейим, анавы усланган мырзаларым кайтарсын», – деп.

Эдиге, агар кабыл болып, уславдагы аьдемлерди салга* мингизип, Эдил сувыдынъ аргы жагында турган Кадырбердиге жиберди. Кадырберди де Нураьдилди, солай этип, жиберип эди. Шаркында бек коьп жаралары мынан Нураьдил атасы Эдигеге келип жетди.

Бундан сонъ тагы араларында от жанып, булытлай аьскер бири бирин буьркип, буршаклай оклар жавдырып, каты согыс, уьлкен урыс этдилер. Сонда Эдиге бийге жара тийип, Эдиге сол жарадан оьлди. Кадырберди солтан да шушы аьскерликде маразланып, Кырымга кайтып бара жатып, жазык жолда вафат* болды.

Кадырберди Токтамыс кандынъ доьртинжи увылы эди. Уьйкен увылы – Жалаладдин, экинжиси – Куьшик солтан, уьшинжиси – Жафарберди солтан эди.

Эдиге мырзадынъ бурынгы аталары булай болады:

Эдиге атасы – Кутлыкая, анынъ атасы – Кадыркая, анынъ атасы – Исламкая, анынъ атасы – Казыйжы, анынъ атасы – Терме, анынъ атасы – Баба Туьклес, анынъ атасы – солтан Жалаладдин, анынъ атасы – солтан Осман, анынъ атасы – Аьбуьв аьл-Хакк, анынъ атасы – солтан Сыйдак, анынъ атасы – солтан Саьлим, анынъ атасы – солтан Аьбуьв аьл-Ас, анынъ атасы – солтан Маьвлуьд, анынъ атасы – солтан Кыйда, анынъ атасы – солтан Ваьлид, анынъ атасы – солтан Халид, анынъ атасы – солтан Хоьрмиз, анынъ атасы – солтан Кеап, анынъ атасы – Мухаммед, анынъ атасы – Аьбуьв Бекир Рийзауллах таала анхув[31] эди.

Эдиге мырза, солай болып, дуныядан оьтди, увылы Нураьдил, падшахлык кылып, девран суьрди.

Эдиге мырзадынъ хикаьетлерин ваь анда айтылган жырларды таварыклар*, жыравлар туьрли-туьрли этип айталар. Бу китапды мен язаган шакда меним колымда хем бир неше туьрли Эдигединъ хикаьетлери бар эди, сол нусхалардан* сайлап, жаксы* коьргенимди мунда жаздым.

ПРИМЕЧАНИЯ[1]

[1] Берир – огузская форма слова, соответствующая кыпчакской – «береди». Далее по тексту слова: жиберир, эситер, оьлтирир, калыр, оьсдирир следует понимать, как: йибереди, эситеди, оьлтиреди, калады, оьстиреди.

[2] Ода – комната (из турецкого); возможно также, что в этом слове пропущена буква «р»: о[р]да – ставка хана.

[3] Муькир болмав – здесь: не соглашаться.

[4] Эдегенмен – в современной орфографии «этетаганман».

[5] Боьки – родоплеменное подразделение, из которого происходил Янбай.

[6] Суф – шерсть (арабск.), от этого слова образовано название суфиев, носивших одеяние из грубой шерсти.

[7] Тон – верхняя одежда, халат. В данном случае «суф тонлы» следует понимать, как «облачённый в суфийское одеяние».

---

[1] Примечания Т. Джемакулова

[8] Алма[га] – здесь и далее в квадратных скобках указаны пропущенные буквы или слова.
[9] Коьс (коьш) – поставленная на телегу кибитка, крытая повозка.
[10] Жезлев (езлев) – медный.
[11] Уьшки – подлинное значение слова не известно. В других вариантах дестана в аналогичном месте стоят слова: сосы (или книжная форма этого слова – ушбу/ошбу), ишки, уьшкил. Ч. Валиханов считал, что ногайское выражение «учкибас» соответствует казахскому «тоьр», однако слово «тоьр» в ногайском языке также имеется (см. публикуемый в настоящем сборнике русский перевод одного из ногайских вариантов эпоса, выполненный Ч. Валихановым).
[12] Турмаймы – ввиду того, что текст был составлен из нескольких вариантов дестана, записанных от разных сказителей, в нем имеются очевидные несоответствия. Следующие ниже слова Янбая должны были быть сказаны им уже после бегства Эдиге из ставки Токтамыса.
[13] Бекем – очевидно в том варианте дестана, из которого был взят данный отрывок, персонаж по имени Бекем выступает вместо Сыбра-йырау.
[14] Мурын (бурын) – нос; «кус мурынлы» – горбоносый.
[15] Арап – здесь: конь арабской породы.
[16] Кеткешден (кеткештен, кеткеннен сонъ) – уйдя, после ухода.
[17] Онкасындан кетуьв (омакасыннан кетуьв) – упасть, перекувыркнувшись.
[18] Жымыртга – так как текст дестана составлен из нескольких вариантов, содержание его частей противоречиво в начале повествования говорится, что Кутлыкая отдал Шахтемиру взрослую птицу.
[19] Йоьхерлер – здесь: цветы.
[20] Дермисен (дерсинъме) – скажешь ли?
[21] Токсандынъ бири тувса – в первый (из девяноста) дней зимы.
[22] Деп-дерги – здесь: без внимания, не в почёте.
[23] Бекке – вероятно, искажённое «Мекке» – Мекка.
[24] Шафагат – заступничество; возможно, здесь использовано вместо похожего по звучанию слова «шафкат» – милосердие, сострадание, жалость.
[25] Бейт аьл-маьмуьр каьнз уьл-арс – Благоустроенный Дом, сокровище небесных сфер.
[26] Ал – красный, алый (имеется в виду цвет бороды).
[27] Уьйде – по смыслу должно быть «орда», эти слова, написанные арабскими буквами скорописью, почти неразличимы.
[28] Эригиме – от скуки, на досуге. В оригинальном тексте в этом слове имеется опечатка: вместо буквы ر напечатана похожая по начертанию буква ز. Наличие этой опечатки подтверждает факт заимствования фольклорных произведений из книги «Ногайские и кумыкские тексты» сказителями некоторых тюркских народов. Сказители, заучившие текст «Предания о Тохтамыш-хане» по книге М.-Э. Османова, не распознав опечатки, прочитали слово «эригиме» по-своему. Так в татарском тексте эпоса «Идегэй» читаем: «Өгемэ шонкар чөярмен» («Идегэй», Казань, 1988, стр. 199), где «өге» – филин. Филин, как известно, никогда не служил объектом охотничьего промысла, Нурадин охотился с кречетом «от скуки». В ногайском эпосе нередко говорится об удальстве героев-батыров в часы досуга (эриксем, эриккенде, эригиме).
[29] Аг киревке темир тон – белая кольчуга в виде халата с длинным подолом.
[30] Еткешден (еткеннен сонъ, етип) – достигнув, настигнув.
[31] Таала анхув – пусть он станет великим.

Токтамыш хан хикаьети

Вариант И.Н. БЕРЕЗИНА

Печатается в транслитерации с арабографического текста:

Токтамыш хан хикаьети // Турецкая хрестоматия / Сост.: И.Н. Березин.– Казань. – Т. 2. – 1892. – С. 59–76.

Настоящий вариант эпоса «Эдиге» назван академиком В.М. Жирмунским в числе «ногайских вариантов, печатавшихся в оригинале» (см. «Тюркский героический эпос». – с. 354)

Текст в транслитерации кириллицей ранее был опубликован ногайским ученым Ю.И. Каракаевым. Предлагаемый текст, основанный на варианте Ю. Каракаева, отличается большей степенью выверенности.

Кадим* заманда Эдил бойында Токтамыш хан деген болган эрмиш*. Ол ханнынъ Туьклиаяк деген бир чунъкар* кушы болган эрмиш. Ол шунъкар*, бир йылда бир буьйик[1] башында уя ясап, хаьр йылда уьч жумыртка тавып, уьч бала чыкарадыр эрмиш. Ол кушларны Наьдир деген бир киши куьтедир[2] эмиш*. Куьнлерде бир куьн ол Наьдир деген кишиге Тоьре ханындан бир элши келип, уьч кушнынъ бирисин тилеп, огрылык* бирле алып кетип, Тоьре ханына берди. Ол куш, бек якшы куш болып, бек коьп кув алды. Ахыр бир куьн Тоьре ханы бирле* Токтамыш хан бир ерде йолыкышган заманда, Токтамыш хан, Тоьре ханнынъ колындагы чунъкарны танып сорады:

– Бу кушны Тоьре ханына ким берди? – дейи[п][3].

Кушшылар:

– Бизлер билмеймиз, амма Наьдир билер. Ол кушларнынъ каравылшысыдыр.

Анда хан Наьдирден сорады:

– Сен бердинъме? – дейи[п].

Наьдир айтмады. Бундан сонъыра Токтамыш хан Наьдирни отка кыздырып оьлтирди.

Ол Наьдирден бир огыл калды. Аты Кубаул эрди*. Ол огыл, Токтамышнынъ колында турып, эритди[4], бек пехлеван* болды. Токтамыш ханнынъ йылкысын багып жуьрди. Бу Кубаул хаьр заман жылкыга кетерде, ханнынъ уьйине кирип, аш ичрерди. Аш ишмеге келгенде, хан коркып, шескенип[5] турар эрди. Амма* оьзи билмес эрди. Бир куьн ханнынъ хатыны Дедий:

– Ай, хан! Сен бу Кубаул келгенде, коркарсынъ. Не уьчин коркарсынъ? – деди.

Хан айтды:

ТУРЕЦКАЯ

ХРЕСТОМАТІЯ

СОСТАВЛЕННАЯ

ПРОФЕССОРОМЪ С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

И. БЕРЕЗИНЫМЪ.

ТОМЪ III.

БИБЛІОТЕКА М.П.М.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 л., № 12.
1890.

II.

Разсказъ о Тохтамышѣ-ханѣ.

Le conte sur le Tokhtamyshe.

(По рукописи, принадлежащей издателю).

توقتامش خان حکایتی

قدیم زمانده ادل بوینده توقتامش خان دیکان بولغان ایرمش a) اول
قفان‌ننك توکلی آیاق دیکان بر شونکقار b) قوشی بولغان ایرمش اول
شونکقار بر یلده بر بواك باشنده اوتا یاساب در یلده اوچ جومرتقه تاوب
اوچ بالا چقارادور ایرمش اول قوشلارنی ندر دیکان بر کشی کوتاکو
ایمش c) کونلارده بر کون اول ندر دیکان کشی که تورا خانندان بر
الشی کلوب اوچ قوش‌ننك بزسن تلاب اوغریلق برله آلوب کیتوب d)
تورا خاننه بردی اول قوش بك یقشی قوش بولوب بك کوب قوالدی
آخر بر کون تورا خانی برله توقتامش خان بر یرده بولوقوشغان e) زمانده
توقتامش خان تورا خانی‌ننك قولنداغی چونکقارنی تانوب صورادی بو
قوشنی تورا خاننه کم بردی دیو قوششی‌لار ایتدیلار بزلار بلمایمز امّا ندر
بلار اول قوشلارننك قراویلشی‌سی‌دور آنده خان ندردان صورادی سن
بردنکمی دیو ندر ایتمادی بوندان صنکره توقتامش خان ندرنی اوتقه

---

a) ارمش b) چونکقار c) امش d) کتوب e) بولقوشغان

– Йок, коркмайман. Не уьчин коркайын? – деди, кабыл этмеди.
Алай болса, бир куьн, Кубаул келирде, хатыны ханнынъ этегин ханнынъ олтыра турган миндерине* ийне бирлен*, ханга билдирмей, тигип койды. Кайзаман Кубаул аш ишмеге ханнынъ уьйине келген заманда, хан коркып, шескенип турып билди: коркадыр экен.

Бундан сонъыра хан, уьлкен той этип, халкын жыйып, якшыларындан* маслахат* соражак болып, якшы ваьзирлерин, якшы акыллы данышмандларындан* маслахат сорады. Аьввел* улыг* ваьзири Кебес оглы Кенъ Жамбай деген ваьзири бар эрди. Аьввел ол Жамбай ваьзириден, жыр бирлен жырлап, Токтамыш хан сорады. Энди жыры айтылыр. Амма бу Кубаулнынъ аты Эдиге эрди, Кубаул демек лакап* аты эрди.

Токтамышдай шол ханлар сораганда, булай айтып сорайды:

– Кенъесим[н]инъ алды эдинъ,
Кенъ сабамнынъ* коры* эдинъ.
Аьзелде* абдырап, адап турганда,
Кенъешди тавып берген сен эдинъ.
Кебес[н]инъ оглы Кенъ Жамбай,
Сен толгашы, – деп эрди.

– Аьлаьббай[6], фадшахым*,
Бен* таксырлыман*, – дей турды.

Токтамышдай шол ханлар онъ жагына карады:

– Жавлыкшым да меним кумганшым,
Жав коьргенде, байракшым,
Жаза берсе, казнашым,
Жавлыбайым, сен толгашы, – деп эди.

– Аьлаьббай, фадшахым,
Мен таксырлыман, – дей турды.

Токтамышдай чол[7] ханлар сол жагына карады:

– Энъсеге соксам, энъкеймез,
Эскимни берсем, кеклемес,
Исмайым, сен толгашы, – деп эди.

– Аьлаьббай, фадшахым,
Мен таксырлыман, – дей турды.

Токтамышдай чол ханлар кери сыртга карады:

– Анъыравшым да ме[н]инъ манъыравшым,
Жакшы куьнде жырлавшым,
Жаман куьнде бозлавшым,
Кыпшакнынъ Жети Корткалым,
Сен толгашы! – деп эди.

– Аьлаьббай, фадшахым,
Мен таксырлыман, – дей турды.

Токтамышдай чол ханлар абды[р]ад[ы], адады, жан-жагына карады:

– Бу жыйыннынъ ишинде
Кимлер бар да, кимлер де жок,
Абдыраган куьнимде
Жырламага киши йок.

Ол заманда Хубыр деген бир карт жырав бар экен, бек карт киши экен. Токтамыш хан, ол карт жыравга элши жиберип, алты кара ат жекдирип алдырды. Келген сонъ Хубыр айтды:

– Ай, фадшахым, мени не уьчин чагырдынъ? – деди.

Анда хан айтды:

– Мен сени жырламага чагырдым, – деди.

Анда Хубыр айтды:

– Биз жырласак сизлерге,
Жырлаганда, не берирсиз бизлерге? – деди.

Анда хан айтды. «Казна, казна» деп жырлаган жыры бу дыр:

– Казна, казна, кара киш[8]
Киер болсанъ, жыравшым;
Конъыравлы коьк каршыга берейим,
Коьл кыдырып чуьер болсанъ, жыравшым;
Байталдан байтал боьлип берейим,
Байлатып кымыз ишер болсанъ, жыравшым;
Байтакдан* байтак боьлип берейим
Фадшалык суьрер болсанъ, жыравшым;
Казыкейден артык аьруьв бар,
Коьзикейден артык сылув бар,
Аны да алып берейим,
Онъ жеринъе[9] олтыртып,
Яш балалай, аркасындан кагып-кагып,
Суьер болсанъ, жыравшым;
Шушы куьнде бек абдырап,
Бек[10] адап турыман,
Чушы[11] олтырган Кубаул[н]ынъ жавабын
Берир болсанъ, жыравшым.

Ол заманда Кубаул, якшыларнынъ алдында бал аягын куйып, якшыларга берип, ичирип олтырган эрди. Энди Хубра жырав жырлап айтады:

– Дуьмбир-дуьмбир Дуьмир хан –
Аны коьрген карыман;
Аблак хан, Азак хан –

Аны коьрген карыман;
Кулакшынлы Кулага хан –
Аны коьрген карыман;
Кулагы чунак* Навруз хан –
Аны коьрген карыман;
Теп-теклей, текелей,
Темир окдай Чынъыз хан –
Аны коьрген карыман;
Зоьнъгиси уьзбе алтын,
Уьзбе темир сом алтын,
Оьзбек де хан болган –
Аны коьрген карыман;
Жамышысы жайма алтын,
Иер-турманы ший алтын
Жаныбек де хан болган –
Аны коьрген карыман;
Фериштеси* анынъ жок эрди,
Берими сенден артык эрди
Бердибек де хан болган –
Аны коьрген карыман!
Сенинъ атанъ Токтака,
Анынъ оглы То[й]гожа.
Жоклавсыз Жошы кетип жойылган –
Аны коьрген карыман!
Аьжел тогры* келмесе,
Азрайыл жетип курык салмаса,
Элде болса, Токтамыш,
Сенден калыр карыман!

Бу жырларны айтып, Хубыр-жырав бал куйып олтырган Эдиге[ге] карап «Сен кимнинъ оглы болырсын?» деп, жыр бирлен жырлап Эдигеден сораган соьзи бу дыр:

– Кашларынъа карасам, –
Калемден фейда* болгандай.
Коьзлеринъе карасам, –
Коьгенден* фейда болгандай,
Юзлеринъе карасам, –
Нурдан фейда болгандай.
Ай, оглым, сен ким болырсын? – деп эди.

Анда Эдиге айтды:

– Ай, атам! Менинъ оьз атамны сорасанъ, –
Наьдиркая[12] бий эди.
Наьдиркая атасы – Кадыркая бий эди,
Кадыркая атасы – Термекая бий эди,
Термекая атасы – Аьзизкая бий эди.
Аьзиз жаьриз коьп аьзиз бар,
Баьрин сорап не а[й]тасын?
Туьп атамны сорасанъ, –
Баба Туьклес Чашлы Аьзиз дир эрди! – деп жырлап айтды.

Андан сонъ Хубыр-жырав, Эдигенинъ ким экенин билип, Токтамыш ханга жырлап жавап берди:

– Ай, Токтамыш, ай, фадшам,
Айтмага меним авызым бармайды,
Бармаса да айтайым.
Кумга биткен куба тал
Курык сайлар шушы олтырган Кубаул;
Кула-алалы сенинъ коьп жылкынъды
Кувып айдар чушы олтырган Кубаул;
Кеспе, кеспе сары алтын,
Кесип, олжа этер бугай
Шушы олтырган Кубаул;
Келте[13] айдарлы коьп саклав
Оьзине саклав этер [бугай]
Шушы олтырган Кубаул;
Казыкей минен Коьзекей
Кушаклап суьер [бугай]
Чушы олтырган Кубаул;
Кувлай шашынъ агартып,
Куралайлай эки коьзинъ кызарып,
Картайганда элинъден кувлар бугай
Чушы олтырган куьреле суьзген куш мурынлы Кубаул! –

деп жырлап айтды.

– Хош, алай болса не этмек керек? – деп, Токтамыш хан якшыларына карап, маслахат сорады.

Ол заманда ол якшы акыллы аьдемлери айтдылар:

– Эдигени тутып оьлтирмек керек! – дедилер.

– Алай болса, тутынъыз! Оьлтирейик! – дегенде, Эдиге, каргып, чыгаракдан* чыгып, кашды. Эдигенинъ тышкы якда атын ушлап[22] турган токыз йолдашлары бар эрди. Ол токыз йолдашлары, Эдигенинъ атын хаьзир* кылып, атларына минип, кашдылар. Барып, Ока деген сувны оьтип, токтадылар. Артындан кувган Токтамыш хан аьскери ете билмедилер. Сонъыра*, маслахат эдип, Токтамыш хан Жамбай деген ваьзирин жиберди:

– Сен барып, алдап, алып кел! – дейип.

Жамбай артындан барып, Ока сувынынъ берги ягында турып, Эдигени алдап, жыр бирлен чагырып турады. Жырлаган жыры бу дыр:

– Жакналы[14] тоннынъ ишинде
Жак жуьнлери шаншылып,
Жагдайсыз Жамбай толгай турады:
– Кайтсана, аьзиз, кайтсана,
Кайырылып атынъ башын тартсана;
Энегеси бийик боз орда,
Энъкейип, таьжим* этсене!
Эрни жука чын аяк
Хан иенъ бал береди, ишсене;
Иерининъ кашы алтын,

Жуьвенинъ башы алтын,
Арапдан ат береди, минсене;
Этеги алтын, женъи алтын,
Кара кишден тон береди, кийсене;
Конъыравлы коьк каршыга береди,
Коьл кыдырып, чуьйсене;
Байталдан байтал боьлип[15] береди,
Байлатып, кымыз ичсене;
Байтакдан байтак боьлип береди,
Падшалык суьрсене;
Казыкейден артык аьруьв бар,
Коьзекейден артык сылув бар,
Аны да алып береди,
Онъ тизинъе алып турып,
Аркасындан кагып-кагып суьйсенъе! – деп Жамбай айтды.

Эдиге жавап береди.

Эдиге айтып толгайды:
– Кебес[н]инъ оглы кенъ Жамбай,
Кенъеси оьлген ийт Жамбай,
Кери мен турып соьйлеши!
Аш берген[н]инъ кулысын,
Мал берген[н]инъ улысынъ,
Асылынъ сенинъ кар[а] киши[н]инъ улысын!
Тартпай тилинъ кесермен,
Танълайынъа мен сенинъ
Тал кыздырып басарман!
Кайтпан ды, Жамбай, кайтпан ды,
Кайырып, атым башын тартпан ды,
Кайратым яман келгенде;
Энегеси бийик боз орда
Энъке[йип] таьжим этпен ди,
Энъсеме тувра муьйиз биткенде;
Эрни чука[16] шын аяк
Хан ием бал берсе де, ишмен ди,
Эриним жерке болганда;
Иери[н]инъ кашы алтын,
Жуьвени[н]инъ башы алтын,
Арапдан ат берсе де, минмен ди,
Авым кутсыз болганда;
Этеги алтын, женъи алтын
Кара кишден тон берсе де, киймен ди,
Ийним кутсыз болганда;
Конъыравлы коьк каршыга берсе де,
Коьл кыдырып шуьймен ди,
Канжыгам кутсыз[17] болганда;
Байталдан байтал боьлип берсе де,
Байлатып кымыз ишмен ди,
Ишим кутсыз болганда;
Байтакдан байтак боьлип берсе де,
Фадшалык суьрмен ди,

Аллах оьзиме бермесе!
Бу кеткенден кетермен,
Шахтемирге жетермен,
Шахтемир мага кол* берсе,
Худайым менъе жол берсе,
Токтамышдай ханынъды
Аягыма бир мусаххар* этермен!

Эдиге, Жамбайга бу жырны айтып, оьзи токыз йолдашлары бирле Шахтемирге кетди. Ол заманда Шахтемирнинъ кызыны Кабардин алып деген киши зор бирлен алып кеткен эрди. Шахтемир Эдигеге кол бермеди: «Кызымны Кабардин алыпдан алып келсенъ, сенъе кол беремен», – деди. Андан сонъ Эдиге токыз йолдашлары бирлен Кабардин алыпнынъ артындан барып, алыпны оьлтирип, Шахтемирнинъ кызын алып келип, Шахтемирге берди. Шахтемир ол кызны Эдигеге берди, некаьх кылып. Эдиге[18], ол кызны алып, Шатемирнинъ янында турды. Ол кыздан бир огыл тогды[19], атын Нураьли койдылар. Оглан эриткенден[20] сонъыра, нагашы атасы Шахтемирден кол алып, Токтамышны оьлтирежек болып аьскер бирлен Токтамыш ханнынъ уьстине барды. Бу хабарны эшитип, Токтамыш хан кашды. Нураьли артындан аьскери бирлен кувды. Ол заман Токтамыш ханнынъ ваьзири Жамбай Нураьлиге баят[21] верди*. Ол заманда Токтамыш хан, кашып бара жуьрип, Ана-Эдил бирле хошлашып, жырлаган жыры бу дыр[22]…

Токтамыш хан кашып бара жуьрип Эдил [бирлен] хошлашып, яне толгап айтган жыры бу дыр[23]…

Яне Токтамыш хан, бир калынъ орманга кирип, кизленип[24] ятып, кизтев[25] кушка дертин айтып, толгап жырлаганы бу дыр:

– Кизтев деген байгуш куш,
Канатынъ сенинъ кос-кос куш, мой[н]ынъ бос,
Казаклыкда коьп чакырма – коьнъилим хош.
Сен коьллердинъ иеси, мен коьплердинъ иеси.
Сени коьлден айырган, мени коьпден айырган
Менлейин саргайып, казак чыксын элинден,
Садагы салпап*, хеч туьшмесин белинден.

Яне Токтамыш хан кашып бара жуьргенде, Мынъчоькиш деген куьбесин авырлап, куьбени эшип[26] ташламага белгили жер таба билмей, бир боз жувсанга жерлеп, куьбесин ташлаганда, жырлап айтган жыры бу дыр:

Токтамыш хан айтып толгайды:
– Берен[27] калгыр Каратон,
Бир белгиси йок экен
Мынъшоькишни салмага.
Меним белгим боз жувсан,
Мынъшоькишни сенъе салайым.
Аллах оьзиме бергенде,
Кайтып сенден алайым.

Токтамыш бу жырны айтып, куьбесин ол жувшанга ташлап кетди. Артындан Нураьли жетип, Токтамыш ханны оьлтирип, башын кесип алып кайтды. Бу башны Нураьли атасы Эдигеге келтирип берди.

Ол Токтамыш хандан Кадырберди деген бир огыл калды. Ол Кадырберди атасы Токтамыш ханны оьлтирген уьчин Нураьли бирлен душман болды. Ол Кадырберди аьскер йыйышдырып келип, Эдил[н]инъ берги ягына келип, Жамбайга хабар берип, Жамбай Нураьлини алдап алып келип, Эдилни оьткерип, Кадырбердиге алып келгенде, Нураьлининъ йолына темир кадаклар* кагып, ол кадакларнынъ уьстинден жаланъаяк басып келди. Нураьли келип олтырганда, астына эки буйда* кадап койдылар. Олтыргызып койып, Нураьлиден жавап сорадылар. Жамбай жыр бирлен сорайды. Жамбайнынъ сораган жыры бу дыр:

Жакналы тон[н]ынъ ишинде
Жагдайсыз Жамбай толгап сорайды:

– Толгай-толгай жуьгирген*,
Жувырганда жер бавырын кувырган,
Тостаган* коьзли торыды,
[А]ны не этдинъ, Нураьли?
Толгамалы аьруьв айбалта
Аны не этдинъ, Нураьли?
Токыз ханлык, мынъ койлык
Нургаба[28] атлы куьбеди,
Аны не этдинъ, Нураьли?
Кеспе-кеспе сары алтын,
Аны кайттинъ, Нураьли?
Келте айдарлы коьп саклав,
Аны кайттинъ, Нураьли?
Казыкей бирлен Коьзикей
Аны кайттинъ, Нураьли?
Толкысыган токыз солтан атасы,
Толай авыр байтак иеси,
Токтамышдай ханларны,
Аны кайттинъ, Нураьли?

Жамбай булай деп сораганда, Нураьли жыр бирлен жавап берди. Жыры бу дыр:

– Кебес оглы кенъ Жамбай,
Кенъеси оьлген ийт Жамбай,
Кери мен турып соьйлеши!
Тартпай тилинъ кесермен,
Танълайынъ[а] тал кыздырып, басарман!
Толгай-толгай жуьгирген,
Жувырганда жер бавырын кувырган,
Тостаган коьзли торыды
Токыс эткен куьнлерде
Оьз астынъдан мингенмен!
Толгамалы аьруьв айбалта,
Токыс эткен жерлерде

Оъз колынъдан алганман.
Токыз ханлык, мынъ койлык
Торгаба[29] атлы куьбеди
Таьнъри оьзиме бергенде,
Бетине бектер тыслап кийгенмен!
Кеспе-кеспе сары алтын
Казагыма мен аны
Кесип олжа бергенмен.
Келте айдарлы коьп саклав
Оьзиме казаклыкга алганман!
Казыкей минен Коьзикей,
Онъ тизиме алып турып,
Аркасындан кагып-кагып суьйгенмен!
Толкысыган токыз солтан атасы,
Коллы авыр байтак иеси
Токтамышдай ханларны
Тонай-тонай кувганман,
Эртиш бек[30] Эртиш башы
Каратонда жеткенмен,
Башын анда кескенмен!
Каршыгалай мен анда
Канын конып ишкенмен!
Суьеги туьзде калыр деп,
Суьйри эриннен тескенмен,
Канжыгама такганман,
Канжыгамдан калыр деп,
Карыма* алып жуьргенмен,
Карымдан хате болыр деп,
Аммайылдай* мойныма
Аьйкел* этип такканман!
Юз агашдан мен бийикмен,
Булытга етсем жарсылман;
Бурылча* атдан эмиликмен,
Бугавлык салса токтаман;
Боштыншакдан[31] ашыман,
Этеклеп шекер тоьксенъ шушыман*;
Кесешик кара булытман,
Кенене жавмай ашылман;
Кесирсиз[32] анадан жаман кара тувганман,
Сабынлап жувсанъ агарман;
Кызылкак* деген жерде тувганман,
Кылыклы нурдан фейда болганман!
Аьли де болса, ийт Жамбай,
Борбайымдан буйда оьткерсенъ кыйналман!

Кадырберди солтан Нураьлини оьлтирмей, атасы Эдигеге токыз якшыларынынъ огланларын* жиберди: «Нураьлини биз туттык! Оглынъ кунын* берсенъ, жиберемиз, – дейип, – бермесенъ, оьлтиремиз», – деп. Бу жиберген токыз якшынынъ огланлары, Эдигеге барып: «Оглынъ кунын бер», – деп айтканда, Эдиге, ол токыз кишининъ едисин тутып байлап, экисин кайта жиберди: «Барып Кадырберди солтанга айтынъыз, Нураьлини анда не этсе – оьзи билсин. Мен мунда бу еди кишини

оьлтиремен», – деп. Ол кайтарган эки киши бирлен каьгыз* язып жиберди. Ол киши келип, бу бу хабарны бергенде, ол калган еди кишининъ аталары, Кадырберди солтанга келип, айтдылар: «Бизге огланларымыз керек», – дедилер. Кадырберди Эдигеге элши жиберди: «Ол тут[н]ак эткен еди кишини жибер. Биз оглынъ Нураьлини жиберейик», – деп. Андан сонъ Эдиге, ол еди кишини алып келип, Эдил[н] инъ аргы ягында турып: «Каны[33], оглым Нураьлини жиберсин, бу еди кишини жиберейим», – дегенде, Кадырберди бу якдан Нураьлини салга миндирип жиберди эрсе, Эдиге ол еди кишини яне салга миндирип жиберди. Эки [сал] Эдил ортасында жуьргенде, Эдиге, аргы турып, Нураьлиге карап, жырлап айтды:

– Колайлы саргыл баласын
Кувга чуьйген мырза улым,
Кокынатып сал этип,
Эдил оьткен мырза улым,
Салды салга байлашы,
Сал ишинде жетевди
Якшы онъгаршы, мырза оглым! – деп жырлады.

Бундан сонъ, Нураьли, салды салга байлап, ол салдагы Кадырберди солтаннынъ ол еди кишисин оьлтирип, Нураьли оьзи атасыга барып, ата- огыл экиси халкны бийлеп турдылар. Кадырберди солтан аьскер бирлен кайтып кетдилер. Бундан сонъ Эдиге юртка хан болып, Нураьли бий болып, бир нече вакыт турдылар.

Нураьли: «Токтамыш ханнынъ кызын мага бермединъ», – деп, атасы Эдигеге оьпкелеп, атасыны кувлап, атасы казак шыкып кетежек болганда, атасы Эдиге оглы Нураьлиге жыр бирлен жырлап айткан жыры бу дыр[34]…

Анда Нураьли айтды:

– Сен мага Токтамыш ханнынъ кызын бермединъ, анынъ уьшин кувладым, – дегенде, анда атасы Эдиге айтды:

– Алай болса, Токтамыш ханнынъ кызын да, хатыны да сага болсын, – деп, Эдиге казак шыгып кетди. Эдиге кеткенден сонъ, Жамбай Нураьлиге келип: «Атанъды не уьшин кувладынъ?» – деп, жыр билен жырлап айтканы жыр бу дыр:

– Ай, Нураьли, ай, аьзиз,
Кавдан жерге от салсанъ,
Отны кайдан отларсын?
Кара сувга кан куйсанъ,
Сувны кайдан ишерсин?
Кара аргымак катырсанъ,
Атны кайдан минерсин?
Кара ылашын* кавырсанъ,
Кушны кайдан чуьерсин?
Кувлай шашын чарлатып,
Куралайлай эки коьзин кызартып,
Картайганда карт бабанъны кувласанъ,
Кайда барсанъ онъарсынъ? –

дегенде, Нураьли, жырлап, айтды:

– Кавдан жерге от салсам,
Отны шуьйги* отларман;

Кара сувга кан куйсам,
Сувны шербет ичермен;
Кара аргымак катырсам,
Атны дулфар* минермен;
Кара ылашын кавырсам,
Кушны чунъкар чуьермен;
Кувлай шашын шарлатып,
Куралайлай эки коьзин кызартып,
Картайганда карт бабамны кувласам,
Таьнъри* уьйи Каьбеге*
Уьч айлансам, жувылырман! – деп жавап берди.

Мундан сонъ Эдиге казак чыкып, туьзде жуьрди. Нураьли, эл бийлеп, халкка бийлик этип, диван* этип турды.

Куьнлерде бир куьн бир тоьрт кардашнынъ араларынын[35] бир ялгыз эшкиси бар эрди. Бу доьртеви эншесин* алажак болып, ол бир эшкининъ тоьрт аягын тоьртеви белгилеп алдылар. Ол бир кишиге тийген бир аягы авырды. Ол киши, ол эшкининъ авырган аягынынъ иеси, шол авырган аягына шуьберек байлады. Шол эшки отларга барды. От[к]а басып, шуьберек куьйди. Эшки, кашып, тобанлы тарыга кирди. Отлы шуьберекден тары жанды. Тарынынъ иеси, эшкининъ иеси бирлен давалашып, Нураьлиге келдилер. Хаьр кайсы Нураьлиге жавап бердилер. Бириси айтды:

– Шол эшкининъ менге тийген бир аягы эди. Шол менге тийген аягын сав эди. Шуьберек байланган жок эди. Кайсы, ки* шуьберек байлаган аяк яндырды. Шол аяк бу кишининъ, – деп коьрсет[д]илер.

Экиси хем шол соьзни соьйледилер. Шол шуьберек байлаган аякнынъ иеси аьжиз[36] калды.

Бундан сонъ Нураьли хоьким* этип, шол янган коьп тарыны шол шуьберек байлаган аякнынъ иесининъ мойнына салды. Шол аякнынъ иеси тоьлемеге билмей, ахыр, коркып, казак шыгып кетди. Туьзде юрип, бир куьни аьзелде казак шыгып юрген Эдигеге йолыкып, башына келген ишни соьйледи. Шол заманда Эдиге айтды:

– Сен, кайтып, хоьким эткен Нураьлиге барып айт: «Сенден диван калган йок экен, бизден соьз калыпдыр», – деп айт, – депдир.

Сонъ Нураьли сорады:

– Не соьзинъ бар? Айт, – деди.

Шол заманда шол киши айтды:

– Менге тийген аяк аксак эди. Шол аксак аяк, жуьре билмей, жататаган эди. Бу уьш кишининъ сав аяклары алып барды. Эгер булар алып бармаса, меним аксак аягым бармажак эди. Бу уьш сав аяк алып барды. Андан тары янды. Энди хоьким сизнинъ дир, – деп Нураьлиге айтды.

Андан сонъ Нурали янъыдан хоьким этип, шол сав аякларнынъ иелерининъ мойнына салды. Андан сонъ Нураьли бу аксак аякнынъ иесинден сорады:

– Бу соьзни сага ким оьгретди*? – деп.

Ол киши айтды:

– Менге туьзде казак шыгып юрген бир карт аьдем оьгретди, – деди. Нураьли билди: оьзининъ кувлап йиберген атасы Эдиге болыр деп. Атланып барып, излеп

тавып, алып келдилер. Аягына туьшип, аьзирлер тилеп, яраштылар. Сонъыра, элине келип, онъып-оьсип калдылар.

Соьз тамам болды.

ПРИМЕЧАНИЯ [1]

[1] Буьйик (бийик) – здесь: высота.
[2] Куьтуьв – здесь: присматривать, ухаживать.
[3] Дейи[п] (деп) – сказав.
[4] Эритди – вырос, возмужал.
[5] Шескенуьв (сескенуьв) – пугаться; вздрагивать от испуга.
[6] Аьлаьббай – здесь: выражение покорности.
[7] Чол (сол) – здесь: этот.
[8] Киш (кис) – соболь.
[9] Жеринъе – в других местах в том же контексте – «тизинъе» написанное арабскими буквами скорописью слово «тизинъе» могло быть прочитано как «жеринъе».
[10] Бек – в оригинале между словами «абдырап» и «адап» напечатан набор букв, из которого удовлетворительно читается только слово «бек».
[11] Чушы (сосы) – этот вот.
[12] Наьдиркая – в оригинальном тексте в окончаниях имён предков Эдиге – «-кая», вместо буквы «каф» использована буква «каьф».
[13] Келте – короткий.
[14] Жакналы – данная глосса соответствует слову «жакталы». См. глоссарий П. Мелиоранского.
[15] Боьлип – вместо: «боьлсе».
[16] Чука (юка) – тонкий.
[17] Кутсыз – вместо: «кансыз».
[18] Эдиге – вместо: «Эдигеге».
[19] Тогды (тувды) – родился.
[20] Эриткенден – см. примечание [4].
[21] Баят – присяга на верноподданство.
[22] Бу дыр – подлинник в этом месте повреждён (примечание И. Березина).
[23] Бу дыр – подлинник в этом месте повреждён (примечание И. Березина).
[24] Кизленуьв – прятаться.
[25] Кизтев – птица чибис.
[26] Эшип ташламага – зарыть, закопать.
[27] Берен: берен калгыр – проклятие.
[28] Нургаба – собственное имя кольчуги.
[29] Торгаба – собственное имя кольчуги, выше она названа Нургаба. Один из вариантов мог возникнуть в результате неправильного прочтения рукописи. Оба названия встречаются также в других вариантах эпоса.
[30] Бек – так в оригинале.
[31] Боштыншак – возможно, следует читать «Башкыншак/Баскыншак» – Баскунчак (название солёного озера). Ср.: в варианте Османова «Босгыншык».
[32] Кесирсиз – здесь: без злого умысла.
[33] Каны – где?
[34] Бу дыр – подлинник в этом месте повреждён (примечание И. Березина).
[35] Араларынын – так в оригинале.
[36] Аьжиз – здесь: бессилен.

---

[1] Примечания Т. Джемакулова

Эдиге эфсанеси

Вариант С. ЧАГАТАЙ

Печатается в транслитерации с латиницы и в переводе с немецкого языка, по текстам:

Çağatay, Saadet, Adige-Sage', Ural-Altaisdie Jahrbücher, Band XXV, Heft 3–4, Otto Harrasswitz, Wiesbaden, p. 243-282

Prof. Dr. Saadet Çağatay'ın Yayınlanmış Tüm Makaleleri, Hazırlayan: Aysu Ata, Ayaz Tahir, Türkistan İdil-Ural Vakfı Yay. C.2, İstanbul 2008, s. 369–409

Этот вариант знаменитой героической саги об Эдиге был рассказан мне в Хаймане, вблизи Анкары, 76-летним Хаджи Османом Атаоглы. Он приехал в Хайману из Коньи, куда его родители во время войны 1877 года переехали из румынской Добруджи (вил. Кёстендже, каза Меджидие, Кёрчешме Кёю) после того, как турецкое правительство предоставило им для проживания деревни в вилаете Конья. Он в юности некоторое время жил в Крыму и слышал это героическое сказание, когда ему было 19–20 лет. Он сейчас довольно стар, у него не все зубы, кроме того, он, как и все жители Добруджи и переселенцы в Турции, говорит на смешанном языке. (Впрочем, и 7-й том работ Радлова большей частью не свободен от этого). По моей просьбе он старался говорить на крымско-татарском, т.е. ногайском языке, что ему не всегда удавалось.

В Хаймане и в округе есть несколько деревень, (как Ахырлы Кёю, где я была и записала несколько песен), в которых жители между собой говорят на крымско-татарском, т.е. ногайском языке. Но, так как в школах уже давно изучается официальный государственный язык и требуется его всеобщее использование, они говорят с иностранцами на тюрко-турецком языке, и молодое поколение уже стало забывать свой родной язык. Мне показали несколько старых людей, которые будто бы говорят только на своем родном ногайском языке и не знают тюрко-турецкого. Из-за их дистанцирования от любого иностранца, мне, к сожалению, не удалось за короткое время войти в контакт с этими людьми. Поэтому я очень обрадовалась, когда нашла человека, который мог рассказать мне предание об Эдиге, потому что, даже если она рассказана на смешанном языке, все же, в общем и целом, она ценна как произведение народной литературы, с ярко выраженными мотивами, также исторически она относится к интереснейшим памятникам, распространявшимся от Хорезма до ворот Анкары.

С. ЧАГАТАЙ
(перевод с нем. яз.)

AYAZ TAHİR TÜRKİSTAN İDİL-URAL VAKFI

100. Doğum Yıldönümüne Armağan

Prof. Dr. Saadet Çağatay'ın Yayınlanmış Tüm Makaleleri

C. 1

Yayına Hazırlayan
Prof. Dr. Aysu ATA

İstanbul
2008

Ädigä Efsanesi
(Die Ädigä-Sage)

Teil I: Text' Übersetzung und Kommentar

Die folgende Variante von der berühmten Heldensage Ädigä ist mir in Haymana (in der Nähe von Ankara) von einem 76-Jährigen Hacı Osman Ataoğlu erzählt worden. Er kam nach Haymana aus dem Konyadistrikt' wohin seine Eltern während des Krieges 1877 aus Rumänien' Dobrudscha (Köstence vil. Mecidiye kazası' Körçeşme Köyü) zugezogen waren' nachdem die türkische Regierung ihnen Dörfer im Vilâyet Konya zur Ansiedlung zugewiesen hatte. Er war eine zeitlang in seiner Jugend in der Krim und hat diese Heldensage dort' als er 19-20 Jahre alt war' gehört. Da er jetzt ziemlich alt ist' hat er nicht mehr alle Zähne' außerdem spricht er' wie so viele Einwohner der Dobrudscha und Zuwanderer in der Türkei' eine Mischsprache. (Übrigens ist auch Band VII von Radloffs Proben zum großen Teil nicht frei davon.) Er hat sich auf meine ständige Aufforderung hin Mühe gegeben' krimtatarisch' also Nogaisch' zu sprechen' was ihm nicht immer gelang. In Haymana selbst und in der Gegend gibt es noch ein paar Dörfer (wie Ahırlı Köyü' wo ich war und einige Volkslieder aufschrieb)' in denen die Einwohner untereinander Krimtatarisch' also Nogaisch' sprechen. Aber da in den Schulen schon längst die offizielle Sprache der Regierung gelehrt und zu ihrem Gebrauch allgemein aufgefordert wird' sprechen sie mit den Fremden 'Türkei-türkisch' und die junge Generation ist sogar im Begriff' ihre einheimische Sprache zu vergessen. Man hat mir ein paar alte Leute gezeigt' die angeblich nur ihren einheimischen Nogay-Dialekt sprechen und Türkeitürkisch nicht können. Wegen des großen Abstands gegen jeden Fremden ist es mir leider kaum gelungen' in der kurzen Zeit mit diesen Leuten in Berührung zu kommen. Deshalb war ich sehr froh' als ich den Mann fand' der mir die Ädigä-Sage erzählen konnte' denn wenn sie auch in einer Mischsprache erzählt ist, so ist sie doch im großen ganzen wertvoll als ein Stück Volksliteratur mit scharf ausgeprägten Motiven; auch historisch gehört sie zu den interessantesten Denkmälern; ihre Verbreitung erstreckt sich von Hwärezm bis zu den Toren Ankara's.

1 Toxtamış Xan ath bir xan bar äkän. onuñ veziri Ädigä dädigimizniñ babası Qutlu Qaya bly ilkän. bu (Qutlu Qaya)' padişa xana bir at izlärgä kätkän. at tabal-

Тохтамыш Хан атлы бир хан бар экен, онунъ везири Эдиге дедигимиздинъ бабасы Кутлы Кая бий экен, бу (Кутлу Кая) падиша хана бир ат излерге кеткен, ат табалмаган, алты айлык бир тай кетирген, буну да дусманлары хана ихбар* эткен: «Сени масхара этмек уьчуьн кетирди буны», – деген. Хан буна демиш ки*: «Сен беним адамымсынъ, оьлдуьрсем сана йазык олашак». Ики коьзуьнуь сыгарган, тайыны да оьзине берип джиберген. «О заман эл ишине карышма!» – деп, ковалаган. Кутлу Кая бий басыны алып кеткен. Тагда йылларджа калган. О джерде албасты иле коьруьшкен. Ондан бир оглан тогган, адын да Эдиге койган. Бу Кутлу Кая бий баланы дуьшуьнмис*. О оьзи ханнынъ биринши адамы иди, кеше келген кенди* эмселларына* китирген баланы аларга берген, бакмак буьйуьтмек* уьшуьн, ханга да айтмагыз деген, баланы яшырып алып калганлар. Сонъра бала ипей* буьйуьйуьнче, бир Джанбай бармыш, баланы бу Джанбай туйган*. Кутлу Кая бийнинъ увылы болганын ханга айткан, сонра хан да о яштакы балаларны оьлдуьртмеге эмир берген, сонра бу баланы алып калган. Киши буну туйган*, карысына* келген, айткан: «Кутлу Кая бийнинъ баласыны берсек, буьтуьн эл джыглар, бизнинъ баламыз оьлсе, сеннен мен джылармыз», – деген, оьз баласыны берген. Сонъра бир аз даха кеттиктен сонъра, Джанбай ене туйрур ханга: «Эдигенинъ кая болганын биз билемейиз, бир карт джырау бар, доьрт юз яшында, буну кетирсек кимин неси болганын билир», – деди. Буну аькелдирирлер, буну аькелдиктен сонъра: «Балаларны бир эмсел* руба* кийдирип, топлармыз,* о айырып берир», – дер. Бир эмсел кийдирирлер, карт джырау да келир, карт джырау хепсини* коьруьр. Увылан ханнынъ кызы иле эвленген* экен. Джырау да увыланны ханнынъ колындан куртармак истер, сонъра ханга бу бейтлери айтар:

Кубуувылды кувлалмай кувларсынъ,
Акыр сону, оьз басынъы кувлар богай Кубуувыл.
Кашыкман джийган калкынъды,*
Шоьмишлеп дагытыр богай Кубуувыл.
Берги увылынъ аргысы,
Аргы увылынъ бергиси.
Ортадагы эт джелкели Кубуувыл.
Билеги индже* мерген болур Кубуувыл,
Коьзи оьткуьр батыр болур Кубуувыл,
Тили йука шешен болур Кубуувыл.

Арык этте соьл болмаз,
Карт кишиде ят болмаз.
Бал чапчактан басып шыгарактан*
Чыгып кашар богай Кубуувыл.

Увылан кашты, ону джырау былай кашырды. Бу ханнынъ кызы ман эвли экен увылан. Бунун бир баласы болган, аты Нураьдил экен. Баласы сорайды: «Ата, не заман кайташаксынъ», – деп. «Ок масак масакка тийгенде коьруьшуьрмуьз»,– деди. Деркен, орталык карышты. Кырк аркадашы* ман бирге Шатемир ханга каштылар. Йолда аркадашлары бундан пикрлерини дейиштирдилер,* пишман олдулар, кери

кайтмак тиледилер. Аллах бунлара кырк кафалы,* бир куйруклы йылан коьстерди. Деди увылан: «Бу не аджайып бир шей? Оьлтуьруьгуьз буну!» – деди. Кырк аркадаш келип оьлтуьрдилер. Сонъра кырк куйрыклы, бир кафалы бир йылан коьрдуьлер. Буну да оьлтуьруьнуьз деди. Буну да оьлтуьрмек истедилер, йылан бир юва* коьрди, башыны тыкты, кырк куйрыгы да аркасындан кирди, оьтуьре алмадылар. Деди ки* Эдиге: «Сизинъ коьнълуьнуьз бозулду. Аьр биримиз бир кафада болурсак, бизи бирер-бирер оьлдуьруьрлер. Сиз мага багланынъыз, хепимиз бир болуруз, меним сыйган ериме сиз де сыярсыз», – деди. Шимди* бунлар хепси* бир болду. Шатемир ханнынъ бир кызы бар иди. Бу кызны бир дев Кабардын алып кашты. Кыз атасына ялварды: «Ата, мени бу девден куртармазмысынъ?» – деди. Атасы деди ки: «Мен сени калай куртарайым? Кадеринъ* бар болса, каршына Эдиге раскелсин, сени куртарырса, о куртарыр». О заман кызы деди ки: «Ата, мен оны каьтип таныйым?» Атасы деди ки: «Оны кулай танырсынъ, кызым. Онынъ байкуш куштай мойнынынъ суьеги йоктур, алдына карап турганда, артындан да коьрир, мойну айланыр. Атка эртен мен мингенде, этеги астында топланып* туьшсе, бирге топ киби туьшер. Ондан билирсин – этеги джайылмас. Кара топракка отурмас, хич йокса, колындакы камшысына отурыр, атынъ коьпшигине отурыр». Шимди*, асылы каьлаьм, кыз Эдигени таныды. Эдиге йолда аркадашларындан* айырылды. Деди ки: «Меним саба* кеткеним ерге сиз оьйледе келинъиз, оьйлен киткен еримге кеш келигиз, мен сизге ашы чоьпуьнъ арасына кояр кидерим». Боьйле япты. Эдиге девге аркадан етишти: «Сен нечисинъ?» – деди. Эдиге: «Мени кызынъ емегини пиширмек уьчуьн атасы йиберди», – деди. Дев да кабул этти. Эдиге бунларынъ емегини пиширди. Бир кач куьн емек пиширип гезди. Бир куьн Эдиге деди ки кызга: «Мен уьстуьм куье болып, сизге емек пиширип, гезеджекмийим? Мага йол агалыгыны алабер». Кыз: «Пеки»*, – деди. Шимди йол агалыгына башлады. Башлайып гезеркен, бир куьн Эдиге пикрини дейиштирди*. Демек* ки, отунъ коьп джеринде, сувы джок джеринде конды. Деве деди ки: «Бизим эскилер «оту увуп отла, сувы суьруьп ич (барып ич)» дегенлер, бу конаджагымыз джеринъ оты коьп, сувы джок». Сонъра, атлары суламая, девин аьскерлери кеттилер. Дев кызынъ тизине келип ятты, юклады. Бир хафта* дыр юкламаян эди. Эдиге девинъ атынынъ янына барды, ат бакырды. Эдиге джасырынды, дев калкты,* карады, аттынъ янында кимсе йок. Келди керисин, кери джатты. Эдиге бир таха барды, ат кене бакырды. Дев кене калкты, атнынъ джанына барды, Эдиге джасырынды. Уьшуьншуь де атынъ джанына бир таха барды Эдиге, ат кишнеди, дев турмады. Эдиге девнинъ атына минди, келди девнинъ джанына. Кызга деди ки: «Акырынлап, девнинъ кылышыны алып бер мага», – деди. Кыз кылышы алып берди. Эдиге деди ки: «Девнинъ бир колын коьтер», –деди. Кыз коьтерди. Кылыш билен урду. Бир колы ман башын учурду. Дев бир колы ман атнынъ куйругын тартып алкетирди. О заманда Эдиге кендини* шашырды. Кыз деди ки: «Колынъдагы ананынъ калагы мы?», – деди. О заман Эдиге атнын куйругын кести. Дев йыкылып, шабалайа-шабалайа оьлди. Шимди* Эдиге атка минди. Су башындагы девинъ аскерлерине кетти. Барса, девинъ аьскерлери ики тараф болуп, ярысы дев тарафы, ярысы Эдиге тарафы болуп, бир-бирлерийле кавга этелер. О заман Эдиге деди ки: «Мен деви ак эттим, сиз де бунлары ак эдиниз». Онларынъ теслим* болганы болды, болмаганын оьлтуьрдилер,

кызнынъ янына кайттылар. Шимди* кызны ве аьскерлерни алып, Шатемир ханнынъ янына кайтып келдилер. Кырк куьн, кырк кеше той ясап, кызды Эдигеге берди. Эдигенинъ Шатемир ханнынъ кызындан бир увылы болды. Хан кыз ман куьевин бала тилге келгенчеге кадар шакырмады. Бунлары, куьйоьв этип, хан шакырганда, Эдиге баласыны уьретти. Деди ки: «Сага пара берир, мал берир, сен – алма. «Сен не истийсинъ, я?» – дегенде, – «Биз сенинъ капынъда ыргатынъ мы? Биз оьч алайык», – де. Буну ханга дегенде, хан баланы кушагындан ерге атты, бабасын шакыртты. Эдигеке сорады: «Бу бала бир шейлер айтады», – деди. Атасы: «Баланынъ айтувы о шын*, биз Тохтамыш хандан оьч алабыз». Кене баланынъ атасы деди ки Шатемир хана: «Коркма, меним аьскерим мага етер, меним етмиш аьскерим бар. Етмиш ренк* хайван, етмиш ренк* шатыр истеймен». Хан Эдигенин истегенин берди. Тохтамыш, Эдиге кашкалы, юксек* ерлерде бекчилер* койып саклатар эди. Бир кече Эдиге келди, шатырларыны курду. Етмиш хайваны ман етмиш аьскерини, етмиш ренк урба* ман бекчилерин янында долаштырды*. Сабадан* башлап, ахшама кадар бир кеткен аьскер бир те айланып келмеди. Аьскеринъ шети-кыйыры йок. Бекчилер Тохтамыш ханга хабер бердилер: «Саба кеткен аьскер, ахшама кадар айланып, келмеди, аьскеринъ шети-кыйыры йок», – деп.

Тохтамыш хан кашты, Эдиге да калды. Тохтамыш Ханнынъ кызындан тувган улы Нураьдил ава шыкты. Бир кейик* раскелди. Нураьдил кейигин аркасындан бир ок атты. Ок ман кейик джыгылмады. Эдиге де: «Нолду* экен?» – деп шыкканда, коьрди ки, бир кейик кошуп келеди, аркасында бир оку бар. Эдиге де бир ок атты, кейик бу ок ман джыкылды. Сонра Нураьдил келди аркасындан. Эдиге деди ки: «Окуну шыкар», – деди. Нураьдил оку шекти*, ок шыкмады. Кейиги ярды, окларны бир-бирине машак машага тыкылганын коьрди. Нураьдил деди ки: «Вай, сен меним атам экенсинъ!» Таныштылар. О вакыт Эдиге деди ки: «Калай болды деденъ* Тохтамыш хан?» О заман Нураьдил деди ки: «Дедем кашты». Атасына деди ки: «Сен аргансынъ, сен отур, мен дедемни ыслап эпкелийим». Нураьдил ковуп кетти дедесини. Тохтамыш хан кашар, бу ковар. Экисининъ да джанбайы бар, экисининъ да бар аьскери, джаврыншысы бар. Нураьдил джаврыншысына дарылды. Деди ки: «Биз буну джазда ковдук – куьз келди, хален* каша ма?» – деди. О заман Нураьдилинъ джаврыншысы деди ки: «Хаьле тохтанъыз». Тохтады. Джаврына карады ве Тохтамышнынъ джаврыншысынынъ эер* кашындан караганын анълады. Тохтамышнынъ джаврыншысы эеринъ оьн* кашындан карар экен. Буну да анълаган Нураьдилин джаврыншысы эерлерни оьнуьнуь аркасына чевиртти*. Буну да Тохтамышнынъ джаврыншысы коьрди: «Суьртуьклер* кайттылар», – деди. Айландылар, бунлар да аркаларындан етишдилер, теслим* алдылар.

Тохтамыш хан, бунлар баргандан сонъ, текрар* кашты. Аьскерлер деди ки: «Шимдиден сонъра Нураьдилин калкы болайык». Теслим олдылар. Нураьдил текрар дедесини ковды, калкыны кайтарды. Тохтамыштынъ джаврыншысы эки кызыны кандырды*: «Бу Нураьдил сизнинъ атанъызны каьтип болса да оьлтуьречек. Бунун пикри сизин алмакты. Сиз каршы шыккан заманда, фыстаныгызнынъ астына бирер ястык байланъыз»,– деди. «Сизден сорашак олурса, бабанъыз бизе илишти*, ондан былай болдук денъиз»,– деди. Онлар да каршы шыкканда боьйле дедилер. Буну дуйунджа* Нураьдил атасыны оьлдуьрмеге кастетти*. Атасынынъ

бундан хабери болды. Тетикте* дурду. Увылы бу сефер хуьджум* этти эсе да, кендини тахттан атты, кылыч боша кечти, оьлмеди. Сонъра атасыны суьргуьн этти. Атасы тауларда ав ман кечинип турды.

Нураьдилин калкындан доьрт кардеш бар эди. Бунларынъ доьртуьсуьнуьнъ бир кечиси* бар эди. Бунлар да айырылмак истедилер. Айырылганда кечининъ уьч аягы сау, бир аягы сакат эди. Сакат аягы куьллуьге ятып, от алды. Онунла бир зенгининъ* отлугуна кетти, отлугун йакты. Зенгин де Нураьдиле даваджи олды. Давада уьч саглам айагын сахиплери* куртулдулар. Сакат аягын сахиби олан кардеш джезая* чарпылды*. Нураьдил: «О адамынъ отлугунунъ парасыны* оьде*», – деди. Кендисине оьдемек* уьчуьн кырк куьнлуьк муьхлет* берди, бу муьхлет ичинде оьдемезсе, джеллатлык* болганын соьйледи. Бу хаьрип шаштыгындан дага кашты. Дагда гезеркен, Нураьдилинъ атасы ман каршылашты. Эдиге деди ки: «Сен киминъ калкысын?» О: «Мен Нураьдилин калкыман», – деди. «Не кезесин» дегенде, давасынынъ аслыны соьйледи. Оьйле дейинше, Эдиге деди ки: «Даваджыдан дава калмаган, амма тоьречиден тоьре калган. Сен де ки: «Мен бу давая разы дейилим. Уьч саглам аяк олмазса эди, меним бу сакат аягым от алган джерде соьнип каларды, фаланджынынъ* отлугуну якып та, бу джезая калмас эди дерсинъ». Хаьрип те оьйле япты. Нураьдил бу давайы ениден гоьрдуьрдуь. Джезайы оьтеки* уьч кардешинъ уьстуьне миндирди. Бу адама сорадылар: «Сен бу акылны нерден булдун?» – деп, зорла соьйлеттилер: «Фалан джерде, фалан орманда бир коджа хаьрип оьйретти мага», – деди. «Оьйлесе, о меним атамдыр, оны тауп аькел», – деди. Нураьдил янына адам катты, тавып аькелди, тахтка кечирди, атасындан аф тиледи. Тохтамыш Ханнынъ бир торуну* бар эди. Буну анасынынъ мемлекетине джиберди. Максаты, Эдигеден меним оьчуьмуь алсын эди. О да йигит болды, буьйуьдуь, заман кешти. Атасынынъ Эдиге ве Нураьдил мен болган ишлерини биледи. О Нураьдил мемлекетине кетип оьч алмага келди. Эски Джанбай ман коьриштуь. Джанбайа деди ки: «Бизим насыл куьшуьмуьз йетешек буна?» Джанбай деди: «Мен Нураьдилни бир атла, бир камшыла алдатып кетирирмен. Сен кырмызы*, беяз*, йешил*, ал шатыр кур. Келди, Нураьдилге деди ки: «Шекерли Коьлге аллы-ешилли кушлар конган. Сен отурасынъ оьйде, кел, кетелим авга». Боьйле дейип, алдатып, оьйден шыгарды. Нураьдил атыны, силахыны* алашак олду, о буна: «Сиз, мырза токуму, каннас* олурсынъыз», – деп, буну бир камшы иле алып шыкты, атыны, силахыны бырактырды. Сонъра байырынъ* башына шыкынса, Джанбай коьзлерини уалады: «Ай, меним коьзим шыккыр, мен буну аллы- ешилли кус белледим*, аллы-ешилли шатыр экен,» – деди. Нураьдил кери доьнмеди, суьруьп барды.Тохтамыш Ханнынъ торунунунъ шатырына барды. Ордан капыдан индилер аттан, йуьруьп кеттилер, отурашак джерине кадар, зехерли* пышаклар тиккенлер, аягына бата, бата отуршак джерине кадар барды. Отурашак джеринде эки буьйуьк зехерли пышак тиккенлер эди. Отурганда экиси эки балдырыны* телип шыкты. Тохтамыш ханнынъ торуну башлады, яваш, яваш суал* сорамайа. Деди ки: «Канекемнен, Тутакемни каьттинъ, Нураьдил?» О заман Нураьдил деди ки: «Алла оьзуьме бергенде, экевин да бике этип алганман». Торуну: «Тохтамыш канны каьттинъ?» Нураьдил: «Джас тохсанда ку[в]ганмен, куьз тохсанда джеткемен. Джетип басын кескемен, канджыгама илгемен, канджыгамда калар деп, карыма илгемен», –деп айтты. Нураьдил шыкты,

кетти. Нураьдил зехерли пышакларынъ тесиримен* оьйуьне кете алмады, орманда джыгылып калды. Хемен* онунъ уьстине Нураьдилин кардеши Кырым канынынъ торуну* келди, сорады, – Нураьдилни тапмады. Сонъра дедилер ки, шоьйле болды, боьйле болды, хаьдисеи* айттылар. О да излемеге шыкты. Орманда Нураьдилни тавып кетирди. Бие суьтуь иле илаьч* япты, Нураьдилни куртарды. Тохтамыш каннынъ торуну, Нураьдил куртулдуктан сонра, Джанбай ман бирге каштылар.

Сага об Эдиге

(Запись С. Чагатай)

Жил-был хан по имени Тохтамыс. Его визирь Кутлы Кая бай был отцом того, кого мы называем Эдиге. Однажды он, Кутлы Кая, уехал, чтобы найти для падишаха коня. Коня он найти не смог, но привел шестимесячного жеребенка. Его враги донесли хану: «Он привел его, чтобы посмеяться над тобой». На это хан сказал ему: «Ты относишься к моим доверенным людям, было бы жаль тебя убивать», и выколол ему оба глаза. Дал ему с собой жеребенка и сказал: «Ты не должен вмешиваться в дела страны», – и прогнал его прочь. Кутлы Кая бай пошел своей дорогой.

Он оставался несколько лет в горах. Там он встретился с Албаслы. От нее у него родился сын, он дал ему имя Эдиге. Кутлы Кая думал о ребенке. Раньше сам он был первым лицом у хана, поэтому он ночью пришел к своим друзьям, которые имели чин и пользовались уважением у хана, и принес им своего сына на воспитание. Он предостерег их: «Вы не должны хану этого говорить». Они тайно взяли у него сына.

Там жил Джанбай. Когда мальчик уже подрос, Джанбай услышал о мальчике и сказал хану, что он сын Кутлы Кая бая. Тогда хан приказал убить всех детей этого возраста. Это услышал мужчина, который взял ребенка к себе. Он пришел к своей жене и сказал: «Если мы отдадим сына Кутлы Кая бая, будет плакать вся страна, а если умрет наш собственный ребенок – тогда будем плакать ты и я». Так он отдал собственного сына на смерть.

После того, как прошло некоторое время, Джанбай снова дает хану понять, что Эдиге жив. «Мы не можем знать, где Эдиге, но есть старый певец, которому 400 лет, если мы его приведем, он узнает, кто – чей», – сказал он. Приказали привести этого человека. Когда его привели, он сказал: «Мы оденем всех детей одинаково, он будет искать его среди них и покажет нам». Всех одели одинаково. Старый певец приходит и рассматривает их всех. Юноша, между тем, был женат на дочери хана. Певец хочет спасти его от рук хана, поэтому он поет хану следующие стихи:

Певец:

Ты преследуешь смуглого юношу,
не имея возможности поймать его.
Под конец смуглый юноша будет преследовать тебя самого.
То, что ты собирал ложкой,
Смуглый юноша будет разбрасывать ковшом.
Тот, кого ты преследуешь по пятам,
Тот будет тебя преследовать.
Тот смуглый юноша, в середине, с могучей шеей,

С тонкими изящными руками юноша, – стрелок.
У него – проницательный взор, он – герой, смуглый юноша,
У него тонкий вкус, он красноречив, смуглый юноша.
От худого мяса нет навара,
У старого человека нет стыда.
Он бы мог наступить на бочонок с медом и
Выйти через дымоход, – он мог бы убежать,
Смуглый юноша.

Юноша сбежал, певец помог ему таким образом бежать.

Он (юноша) был женат на ханской дочери, от нее у него был сын, его имя было Нурэдил. Его сын спросил: «Отец, когда ты вернешься?» Он ответил: «Когда встретятся наконечники стрел».

И когда случилась смута, наступило время хаоса, народ взбудоражился, он [Эдиге] сбежал вместе со своими 40 товарищами к хану Шахтемиру. В пути его спутники отвернулись от него, пожалев, что сбежали вместе с ним, и захотели вернуться. Встретилась им змея с сорока головами и одним хвостом. Юноша сказал: «Что это за странное существо? Убейте его!» Сорок спутников пришли и убили змею. Затем они увидели змею с одной головой и 40 хвостами. «Убейте и эту», – сказал Эдиге. Они хотели убить и ее. Змея увидела нору, спрятала голову в нее, 40 хвостов последовали за головой – так они не смогли ее убить. Эдиге сказал на это: «Ваши мысли были разрознены. Если у каждого из нас будет разное мнение, нас убьют каждого в отдельности, вы должны быть со мной едины, мы будем вместе. Куда смогу войти я, войдете и вы», – сказал он, и они все объединились.

У хана Шахтемира была дочь. Эту девушку похитил великан Кабардин. Девушка просила своего отца: «Отец, ты не спасешь меня от великана?» Отец сказал ей: «Как же я спасу тебя? Если тебе повезет, ты встретишь Эдиге, если кто и спасет тебя, то только он…». Девушка спросила: «А как я его узнаю?» Отец ответил: «Ты его легко узнаешь, у него, как у совы, нет костей на шее, когда он стоит и смотрит вперед, он может, не поворачиваясь, смотреть и назад, его шея поворачивается. Рано утром, когда он садится на коня, его сюртук запахивается, и, когда он соскакивает с коня, он не распахивается, а падает, как узел. Он никогда не садится на черную землю, а если не на что сесть, то он садится на свой кнут, который у него в руке, или на седельную подушку. Девушка запомнила все про Эдиге.

В пути Эдиге расстался со своими товарищами. Он им сказал: «На место, откуда я уйду рано утром, вы должны прибыть в обед, откуда я уйду в полдень – вы должны прибыть вечером. Я буду оставлять вам еду в траве и уходить». Так он и сделал. Эдиге поскакал за Великаном и догнал его. Великан спросил его: «Кто ты?» Эдиге: «Меня послал отец девушки, чтобы я готовил ей еду». Великан согласился на это. Эдиге стал готовить ей еду. Несколько дней прошли за приготовлением еды. Однажды Эдиге сказал девушке: «Не всегда же мне быть в саже и готовить вам еду. Прикажи предоставить мне место проводника». «Хорошо», – сказала девушка. И вот он начал работать проводником. Так как теперь Эдиге распоряжался, он изменил маршрут, остановился там, где было много травы, но не было воды. Великану он сказал: «Наши старики говорили: пасись, пока ты на лугу, пей, пока у воды. Здесь, где мы переночуем, есть много травы, но нет воды». После этого оруженосцы Великана пошли поить лошадей. Великан ушел, улегся на колени девушки и уснул. Он не спал неделю. Эдиге подошел к лошади Великана. Лошадь заржала. Эдиге спрятался. Великан встал, посмотрел:

никого не было около лошади. Он вернулся и лег. Эдиге снова пошел к лошади, лошадь снова заржала. Великан снова встал и подошел к лошади. Эдиге спрятался. В третий раз, когда Эдиге снова приблизился к лошади – лошадь заржала, но Великан не встал. Эдиге вскочил на коня Великана и приблизился к нему. Девушке он сказал: «Дай мне очень тихо меч Великана». Девушка подала ему меч. Эдиге сказал: «Подними одну его руку». Девушка подняла руку (Великана). Эдиге отрубил ему руку и голову. Второй рукой Великан потянул за хвост коня к себе. Эдиге растерялся. Девушка сказала на это: «То, что у тебя в руках, это совок твоей матери?». Эдиге отрезал хвост коня, Великан упал и умер. Эдиге сел на коня и поскакал к оруженосцам великана, находившимся у воды. Когда он подъехал, увидел, что оруженосцы великана разделились на две группы и состязались. Одна половина была за Эдиге, другая – за Великана. На что Эдиге сказал: «Я только что победил Великана, и вы должны теперь признать, что побеждены». Одни из них сдались, других, которые не сдались, убили. Они вернулись к девушке. С девушкой и воинами вернулись к хану Шахтемиру. Тот, выдав свою дочь за Эдиге, сорок дней и сорок ночей играл свадьбу. Дочь Шахтемира родила Эдиге сына. Хан не приглашал к себе зятя и дочь, пока мальчик не заговорил. Когда хан пригласил их себе, Эдиге сказал своему сыну: «Он захочет дать тебе деньги и имущество, но ты ничего не бери, если он спросит: «Чего же ты хочешь?», ты скажи: «Разве мы слуги в твоем доме? Мы хотим отомстить».

Когда мальчик сказал это хану, тот сбросил мальчика на землю и приказал позвать к себе его отца. Он спросил Эдиге: «Этот ребенок что-то говорит». Отец ребенка сказал: «Ребенок говорит правду. Мы хотим отомстить хану Тохтамышу». Кроме того, отец ребенка сказал Шахтемир хану: «Не бойся. У меня достаточно воинов. У меня 70 человек. Мне нужно семьдесят лошадей семидесяти мастей и семьдесят шатров семидесяти цветов». Хан дал все, что просил Эдиге.

С тех пор, как бежал Эдиге, Тохтамыш выставил на высоких горах стражей. Однажды ночью прибыл Эдиге и поставил свои палатки. Свои семьдесят человек на семидесяти лошадях 70 разных мастей он заставил проходить перед этой стражей. Кто рано утром выступал, не возвращался к вечеру, и военный парад не прекращался. Стража передала хану Тохтамышу известие: «Воинов так много, что тот, кто выступил (в поход) утром, не вернулся до вечера», – сказали они. Хан Тохтамыш бежал.

Пришел Эдиге. Его сын Нурэдил, рожденный от дочери хана Тохтамыша *[В этом варианте Нурэдил рожден от дочери хана Тохтамыша – примеч. сост.]*, пошел на охоту. Он встретил оленя. Нурэдил пустил сзади него стрелу. Олень не упал от этой стрелы. В это время Эдиге вышел из шатра узнать, что случилось снаружи, он увидел оленя, который со стрелой в спине бежал в его сторону. Эдиге выпустил свою стрелу. От этой стрелы олень упал. Тут прибежал Нурэдил. Эдиге сказал ему: «Вытащи свою стрелу». Нурэдил потянул стрелу, но она не выходила. Тогда он разрезал оленя и увидел, что стрелы вошли одна в другую. Нурэдил воскликнул: «А, так ты мой отец?» Так они узнали друг друга. Эдиге спросил: «Что стало с твоим дедом, ханом Тохтамышем?» Нурэдил ответил: «Мой дед бежал». И сказал отцу: «Ты, наверное, устал и должен отдохнуть. Я схвачу деда и привезу сюда». И Нурэдил поскакал вслед за дедом. Тохтамыш бежал, а он преследовал его. У каждого были свои воины, советники и сказители. Нурэдил рассердился

на своего сказителя-предсказателя и сказал: «Мы преследуем его с весны, сейчас осень, а он все еще бегает от нас». На это предсказатель ответил: «Остановись на некоторое время». Они остановились, он посмотрел на лопатку (кость) для гаданий и установил, что предсказатель Тохтамыш хана имел обыкновение смотреть на переднюю часть седла. Когда он об этом узнал, он приказал повернуть седла задом наперед. Предсказатель Тохтамыш хана посмотрел и сказал: «Преследователи повернули назад». И сами они тоже повернули. Но люди Нурэдила догнали и захватили в плен воинов Тохтамыша.

Когда же преследователи пришли, хан Тохтамыш бежал снова. Его воины сказали: «С этого дня мы хотим быть народом Нурэдила». Так они сдались. Нурэдил снова преследовал своего деда, но отправил назад свой народ.

Предсказатель Тохтамыша уговорил его двух дочерей: «Этот Нурэдил, в любом случае, убьет вашего отца, его намерением было – взять вас в жены: когда выйдете ему навстречу, привяжите подушки под ваши платья», – сказал он. А если он спросит об этом, скажите: «Твой отец совершил насилие над нами, поэтому мы такие». Они сказали так, как их научили, когда вышли навстречу к нему. Когда Нурэдил это услышал, он решил убить своего отца. Его отец узнал об этом и был начеку. Когда сын напал, он соскочил с трона, стрела пролетела мимо, и он не погиб. После этого тот прогнал отца. Его отец с тех пор добывал себе пропитание, охотясь в горах.

Среди народа Нурэдила было четверо братьев, а у них была коза. Они решили поделить свое имущество на четверых. Когда они все поделили, оказалось, что три ноги у козы были здоровы, а одна нога покалечена. Покалеченная нога загорелась, когда лежала на золе. Коза побежала на выгон богача. Там она подожгла стог сена. Богач пожаловался Нурэдилу. Три хозяина здоровых ног были оправданы судом. Брат, которому досталась увечная нога, был наказан. Нурэдил сказал: «Ты должен заплатить тому человеку за сено». И дал ему сорок дней срока, чтобы отдать долг. Если он за этот срок не заплатит, то будет отдан палачу, добавил он. Так как бедняк не знал, что делать, он сбежал в горы.

Пока он там бродил, встретил отца Нурэдила. Эдиге спросил его: «Какому народу ты принадлежишь?» Он сказал: «Я из людей Нурэдила». Когда он спросил, почему он тут бродит, он рассказал о своем деле. Послушав его, Эдиге сказал: «Жалоба была справедливой, но судья вынес несправедливый приговор. Ты должен сказать так: «Я не признаю приговора. Если бы не эти три здоровых ноги, моя увечная нога осталась бы на том месте, где начался пожар и сгорела, она не подожгла бы выгон и меня не приговорили бы к штрафу». Бедняк так и сделал. Нурэдил пересмотрел жалобу еще раз. Штраф он переложил на тех трех братьев. А этого человека (бедняка) спросили: «Где ты набрался ума?» и заставили его под пыткой сказать правду. Он сказал: «На таком-то месте, в таком-то лесу меня научил старый житель». Если это так, то это мой отец, найди и приведи его сюда, сказал Нурэдил, дал ему несколько человек в помощь. Они нашли его – и – привели домой. Нурэдил извинился перед своим отцом и вернул ему трон.

У Тохтамыш хана был сын, которого он послал на родину его матери. Тот был воспитан, как герой, и намеревался отомстить Эдиге. Прошло время. Он знал об отношениях своего отца с Эдиге и Нурэдилом, и прибыл на земли Нурэдила, чтобы осуществить свою месть. Там он имел беседу с Джанбаем и сказал ему: «Как мы его одолеем – хватит ли наших сил?» Джанбай сказал на это: «Я обману Нурэдила и приведу его сюда. А ты между тем поставь красные, белые, зеленые, шатры». Так он пришел к Нурэдилу и сказал: «На озере Шекерли коль сели красные, зеленые

птицы, а ты сидишь дома, давай, пойдем на охоту». Обманув таким образом, он вывел его из дома. Нурэдил хотел взять свою лошадь и свое оружие, но этот сказал ему: «Вы, благородные, хитрые!» Джанбай выманил его наружу с одним кнутом и уговорил оставить дома свою лошадь и свой меч. После того, как они поднялись на холм, Джанбай поднял свои глаза: «Ах, чтоб глаза мои вытекли, я принял их за красных и зеленых птиц, а это красные и зеленые шатры», – сказал он. Нурэдил не повернул назад, пошел вместе с ним. Так он попал к шатру сына Тохтамыш хана. Там они спешились с коней и пошли пешком до того места, где должны были сесть. На его пути были воткнуты отравленные ножи. Он прошел по ножам, вонзавшимся в его ноги, к месту, где ему подобало сесть. На этом месте были воткнуты два больших отравленных ножа. Когда Нурэдил сел, оба ножа пронзили его ноги. Тут сын Тохтамыша неторопливо спрашивает: «Что ты сделал с моими двоюродными сестрами Канэкэ и Тутакэ, Нурэдил»? На это Нурэдил ответил: «Так как Бог их мне послал, я их обеих взял в жены». Сын: «Что ты сделал с ханом Тохтамышем?»

Нурэдил:

Три весенних месяца я его преследовал,
За три осенних месяца я его настиг.
Когда я скакал мимо него,
Я отрезал ему голову,
И повесил его за седло.
Чтобы не забыть его за седлом,
Я повесил ее на свою руку, –

сказал Нурэдил и удалился. Вследствие воздействия отравленных ножей, Нурэдил не смог попасть домой, он свалился в лесу.

Тотчас после этого, брат Нурэдила, внук Крымского хана, пришел к сыну Тохтамыша и спросил о Нурэдиле, но не нашел его. Ему рассказали, что произошло, и он отправился на его поиски. Брат нашел Нурэдила в лесу и забрал домой. Он сделал ему лекарство из верблюжьего молока и тем самым спас Нурэдила.

После того, как Нурэдил был спасен, сын Тохтамыша бежал вместе с Джанбаем.

Часть 2. Исследование. С. 390–409. [1]

[1] ПРИМЕЧАНИЕ

Мы опускаем Часть 2. Исследования. Этот текст принадлежит также Саадет Чагатай. В нем приводятся размышления, предположительные суждения, сравнительная оценка автором различных вариантов эпоса. Часть 2 может быть интересна, как источник, для сравнительно-сопостаительного изучения вариантов эпоса «Эдиге».

Эдиге йыры

Вариант А.-Х.Ш. ДЖАНИБЕКОВА

Печатается в транслитерации с латиницы по тексту:

Эдиге йыры // Джанибеков А-Х. Соьз казнасы яде Ногай фольклоры. Рукопись. Рукописный фонд ИЯЛИ ДНЦ РАН. Ф.28. Опись 1. Папка 3. Листы 93-120. *На латинской графике.*

Бу йырдынъ басы Кобанда Шабаз авылынынъ Аьжи-Даьвит Кудайнет улынынъ авызыннан 1922 йыл май 12-де язып алынды. Йырдынъ тамамы Караногай Аьжи-Молла Нугман улынынъ авызыннан 1926 йыл июль 18-де язып алынды.

А. ЖАНИБЕК

Данный вариант поэмы в транслитерации рукописного латинографического текста кириллицей публикуется впервые.

Эдиге йырынынъ тарийхы

Бурын заманда Кадиркая, Баьркая эм Кутлыкая деген уьш кардаш болган. Кутлыкая ханнынъ кусшысы болган.

Ханнынъ бек алгыр, атаклы каршыгасы болган. Экинши бир хан бу каршыгадан тукым алмага суьйген. Ханнан тилесе – бермейди, ахырында, Кутлыкаядан ясыртын бир йымыртка ала билген. Бу йымырткадан шыккан каршыга бек те алгыр болган.

Бу эки хан, бирге анъшылап шыгып, экеви каршыгаларын бир куска йибергенде, яс каршыга анъды тез кагып алган. Соннан сонъ хан Кутлы-каядан шекленип, ашувланып, оны кувып йиберген.

Кутлыкая агашлыкка кетип яшаган. Ол агашлыкта коьп йыллар яшаган. Бир заман агаш анъгалакка* рас келип, ога уьйленген. Агаш анъгалак ога: «Меним кабыргама карамассынъ», – деп шарт эткен. Бир куьн агаш анъгалак ювынып турганда, Кутлыкаядынъ коьзи онынъ кабыргасына туьскен. Караса не коьрсин: агаш анъгалактынъ кабыргасыннан иши-оьти коьринеди экен. Сол заманда агаш анъгалак ушып туьсип: «Э, аьдем баласы, соьзинъде тура алмадынъ, энди мен сени мен тура алмам, хош сав кал. Тек, узакламай, меннен бир аьвлет тувар, соны келтирип, сенинъ йолынъа салып кетермен», – деп, коьзден йогалып кетеди.

Edige jeчь.

A. Çanibekt, oz ilmi ҫslevҫ.

Sөz gaznasь.

jo de

noojaj folklorь.

I-nҫь nesek. Jorlar

Jьjьlojan 1905-1930 jьllarda.

Sistemaoja salьnojan 1932 jьlda.

Труды Джанибекова А. М.

№242

Сокровищница слов.

или

ногайский фольклор.

Часть I. Песни.

Собраны в 1905-1930 годах.

Систематизирован в 1932 г.

Edіge jьrьnьŋ tarixь.

z Burьn zamanda Ədіr gaja, Bər gaja em Autlь gaja degen yş gardaş bolojan.
Autlь gaja xannьŋ gusşьsь bolojan. Xannьŋ bek alojьr atagl garşьojasь bolojan. Ekіnşі bіr xan bu garşьojadan tugьm almaoja syjgen. Xannan tіlese bermejdі, axrьnda Autlь gajadan jasьrtьn bіr jьmьrtga ala bіlgen.
Bu jьmьrtgadan şьggan garşьoja bekte alojьr bolojan. Bu ekі xan bіrge aŋşьlap şьojьp, ekevі garşьojalarьn bіr gusga jіbergende, jas garşьoja aŋdь tez gaojьp alojan. Sonnan soŋ xan Autlь gajadan şeklenіp, aşьv etіp onь gineьp jіbergen. Autlь gaja aojaşlьgga ketіp jaşaojan. Ol aojaşlьgta kop jьllar jaşaojan. Bіr zaman aojaş aŋojalagga ras kelіp ooja yjlengen. Aojaş aŋojalag ooja: „menіm gabьrojama garamassьŋ" dep şart etken. Bіr kyn aojaş aŋojalag jineьnьp turojanda Autlь gajadьŋ kozі onьŋ gabьrojasьna tyşken. Qarasa ne korşіn: aojaş aŋojalagtьŋ gabьrojasьnnan ışı ote korşnedі eken. So zamanda aojaş aŋojalag uşьp tyşіp: e ədem balasь, sozіŋde tura almadьŋ, endі men senі men tura almam, xoş sav gal, tek uzaglan mennen bіr əzelet tuvar, sonь keltіrіp senіŋ jolьŋa salьp keter men"

Соннан сонъ Кутлыкаядынъ ханы оьлип, ол элге кайтып яшайды. Бир куьн авыл халкы, теприж* этип, кырга шыгады, халк ойын, куьлки мен турган заманда, агашлыктан шыгып келеяткан бир затты коьрип, кашады. Кутлыкая бу заттынъ агаш анъгалак экенин билип, кашпай калады. Агаш анъгалак, ювыклап келип, бир туьйиншикти ерге салып, кайтып кетеди. Кутлыкая барып караса, туьйиншикте янъы тувган бир эр бала ятыр. Ол, оьзининъ баласы экенин сезип, алып кайтады, тек оны эмизмеге кисиси болмай, кыйналады.

Бир куьн бала бек йылайды, эмизмеге киси йок. Кутлыкая адайды, ахырында бир канжык ийтти коьрип, сога эмизеди. Бу бала бек тез оьседи. Балады берип кеткенде, агаш анъгалактынъ «эдиге» деген сеси эситилген, сонынъ уьшин Кутлыкая баладынъ атын Эдиге деп атаган.

Эдиге баладан ок бек акыллы эм батыр юрекли болган. Оьзининъ сыны да аьруьв болган. Элдеги ийги-яхшыды ханлар оьзине алганга коьре, бу юрттынъ ханы да Эдигеди оьзине алып, йылкышы этеди. Эдиге бек айбетли бир йигит болып оьседи. Ол ханнынъ ордасына келип киргенде, хан, оьзи билмей, орнынан турады экен. Муны катыны айтканда, хан «болмас» деген. Бир куьн Эдиге келе. Ханым, оьзине билдирмей, ханнынъ этегин ястыкка тиккен. Эдиге [...] деп[1] киргенде, хан, секирип турып, ястыктынъ суьйретилгениннен оьзининъ Эдигеден сескенетаганын билди. Соннан сонъ хан Эдигеге душпанлык саклайтаган болды.

Хан ордасында Эдигеге ишпеге ювырт берген болганнар. Бир куьн Эдиге пышагы ман ювыртты кескелеп, ишпей кеткен. Бу ис ханнынъ юртын боьлекбоьлек этеегин анънатув болган. Соннан сонъ хан Эдигеди оьлтируьвге ойлайды. Залым ханнардынъ аьдетинше, халк йыйып, уьйкен той этеди, тойга йыравлар шакыртып, толгатып, Эдигединъ асылын айттыртады. Йыравлар Эдигединъ асылын туьз айта алмайдылар. Олар Эдигеди, ханнынъ оьлтиртеегин билип, аяйдылар.

Ахырында Сыбыра деген атаклы карт йырав, ясырмай, Эдигединъ асылын айтып береди.

Эдигединъ тогыз йолдасы болады. Эдигединъ йолдаслары да ханнынъ яман ниетин биледилер. Олар Эдигеди алып кашувга кенъес курадылар. Эдиге той ишине киргенде, йолдаслары Эдигеге эм оьзлерине атлар аьзирлеп, ханнынъ аьскерининъ иерленген атларынынъ зоьнъги бавларын кеседилер. Тойда Эдигеди эсиртедилер, мырадлары – оны оьлтирмек. Солай этип толгавлар басланады:

Алай Эдиге Куба увыл,
Токтамыс ханда саклав болып турганда,
Оьзин киси танымай,
Бир кубаша яс эди.
Токтамыс хан байтал сойып бал куйды,
Бар болган ийги аьдемин йыйдырды,
Туькли шатыр курдырды,
Тоьр[е]-картларын йыйдырды.
– Эндигиси ким калды? – деп сорганда*,
Канълыдынъ Кара Байыс айтады:

– Уьш юз алпыс яшаган,
Кошанай тиси босаган,
Сыбыра деген карт йырав,
О калган дыр, – деп айтты.
Арбага минер аьли йок,
Атка минер куьши йок.
«Арбага минсем – силкер, – деп, –
Атка минсем – шоршыр», – деп;
Астына мамык тоьсетип,
Арысына боз ат ектирип,
Сыбырадай карт йыравды келтирип,
Уьшкил бастан ер берип,
Уьш тостакай бал берип,
Бал буьйрекке туьскенде,
Буьйрек балга сискенде,
Токтамыс хан сорайды:
– Кенъесимнинъ алдысынъ,
Кенъ сабаннынъ[2] курысынъ*,
Келеши улы Кенжебай[3],
Бу Эдиге не зат[4] ты?

Янбай:

– Йыйынынъда меннен уьйкен йырав бар,
Соьз сорасанъ – оннан сор.

Хан:

– Канълыдынъ Кара Байысы,
Бу Эдиге не затлы[5]?

Кара Байыс:

– Патшайым, таксырлыман*,
Мен де билмем, – деп айтты.

Хан:

– Аргыннынъ Кара Хожасы,
Бу Эдиге не затлы?

Кара Хожа:

– Патшайым, таксырлыман,
Мен де билмем, – деп айтты.

Хан:

– Конъыраттынъ Узын Айдары,
Бу Эдиге не затлы?

Узын Айдар:

– Патшайым, таксырлыман,
Мен де билмеймен, – деди.

Хан:

– Сырыннынъ Сылув Маьмбети,
Бу Эдиге не затлы?

Сылув Мамбет:

– Патшайым, таксырлыман,
Мен де билмем, – деп айтты.

Хан:

– Аталык улы Сары Касым,
Бу Эдиге не затлы?

Сары Касым:

– Оьзимнинъ ким экеним билмеймен,
Мен де билмен, – деп айтты.
Кыпшактынъ Куба йыравы,
Онъ колына бал алып,
Тиз уьстине боьрк салып,
Толгайым деп туры эди –
Келеши улы Кенжебай,
Кери тартып, олтыртты,
Эзуьв* тартып, ым кагып,
Карт йыравды коьрсетти.

Хан:

– Сыбырадай коьпти коьрген йыравым,
Сен толгашы, – деп айтты.

Ыргаланды Сыбыра йырав, козгалды,
Толгайым деп карады:
Айтарга авызы бармады,
Соьйлерге тили келмеди.
Оны коьрип, Токтамыс
Сыбырадынъ якларын
Увлар мынан увлатып:
– Толга, картым, – деп айтты.

Сыбыра:

– Манарасы* минъ* кулаш,
Хан Суьйиндик оьткенде,
Оны коьрген карынъмын.
Тебингиси* темир алтын –
Динибек ханды коьрген карынъмын.
Баба Туьклес дин ашкан,
Хан Оьзбекти коьргенмен.
Шын-Машынды* бийлеген,

Жаьнибекти коьргенмен,
Нардынъ бойын шырт кескен,
Бердибекти коьргенмен.
Коьгев курган Коьтев хан,
Бу дуныядан оьткенде,
Каьпир болып кеткенде,
Оны коьрген карынъман.
Алак ханнан тогыз хан,
Кишик ханнан отыз хан,
Оны коьрген карынъман.
Томпак эрин, томпак бас,
Тек туьневин ювырып юрген яс эдинъ,
Энди сен де хан болдынъ,
Сени де коьрген карынъман.
Яраткалы бойы ясав толтыртып,
Бар эткенин кос этип,
Ярылма тостаканын* толтыртып,
Хан ием, сен бал бергиш Куба увыл
Колынъда оьксиз юргенде,
Халк аьлемге шыгармай,
Дуныяды баасына баламай,
Сол суьйгенинъ оьткен куьн.
Энди меннен, хан ием,
Эдигеди «не затлы[6]?» деп сорасанъ;
Аргы увыл да, берги увыл,
Ортасында кенъ елкели Куба увыл;
Курама шапшак кырк курсав,
Басар бугай Куба увыл;
Шагарактан* шыгып,
Кашар бугай Куба увыл.

(Эдиге кашады)

– Куба увылды кувлама,
Байтагым* коьп деп, дувлама,
Байтагым коьп деп дувласанъ,
Кумга биткен Куба тал,
Курык сайлар Куба увыл.
Куба-алалы коьп йылкынъ,
Кувып айдар Куба увыл,
Кува шыккан кисинъди,
Кум каптырар Куба увыл,
Басы бурма сары алтын тагынъды,
Тартып алар Куба увыл.
Эт билеги сав алтын,
Эриккенде бир соьйлеви минъ алтын
Коьзекедей коьрклинъди,
Олжа кылар Куба увыл,
Тогыз герей бабасы,
Толы юрттынъ иеси,
Токтамыстай ханнарды,
Оьрге кувар Куба увыл.
Кув оьленде даьм болмас,
Кув йиликте май болмас,

Кубарган мендей картта соьз болмас.
Оьлтирсенъ неге ярарман?
Калдырсанъ неге ярарман?
Яшавымдынъ шагында,
Тувра соьзди айтарман:
Актыгынъа етер бугай Куба увыл.

Хан:

– Эй, тогыз эр, тогыз эр,
Тогызынъ да бара коьр,
Алдап-сулдап, Эдигеди
Касынъызга ала коьр.
Алдап-сулдап, касынъа ал,
Касынъа ал да, басын ал!

Соннан сонъ, алдында Кенжебай болып, ханнынъ кувгыншылары Эдигеди кувып кетедилер. Бир агашлыкта Эдигединъ артыннан кувып етедилер. Эдиге мен согыспага коркып, кери кайтармага Кенжебай аьйле курып, булай толгайды:

Кенжебай:

– Кайтсана, ялгызым, кайтсана,
Кайтып уьйинъ тапсана.
Энегеси бийик боз орда,
Кан иенъе, ийилип, саьлем берсене;
Эрни юка сары аяк,
Кан иенъ бал береди – ишсене;
Этеги алтын, енъи алтын,
Кан иенъ тон береди – кийсене;
Кулагын биздей кадаган,
Кекелин кыздай тараган,
Юргенде ызын санаган,
Ат береди – минсене;
Куйрыгы узын ак сунъкар,
Кан иенъ кус береди – суьйсене[7].
Шорасыннан* шора боьлип береди –
Шора агасы болсана;
Байталыннан байтал боьлип береди –
Байлап, кымыз ишсене;
Байтагыннан байтак боьлип береди –
Падыйшалык суьрсене.

Эдиге:

– Мен кайтпам да, кайтпам да,
Кайтып, Эдил оьтпем де!
Энегеси бийик боз орда,
Ийилип, саьлем бермем де;
Эрни юка сары аяк,
Кан саркытын* ишпем де –
Эрним елкек* болган сонъ;
Этеги алтын, енъи алтын,
Кан тоннарын киймем де –
Ийним кутсыз болган сонъ;

Кулагын, биздей, кадаган,
Кекелин, кыздай, тараган,
Юргенде ызын калдырган,
Кан атларын минмем де –
Авым кутсыз болган сонъ;
Шорасыннан шора боьлип берсе де,
Шора агасы болмам да;
Байталыннан байтал боьлип берсе де,
Байлап, кымыз ишпем де;
Байтагыннан байтак боьлип берсе де,
Падийшалык суьрмем де –
Эр болып, атка минген сонъ!
Бир йол алып юрген сонъ –
Катын болып кайтпам да!
Оьпкелеген соьзимди,
Коьктен огым айтпаса,
Авызымнан айтпам да!
Муннан аьри мактанмам,
Мактандырсанъ сен мени,
Он эки тотам* ок туткан,
Бурынгы оьткен эр Шынъыз,
Оьзи минен тенъ эрмен!
Карагайдан бийик терекпен,
Басымнан давыл оьтсе – тенъселмем*!
Токтамыстынъ тогыз эри,
Камшы тиер бойнынъа,
Кан шыргалар койнынъа,
Шыдамассыз меним кылган ойынымa!
Мен мен дирмен, мен дирмен,
Менменликтен тоба кылган эр дирмен!
Дослар отын соьндирмем,
Душпан отын яндырмам!
Елкенни коьл тоьгерек,
Алдавлы соьзинъ не керек?
Бу кеткеннен кетермен,
Шах Темирге етермен!
Кудай Аллам йол берсе,
Шах Темир мага кол* берсе,
Тиси кетик, тили муьлтис ханынъды
Бир маскара этермен!

Соннан сонъ Кенжебай кувгыншылары ман кери кайтып кетеди. Эдиге, узын сеперге* шыгаяк болып, йолдасларына оьгит* соьзлер айтады. Йолдаслары шыдамлы болсын ушын Эдиге оларга булай толгайды:

Эдиге:

– Сыдырув арка, сылув тоьс,
Сырттан толгай тогызым,
Кара кустай шонъкайып,

Каравыл кара, тогызым.
Ерге биткен елкекти,
Азык эттинъ, тогызым.
Этсиресенъиз, булан атарсыз,
Эрикпесенъиз, бир муратка етерсиз.
Бир заманы келгенде,
Токтамыстынъ толы юртын мен алсам,
Толкысытып, Ана-Эдилге кондырсам,
Сарайшыклай, кожалай,
Увыл, увылынъа калганша,
Емегинъ болсын, тогызым.
Елке шашын оьрмеген,
Адам юзин коьрмеген,
Байлардынъ томпак шашлы аьруъви
Олжа болсын, тогызым,
Канъкадай кара басыма,
Каравыл шыккан тогызым,
Дувадактай тонъкаклап,
Тезек терген тогызым.
Эй, тогызым, тогызым.
Тогызынъынынъ басын етермен,
Атынъ оьлсе, тоьлермен,
Калганынъды мен сизинъ,
Кара киске боьлермен,
Оьлгенинъе нетермен?
Аьруьв ювып, ак кепиннеп, коьмермен.
Болса, булай этермен,
Болмаса, Кудайымнынъ
Болмасына нетермен?
Бермен келши, тогызым!

Соннан сонъ Эдиге йолдаслары ман Шахтемир ханга карап йоьнейди. Эдиге йолда барганда Кабартыдынъ Алып батырга йолыгады. Алып батыр, Шахтемир хан ман согысып, оны енъип, кызын алып бараятыр экен.

Эдиге Алып батырды оьлтирип, Шахтемир ханнынъ кызын алып кашпага ойлайды. Бу мурадына етер ушын, ол Алып батырга казаншылыкка киреди. Ама йолдасларын ясырып, артта калдырып, юритеди. Алыптынъ аьскери ушын сойылган малдынъ этиннен йолдасларына ясырып калдыра барады. Алып батыр йолда токтап, конып, аьскери мен тыншая барады. Солай этип, ол бир ерге токтаганда эм ордасын курып ятканда, Эдиге Алыптынъ аьскерин эрек йибертер ушын: «Йылкыды урып отлатпага, суьрип сувармага керек», – деп, аьскер мен йылкыды ордадан эрек аькетип токтатады. Сув ягада тыншайып яткан аьскер, оьз ара ойнап, бир ягы Алып батырдынъ, экинши ягы Эдигединъ аьскери болып, согысадылар. Ойында Эдиге яклы аьскер енъеди. Сол заманда Эдиге, ордадынъ бир муьйисин йолдасларына[7] коьтертип, уйклап яткан Алыпты ок пан атып оьлтиреди. Соннан сонъ аьскерге шавып келип: «Йигитлер, билмесенъиз билинъиз – мен Эдиге боламан! Алып батырды оьлтирдим эм сизди азат* этип йиберемен!» – дейди. Бу ерде аьскер, анъ-танъ калып, Эдигединъ атын эситкенде сескенип, ысламай азат этип йибергенине шуькир этип, тараладылар. Соннан сонъ Эдиге кызды алып, Алып батырдан алган олжа ман, тогыз йолдасы ман бирге Шахтемир ханга карап юреди.

Алып батырдынъ Шахтемир ханнынъ юртыннан алган есирлери бар экен. Эдиге ол есирлерди ханнынъ кызы ман бирге алды ман эллерине йиберди.

Шахтемир хан, кызы кайтып келген сонъ, бек суьйинип, буга Эдигединъ себепши болганын билгенде, кызын Эдигеге багышлайды. Эдиге ханнынъ кызыннан бир увыллы болады, балады Нурадын деп атайдылар.

Эдиге Шахтемир ханнынъ юртында коьп йыллар яшап калады. Ол арада Нурадын да оьсип, батыр йигит болады. Бир куьн Эдиге Шахтемир ханга Токтамыстан оьш алаягын соьйлеп, коьмек тилейди. Шахтемир хан бир аз коьмек аьскер берип, Эдиге мен Нурадын Токтамыстынъ юртына келедилер. Аз аьскерди коьп этип коьрсетер ушын, Эдиге бир тоьбединъ янында токтап, кешеде коьп ерге от яктырып, атлардынъ курсагына ак боьз байлатып, танъ атканша, атларды тоьбеди айландырып юрите берген. Буларды коьрген куьзетшилери, ханга барып, тоьбе якта сансыз аьскер келип токтаган, деп хабар бергенде, хан адап калып, аьскерин де йыя алмай, кашпага караган. Сол заманда Нурадын, азгана аьскер мен кирип, ханнынъ куьзетши аьскерин шавып, элге коркув туьсирген.

Куьзетши аьскерининъ шабылганын эситкен сонъ, Токтамыс хан бу келген яв-душпаны Эдиге экенин билип, ваьзирлерин, картларын йыйып, кенъес этеди. Ахрында Токтамыс хан кашмай, амал таппай, эл-юртына яны авырып, зар йылап, бала-шагасын кушаклап, булай толгайды:

Хан:

– Хан кашып, бий кувган куьн;
Хан йодурга* минген куьн;
Алтын таклар буьлген* куьн;
Ат уьркип, иерлер сынган куьн;
Темир сувлык уьзилип,
Тизгин колга келген куьн;
Хан арада мунъайып,
Ханымлар булай айта турган куьн:

– Куба нарга юк артып,
Эки арыслы арба ектирип,
Куьнимиз булай болды деп,
Ханымлар калмай, шувлап минген куьн.
Ханымлар, каптай кара кийинип,
Ялан аяк, ялан бас,
Кабыргадан кос ат айдап, коьшкен куьн.
Эки коьзи яс басып,
Танавларын шанъ басып,
Бу языда ханымлар,

Куьни туьзде кешкен куьн.
Аланъ, аланъ, аланъ юрт,
Аланънаган уьйкен юрт;
Ак капталлар кийинип,
Атам киев болган юрт;
Йибек тастар салынып,
Анам келин болган юрт;
Сазандай куйрык таслатып,
Сан аргымак оьскен юрт;

Запырандай сары баллар сапырып,
Сабам тойга коьшкен юрт;
Келин келген кепли юрт,
Йылгын* яккан йылы юрт;
Ябагалы яс тайлак,
Ярдай атан болган юрт;
Яйылымда ятып калган бир токлы,
Яйылып, минъ кой болган юрт –
Эдилимсинъ, Тенимсинъ,
Отынъ секер, сувынъ сербет еримсинъ!
Таьлейсиз* хан бу куьнде
Казак шыгып барады,
Хан иенъе сен бу куьн
«Йолынъ болсын!» дермисинъ?

Соннан сонъ Токтамыс хан кашады. Кашып юре-юре бир агашлыкка келип киреди. Нурадыннынъ кувып келеятканын билип, сонда ясырынады. Сол арада аягынынъ астыннан бир кус ушып, коьтерилип кышкырады. Со куска карап, хан булай толгайды:

– Кыт-кыт эткен кызгыш кус,
Канатынъ кат-кат мойнынъ бос,
Авызынъ-мурнынъ муьйиз кус,
Авазынъ айлак яман кус,
Бу языда зар кылып,
Коьп кышкырма, кызгыш кус,
Йымыртканъды алмага,
Майтагым болса, мунда йок.

Соннан сонъ: «кусты коьрип, кувгыншы келер эм мени табар» деп, Токтамыс хан бу ерден коьшип эрек кетеди. Агашлыкта ялгыз канъгырып юрип, хан арыйды, кыйналады, коьзине оьлим коьринип, бек кайгырып, тагы да толгайды:

– Сувсылдама, коьк сонар,
Эдиге улы коьп майтак,
Келип конса, соларсынъ.
Толкысыма, Ана-Эдил,
Токсаннынъ бири келсе, катарсынъ.
Буркысыма, куба шанъ,
Себелеп, ямгыр явса, ятарсынъ.
Буьлкилдеме, сом юрек,
Куьнинъ келсе, соларсынъ.
Кубырсыма, куба ат,
Бир туьн катсам юбарсынъ*.
Янымдагы йолдасым
Сыбыр-сыбыр этеди,
Янына кыйын келгенде,
Мени койып кетеди.
Сыр билмеген ясларга,
Сырымды калай тоьгейим?
Сынавлы шынты юйрик юбады,
Сыналмаган бедевге*,

Калай барып минейим?
Артымыздан коймай кувып келеди
Каны еткир Нурадын,
Эш бермегир мурадын[8];
Хан увылы мен оьзим,
Оьлмей, колга тутылмам;
Аьжели еткен кисимин,
Бу куьнгиси мен оьзим,
Ерге синъсем, кутылмам.

Сол арада Нурадын кувып етип келеди эм ханга карап: «Ясынъ уьйкен, алдынгы кезек сеники, ат!» – дейди. Токтамыс атса да, тийгизе алмайды. Сонъ Нурадын ханнынъ басын кесип алады.

Эдиге:

– Улы йыма куьнинде,
Мен дуныяга энгенмен;
Коьзим ашып коьргенде,
Кадир туьнин коьргенмен;
Актан белги алганман;
Нурдан уьлги алганман;
Арабы* китаьп колга алып,
Аьлимлердинъ айтканларын
Мен айтайым, дегенмен;
Куьрилдеген коьк тенъиздинъ ишинде,
Эр Нурадын, мырза улым,
Сени тилей турганман;
Токтамыс пан Темирге,
Исим колай келгенше,
Аягымнынъ уьстинде,
Тагзым* этип олтырдым;
Исим колай келгенде,
Бес юз киси оьлтирдим;
Бир басы минъ кисиге тийгендей,
Кабарты деген Алыпты,
Языда ялгыз тавып, оьлтирдим.

Муннан сонъ Эдиге мен Нурадыннынъ арасы бузылады. Олар оьз ара оьпке соьзлерин булай толгап айтысадылар:

Нурадын:

– Булан сынлы куьренди,
Бутка кагып, мингенмен;
Аз эсик минен боз эсик,
Белгили арка бойында,
Тувра асыктан йол салып,
Орман аткын конганман;
Эртис* басы кара агаш,
Токтамыска сонда суьрип еткенмен;
Савкат этип, мойныма
Аьйкел шалып келгенмен.

Эдиге:

– Тувды, тувды! – дегенде,
Тув биелер сойганман;

Бетинъди юпар* мынан ювдырдым;
Белинъди алдаспаннынъ бавы мынан бувдырдым;
Карагайдан бутак шыгартып,
Кайыннан бесик ясаттым;
Катебе* камка тоьсеттим;
Катебе каты болар деп,
Астынъа камка яйдырдым;
Йоктан сени бар этим;
Мырзаларга бас костырып, тоьре эттим;
Кунадил эдинъ – кус эттим;
Боьлтирик эдинъ – боьри эттим;
Каршыгадай куьзеттим;
Кайын октай туьзеттим.
Картайганда карт атанъды кувлайсынъ,
Кувлагандай мен неттим?
Кавданлы ерге от берсем,
Отты кайдан отларсынъ?
Кара аргымак катырсам,
Атты кайдан минерсинъ?
Кара лашын катырсам,
Кусты кайдан суьерсинъ[9]?
Куралайдай эки коьзи кызарган,
Кувдай шашы агарган,
Карт атанъды кувласанъ,
Эр Нурадын мырза улым,
Кайда барып онъарсынъ?

Нурадын:

– Кавданлы ерге от берсенъ,
Отлардан отлар сайлап отларман;
Кара лашын катырсанъ,
Кустан сунъкар суьермен[10];
Кара аргымак катырсанъ,
Аттан тулпар минермен;
Куралайдай эки коьзи кызарган,
Кувдай шашы агарган
Карт атамды кувласам,
Баьйтыллады* уьш айлансам ю[вы]ларман.

Эдиге:

– Борай-борай кар явса,
Боз керискенъ* тувылма эдим, мырза улым?!
Борашынлап ок явса,
Елкенъде болат[11] калкан тувылма эдим, мырза улым?!
Кыйвадан*, Бухардан*,
Жуьмлесиннен* йыйдырса,
Ортасына болат калкан куйдырса,
Ишиннен мыскал бакыр табылмас!
Камтыганы катесиз,
Кара лашын тувыл медим, мырза улым?!
Кувлаганынъ мен болсам,
Мен кашайым – сен кувшы!
Аьр душпанынъ алдынъан
Мендей кашсын, мырза улым!

Соннан сонъ Эдиге элден шыгып кетеди. Эдигеден сонъ Нурадын эл бийлейди. Бир заман Токтамыс ханнынъ Кадирберди атлы улы атасынынъ канын алар ушын, бир кесек аьскер мен Нурадыннынъ элине келип, бир шетке кос тигип, токтайды.

Аьйлежи Кенжебай, Нурадын колында турса да, Кадирберди мен ясыртын хабарласа болган. Бир куьн Кенжебай, элдинъ шетинде бек коьп анъ коьрдим деп, Нурадынды кызыктырып, алгасатып, ясандырмай, кырга алып кетеди. Бара-бара, Кадирбердидинъ аьскерининъ колына туьседилер. Кадирберди Нурадынды оьзининъ алдына дыйванга олтыртады. Ол, Нурадынды бек язалар ушын, Нурадын олтыраяк олтырага ушларын йогары каратып, эки суьре* актырган. Нурадын олтырага олтырган заманда, бу суьрелер онынъ бутларын тесип шыккан. Нурадын сонда да душпанына сыр бермеген, шырайын да сытпай, бутларыннан шыгып турган эки суьреди ыслап, Кадирбердиге карап: «Не айтасынъ?» – деп турган. Солай этип, Нурадын ман Кадирберди экеви, толгап, булай соьйлескеннер:

Кадирберди:

– Тогай-тогай[12] ювырган,
Томарлар коьрсе каргыган,
Туягынынъ налы ман,
Казандай уьйкен таслардан,
Каргып барып тик туьскен,
Томага коьзли торымды,
Аны не эттинъ, Нурадын?
Томагалы айбалтам,
Аны не эттинъ, Нурадын?
Аргы авылдан коьшкен алты арбам,
Алтавы да тенъ арбам,
Аны не эттинъ, Нурадын?
Каслы, каслы, каслы орда,
Он эки табан боз орда,
Босагасы болаттан,
Болатка алтын ялаткан,
Туьннигининъ* иши камка*, тысы кис*,
Доьрт бавы да арайыс*,
Ялкыннары* ярма ока*,
Тувырлыгы* турма ока*,
Ак эректинъ анасы,
Каска эректинъ баласы,
Ыдырынып ол айван,
Адым ерге тарта алмас,
Он эки табан каслы ордам,
Аны не эттинъ, Нурадын?
Бир шегеси минъ кызылга битпеген,
Усталардынъ минъ шоькиши титпеген,
Ягасы алтын ак куьревке,
Аны не эттинъ, Нурадын?
Коьргеннинъ коьзин оьлтирген,
Соьйлегенде эр эзетин келтирген,
Канекедей[13] аьруьвди,
Аны не эттинъ, Нурадын?
Толай майтак* иеси,
Тогыз ханнынъ кенжеси,
Токтамыс атлы атамды,
Аны не эттинъ, Нурадын?

Нурадын:

– Толгай-толгай[14] ювырган,
Ювырганда ер бавырын кувырган,
Томага коьзли торынъды
Олжа этип мингенмен.
Томагалы айбалтанъ,
Аш белиме илгенмен.
Аргавылдан коьшкен алты арбанъ,
Алтавы да тенъ арбанъ,
Тегин олжа эткенмен.
Каслы, каслы, каслы орда,
Он эки табан боз орда,
Босагасы болаттан,
Болатка алтын ялаткан,
Туьннигининъ иши камка, тысы кис,
Доьрт бавы да арайыс,
Ялкыннары ярма ока,
Тувырлыгы турма ока,
Ак эректинъ анасы,
Каска эректинъ баласы,
Ыдырынып ол айван,
Адым ерге тарта алмас,
Он эки табан каслы орданъ,
Со языдынъ бойында отка ягып кеткенмен.
Бир шегеси минъ кызылга битпеген,
Усталардынъ минъ шоькиши титпеген,
Ягасы алтын ак куьревкенъ
Тонав этип кийгенмен.
Коьргеннинъ коьзин оьлтирген,
Соьйлегенде эр эзетин келтирген
Канекедей аьруьвди
Катын этип алганман.
Толай майтак иеси,
Тогыз ханнынъ кенжеси,
Токтамыс атлы атанъды,
Суьйре аркадынъ басында,
Суьрип кувып еткенмен,
Басын сонда кескенмен,
Канжыгага* таксам калар деп,
Кисеме салсам киси алар деп,
Атама соьзим ялган шыгар деп,
Ак олага оратып,
Мойныма аьйкел* салып, келгенмен.
Кеселтек кара булытман,
Кенене явмай ашылман.
Боз агаштан бийикмен,
Булытка етпей шурт сынмам.
Куьлтиреп соккан ясынман,
Лавласам курар шыракман,
Ашувлансам шурт уьзилген болатман.
Яныма алпыс явлар иертип,
Нарт сайлаган мырзаман.
Кыйыны тийген батырга,

Кыйын коьрген пакырга,
Алапасын* артык берген мырзаман.
Атасын сормай ноьгер юритпем,
Асылын сорамай мал бермем.
Эдиге улы мен дирмен,
Сенинъ теким кызыл шашбав каннардынъ,
Кайсысыннан кем дирмен?!
Саным тувыл – мурнымнан
Быйда оьткерсенъ кайгырмам!
Узын огым, кенъ яйым
Туьспей туры колыма,
Узын огым, кенъ яйым
Туьсе калса колыма,
Кадирберди яс солтан,
Йиберер эдим мен сени,
Атанъ барган анавда,
Хан Токтамыс йолына! –

деп, бир сермеп, Кадирбердиди йыгады эм: «Хыянатшы* карт!» – деп, Кенжебайды урып оьлтиреди.

Солай этип, Нурадын аман-сав уьйине кайтады. Тек, баягы суьрелердинъ увы яйылып, бек авырады. Онынъ аврув заманында Кадирберди йылкысын урлатып айдатады. Оларды куваман деп Нурадын яйдак атка атланып шабады. Соннан сонъ, бутындагы яралары аскынып, кайталап аврады да оьледи.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Деп – в рукописи в том месте, где должны были быть слова приветствия Эдиге Токтамысу, имеется пропуск.
[2] Сабаннынъ – должно быть: «сабамнынъ». См. словарь.
[3] Кенжебай – переосмысленное сказителем «Кенъ Жанбай».
[4] Зат – вопрос «не зат ты?» может относиться к неодушевлённому предмету, спрашивая о человеке следовало бы сказать «ким ди?». Возможно, при переписке текста была допущена ошибка; см. ниже примечание к слову «затлы».
[5] Затлы – здесь и ниже по тексту в рукописи вопросы Токтамыса к присутствующим на пиру первоначально записаны как «не затлы?», но затем буква «l» переправлена на «t». Слово «затлы» использовалось в староногайском языке для обозначения социального происхождения или этнической принадлежности человека, и оно органично в настоящем контексте, ввиду чего оставляем первоначальное написание.
[6] Затлы – так в рукописи.
[7] Йолдасларына – исправлено, в рукописи: «йолдасларыннан».
[8] Мурадын – исправлено, в рукописи: «мурадын бермегир».
[9] Суьерсинъ – должно быть: «шуьерсинъ» – см. словарь.
[10] Суьермен – см. примечание к слову «суьерсинъ».
[11] Болат – исправлено, в рукописи: «булыт».
[12] Тогай – в рукописи сначала написано: «Толгай-толгай», но затем буквы «l» зачёркнуты.
[13] Канеке – имя начинается на твёрдое «къ».
[14] Толгай-толгай – так в рукописи; см. примечание к слову «тогай».

---

[1] Примечания Т. Джемакулова

Эдеге баьтир

Вариант Энвера и Недрет МАХМУТОВ

Печатается в переложении на современный ногайский язык по тексту:

Edege Batir / MAHMUT, Nedret ve Enver Mahmut. Bozcigit. // Dobruca Tatar Masalları. Birinci Kitap. Kriterion Kitap Uyi. – Bucuresti. – 1988. – P. 15–67.

Настоящий текст эпоса «Эдиге» записан у добруджинских ногайцев, проживающих в румынском городе Констанца и близлежащих ногайских аулах, известными учеными, докторами филологии Энвером Махмутом и его супругой Недрет Махмут. Они являются составителями серии фольклорных изданий, увидевших свет в Румынии. В них собраны тексты, записанные учеными в разное время, начиная с 1958 года, в Причерноморье.

Сборник «Бозжигит», кроме поэмы «Эдеге баьтир», включает и другие тексты ногайского фольклора («Айсыл улы Аьмет баьтир», «Аьдил-Солтан», «Бозжигит», «Козыкоьрпеш пен Баянсылу», «Эр Таргыл ман Юлдызхан» и др.)

Текст «Эдеге баьтир», записанный Махмутами, приводится в настоящем издании на кириллице, в переложении на современный ногайский литературный язык.

Уьйкен-Буьбуьл* – тувган коьйим*,
Докызбай дыр меним сойым.
Эгилсе* де бираз бойым,
Эксилсе* де бираз ойым,
Масалыма* йок тыр тойым.
Жетишкул[1] Ногай ишинде,
Жембойлык Ногай ишинде,
Жедисан Ногай ишинде,
Кабайыллар[2] ишинде,
Керилген Кериш* ишинде,
Кырылган Кырым ишинде,
Бузылган Бужак* ишинде,
Ак Доброжам* ишинде,
Айтувлыдыр меним сойым.
Анадан коьрип тон тиккен,

BOZCIGIT

Dobruca Tatar Masalları
Birinci kitap

Toplagan, kaytabaşlan anlatkan hem azırlegenler:
NEDRET MAHMUT
ENVER MAHMUT

KRITERION KITAP ÜYI
BUCUREŞTI, 1988

I. BATIRLIK MASSALARI

EDEGE BATIR

Üyken Bülbül tuwgan köyim,
Dokız Baydır menim soyım,
Egilse de biraz boyım,
Eksilse de biraz oyım,
Masalıma yoktır toyım.
Cetişkul Nogay işinde,
Cemboylık Nogay işinde,
Cedisan Nogay işinde,
Kabayıllar işinde,
Aytuwlıdır menim soyım.
Kerligen Kerlş işinde
Kırılgan Kırım işinde,
Bızılgan Bucak işinde,
Ak Dobroca'm işinde,
Aytuwlıdır menim soyım.
Anadan körip ton tikken,
Atadan körip ok congan,
Tandır otın söndirmegen,
Nogaylıkta eñ oñgan,
Dokız Baydır menim soyım.
Men kişkene ekende,
Akşam üstI ekende,
Armanga tora şapkanım,
Kartbabayga barganım,
Ekimiz birge tobanımñ,
İşine kirip catkanım,
Yıldızlarnı sayganım,
Tobandan aşa kayganım,
Kartbabay koynına alganın,
Maga masal aytkanın,
Ondan men de kapkanım,
Mina sizge aytkanım.

Zaman zaman ekende, kalbır saman ekende, taş tegenek ekende, ağaş şelek ekende. Tawşa tart pitkende, tarsıldatıp organda, buzga biyday pitkende, pırsıldatıp organda. Karlıgaş kadı ekende, şoşamiy torgay cadı ekende, kamırskalar koy bolıp, kumda otlap cürgende, ölgen atlar tirilip, koşıda şabıp cürgende, kart analar caş bolıp, koca karap cürgende. Kızlar kazık ekende, caşlarga yazık ekende, kara suwlar kaynaşıp, kaynap, köpirip turganda, ölgen kuşlar uşuşup, kanat kagıp turganda. . .

Kişkene bir köyde bek dindar hem bek supı bir şeih yaşagan. Bo köyde camî bolmaganı üşin, bo şeih her cuma namazın komşı Saray camisine barıp kıla eken. Künlerniñ birinde, bo şeih hep şonday cuma namazından soñ, yawaş yawaş köyine kaytıp keliyatırganda, colda bir kurı başnıñ bim-biyaz bolıp tıgırıp turganın köre. İyilip başnı kolına ala da onı tögerekliy aylandırıp teşkermege başlay. Bir de karasa, ne körsiñ? Şo başnıñ mañnayında: „Saw künlinde binbir kişiniñ başın aşadım. Bo alim men bonday bolsam da kırk kişiniñ başın taa aşarman!" dep yazılganın köre. Şeih eseñgirep, başnı cerge sala da: „Seniñ aşaycagıñ geşken endi "dep ayagı man oga bir tepme ata. Baş tıgırıp colnıñ kenarındakı endekke tüşe. Tüşe, ama şeih bir türli bolıp kete. Başnıñ mañnayındakı yazı akılından, közinîñ aldından ketmiy. „Bir de bo baş bir felâket ketirse!?" dep öz başına tüşinip taşınmaga başlay. Sora, colnıñ kenarından birkaş koray, şırpı culkıp ala da ot tutaştırıp anaw başnı alıp, şo otnıñ işine ata. Baş büs bütin canıp, ap ak bir kül bolıp kala. Şeih bo külni körip, gene közinîñ aldına anaw yazını ketire. Tüşine taşına, bo külni katmesin bilmiy: „Bo külni mında taşlasam, cel esip, uşırıp alıp, otlaktakı otka cawsa, kırk aywan şo otnı otlap öllir. Eger suwga tüşse, bo suwdan kırk can suw işer, gene öllir, şonday etip bo başnıñ degeni bolır" diy de cebinden cawlıgın şıgarıp, külni işine totıra. Sora, bo cawlıkını arüw etip tüye de cebine salıp, colına dewam etip üyine kaytıp kele.

Bo şeihniñ üyinde de b rden bir kızından başka bir kimsesi yok eken. Bo kız da bek akıllı, bek tabiyatlı, bek namuslı hem bek te şaylı güzel bir kız eken. Babasın karap, üy kızmetleri men ograşmaktan başka b'rşiyden kaberi yok eken. Babası cuma namazına şıgıp ketkende, kapını işerden kirtliy, babası

Атадан коьрип ок жонган,
Тандыр отын соьндирмеген,
Ногайлыкта энъ онъган,
Докызбай дыр меним сойым.
Мен кишкене экенде,
Акшам* уьсти экенде,
Арманга* тора[3] шапканым[4],
Картбабайга* барганым,
Экимиз бирге тобаннынъ
Ишине кирип жатканым,
Йылдызларды* сайганым,
Тобандан аша кайганым[5].
Картбабай койнына алганын,
Мага масал айтканын,
Ондан мен де капканым[6],
Мына сизге айтканым.

Заман, заман экенде, калбыр заман экенде, таш тегенек экенде, агаш шелек экенде. Тавга тары питкенде, тарсылдатып органда, бузга бийдай питкенде, пырсылдатып органда. Карлыгаш кады экенде, шошамий* торгай жады* экенде, кымырскалар кой болып, кумда отлап жуьргенде, оьлген атлар тирилип, кошыда* шабып жуьргенде, карт аналар жаш болып, кожа* карап жуьргенде. Кызлар казык экенде, жашларга язык[7] экенде, кара сувлар кайнашып, кайнап, коьпирип турганда, оьлген кушлар ушушуп, канат кагып турганда...*

Кишкене бир коьйде бек диндар хем бек супы* бир шейих яшаган. Бо* коьйде жамий* болмаганы уьшин, бо шейих хер жума намазын комшы* Сарай жамисине барып кыла экен. Куьнлернинъ биринде, бо шейих хеп шондай жума намазынданъ сонъ, яваш-яваш* коьйине кайтып келиятырганда, жолда бир куры башынынъ бимбияз* болып тыгырып турганын коьре. Ийилип башны колына ала да, оны, тоьгереклий айландырып, тешкермеге башлай. Бир де караса, не коьрсин?*

Шо башнынъ манънайында: «Сав куьнимде бин[8] бир кишининъ башын ашадым. Бо аьлим мен, бондай болсам да, кырк кишининъ башын таа ашарман!» – деп язылганын коьре. Шейих эсенъгирап, башны жерге сала да: «Сенинъ ашайжагынъ гешкен энди», – деп, аягы ман ога бир тепме ата. Баш тыгырып жолнынъ кенарындакы* эндекке туьше. Туьше, ама шейих бир туьрли болып кете. Башнынъ манънайындакы язы* акылындан, коьзининъ алдындан кетмий. «Бир де бо баш бир фелаькет* кетирсе?!» – деп, оьз башына туьшинип[9] ташынмага башлай. Сора, жолнынъ кенарындан биркаш* корай*, шырпы жулкып ала да, от туташтырып анав башны алып, шо отнынъ ишине ата. Баш буьс-буьтин[10] жанып, ап-ак бир куьл болып кала.*

Шейих бо куьлни коьрип, гене коьзининъ алдына анав языны кетире. Туьшине ташына, бо куьлни катмесин[11] билмий: «Бо куьлни мында ташласам, жел эсип, ушырып алып, отлактакы отка жавса, кырк айван шо отны отлап оьлир. Эгер сувга туьшсе, бо сувдан кырк жан сув ишер, гене оьлир, шондай этип бо башны дегени болыр» – дий де, жебинден* жавлыгын шыгарып, куьлни ишине тотыра. Сора, бо жавлыкны аьруьв этип туье де, жебине салып, жолына девам* этип уьйине кайтып келе.*

Бу шейхтинъ уьйинде сынъар бир кызыннан баска биреви де йок экен. Ол да бек акыллы, бек табиатлы, бек намыслы эм бек те гоьзел бир кыз экен. Атасын карап, уьй ислери мен каьр шеккеннен баска биршийден де хабары йок экен. Атасы юма намазына шыгып кеткенде, капыды ишиннен киртлейди, атасы кайтып келгенде де: «Аш капыды, кызым, мен келдим!» – дегенинше, кыз биревге де капыды ашпайды экен.

Муна йол болса, шейх уьйге кайтканда, кызына бакыраяктан алдын, кисесиннен анав туьйинли явлыкты шыгарады да шашаклыкка* кыстырады. Кызы да терезединъ бир муьйисиннен соны коьре калады. Атасы уьйге киргенде, оннан шашаклык арасына незат кыстырганын сорамага суьйсе де, базнасы оьтпей, оьзи-оьзине: «Кой, келеек юмада, атам юма намазына кетсе, мен онынъ не экенин билермен», – деп, кызыксынувын тыяды.

Биринши юма мутады, экинши юма мутады, уьшинши юма, атасы уьйден шыгып кеткени мен, кыз шашаклыктан туьйилген явлыкты алады да, шешип карайды. Ишинде бир ак тоздан* баска бирший де йок. «Бу не экен?» – деп, ийискилеп карайды – ийиси йок, ялап карайды – даьми йок. Сонъ, явлыкты туьйип, шашаклыктан алган ерине кайтара кыстырып салады.

Сол куьннен сонъ алты ай озады. Кыз авыраяклы болады. Куьнлердинъ биринде атасы оны сезеди. Дертиннен янып-куьйип юреди. Бир куьн юма намазыннан шыккан сонъ, яны тарсыгып, оьзининъ дертин ямагатка анълатады. Соьзден соьз шыгып, шейхтинъ кызынынъ аьли акында хабар Токтамыш ханга барып етеди. Хан аксакалларды йыйып:

– Сиз не дейсиз? Бу кызды кайтейик? – деп, картлардан сорайды.

Картлар кенъесип, бир карар алаяк боладылар. Аьр кими ызлы-ызыннан соьз алып, оьз ойларын айтадылар.

– Меним ойымша, бу кыз намыссызлык эткен. Оннан коьргенди баскалар да этпеге боларлар. Онынъ уьшин бу кызды аскакка аспага керек, – дейди бир карт.

Оннан сонъ, бир талайы: «аспага!», бир талайы да: «соймага!» – деп оьким бередилер. Аксакаллар, биреви: «аспага», биреви: «соймага!» деп, эрисип олтырганда, араларына бир яс йигит келип киреди де, соьзлерин шорт боьлип:

– Асыкпанъыз, ак сакаллы атайлар. Баслап кыздынъ оьзиннен не болганын сорайык. Белки, ол оьзине не болганын анълатар. Оьзиннен сорамай карар алув – куьна. Эртен оькинмеге болаякпыз эм кыздынъ юзи, биз кабырга киргенше, коьзимиздинъ алдыннан кетпес, – дейди.

– Алай десенъ, кардашым, оьзинъ мен тагы да эки аьдем ал да, барып кыздынъ оьзиннен сорап кара. Оннан кайтып келген сонъ, бир карар алармыз, – дейдилер картлар.

Соьлеги йигит Токтамыш ханнынъ энъ акыллы немерелерининъ* бириси экен. Суьйтип, бу йигит оьзи мен эки киси алып, кыздынъ капысына келеди де:

– Карындасым, сенинъ атанъ сага шикаьетши*. Сенинъ шуьшинъ бар болса, айт: не болды, кайтип болды? – деп сорайды.

Кыз оьксип-оьксип йылайды да, коьзясларын оьзининъ айдай гоьзел юзиннен агыстып, сондай-сондай болды деп, анълатып баслайды:

– Яным акам, бу ясыма келип, мен бирев мен де коьрисип, бирев мен де соьйлегеним йок. Мен куьннинъ каерден тувып шыгатаганын да билмеймен.

Атам бир юма намазыннан кайтып келгенде, шашаклыкка бир туйиншик кыстырган эди. Мен де оны коьре калдым. Кызыксындым. Оннан сонъ, атам бир юма намазына кеткенде, шашаклыктан сол туйиншикти алдым: ийискилеп карадым – ийиси йок, ялап карадым – даьми йок, ап-ак тоздай бирзат. Эште, сол куьннен сонъ, мен оьзимди баска туьрли сезип басладым. Мага не болса да соннан сонъ болды. Бу баьле сол тоздан келди, – дейди.

Булар кызга бирший де айтпай, саклап олтырган аксакалларга кайтып келип, кыздынъ анълатканын айтып, онынъ шуьшсиз экенин билдиредилер, ама аксакаллардынъ баьриси де бир авыздан Токтамыш ханга карап айтадылар:

– Биз бу ясымызга келип, мундай заттынъ болганын не коьрмегенмиз, не де эситпегенмиз. Кыздынъ айтканы – ойдырма*, ший ялган.

Шейх те бу истинъ сонъысы незат болаятырганын анълап, ялбарып, кыздынъ авыраяклы болувы йолдан тапкан такадан экенлигин айтса да, аксакаллар ыйнанмайдылар. «Кызды я асайык, я сояйык!» – деп, тирелип турадылар.

Сол вакытта кызды сорастырып келген яс, онынъ шуьшсиз экенин билип, кызды оьлим язасыннан куткармак уьшин:

– Эй, ак сакаллы картлар, ызын берсенъиз, кызды мен алал этип алайым. Тек сиз ога тийменизъ, – деп айтады.

– Олай болса, не кыз, не атасы, не де сен меним элимде артык кала алмассынъыз. Эртеннен калмай, уьшевинъиз де кетпеге керексинъиз! – деп, карар алады Токтамыш хан.

Соннан сонъ йигит, кызга уьйленуьв уьшин шейхтен разылык тилейди. Карт разы болып, экеви де бирге кызга кайтып келедилер де йолга аьзирленмеге кереклигин айтадылар.

Эртенгиси куьн, танъ ман турып, яс йигит шейх пен кызды арбага олтыртып, оьзи де атка атланып, йолга шыгадылар. Барадылар, барадылар, аксам туьсип кас каралганда, арып талганнан, бир каялыктай таслыклы ерге барып ерлеседилер. Онынъ бир шетине шатырларын курып, аксам асларын ашап болган сонъ, картлыгыннан ма, кайгысыннан ма, йолдан арыганнан ма, ким билсин, белки булардынъ баьрисиннен де бирге, карт шейх бирден авырыйды. Шейх кызы ман йигитти касына шакырады да:

– Эй, балаларым! Меним аьжелим янасты энди. Коьп узакламай, мен сизди калдырып кетеекпен, – дейди. Оннан сонъ йигитке айланып:

– Сенинъ бек инсаниетли* эм юрекли яс экенинъди анъладым. Кызымды сага аманат этемен. Тезден ол бир ул табаяк. Сен экевине де бас-коьз боларсынъ, – дейди. Сонъ, койнынан бир кабал* шыгарып, яска узатады, – Мине бу кабалды сага тапшыраман. Янынъ тарсыкканда* сосы кабалды шаларсынъ да коьнъилинъ ашылар. Ол вакытта мен сенинъ коьз алдынъа келермен. Кезеги келгенде, бу кабалды сен де туваяк йиениме тапшырарсынъ, – дейди де янын береди.

Эртенгиси куьн, танъ атаяктан алдын турып, яс пан кыз карт шейхтинъ суьегин сол каялыктынъ бир муьйисине аькетип коьмедилер. Бир заманнан, шатырларына кайтып келген сонъ, бирден буьтин каялык ярыкланып, айдынланып* кетеди де, каялыктынъ ишиннен бир куйрыклы юлдыз коькке коьтерилип, Каьбе Йолына* барып токтайды. Яс кызга карап:

– Сенинъ атанъ бир аьвлие* экен. Сонынъ уьшин онынъ яны, юлдыздай ушып кетип, Каьбе Йолына барып конды, – дейди.

Муны эситкен кыз бирден: «Ах!» – дейди де, сол ерде бир ул бала табады. Бу бала тувганда, каялык арасында яшаган савлай куслар, курт-кумырскалар онынъ тувганын саламлагандай болып, баьриси бирден шувылдасып, оьзлерининъ ярасык сеслери ман каялыкты янъырдатадылар.

Бу балады, каялык арасында тувганы уьшин, Кутлыкая деп атайдылар. Анав йигит те оны: «Каялыкта тувган кутлы улым!» – деп, бек суьеди экен. Уьш куьн сол ерде калып, сонъ яне йолга шыгадылар.

Барадылар, барадылар, элдинъ шетиндеги бир авылга келедилер. Бу авылда Кутлыкаядынъ анасы ман атасы, кешелерин куьндиз этип, бирге ислеп, оьмир суьрип баслайдылар. Экеви де бек шалыскыр болганлары уьшин ырызкылары артады. Булардынъ куьннен-куьнге мал-тувары коьбееди, бек байып кетедилер. Уллары Кутлыкая да оьсип, мазаллы эм бек ярасык йигит болады. Он сегиз ясына келгенде, оны аьскерге шакыртадылар. Аьскерге кетеек куьн, атасынынъ эсине туьсип, оьзине берилген анав кабалды Кутлыкаяга узатып:

– Улым, бу кабалды мага сенинъ карт атанъ берген эди. «Янынъ тарсыкканда оны шаларсынъ, коьнъилинъ ашылар», – деп айткан эди. Энди сен узакка кетеятырсынъ. Аьскерде, бизди сагынып янынъ тарсыкканда, сосы кабалды шаларсынъ, коьнъилинъ ашылар, – деп айтады.

Аьскерде Кутлыкая аьр не затта да усталыгын коьрсетеди. Куьрескенде тутканын ерге сыпырып таслайды, огын ийнединъ коьзиндей тесиктен оьткереди, ат пан шапканда еллерди озып, биринши болып шыгады. Анъга шыгып кабалын шалып басласа, эсип турган еллер тынадылар, коькте ушып юрген яде сарнап олтырган савлай куслар токтап, тынып, онынъ кабалынынъ сесин тынълайдылар.

Авыз авыздан, кулак кулактан, Кутлыкаядынъ аты буьтин ханлыкка яйылып, Токтамыш ханнынъ кулагына да етеди. Онынъ да оьзге биревде де болмаган, бириси атаман, бириси ана, эки лашын кусы бар экен. Токтамыш, баска ханлар ман йыйылып, анъшыламага барса, бу кусларды алады экен. «Бу кусларга бирзат болса: ушып кетип кери кайтпай йок болсалар яде оьлип кетселер, кайтер экенмен?» – деп ойланып, Токтамыш хан, кешелерде уйкысын боьлип, рахат уйклай алмайды экен. Сонынъ уьшин ол, аьскерден Кутлыкаяды сарайына шакыртып, оны оьзининъ кусшысы этип беркитип, айтады:

– Кутлыкая! Сен меним сосы кусларымды карап, оларга бас-коьз бол. Олар не уьшин юмырткалап бала шыгармайды экенлер?

Кутлыкая да, разы болып, лашын кусларды карап баслайды. Аксамлар ман кабалын шыгарып шалып баслаганда, куслар да бир бириси мен суьйисип, шыйылдасадылар экен. Куьнлердинъ биринде ана лашын юмырткалайды, эртенгиси куьн тагы да бир юмырткалайды. Муны коьрген Токтамыш хан бек куванып:

– Кутлыкая, улым! Бу юмырткаларды аьруьв кара да ана лашыннынъ астына сал, бала шыгарсын, йынысы* йок болмасын! Мундай лашын куслар Темир ханда да йок! – деп айтады.

Кутлыкая да:

– Бек аьруьв, сыйлы ханым! – дейди де, Токтамыш ханнынъ айтканындай этип, ана лашыннынъ астына юмырткаларды салып, оны ийги карап баслайды.

Куьнлердинъ биринде Темир хан Токтамыш ханга бир элши йибереди: – Бар, Токтамыш ханга меним саламымды айт, лашын кусларынынъ бирисин мага берсин! – дейди ога.

Элши Токтамыш ханга келип, Темир ханнынъ саламын айтып, тилегин еткереди. Токтамыш хан да бермейди, элшиди бос колы ман кайтарып йибереди. Оннан сонъ Темир хан яне элшисин йибереди. Эш болмаса, сол лашын кусларынынъ бир юмырткасын берсин, деп. Токтамыш хан разы болмай, яне Темир ханнынъ элшисин бос колы ман кайтарып йибереди. Муны эситкен Темир хан не этеегин билмей, ойлана-ойлана, оьзининъ энъ якын бир ваьзириннен: «Бу лашын кусты биз кайтип алар экенмиз?» – деп сорайды. Ваьзир де Темир ханга карап:

– Токтамыш ханнынъ Кутлыкая атлы бир кусшысы бар. Лашын кусларды ол карайды, ол юмырткалатады, ол бала шыгартады. Сен Кутлыкая бийге аьдеминъди йибер. Ол, белки, лашын кустынъ бир юмырткасын ясырып алып, сага йиберер, – деп кенъес береди.

Темир хан да суьйтип этти. Куьнлердинъ биринде, не зат айтаягын, не зат этеегин уьйретип, аьдемин Кутлыкаяга йибереди. Сол аьдем Кутлыкаяга ясыртын келип:

– Темир ханнан сага салам бар! Сеннен лашын кустынъ бир юмырткасын тилейди. Берсенъ, бек аьруьв этер эдинъ, неге десе, заманы келсе, онынъ сага коьп ярдамы тиер, – деп айтады. Муны эситкен Кутлыкая, Темир ханнынъ аьдемине карап:

– Олай болса, сен коьлге бар да бийдайык* кустынъ эки юмырткасын алып кел, – дейди.

Анав киси де коьлге кетеди эм, бир заманнан, бийдайык кустынъ эки юмырткасын тавып аькеледи. Тап сол вакытта лашын кус уяда бала шыгармага яткан экен. Кутлыкая лашын кустынъ астыннан эки юмырткады алады да:

– Ал, аьше, бу лашын кустынъ юмырткаларын. Ама сак бол, биревге де айтпа, – деп, эки бийдайык юмырткасын лашын кустынъ астына салады.

– Бу юмырткалаларды кайтип аькетейим экен? – деп сорайды Темир ханнынъ элшиси.

– Мамыкка орап, зембилге* саларсынъ да шайкай-шайкай аькетерсинъ, – дейди ога Кутлыкая, – Сен Темир бийге еткенше, олар шатлап, ишлериннен балапан болып шыгарлар. Кайтип оьстиреегин Темир хан оьзи биледи.

Анав киси, Кутлыкая айткандай этип, юмырткаларды мамыкка орап, зембилге салып, шайкай-шайкай аькетеди. Йолда зембилдеги юмырткалардан балапанлар шыгадылар. Оларды коьрип, Темир хан кувганнан не этеегин билмейди.

Вакыты етип, Токтамыш ханнынъ лашыны да бала шыгарады. Хан кусшысы Кутлыкаяга келеди де:

– Кайтедилер бизим куслар? Лашын кус балаларын шыгардыма? – деп сорайды.

– Хан аьфендим*, – дейди Кутлыкая, – лашыннынъ аьли биткен энди: картайган язык. Быйыл онынъ балалары бийдайыктынъ балаларына усайдылар, – деп айтады.

Бир йылдан сонъ Кутлыкая лашын кустынъ балаларын Токтамыш ханга аькетеди. Хан кусларды алып анъшыламага шыгады. Бийдайыкларды авага йибереди, ама олар кус авламайдылар, карамайдылар кусларга. Тамам сол ерде Токтамыш хан, колына эки лашын тутып, анъшылап юрген Темир ханды коьреди. Сасып калады. Эсин йыйып бираз ойланады да болган затлардынъ маьнесин анълайды. Сарайга кайтып Кутлыкаяды шакыртады эм ога катырып айтады:

– Сен лашын куска бирший эткенсинъ, – дейди. – Темир хан коьптен бери меннен лашын кустынъ юмырткасын тилейтаган эди, мен бермедим. Олай болганда, сеннен тиледи эм лашыннынъ эки юмырткасын сен ога бердинъ. Оннан сонъ сен лашыннынъ астына бийдайыктынъ юмырткаларын салдынъ. Мен анъга барып бийдайыкларды шуьйгенде* олар кус авламадылар, баска якка ушып кеттилер.

Бу шуьши уьшин хан оьзининъ кусшысы Кутлыкаяды язалап, басын кесеек болады. Ама онынъ акылзаделери* ханга келип:

– Оьзинънинъ шырагынъды оьзинъ соьндирме, ханым! Кутлыкаяды оьлтирме. Сен оны элинънен кув! Сенинъ топырагынъда турмасын, басын алып кетсин кайда кетсе де, – деп кенъес бередилер.

Соннан сонъ, Токтамыш хан Кутлыкаяды шакырып:

– Меним топырагымда ызынъды коьрмейим. Эгер меним элимде калганынъды эситсем, сени парам-парша этип кесермен! – деп, кувып йибереди.

Кутлыкая бу соьзлерди эситкен сонъ, басын алып шыгып кетеди. Бара-бара Темир хан ман Токтамыш ханнынъ ерлерининъ япсарларына етеди. Мунда токтайды да оьзи оьзине булай дейди:

– Ай, анасын! Бек кыйын аьлге туьстим, кайтейим экен? Темир ханга барсам, ога не деп айтарман? «Мен сага эки юмыртка бергеним уьшин Токтамыш хан мени кувды. Сен мага бир тилим оьтпек бер», – деп кайтип айтайым? Бек те уьйкен уят. Мунавы Токтамыштынъ ери, анав ягы да Темир хандыкы; эки якка да бармай, мине сосы мажада олтырайым! – дейди де, шатырын мажа бойына салып, сол ерде яшап калады.

Куьн сайын эртенъликте Кутлыкая анъга шыгып кетеди, аксамга дери анъшылап, куьнине бир кус тутып, шатырына кайтып келеди. Кусты тазалап писирип ашайды. Эне сондай этип, куьн коьрип оьмир суьреди. Йыллар озадылар, Кутлыкаядынъ ата-анасы оьлип, малларын Токтамыш хан алады.

Куьнлердинъ биринде Кутлыкая, аьдетинше, бир кара тавга анъшыламага кетеди. Сав куьн юреди, бир зат та алдына шыкпайды. Кас каралып, кара тавдынъ ишинде куьн батып, каранъалык бийлеп алганын да эслемей калады. Тавдан шыккандай йолды карап юргенде, бирден «Мррр!» деп мырылдап, онынъ карсысында бир кийик мысык пейда* болады. Кутлыкая колындагы яйыннан огын тартып, кийик мысыкты коьзлеп атпага аьзирленгенде, сол мысык бирден силкинип кетеди де, юзи айдынъ он доьртиндей, авызы оймактай, эки касы янъы тувган айдай, коьзлери эки коьгилдим мойшактай, басындагы кара оьрме шашлары ерге тийген, дени тынык* сувда юзген ап-ак кувдай бир гоьзел кызга айланып кетеди. Кутлыкая эсин йойып, сол ерде бу кызга ашык болады. Кыз да тили ашылып:

– Эй, йигит. Тийме мага. Мени алал этип алсанъ, мен сага куллык этермен, – дейди.

– Аларман, – дейди куванып Кутлыкая.

– Тек меним сага эки шартым бар, тынъла! – дейди кыз, – Биринши: сен уьйге кайтып келгенде тыстан сес берип келерсинъ. Экинши: мен уьйден шыгып кеткенде, меним артымнан барып, мени анъылмассынъ. Эгер де сен уьйге сес бермей келсенъ яде артымнан барып карасанъ, соны бил: оннан сонъ мен сага йокпан, сен де мага йоксынъ! – дейди.

Кутлыкая, кыздынъ шартларына разы болып, оны алал этип алады. Экеви бирге куьн коьрип, яшап баслайдылар. Кутлыкая аьр куьн, эртенъликте турып анъга кетеди, аксам уьстинде, эки кус авлап кайтып келеди. Бийкеси кусларды тазалап кувырады, оларды бирге ашап яшайдылар. Суьйтип юмалар, айлар, йыллар сувдай агып кетедилер. Заман озады, ама буларда аьвлет болмайды. Кутлыкая оьзи де куьннен-куьнге картайып, куьш-куватын йойып, эсейген сайын терен ойларга коьмиле береди.

Куьнлердинъ биринде, Кутлыкая, алдынгындай, анъга шыгып кетеди. Бир заманнан арып, тыншаймага олтырады эм, яне ойлы болып, койныннан кабалын шыгарып шалып баслайды. Кабалынынъ сеси тып-тынык болып турган тавлардынъ арасыннан толкынласып коькке коьтериледи. Бир заманнан Кутлыкая кабалын янына салып ойларына коьмиледи. Бирден тав ишиннен шыккан аьжейип бир инсан давысы эситиледи. Сол давыс аз-аздан куьшейип, «зув, зув!» этип Кутлыкаядынъ кулакларына етип янъырайды да, булай деп айтады:

– Эхе-хе-хе-е-ей! Кутлыкая! Сеннен уста атта шапкан йок эди. Атысканда огынъды ийнединъ коьзиннен оьткеретаган йигит эдинъ. Коьзлеринъ сенинъ, якут* тасларындай, коьп-коьмек эдилер. Явырынынъ яйдай, белинъ тал шыбыктай эди. Сени ялгызлык йыгар, меним айтканымды аьруьв этип тынъла: сенинъ алал этип алган хатынынъ кыскаяклы тувыл – ол обыр кызы, албаслы! Аьр кеше сайын, сен каты уйклаганда, ол сенинъ канынъды сорып, сени вакытсыз-замансыз картайтады. Коьзинъди аш – ол канынъды сорып, сени оьлтиреек болады! Оннан кутылув уьшин тек бир амал бар. Эртенъликте, танъ атар-атпас, хатынынъ таьтли уйклаган шакта, оьзине сездирмей, сен онынъ шашларын юлкып ал да отка таслап як! Олай этпесенъ, сен коьп узакламай оьлеексинъ!

Айтаягын айтып кутылган сонъ, давыс «зынъ, зынъ» этип, акырын-акырын Кутлыкаядан эрек кете берип, тав ишине синъди.

Кутлыкая аксамда уьйине кайтып келеди де, эртенъликте, танънан алдын таьтли уйкысын боьлип турады, давыс айткандай этип, хатынынынъ шашларын юлкып алады да отка таслайды. Шаш лавылдап янып, бир туьйир куьл болып калады. Соннан сонъ Кутлыкаядынъ албаслы хатыны авырып баслайды. Яздынъ ялпак куьнинде ол, юкли болып, шырайы-сыпаты бузылады. Кутлыкая болса керисинше, куьннен-куьнге алдынгы кебине келеди, туьзеледи, яслык заманындагы куваты, шырайы кайтып баслайды.

Албаслы хатынынынъ шашлары отка янган сонъ, ол Кутлыкаядынъ канын сорып болмайды. Куьнлердинъ биринде ол:

– Мен, конъысы авылга барып, оьзимди каратайым. Сен, берген соьзинъде турып, меним артымнан барып олтырма, мага карама! – дейди де, эриннен ызын алып, уьйден шыгып кетеди.

Кутлыкая колына кабалын алады, ойларга коьмилип, шалып баслайды. Сол заманда, тавдагындай болып, тоьгерек як тып-тынык болады, тек кабалдынъ сеси толкынласын коькке коьтериледи. Кабалды шалып кутылган сонъ бираздан, яне баягы аьжейип инсан давысы, Кутлыкаядынъ кулакларына келип, янъырап баслайды.

– Эхе-хе-хе-е-ей! Кутлыкая! Яслыгынъда айтувлы йигит эдинъ. Шабысканда елди озган, согысканда сув токтаткан, рас келгенде Азрайылдан сорав алган эр эдинъ сен. Боранлы болды яз куьнинъ, хайранлы оьтти яс куьнинъ! Эгер йигит болсанъ, басынъа баьле келтирмеек болсанъ, тынъла: буьгуьн сенинъ хатынынъ бир ул табаяк. Улынъды куткармасанъ, сага яшав йок, яшав йок… яшав йок!... – деп, давыс яне акырын-акырын эрекке кетип, ерге-коькке синъди.

Кутлыкая ушып турагалып, хатынынынъ артыннан анъылып кетеди. Албаслы да артына-алдына карамай, бир йыранактан* туп-тувра каранъа кара орманнынъ калынлыгына кирип кетеди. Онынъ артыннан Кутлыкая да киреди. Киреди, ама албаслы хатыны йок болады. Анав якка карап, мунав якка карап, ювырып юргеннен тамам арып талганда, шорылдап аккан сувдынъ сесин эситеди. Ога кулак салып, барып бир шокыракка етеди. Сол шокыракты бойлап барса, адаспай йол табаягын эм де, элбетте, аьдем яшайтаган бир ерге шыгаягын билип, Кутлыкая алдыга барады. Азба, коьппе барады, бир заманнан, бирден, опырамага турган бир ямпик агаш уьйге шыгады. Кутлыкая сол уьйге етер-етпес, онынъ эсиги ашылып, ишиннен, октай атылып, баягы кийик мысык шыгады: тавда адасып юргенде алдына шыгатаган кийик мысык. Кутлыкаядынъ мыйында каны уйысып, аяклары-коллары калтырап, шашлары тип-тик турып, тили танълайына ябысып кетеди. Кутлыкая, ийманын уьйирип, колына кабалын алады да, ога бираз уьпирип, уьйге киреди.

Кирсе – коьзлери не коьрсин? Уьйдинъ тоьринде, кийиз тоьсевли бир ерде хатынынынъ кийимлери туры, олардынъ уьстинде янъы тувган бала куьбиннен шыгалмай тырпанълап ятыр. Кутлыкая балады куьбиннен шыгарып хатынынынъ энтаьрисине* орайды, сонъ коьтерип алады да, бавырына басып, уьйдинъ ишиннен хатынын излеп баслайды.

Излей-излей, коьппе, азба заман озады, бир заманнан, коьк гуьрилдеп, тарс этип ярылады. Ер шайкалып, уьй силкинеди. Эсик урылып ашылады эм уьйге баягы кийик мысык киреди. Кутлыкаядынъ каны яне уйыскандай болып, авызы курып, тили танълайына ябысады. Сол вакытта Кутлыкая, эсин йыйып, бираз кабалына уьпирген сонъ, булай толгайды:

– Эй, карыскыр кара дуныя, кара куьн,
Не уьшин, кара булыттай, кара ерди каплайсынъ?
Не уьшин дуныя энгенде, биздейлерди сайлайсынъ?
Ак Таьнърим берген ак улымды карарман да акларман,
Атамнан калган аьдетти, яным шыкса да, сакларман, –

дейди де, яне кабалын алып шалып баслайды. Кийик мысык та онынъ сесин тынълап, кыбырдамай, коьзлерин акыйтып, тислерин ыржайтып, аркасын буькирейтип, алды аяклары ман ерди тырнап турды да, сонъ коьзясларын агыстып, аьлиннен тайып, карувы кетип, тымалап ерге йыгылды. Кабалдынъ сеси тынганы ман аьдем тилинде айтады:

– Савлай дуныяда айтувлы йигитлердинъ йигити,
Сенде аьли савыт йок, сенде энди карув йок,
Карт кевдели, карт Кутлыкая,
Колынъдагы бала мага бек керек, сат мага.
Ыргатынъ болып ислермен, айтканынъды этермен,
Керек болса, ув берсенъ де, эш карамай ишермен.
Озып кеткен яс оьмиринъди кайтарарман артына,
Эсейип кеткен яс денинъди эндирермен мен сага…

– деп, ялбарып, Кутлыкаядан балады тилейди.

Кутлыкая, колындагы балады тасламай, кийик мысыкка карап, толгайды:

– Коьп яшадым дуныяда,
Яшаганнан не пайда?
Коьп кыдырдым кырларды,
Кыдырганнан не пайда?
Бек коьплерди куванттым,
Йылатпадым эш кимди.
Немге керек мага куват?
Немге керек мага савыт?
Керек тувыл оьмирлик
Меним кара басыма.
Керек тувыл яслыгым да
Ойсыз юрген куьнлер мага.
Коьлде юзген конъыр каз
Кыр кадирин билерме?
Кырда юрген боьдене
Коьл кадирин билеме?
Аьйлежип айткан соьзинъ
Керек тувыл сенинъ мага.
Ер ярылып ерге батсам да,
Баламды бермен мен сага!

Сондай соьзлерди эситкен сонъ, кийик мысык, безгектей калтырап, табага куйылган тарыдай шашырап, хатынга айланады. Кутлыкая караса – не коьрсин? Онынъ алдында эки колын созып, тиленип, оьзининъ бийкеси туры экен. Ол Кутлыкаяга карап:

– Оьлеятырман, инсан баласы. Сен, эпке келмеген, бек яман куьшли киси экенсинъ. Мен сенинъ баланъды ашаяк эдим. Эгер оны ашаган болсам, меним отта янган шашларым кайтарадан ерине оьсеек эдилер. Кайтейим энди? Сен мени енъдинъ. Ама бизим куьрес-кавгамыз аьли де алдыда. Сеннен тувган тувдыклар кыска тамырлы болсынлар! Бу дуныяда оькинишли юрсинлер! Ер астына, кабырга киргенде де, сени мутып, мени карап юрсинлер! – деп каргап, оьлип кетеди.

Оннан сонъ, Кутлыкая, баласын бавырына басып, кара орманнан шыгып, узак йолларды калдырып, аякларын талдырып, оьзининъ уьйине кайтып келеди. Сонъ, бир кийик эшки тавып, оны савып, баласын асырап баслайды.

Сол куьнлерде, анъшылап юрген Кемалдынъ улы Янбай Кутлыкаяды коьре калады. Бу Янбай да бек питнеши бир киси экен. Онынъ тили карлыгаштынъ куйрыгындай. Сенинъ юрегинъдегин мага, меним юрегимдегин сага айта турган эки юзли бирев. Янбай Токтамыш ханга барып:

– Сен Кутлыкаяды элинънен кувып йибердинъ, ама ол, сени тынъламай, сенинъ еринънинъ шетинде ерлескен. Онынъ бийкеси мен баласы бар, биревге де эйвалла* этпейди, анъшылап юреди, – деп айтады.

Муны эситкен Токтамыш хан оьзининъ кырк саклавын шакырып:

– Тез барып, Кутлыкаяды сойынъыз, хатынын да, баласын да сойынъыз, такка коьз салаяк тукымы калмасын! – деп буйрык береди.

Муны эситкен Янбай, шалт болып, саклавлар кетпей турып, Кутлыкаяга барады да:

– Токтамыш хан сени аьелинъ мен бирге оьлтирмеге кырк саклавын йиберди. Куткар оьзинъди де, аьелинъди де! – дейди де, атын шаптырып, йок болып кетеди.

Кутлыкая, «эш болмаганда баламды куткарайым!» деп, эки-уьш куьнлик баласын кушаклап алып, бавырына басып, уьйиннен шыгып, тавларга кетеди. Ана якка карайды, муна якка карайды, баласын ясырып саклагандай ер табалмайды. Бир заманнан Токтамыш ханнынъ атлы саклавларынынъ келеятырганларын коьрип, бавырына басып турган баласын оьвип, бир теректинъ туьбине салып, уьстин япыраклар ман явып калдырады. Сонъ, оьзи, тез дегенде тез, сол ерден кашып, уьйине кайтып келеди. Арасы коьп кетпей, Токтамыш ханнынъ кисилери келип, Кутлыкаядынъ уьйин басадылар. Кутлыкаяды тутып, басын шавып аладылар. Бала ман бийкесин не кадер излеселер де табалмадылар. Кутлыкаядынъ басын ханга аькеледилер. Токтамыш хан да: «Шуькир, соннан кутылдым» – деп куванса да, Кутлыкаядынъ баласынынъ сав калып яшайтаганы акылыннан шыкпайды.

Сол тавларга якын бир авыл бар экен. Сол авылда да Эсен атлы бир карт яшайды экен. Бу карттынъ элли эшкиси бар. Суьтин сатып, пыслак этип, соны ман кешинеди экен. Эшкилерин уьйге аькелип савганда, биревиннен суьт шыкпайды. Уьйдегиси айтады:

– Сен балалардай шоьлде эшкиди савып, суьтин ишесинъме?

– Каш, ондай зат болатаганма? – дейди карт. – Картайганда мени алжыгандай коьресинъме?

Десе десин, тек Эсен карт оьзи де сол заттан шексинип баслайды:

– Эртен соны бир карайым, – дейди.

Эртенгиси куьн карт эшкилери мен тавга шыгады. Эшкилер отлакка яйылганда, биреви, акыйкатлай да, йолын алып, баска якка кетеди. Карт та онынъ артыннан тагылып, тереклердинъ араларыннан йылысып барады. Барса, карт не коьрсин? Терек туьбинде бир яланъаш балакай ятыр, эшки де касында балады эмгистип турады. Карт доьрт ягына каранады: бирев де коьринмейди. Балады кушаклап алып, этегине орайды да тувра уьйине кайтады. Йолда бараятырганда, оны авылдаслары коьре каладылар да:

– Эсен-акай! Этегинъде не бар? – деп сорайдылар.

– Не болсын, бир аз япаша* йыйнадым, соны алып келеятырман, – дейди.

Уьйине кайтып келсе: оьзининъ бийкеси де бир ул тапкан экен. Эсен карт, этегин ашып, тавдан тапкан балады бийкесине узатады да:

– Мунав балады ал да, оьзимиздики мен бирге эмгист, эгизлердей болып оьссинлер, – дейди.

– Ай, оны да кайдан таптынъ? Ин баласыма, йин баласыма? – деп сорайды хатыны.

– Бакырма! Не болса да болсын. Бала бизики, сак бол, бирев де билмесин. Бирев сораса, «эгиз тапканман» деп айтарсынъ, – дейди Эсен карт.

– Бек аьруьв, ама муны кайтип атайык? – деп сорайды бийкеси.

– Кайтип атаяксынъ ды. Эл шетиннен тавып, этегимге алып келгеним уьшин, Эдеге дермиз ога, – дейди Эсен карт.

Эсен карттынъ хатыны эки балады да бирден эмгистип, аьруьв этип карап оьстиреди. Балалар алты-ети ясына етедилер.

Куьнлердинъ биринде Эдеге, Эсен картка карап:

– Атай, мен бола турып, сага бу ясынъда эшки бакпага ярамайды, – дейди де, сол куьннен алып, эшкилерди тавга аькетип, оьзи багып баслайды.

Бир куьн, суьйтип, эшкилерин бакпага шыкканда, тавдынъ шетинде коян авлап юрген бир кисиге расады.

– Эй, бала, – дейди киси, – Тавдынъ мунав ягына эшкилеринъди йиберме, – колы ман бир коянды коьрсетип: – Мен уьйимнен туьбегимди* алып келейим де, сосы коянды урайым!

Сол киси туьбегин аькелмеге кеткеннен сонъ биразлай, баска яктан бир атлы анъшы пейда* болып, баягы кояннынъ ызыннан йоьнейди. Коян уьркип кашады. Кашады, ама коьп кетпей, бирден тымалап, тырпанълап, бир ерде токтап калады[12]. Оны да атлы анъшыдынъ ийти, ювырып барып, авызына кавып алады да, иесине аькеледи. Бу анъшы, атыннан туьсип, кояннынъ терисин сыдырып ятырганда, онынъ касына авылдан туьбегин аькелмеге кеткен анъшы келип:

– Бу коян меники, мен урдым оны, – дейди.

– Йок, бу коян меники, оны меним ийтим тутып алып келди, – дейди ога атлы анъшы.

Суьйтип эки анъшы, «меники, сеники» деп, эрисип олтырганда, олардынъ касына Эдеге келеди де:

– Даванъыз неден, акайлар? – деп сорайды.

– Мен сага: «Туьбегимди алып келгенше, эшкилеринъди мунав якка йиберме!» – деп айтпадымма? – дейди бириси.

– Меним ийтим бу коянды алып келгенин коьрмединъме? – дейди атлы анъшы.

Сол заманда Эдеге экевине де карап:

– Экинъиз де аклысыз*, туврасын айтасыз. – сонъ авылдан туьбегин аькелмеге кеткен анъшыга карап, – Акам, сенинъ уьйинъде бир кишкей баланъ барма? – деп сорайды.

– Бар, алты айлык бир балам бар, – деп айтады анъшы.

– Аьше, акам, сен уьйинъе бар да сол баланъды аькел, бир юмыртка да ала кел, – дейди Эдеге.

Анъшы уьйине барып, баласын кушаклап, оны ман бирге бир юмыртка да алып келеди.

– Яткыст баланъды бир юз адымдай узакка, юрегининъ де уьстине сал аькелген юмырткады. Сонъ, туьбегинънен атып, баланънынъ коькирегиннен юмырткады ушыртып йибер, – дейди.

Туьбекли анъшы туьбегиннен атады да, юмырткады ушырып, онынъ кайда кеткенин де билмейди. Балага болса оннан эш зарары тиймейди, ол бир минсиз сав-саламат болып ятады. Сонда Эдеге коянды ийти мен туткан атлы анъшыга карап:

– Акам, коян бу акайдыкы, бер ога! – деп, тоьре кеседи.

Туьбекли анъшы баласын бавырына басып, коянды да туьбеги мен бирге ийнине асып, атлы анъшы ман ярасып, колласып, сасып калып, басын шайкай-шайкай, уьйине кайтып кетеди. Атлы анъшы да бу кишкенекей баладынъ акыллылыгына оьз акылын доьрт боьлип, сасып калады да, бирший айтпай, атына атланып, йолын бардырады.

Баска бир куьн Эдеге, аьдеттегиндей, эшкилерин бакпага бараятырганда, бир яр бойында эки кисидинъ эрисип турганын коьреди де, касларына барып:

– Эй, акайлар, даванъыз неден? – деп сорайды.

– Не болаяк, – дейди бириси, – Экевимиздинъ эки туьемиз бен эки ботамыз бар эди. Боталардынъ бириси оьлди де: «сеники оьлди, меники оьлди», деп эрисемиз, – дейди.

Эдеге оларга карап:

– Биринъиз эки туьединъ арасына кирип, кулакларыннан тутып турсын, биринъиз де сав калган тири ботадынъ доьрт аягын байлап, оьлген ботады анав шонъкырга атсын, – дейди.

Эки эрисип турган киси, Эдеге айткандай эткен сонъ, Эдеге туьелердинъ кулакларыннан тутып турганга:

– Йибер энди туьелерди, – дейди.

Эки туье де, манъырай-манъырай, шонъкырга ювырысып барадылар. Бириси шонъкырга еткенде, тарс деп, токтап калады, баскасы да шонъкырдынъ ишине атылып туьседи.

– Шонъкырга атылып туьскен туье кимдики? – деп сорайды Эдеге.

– Меники, – дейди кисилердинъ биреви:

– Олай болса, ал шонъкырдагы туье мен оьлген ботанъды, кайт уьйинъе, – деп айтады да эшкилерине кайтады.

Соннан сонъ Эдегединъ, кишкей болса да, сол кадер акыллы болувы авыз авыздан, кулак кулактан коьшип, Токтамыш ханга да етеди. Ханнынъ юрегине от туьскендей болады. «Бу бала Кутлыкаядынъ баласы болар!» – дейди де, кешелер мен уйклай алмайды. Бир куьн, Янбайды шакырып:

– Касынъа кырк аьскерши ал да, сол Эсен карт пан онынъ тоьреши улын алып кел! – деп буйырады.

Эртеси куьн Янбай танъ ман Эсен карттынъ уьйине келип, ханнынъ буйрыгын айтады да, суьрип уьйге киреди. Эсен карттынъ хатыны Эдегеди койнына, оьзининъ улын да аяк бетине салып ятады экен. Янбай Эсен картка карап:

– Булардынъ кайсысы оьз улынъ, кайсысы анав тоьреши, Кутлыкаядынъ улы? – деп сорайды.

Оьз улым – хатынымнынъ койнында ятканы, сенинъ излейтаганынъ да – аяк бетинде ятканы, – деп, ялганнан оьзининъ асыл улын коьрсетеди.

Бу ерде Эсен карт пан онынъ улын алып, Токтамыш ханга аькетедилер. Хан балады касына шакырып, эки шекесиннен сыгады, баладынъ эки коьзи атылып шыгады.

– Машалла, Эсен-карт, баланъ бек акыллы экен! – дейди де, балады картка береди.

Эсен карт, йылай-йылай, баласын алып уьйине бараятырганда, бала оьледи. Хатыны карттан де бетер йылап, балады мезарга аькетип коьмедилер.

– Йылама! – дейди Эсен карт бийкесине, – Эш болмаганда, онынъ орнына мунав бир баламыз савды да! – дейди.

Эдегединъ болса, бу затлардан хабары да йок. Ол сол куьн де шоьлде эшкилерин багып юреди экен. Оьзининъ асыл атасы Кутлыкая оны тавларда таслаганда уьстине койшы кабалын да салган эди. Сол куьн Эдеге кабалды оьзи мен алып кетти. Кабалды авызына салып, шалып баслаганда, бирден тавда отлап юрген эшкилери отлавларын койып, тоьгерек як тып-тынык болып, кабалдынъ уьни толкын-толкын болып, тавлардынъ арасыннан коькке коьтериледи. Эдеге шалып болып, кабалын койнына салар-салмас, бирден тав ишиннен увылдап бир давыс шыгады. Бу давыс ога акырын якынласып, айтады:

– Эй, Эдеге, Эдеге!
Тынъла мени, Эдеге!
Оьрметли эрдинъ улысынъ,
Эр Таьнъридинъ кулысынъ,
Ананъ сенинъ албаслы,
Бабанъ[13] сенинъ карт Аьзиз[14],
Кутлыкаядынъ улысынъ,
Кутлыкаядынъ улысынъ
Кутлыкая….
Кутлы…
Кут… –

деп, давыс увылдай-увылдай, яне акырын тынып, келген ягына кайтып, тав ишине синъип кетеди.

Эдеге сасып калганыннан не этеегин билмеди. Бир заманнан, эсин йыйып, эшкилерин айдап, уьйге кайтып келеди де, Эсен картка тавда болган затлар акында бир минсиз айтады. Сонъ, Эсен картка карап:

– Атай! Мен сенинъ улынъманма, яде оьгей оьрешенъменме? – деп сорайды.

– Элбетте, балам, сен меним оьгей улымсынъ. Сени мен тавдан тавып алып келген эдим, – дейди Эсен-карт, савлайын да тизип айтып береди эм косады: – Мине, улым, сенинъ уьшин мен оьзимнинъ баламды ханга аькетип оьлтирттим.

– Аьше, атай, мен сол Токтамыш ханга барып, атамнынъ оьшин алайым, – дейди Эдеге.

– Сенинъ атанъ Кутлыкаяды кувып, сонъ оьлтирткени уьшин де, меним улымды оьлтиргени уьшин де сол канлы Токтамыш ханнан оьшинъди ал, балам! – дейди Эсен карт.

Эртенгиси куьн эртенъ мен турадылар. Эсен-карт пан бийкеси Эдегеди йолга аьзирлеп, йоллык азыгын, бир дегенде бир болат пышагын дорбага саладылар да: «Йолынъ ашык болсын!» – деп, коьзясларын булак сувындай агыстып, Эдегеди озгарып, коьзлериннен йойтылганша, артыннан карап каладылар.

Эдеге де сол кетуьви мен кетип, куьнлердинъ биринде Токтамыш ханнынъ сарайына барып етеди. Токтамыш ханга барады.

– Салам аьлейкуьм, оьрметли ханым! – дейди.

Сонда хан оьзи де билмей калып, олтырган тактан аяк уьстине турып:

– Аьлейкуьм салам, не этип юресинъ? – деп сорайды.

– Оьрметли ханым, мен сизге бир иске ярарманма? – дейди Эдеге.

– Ярамайтагансынъма? Ярарсынъ, ама бас деп не оьнеринъ барын айт! – дейди хан.

– Оьнерим-моьнерим йок, ама мен билмеген, бажара алмаган бир зат та йок, – деп явап береди Эдеге.

– Атынъ ким? – деп сорайды хан.

– Кыбувыл, – деп явап береди Эдеге.

– Айлык, йыллык акынъа не тилейсинъ? – деп сорайды хан.

– Куьнде эки окалык* шоьлмек пен ювырт берсенъиз, баска бир зат та тилемеймен, – дейди Эдеге.

– Олай болса, яхшы, йигит. Меним отыз тогыз саклавым бар, кыркыншысы сен болып, атларымды карарсынъ, – дейди Токтамыш хан.

Эне суьйтип, сол куьннен баслап, Эдеге Кыбувыл аты ман Токтамыш ханнынъ кыркыншы саклавы болып, куллык этип баслайды. Булар, эртенъ сайын кезуьв мен, ханга кирип, салам берип, хайырлы эртенълик сагынып, соьйлеп олтырады экенлер. Отыз тогыз саклав ханга киргенде, хан олтырган ериннен кыймылдамайды экен. Тап сонъында, Эдеге кирип: «Эртенълигинъиз хайырлы болсын!» – деп темане* этсе, Токтамыш хан аьр вакыт аяк уьстине турып, оны кабыл* этеди экен. Сонъ, бир куьн ханбийке Токтамыш ханга карап айтады:

– Отыз тогыз саклавынъ кирип, сага хайырлы эртенълик сагынганда сен еринънен кыймылдамайсынъ. Тек бир яс саклав уьйге киргенде, сен аяк уьстине турасынъ. Не уьшин суьйтип этесинъ? Сен энъ де уьйкен хан болып айтувлысынъ.

Токтамыш хан да хатынына:

– Йок, мен эш биревдинъ алдында да турагалмайман, сен янъыласынъ, – дейди.

– Кара, аьше, мен сага турагалганынъды коьрсетермен, аьруьв этип коьзинъди аш! – дейди ханий*.

Бир куьн эртенъликте ол ханнынъ кийимин миндерге тигеди. Саклавлар артлы-артыннан кирип, ханга хайырлы эртенълик сагынадылар. Тап сонъында Эдеге киреди. Хан ушып турагалады. Сол вакытта хан астындагы миндердинъ коьтерилгенин сезеди. Суьйтип ол ханийдинъ ялган айтпаганын анълады. Эдеге шыгып кеткен сонъ, хан айтады:

– Сенинъ айтканынъ тувра экен! Эндиги муны кайтейик? Муны оьлтирсек – бу баладан кутылармыз.

– Оьлтирме, – дейди ханий, – Белки, ол сага дос! Явынъа карсы тураяк бир йигит! Мен бас деп онынъ доспа, душпанма экенин билейим, сонъ не этеегимизди карармыз, – дейди.

Сонъ ханий бир аяк ювырт аьзирлейди де айтады:

– Эртен эртенълике бу аяк ювырт сенинъ касынъда турсын. Эдеге кирип, хайырлы эртенълик сагынганнан сонъ аякты алып ога берерсинъ. Ол ювыртты карыстырмай ишпес. Онынъ янында болат пышагы бар. Эгер ювыртты пышагынынъ сабы ман карыстырса – ол сага дос. Эгер де кескиши мен карыстырса – ол сага душпан. Эгер де аякты айландырып, каймагын бармагы[15] ман алаяк болса – сен еринънен эш кыймылдама. Суьйтип этсе: «мен сенинъ басынъды бурап уьзермен!» дегендей. Эгер ол сабы ман карыстырса: «мен сага доспан, сен меним басымды не уьшин бурап уьзбеге керексинъ ди?» дегендей. Эгер пышагынынъ кескиши мен карыстырса: «сен меним басымды бурап уьзгенше – мен пышагым ман сенинъ ишинъди карыстырарман!» дегендей.

Эртенгиси куьн кырк саклав яне ханга хайырлы эртенълик сагынмага келедилер. Эдеге келгенде хан ога аякты береди. Эдеге аякты алып, ювыртты пышагынынъ кескиши мен карыстырады да коьтерип ишеди. Суьйтип, хан Эдегединъ душпан экенин анълады. Анъласа да хан «соны тагы да бир сынап карайым» деп, оьзининъ энъ якын кенъесшиси Кемал улы Янбайды шакыртып, оннан булай деп сорайды:

– Ай, Янбайым, Янбайым,
Сеннен бирший сорайым!
Картайган басымнынъ кутысынъ,
Канаган ярамнынъ отысынъ,
Кенъ сабамнынъ* туьбисинъ,
Кер биемнинъ суьтисинъ.
Саклавларымнынъ басысынъ,
Кенъесимнинъ иесисинъ.
Айт сен мага, Янбайым,
Дос[16] экенинъди билемен,
Дос болсанъ да, Янбайым,
Кыбувылды терис коьремен.

– Йок, ханым, мен оны билмеймен, – дейди Янбай.

– Сен оьзинъ билмесенъ, билетаган кисиди биле боларсынъ? – дейди хан.

Ол заманда Янбай:

– Туьлий байдынъ Томалай-аьруьв деген кызы бар, билсе, ол билер, – деп айтады.

– Олай болса, бар да, сол Томалай-аьруьвди алып кел, – дейди хан.

Янбай, Томалай-аьруьвге барып, ханнынъ буйрыгын айтады. Томалай-аьруьв ханга келип, булай айтады:

– Ай, ай, ханым, ай, ханым,
Айтар эдим, ай, ханым,
Бу дуныяды коьп яшап,
Коьп билгенлер коьп, ханым.
Сол коьплердинъ ишиннен
Энъ уьйкени бар, ханым.
Алты сувдынъ бойында
Юз токсан йыл яшаган,

Азувлары босаган,
Сыпра-йырав деп аталган,
Бес дуныяга макталган –
Билсе, билсе – ол билер.
Оннан сора сен, ханым! – дейди.

Сол заман Токтамыш хан Янбайга карап:

– Ай, Янбайым, Янбайым,
Сенсинъ меним бир байым.
Картайган басымнынъ кутысынъ,
Канаган ярамнынъ отысынъ,
Кенъ сабамнынъ туьбисинъ,
Кер биемнинъ суьтисинъ,
Саклавларымнынъ басысынъ,
Кенъесимнинъ иесисинъ.
Шал атынъа минип кет,
Кер биемди етип кет,
Сыпра-йыравга барып ет,
Оны мунда алып кел! – дейди.

Муны эситкен сонъ:

Янбай авын тарткан, дий,
Артына тонын арткан, дий,
Шоьптей суьйри боьрк кийип,
Эки касын шарт туьйип,
Эки колын увган, дий,
Белин тартып бувган, дий,
Секирип атка минген, дий,
Кер биеди еткен, дий,
Сыпра-йыравга кеткен, дий,
Ога барып еткен, дий,
Хан хабарын айткан, дий,
Келтире алмай кайткан, дий,
Янбай ханга барган, дий,
Коьргенлерин айткан, дий:
– Айхай, ханым, ай, ханым,
Юз токсан йыл яшаган,
Бувынлары босаган,
Шырай-туьси калмаган,
Бойы-териси кыскарган,
Эринлери морарган[17].
Атка минер аьли йок,
Минсе, туьсер аьли йок,
Сыпра-йырав келалмайды,
Яткан ериннен туралмайды.

Янбайдынъ айтканын эситкен сонъ, Токтамыш хан Сыпра-йыравга:

Оьзининъ пайтонын[18] келтирген, дий,
Уьстине гуьллер септирген, дий,
Эки шал атын ектирген, дий,

Арысына байрак олтырткан, дий,
Алтын йип пен тиктирген, дий,
Куьмистен туьйме кактырган, дий,
Отыз ханнынъ моьри* бар
Бир кис тонды йиберген, дий.
Муны коьрген Сыпра-йырав,
Ушып тура келген, дий.
Увыл ман ерин увдырган, дий.
Бота ман белин бувдырган, дий.
Авызын йибек пен ораган, дий.
Алтын йип пен тигилген,
Куьмис туьйме кагылган,
Отыз ханнынъ моьри бар
Кис тонын ябынган, дий.
Пайтонга минип кирген, дий,
Йолга шыгып кеткен, дий,
Токтамыш ханнынъ сарайына
Кона-коьше еткен, дий.
Хан алдына шыккан, дий,
Колтыгыннан туткан, дий.
Уьй тоьриннен ер берип,
Алтын такка олтырткан, дий.
Онъ ягында бир савыт,
Сол ягында бир савыт.
Бир савытта боза толы,
Бир савытта бал толы.
Йырав бозады алган, дий,
Сувсаганы канган, дий,
Бал савытын ишкен, дий,
Коьзи боткага туьскен, дий,
Ботка балга пискен, дий.
Ашап, ишип тойган сонъ
Арыганы кеткен, дий,
Оьз аьлине кайткан, дий.
Токтамыш хан айткан, дий:
– Кыбувыл деген баьтирдинъ
Ким экенин айтшы? – дий.
Йырав соравдан тайып,
Оьзининъ сыйын арттырып,
Токтамыш ханга айткан, дий:
– Бес юз яшаган хан коьрдим,
Бес юз казан ас коьрдим,
Эдилде болды сегиз хан,
Яйыкта болды тогыз хан;
Тогыз ханнынъ тувдыгы,
Сегиз ханнынъ баласы
Карт атанъ да хан эди,
Алымы сеннен аз эди,

Берими сеннен коьп эди,
Оны коьрген картынъман.
Сыйласанъ – сенинъ кулынъман.
Эгер мени сыйламасанъ –
Бир оьлеек картынъман.

Муны эситкен сонъ, Токтамыш хан Сыпра-йыравга:
– Сен айт, айтканынъдай межлис* йыяйым, – дейди.

– Айхай, ханым, ай, ханым,
Айт, деп мени коймайсынъ,
Айтпага тилим ойнамай,
Ал, айтайым, аьше, булай:
Сенинъ ишинъ коьп колай:
Кырк казанга ошак каздыр,
Кырк бас айван сойдырып,
Кырк куьн, кырк кеше той яса,
Кырк шыракты як, ханым,
Кыркты кыркка кат, ханым,
Кырк биювшинъ ойнатып,
Кырк йыршыды йырлатып,
Кырк савыт пан кырк кымыз
Кыркына да бер, ханым.
Оннан сонъ, ай, ханым,
Кылды кыркка мен боьлип,
Кыбувылдыъ ким болып,
Ким экенин айтайым,
Юрегин сага ашайым, – дий.

Токтамыш хан Сыпра-йыравдынъ айтканындай этип, кырк куьн мен кырк кешелик той баслайды. «Баьтирлеримнинъ баьтири ким болса, ога балдызымды береекпен!» – деп, халкына яр* этеди. Аьр куьн баска туьрли завклык пан оьтеди. Атшабыс керекпе, куьрес керекпе; кешелери де йыр, ойын-куьлки, шынълар ман озады. Аьр затта да Кыбувыл ман Янбай баьтир, барабар келип, биринщиликти казанадылар.

– Аьжейип, бу той, бу завк неден экен?! – деп, ямагат сасып калып, бири биринен сорап турады. Суьйтип, отыз тогызыншы куьн озып бараятырганда, Янбай Кыбувылдынъ касына келеди де:

– Коьзинъди аш, сак бол! Бу той сенинъ уьшин, хан сага тузак салаятыр. Махсус* той этип, сени тутып оьлтиреек болады, – дейди.

Акыйкатлай да, эртеси куьн кыркыншы куьн болады. Токтамыш хан ман Сыпра-йырав экеви эки такта олтырадылар. Сонда карт:

– Биринши болып шыккан эки баьтир келсин, – дейди.

Кыбувыл ман сол баьтир
Экевлесип келген, дий,

Сыпра йырав эки баьтирге
Бирден коьзин тиккен, дий.
Карт карталдай* каранып,
Бир савыт бал берген, дий,
Соннан авызын ашкан, дий,
Айтар соьзин айткан, дий:
– Кайсынъыз баьтир болсанъыз,
Муна балды ол ишсин! – дий.
Соьзге шешен ким болса,
Хан балдызын ол алсын! – дий.
Балды Кыбувыл ишкен, дий,
Ишип, бек даьвренген, дий.
Муны коьрип Сыпра-йырав
Кыбувылды тургыстып,
Ога сорав берген, дий:
– Хан кызметин* этесинъ,
Баьтир болып юресинъ,
Хан басына яв келсе,
Ол заманда нетерсинъ?
Кыбувыл картка кызган, дий,
Ашувланып айткан, дий:
– Ыржайып атыма минермен,
Минермен де кетермен,
Бийдайыктай ушарман,
Хан сарайына барарман,
Ханды излеп табарман,
Ханды излеп мен тапсам,
Мени излеп ол юрсе,
Кедегесин[19] эки боьлермен,
Боьрткен койдай этермен,
Парам-парша этермен,
Сарайына от берип,
Казнасын алып кетермен,
Айтканымды этермен,
Мен соьзимде турмасам,
Айтканымды этпесем,
Атамнынъ арам улы болып,
Бу дуныяда яшамаспан! – дий.

– Кайтынъыз энди, – дейди Сыпра-йырав сол эки йигитке. Сонъ, Токтамыш хан ман экеви калганда, Сыпра-йырав ханга булай дейди:

– Аргы ул да берги ул –
Баьтир экен Кыбувыл.
Коллары узын коьрине –

Акыллы экен Кыбувыл,
Эрини юка коьрине –
Соьзге уста Кыбувыл,
Бармагы ездей майыскан –
Ярасык экен Кыбувыл,
Айдары айдай балкыган* –
Асыл экен Кыбувыл,
Бетине нурлар тоьгилген –
Тоьре болыр Кыбувыл.
Энсиз козы, сансыз кой,
Коьп аьскерши тойсын деп,
Сойып кетер Кыбувыл,
Энсиз-сансыз йылкынъды
Кувып кашар Кыбувыл,
Касыклап йыйган малынъды
Шоьмишлеп шашар Кыбувыл.
Айланмаган коьп юртка
Белги салар Кыбувыл,
Азгана куьннинъ сонъында
Тоьре болар Кубувыл.
Энди мен киси танымайман,
Эгер де киси танысам –
Кутлыкаядынъ улы бу –
Эдеге деген Кыбувыл.
Картлыгынынъ сонъында
Азап шегер Кыбувыл.

Эне суьйтип, Кыбувылдынъ ким экенин билдилер. Токтамыш ханнынъ юрегине коркув энди. Ол Сыпра-йыравдан:

– Муннан кайтип кутыларман экен?! – деп сорайды.

– Сен оны ойланма, ханым, – дейди Сыпра-йырав, – Сен мага он мынъ куьмис пара* берерсинъ, мен онынъ колайын тавып, Кыбувылды сенинъ колынъа туьсирермен. Тынъла мени, ханым. Эртен, саклавларынъ хайырлы эртенълик сагынмага келгенде, энъ сенимлилерине кымыз иширтип, аьзир этип тургыстарсынъ. Эдегединъ кезеги келгенде, онынъ алтын аягына ув куярсынъ да мага берерсинъ. Мен оны мактап, аякты ога оьз колым ман берермен. Ол оны ишер де ерге йыгылар. Сол вакытта сен сенимли саклавларынъа колынъ ман ым берерсинъ де олар Эдегединъ аягын-колын байлап, сенинъ алдынъа саларлар. Калганын оьзинъ не суьйсенъ, соны этерсинъ, мен карыспайман.

Сол заманда Янбай, эсиктинъ бир муьйисине кулагын салып тынълап турган эм баьри затты да эситкен. Биревге де бирший де айтпай: «Коьрейим, кайтип тутаякларын», – деп, эртенгиси куьнди куьтеди.

Эртенгиси куьн де келеди. Саклавлар кезуьв мен Сыпра-йырав ман ханга хайырлы эртенълик сагынып шыгадылар. Шыкканлар да хан сарайынынъ эсигининъ босагасында тизилип турадылар. Сол заманда Янбай какырадынъ астында турган

саклавлардынъ атларынынъ ювенлери мен иер кайысларын кесип таслайды. Кыбувылдынъ кезеги келип, ол ханга киргеннен бираз вакыт озган сонъ, сарайдынъ ишине ювырып Янбай кирди. Тамам сол вакытта Сыпра-йырав, Эдегединъ аркасына кара тон кийгистип: «Аьперим, асыл баьтир экенсинъ!» – деп мактап, онынъ колына алтын аяк пан боза бергенин коьреди. Кыбувыл аякты авызына аькетеятырганда, Янбай онынъ касына барып, онынъ асыл атын айтып, булай дейди:

– Эдеге ийги киси ди,
Оьз аьлин билсе ийги ди,
Аркасына кара тонды ялканнан,
Бир ямавлык кийсе ийги ди.

Янбай колынынъ терис ягы ман Эдегединъ бурнына согып канатады да кулагына сыбырдайды:

– Шалт болып шанъырактан * шык та сарайдынъ артындагы атынъа атланып каш. Сени онда Тогызбайдынъ [20] тогыз улы куьтип турады, – дейди.

– Ал, энди иш бозанъды, улым. Ханнынъ киеви [21] болаяксынъ! – деп айтканда, Эдеге:

– Вай, муны кайтип ишейим энди?! Бурным канап, батырды да! – дейди де, аякты ерге таслап, шанъырактан шыгып кашады.

Токтамыш хан да эсик бетке ювырып, босагада куьтип турган саклавларына:

– Кыбувылды тутынъыз! Шанъырактан шыгып кашты, – деп буйрык береди. Баьтирлер ювырып атларына минеек болганда, ювенлери мен иерлерининъ кайыслары кесилгеннен себеп, баьриси де тымалап ерге йыгыладылар. Муны коьрген хан, Янбайга карап:

– Эдегеди сен кашырдынъма, атлардынъ ювенлери мен иерлерин сен кестинъме? – дейди.

– Йок, ханым. Мен Кыбувылды сенинъ киевинъ болаяк деп ойладым. Сенинъ душпанынъ экенин билген болсам, мен оны оьзимнинъ колым ман оьлтирер эдим! – дейди.

Ол заманда хан Янбайга айтады:

– Атланып оьзинъ атынъа,
Алты улымды алып касынъа,
Эдегеди алдатып,
Кайтар йолыннан артына.
Эгер оны кайтарсанъ,
Билгенинъдей алдатсанъ,
Кызымды сага берермен,
Олтырарсынъ касымда.
Янбай атына минген, дий,
Хан уллары ман кеткен, дий,
Айдаттырып атларын,

Эдил бойына еткен, дий.
Етип аьруьв караса,
Эдеге Эдилден кешкен, дий,
Аргы ягына шыккан, дий,
Янбай ога бу яткан,
Ялбара берип, айткан, дий:
– Кайтсанъа, Эдеге, кайтсанъа,
Кайтып ханга оьпке соьзинъ айтсанъа!
Аягы эрек, мойны терек
Ат бере сага, минсенъе!
Этегиннен енъи узын
Тон бере сага, кийсенъе!
Алтын аяк пан бал береди,
Оны да алып ишсенъе!
Сарайынынъ алтын босагасына,
Кайтып, ийилип кирсенъе!
Бу Эдил мен Яйыкта
Отыз эки хан авысты –
Токтамыш хандай йок эди!
Завкты онда суьрсенъе!

Муны эситкен Эдеге Янбайга булай деп явап береди:

– Кайтпан да, Янбай, кайтпан мен,
Кайтып оьпке соьзим айтпан мен.
Аягы эрек, мойны терек
Ат берсе де, минмен мен –
Авым кутсыз болган сонъ.
Этегиннен енъи узын
Тон берсе де, киймен мен –
Елкеме тогай оты биткен сонъ.
Оьрнеги юка алтын савыт пан
Бал берсе де, ишпен мен –
Ишине бир кере ув куйган сонъ.
Сарайынынъ босагасы алтын болса да,
Ийилип оннан кирмен мен –
Эсиги катиллерге* толган сонъ.
Кайт энди, Янбай, кайт энди,
Ханынъа оьпке соьзим айт энди.
Кемалдынъ улы Коьк Янбай,
Соьзинъди кери тоьк, Янбай.
Хан карасынынъ улысынъ,
Мал бергеннинъ кулысынъ.
Атынъынынъ басын тарт энди,
Тартып кери кайт энди.
Кайтып кери кетпесенъ,
Тартып тилинъди кесермен,
Тилим-тилим этермен.

Алдыма шыксанъ – атарман,
Артымнан келсенъ – асарман.
Коьк коьзлеринъе, Коьк Янбай,
Тас кыздырып басарман.
Бу кетуьв мен кетермен,
Темир ханга етермен,
Темир хан мага кол* берсе,
Алла мага йол берсе,
Бийдайыктай ушарман,
Токтамыш ханга барарман,
Атамнынъ оьшин шыгарып,
Басын шавып аларман,
Басын шавып алган сонъ
Алтын тагына конарман!

Муны айткан сонъ Эдеге, Тогызбайдынъ тогыз улын иертип, Темир ханга кетеди. Йолда олар инине киреек болган тогыз баслы бир куйрыклы йыланды коьредилер. Тогызбайдынъ тогыз улы атларыннан секирип туьсип, кылышларын кынларыннан шыгарып, йыланнынъ тогыз басын кесип аладылар да парам-парша этедилер. Оннан сонъ яне йолларын бардырадылар. Эм алдыларына тагы да бир, тек тогыз куйрыклы бир баслы, йылан шыгады. Ол йылысып кашаяк болады. Эдеге: «Урынъыз! Кесинъиз!» – дегенше, бу йылан инине кирип кутылады. Оны коьрген Эдеге Тогызбайдынъ тогыз улына карап:

– Эй, йолдаслар! Багана сиз оьлтирип, парам-парша эткен янувар не эди? – деп сорайды.

– Йылан.

– Энди айтынъыз, сиз оьлтире алмай, инине кашып кирген янувар не эди?

– Ол да йылан эди, – дейдилер йолдаслары.

– Экиси де йылан болса, не уьшин сиз биринщисин оьлтире алдынъыз да, экиншисине бирший де эте алмай, инине кашырдынъыз? – деп сорайды Эдеге.

– Оллахый, аьлемет. Састыраяк зат. Биринщисин оьлтирип те, экиншисин не уьшин тутып оьлтире алмадык экен? – деп, бир бири мен эрисип баслаганда, Эдеге:

– Келинъиз меним касыма, бу маьселединъ маьнесин мен сизге шешип берейим. – дейди, – Биринши йыланнынъ тогыз басы бир куйрыгы бар эдиме?

– Аьше, тогыз басы бир куйрыгы бар эди, – дейдилер бир авыздан йолдаслары.

– Экиншисининъ тогыз куйрыгы бир басы бар эдиме?

– Аьше, ак айтасынъ, Эдеге, тогыз куйрыгы бир басы бар эди, – дейдилер.

– Аьше, каранъыз мунда, – дейди Эдеге, – Биринши йыланнынъ тогыз басы болып, тогыз якка тартканы уьшин, сиз оны оьлтире алдынъыз. Экиншисининъ болса, тогыз куйрыгы болып, бир бас оларга етекши болганы уьшин, йылан басы ман бирге куйрыкларын да инге киргистип, янын сизинъ оьткир кылышларынъыздан куткарды. Эне сога усап, биз де – мине – он кисимиз. Онымыз бирден он якка тартсак, биримиз де душпаннан кутыла алмас. Эгер биримиз айтып, калганлар

тынъласа, биз де, анав тогыз куйрыклы бир баслы йыландай болармыз да, оьзимизди аьр туьрли кавыфлыклардан куткара алармыз. «Бирлик болган ерде, тирилик болар», – деп ата-бабаларымыз босына айтпаганлар.

– Оны айтканынъ уьшин. Аьше, Эдеге, сен бизге бас боларсынъ, биз де сенинъ куйрыкларынъ болып, сени тынълап юрейик, – деп айттылар Тогызбайдынъ тогыз улы.

Эне суьйтип, Эдегеди бас этип сайлаган сонъ, онавы да атларына атланып, йолларын бардырдылар. Бара-бара, куьнлердинъ биринде бир тав этегиндеги коьл бойында яйылган ярасык шоьлликке барып етедилер. Йолдасларынынъ йолдан энтигип арыганларын коьрген Эдеге:

– Йолдаслар! Сувды сорып ишейик, отты ойып отлайык, авды авлап ашайык, сосы ерде бир кырк куьн калайык! Аьр кеше атларды мен отлатып карарман, – дейди.

Баьриси де разы болып, сол ерде кырк куьн калып тыншаядылар. Кырк кеше де Эдеге атларды карав ман бирге, кырклар ман намаз кылады. Кыркыншы кешеси кырклар:

– Арамызда Эдеге бар, ога бир хайыр дувасын окыйык, – дейдилер.

– Бу йигиттинъ кылышы колайыннан айлансын! – дейди бир талайы.

– Душпан ман карсы карсыга келгенде, йолы ашык болсын! – дейдилер баскалары. Эм баьриси де сол тилеген тилеклери уьшин дува эттилер.

Сол шакларда Темир ханнынъ кызы йок болады. Онынъ оьлиме, тириме, не болса да кайда экенин Темир хан биле алмайды. Онъга-солга, аьр якка аьскер тоьгип, кызын излеттиреди, ама ызын да таба алмайды.

Куьнлердинъ биринде, Эдеге йолдаслары ман тавга анъшыламага шыкканда, бир атлыдынъ кийик артыннан кувып юргенин коьреди. Секирип, атына минеди де, кийикке карсы шыгады. Атлы да кийикке якын келип, огын кийиктинъ артына кадайды. Сол ок заманда Эдеге де огын кийиктинъ коькирегине киргистеди. Атлы ман Эдеге карсы карсыга келип, атларыннан туьсип, экеви де кийикке ябысадылар. Атлы Эдегеге:

– Бу кийик меним авым, мен оны кувып авладым, – дейди.

– Йок, – дейди Эдеге де, – Кийиктинъ мен карсысына шыгып, коькирегиннен урмаган болсам, сен оны туталмас эдинъ, солай болганда – кийик меники, – дейди.

«Сеники, меники», – деп, эрисе-эрисе, энъ сонъында экеви де бир-бирин анълап, кийикти ортасыннан боьледилер. Кийиктинъ артыннан урган атлы кийиктинъ арт бетин алды, Эдеге де кийиктинъ алды бетин алып:

– Сен кимсинъ? – деп сорайды.

– Мен калмыкпан, Кабертин ханнынъ аьскерписимен, – деп явап береди атлы да.

– Мунда не этип юресинъ? Кайдан келесинъ? – деп сорайды Эдеге.

– Кабертин хан Темир ханнынъ кызын алып кашты. Биз де онынъ аьскери боламыз!

Суьйтип, калмык атына минип кетеди. Эдеге де бир кесектен атына минип, калмыктынъ кайда кеткенин билуьв уьшин, ясырына-ясырына, артыннан барады. Онынъ кайда барып токтаганын коьрген сонъ, атын айдап, йолдасларынынъ касына келеди де:

– Биз Темир ханга бараятырмыз эм мен онынъ Бердибек атлы кызын ким алып кашканын билдим. Мине янъы, бир калмык аьскершиге растым. Ол мага Темир ханнынъ кызы Бердибекти Кабертин хан кайтип алып кашканын бир минсиз анъ-латып берди. Темир ханга бараяктан алдын, Кабертиннинъ колыннан Бердибекти куткарып аькетсек, ол бизди оьрмет пен йолыгып алар деп ойлайман. Сиз не дейсиз?

– Бек аьруьв ойлайсынъ, Эдеге! Айтканынъдай этейик, – деп йолдаслары разы боладылар.

– Аьше, алдымызда бир шатыр бар. Мен онда барайым. Эртеси куьн сиз де артымнан, сездирмей келип, ясырынып турарсыз. Эгер кеше ол ерден кетсек, мен йол бойы олтырган, конган ерге сизге азык калдыра турарман, – суьйтип айтып, Эдеге атына атланып, туп-тувра шатырга барады. Кабертиннинъ аьскершилери оны курсап алып, шатырга аькетип киргистедилер. Бир де коьрсе, Эдеге не коьрсин? Кабертин хан темирден урба* кийинген, Темир ханнынъ кызы Бердибекти янына алып олтыры.

– Салам аьлейкуьм! – дейди Эдеге.

– Аьлейкуьм салам! Сен незат этип юресинъ мунда? – деп сорайды Кабертин.

– Сизге бир иске ярарман деп келдим, – дейди.

– Кайдай ис бажарасынъ? Кайдай оьнеринъ бар ды? – деп сорайды Кабертин.

– Мен казаншыман, – дейди Эдеге.

– Казаншы болсанъ, карайым. Буьгуьн емеклерди сен аьзирлеп кара! – дейди Кабертин.

Эдеге иске кириседи. Сондай емеклер асып береди буларга: баьриси де, бар-макларын ялай-ялай, тоялмайдылар. Кабертин, карнын тойдырган сонъ, эсинеп баслайды. Ол бир уйкласа, уьш куьн, уьш кеше, коьзин ашалмай, уйклайды экен. Оьзининъ савлай куваты да минип юрген шыбар атында экен. Уйкысы келсе, кырк саклав аьскершиине: «Мен уйкламага кетемен, коьзинъизди ашынъыз, коьз-кулак болып турынъыз!» – деп айтады экен. Бу йол да кырк саклав аьскершисине тап солай айтып, савлай затты да аманат этип, уйкыга коьмилип кетти. Тамам сол куьн айлак бек исси болады. Кабертин уйклаганлай ок, саклав аьскершилери сувга шомылмага коьлге кетедилер. Касында бир аьдеми де калмады. Бу вакытта Эдеге Кабертиннинъ шыбар атына секирип минеди. Аты каты киснеп йибереди. Муны эситкен Кабертин:

– Душпан барма? – деп сорайды.

– Йок, ханым, бирший де йок, – деп Эдеге аттан секирип туьседи. Бир заман-нан, Кабертин уйкыга коьмилген сонъ, Эдеге яне шыбар атка секирип минеди. Ат яне киснеп йиберип, Кабертинди уйкысыннан уянтады.

– Душпан барма? – деп яне сорайды ол.

Эдеге аттан секирип туьседи де:

– Бирший де йок, ханым! Рахатлыгынъызды бузбанъыз! – деп айтады. Сол заманда Кабертин:

– Сен меним уйкымды боьлип, рахатлыгымды бузасынъ! – деп, шал атын бир-эки кере камышлап, яне ятып, уйкыга коьмиледи. Сол вакытта Бердибек шатыррыннан шыгып:

– Сен кимсинъ? – деп сорайды.

– Мен бир калмыкпан, – дейди Эдеге.

– Ялган айтасынъ, сен Эдегесинъ! – дейди Бердибек, – Мага атам Темир хан: «Эдеге такыр ерге олтырмас», – дейтаган эди, соннан анъладым сенинъ Эдеге экенинъди. Куткар мени сосы Кабертиннен!

Эдеге тагы да бир кере шыбар аттынъ уьстине секирип минеди. Бу йол ат сесин шыгармады. Эдеге, колына узын яйын, огын алып, Бердибектен сорайды:

– Бу Кабертиннинъ ок кирер ери барма экен?

– Мен онынъ ок кирер ерин эш те коьрмедим, ама онынъ колтыкларынынъ астында тесиклери бар, ок дегенинъ тек солардан кирмеге болаяк, – дейди.

– Аьше, сен онынъ сол колын акырын йогарга коьтер! – дейди Эдеге.

Бердибек Кабертиннинъ сол колын коьтергени мен, Эдеге яйын тартып огын йибереди де, ок Кабертиннинъ колтыгыннан кирип, юрегине кадалады. Кабертин тырпанълап турады да, ювырып барып, шыбар атынынъ куйрыгына ябысып, атты онъ колы ман тартып баслайды. Ат та Эдегеди Кабертин бетке суьрип йибереятырганда[22], Бердибек:

– Белинъде бир каманъ бар, шалт шыгар да кес аттынъ куйрыгын! – деп бакырады.

Эдеге саьспеклегеннен эсин йыйып, белиндеги камасын шыгарып, аттынъ куйрыгын кесип таслайды. Кабертин, колында аттынъ куйрыгын кысып, ян береди. Сонъ Эдеге Бердибекке:

– Сен мунда калып тур, мен саклав аьскершилердинъ не этип олтырганларын коьрейим, – дейди де, атасы берген кабалды шалып, Тогызбайдынъ тогыз улына хабар береди.

Сонъ, коьл бойына, аьскершилер болган ерге барады. Барса, не коьрсин? Аьскершилер бакырысып-кышкырысып, эрисип-суьрисип турылар.

– Эй, яслар, аранъыздагы анъланмаслык неден? – деп сорайды.

– Бир талайымыз: «Эдеге деген бир баьтир бар», бир талайымыз да: «Йок ондай киси», – деймиз. Эне сол бизим эрисуьвимиздинъ себеби, – дейдилер аьскершилер.

– Олай болса, Эдеге баьтир бар дегенинъиз бир якка шыксын, йок дегенинъиз де – бир якка. Бир коьз байлама ойын уьйретейим мен сизге! – дейди, – Эдеге бар дегенлер йок дегенлердинъ коьзлерин явлык пан байласын.

Аьскершилер, завкланып, разы боладылар. Эдеге яклылар оьзлерине карсы турганлардынъ коьзлерин туьйимшиклеп явлык пан байлайдылар. Эдеге эки куьпти айырып, бир-биринен йырма адым эрекке тизгенде, Тогызбайдынъ тогыз улы да келип етиседи. Баьриси де кылышларын шыгарып, коьзлери байлы Кабертин аьскершилерининъ басларын шавып аладылар. Сонъ «Эдеге бар» деп айткан аьскершилерге:

– Мен Эдегемен. Энди сиз де меним саклавларым боларсынъыз, – дейди.

Кабертиннинъ йырма аьскершисин де иертип, Бердибекти де алып, йолдаслары ман Темир ханга барадылар.

Темир хан кызын коьрген сонъ, кувганыннан тоьбеси коькке тийип, Эдегеге савлык тилеп, не зат этеегин билмейди. Оны буьтин саклавлары ман бирге сыйлайды. Кызынынъ куткарылганына куванып, кырк куьн, кырк кеше той тойлап, Бердибекти Эдегеге береди. Суьйтип Эдеге, кызды яратпаса да, Темир ханнынъ киеви болады.

Сол куьннен баслап тогыз ай он куьн оьтеди. Бердибек бир ул бала табады. Балага Нуредин деп ат бередилер.

Айлар, йыллар бир-бирин кувып озадылар. Нуредин он бес – он алты ясына келип, мазаллы йигит болады.

Бир куьн Эдеге улын тавга анъшыламага алып барады. Улы Нуредин бир кийиктинъ артыннан аты ман кувып кеткенде, Эдеге атыннан туьсип, бир таска тыншаймага деп олтырады да, кисесиннен кабалын шыгарып, шалып баслайды. Ол шалып кутылар-кутылмас, кулакларына коьктен увылдап, тавга энип, бир давыс келетаганын эситеди. Давыс, ога акырын якынласып, булай дейди:

– Э-хе-хе-е-ей, Эдеге улым! Баьтир болдынъ, картайып бараятырсынъ. Сен атанъынынъ соьзин тутпадынъ. Атанъынынъ, карт атанъынынъ, деденънинъ*, сенинъ уьшин янын берген оьгей кардашынъынынъ оьшин алмай, завкланып, рахатланып юресинъ. Келеек акылынъ келди, кетееги кетти, бизим тукымыздынъ тамырын курытаяк болып шалыскан Токтамыш ханнан оьшинъди алмасанъ, арамсынъ, арам… ар… – деп давыс, келген ягына тынып кетип, тав ишине синъди.

Эдеге эситкеннен сасып калып, басын тоьмен салып, ойланып турганда касына: «Кийикти туттым, атай!» – деп улы Нуредин кайтып келди. Эдеге ойларына сол кадер коьмилген эди, улынынъ не келгенине, не де куванып айткан соьзлерине кулак аспай, ойлы болып олтыра берди. Муны коьрген улы:

– Атай, не болды сага? Не бек кайгылы болдынъ. Авырыйсынъма яде бир зат болдыма? – деп сорайды.

– Айхай, балам! Калай кайгылы-дертли болмайым?! Меним де атам, ерим, юртым бар эди. Ол юртымнынъ Токтамыш деген ханы атамды, атамнынъ атасын оьлтирип, оьзимди де кувып йиберди. Мен бу затлардынъ баьрин де муткан эдим. Сен кеткен сонъ, муна кабалды бираз шалган сонъ, коьктен увылдап, тавга энип, бир давыс келди де, меним эски дертимди козгап йиберди. Мен Токтамыш ханнан оьшимди алмага керекпен, улым. Мине муна кабалды сен ал энди. Мен оьшимди алалмай оьлсем, кабал оны сенинъ акылынъа келтирер, – деп айтады.

Оннан сонъ Эдеге, улы Нуредин мен, уьйине кайтып келди. Нуредин карт атасы Темир ханга барады да, оькирип-оькирип, йылап баслайды.

– Улым, не болды? Не уьшин йылайсынъ? Биревлер тийдиме сага яде зат ты?

– Кайтип йыламайым, меним карт атамды Токтамыш хан оьлтирген, атам Эдегеди ериннен кувган, мен энди кайтип йыламайым? Атасынынъ оьшин алмаган аьвлет, аьвлет болама? Ызын берсенъ, мен Токтамыш ханга барып, атамнынъ оьшин алайым, – дейди.

Темир хан йиенине деп айтты:

– Сабыр эт, улым! Сага аьскеримнен бир кесек айырып берейим. Барып атанънынъ оьшин аларсынъ!

Сонда Нуредин айтады:

– Мага аьскер керек тувыл. Мага доьрт суьруьв йылкы эм кырк саклав бер. Бир суьруьви ала йылкы болсын, бир суьруьви торы йылкы болсын, бир суьруьви шал йылкы болсын, бир суьруьви де кара йылкы болсын.

Нуредин тилеген затлардынъ баьрисин де Темир хан береди. «Савлык пан кал!» – деп, Нуредин Токтамыш ханга кетеди. Токтамыш ханнынъ элине киреекте бир обадынъ касына шал йылкыдынъ суьруьвин салады. Баска обадынъ касына кара йылкы суьруьвин салады. Тагы да бир обадынъ касына ала эм сонъгы обадынъ касына торы йылкы суьруьвлерин салады. Аьр бир суьруьвге он атлы салады. Доьрт туьсли суьруьв айванга кырк атлыды салып ерлестиреди. Суьйтип, Токтамыш ханды доьрт яктан да курсап алады.

Эртенънен аксамга дери Нурединнинъ кырк атлы аьскершиси онар-онар болып, бир обадан бир обага атларын айдап, бир-бирлерин авыстырып, шанъ-тозан коьтерип тоьгеректи айланадылар. Токтамыш хан сарайдынъ доьрт йол авызларына[23] каравылга сакшыларын салады. Аксамгы каравылдынъ сакшылары кайтып келгенде, Токтамыш ханга мундай кара хабар аькеледилер:

– Ханым, эртенънен аьскер тоьгилип баслаган. Аксамда, биз кайтаятырганда, аьскер аьле келип туратаган эди, – дейдилер.

– Шалт болып мага Кемалдынъ улы Коьк Янбайды шакырынъыз! – дейди хан.

Янбай келгенде Токтамыш хан:

– Кайтер экенмиз? – деп сорайды оннан.

– Кайсы тас уьйкен болса, басынъды сога ур. Мен сага вакытында айтпадымма? – дейди Янбай, – Эдегединъ улы Нуредин аьскери мен келген, доьрт якка шатыр курган. «Кавга этпеге суьйсе – коьринсин, суьймесе – келсин де мага теслим* этсин! Тагын да мага берсин! Атамнынъ оьшин алаякпан!» – деп хабар йиберген.

Бу соьзлерди эситип, Токтамыш ханнынъ халкы коркты. Баьриси де доьрт якка тым-тыракай болып тентиреп кашады. Токтамыш хан да, такты таслап, алты улы ман кашып кетеди. Хатыны ман эки кызы калады. Энди Нуредин келеди де, Токтамыш ханнынъ кашканын коьрип, оьзи онынъ тагына олтырады. Хан болып, ханлык куватын колына алады. Токтамыштынъ кишкей кызын ханбийке этип, нышан тойын этеди. Янбайды да биринши аьдеми этип салады.

Коьп озбай, Нурединнинъ атасы Эдеге баласынынъ артыннан барады.

– Аьжейип, меним улыма не болган экен? – деп, оны коьрмеге йолга шыгады.

Темир ханнынъ мажасын оьткени мен хатыны Бердибекке:

– Кайт артынъа! Ойдан келген – ойга, кырдан келген – кырга! – дейди де, оны таслап кетеди. Бердибек йылай-йылай сонда калады.

Сонъ, Эдиге улына келеди де оны ман соьйлеп баслайды:

– Токтамыш хан кайда ды, улым? – деп сорайды.

– Атам, Токтамыш хан кашып кетти. Тагын бос калдырды да онынъ орнында мен хан болып олтыраман, – дейди Нуредин копарсып.

Атасы оны тынълап болып, булай дейди:

– Аргымактынъ яхшысы,
Аз отлар да коьп косар,
Эр йигиттинъ яхшысы
Аз соьйлер де коьп ислер.
Азамат пан дос болсанъ,
Кадиринъ артар, балам;
Билимли мен дос болсанъ,
Акылынъ артар, балам;
Гоьзел кыз бан дос болсанъ,
Коьркинъ артар, балам.
Малым бар деп, мактанма,
Буьгуьн бар да эртен йок;
Хан болдым деп, мактанма,
Буьгуьн бар да эртен йок;
Тилим бар деп, мактанма,
Тилинъ бир куьн куьрмелер;
Куьним бар деп, мактанма,
Куьн келер – бир туьрленер.
Кырав туьспей куьз болмас,
Аяз болмай буз болмас,
Атадан тувмай ул болмас,
Дуныя коьрмей йол болмас.
Яхшы аьдем бугыз тутпас,
Яман аьдем мунълы болмас,
Актарылмаган тав болмас,
Кайтарылмаган яв болмас.
Балшыбынды оьлтирмей,
Онынъ балы ашалмас;
Токтамышты оьлтирмей,
Онынъ тагы босалмас!

Муны эситкен сонъ, Нуредин, саклав аьскершилерин йыйып, Янбайды да касына алып, Токтамыш ханды излемеге барады. Такта, хан болып, атасы Эдеге калады. Эдеге мен бирге сарайда Токтамыш ханнынъ ханбийкеси мен олардынъ Ханеке эм Таьнеке атлы эки гоьзел кызы каладылар.

Нуредин Токтамыш ханнынъ ызыннан юре-юре, онынъ алты улы ман бирге Кенегес атлы бир авылда конганын эситеди. Оьзи де аьскери мен Актас деген авылда конып калады. Кеше, баьриси де уйклаган заманда, Янбай актаслылардынъ бир сенимли аьдеминнен Токтамыш ханга: «Шалт кашсын. Нуредин хуьжуьм* этип уьстине бараятыр», – деп, хабар йибереди. Токтамыш хан не этеегин билмей, оьзининъ алты улын шакырып, оларга насыйхат соьзин айтады:

– Айдынъ мунълы болганы –
Юзин мунар алганы.
Куьннинъ мунълы болганы –
Юзин булыт алганы.
Юзинъ кара болганы,
Уьстинъ коьрксиз болганы –
Ярлылыктынъ белгиси;
Авызыма абав энгени –
Картлыгымнынъ белгиси.
Баьрин айт та бирин айт,
Бай ман тапкан тоьреди айт,
Тулпар тапкан биеди айт,
Баьтир тапкан анады айт.
Тек ден уьшин, ден уьшин,
Сувга кирдим шыбык уьшин,
Терек кестим сал уьшин,
Денъиз кештим мал уьшин.
Сарайымнан шыктым, торландым,
Юртыма кайтпага корландым.
Атадан алтав тувса – ийги ди,
Ата йолын кувса – ийги ди,
Белине кармагын бувса – ийги ди,
Огын атып душпаннынъ
Алдаспанын[24] бузса – ийги ди,
Юзине келген айыпты
Оьзлери билип ювса – ийги ди.
Атадан алтав тувмаса,
Ата йолын кувмаса,
Белине кармагын бувмаса,
Огын атып душпаннынъ
Алдаспанын бузбаса,
Юзине келген айыпты,
Оьзлери билип ювмаса,
Атадан алтав тувганнан
Атадан тентек тувганы ийги ди!

– Сиз, атларынъызга атланып, кашып кетинъиз де аьскер йыйып кайтынъыз, – дейди Токтамыш улларына, – Сиз келгенше мен касымдагы саклавларым ман Нуреддиннинъ йолын кесип турарман.

Эртенгиси куьн келеди. Нуреддиннинъ Кенегес авылынынъ бир шетиннен аьскери мен келеятырганын коьрип, Токтамыш олардынъ уьстине хуьжуьм этеди. Муны коьрген Нуреддиннинъ аьскершилери, атларынынъ басын тартып, кери кашып кетедилер. Токтамыш ханнынъ аьскери оларды артыннан кува-кува, ете алмаяклары анълап, артына айланып кайтадылар да, ханларына:

– Нуредин кашып кетти, энди рахат болынъыз! – деп айтадылар.

Хан картлыгыннан, аьскершилери де бек арыганнан себеп, сол кеше Кенегес авылына кайтып, сонда конып, терен уйкыга коьмиледилер. Туьннинъ бир

заманында, булар уйклап ятканда, Нуредин бирден Токтамыш ханга хуьжуьм этип, аьскерин кырып салады. Ханды да, камалап алып, тутады. Сол вакытта Токтамыш, Нурединге карап:

– Мен Женъиз[25] асыллы ханман. Сендей бир кул кайтип кол коьтерер мага?! – дейди.

Муны эситкен Нуредин Токтамыш ханга:

– Темирден тувган Кутлыкая,
Кутлыкаядан тувган Эдеге,
Оннан тувган бир улман,
Мен сенинъ кулынъ тувылман.
Туькиршиги туьйме алтын,
Камышысы кайме алтын
Тулий ханды коьрдим мен –
Ол да Женъизбен дер эди,
Ол да Женъиз тувыл эди.
Сен де Женъиз тувылсынъ,
Эндигиси – меним кулымсынъ! – дейди.

Ол заманда Токтамыш хан, каргап, булай деп айтады:

– Кыя берип бес ханлар
Сизди коьлден кувалаган,
Мени юртымнан айырган
Сойынъыз эш оньмасын!
Уйкынъыз ястык коьрмесин!
Огынъыз белден туьспесин!
Мени булай ынжынткан,
Мырадына етпесин!

Нуредин Токтамыш ханнынъ басын камасы ман шавып алады да, атасына аькелип, булай дейди:

– Тостакай коьзли торы атым
Таьнърим мага бергенде,
Авым тартып мингенмен.
Алты улдынъ атасы,
Токтамыштай хан эрдинъ
Мен артыннан еткенмен,
Шавып басын алганман,
Колтыгыма салганман,
Колтыгымнан туьсер деп,
Кара териге каплатып,
Канжыгама такканман,
Оьшин алып сойымнынъ,
Атам, алдынъа салганман!

Эдеге, Токтамыш ханнынъ басын коьрип, улына:

– Аьперим, баьтир экенсинъ, улым! – деп, суьйинип айтады.

Бир заманнан сарайдынъ ишине Токтамыш ханнынъ Ханеке мен Таьнеке деген кызлары йылап киредилер. Нуредин кызлардынъ экевининъ де авыраяклы экенлерин коьрип:

– Сизге не болды? Ким эткен ди сизге бу маскаралыкты? – деп сорайды.

Кызлар, йылай-йылай, экеви де бир авыздан:

– Сенинъ атанъ Эдеге тийген бизим намысымызга, – дейдилер.

Нуредин муны эситкени мен бек яман ашувланып, атасы Эдегеге булай дейди:

– Курап шыккан булытпан,
Явмай турып таркаман,
Анамнан айры кара тувганман,
Сабын ман ювсанъ агарман.
Болаттан кыйшык шыкканман,
Алдынъа алсанъ туьз болман,
Атадан ялгыз бирев тувганман.
Бу корлыкка даянман –
Я шыгып кет, я оьлтирермен!

Сонда Эдеге, оьзининъ бир шуьшсиз экенин билип, улын ашувыннан кайтармага шалысып, булай дейди:

– Эр Нуредин тува деп,
Эбиялар келтирттим;
Сага бесик керек деп,
Алтын бесик эттирттим;
Бесикке тоьсек керек деп,
Йибек кумаш яйдырттым;
Йибек кумаш каты деп,
Астынъа суьнгер* салдырттым;
Йигит болып етискенде,
Сайлатып тулпар мингисттим;
Хан йыйынына барганда,
Хан суьйгендей болсын деп,
Алтын тонлар кийгисттим;
Йигит атынъ шыксын деп,
Артынънан кырк йигит иерттим;
Бир атадынъ баласындай,
Бир тувгандай болайык!
Аманатымыз сары бал –
Бал ишкен куьн коьп болсын!
Арамызды бузып юрген
Балдынъ курты йок болсын!
Сонынъ уьшин, яным балам,
Ашув соьзден кайтайык!
Ший оьлендей туьйилип,
Соьзди билмей айтпайык!

Эдеге не кадер улы Нурединди таьтли соьзлер мен ашувыннан кайтармага шалысса да, эш бир эпке келтире алмай, энъ сонъында улына булай дейди:

– Кулаксызга соьз айтсанъ,
Ушып кетер авага,
Кулаклыга соьз айтсанъ,
Синъип конар коьнъилге.
Тувра соьздинъ уяты йок,
Асыл соьздинъ уяты йок.
Коьлдинъ коьрки камыс ты,
Инсан коьрки намыс ты.
Эрмен деген йигиттинъ
Айтар соьзи ак болар.
Коьнъили онынъ ак болар,
Яман истен сак болар.
Яйрап яткан юлдыздан,
Балкып турган ай артык;
Бос семирген айгырдан,
Ойнаклап юрген тай артык;
Туье сойган сыйынънан
Кой сойылган той артык;
Соьз шыга турган тойынънан
Тыныш турган уьй артык;
Оьмиринъ оьтсе арам ман,
Уйкынъда коьрген туьс артык;
Хайырсыз болган балага
Хайырлы яздан кыс артык;
Тотыгып турган алтыннан
Шымара туьскен тас артык;
Кас туьйип берген сыйынънан,
Терлеп тапкан ас артык;
Канаты сынган карталдан*
Бийдайык деген кус артык;
Кут билмеген улынънан,
Кадиринъди билген эш* артык.
Узагы ман якынды ювырган билер,
Ашшысы ман таьтлисин таткан билер.
Куьн келер – мени карарсынъ,
Айтканларымды анъларсынъ!

Соны айтып болып, Эдеге басын алып шыгып кетеди.

Эдегединъ шыгып кеткениннен сонъ бир неше ай озады. Куьнлердинъ биринде, Нуредин Токтамыш ханнынъ кызларын тагы да бир коьреди. Коьреди, ама коьрген коьзлерине ыйнанмайды, сасып калады. Кызларга карап:

– Кала, курсакларынъыздагы балаларынъызды кайттинъиз? – деп сорайды.

Ханеке мен Таьнеке йылап:

– Бизде бала-мала йок эди. Ненемиз[26], атамыздынъ оьшин алаяк уьшин, курсакларымызга ястык тыгып, зор ман сага ялган айттыртты, – дейдилер.

Муны эситкен Нуредин, кызлардынъ ненесин кырк аттынъ куйрыгына байлатып, атларды кырга кувып йибереди. Оьзи, оькинип, элининъ доьрт ягына яршыларын* йиберип:

– Атамды, кайда болса да, шалт тавып аькелинъиз! – деп буйрык береди, – Ол, бек оькинишли болганы уьшин, сизге оьзин танытпас. Сонынъ уьшин, аьр бир рас келген картка деп айтарсыз:

– Он бес – улан,
Йырма бес – живан*,
Отыз – арслан,
Кырк – каплан,
Элли – туьлки,
Алпыс – куьлки,
Етпис – тысав,
Сексен – кисен,
Токсан – быламык,
Юз – йылавык, –

кайсы карт бу соьзлердинъ маьнесин шешип берсе, оны мага алып келерсиз, – дейди Нуредин.

Яршылар элдинъ доьрт ягынынъ астын-уьстин тинтип кыдырадылар, ама Эдегеди таба алмайдылар. Каралмаган ер, соралмаган эр калмады. Куьнлердинъ биринде яршылардынъ бириси тавдан кешип бараятырганда, бир шокырактынъ басында, уьсти-басы кир болган, ак сакаллы карттынъ шонъкайып тыншаймага олтырганын коьреди.

– Салам аьлейкуьм, карт атай! – дейди ога яршы.

– Аьлейкуьм салам! Хош келдинъ! Сен мунда не этип юресинъ? Кимлерден боласынъ? – деп сорайды карт.

– Мен Нуредин ханнынъ аьдемимен, – деп явап береди анавы.

– Нуредин хан кайдай киси, аьруьвме? – деп сорайды карт.

– Аьруьви аьруьв, ама оьзи, Токтамыш ханнынъ ханбийкеси себеп болып, атасын кувып йибергени уьшин бек кайгылы, бек пашман*. Бизди: «Сав болса – ер юзиннен, болмаса – ердинъ астыннан атамды табынъыз!» – деп кыстайды. Мине энди бир йыл болаятыр излейтаганымыз, карамаган ер, сорамаган эр калмады, ама онынъ атасын табалмадык. Излемеге шыгаятырганда ол бизге:

– Он бес – улан,
Йырма бес – живан,
Отыз – арслан,
Кырк – каплан,
Элли – туьлки,
Алпыс – куьлки,
Етпис – тысав,
Сексен – кисен,
Токсан – быламык,
Юз – йылавык, –

деген соьзлерди айтып, олардынъ маьнесин шешип билген карты таппага буйрык эткен, – дейди.

Бу соьзлерди эситкен сонъ, карт мундай явап береди:

– «Он бес – оглан», – дегенинъ –
Он бес ясынъа келгенинъ,
Оьсип йигит болганынъ,
Атадан коьрип, ок йонып,
Ат уьстине конганынъ.

«Йырма бес – живан» – дегенинъ –
Йырма бес ясынъа келгенинъ,
Акылбалык болганынъ,
Оьз басынъа бас болып,
Ата йолын кувганынъ.

«Отыз – арслан» – дегенинъ –
Отыз ясынъа келгенинъ,
Арслан тутып еккенинъ,
Кайда барсанъ, эл коьрки,
Отка басып юргенинъ.

«Кырк – каплан» – дегенинъ –
Кырк ясынъа келгенинъ,
Кылыш-кынынъ асканынъ,
Кылды кыркка сен боьлип,
Орта яска басканынъ.

«Элли – туьлки» – дегенинъ –
Элли ясынъа келгенинъ,
Элге уьлги болганынъ,
Туьлки тонына оранып,
Эл агасы болганынъ.

«Алпыс – куьлки» – дегенинъ –
Алпыс ясынъа келгенинъ,
Камышынъды илгенинъ,
Сакал, шашынъ агарып,
Картлыкка аяк басканынъ.

«Етпис – тысав» – дегенинъ –
Етпис ясынъа келгенинъ.
Тысав туьсер аякка,
Явырынынъда куьш калмай,
Таянарсынъ таякка.

«Сексен – кисен» – дегенинъ –
Сексен ясынъа келгенинъ,
Созылып шетке мингенинъ,
Увыртынъда тислер куйылып,
Азап шегип юргенинъ.

«Токсан – быламык» – дегенинъ –
Токсан ясынъа келгенинъ,
Тонъкайып ятып турганынъ,
Ашаган асынъ – быламык,
Эки коьзди йойтканынъ.

«Юз – йылавык» – дегенинъ –
Юз ясынъа келгенинъ,
Йылай-йылай юргенинъ,
Аяк-колынъ тутылып,
Аьжелинъ келип оьлгенинъ.

Муны эситкен сонъ, яршы, атына атланып, шалт болып ханга келип:

– Оьрметли ханым! Сенинъ айткан соьзлеринънинъ маьнесин билген картты талтым, – деп, карттынъ айткан явабын айтып береди.

– Кайда ол карт? Шалт болып оны мунда алып кел! – деп, буйрык береди, – Эгер картты алып келсенъ, мен сага бир кисе алтын берермен, – дейди.

Яршы сол саьатлей яне атына атланып, шокырактынъ басына барып, картты табады да ога ханнынъ буйрыгын билдиреди.

– Сен кайт, – дейди карт, – сонъ мен оьзим келермен.

Яршы кайтып, карттынъ оьзи келеегин билдиреди. Коьп озбай, карттынъ сарайга келеятырганын коьрип, Нуреддиннен:

– Анав карт келеятыр, кайтип кабыл этейик оны? – деп сорайдылар.

– Уьш йыллык бир семиз кысыр койды сойынъыз да, бир кесегин де калдырмай, кувырып алдына салынъыз! – дейди.

Картты хош коьрип карсы алган сонъ, кувырылган койдынъ этин сыпырага салып сыйлайдылар. Карт, койдынъ этин ашап таьвескен сонъ, сорпасын да коьтерип ишип битиреди. Сыпырады йыйып асханага аькеткенде, кызметкерлер* сасып калып:

– Аьперим карттынъ карынына! Бир кесек эт калдырмай, аьтте* таба-табакларды ялап юткан, ер юткыр! – дейдилер.

Бу соьзлерди эсите калган карт та, оларга айланып:

– Тавда юрген боьри эдим,
Курытып бие этин ашадым.
Коьп яманлыкка кор болып,
Сарайга кайтып, кой ашадым, – дейди.

Бир заманнан асханага келип кирген Нуредин хан кызметкерлериннен:

– Карт карнын тойдырдыма? – деп сорайды.

– Тойып-тоймаганын билмеймиз, ханым. Ама кувырылган койдан бир кесек те калдырмады, сорпасын да коьтерип ишти, – дейдилер.

– Оннан сонъ ол сизге бир зат та айтпадыма?

– Онынъ айтканыннан бир зат та анъламадык. Ол бизге:

– Тавда юрген боьри эдим,
Курытып бие этин ашадым.
Коьп яманлыкка кор болып,
Сарайга кайтып, кой ашадым, – деди.

Муны эситкен Нуредин, келген карттынъ оьзиннинъ атасы Эдеге экенин анълады. Ишке кирип, ашув ман, бир шуьшсиз атасын кувып йибергени уьшин афув тилеп, колын оьбеди, разылык тилейди. Атасы да оны кешерип, кушаклап оьбеди.

Сол куьннен баслап атасы ман улы татым яшайдылар. Нуредин ханлык суьреди, атасы онынъ энъ якын кенъесши аьдеми болады. Токтамыш ханнынъ кишкей кызы Ханекеди де, кырк куьн той тойлап, Нуредин ханбийке этип алады.

Айлар, йыллар артлы-артыннан кувып кетедилер. Токтамыштынъ алты улы Алтын Орда ханлыгын Нурединнинъ колыннан алув уьшин канлы кавгады баслайдылар. Алты улдынъ бесеви бу канлы кавгада оьледи. Кадырберди деген алтыншысы калады. Ол да баска ханлардан ярдам алып, атасы Токтамыштынъ тагын алмага Бес-Оба деген ерге келеди.

Сол куьн Нуредин Янбайга:

– Бес-Оба коьлине куслар келген мекен? Соны бир карап келсенъе! Келген болсалар, анъга шыгайык, – дейди.

Янбай, атына атланып, Бес-Оба коьлине якынлаганда, онынъ бойында бек коьп шатырдынъ курылганын коьреди. Барып янасканы да бир болады, оны тутып, Кадырберди бийдинъ шатырына алып барадылар. Кадырберди Янбайды коьргени мен, коьзлериннен от шашратып, ашувланып:

– Ах, мен сени, эки юзли ийт баласы! Атам сав заманда сый-оьрмет коьргенинъ уьшинме энди Нуредин мен Эдегединъ ойынын ойнап юруьвинъ?! – деп, камасы ман ураяк болганда, Янбай:

– Аман*, бийим! Токта, мен сага бир зат айтайым, – дейди, – Мени оьлтирменъиз, мен сизге эртен мунда Нурединди алдап алып келермен. Сиз оны тутар да, тоьрге олтыртасынъыз. Онынъ олтыраяк миндерининъ астына ушлы бийда пышаклар саларсынъыз. Ол миндерге олтырып яраланар, сиз де оны оьлтирерсиз.

– Аьше, атынъа атлан да кет, Нурединди алып кел мунда, – дейди Кадырберди, – Эгер аькелмесенъ, Янбай – кара мага! Бир куьн мен сени тутарман да, танълайынъа темир кыздырып басарман.

Янбай сарайга кайтып келеди де, Нурединге:

– Ханым, Бес-Оба коьли кусларга толган, эсабы-саны йок! – дейди.

– Юр, аьше, анъга шыгайык! – дейди Нуредин.

Янбай аласа атына атланып, Нуредин де шал айгырына минип, бийдайык кусын колына тутып, йолга шыгадылар. Йолда бараятырганда, Янбай Нурединге карап:

– Ханым, сен бийдайык кусынънан бирзат та коьрмей каласынъ. Сен меним аласа атыма минип, мен де сенинъ атынъа минип, бийдайыкты тутсам, бек те аьруьв болар эди. Сен тек коьз-кулак болып юр де, мага керек заманда бийдайыкты ушыртпага буйрык бере тур.

– Бек аьруьв, – дейди Нуредин эм, атыннан туьсип, Янбайдынъ аласа атына минеди.

Янбай да ханнынъ колыннан кусты алып, онынъ шал айгырына минеди. Суьйтип олар Бес-Обага барып етедилер. Обалардынъ артында аьскершилер бар экен. Нуредин уьстине аьскердинъ келеятырганын кеш коьреди. Онынъ шал айгырына минген Янбай, колындагы кусы ман бирге кашып, барып аьскерге косылады. Аьскершилер Нурединди курсап алып тутып, Кадырбердидинъ бойсынувындагы бес бийдинъ олтырган шатырына алып кетедилер. Шатырдынъ алдында эртерек темир сислерден йол ясалган эди, сислердинъ уьстине кызыл куьйиз яйылган. Нурединди

сол йол ман яланъаяк юргистедилер. Кадырберди бий Нуредингe орын коьрсетип: «Кел, олтыр», – деп, астына эки бийда пышак салынган куьйизге олтыртады. Нуредин барып олтырганы ман, бийдалар эки санын тесип, шыгып белине кадаладылар. Кадырберди бий, Янбайга карап, айтады:

– Энди сорастыр оны! Атамнынъ тагын кайткен ди? Атамнынъ оьзин кайткен ди? Карындасларымды кайткен ди? Атамнан мырас* болып калган казнады кайткен ди?

Янбай, Нуредин ханнынъ карсы алдына шыгады да, сорав алып баслайды:

– Бес, Бес-Оба, Бес-Оба
Белинъде пышак, сен туткын.
Бес бийимге бир кулын –
Сенинъ таьлейинъ, Нуредин.
Камыслыкка от бердинъ,
Энди кайда отларсынъ?
Кара куйыга кан куйдынъ,
Сувга кайдан канарсынъ?
Шал айгырынъды туттырдынъ,
Оны кайдан аларсынъ?
Бийдайык кушынъ кашырдынъ,
Оны кайдан карарсынъ?
Карт атанъды сен кувдынъ,
Кайда барып онъарсынъ?

Нуредин:

– Бес, Бес-Оба, Бес-Оба,
Белиме салсам – юрт болар!
Бес бийинъе бир кулын –
Мен тилесем – кут болар!
Камыслыкка от берсем,
Калганында авларман;
Кара куйыга кан куйсам,
Как[27] сувы ман канарман;
Шал айгырды туттырсам,
Шал басынъа конарман;
Бийдайык кустай мыйынъды шукып,
Коьзлеринъди ойып аларман;
Карт атамды картайганда
Сарайымнан кувган болсам,
Таьнъридинъ уьйи Каьбеге
Барып кайтсам, онъарман!

Янбай:

– Арта келген арбадынъ
Алтавы да казналы,
Оны кайттинъ, Нуредин?
Ханекедей гоьзелге,

Таьнекедей шеберге,
Нелер эттинъ, Нуредин?

Нуредин:

– Арта келген арбадынъ
Алтавы да казналы,
Таьнърим мага бергенде,
Алты баьтирге бергенмен.
Ханекедей гоьзелди,
Тойын тойлап, алганман,
Таьнекедей шеберге
Тап кардашындай болганман.

Янбай:

– Босагасы алтын сарайды
Оны кайттинъ, Нуредин?
Аягы эрек, мойны терек,
Атты кайттинъ, Нуредин?
Сегиз ерден тигуьвли,
Тогыз ерден туьймели
Тонды кайттинъ, Нуредин?
Айдай узын айбалтады
Алып кайттинъ, Нуредин?
Токтамыштай хан эрдинъ
Сакалын кайттинъ, Нуредин?
Басын шавып алган сонъ,
Оны кайттинъ, Нуредин?

Нуредин:

– Босагасы алтын сарайды
Алып аст-уьст эткенмен,
Ханбийкеге ашувланып,
Орман отка бергенмен.
Аягы эрек, мойны терек,
Атты оьзим алганман.
Сегиз ерден тигуьвли,
Тогыз ерден туьймели
Тонды сыртыма салганман.
Айдай узын айбалтады,
Айландырып, алганман,
Канлы кавга ерлерде
Онъ колыма салганман.
Ер кыйыры Тунада
Токтамыштай хан эрдинъ,
Сакалын кызыл кан этип,
Басын шавып алганман.
Колтыгыма салганман,
Колтыгымда сасыр деп,
Кара тери мен каплап
Канжыгама таккаман.
Оьшин алып сойымнынъ,

Атам алдына салганман.
Кемалдынъ улы Коьк Янбай,
Кенъес таппас ийт Янбай,
Мал бергеннинъ кулысынъ,
Кара кисидинъ улысынъ,
Коьзинъе карап соьйлемей,
Аркадан урган туьлкисинъ.
Куьн келер сени, Коьк Янбай,
Тилинънен тартып асарман,
Танълайынъныньнъ туьбине
Тас кыздырып басарман.
Мен Нуредин баьтирмен,
Айтканымнан кайтпайман;
Санларыма эки пышак киргистип,
Оьлтирсенъ де, мунъайман!

Кадырберди бий муны эситкен сонъ:

– Калай оькинишли ди, Нуредин! Сенинъ бир шуьшинъ де йок, баьрисине де аталарымыз шуьшли экен! – деп айтады.

Сонъ Нурединди, оьзиннинъ атына мингистип, уьйине йибереди. Нуредин уьйине кайтаятырганда, йолда атасы Эдегеди коьреди. Атка минген, колына кылышын алган, аьскер мен келеятыр. Улынынъ канга боялганын коьрип:

– Не ди бу, тоьре улым, сондайма энди сенинъ аьлинъ? – дейди.

Сонъ Эдеге Кадырбердиге согыспага барады, аьскерининъ ишине кирип, онъга, солга кылышын урып, бек коьп аьдем оьлтиреди. Муны эситкен Кадырберди тез огына согыс болган ерге етеди. Ян-ягына караганша, Эдеге коьзден йойтылады. Кадырберди артыннан етисе алмайды. Эдеге бир авылга келеди. Атыннан туьсип, бир уьйге киреди. Бу уьйге Кадырберди хан да етеди. Ол да атыннан туьседи эм кылышын колына алып:

– Сосы карт туьлкидинъ оьзим кылышым ман басын кесейим! – деп, уьйдинъ ишине киреек болады.

Эдеге эсиктинъ артында ясырынып туры экен. Кадырберди уьйге киргенлей, Эдеге, колындагы камасын курсагына сугып, карнын теседи. Кадырберди бий ерге йыгылады. Эдеге уьйден шыгып кашады. Аты ман бирге йок болады. Бий-мырзалар Кадырбердидинъ артыннан келедилер. Кадырберди буларга карап:

– Кайсынъыз, мен оьлмей турып, мага Эдегединъ басын аькелсе, ханлык тагымды ога калдырарман! – деп айтады.

Бий-мырзалар шалт болып шыгып кетедилер. Анав якта, мунав якта излеп, сонъында камыслыкка якын бир ерде Эдегединъ атынынъ ызларын табадылар. Тешкерип, аьруьв этип карасалар, Эдегединъ кирген ызы йок, шыккан ызы бар. Сол вакытта Янбай:

– Эдеге бек кылыплы киси, бу ызларды ол каьр этип калдырып, оьзи камыс ишине кирген болар. Мен барып камыслыкты бир карайым, сиз ызлардынъ эки ягында турынъыз. Ыздынъ бир ягында Шырын мырза турсын, анав бир ягында Барын мырза турсын, – дейди.

Эки мырза ызлардынъ эки ягында пысып турады. Колларында кылышлары да аьпме-аьзир. Янбай айтады:

– Оьзинънен кишкей кисиге:
«Сен тур, аьзизим,

Мен атайым», – дер эдинъ!
Оьзинънен уьйкен кисиге:
«Мен турайым, аьзизим,
Сен атшы», – дер эдинъ!

Эдеге, муны эситип, камыслыктан сес береди:

– Кадырберди бийди оьлтирдим,
Энди оьлгенлерден ким коркады?

Эдеге камыслык ишиннен шыгады. Сол ерде пысып олтырган Барын-мырза Эдегединъ басын кылышы ман кагып алады. Эдегединъ басы ерге тыгырып кетеятырганда:

– Барын, сага не айтайым?
Биринъ эки болмасын!
Юртынъ буьтин калмасын! – дейди.

Барын, Эдегединъ басын колтыгына алып, Кадырберди бийге кетеди. Йолда Шырын мырза Барын мырзага айтады:

– Бер мага Эдегединъ басын, мен тутайым, уьстинъди батырма. Савлай ханлык энди сеники!

Барын Шырынга басты береди. Шырын да, басты колына алганлай, кашып кетип, Барын мырзадан алдын Кадырберди бийге барып етеди. Эдегединъ басын онынъ алдына салады. Кадырберди бий ханлыкты Шырынга береди. Суьйтип, Шырын хан болып калады.

Эдеге – эрдинъ улы экен,
Эр Таьнъридинъ кулы экен,
Анасы онынъ албаслы,
Атасы онынъ Кутлыкая
Карт Аьзиздинъ улы экен.
Эдеге ханлык эткенде,
«Бирлик» деген соьз болган;
Эдеге оьлип кеткен сонъ,
«Бирлик» соьзи йок болган.
Эдеге йырын окыганлар,
Ибрет* алып, ойына кайтсын;
Эбин тавып, анълап алган
Баскаларга барып айтсын!
«Эмин!» деген тилегин тапсын,
Демегени тилин капсын!

Переложение на современный ногайский язык
Т. Джемакулова, М. Авезова

ПРИМЕЧАНИЯ [1]

[1] Жетишкул (Етишкуьл) – название одного из пяти основных ногайских политических объединений, образовавшихся после распада Большой и Малой Ногайских Орд. Ногайцы диаспоры часто произносят в этом слове «-кул» вместо «-куьл».

---

[1] Примечания Т. Джемакулова

[2] Кабайыл (арабск.) – множественное число от «кабиле» – племя, род.
[3] Тора (тувра) – здесь: прямо, в сторону, по направлению.
[4] Шапканым – здесь и ниже ряд глаголов оформлены турецкими окончаниями «-ым», соответствующим ногайским «-ман». «Шапканым, барганым, жатканым» и т. д. следует понимать как «шапканман, барганман, ятканман» и т. д.
[5] Кайганым – здесь: съехал, сполз.
[6] Капканым – здесь: ухватил.
[7] Язык – здесь: сожаление, обида.
[8] Бин: бин бир (мынъ бир) – тысяча один (1001).
[9] Туьшинуьв – думать, размышлять.
[10] Буьс-буьтин – полностью.
[11] Катмесин (калай этеегин) – что делать?
[12] Калады – зайца издалека застрелил охотник, ушедший в аул за ружьём.
[13] Баба – дед, дедушка; здесь: предок.
[14] Аьзиз – имеется в виду Баба Туькли Шашлы Аьзиз. См. вариант Радлова.
[15] Бармагы – смысл этого эпизода искажён, это видно из последующих нелогичных объяснений ханши. Сливки должен был снять пальцем сам хан Токтамыш. Данный эпизод точнее изложен в варианте Радлова.
[16] Имеется в виду, что Янбай дружен с Эдеге.
[17] Морарув – принимать бордовый цвет.
[18] Пайтон – фаэтон.
[19] Кедеге – задняя часть арбы. По мнению Энвера и Недрет Махмутов, здесь имеется в виду ханский зад.
[20] Тогызбай – возможно, что это не личное имя человека, а название рода или племени. Во вступительной части от имени сказителя говорится, что он из рода Тогызбай (Докызбай дыр меним сойым).
[21] Киев – зять. Женившись на свояченице (балдыз) хана Токтамыша, Эдеге стал бы его свояком (бажа).
[22] Йибереятырганда – конь встал на дыбы, и Эдеге начал сползать вниз, в сторону Кабертина.
[23] Авыз – здесь: ворота.
[24] Алдаспан – согласно примечанию Энвера и Недрет Мамутов, в данном контексте слово означает разновидность защитного доспеха, составленного из железных «пуговиц». См. также словарь.
[25] Женъиз – Чингиз-хан.
[26] Нене – здесь: мать.
[27] Как – лужа. Срав.: с «кызылгак/кызылкак» – см. словарь.

Эдиге

Вариант Т.А. АКМАНБЕТОВА

Печатается по тексту:

Акманбетов Т.А. Эдиге. Рукопись. Запись 1975 г. Архив Т.А. Акманбетова. Публикуется впервые.

Настоящий вариант эпической поэмы «Эдиге» записан в 1975 году в ауле Термен Ногайского района Республики Дагестан от йырау Янпоя Доржиева известным фольклористом, составителем серии сборников ногайского фольклора, Т.А. Акманбетовым. Публикуется впервые.

Шашлы Боркай деген киси анъшылап шыгады экен. Уьшгоьл деген коьлдинъ камыс ягасына келип, ол ял алады экен. Сол коьлдинъ ягасына уьш ак коьгершин конады экен. Боркай оларды коьреди. Куслар, уьстиндеги коьгершин кеплерин шешип, уьш аьруьв кызга айланадылар. Шашлы Боркай, кызлардынъ ыспайлыгын коьрип, тамашасы келип, коьзин айырмай, карап турады экен.

Шашлы деп ога, карын шашы алынмаган уьшин ат аталган, усайды. Боркай деген соьз Боьри акай дегенди билдиреди.

Ол, камыслардынъ арасыннан шыгып, уьш коьгершиннинъ кийимлери, уьш тоьбедей болып, уьйилгенин коьреди. Шашлы Боркай кишкей коьгершиннинъ кийимин алып, камыслардынъ арасында ясырынады. Эки коьгершин ушып кетеди, кишкей коьгершин кийимин табалмайды, сога коьре ушалмайды.

– Бир кере коьрдим сени, мынъ кере сени мен яшагым келеди, – дейди Боркай кызга, камыслардынъ арасыннан шыгып.

– Таьнъир манълайымызга язган болса, мынъ куьн тувыл, эки мынъ куьн де яшармыз, – дейди кыз амалсыздан.

Олар, бас косып, Шыншыр-тавдынъ касында яшап каладылар.

Бир куьннинъ бир куьнинде Кутлыкая деген каядынъ касында Боркайдынъ хатынынынъ аягы енъилленеди. Увыл бала тувады. Олар балага Кутлыкая деп ат бередилер, уьйшиликте Аьзиз деп те айтадылар.

Бала кус суьер болып оьседи. Куслардынъ ушувыннан – арыганын яде арымаганын, куслардынъ авызыннан – ашлыгын яде токлыгын билетаган эди. Кутлыкая асыл болды дегенде, онынъ атасы Боркай эм анасы, анъсыздан, бир

куьн ок, шыбын янын бередилер. Олардынъ шыбын янлары эгиз юлдызларына айланганлар дейдилер.

Кутлыкая Токтамыш ханнынъ Секерли кез деген юртына барып, кустасы болып куллык этеди. Токтамыш хан асыл тукымлы кусы ман анъга шыгатаган эди. Онынъ кусы баска анъшы кусларына анъ алдырмайтаган эди.

Саьтемир ханнынъ Токтамыш ханнынъ кусында коьзи бар эди. Сога коьре, ол бир куьн Кутлыкая ман йолыгысып:

– Токтамыш ханнынъ Туькли аяк деген ак сунъкарынынъ бир юмырткасын берсенъе, – деп, кус янлы кусшыдан тилейди.

– Алтынга да, япаска да, савкатка да кустынъ юмырткасын бермеймен. Сен ак юрегинъ мен тилейсинъ, мен беремен. Токтамыш ханнынъ асыл тукымлы кусынынъ асыл каны шоьл элинде кенъ таралса экен, – дейди Кутлыкая.

– Экевимиздинъ ниетимиз бир экен, – дейди Саьтемир, суьйинип.

– Ниетимиз бир болганына, тоьбем коькке етеди, – деп айтып, Кутлыкая Токтамыш ханнынъ асыл кусынынъ бир юмырткасын Саьтемир ханга береди. Саьтемир хан, куванышы коькирегине сыймай, юмырткады куьлли каабадынъ ишине салып, аягы ерге тиймей, алып кетеди.

Токтамыш ханнынъ кусы йылда эки юмыртка юмырткалайтаган эди. Ол кусынынъ бир юмырткасын коьргенде: «Кусым картайган болса ярайды», – деп ойлайды.

Бир куьн Саьтемир хан туьс мезгилде, юманув уьшин, анъшылап шыкканда, Токтамыш хан ман расады. Саьтемир ханнынъ кусы Токтамыш ханнынъ кусынынъ алдыннан туьлкиди алып кетеди. «Бу не болды экен? Меним кусым мундай аьлге туьспейтаган эди», – деп, Токтамыш хан ойга туьседи, неге десенъ, ол оьзининъ кусын Саьтемир ханнынъ кусыннан айыра алмайды. «Бу кус меним кусымнынъ тукымы болса ярайды», – деп, ол, ойлана берип, кара терге батады.

Токтамыш хан ойынынъ туьйинин шешеек болып:

– Мен шек алып турыман. Бу кус меним кусымнынъ тукымы болмаса кутылмайды. Ханга айткан соьзиннен таймага ярамайды, – дейди.

– Шек алувынъ бос тувыл. Хан болмас соьзди сойлемес деген – керти соьз. Асыл кустынъ каны шоьл элинде йок болмасын деген ниет пен, мен сенинъ асыл кусынъынынъ бир юмырткасын тилеп алганман. Юмырткадан балапан шыгарткан-ман, – дейди Саьтемир хан, неге десе ялган соьйлемеге ярамайды.

Токтамыш хан коьнъили бузылганын Саьтемир ханга билдирмесе де, ашувына туьйилип, юртына келип, Кутлыкаяды шакырып:

– Меним асыл кусымда сенинъ не куллыгынъ бар? Ондай тукымлы кус меннен оьзге биревде де болмага керек тувыл эди. Меним кусымнынъ бир юмырткасын, эки колынъ ман берип, ийининъдеги казандай басынъа, Коьк боьри тавдай, каза келтирдинъ, – деп, Кутлыкаядынъ эки кулагын кестирип, бурнын тестирип, элден кувып йибертеди.

Кутлыкая орманга барып яшайды. Анъшылап, балык ыслап, куьн-туьнин оьткереди. Бир кере ол Кызыл тогайга келеди. Онда уьйкен шав-шув болып туры эди, бир якта – кобыз, бир якта – йылав. Той юрип турган мезгилинде, уьйленеятырган кеде капилистен оьлипти экен. Тойшылап турганлар, Кутлыкаяды коьрип, оьлген

кедединъ орнына олтыртып, тойын бардырадылар. Тойда атшабыс та, ак билек куьреси де, табан тиресуьв де болады. Той иеси Кызыл тогайдынъ Ак-тоьбесине минип, кол кавыстырып, тиз буьгип, тиз астына боьрк салып, онъ колына бал алып:

– Куьев кедем атшабыска кирисеек эди – аргымагы йок, ок атаяк эди – яйы йок, табан салып тиресеек эди – эби келмейди, сол саялы куьреспеге ак билек майданга, енъинъди туьрип, шык, куватынъ етсе, бизим делимизди йык. Йыксанъ – куьез сага, йыкпасанъ – баьле сага, – дейди.

Кутлыкая, сол аягынынъ балагын туьрип, сол коьзин юмып, сол аягыннан ортага шыгып, олардынъ делисининъ белиннен сол колы ман сыгып, онъ ягына былактырып таслайды. Той иеси, басына кум себе берип:

– Куьресип, енъмеген болсанъ, бизде яшап калаяк эдинъ. Енъдинъ, сол саялы, энди коьзиме коьринме. Ал кызымды, ал атымды, туьс йолынъа, йоьне алдыга, – дейди.

Кутлыкая, кызды алып, атка атланаяк болып, «Бисмилла», – деп айканы да болады, бирден баьри зат та йок болады. Тоьгеректе – маллардынъ суьеклери, кой кумалаклар, тамашалардынъ увак кесеклери яйрап ятыр эди. Онынъ бутында кызыл йылгын бар эди. Артында узын кара шашлы, маьмейлери салпырап турган кыз да, аясында аттан уьзилип калган бир кызыл кыл бар эди.

– Менде хатын йок, сенде эр йок, сол саялы, бас косып, бирге яшайык, – дейди Кутлыкая.

– Неке кыйдырып болмаймыз… Некединъ орнына булай сойлесейик. Мен кийингенде, колтыгыма карамассынъ, шарият эткенде, бетиме карамассынъ, куслы эткенде, этиме карамассын, – деп кыз Кутлыкая Аьзизге айтады.

– Солай да болсын, карамасам меним бир муьшем кемиек пе? Кемимеек, ярайды, караман, – дейди ол.

Кутлыкая сол кыз бан хыйлы заман яшайды. Бала болмайды. Кутлыкая курыган терекке усап баслайды. Бала – юманыш, бала – сой алувшы, ата-анасы оьлгенде, – коьрге салувшы. Кутлыкая кувангандай бир аьвлети йок. Саьбийсиз яшав оны бек йоьнъките эди. Бир куьн ол, колына кызыл кылды алып, бас бармагына орап турган мезгилинде, кылдан юка тавыс шыгып:

– Сенинъ хатынынъ йиннинъ кызы, терек аяк кебинде келеек болып, сол саялы сенинъ канынъды сорыйды. Курыган терекке усаганынъ сол себептен тувыл ма? Уйклагандай болып ятарсынъ, канынъды сораякта, шашын кесип аларсынъ, ерге таслап, аягынъ ман таптарсынъ. Сенде увыл тувар, мен кылдан тулпарга айланарман, баланъды алып кашармыз. Олай болмаса, сен оьлерсинъ, баладынъ тувганын да коьрмей каларсынъ. Аьдем баласы некенъди бузарсынъ, хатынынъ шомылганша, йыртык туьлки терисин ямылып ятарсынъ, – дейди.

Кутлыкая Аьзиз, уйклаган кисидей болып, йыртык туьлки терисин ямылып, коьзин юмып ятады. Ай ярыгында онынъ хатыны коьлге туьсип, шомылып баслайды. Кутлыкая теридинъ йыртык ериннен, хатыннынъ колтыгыннан оьти коьринетаганын коьреди.

– Некес эркек, некеди бузды-ав, – деп, хатыны оьзи-оьзине шамланады.

Кутлыкаядынъ касына янасканы да болады, ол коьзин ашып, ушып турып, хатынынынъ шашыннан сыгып ыслап, кесип ерге таслап, аягы ман таптайды. Хатын

юкли болган саялы, увыл бала ерге туьседи. Кыл аргымакка айланады. Кутлыкая балады буланнынъ терисине орап, аргымакка атылып минеди. Аргымак, канатлыдай болып, ушып кетеди.

Елсиз тереклер яйкаладылар, каргалардынъ каркылдавы, обыргустынъ кышкырувы ян-яктан эситиледи. Хатыннынъ кара шашлары, кавмактай болып, басынынъ уьстинде коьринеди. Салпыраган маьмейлери тартылып, коькирегининъ ишине ойылып, синъип кетеди. Маьмейлердинъ орнына бугадынъ муьйизи шыгады. Басыннан тезек куьл себилип туьскендей, коьзлери соьнип бараятырган от кызувындай, бурныннан сап-сары ирин аккандай, кулакларыннан кан тамгандай эди.

Бирден хатыннынъ кевдеси дирилдеп, боьриге айланып, олардынъ ызыннан кувады. Боьри, кызыл тилин шыгарып, силекейин актырып, тынысын тап аргымактынъ куйрыгынынъ янында алгандай эди. Кутлыкая, коьсевдей колларын созып, коргайлы ялав* ман боьридинъ басына согады. Боьри ерге йыгылганлай ок, аяклары тырсылдап, коькиреги сырылдап, инге кирип кетеди. Сол аьсерде, Кутлыкаядынъ аргымагы, уьш кере силкинип, йок болады.

Балады колтыгына алып, орман ман Кутлыкая ювырып бара эди. Шонтык теректинъ касында Кутлыкая, тынысын авыр ала берип, ял алмага деп олтырады.

– Бала минли тувылма экен, – деп, Кутлыкая юрегининъ куьшли согувы ман, баладынъ каркырасын караяк болады. Онынъ кулагына:

– Эти, ийги, эти ийги, Эдиге, – деген Сыбырадынъ тавысы коьктен шыгады.

Йиний кыз, боьри болып, Кутлыкаяды кувганнан сонъ, ногайлар боьриди ялав ман согатаган болдылар. Ога дейим ногайлар боьриди оьлтирмейтаган эдилер.

– Мен элли ясымдаман, орманда яшайман, меннен пайда йок, увылымнынъ хайырын эл коьрсин, – деп, Кутлыкая балады колына алып, кулагына: «Эдиге», – деп уьш кере кышкырып айтады.

Бала аш болады, эмшек эмгиси келип, йылайды. Кутлыкаядынъ алдына ак сакаллы карт шыгып калады.

– Кой алып келейим, бир саьмет, сабыр этип турсанъа энди, – дейди сол карт.

Ол ак сакаллы карт Кыдырнияз болган эди. Кыдырнияз алгасап кетеди. Бала, уьзбей, коймай, аш болганлыгыннан, токтавсыз йылап турады. Баладынъ соьйтип йылавы Кутлыкаядынъ зересин* шыгарады, языгын да ийдиреди. Балага бир амал этпеге керек болады. Кутлыкая, амалсыз болып, куьшиклеген канъсык ийтке балады авызландырады да кояды.

– Э, кешиктим-ав, кешиккен мен бир зат та балага болмаяк эди. Анъкавлык эткенсинъ, сондай минсиз балады, арам суьт пен авызландыргансынъ. Увылынъ коьк боьридей йигерли, акыллы, коркувсыз болаяк, аты юртта данъклы болаяк, яшав йолында ийттей ырылдасып тураяк, оьмири согыс пан оьтеек, – дейди Кыдырнияз, аькелген койынынъ мойнын сыйпап.

Онынъ соьзлериннен сонъ, Кутлыкая мунълы болса да, пайда йок. Озып кеткен иске не этип болаяксынъ? Юз кере оькинсенъ де, туьзетилмеек. Сол саялы, Кутлыкая он увылы болган керейит Эсенбай карттынъ термесине барып:

– Мен орманда яшайман, сол саялы, кедем сага аманат, суйген атты оьзинъ ата, тек асыл болганда, Эдиге деп айтарсынъ, – дейди Кутлыкая.

Эсенбайга авыл арасында Эсев яде Эсен деп айтатаган эдилер. Эсенбай балады колына алып:

– Баладынъ касы калын, коьз каравы авыр, тырнагы узын экен.

Узын тырнак, ниети ак,
Кыска тырнак, соьзге амырак.
Юзи куба,
Тойып ашар юва, –

деп балага Кубулгул деп атайды.

– Аьруьв, – деп, Кутлыкая орамга кетип калады.

Токтамыш ханнынъ ваьзири келгенде, Эсенбай карт Кубулгулды этикке салып ясырады экен.

– Хабар ерде ятпайды. Кутлыкаядынъ баласы, ширик юмырткадай болып, эзилип калмага керек. Бизди анъла, онынъ баласын бер бизге, дарагашта басынъды коьрмеек болсанъ, – дейдилер.

«Кубулгул, атасы Кутлыкая уьшин, меннен оьшин алмай коймас, деп, Токтамыш хан сескенген экен», – деп Эсенбай ойлайды.

Токтамыш ханнынъ ашувы солай да куьшли эди. Кустынъ бир юмырткасы уьшин, Кутлыкаядынъ тайпасын тамырсыз калдырмага да аьзир эди. Мойыным кылдан йинъишке, балады берсем берейимтагы. Сиз балады, толгак тутып турган хатыннынъ ишиннен де тартып алаяксыз деп, карт Эсенбай Кубулгул ман яслы болган оьзининъ баласын берип йибереди.

Кубулгул эдаплы, кылыклы, акыллы бала болып оьседи. Ол орамда ойнап юретаган баьри балалардан да акырлыгы ман, тапкырлыгы ман, суслыгы ман айырылатаган эди. Эсенбайдынъ тогыз увылы, Эдигединъ суьтлес аданаслары, Токтамыш ханда туьрли куллыкларда ислейтаган эдилер. Эсенбай Кубулгулды Сарыбас деген байга элтеп:

– Бу оьксиз бала, аты Эдиге, – деп айтып, бузав бактырады.

Бир кере Яйык ягасында, эки пише бир бота уьшин урсысадылар. Биринши пише:

– Меним туьем боталаган, – дейди.

Экинши пише:

– Ялган соьз, меним туьемнинъ ботасы, – дейди.

Йыйылган аьдемлер эки пишединъ урсысын койдырып болмайдылар.

Эдиге тенълери мен Яйык ягасында ойнаятырган эди. Эки пишединъ соравын кайтип шешпеге керегин ол анълап туры экен.

– Ямагат, сиз ыхтыяр берсенъиз, мен бир зат айтайым, – дейди Эдиге.

– Беремиз ыхтыяр, бир соьз тувыл, эки соьз де айт, – дейди йыйылган аьдемлер.

– Туье сувдан коркады. Ботады кемеге олтыртып сувга йиберинъиз. Кимнинъ туьеси бозлап сувга туьссе, бота соныкы болар, – дейди Эдиге.

Сонда йыйылган аьдемлер оны тынълап:

– Оьксиз кедединъ айткан соьзи акылга тиеди, – дейдилер.

Бир кере Токтамыш хан алтын ман арбасынынъ тегершиклерин ыспайлайды. Сол арбадынъ баасы неше маьнет, яде неше малга тийисли болар деп, Токтамыш хан ваьзирин элге йиберген болган экен.

Куьн коьзининъ нурлары астында алтынлар йылтырап коьзди шагаластырады. Ваьзир кенъ эм тар орам ман юрип, арбады аьдемлерге коьрсетип турады, арбадынъ баасын бир киси де айталмайды.

Бир анъшы: «Бузав багып турган оьксиз кедеге коьрсетип каранъыз», – деп, ваьзирге маслагат береди. Токтамыш ханнынъ ваьзири Эдигеди шакырып:

– Арбадынъ баасын айтып боларсынъма? – деп сорайды.

– Акай, онынъ неси бар? Айткандай арбадынъ бир заты да йок.

– Айтсанъа, балам, айтсанъа, – дейди ваьзир, суьйинип.

Сарайшыктынъ майданында тары яде бийдай, бир кыйынлык болып, битпей калса, сол заманда арбадынъ баасы табада асты-уьсти кызарып пискен оьтпектен колай болар, – дейди Эдиге.

Эдигединъ акылына ваьзир тамаша болады. Сонъ ол Токтамыш ханга оьксиз баладынъ акында айтады. Ол оны шакырып алып, оьзинде йылкышы этип ислетеди. Токтамыш ханнынъ Салаты деген карт аргымагын Эдиге багатаган эди.

Айда бир кере баьри куллыкшылар ак термеге барып, Токтамыш ханга коьринип кететаган болган. Эдиге Токтамыш ханнынъ термесине кире калса, хан олтырган ериннен сескенип туратаган эди.

– Эдиге киргенде, сен сескенип ушып турасынъ, неге экен? – деп Токтамыш ханнынъ хатыны сорайды.

– Хатыным, бос соьзинъди койсанъа. Етим туваршы кедеди коьрип, не уьшин мен сескенейим, – дейди хан.

Бир куьн хатыны Тунай, ханга сездирмей, тонын, белиннен алып, ястыкка тебен мен туьйрейди. Эдиге ас ишпеге киргенде, хан коьтериледи, тебен, «тарс» этип, шорт сынады.

Сонда Токтамыш хан сескенетаганын биледи. Хан, уьндемей турып, сабадагы ювырттынъ уьстин касык пан алып, сабады Эдигеге береди.

Ол болса, пышагы ман ювыртты тогып, симирип, сабады тоьнътерип кетеди.

– Сен не эттинъ, ол не этти? – деп, Тунай Токтамыш ханнан сорайды.

Хан, юмган авызын ашпай, ойланып турады.

– Ювырттынъ уьстин аламан, суьйтип басынъды кесермен деп, сен ога анъ-латаяк болган эдинъ. Солай ма? Дуныяды былгарман, тоьнътерип саларман деп, Эдиге сага билдирип кетти, – дейди хатыны Тунай.

Сонда Токтамыш хан толгайды:
– Кубулгул коьнъилимде ой тувдырды,
Етимдей коьрип, куллыкка салдым.
Кубулгул асылын билеек болып,
Тоьбе басына халкты йыйдырдым.

Байтал сойдырып, бал куйдырып, йыравларды йыйдыртып, коьк, ак, сары шатырлар курдырып, Токтамыш хан, тойшылап, Кубулгулдынъ асылын билеек болады.

Токтамыш хан байтал сойып,
Эт астырып, бал куйды.
Юрт ямагат йыйдырды,
Толгамалы шатыр курдырды.

Дана картларды йыйдырды.
Бийик-Тоьбе басында,
Бийик аты астында.
Камышысы касында,
Токтамыш хан толгайды:

Камил улы Кер-Янбай,
Кенъестинъ алдысынъ, Янбай,
Кылышымнынъ сабысынъ, Янбай,
Кенъесинъ артык Янбай,
Абдыраганда, адалаганда,
Кенъес бергенсинъ, Янбай,
Кенъ шоьлимнинъ отысынъ,
Табын йылкы ишинде,
Кер биемнинъ суьтисинъ.
Туьневгиси – меним баьтиримсинъ.
Буьгуьнгиси – ой берген картымсынъ.
Кубулгулдынъ асылын,
Сен толгашы, – дей эди.
Ботасы оьлген туьедей,
Сонда Янбай толгайды:

Кубулгулдынъ асылын,
Билмеймен, Токтамышым,
Таксырлыман, – деп айтып,
Толгавын бардырады.
Ялын сыйпап, ат минген,
Ягасын сыйпап, тон кийген.
Юз сексен йыл яшаган,
Азув тиси босаган.
Элге яхшылык йораган,
Ак оьтпегин ашаган,
Белине аркан байлаган,
Кундыз боьркли, суп тонлы,
Эл ишинде аты данъклы.
Сыбыра деген йырау бар,
Кубулгулдынъ асылын,
Ол билмесе, ким билер?
Сыбыра йырав келгенше,
Сизди юманта турарман, – деди.
Арбадан арба сайлатып,
Тегершигин майлатып.
Арасына боз ат ектирип,
Касына коьк ат юргистип,
Белин алтын бав ман бувдырып,
Кара торы атка иер салдырып,
Атлыды йолга туьсиртип,
Атлы келди Сыбырага, суьрип.
Келди болса – не коьрди,
Сыбырады кейфсиз коьрди.
Атка минер куьши йок,

Арбага минер аьли йок.
Атка минсе, силкер деп,
Арбага минсе, шоршыр деп,
Арасына коьк ат ектиртип,
Астына ак мамык салдыртып,
Якларын увлав мынан увлатып,
Авызын шай йибек пен шырматып.
Белине оклав байлатып,
Колына арша* таяк бердиртип,
Колтыгына ез таяк суьентип.
Алла-Таалады эскертип,
Киели коьшке миндиртип,
Алып келди карт йырауды.
Колын яйып, хан шыкты,
Тоьр басыннан ер берди.
Карт йырау, сен толгашы деп,
Токтамыш кулагын салды.
Сыбыра йырау ынъыранды,
Толгайым деп ымтылды,
Ашпага авызы бармады,
Соьйлемеге тили келмеди.
Оны коьрип, Токтамыш,
Уьш тостакай бал берди.
Йырау балды ишкенде,
Бал буьйрекке туьскенде,
Буьйрек балга пискенде,
Басы-коьзи калтырап,
Авызы-бурны йыбырдап,
Карт йырау толгады:

Ай, Токтамышым, Токтамышым,
Булытланган ярыгымсынъ,
Аргы увылдынъ бергиси,
Берги увылдынъ аргысы.
Баьтир биткен билекли,
Ат басындай юрекли.
Эт елкели, ок коьзли,
Орта бойлы Кубулгулды,
Кувлай билмей, кувлайсынъ.
Коьпти коьрген карыман,
Коьпти коьрген йырауман.
Коьргенимди толгайман,
Эски ханнан отыз хан,
Янъы ханнан он бес хан,
Оны коьрген карыман.
Алшангыр деген хан болган,
Оны коьрген карыман.
Анъсыздан кеткен Йошы хан,
Оны коьрген карыман,
Сайын деген хан болган,
Оны коьрген карыман,
Оннан калган карыман,
Кытый деген хан болган,

Дуныяда доньыз болып яшаган,
Оны коьрген йырауман.
Кажымай, явга бараган,
Дели Солтан Берке хан,
Оны коьрген карыман.
Мынъ аргымактан берип сайлаган,
Сары юзли Янибек хан,
Оны коьрген карыман.
Тебингиси шынты алтын,
Даныбек хан болган,
Оны коьрген карыман.
Бердибек деген хан болган,
Сары кумда кара нар юриткен,
Оны коьрген йырауман.
Зоьнгисининъ бавы алтын,
Оьзбек деген хан болган.
Оны коьрген карыман.
Алак ханнан тогыз хан,
Уллы ханнан отыз хан,
Оны коьрген карыман.
Билими туьпсиз куйыдай,
Туькли Баба дин ашкан,
Оны коьрген карыман.
Минарасы мынъ кулаш,
Суьйиндик деген хан болган,
Оны коьрген карыман.
Кедев мен Коьтев хан,
Дуныядан кеткенде,
Оларды коьрген карыман.
Калдык деген ерлерде,
Ат иеринде даьмеке тарткан
Шыгын деген хан болган,
Оны коьрген йырауман.
Тогын этип, яй эткен,
Тойкожадынъ улы Токтамыш,
Сени де коьрип турыман.
Туьнегуьн яланъ аяк, яланъ бас,
Асык ойнаган кеде эдинъ,
Юлдызынъ келип, хан болдынъ,
Сени де коьрип турыман.
Алла-Таала ажал бермесе,
Сеннен сонъыларды да, Токтамыш,
Коьреек болар карыман.
Кубулгулга карасам,
Явырыны кенъ, мойны узын,
Яй тартпага колы узын.
Бетинъе карасам,
Бетинънен нур тоьгилгендей,
Коьзлеринъе карасам,
Коьнъилиннен йылув келгендей.
Аркага минип карасам,
Асылынъды коьрмеймен, Кубулгул,
Тоьбеге минип карасам,

Тайпанъды коьрмеймен, Кубулгул.
Асылынъ терен болар, Кубулгул,
Асылынъды толга, Кубулгул.
Толга дегенде, эр Эдиге толгайды,
Толгаганда, булай дейди:
Оьз атанъ ким дегенде,
Кутлыкая дегенмен.
Онынъ атасы ким дегенде,
Баркая дегенмен.
Онынъ атасы ким дегенде,
Бирпирие дегенмен.
Онынъ атасы ким дегенде,
Анъшыбай дегенмен.
Онынъ атасы ким дегенде,
Керемет дегенмен.

Кары йырав Сыбыра толгайды:
Курыган шоьпте даьм болмас,
Кув йиликте май болмас,
Куры соьзи саналмас.
Куры соьзи саналса,
Кубулгулды корлама,
Байтагым коьп деп, дувлама.
Кубулгулды корласанъ,
Байтагым бар деп, дувласанъ,
Куба талдан курык салар Кубулгул,
Йылкынъды кувып айдар Кубулгул.
Кува келген кувгынга
Кум каптырар Кубулгул.
Касыклап йыйган байлыгынъды
Шоьмиш пен тоьгер, бугай, Кубулгул.
Пыскырып турган йылкынъды,
Тувлатып, сояр, бугай, Кубулгул.
Батман, батман балынъды
Куйып ишер, бугай, Кубулгул.
Сары алтын тагынъды
Таза канлы, кенъ манълайлы,
Тартып алар Кубулгул.
Ак Яйыктагы кундыздай,
Каныкедей аьруьвди,
Аспандагы юлдыздай,
Коьзикедей сылувды
Юйрик юрисли, калын каслы,
Олжа этер Кубулгул.
Эки коьзинъди кызартып,
Кувлай шашынъды агартып,
Элден кувар Кубулгул.
Кеспе, кеспе сары алтын,
Кеспей иритер Кубулгул.
Каникей мен Коьзекейди
Кушаклап суьер Кубулгул.

Сары бал толы шапшак,
Авыр коллы, туъз мойынлы,
Тартып алар Кубулгул.
Шынъ алтын бавын уьзип,
Шыгарактан шыгып,
Кетер бугай Кубулгул.
Оьлтиреегинъди билемен,
Оьлтирмесенъ, неге ярарман?
Оьлсем, ахырет уьйге барарман.
Еннеттинъ кенъ капысын ашып,
Еннеттинъ кенъ тоьринде боларман.
Яшавымнынъ шагында
Тувра соьзди айтаман.
Тагынъа етер Кубулгул.
Ахырысы дуныя хайырын
Коьрер, бугай, Кубулгул.

Сыбыра йыраудынъ толгауыннан сонъ, Эсенбайдынъ тогыз увылы, Токтамыш ханнынъ яман ойын анълап, ханнынъ ян саклавшыларынынъ иерли, ювенли атларынынъ зоьнъги бавларын кеседилер. Эдиге шыгарактан шыгып кутылады. Сыбыра йыраудынъ маслагаты ман, Эдигеди кайтармага деп Янбайды йибередилер. Эсенбайдынъ тогыз увылын Токтамыш хан шакырып алады. Сонда ол толгайды:

Э, тогыз эр, тогыз эр,
Тогызынъыз да далага барынъыз,
Алдап-сулдап, Эдигеди,
Басын сыйпап, алып келинъиз.
Даладан Эдигеди аькелип,
Басын кесип алынъыз.

Эсенбайдынъ тогыз увылы да Эдигединъ артыннан йолга шыгадылар. Йылгадынъ бир ягында Янбай турып, Эдигеге карап, толгайды:

Уьйкен коьшке шанъ байлап,
Хан шакырады, кайтсанъа.
Кайт, кайт, яным, кайтсанъа,
Кайтып салам берсенъе.
Эрни юка, шынъ аяк,
Бал береди – ишсенъе.
Баслык кара кийизден,
Оюв сары окадан береди,
Басынъа басып кийсенъе.
Иеринънинъ касы алтын,
Ювенининъ басы алтын,
Кулагын, биздей, кадаган,
Кекелин тарак пан тараган.
Асылы артык араптан,
Таза ногай асылыннан,
Аргымак береди – минсенъе.
Ягасы алтын, этеги кенъ,
Кара кистен тон береди – кийсенъе.
Балдагы алтын айболат,

Кайкы кылыш береди – бувсанъа.
Усталардынъ мынъ шоькиши туьтпеген,
Бир шегеси мынъ кызылга битпеген
Темир куьбе береди – кийсенъе.
Коьзи оьткир коьк каршыга
Кус береди – шуьйсенъе.
Каникей мен Коьзикейди береди,
Онъ тизинъе алып турып,
Аркасына кагып, шуьйсенъе.
Байталыннан байтал сайлап береди,
Байлап, кымыз ишсенъе.
Майтагыннан майтак боьлип береди,
Бийлик шуьрсенъе.
Токтамыш ханга юректеги соьзинъди,
Оьзинъ келип айтсанъа.

Сонда эр Эдиге толгайды:

Уьйкен коьшке шанъ байлап,
Хан шакырса да, кайтпанды,
Оьзим элден шыккан сонъ.
Энегеси бийик боз ордага,
Кайтып, салам берменди,
Коьнъил кутсыз болган сонъ.
Эрни юка, шынъ аяк
Бал саркыт берсе де, ишпенди.
Баслык кара кийизден,
Оюв сары окадан берсе де,
Басыма басып, кийменди,
Эрним елкек болган сонъ.
Иерининъ касы алтын,
Ювенининъ басы алтын,
Кулагын, биздей, кадаган,
Кекелин тарак пан тараган,
Асылы артык араптан,
Таза ногай асылыннан
Аргымак берсе де, минменди,
Авым кутсыз болган сонъ.
Ягасы алтын, этеги кенъ,
Кара кистен тон берсе де, кийменди,
Ийним кутсыз болган сонъ.
Балдагы алтын айболат,
Кайкы кылыш берсе де, бувманды,
Белим салпы болган сонъ.
Усталардынъ мынъ шоькиши туьтпеген,
Бир шегеси мынъ кызылга битпеген,
Енъи алтын ак куьревке,
Темир куьбе берсе де, кийменди,
Кевдем кутсыз болган сонъ.
Коьзи оьткир коьк каршыга
Кус берсе де, шуьйменди.
Каникей мен Коьзекейди бермесе де,
Тартып алып, онъ тизиме олтыртып,
Аркасыннан кагып, суьермен.

Байталыннан байтал сайлап
Берсе де, кымыз ишпенди,
Ас казаным кутсыз болган сонъ.
Майтагыннан майтак боьлип
Берсе де, бийлик суьрменди,
Майтак кутсыз болган сонъ.

Эр Эдиге толгай береди:

Кайтпанды, Янбай, кайтпанды,
Кайтып юртымды таппанды,
Эр болып, атка минген сонъ,
Йол алып шыкан сонъ,
Артыма мен кайтпанды,
Айткан соьзимнен тайманды.
Кайт, кайт, Янбай, кайт, Янбай,
Кайтып юртынъды тап, Янбай.
Тарылы ердинъ тавыгысынъ,
Этли ердинъ мышыгысынъ,
Ат бергеннинъ кулысынъ,
Мал бергеннинъ улысынъ.
Камил улы Кер-Янбай,
Кери тилли ийт Янбай,
Тарт тилинъди, тарт, Янбай,
Тартпай, тилинъди уьзип аларман.
Танълайынъа мен сенинъ,
Тал кыздырып, басарман,
Явырынынъан мен сенинъ,
Ярмай, оьтинъ аларман.
Муннан артык мактанман,
Мактандырсанъ сен мени,
Он эки тутам ок туткан,
Бурынгыда оьткен эр Шынъыз,
Оьзимди оны ман тенълермен.
Карагайдан бийик терекпен,
Басымнан давыл оьтсе – кыймылдаман.
Токтамыштынъ ырыс эри,
Ой кондырма басыма,
Камышы тиер мойнынъа,
Кан шыбырар койнынъа.
Шыдамассынъ меним ойыныма.
Мен мендирмен, мендирмен,
Менликтен тоба кылган эрдирмен.
Дослар отын соьндирмен,
Душпан отын яндырман.
Кайт, кайт, Янбай, кайт,
Бизим юртка салам айт.
Бу кетуьв мен кетермен,
Шаьтемир ханга етермен,
Аллам-Таалам йол берсе,
Шаьтемир мага кол берсе,
Тиси кемик, тили буьлтик,
Токтамыш хандай ханларды
Кылышымнынъ бир тысылына санаман.

Эсенбайдынъ тогыз увылы, Эдигеге етип, оны ман бирге кетедилер.

Эдиге Эсенбайдынъ тогыз увылына керемет коьрсетеди. Бас деп тогыз баслы, бир куйрыклы йылан, олардынъ алдына шыгады.

– Урынъыз, тогызым, – дейди Кубулгул.

Тогыз бас ян-якка тартады, бир куйрык кайсы якка боьлинеегин билмейди. Тогыз йигит йыланды тогыз кесекке боьледи. Бир кесек заман оьткен сонъ, Кубулгул экинши керемет коьрсетеди. Тогыз кедединъ коьзлерине коьринеди тогыз куйрыклы, бир баслы йылан:

– Урынъыз, тогызым, – дейди Кубулгул.

Олар, кылышларын кыннан шыгаргышай, йылан инге кирип кетип сав калады.

– Коьрдинъизбе, тогыз баслы йыланды ким де оьлтирип болар. Бир баслы йыланды оьлтируьв енъил тувыл. Тогыз аьдемге бир басшы керек. Бир басшы болса, бизди бирев де енъмес, бир басшы болмаса, оьз-оьзимизди оьлтирермиз. Эсенбайдынъ тогыз увылы Эдигеди басшы этип сайлайдылар.

Сонда эр Эдиге толгайды,
Толгауында булай дейди:
Сыдырув арка, сылув тоьс,
Сыртта йырлар тогызым.
Кара куслай, шонъкайып,
Каравыл шыга тогызым.
Дувадактай, тонъкаклап,
Тезек йыйнар тогызым.
Тогызымнынъ басын этермен,
Тарлыкты бирше боьлермен.
Ерге биткен електи,
Азык эттинъ, тогызым.
Коьлге биткен камысты,
Тоьсек эттинъ, тогызым.
Сарайшыктагы тарыдай,
Емегинъ болсын, тогызым.
Елке шашын оьрмеген,
Аьдем юзин коьрмеген
Байдынъ кара шашлы аьруьви,
Олжа болсын, тогызым.
Йолда не болады, тогызым,
Йолда не болмайды, тогызым.
Йолда бирев оьле калса,
Кара киске боьлермен.
Аьруьвлеп, ювындырып,
Ак кебин мен коьмермен.
Аллам-Таалам язган болса,
Мырадымызга етермиз.
Аллам-Таалам язбаган болса,
Согысып, майданда оьлермиз.

Эдиге мен олар Шаьтемирдинъ элине йоьнейдилер. Йолда ыз коьредилер. Бир анъшы оларга йолыгысып:

– Ол Кабартыдынъ Алып деген баьтирининъ ызы, Шаьтемир ханнынъ кызын алып бараятырган, – дейди.

– Олай болса, Шаьтемир ханнынъ кызын, бир амал этип, Кабартыдан алып калайык. Мен оларга барып казаншы болайым. Оьлен-шоьптинъ арасында, ас-сув ясырып сизге калдырып турарман. Сиз артымыздан коньп-коьшип турарсыз, – дейди Эдиге тогызына.

Олар разы боладылар. Эдиге атына минип, Алып деген баьтирге барады.

– Огырынъ не ерге? – деп Кабарты оннан сорайды.

– Этсиреп, анъшылап шыкканман, – дейди Эдиге.

– Анъшылавдан оьзге, кайдай оьнеринъ бар?

– Казаншылык оьнерим бар, – дейди Эдиге.

– Казаншы болсанъ, аьруьв, казаншы керегип туры эди, – деди Алып. Шаьтемир хан Аппак деген кызына айткан экен: «Эдиге элге шыккан. Сени Кабарты баьтирден алса, бир Эдиге алар. Эдигеди сен уьш нышаныннан билерсинъ. Ол кой сояр, бир тамшы канды уьстине тийдирмес, ягасына шанъ кондырмас. Ерге олтырганда, астына аттынъ бир алатын салмай, олтырмас, айтпага, терлигин, яде коьпшигин, энъ де болмаганда – камышысын салып олтырар, нас ерге аягын баспас».

– Кайсы ерге барып конайык? – деп Алып баьтири Эдигеден сорайды.

– Мага коьре, отты ойып отламага керек, сувды серпип ишпеге керек, – дейди Эдиге.

Олар сувдан эрек кетип, от онъ оьскен ерге барып конадылар. Кабарты баьтир ети кеше, ети куьн уйкламайды экен. Эдиге арбага шапшак салып, коьлден сув аькелип, канжыгасыннан баьпийди ерге таслайды.

– Баьпийди не ерден урдынъ? – деп аьскершилер Эдигеден сорайдылар.

– Коьлде урдым, – дейди ол.

Аьскершилер коьлге кетедилер. Эдиге койды сойып, сыдырып, бувынлап, этти казанга салып, терлик уьстинде олтырып турган мезгилинде, Аппак янасып:

– Акам-ав, сен Эдигесинъ. Атам айткан эди, Эдигеди нышанларыннан танырсынъ деп. Мен сени сынап турдым, койды сойдынъ, асылладынъ, бир тамшы кан кийиминъе тийдирмединъ, терликсиз ерге олтырмадынъ, шынты шандаз аьдем экенсинъ, – дейди.

– Мен Эдигемен, – деди ол.

– Алып баьтирдинъ колтыгындагы тесигине окты бир атсанъ – оьлер, эки атсанъ – тирилер, – дейди Аппак.

– Сен Алыптынъ колын коьтерип, бармагынъ ман тесигине коьрсетерсинъ, – деди Эдиге кызга.

– Ярайды, – дейди кыз.

Кыз баьтирдинъ колын коьтереди, Эдиге яйын атып, огын Кабартыдынъ колтыгындагы тесигине тийдиреди. Кабарты баьтир ушып турады да, оьзининъ Баркылдавык деген боз атынынъ уьстинде Эдигеди коьрип, аттынъ куйрыгыннан ыслайды. Эдиге аттынъ куйрыгын кеседи, Кабарты баьтир, ерге йыгылганлай ок, аспанга шыбын яны ушып кетеди.

Эдиге Шаьтемирдинъ элине барады, онынъ Аппак деген кызына уьйленеди. Увыл бала тувганда, Нурадин деп атайдылар. Бала, асыл болганда, Токтамыш ханнан

оьшин алаяк болады. Бир кесек аьскер мен Эдиге, увылы Нурадинди алып, Токтамыш ханнынъ юртына атланады. Эдилди оьтип, атасы ман улы хансарайдынъ айланысындагы кызыл кум тоьбелердинъ касында токтайдылар. Эдиге Хан-тоьбединъ басына минип, ойланып, ял алады. Ол аз санлы аьскершилерин яв куьзетшилерине коьп этип коьрсетер уьшин, каранъа туьнде от яктырып, атлардынъ белине боьз байлап, танъ кызарып аткышай, атларды, тоьбеди айландырып, юритип турады. Соьйтип ол Токтамыш ханнынъ аьскерине коркыныш эндиреди. Токтамыш хан элди таслап, Янбай ман кашып кетеди. Йолга туьсеекте булай толгайды:

Хан кашып, бий кувган куьн,
Хан баьлеге туьскен куьн,
Алтын тагым йыгылган куьн,
Ат йоьнеп, иерлер сынган куьн,
Элим-куьним буьлген куьн,
Арша таягым сынган куьн,
Темир сувлык уьзилип,
Тизгин колга келген куьн,
Хан мунъайып,
Булай толгаган куьн:
Куба нарга юк артып,
Йоьке арыслы арба ектиртип,
Куьнимиз булай болды деп,
Хан тувлай турган куьн.
Хан кара кийим кийип,
Яланъ аяк, яланъ бас,
Кос ат айдап коьшкен куьн,
Эки коьзин яс басып,
Танавларын шанъ басып.
Японда яшаган хан,
Яным-коьзим, ногай юрт,
Киндик каным тамган юрт,
Элим-куьним эки данъклы сув,
Эдил-Яйык кызыл канлы сув.
Куьни куьзде коьшкен куьн,
Аланъ, аланъ, аланъ юрт,
Аланълаган уьйкен юрт.
Ак капталар кийинип,
Атам киев болган юрт.
Ак буьркеншик салынып,
Анам келин болган юрт.
Сазанлай, куйрык таслатып,
Сан аргымак оьскен юрт.
Запырандай, сары баллар сапырып,
Сабантойга коьшкен куьн.
Келин келген кепли юрт,
Йылгын яккан йылы юрт.
Тай кашып, бие болган юрт,
Тана кашып, сыйыр болган юрт.
Ябагалы яс тайлак,
Ярдай атан болган юрт.
Яйлакта ятып калган бир токлы,

Яйылып, мынъ кой болган юрт.
Эдилимсинъ, Тенимсинъ,
Отынъ – секер, сувынъ – сербет еримсинъ.
Кадемсиз хан бу куьнде,
Казак шыгып барады.
Хан иенъе сен бу куьн,
Йолынъ болсын дермисинъ?
Эдиге Сарайшыкта калады.

– Атай, мага бийликтинъ басын бертагы, – деп Нурадин атасыннан тилейди.

– Улым, бийликтинъ хайырын коьр, – дейди Эдиге.

Куванышы коькирегине сыймай, Нурадин Токтамыш ханнынъ ызыннан кувып кетеди. Янбайдынъ явырганагы* болган, сога карайды. Нурадиннинъ алды ер касын коьретаган эди.

Куьз де кетеди, кыс айы да етеди, Нурадин ете алмайды. Онынъ уьстиндеги кар бузга айланады. Бир кагымшы карттынъ термесинде Нурадинге кой сойып, бослама этедилер. Ол эсин-куьшин йыйганда, Токтамыш ханга етеек болсанъ, иеринънинъ арт касын алдыга бер, алды касын артына бер, дейди карт. Кагымшы айтканлай, Нурадин этеди.

Янбай явырганакка карайды, иердинъ арт касы коьринеди:

– Нурадин кайтыпты, – дейди, суьйинип.

Токтамыш хан аталыгына келеди. Олар камыс коьлдинъ янында ял аладылар. Токтамыш камыслардынъ арасына кирип, кызгыш куска карап толгайды.

Токтамыш булай толгайды:

Кызгыш, кызгыш кус,
Канатынъ кат, мойнынъ бос,
Авызынъ-бурнынъ муьйиз кус,
Авызынъ айлак яман кус.
Бу языда заьр кылып,
Коьп кышкырма, кызгыш кус.
Юмыртканъды алмага,
Майтагым касымда йок.
Ер иеси мен эдим,
Коьл иеси сен эдинъ.
Мени ерден айырган,
Сени коьлден айырган
Эдиге улы Нурадин,
Кудай бермегир мырадын.
Садагын салмасын белине,
Сары майдай саргайып,
Казак шыкпасын элиннен.
Буркысыма, куба шанъ,
Себелеп ямгыр явса, ятарсынъ.
Толкысыма, Ана – Эдил,
Токсаннынъ бири келсе, катарсынъ.
Кутырма, куба ел,
Кудайдан ызын келсе, тымарсынъ.
Кубырсыма, куба ат,

Эдиге улы Нурадин,
Талмай, кувып келеди.
Касымдагы йолдасым,
Сыбыр-сыбыр этеди.
Яныма кыйынлык келгенде,
Мени таслап кетеди.
Сыр билмеген кеделерге
Сырымды калай тоьгейим.
Сыналмаган бедевге,
Сынавсыз, калай минейим.
Оьлермен, есирге туьспен,
Оьлмей, колга тутылман.
Мен оьзим бу куьнде,
Коьрге туьспей, кутылман.

Янбай Токтамыштынъ аталыгы ман кесек-кесек этти казанга салады.

– Ас-салам алейкум, – деп, Нурадин келип калады.

Янбай Токтамыштынъ аталыгын оьлтиреди.

– Мага тийме, мен сага Токтамышты мунда алып келейим. Токтамыш хан оьзининъ колы ман, аталыгы оьле калса, камырга салмага соьз берген. Мен барып айтайым, аталыгынъ оьлди деп. Ол келгенде, ыслап, оьлтирерсинъ, – дейди Янбай.

Янбай айтканлай, аталыгын оьзининъ колы ман камырга салмага Токтамыш хан келеди. Онынъ алдына Нурадин шыгып:

– Йолынъ да уьйкен, ясынъ да уьйкен. Яйынъды тартып, огынъды мага ат, – дейди.

Токтамыш хан огын атады, Нурадинге тийдиралмайды. Сонда ол:

– Янбайды меним коьзимнинъ алдында оьлтир. Мага намартлык эткен, сага да этпей болмас, – дейди.

– Янбайды мен оьзим коьрип аларман, – деп Нурадин, Токтамыш ханнынъ мойнына огын тийдиреди.

Нурадин Кутлыкая уьшин Токтамыш ханнан оьшин алады.

– Ак Сарайшыкка мен барып, Токтамыш хан оьлген деп, суьйинши алайым, – дейди Янбай Нурадинге.

– Ярайды, – дейди ол.

Токтамыш ханнынъ Канике деген эм Коьзеке деген эки кызы болган. Сол кызларга Янбай: «Курсагынъызга ястык байлап шыгынъыз. «Сизге не болды?» – деп, Нурадин сораганда, «Онъмаган атанъ бизди урлыкландырган», – деп айтарсыз», – дейди Янбай.

Кызлар Нурадинге Янбай уьйреткен кепте айтадылар. Аьне, суьйтип, кери тилли Янбай Эдиге мен Нурадининъ арасын сувык этеди.

Нурадин Сарайшыкта такка олтырып:

– Кайда суьйсенъ, сонда кет, коьзиме коьринме, – дейди атасы Эдигеге.

Эдиге айтар, эр айтар:
Уллы юма куьнинде
Мен дуныяга энгенмен.
Коьзим ашып караганда,
Кадир туьнин коьргенмен.

Актан белги алганман,
Нурдан уьлги алганман.
Арабы китап колга алып,
Аьлимлердинъ айтканын
Мен айтайым дегенмен.
Ногай тептер актарып,
Йыраулардынъ йырларын
Мен толгайым дегенмен.
Кара тенъиз ишинде,
Эр Нурадин, бий улым,
Сени тилей турганман.
Токтамыш пан Темирге,
Исим колай келгенше,
Аягымнынъ уьстинде,
Тогызым этип олтырдым.
Исим колай келгенде,
Бес юз киси оьлтирдим,
Бир басы мынъ кисиге тийгендей,
Кабарты деген Алыпты,
Язда ялгыз оьлтирдим.
Сенинъ ананъ Аппак –
Шатемирдинъ кызы эди,
Аллам-Таалам мага бергенде,
Тегин олжа этип алганман.
Даьретсиз ер баспаганман,
Авызымнан ийман таймаган.
Кумгансыз кырга шыкпаганман,
Нурадин деп сага атагаман.
Ай, увылым, акла атынъды,
Заман акыры болганда,
Азрайыл бир маьлиек,
Аспаннан оьзи хабар бергенде,
Кувламашы атанъды, кувламашы.
Борай, борай, кар явса,
Боз керискем тувылма эдинъ.
Боранласып, ок явса,
Болат калкам тувылма эдинъ.
Хыйвадан, Бухардан,
Хайырлы усталар йыйылса,
Ортага сандал куйдырса,
Шоькиш пинен соктырса,
Ортасында болат калкан куйдырса,
Ишиннен эш те бакыр табылмас.
Айдай асыллы бий увылым,
Аланъ юрттынъ арсланы.
Карагус сынлы бий увылым,
Карагустай хаьтерсиз.
Тувылма бий увылым.
Эр Нурадин толгайды:
Булан сынлы куьренди,
Бутка кысып мингенмен.
Ак куьревке темир тон,
Омыравыма кийгенмен.

Ак эсик пен боз эсик,
Тобылгылы арка, ашык туъз.
Ортасыннан йол салып,
Ортадан явды кувганман.
Эртиш басы кара агаш,
Токтамышка сонда еткенмен.
Етип не эткенмен?
Мойныннан ок оьткергенмен,
Суьйиншиге Янбайды йибергенмен.
Суьйинип, Сарайшыкка келгенмен.
Келип не коьргенмен?
Каникедей аьруьвден,
Коьзикедей гоьзелден,
Токтамышты кувалай юрип,
Олардан куры калганман.

Эдиге айтар, эр айтар,
Эр душпаны оьзи айтар:
Тувды, тувды дегенде,
Тув биелер сойганман.
Болды, болды дегенде,
Боз биелер сойганман,
Боз кериске илдиргенмен.
Тувды, тувды дегенде,
Тувган эли суьйинген.
Болды, болды дегенде,
Болган эли суьйинген.
Тувды, тувды дегенде,
Дувлатып, тулпар сойдырдым.
Болды, болды дегенде,
Болган халкты йыйдырдым.
Периштелер* йыйылып,
Бетин аьруьв ясаган.
Ийги, яхшы йыйылып,
Аьруьв атын атаган.
Уьш куьн казан астырдым,
Уьш куьн той эттирдим.
Доьрт туьн казан астырдым,
Доьрт туьн той эттирдим.
Болды, болды дегенде,
Боз кериске илдиргенмен.
Тувды, тувды дегенде,
Тувды коькке коьтергенмен.
Бетинъди йыпар ман ювдырдым.
Белинъди буты бавы ман бувдырдым.
Нурадиннинъ бесиги,
Неден болар дегенде,
Кара агашты как ярып,
Кайыннан бутак шыгардым.
Нурадиннинъ тоьсеги,
Неден болар дегенде,
Катеби камка тоьсеттим.
Катеби каты болар деп,

Астынъа камка яйдырдым.
Нурадиннинъ боьлепиши,
Неден болар дегенде,
Катебиден эттирдим.
Катеби каты болар деп,
Камка сайлап ишлеттим.
Йоктан сени бар эттим,
Бийлер минен бас костырдым.
Кунадил эдинъ – кус этим,
Буьлдирик эдинъ – боьри эттим.
Каршыгадай, коьзлеттим,
Кайын октай, туьзеттим.
Картайганда, мени кувасынъ,
Кувлагандай, не эттим?
Кавданлы ерге от берсем,
Отты кайдан отларсынъ?
Кара лашын катырсам,
Кусты кайдан шуьерсинъ?
Кара аргымак катырсам,
Аргымак кайдан минерсинъ?
Аккан сувга кан куйсам,
Сувды кайдан ишерсинъ?
Картайган атанъды кувлайсынъ,
Эр Нурадин, бий увыл,
Кайда барып онъарсынъ?

Эдиге улы эр Нурадин айтар:
Кавданлы ерге от берсенъ,
Отлаклар сайлап отларман.
Кара лашын катырсанъ,
Кустан сунъкар шуьермен.
Кара аргымак катырсанъ,
Аттан тулпар минермен.
Аккан сувга кан куйсанъ,
Сувды сербеттен ишермен.
Куралайдай, эки коьзи кызарган,
Кувдай шашы агарган,
Карт атамды кувласам,
Кудайымнынъ уьйи Бейтулла,
Уьш айланып, таваф этсем, юрермен.
Эдиге айтар, эр айтар,
Эр дугашы оьзи айтар:
Эбим меним колай келгенде,
Токтамышты табаным ман таптадым.
Эбим меним колай келгенде,
Кыйыпка эм Моьскевге атландым.
Орай шабып, кесе оьткен,
Он бармагынъ, бий увылым,
Коьп согыстан аман калган,
Дин тереги, бий увылым.
Тоьбели торы ат минген,
Явга шапкан бий увылым.
Кеспе, кеспе сары алтын,

Бир ерине келгенде,
Кеспей берген бий увылым.
Камтып ысласа, айырылмас,
Каршыгадай, бий увылым,
Аты юйрик, тоны баалы,
Эр Нурадин, увылым,
Кувлаганынъ мен болсам,
Мен кашайым, сен кувшы.
Аьр заманда душпанынъ
Мендей болып кашсын, увылым.

Эдиге казак шыгып кетеди.

Ак коьлдинъ ягасында яшайтаган Байтув деген ногай карт оьледи. Онынъ доьрт увылы калады. Карттынъ байлыгы йок. Мал десе, тек ялгыз кара аксак эшкиси бар эди. Карттынъ доьрт кедеси, оьз ара соьйлесип, аьр бирисине бирер аяктан аладылар. Эшкидинъ аксак аягы кенжепайына тиеди. Карттынъ увылы амалсыз болып, эшкидинъ аксак аягын шуьберек пен байлайды. Бир куьннинъ бир куьнинде, эшки авлакта отлап, ювырып, каргып, яткан терекке минип, юрген шагында, шуьберектинъ ушын ошактагы янып турган тезек кызувына тийдиреди. Шуьберек янады, эшки коркканнан куьшли ювырады. Байдынъ шырынынъ* ыгына барып йыгылады. Шуьберектен шырга от туьседи.

Нурадин тоьре кескенде:

– Аксак аяк болмаган болса, шыр янмас эди, – деп, карттынъ увылыннынъ мойнына тоьлевди салады.

Карттынъ кенжепай улы, ак айрандай юзи мен, шоьлди кезип юрип, Эдигеге карсы болып, аксак эшкидинъ акында айтады. Ол оны тынълап:

– Эгер сав аяклар болмаган болсалар, аксак аяк кайтип шырга от салар эди? – дейди.

Карттынъ кенжепай улы, Эдигединъ соьзлерин Нурадинге айтады.

– Сени ким уьйретти? – деп Нурадин оннан сорайды.

– Шоьлде анъшылап юрген карт айтты, – дейди карттынъ кенжепайы.

Маслагатшы карт атасы Эдиге болганын ол анълайды. Нурадин атка минип, ялгыз оьзи анъшылап шыгады. Ол, карсак* коьрип, яйын тартып, ебе атады. Сол корсакка Эдигеде яйы ман ебе аткан болган экен. Экевининъ де ебеси корсакка тийген экен. Нурадин корсакты алаяк болады.

– Тийме, мен урганман корсакты, – дейди, карт киси.

– Тийме десенъ – тиймен, алма десенъ – алман. Сал десенъ – саларман, кой десенъ – коярман, – деп, Нурадин карт кисиден атын сорайды.

– Эдиге деген мен боламан, – дейди, карт киси.

– Мен Эдиге увылы Нурадин боламан, – деп, айтып, атасын кушаклап, кешируьв тилеп, оьзининъ аркасына коьтерип, юртына аькелип, такка олтыртады.

Токтамыштынъ Кадырберди деген увылы, атасыннынъ канын алар уьшин, аьскери мен Эдигединъ элине келеди. Олар балык ыслап турган Янбайды есирге аладылар.

– Мени йиберинъиз, мен савыт-садаксыз, Нурадинди алып келейим, – деп айтады Янбай.

Ол Нурадинге барып:

– Секерли коьлде кувлар ыжыкы-мыжыкы болып ятыр. Юр, коьл ягасына барайык, савыт-садак та керек тувыл, – дейди.

Нурадин анъшыламага бек авас аьдем эди. Ол, саклыкты да мутып, коьл ягасына ювырып барады. Янбайдынъ ярдамы ман Нурадин Кадырбердидинъ колына туьседи. Кадырберди Нурадин олтыраяк ерге, ушларын йогары каратып, эки суьре актыртып, уьстине кийиз яптыртып койган экен.

Эдиге увылы Нурадин олтырады, кейфин де бузбай, эки санынан шыгып турган эки суьреди ыслап, Кадырбердиге, оьктемли кепте, не айтарсынъ деп олтырады.

Токтамыш улы яс Кадырберди
Булай айтып толгайды:

Тогай бойлап ювырган,
Ювырганда, иер бавырын кувырган,
Туягынынъ налы ман,
Казандай, уьйкен таслардан
Каргып, атылып, тик туьскен,
Тостакай коьзли торыды,
Оны не эттинъ, Нурадин?
Аргы авылдан коьшкен алты арбам,
Алтавы да кенъ арбам,
Оны не эттинъ, Нурадин?
Адасканым келсин деп,
Абдыраганым етсин деп.
Арка авылдынъ касында,
Алас оты янсын деп,
Кагымшылар йыйылган,
Оларды не эттинъ, Нурадин?
Каслы, каслы кенъ орда,
Он эки табан боз орда,
Босагасы болаттан,
Болатка алтын ялаткан,
Туьнлигининъ иши – камка,
Тысы – кис,
Доьрт бавы да арайыс,
Ялкынлары – ярма ока,
Турлыгы – турма ока,
Ак эренънинъ акасы,
Каска эренънинъ баласы,
Ынъыранып ол айван,
Адым ерге тарталмас,
Он эки табан каслы ордам,
Оны не эттинъ, Нурадин?
Бир шегеси мынъ кызылга битпеген,
Усталардынъ мынъ шоькиши туьтпеген,
Ягасы алтын ак куьревке,
Оны не эттинъ, Нурадин?
Толы майтак иеси,
Тогыз ханнынъ кенжеси,
Токтамыш атлы атамды,
Оны не эттинъ, Нурадин?

Эдиге увылы эр Нурадин
Булай айтып толгайды:

Тогай бойлап ювырган,
Ювырганда, иер бавырын кувырган,
Туягынынъ налы ман
Казандай, уьйкен таслардан
Каргып, атылып, тик туьскен
Тостакай коьзли торыды,
Алла оьзиме бергенде,
Токав этип мингенмен.
Аргы авылдан коьшкен алты арбанъды,
Алтавы да кенъ арбанъды,
Тегин олжа эткенмен.
Адасканда, келсин деп,
Абдыраганда, етсин деп,
Арка авылдынъ касында,
Алас оты янсын деп,
Кагымшылар йыйылган,
Кагымшыларды, эмши этип,
Мен оьзиме алганман.
Каслы, каслы кенъ орда,
Он эки табан боз орда.
Босагасы болаттан,
Болатка алтын ялаткан,
Туьнлигининъ иши – камка,
Тысы – кис,
Доьрт бавы да – арайыс,
Ялкынлары – ярма ока,
Турлыклары – турма ока,
Ак эренънинъ акасы,
Каска эренънинъ баласы.
Ынъыранып, ол айван,
Адым ерге тарталмас.
Он эки табан каслы орданъды,
Алла оьзиме бергенде,
Байырлап алганман.
Бир шегеси мынъ кызылга битпеген,
Усталардынъ мынъ шоькиши туьтпеген,
Ягасы алтын куьревкеди
Орта бойыма, кенъ явырыныма,
Токав этип, кийгенмен.
Коьргеннинъ коьзин оьлтирген,
Соьйлегенде, эр аьпсетин келтирген,
Каникедей аьруьвди,
Коьзикедей сылувды,
Алла-Таала оьзиме бергенде,
Хатын этип алганман.
Толай майтак иеси,
Тогыз ханнынъ кенжеси,
Токтамыс атлы атанъ ман,
Яс сорасып, йол сорасып,
Мойнынан ок оьткергенмен.

Кесек кара булытпан,
Уьстинъизге, бир явмай, ашылман.
Кара тенъиздинъ ашшысыман,
Арба ман секер сепсенъ, шоршыман,
Боз агаштан беркпен,
Булытка етпей, сынман,
Куьлтиреп явган явынман,
Лавылдап янган шыракпан,
Ашувлансам – уьзилмес болатпан,
Яныма етпе, ян саклавыш иертип,
Оьмир суьрген биймен,
Атасын сорамай, ян саклав иертпен,
Асылын сорамай, мал бермен.
Кызыл алтынга сатылман,
Досымнынъ отын соьндирмен,
Душпан отын яндырман.
Анамнан кара тувганман,
Сабынлап ювган ман агармас
Эдиге увылы эр Нурадин – мен.
Мен мендирмен, мендирмен,
Сен кимик бийлерден,
Мен эш кем тувылман.
Саным тувыл, бурнымнан
Бийда оьткерсенъ, кайгырман.
Узын огым, кенъ яйым,
Туьспей туры колыма.
Туьсе койса, колыма,
Сени йибермеспе эдим,
Атанънынъ кайтпас йолына?
Киели сары Сарайшык,
Тузы шыккан саз балшык,
Мен соьнейим балшыгында.

Токтамыш ханнынъ тувдыклары Нурадиннинъ шыдамлыгына сейирли болып турадылар. Сонда яс Кадырберди, Нурадинди кушагына алып:

– Ма, сага меним колым, атамнынъ канын кеширемен. Сен – меним куьевим, мен – сенинъ балдызынъ*. Бу куьннен алып, урыс соьзди койып, бир тил болып, оьмир суьрейик. Тек мен кыннан кылышымды шыгарганман, кан этпей, кынга салмага мага ярамайды. Сога коьре, Янбайдынъ янын аламан, – деп, онынъ басын шабып алады. Янбайдай яман кисилерсиз олар Ногай юртта онъып-оьсип яшап каладылар.

Эдиге йыры

Вариант И.С. КАПАЕВА

Печатается по тексту:

Эдиге йыры /Вариант И.С. Капаева // Ленин йолы /Орган Карачаево-Черкесского обкома партии и облисполкома. –1991. – №№ 44–45, от 27 апреля.

Эпическая поэма «Эдиге» даётся в литературной обработке Народного писателя КЧР И. Капаева. Текст И. Капаева составлен на основании записей А.-Х. Джанибекова и фрагментов собственных записей у ногайского йырау Курая Лукманова и Народного писателя Карачаево-Черкесии Суюна Капаева. Настоящий текст (сводный) – первая после запрета публикация ногайского варианта поэмы, приурочена к 600-летию эпоса «Эдиге».

Эдигединъ тувувы

Бурын заманда ногайлардынъ ерлерининъ иеси атаклы Токтамыс-хан болган. Онынъ ханлыгынынъ ерлери шети-кыйыры коьринмеген кенъ дала, сол далада сансыз мал-йылкы суьруьвлери багылган болган. Мынълаган авыллар, коьплеген бай калалалар турган. Ханнынъ ерлерин енъип болмас сансыз аьскери коршалаган. Ханлык орталыгында алтын таклы сарайы турган, калада аьлимлер, йыраулар, исшилер-усталар, оькимет исшилери, ыргатлар-куллар коьп яшаганлар.

Сарайда айтылган баьтир – Кутлы-кая деген хан кусшысы – яшаган экен. Ханнынъ бек алгыр атаклы каршыгалары болганлар. Конъысы хан Сатемир бу каршыгадан тукым алмага суьйген эди. Ханнан тилесе, бермеек. Ахырында, Сатемир, Кутлы-каядан тилеп, юмырткады ясыртын алады. Бу юмырткадан шыккан каршыга бек те акыр болады. Бир куьн эки хан, анъшылап шыгып, эки каршыгаларын бир анъга йибергенде, яс каршыга анъды тез тавып алады. Соннан сонъ хан, Кутлы-каяга шекленип, оны кувып йибереди.

Кутлы-кая агашлыкка кетип яшайды. Бир кере агаш анъгалакка рас келип, ога уьйленеди. Агаш анъгалак ога: «Меним кабыргама карамассынъ», – деп шарт салады. Бир куьн, агаш анъгалак ювынып турганда, Кутлы-каядынъ коьзи онынъ кабыргасына туьседи. Караса, агаш анъгалактынъ кабыргасыннан иши-оьти коьрине эди. Сол заманда агаш анъгалак ушып туьсип: «Э-э! Аьдем баласы, соьзинъде туралмадынъ, энди мен сени минен яшалман, хош-сав кал, тек, узакламай, меннен бир аьвлет тувар, соны аькелип, сенинъ йолынъа салып кетермен», – деп коьзден йогалып кетеди.

Соннан сонъ, хатын кеткенге «Айлакта» – деп, хан да эш те муткан болар деп, Кутлы-кая элге кайтып яшайды.

Бир куьн авыл халкы сабантой этип кырга шыгады. Халк, ойын-куьлки курып турган заманда, агашлыктан шыгып келеяткан бир затты коьрип, коркып, кашады. Кутлы-кая, бу заттынъ агаш анъгалак экенин билип, кашпай калады. Агаш анъгалак ювыклап келип, туьйиншикти ерге салып, кайтып кетеди. Кутлы-кая барып караса, туьйиншикте янъы тувган бир эр бала ятыр. Ол оьзининъ баласы экенин сезип, алады.

Ама, балады карамага амалы болмай, кыйналады. Бир куьн бала бек йылайды. Кутлы-кая, тоьбеге олтырып, не этерин билмей, адайды. Ахырында бала тынады. Караса, тоьбе басында, боьлепишлерге оралган баллады, сол ерлерде куьшиклеген бир тоьбет ийт, янасып, эмгистеди. Бала бек тез оьседи. Оны Кутлы-каяга берип кетеятканда, агаш анъгалактынъ Эдиге деген сеси эситилген. Сонынь уьшин Кутлы-кая баладынъ атын Эдиге деп атаган.

Эдигединъ аталыгы

Кутлы-кая бала ман ялгыз, не этеегин билмей, калганда, оны, этикке ясырып, коьп балалары болган хан йылкышысы Эсен-бийдинъ уьйине келеди. Эсен-бийде он баласы болган, оныншысы – Кутлы-каядынъ баласы ман тенъ, янъы тувган ул бала. Эсен-бий Кутлы-каядынъ авыр аьлин анълап:

– Он бала болган ерде, тагы биревге де орын табылар! – дейди.

Суьйтип, Эсен-бий Кутлы-каядынъ улынынъ аталыгы болады.

Бир куьннинъ биринде Токтамыс-хан, Кутлы-каядынъ элге кайтканын билип, оны оьлтирмеге деп аьдем йибереди. Ханнынъ аьдемлери Кутлы-каяды оьлтиредилер. Балады излеп, аталыкка келедилер. Ханнынъ аьдемлери келгенде, Эсен-бий Эдигеди баягы этикке ясырады. Ханнынъ аьдемлери Эсен-бийдинъ оьз баласын алып кетип, оны оьлтиредилер. Эсен-бий де, пишеси де Кутлы-каядынъ баласын сав калдырганларын билдирмейдилер. Ога оьз балаларынынъ атын бередилер. Суьйтип, Эдиге, Кубыгул деген иесим мен, аталыгында оьсип калады. Тогыз бала ман бирге оьседи. Олар онынъ оьмир бойы ян саклавлары боладылар.

Эдиге, баладан алып, акыллы эм баьтир юрекли болган. Белгили ди, эл ийгилерин ханлар оьзлерине кызмет кылувга алатаганы. Суьйтип, Токтамыс-хан да Эдигеди оьзине йылкышы этип алады. Эдиге айбетли йигит болып оьседи.

Эдиге – тоьреши

Бир кере авылда эки киси бота уьшин эриседилер. Олардынъ экевинде де туье болган, солардынъ бириси боталаган, ама экеви де, сол бота уьшин табан тиресип, оны аьр кайсысы оьзиндики эткиси келген. Сол заманда олар, тоьре шеш деп, балалар арасында юрген Эдигеге тилегенлер. Эдиге, разы болып, туьелерди йылгадынъ ягасына аькеттиреди, ботады болса, кайыкка олтыртып, сув бойлатып, йибереди. Туьелердинъ бириси сонда, оькирип, сувга атылган эм кайыктынъ артыннан барган. Эне сол туье ботадынъ анасы, деп Эдиге тоьре эткен.

Эдигединъ сусы

Халк, Эдигеди танып, суьйип, сый берип баслаган. Ол уьйге кирсе, ханнынъ оьзи де орныннан туратаган болганын ханнынъ пишеси коьреди, байына айтады. Хатыны айтканда, хан «Болмас», – деген. Бир куьн хатыны, ханга билдирмей, онынъ этегин ястыкка туьйреген. Эдиге уьйге киргенде, хан коьтерилип турады. Ястыктынъ суьйретилгениннен, оьзининъ сескенетаганын сонда биледи. Соннан сонъ хан Эдигеге душпанлык суьрип баслайды.

Хан ордасында Эдигеге ювырт ишпеге беретаган болганлар. Ювыртты ханнынъ пишеси аьзирлеген, сонда аьйле салган. Соны сезип, Эдиге пышагы ман ювыртты кескишлеп, ишпей кеткен. Бу заттынъ маьнеси – ол ханнынъ юртын боьлик-боьлик этееги деп, Кенъжамбай деген ваьзир анълаткан.

Эдигеге багысланган той

Соннан сонъ хан Эдигеди оьлтирмеге ойлайды. Залым ханлардынъ аьдетинше, халкты йыйып, уьйкен той этеди. Дана аьдемлерден Эдигединъ асылын сорайды. Йыравлар Эдигединъ асылын туьз айталмайдылар. Эдигединъ тогыз досы да ханнынъ ниетин биледилер. Олар Эдигеди алып кашувга кенъес курадылар. Эдиге той ишине киргенде, дослары, Эдигеге эм оьзлерине атлар аьзирлеп, ханнынъ аьскерининъ иерленген атларынынъ зоьнъгибавларын кеседилер. Хан, йыравлар Эдигединъ асылын туьз айталмаганларына разы болмай: «Ким энди калган?» – деп сораган.

Уьш юз сексен яшаган,
Азув тиси босаган,
Сыбыра атлы, сып тонлы
Атаклы йырав калган, –

деп йыравлар айтканлар. Атлыды, Сыбыра деген карт йыравды шакырмага деп, йиберeдилер. Ол да, яяв-атлы юралмайман деп, оьзин паэтон ман аькелдиртеди. Сонда Токтамыс-хан айтады:

– Уьш юз сексен яшаган,
Азув тиси босаган.
Сыбыра атлы, сып тонлы
Бизим ерде энъ карт йырау,
Кубыгулдынъ асылын
Сен толгашы, карт агав.

Тойда коьп кымыз, бал иширтип, Эдигеди эсиртедилер. Ахырында, Сыбыра деген атаклы карт йырау, ясырмай, Эдигединъ асылын айтып береди. Халк Эдигеге Кубыгул деген атты бергенин билип, Сыбыра йырау онынъ эки атын да айтып толгайды:

– Эр Эдиге – Кубыгул,
Токтамыс-ханга саклав болып турганда,
Оьзин киси танымай, бир кубаша яс эди.

Токтамыс-хан байтал сойып, бал куйды,
Бар болган ийги аьдемин йыйдырды,
Туькли шатыр курдырды,
Тоьре-картларын йыйдырды,
Эндигиси ким калган деп сораганда,
Уьш юз сексен яшаган,
Азув тиси босаган,
Сыбыра атлы, сып тонлы,
Атаклы йырав калган
Деп, мени тойга шакырдынъ.
Уьш юз сексен яшаган,
Азув тисим босаган,
Бир алжыган картпан мен,
Мендей эрден не шыгар?
Не шыгар, эй, не шыгар?
Айтар эдим, тилим келмес,
Айтпас эдим, коьнъил тынмас,
Кув оьленде даьм болмас,
Куры суьекте май болмас,
Акылы кайткан шал картта
Хан тынълардай соьз болмас.

Муны коьрип, Сыбырадынъ яклары, ым этип, ымлап, толга дегенди картка билдиредилер. Сыбыра толгайды:

– Мен карыман, карыман,
Коьпти коьрген карыман,
Баслык та Баслык хан,
Оны коьрген карыман.
Оннан сонъгы Алак хан,
Оны коьрген карыман.
Он эки тутам ок тарткан,
Тартканында оьзин аткан,
Олардан сонъгы эр Шынъызды
Коьрген карыман.
Минарасы мынъ кулаш
Хан Суьйиндик оьткенде,
Оны коьрген карыман.
Тебингиси темир алтын Динибек
Ханды коьрген карыман.
Баба Туьклес дин ашкан
Хан Оьзбекти коьргенмен.
Шын-Машынды* бийлеген,
Жанибекти коьргенмен.
Нардынъ бойын шорт кескен,
Бердибекти коьргенмен.
Коьгин йойган Коьтев хан,
Бу дуныядан оьткенде,
Кафир болып кеткенде,
Оны коьрген карыман.
Алак ханнан тогыз хан,
Уллы ханнан отыз хан,

Оны коьрген карыман.
Томпак эрин, томпак бас,
Тек туьнегуьн
Ювырып юрген яс эдинъ,
Энди сен де хан болдынъ,
Сени де коьрген карыман.
Энди сен де хан болдынъ,
Яратканлы бой толтырып,
Бар эткенин кос этип,
Ярылма тостакайды толтырып,
Хан ием сен бал бердинъ.
Кубыгул колынъда оьксиз юргенде,
Халк аьлемге шыгармай,
Дуныяды баасына баламай,
Сол суьйгенине оьткен куьн
Энди меннен, хан ием,
Эдигеди не деп сорайсынъ:
Аргы увыл да, берги увыл,
Ортасында кенъ елкели Кубыгул,
Курама шапшак кырк курсав,
Басар бугай Кубыгул,
Шыгарактан шыгып,
Кашар бугай Кубыгул...

Эдигединъ эсиргени таркайды. Сыбырадынъ соьзлерин эситип, ол, шыгарактан шыгып, кашады. Сыбыра йырау толгай береди:

– Кубыгулды кувлама,
Байтагым" коьп деп, тувлама.
Байтагым коьп деп, тувласанъ,
Кумга биткен куба талдан
Курык сайлар Кубыгул,
Кув алалы коьп йылкынъды
Кувып айдар Кубыгул.
Кува шыккан кисинъе,
Кум каптырар Кубыгул.
Басы бурма сары алтын тагынъды,
Тартып алар Кубыгул.
Эт билеги сав алтын,
Коьзекедей коьрклинъди
Олжа алар Кубыгул.
Ногай деген авыр юрт,
Яйыл яткан хайран юрт –
Аш боьридей, шувылдап,
Аш арсландай, оькирип,
Давыс салар элинъе ол.
Тогыз герей бабасы,
Толы юрттынъ иеси,
Токтамыстай ханларды
Элден кувар Кубыгул.
Кув оьленде даьм болмас,
Кув йиликте май болмас.

Кубарган мендей картта соьз болмас,
Оьлтирсенъ, ненъе ярарман,
Калдырсанъ, ненъе ярарман,
Яшавынънынъ шегинде
Тувра соьзди айтарман,
Ак тагынъа етер бугай Кубыгул!

Сонда хан толгап айтады:
Эй, тогыз эр, тогыз эр!
Тогызынь да бара коьр,
Алдап-сулдап, Эдигеди
Касынъызга ала коьр.
Алдап-сулдап, касынъа ал,
Касынъа ал да, басын ал!

Тогыз эрге де – кереги сол: олар ордадан шыгып, Эдиге мен бирге кашадылар.

Соннан сонъ, алдында Кенъжамбай болып, ханнынъ кувгыншылары Эдигеди кувып кетедилер. Эдиге Эдилди оьткенде, артыннан кувып етедилер. Эдиге мен согыспага коркып, кери кайтармага аьйле курып, Кенъжамбай булай толгайды:

– Кайтсана, ялгызым, кайтсана,
Кайтып уьйинъди тапсана,
Энегеси бийик боз ордада,
Хан иенъе салам берсенъе.
Эрни юка сары аяк,
Хан иенъ бал береди, ишсенъе.
Кулагын, биздей, кадаган,
Кекелин, кыздай, тараган,
Юргенде, ызын санаган,
Ат береди, минсенъе.
Куйрыгы узын ак сунъкар,
Хан иенъ кус береди, шуьйсенъе.
Шорасыннан шора боьлип береди,
Шора агасы болсанъа.
Байталыннан байтал боьлип береди,
Байлап кымыз ишсенъе.
Байтагыннан байтак боьлип береди,
Падишахлык суьрсенъе.

Сонда Эдиге булай толгайды:

Мен кайтпанды, кайтпанды,
Кайтып, Эдил оьтпенди.
Энегеси бийик боз ордада,
Хан иеме ийилип,
Саламымды берменди.
Эрни юка сары аяктан
Хан саркытын ишпенди,
Эрним елкек* болган сонъ.
Этеги алтын, енъи алтын

Хан тонларын кийменди,
Ийним кутсыз болган сонъ.
Кулагын, биздей, кадаган,
Кекелин, кыздай, тараган,
Юргенде ызын санаган,
Хан атларына минменди,
Авым кутсыз болган сонъ.
Шорасыннан шора боьлип берсе де,
Шора агасы болманды.
Байталыннан байтал сайлап берсе де,
Байлап кымыз ишпенди.
Байтагыннан байтак боьлип берсе де,
Падишахлык суьрменди.
Эр болып атка минген сонъ,
Бир йол алып юрген сонъ,
Хатын болып кайтпанды!
Коьктен огым кайтпаса,
Оьпкелеген соьзимди
Авызым ман айтпамды.
Муннан ары мактанман,
Мактандырсанъ сен мени,
Он эки тутам ок туткан,
Бурынъыда оьткен эр Шынъыз
Оьзи минен тенъмен мен,
Карагайдай бийик терекпен,
Басымнан давыл оьтсе, кыймылдаман!
Токтамыстынъ тогыз эри,
Камышы тиер мойнынъа,
Кан шыбырар койнынъа,
Шыдамассыз меним кылган ойыныма!
Мен, мендирмен, мендирмен!
Менменликтен тоба кылган эрдирмен!
Дослар отын соьндирмен,
Душпан отын яндырман,
Шетенли коьл тоьгерек,
Алдавлы соьзинъ не керек,
Бу кеткенмен кетермен,
Шах-Темирге етермен,
Кудай-Аллам йол берсе,
Темир мага кол берсе,
Тиси кертик, тили муьлтис ханынъды,
Бир саклавсыз этермен!
Мактанмага суьймеймен,
Кайгайдагын айттырсанъ,
Он эки тутам ок тарткан,
Тартканында оьзи аткан,
Бурындагы Шынъгыздынъ
Оьзи минен тенъ экенимди
Тезден сен де коьрерсинъ.

Соннан сонъ Кенъжамбай кувгыншылары ман кери кайтады.

Эдигединъ басшылык алувы

Йолда Эдигединъ атлыларына тогыз куйрыклы йылан расады. Йылан, атлыларды коьргенлей, инге кашады. Атлылар, артыннан етип, йыланды оьлтиреек болып, онынъ тогыз куйрыгын кеседилер, тек, инге басын киргисткен йылан, кашып кутылады, сав калады. Атлылар тагы да бир аз юргенде, оларга тогыз баслы бир куйрыклы йылан расады. Йылан баягы инге кашып кутылаяк болады. Атлылар, атларыннан туьсип, йыланга шабадылар. Йылан тек бир басын инге киргисткен экен. Атлылар тогыз басын да кеседилер эм йыланды оьлтиредилер. Сонда Эдиге булай дейди йолдасларына: «Муна йылан ман болган зат бизи мен де болмас уьшин, бизге тогыз бастынъ орнына бир бас керек!» Йолдаслары Эдигеди басшы этип сайлайдылар. Эдиге, узак сеперге шыгаяк болып, йолдасларына оьгит соьзлер айтады. Йолдаслары шыдамлы болсынлар деп, Эдиге булай толгайды:

Сыдырув арка,
Сылув тоьс,
Сырттан толгай тогызым,
Карагустай, шонъкайып,
Каравыл кара, тогызым.
Ерге биткен йийлекти
Азык эттинъ, тогызым.
Этсиресенъиз, булан атарсыз,
Эрикпесенъиз, бир мыратка етерсиз.
Бир заманы келгенде,
Токтамыстынь толы юртын мен алсам,
Толкысытып Ана-Эдилге кондырсам,
Сарайшыклай, кожалай,
Увыл- увылыма калганша,
Емегим болсын, тогызым,
Елке шашын оьрмеген,
Аьдем юзин коьрмеген,
Байлардынъ томпак шашлы аьруьви,
Олжа болсын, тогызым.
Канъандай* кара басыма,
Каравыл шыккан, тогызым.
Дувадактай, тонъкаклап,
Тезек керген, тогызым.
Эй, тогызым, тогызым,
Тогызымнынъ басын этермен,
Оьлсе, алтын тоьлермен,
Калганды кара киске боьлермен.
Оьлгенинъе не этермен?
Аьруьв ювып,
Ак кебинлеп, коьмермен.
Болса, булай этермен,
Болмаса, Кудайымнынъ болмасына
Не этермен?
Бери мага келши, тогызым.

Эдиге Алп пан согысады

Соннан сонъ Эдиге йолдаслары ман Сатемирге карап барады. Йолда Эдигединъ куьби Кара – тыйын Алп баьтирине йолыгады. Алп баьтир Сатемир хан ман согысып, оны енъип, Акбилек деген кызын олжа этип алып бараятыр экен. Сонда Эдиге Алп баьтирди оьлтирип, Сатемир ханнынъ кызын алып кашпага ойлайды. Сол мырадына етер уьшин, Эдиге Алптынъ аьскерине казаншы болып косылады. Йолдаслары, артта калып, юре бередилер. Алптынъ аьскери уьшин сойылган малдынъ этиннен казаншы Эдиге йолдасларына деп, ясырып, калдырып барады. Соьйтип олар, бир ерге тыншаймага токтаганда, Алптынъ ордасын курайдылар. Алп ятканда, Эдиге аьскершилерди эрек йибертеек уьшин: «Йылкыды орып отлатпага, суьрип сувгармага керек», – деп аьскер мен йылкыды ордадан эрек аькетип токтатады. Сувягада тыншайып яткан аьскер, бир кесеги Алп баьтирдинъ, экинши кесеги Эдигединъ ягы болып, оьз ара ойнап, согысадылар, тоьбелеседилер. Сол вакытта Эдиге, йолдасларын тавып, олар ман бирге Алп яткан ордага келедилер. Сонда Эдиге, йолдасларына ордадынъ астын коьтертип, оьзи уйклап яткан Алпты ок пан атып оьлтиреди.

Соннан сонъ ол, аьскерге шавып келип: «Йигитлер, билмесенъиз, билинъиз, мен Эдиге боламан. Алп баьтирди оьлтирдим, сизге эркинлик беремен!» – дейди. Сол заманларда Эдигединъ аты данъклы болган. Аьскершилер, Эдиге деп эситкенде, сескенип, оьзлерине эркинлик берилгенине Аллага шуькир этип, таралып кетедилер.

Алп баьтирдинъ Сатемирдинъ ханлык юртыннан алган есирлери бар экен. Эдиге, бас деп, есирлерди, ханнынъ кызы ман бирге, эллерине йибереди. Сатемир хан, кызы кайтып келген сонъ, оны ман бирге есирге туьскен аьдемлери де кайтканын билип, бек суьйинеди. Сол затка Эдиге себепши экенин билгенде, юртына келген Эдигеди хош алады, той курайды. Тойда Эдигеге кызын багыслайды. Эдиге Сатемир ханнынъ кызына уьйленеди. Эдигеде ханнынъ кызыннан бир ул тувады. Улды Нурадин деп атайдылар.

Нурадин оьш алув йолына туьседи

Эдиге Сатемир ханнынъ юртында коьп йыллар яшап калады. Сол арада Нурадин де, оьсип, баьтир болады. Бир кере Нурадин тенълери мен асык ойнап турганда, олардынъ бириси, Нурадиннинъ уста ойынын куьнлеп:

«Асык ойнап билетаганынъды коьремиз, атанъынынъ оьшин калай алганынъды коьреекпиз бе экен?» – деп селекелейди. Нурадин оны атасына айтып келеди. Эдиге, сол затты улы айтканына суйинип, Сатемир ханга Токтамыстан кан алаягын соьйлейди, коьмек тилейди. Сатемир хан бир аз аьскер береди. Эдиге мен Нурадин Токтамыска кавга этпеге шыгадылар эм оьз юртларынынъ дазувларына ювыклап келедилер.

Ногай юрт

Эдиге мен Нурадин Ногай юрттынъ ерине аяк басканда, аттан туьсип, ак топыракты увысларына алып, оьбедилер. Эдиге сонда толгайды:

Ий, Ногай юрт, Ногай юрт!
Атам-анам тувган юрт.
Ийилип, салам берген юрт,
Киндигимди кескен юрт,
Бие савган суьтли юрт,
Кымыз ишкен кутлы юрт,
Эдил-Яйык арасы
Йылкы мынан толган юрт,
Эдил, Эдил, Эдил сув,
Яганъ ойпанъ кум баскан.
Кумга субай тал биткен,
Бутагы сувга ийилген,
Япырагы калкандай,
Бакасы, койдай, шувлаган,
Балыгы, тайдай, дувлаган,
Тасбакасы – атандай,
Йыланы бар, бакандай.
Балыгы йылкы яптырмас,
Бакасы туьн уйкынъды таптырмас.
Сен тувылма, тувган юрт,
Япыракларынъ саргайып,
Коьк тогайынъ караланып,
Токтамыс хан колында.
Ий, Ногай юрт, Ногай юрт!
Не болды сага, тувган юрт?!
Сендей элден айырылган
Мен не болдым, тувган юрт?
Сени меннен айырган,
Бай юртымды кул эткен,
Ток юртымды аш эткен
Токтамысты тыяйым деп,
Оьз юртымды алайым деп,
Сага келдим, тувган юрт! –

деп, Эдиге, турып, атка минеди.

Эдилди оьтип, атасы ман улы хансарайга келедилер. Аз аьскерди коьп этип коьрсетер уьшин, Эдиге бир тоьбединъ янында токтап, кешелерде коьп ерге от яктырып, атлардынъ курсагына ак боьз байлатып, танъ атканша, атларды тоьбеде айландырып юрите берген. Буларды коьрген куьзетшилери, ханга барып, тоьбе якта сансыз аьскер келип токтаган, деп хабар бергенде, хан, адап калып, аьскерин де йыялмай, кашпага карайды.

Алтын ордадынъ турмысы бузылувы акында

Токтамыс хан, бу келген яв-душпан Эдиге экенин билип, ваьзирлерин, картларын йыйып, кенъес этеди. Йоравшы балшыды шакырып, туьсин булай хабарлайды:

Эсик алдым Байтерек,
Байтерегим йыгылды,
Токсан экен япырагы,
Токсаны да куйылды.
Байлы турган карагус,
Уьркип, ушты авага.
Далбай шалып, шакырдым,
Айланып, кусым кайтпады.
Авалап кетип, йок болды.
Ол не болар, йоравшы?

Балшы-йоравшы ханнынъ туьсин булай шешеди:

Ол Байтерек – сен оьзинъ,
Токсан япырак дегенинъ –
Токсан баслы ордадынъ
Токсан тувы болмасын.
Уьркип ушкан карагус –
Бир шыбындай янынъды,
Ол шыгарга болмасын!

Бу соьзлерди эситкен хан балшыды аскакка астырмага буйырык береди. Балшыды язалайдылар. Яв келе береди, ханлыктынъ бас каласы алдында токталады. Токтамыс балшыдынъ соьзлерин муталмайды. Ахырында, Токтамыс хан, кашпага амал таппай, эл-юртына яны авырып, заьр йылап, бала-шагасын кушаклап, булай толгайды:

Хан кашып, бий кувган куьн,
Хан йолына туьскен куьн.
Алтын таклар буьлген куьн,
Ат оьнъкип, иерлер сынган куьн.
Темир сувлык уьзилип,
Тизгин колга келген куьн.
Хан арада мунъайып,
Ханлар булай айта турган куьн:
Куба нарга юк артып,
Йоьке арыслы арба ектирип,
Куьнимиз булай болды деп,
Ханлар, калмай, шувлап минген куьн,
Ханымлар, каптай кара кийинип,
Яланъ аяк, яланъ бас,

Кабыргадан кос ат айдап, коьшкен куьн.
Эки коьзи яс басып,
Танавларын шанъ басып,
Бу языда ханымлар,
Куьни куьзде кешкен куьн.
Аланъ, аланъ, алань юрт,
Ак капталлар кийинип,
Атам киев болган юрт,
Сазанлай, куйрык таслатып,
Саф* аргымак оьскен юрт.
Запырандай, сары баллар сапыртып,
Сабантойга коьшкен юрт,
Келин келген кепли юрт,
Йылгын яккан йылы юрт,
Ябагалы яс тайлак,
Ярдай атан болган юрт.
Яйылымда ятып калган бир токлы,
Яйылып, мынъ кой болган юрт.
Эдилимсинь, Тенимсинъ,
Отынъ секер, сувынъ сербет еримсинь,
Билевсиз хан бу куьнде,
Казак шыгып барады,
Хан иенъе сен буьгуьн
Йолынъ болсын дермисинъ...

Соннан сонъ, Токтамыс хан, кашаяк болып, атка минеди. Оны коьрип, ханымы зоьнъгиге асылады:

Шыгып олтырма далага,
Каркыралы басынъды
Кагып алар Кубыгул.
Кувдай агарган басыньды,
Йыгып, алар Кубыгул!

Сол ерде Кенъжамбай ханымга келип, булай дейди:

Йылама, ханым, йылама,
Коьшип юрип барганда,
Катардагы нарга авыр.
Явлар шавып алганда,
Онь яктагы кызга авыр.
Яв ягадан алганда,
Бир шыбындай янга авыр.
Бас эсенде ян эсен,
Ханнынъ басы сав калсын, –

деп, Токтамысты ханымнан айырып, атларды асыктырып айдап, каладан далага шыгадылар.

Эдиге ордага кайтады

Эдиге мен Нурадин Токтамыс ханды бир даладан баска далага, бир каладан баска калага, бир тавдан баска тавга кувып барадылар.

Сонда Эдиге, токтап, Нурадинге айтады:
Эй, Нурадин, Нурадин,
Балшыбынды оьлтирмей,
Балын кайтип ашарсынъ?
Токтамысты кува бер,
Хан касында юз киси,
Баьриси де сум киси,
Яманнынъ азы да бир,
Коьби де бир,
Баьрисин де кыра бер!

– дейди. Оьзи, Токтамыстынъ кызы Каныйкеди сага деп сакларман деп, Сарайга кайтады. Калага кайтып келгенде, алдынгы кала йок эди. Бузылган калады алган яв Эдигеди ювытпайды. Мунда Эдиге аьскери мен хансарайды курсап алады. Хансарайдынъ тагында, алдын Эдиге мен бирге юрген асылы шынъыз Кыйгыршык экен. Эдигеди ол, аьскерсиз, ялгыз кир деп, шакырады. Эдиге, сарайга кирип, такка ювыклаганда, Кыйгыршык айтады:

Ай боьркли басынъды
Ай кылып сал, Кубыгул.
Асыл Шынъыз мен экен,
Сен де меним кулымсынъ.

Эдиге сонда каарланады, Кыйгыршыкты сыйрагыннан тартып коьтереди, коьтерип, басы ман ерге согады, вазирлерин кырып шыгады.

Кызгыш кус кайгы аькеледи

Сол кашувы ман кашкан Токтамыс бир агашлыкка келип киреди. Нурадиннинъ кувып етеятырганын билип, ясырынады. Сол арада аягынынъ астыннан бир кус ушып, кышкырып коьтериледи. Ога карап, хан булай толгайды:

Кыт-кыт эткен кызгыш кус,
Канатынъ кат, мойнынъ бос,
Авызынъ-бурнынъ муьйиз кус,
Авызынъ айлак яман кус,
Бу языда заьр кылып,
Коьп кышкырма, кызгыш кус.
Юмыртканъды алмага,
Майтагым болса, мунда йок.

Кустынъ сесине кувгыншы келип, мени табар деп, Токтамыс хан бу ерден эрек кетеди. Агашлыкта ялгыз канъып юрип, хан арыйды, кыйналады, коьзине оьлим коьринеди. Кайгырып, тагы да толгайды:

Зувылдама, коьк сонар,
Эдиге улы коьп майтак,
Келип конса, соларсынъ.
Толкысыма, Ана-Эдил,
Токсаннынъ бири келсе, катарсынъ.
Буркысыма, куба шанъ,
Себелеп ямгыр явса, ятарсынъ.
Буьлкилдеме, сом юрек,
Куьнинь келсе, соларсынь.
Кубырсыма, кула ат,
Бир куьн катсам, юбарсынъ.
Янымдагы йолдасым,
Сыбыр-сыбыр этеди,
Яныма кыйын келгенде,
Мени койып, кетеди.
Дуьрс-дуьрс этип, дуьрс этип,
Дуьрсилдеме, сом юрек,
Тынышлыкка заьр шакта
Дуьрсилдевинъ не керек!
Сыр билмеген ясларга
Сырымды калай тоьгейим,
Сынавлы шынты юрек юбады,
Сыналмаган бедевди
Калай барып минейим,
Артымыздан, коймай, кувып келеди,
Каны еткен Нурадин,
Эш бермегир мырадын.
Хан улы мен оьзим,
Алладан тувра келген аьжелден,
Ерге синъсем – кутылмам.

Нурадиннинъ оьш алувы

Сол арада Нурадин кувып етип келеди эм, ханга карап: «Ясынъ уьйкен, алдын кезек – сеники, ат!» – дейди. Токтамыс, атса да, тийгисталмайды. Нурадиннинъ огы ханга тиеди. Эм ол, ханга келип, кылышы ман согып, Токтамыстынъ басын кеседи. Бас, «дуьмп» этип, ерге туьседи. Нурадин басты, найзага кадап, коькке коьтереди. Суьйтип, ордага кайтаман дегенде, бас ога айтады:

Эй, балам, балам,
Мен аьли де сеннен йогары!

Нурадин ашувланып басты ерге таслайды, сонъ, коьтерип, айтады:

Ак найзага кадаганда,
Оьктемсип, уятка калдырар деп,
Канжыгага таксам, калар деп,
Кисеме салсам, киси алар деп,

Атама соьзим ялган шыгар деп,
Ак олага* орайым,
Мойныма аьйкел этип тагайым! –

деп, айтканын этип, ордага, эпсиз данъклы енъуьвши болып, кайтады.

Нурадин мен Эдигединъ арасында сувыклык болувы

Нурадин, Токтамыс ханды кувып юргенде, хан ордасында Эдиге калган. Нурадин ордага кайтканда, Токтамыстынъ эки кызынынъ да аягы авыр экенин коьреди. Токтамыс ханнынъ кишкей кызын Нурадин оьзине хатын этеек болган. Тилеп, ялбарып, Ордада калган Кенъжамбай, Токтамыс ханнынъ кызларына курсагынъызга ястык байланъыз, деп уьйреткен. Эгер Нурадин сораса, «Атанъ куьнали», деп айтарсыз деген. Нурадин кайтканда, Токтамыстынъ эки кызы да юкли экенин коьрип, «Буга ким шуьшли?» – деп сораган. Тотай кызлар бармагы ман атасына коьрсеткенлер. Нурадин, болган заттынъ туьп маьнесине шыкпай, атасына ашувланган.

Сол заманда Эдиге булай толгайды:

Уллы юма куьнинде,
Мен дуныяга энгенмен,
Коьзим ашып коьргенде,
Кадир туьнин коьргенмен,
Актан белги алганман,
Нурдан уьлги алганман,
Арабтан китап алып,
Аьлимлердинь айтканын,
Мен айтайым дегенмен,
Гуьрилдеген коьк денъиздинъ ишинде,
Эй, Нурадин, мырза улым,
Сени тилей турганман,
Токтамыс пан Темирге,
Исим колай келгенше,
Аягынынъ астында
Таьзим* этип олтырдым,
Исим колай келгенде,
Бес юз киси оьлтирдим.
Бир басы мынъ кисиге тийгендей,
Кара-тыйын деген Алпты,
Языда тавып, ялгыз оьлтирдим...

Муннан сонъ Эдиге мен Нурадин оьз ара оьпке соьзлерин булай толгап айтысканлар:

Нурадин:

Булан сынлы куьренди
Бутка кысып мингенмен,
Ак эсик пен боз эсик,
Белгили арка бойында,

Тувра асыктан йол салып,
Орман аткын конганман,
Эртиш басы кара агаш,
Токтамыска сонда суьрип еткенмен,
Ханнынъ басын кескенмен,
Савкат этип мойныма,
Аьйкел шалып келгенмен.

Эдиге:

Тувды, тувды дегенде,
Тув биелер сойганман.
Бетинъди йыпар мынан ювдырдым,
Белинъди алдаспаннынъ бавы мынан бувдырдым,
Карагайдан бутак шыгартып,
Кайыннан бесик ясаттым,
Катеби камка тоьсеттим,
Астынъа камка яйдырдым,
Йоктан сени бар эттим,
Мырзаларга бас костырып,
Балапан эдинъ, кус эттим,
Буьлдирик эдинъ, боьри эттим,
Каршыгадай, кус эттим,
Кайын октай, туьзеттим,
Картайганда карт атанъды кувасынъ,
Кувлагандай, мен не эттим?
Курыган ерге от берсем,
Отты кайдан отларсынъ?
Кара аргымак катырсам,
Атты кайдан минерсинъ?
Кара лашын катырсам,
Кусты калай шуьерсинъ.
Куралайдай, эки коьзи кызарган,
Кувдай шашы агарган,
Карт атанъды кувласанъ,
Эй, Нурадин, мырза улым,
Кайда барып онъарсынъ?

Нурадин:

Кавданлы ерге от берсенъ,
Отлардан отлар сайлап отларман.
Кара лашын катырсанъ,
Кустан сунъкар шуьермен.
Кара аргымак катырсанъ,
Аттан тулпар минермен.
Куралайдай, эки коьзи кызарган,
Кувдай шашы агарган,
Карт атамды кувласам,
Танъридинъ уьйи Бейтулла,
Уьш айланып, таваф этсем, юрермен.

Эдиге:

Борай-борай, кар явса,
Боз керискенъ тувылма эдим, мырза улым,
Боранлатып, ок явса,
Елкенъде болат калкан тувылма эдим, мырза улым?
Бухар ман Кыйвадан юмлесиннен йыйдырса,
Ортасына болат сандал курдырса,
Ишиннен мыскал бакыр табылмас,
Камтыганы катесиз,
Кара лашын тувылма эдинъ, мырза улым?
Кувлаганынъ мен болсам,
Мен кашайым, сен кувшы,
Аьр душпанынъ алдынънан,
Мендей кашсын, мырза улым!

Элдинъ яры

Эдиге, кетеятырганда, элге яр салды:
Улы атасын кувган,
Ол не болган заман?
Эл явап берди:
Ялгыз баладынь кылыгы
Явдан яман, – деди эл, –
Атасын кувган ялгызга
Ол да етер бир куьн басына! – деп.

Эдигединъ ялгыз турган шагы

Соннан сонъ Эдиге элден шыгып кетеди. Кетип, тавда уьй болып яшаган, кайда экенин улына да билдирмеген, уьйкен эрислерге кириспеген.

Сол элде бир карт болган. Ол да оьлип, онынъ доьрт улына бир аксак эшки калады. Ага-инилер эшкиди боьлалмай, коьп эрискенлер. Болмаганда, эшкиди аяк санлап боьлгенлер. Эшкидинъ аксак аягы кенжепай инилерине тийген. Бир куьн эшки уьйден шыгарылган исси куьлге аягын тийгистеди экен. Сонда аксак аягына байланган шиберек янады. Эшки кашады, бир байдынь йигине суьйкелип, байдынъ пишенин ягады. Бай ага-инилерге тоьлев салады. Уьйкен кардашлар шуьшти кенжепай инилерине артадылар. Онынъ аксак аягы болмаса, пишен янмас эди, дейдилер. Кенжепай кардаш, йылап, орам ман бараятканда, ога Эдиге расады, онынь кайгысын сорайды. Эдиге йыйылган халк алдында: «Эгер сав аяклар аькетпеген болсалар, эшкидинъ сакат аягы отка да тиймес эди, йикти де якпас эди», – деп тоьре шешеди. Халк оны макул коьреди. Соннан сонъ эл Эдигеди тоьреши этип сайлайды. Суьйтип, тоьреши акында хабар яйылады.

Нурадин, атасы кеткеннен сонъ, кызлар оны алдаганларын билген эм атасын шуьшсиз кувганын анълаган.

Эткен исине кайгырып, атасын коьп излеген. Нурадин де тоьреши акында хабарды эситип, ол карт атасы экенин билип, сол элге барады. Атасына шуьшин билдиреди, ярасады. Эдиге оьзининъ элинде калады. Нурадин хансарайга кетип яшайды.

Кан явганы токталмайды

Бир заман Токтамыс ханнынъ Кадыр-Берди атлы улы, атасыннынъ канын алар уьшин, бир кесек аьскер мен Нурадиннинъ элине ясыртын келип, бир шетте кос этип токтайды. Аьйлежи Кенъжамбай сол шакта Нурадинде, ялынып, яшайды. Ама ол Кадыр-Берди мен ясыртын хабарласа турады. Бир куьн Кенъжамбай, элдинъ шетинде бек коьп анъ коьрдим деп, Нурадинди кызыктырып, алгасатып, ясандырмай, кырга алып кетеди. Олар, бара-бара, Кадыр-Бердидинъ аьскерининъ колына туьседилер. Кадыр-Берди Нурадинди оьзининъ алдына тактаметке олтыртады. Нурадинди язалар уьшин, ол онынъ олтыраяк ерине, ястык астына, ушларын йогары каратып, эки суьре актырады. Нурадин олтырган заманда, бу суьрелер онынъ бутларын тесип шыгадылар. Ама сонда да баьтир душпанына сыр бермеген. Шырайын да бузбай, бутларыннан шыгып турган эки суьреди ыслап, Кадыр-Бердиге карап, не айтасынъ деп, турган. Солай аьлде Нурадин мен Кадыр-Берди экеви толгап булай соьйлескенлер.

Кадыр-Берди:

Толгай-толгай ювырган,
Томарлар коьрсе, каргыган,
Туягынынъ налы ман,
Казандай, уьйкен таслардан
Каргып барып, тек туьскен,
Томага коьзли торымды,
Аны не эттинъ, Нурадин?
Томагалы айбалтам,
Аны не эттинъ, Нурадин?
Аргы авылдан коьшкен алты арбам,
Алтавы да кенъ арбам,
Касы алтын кенъ орда,
Он эки табан боз орда,
Босагасы болаттан,
Болатка алтын ялаткан,
Туьнлигининъ иши камка, тысы кис,
Доьрт бавы да арайыс,
Ялкынлары ярма ока,
Турлыгы турма ока,
Ак энъединъ анасы,
Каска эректинъ баласы,
Ыдырынып, ол айван,
Адым ерге тарталмас.
Он эки каслы ордам
Аны не эттинъ, Нурадин?
Бир шегеси мынъ кызылга битпеген,
Усталардынъ мынъ шоькиши туьтпеген.
Ягасы алтын ак куьревке.
Аны не эттинъ, Нурадин?
Коьргеннинъ коьзин оьлтирген,
Соьйлегенде, эр эзетин келтирген,
Каныкедей аьруьвди,
Аны не эттинъ, Нурадин?
Талай майтак иеси,
Тогыз ханнынъ кенжеси,
Токтамыс атлы атамды,
Аны не эттинъ, Нурадин?

Нурадин:

Толгай-толгай ювырган,
Ювырганда, иер бавырын кувырган,
Томага коьзли торынъды
Олжа этип мингенмен.
Томагалы айбалтанъ,
Аш белиме илгенмен.
Аргы авылдан алты арбанъ,
Алтавы да тенъ арбанъ,
Тегин олжа эткенмен,
Коьргеннинъ коьзин оьлтирген,
Соьйлегенде, эр аьпсетин келтирген,
Каныкедей аьруьвди хатын этип алганман!
Талай майтак иеси,
Тогыз ханнынъ кенжеси
Токтамыс атлы атанъды,
Сарыаркадынъ басында,
Суьрип, кувып еткенмен,
Басын сонда кескенмен.
Канжыгага таксам, калар деп,
Кисеме салсам, киси алар деп,
Атама соьзим ялган шыгар деп,
Ак олага оратып,
Мойныма аьйкел шалып келгенмен.
Кеселтек кара булытпан,
Кенем де явмай ашылман.
Боз агаштан бийикпен,
Булытка етпей, шорт сынган.
Гуьрилдеп соккан ясынман,
Лавласам, курар шыракпан,
Ашувлансам, шорт уьзилген болатпан,
Яныма алпыс явлар иертип,
Нарт сайлаган мырзаман.
Кыйын тийген баьтирге,
Кыйын коьрген пакырга,
Алапасын артык берген мырзаман,
Атасын сорамай, ноьгер иертпен,
Асылын сорамай, мал бермен,
Эдиге улы мендирмен.
Касы алтын кенъ орда,
Он эки табан боз орда,
Босагасы болаттан,
Болатка алтын ялаткан,
Туьнлигининъ иши – камка, тысы – кис,
Доьрт бавы да арайыс,
Ялкынлары – ярма ока,
Турлыгы – турма ока,
Ак теректинъ анасы,
Каска эректинъ баласы,
Ыдырынып, ол айван
Адым ерге тарталмас.
Он эки табан каслы орданъ,
Бир шегеси мынъ кызылга битпеген,
Усталардынъ мынъ шоькиши туьтпеген,
Сол яздынъ бойында отка ягып кеткенмен.

Ягасы алтын ак куьревкенъ,
Тонав этип кийгенмен,
Кайсысыннан кемдирмен,
Саным тувыл, бурнымнан
Бийда оьткерсенъ, кайгырман.
Узын огым, кенъ яйым,
Туьспей туры колыма,
Кадыр-Берди яс солтан,
Йиберер эдим мен сени,
Атанъ барган анавда,
Хан Токтамыс йолына!

Нурадиннинъ оьлуьви

Кадыр-Берди Нурадиннинъ йигитлигине сукланады. Сол ерде турган Кенъжамбайды, сермеп алган кылышы ман урып, оьлтиреди. Кыянатшы картты оьлтиргенде, Нурадинди аьдемлери мен уьйине йибереди. Тек баягы суьрелердинъ увы яйылып, Нурадин бек авырыйды. Бираз колай болганда, Кадыр-Берди йылкысын онынъ ерлеринде отлатады деп эситип, турып, яйлакка, атланып, шабады. Соннан сонъ бутларындагы яралары аскынып, кайталап, авырыйды да, Нурадин оьледи.

Эдигединъ баьтирлерше оьлгени

Нурадин оьлгенде, такка Кадыр-Берди олтырады. Ама ога Эдиге сав болып турганы тынышлык бермей турды. Эм ол, тоьрелерин йыйып, булай айтты:

Даьврен суьрген куьнимде
Эдиге эсен экенде,
Эдил юрты мага эл болмас,
Коьрген куьним куьн болмас.
Я Эдиге, яде мен!
Атланмага аьзирмен,
Тавып, басын кесермен!

Оны ман бирге болган Барын-мырза ман Шырын-мырза Эдигеди яхшы билгенлер. Сонда олар, Эдигединъ сусыннан коркып, булай айттылар:

Толкысыган Ана-Эдил,
Тасыганы ятыспай,
Эдилден аьри кешуьв
Кыйын болар, солтаным.
Эдил тынсын, буз тутсын,
Йол ашылсын, солтаным,
Эдиге энди картайган,
Алпыстан ясы озган,
Коя берсенъ, не болган?

Кадыр-Берди:

Эдил тынса, ким кешпес,
Эдиге оьлсе, ким алмас?
Эдил тынмай,
Сувды кешуьв керек,
Эдиге оьлмей,
Онынъ басын алув керек!
Мен мунъайман, бийлерим,
Явды шабар куьн келди,
Оьшин алув бас келди!
Ол куьн мага бир келди!
Эй, бийлерим, атланаяк,
Толкысыган Эдилди
Тынмай, кешип шыгаяк,
Оьлеек болса Эдиге,
Оьлмей, басын алаяк!

Кадыр-Берди, яс солтан, мырзалары ман бийлери мен бирге Эдигеге атландылар. Тасып турган Эдилди кешип, тавдагы Эдигединъ элине шыктылар. Эдиге де яв келеятырганын билип, аьскерин йыйып, алдыларына шыкты. Кадыр-Берди, яс солтан, аьскерине булай айтты:

Эдиге ондай эр экен,
Эдил-юртта бир экен,
Эркли киси бир болып,
Элди туткан эр экен,
Эдиге элде бир экен.
Атагы уьйкен ол болса,
Анынъ да болган атагын,
Оьзиме тартып алайым! –

деп, Кадыр-Берди, яс солтан, алдаспанын шыгарып, карт Эдигеге шапты.

Экевлери коьп согысты. Эдиге яраланды, шокпарын алып, Кадыр-Бердидинъ басына сокты. Кадыр-Бердидинъ басыннан кан шыкты, каны шыкканда, яны да шыкты.

Эдиге сонда булай деди:

Кадыр-Берди, яс солтан,
Согыспага куьшинъ бар,
Ясым уьйкен, басым кар,
Тоьреликке карамай,
Мен басламай, сен тийдинъ.
Асыктынъ-ав, балам-ав,
Арыслан, аьлин йойса да,
Бир сарыклык куьши бар.
Неге билмединъ, Кадыр-ав?

Соьйтип Кадыр-Бердиди енъип, Эдиге яраланып, кашады. Оны кувган кырк саклавы ман Барын-мырза эм Шырын-мырза боладылар. Эдигединъ басын ким алса, сол хан тагына минеек деп, Барын айтады. Олар Эдигеди кувып, бир коьлге

етедилер. Сонда, камыслыктынъ ишине кирген ат ызларын коьрип, излеп баслайдылар, тек Эдигеди таппайдылар. Айланып, кетеек боладылар. Ама Барын мырза: «Муннан оьзге ерге Эдиге кетпес», – деп, саклавларын токтатады. – «Согыска шык, коркасынъма, Эдиге?» – деп кышкырады.

Сонда Эдиге намысланып, коркканым йок деп, камыстан шыгады. Согыс болады, кырк саклав аркан таслап, байлап, Эдигеди шавып йыгады. Барын-мырза етип, Эдигединъ басын кеседи.

Эдигединъ басы соьйлейди:
Барын, сага не эттим?
Биринъ эки болмасын!
Юртынъ соьнсин, калмасын!
Барын, сага не эттим?
Ханнан ханды мен йыктым,
Хан сен энди болмассынъ!

Соьйткенде, Барынды Шырын оьлтирип, Эдигединъ басын алып кашады...

Эдиге

Художественный перевод с ногайского текста
Ф.М. СИДАХМЕТОВОЙ

Печатается по тексту:

Эдиге / Вариант И. Капаева; худож. перевод на рус. яз. Ф. Сидахметовой // Половецкая луна. – 1991. – №1. – С. 38–64.

Настоящий текст является первой публикацией художественного перевода эпоса «Эдиге» на русский язык, выполненного ногайской поэтессой Фаридой Сидахметовой сводного текста поэмы на ногайском языке – варианта Исы Капаева. (подстрочный перевод И. Капаева).

Перевод опубликован к 600-летию эпоса «Эдиге», в 1991 г.

В те стародавние времена правил землей ногайцев могущественный хан Токтамыс. Тучные стада верблюдиц, табуны породистых лошадей паслись на его богатых пастбищах и зеленых лугах, сильны и ловки были воины в его несметной орде. Но не только ими был славен Токтамыс-хан. Не было равных его соколам, когда окрестные правители выходили на соколиную охоту. Хромой Шах-Тимур давно мечтал завладеть потомством соколов Токтамыс-хана. Он послал своих людей к Кутлы-Кая, славному сокольничему хана. Кутлы-Кая исполнил просьбу Шах-Тимура и тайно передал ему соколиные яйца.

Вот вышли оба хана на охоту. Молодой сокол Шах-Тимура быстрее взял добычу, и тогда в сердце Токтамыс-хана закралось сомнение в честности сокольничего Кутлы-Кая. Люто возненавидел его хан и приказал прогнать из ханства.

Кутлы-Кая, опасаясь гнева хана, ушел в глухие леса. Так он и жил один, пока не повстречался с лесной женщиной.

Решился Кутлы-Кая жениться на ней. Лесная женщина согласилась жить с ним, но предупредила: «Ты никогда не должен смотреть на мои ребра». Кутлы-Кая поклялся ей в этом.

Однажды, когда женщина купалась, взгляд Кутлы-Кая нечаянно упал на ее ребра. И увидел он, что тело женщины прозрачно. Женщина поймала его взгляд, взвилась над землей и со словами: «Э-э, сын человечий, не сумел ты сдержать данную клятву. Я не смогу теперь жить с тобой. Оставайся с добром и спасибо тебе за все. Но скоро родится у меня твой сын, я принесу и положу его на твоем пути», – исчезла.

Много лет прошло с тех пор, как покинул Кутлы-Кая владения Токтамыс-хана. «Может, хан забыл обо мне...», – подумал сокольничий и решил вернуться к людям. Поселился он в одном из дальних аулов.

По весне люди аула вышли в поле на праздник первой борозды. Они пели и веселились, просили у Всевышнего щедрого урожая. В самый разгар веселья люди увидели что-то и с криками ужаса бросились бежать. Кутлы-Кая узнал лесную женщину и остался. Она положила перед ним на землю узелок и, промолвив слово «Эдиге», исчезла. Не удивился Кутлы-Кая, помня о ее словах, взял в руки узелок и увидел там новорожденного ребенка. Это был его сын. Ребёнок плакал, его надо было кормить. Положил он ребёнка на вершину кургана, а сам закручинился. Но через некоторое время плач остановился. Кутлы-кая повернулся в сторону, где оставил ребёнка и увидел, как кормит младенца недавно ощенившаяся собака породы тобет. На некоторое время ребёнок успокоился. Обрадованный, вернулся Кутлы-Кая в аул, но недолгой была его радость. Кормить ребёнка было некому. Маленький сын плакал, и Кутлы-Кая загоревал, не зная, как ему быть. Тут он вспомнил про своего друга Эсенбия, у которого было десять сыновей. Спрятал младенца в сапог и пошёл к другу. Пришел и рассказал о случившемся.

Эсенбий сказал: «Там, где десять детей, одиннадцатому тоже найдётся место». И взял сына сокольничего на воспитание, став его аталыком.

Мальчика Кутлы-Кая назвал Эдиге. У аталыка он стал быстро расти и крепнуть.

«Весть не лежит на земле», – говорят ногайцы. Хан узнал, что Кутлы-Кая, его неверный сокольничий, вернулся в ханство, и послал людей, чтобы они убили его. Убийцы выполнили веление хана. Люди хана пришли и к Эсенбию, чтобы убить сына сокольничего. У аталыка был свой сын, ровесник Эдиге. Когда ханские посланники пришли к Эсенбию, то он спрятал Эдиге в сапог. Палачи, увидев сына Эсенбия, подумали, что это Эдиге, и убили его. Так аталык пожертвовал своим родным сыном ради спасения приемыша. Он дал Эдиге имя своего сына – Кубыул:, чтобы никогда Токтамыс-хан не догадался, чей он сын.

Эдиге вырос умным, смелым и красивым джигитом…

Как-то поспорили два хозяина из-за верблюжонка. У обоих были верблюдицы, и вот одна из них разрешилась от бремени. Оба хозяина считали верблюжонка своим. Разрешить этот спор взялся случайно проходивший мимо Эдиге. Юноша повел обеих верблюдиц к реке, а верблюжонка посадил в лодку и отправил ее по течению реки. Тогда одна из верблюдиц с ревом бросилась в реку и пошла за лодкой. Обычно верблюды боятся воды. Так Эдиге рассудил двух хозяев.

Прослышав об уме и смекалке юноши, хан взял его к себе табунщиком. Когда Эдиге случайно оказывался в орде, Токтамыс-хан, сам того не замечая, приподнимался и первым приветствовал юношу. Ханша заметила это и сказала о том хану. Токтамыс-хан не поверил ее словам. Однажды ханша незаметно приколола полу его халата к подушке. Когда Эдиге вновь появился в орде, хан первым привстал, потянув подушку… Тут и понял он, что боится табунщика, и возненавидел его.

Был у Токтамыс-хана льстивый и коварный визирь Ямбай. Хан во всем прислушивался к его советам. Вот Ямбай и подговорил хана подать табунщику отравленный юурт*. Взял Эдиге чашу с юуртом, но не стал из нее пить, а ножом разрезал ее содержимое на множество частей. Хан удивился этому. Визирь Ямбай пояснил хану: «Великий хан, он догадался, что ты хотел убить его. В отместку табунщик пригрозил разделить твою орду на множество мелких частей»!

В старину ханы приглашали врагов своих на пир и там убивали их. Ямбай напомнил Токтамыс-хану этот древний обычай. Хан согласился. Пригласил он на пир много йырау*, богатых родственников, седовласых старцев и самого Эдиге.

У Эдиге было девять друзей, настоящих воинов-батыров. Друзья узнали о замысле коварного хана и заранее приготовились к побегу. Они оседлали своих коней, а подпруги коней ханской охраны подрезали.

Токтамыс-хан начал пиршество и попросил собравшихся певцов рассказать о родословной Эдиге, но ни один из йырау не смог разгадать тайны табунщика. Тогда Токтамыс-хану напомнили, что жив еще трехсотвосьмидесятилетний Сыбыра-йырау и только он сможет рассказать о родословной Эдиге.

Стар и древен был Сыбыра-йырау, так стар, что не мог уже ногами по земле ступать, и пришлось людям хана привезти его на фаэтоне.

Обратился Токтамыс-хан с просьбой:
Певец наш древний, Сыбыра-йырау,
Ты прожил триста восемьдесят лет
И много видел, очень много знаешь,
И только ты сумеешь рассказать,
Кто он на самом деле, Кубы-ул?

На пиру Эдиге сильно напоили, и он уже не слушал своих друзей, которые предупреждали его об опасности.

Решил славный Сыбыра-йырау, без утайки, рассказать Токтамыс-хану о родословной Эдиге. Зная, что в народе Эдиге прозвали Кубы-улом, он в своей песне называет оба имени Эдиге:

Славен хан Токтамыс
Своим сильным, отчаянным войском,
Славен хан Токтамыс
Своей щедрой богатой землею,
Славен хан Токтамыс.
Среди этого люда
И вырос батыр Кубы-ул, –
Сын народа, так люди
Его и прозвали, любя.
Много дней и ночей
Ты проводишь без сна, о, мой хан!
Ты снедаем тревогой,
Ты полон сомнений и страха.
Оттого ты, мой хан,
Кобылиц крутогрудых зарезал,
Оттого угощаешь гостей
Пьянящим, искрящимся медом.
Ты на пир пригласил
Всех друзей и всех родичей славных,
Ты украсил шатер свой
Коврами из мягкого ворса,
И на тор* посадил
Седовласых почтеннейших старцев.
Не забыл и меня ты,
Седого певца Сыбыра.
Да, я сед и беззуб,
И истлела на мне вся одежда.
Уж четыре столетья,

Как я появился на свет.
Да, я сед и беззуб,
И давно не от мира сего.
Что ты хочешь, мой хан,
От безумного старца услышать?
Рассказать бы я рад,
Только как языку повернуться?
А смолчать не позволит
Моя седовласая старость.
Я – засохший ковыль,
Нет в стеблях моих терпкого сока.
Я – усохшая кость,
Нет во мне вожделенного мозга,
Я безумный старик.
От меня что ты хочешь услышать?

Молча ждали гости Токтамыс-хана, да и сам хан, что же поведает им древний певец Сыбыра. И Сыбыра-йырау продолжал:

Я стар и сед,
И на своем веку
Я много видел, многое изведал.
И много ханов, славных и бесславных.
Я пережил и песнь о них сложил.
Был первым среди ханов хан Баслык,
И я родился в год его правленья.
На трон вознесся гордый Алак-хан –
Я юношею стал и оперился!
Я видел всемогущего Чингиза –
И не было ему на свете равных.
Он лук держал двенадцати обхватов,
И стрелы во все стороны летели,
Его рукою посланные, метко.
Я, старец, видел все его победы.
Пришел хан Суюндук, что минарет
Святой построил в тысячу локтей –
Я, старец, видел спесь его и силу.
Озбека видел, давшего нам веру,
И славного своими соколами
Джанибек-хана видел также я.
Еще я видел хана Бердибека,
Одним ударом он сосну срезал.
Когда предавший землю Котен-хан
Гяуром стал и так бесславно сгинул,
Я, старец, видел миг его паденья.
И тридцать ханов после Чингиз-хана,
И девять ханов после Алак-хана
Я, старец, видел и в сиянье славы,
И в низости, и в нищете душевной.
И ты, который только лишь вчера,
Ты, толстогубый и медноголовый,
Мальчишкой бегал – тоже ханом стал.

И в этот день ты чашу мне наполнил
Пьянящим медом, чтобы я сказал,
Зачем в наш мир явился Эдиге
И чей он сын – так я тебе отвечу:
Я видел многих наших сыновей,
Своею силой и смекалкой славных.
Но Кубы-ул и силой, и умом
Их всех, мой хан, намного превосходит.
Большую бочку – сорока обхватов
Наполни медом – выпьет без труда он.
Закрой все окна, двери на запор –
Он в дымоход трубы сбежать способен...

Услышав пророческие слова сказителя, Эдиге сразу протрезвел. Вместе с девятью друзьями-батырами ему удалось бежать из ханского дворца. А Сыбырайырау в это время продолжал петь:

О, мой хан, за Кубы-улом
Ты не шли войска в погоню,
И несметной силой власти
Похвалиться не спеши.
А похвалишься ты властью –
сам Тангри тебе судьею:
Кубы-ул тебя накажет –
Равных нет ему, поверь!
На песках родного юрта*
Много ив упругих, стройных,
Из ветвей могучей ивы
Срубит он звенящий шест.
Табуны твои большие
Вдаль погонит он, и пылью
Из-под их копыт несметных
Он накормит и тебя,
И лихих твоих посыльных.
Не клянись своим престолом –
Не пристало ханам клясться
Тем, чего они достигли
Не умом, а жаждой крови.
И престол твой золоченый
Перейдет в другие руки –
Овладеет им бесстрашный,
С бычьей шеей Кубы-ул.
Та, что с золотом и солнцем
И с мечтою несравненна,
Распахнет свои объятья
Не тебе, а Кубы-улу.
Велика земля ногайцев
И достойна удивленья –
И владеть такой землею
Сможет только Кубы-ул.
Изогнется диким волком,
Львом голодным зарычит он,

И его услышит голос
Вся ногайская земля.
Даже девять твоих предков
И несметные владенья
Не спасут тебя от мести,
Кровной мести Кубы-ула.
Он лишит тебя престола,
Он лишит тебя владений ,
И с родной земли прогонит
Кубы-ул тебя, о хан!
Я – ковыль давно засохший,
Нет во мне былого вкуса.
Я – скелет, в костях усохших
Нет давно былого жира.
Я – последний из безумцев,
Одинокий дряхлый старец.
Ты убьешь меня, но толку
Много ли в моей кончине?
Жить оставишь – проку нету,
Все одно – конец единый.
Но в одном тебе я службу
Сослужил: в часы сомнений
Я тебе поведал правду,
Злую правду, о, мой хан!
Мало дней тебе осталось
Править землями ногайцев:
Троном белым, недоступным
Овладеет Кубы-ул!

Испугался Токтамыс-хан вещих слов старого Сыбыра и обратился к девяти своим наместникам:

Девять мужей моих, девять мужей,
В бой снаряжайтесь, девять мужей,
Войско готовьте, девять мужей,
В путь отправляйтесь, девять мужей,
В путь отправляйтесь и догоните,
Силой, обманом ли – но, как хотите,
Или верните сюда Эдиге,
Или табунщику шею сверните!

Девять наместников Токтамыс-хана собрали войско и во главе с визирем Ямбаем отправились в погоню. Много дней и ночей скакали они без устали, стараясь догнать мятежного Эдиге.

Они настигли Эдиге, когда тот с девятью батырами переплыл через реку Эдиль. Посланники Токтамыс-хана остановились, не решаясь переправиться на тот берег реки. Тогда визирь Ямбай обратился к Эдиге:

Вернись, единственный, вернись!
Вернись в родной приют.
В шатрах высоких хан-отец
Тебя с поклоном ждет.

Он в тонкой чаше мед подаст –
Испей его до дна.
В конюшне ждет тебя скакун
Ему и равных нет.
С косой девичьей не сравню
Я гриву скакуна,
И ровен шаг, и слух остер –
Во всем тебе под стать.
А белый сокол молодой,
Расправив длинный хвост,
Все ждет, когда ты, наконец,
Возьмешь его с собой.
Хан войско лучшее отдаст –
Ты будешь править им,
Стада прекрасных кобылиц –
Владей и пей кумыс!
Я знаю, власти хочешь ты –
И власть тебя найдет.
Хан эту власть тебе дает –
Будь славен, Эдиге!

Услышав эти слова, Эдиге ответил:

Нет, не вернусь я, не вернусь!
Не перейду Эдиль.
В шатрах высоких не отдам
Хозяину поклон.
Пусть в тонкой чаше подает –
Хан свой отменный мед,
В презреньи губы я сожму,
Но, голову склонив,
Не отопью от меда я
Ни одного глотка.
И шитый золотом каптал*
С хозяйского плеча
Я не возьму, он будет мал
И мне не нужен он.
И не прельстит меня скакун,
Прекрасен и горяч.
И войско хана не возьму,
Не отопью кумыс
Прекрасных ханских кобылиц,
И даже хана власть
Из рук его мне ни к чему.
Давно мужчина я.
Мужчиной сел я на коня
И выбрал путь крутой,
Теперь, как баба, не хочу
Я спешиться, сробев.
Обижен я, но никому
Не выскажу обид,
Как не придет назад стрела,

Отправленная мной.
Да и хвалиться не хочу,
Но коли хочешь ты,
Я похвалюсь: да, равен я
Чингизу одному.
Двенадцати обхватов лук
В одной руке держу.
Взлетевший в небо карагай* –
Его я перерос.
Над головой промчится смерч –
А вы, достойные мужи,
Токтамыс-хана тыл,
Один щелчок моей камчи
Вас всех прижмет к земле.
И войско ваше разнесу
Одним ударом я!
Не в ваших силах совладать
С игрой моей камчи!
Я – это я, и только я
Способен быть собой!
Мужчина я, и на себя
Лишь одного молюсь!
Я затушу огонь любви,
Огню вражды предам
И вашу жизнь, и вашу честь,
И подлый ваш союз!
И ваши лживые слова
Мне слушать не к лицу.
Я ухожу, и мой уход
Запомните вы все!
Я ухожу, Кудай-Аллах*
Пусть освятит мой путь!
Да будет так! Хромой Тимур
Подаст мне дружбы знак.
И пусть тогда ваш мерзкий хан,
Ваш кривозубый хан,
Косноязычный хан не ждет
Пощады от меня!

Услышали Ямбай и его спутники слова Эдиге, поняли, что не смогут вернуть его ни обманом, ни силой, и, удрученные, с повинной явились к Токтамыс-хану. А Эдиге и девять его друзей продолжили свой путь.

По дороге всадникам Эдиге встретилась змея с девятью хвостами. Увидев воинов, змея стала уползать в нору. Всадники бросились ее догонять. Они хотели убить змею и отрубили ей девять хвостов, но змея уже просунула голову в нору и сумела спастись. Через некоторое время всадникам встретилась другая змея, с девятью головами и одним хвостом. Увидев людей, змея хотела убежать, но только одну голову смогла просунуть в отверстие норы, а остальные остались снаружи. Воины Эдиге догнали змею и отрубили ей все головы. Оглядел тогда Эдиге своих друзей и так сказал: «Дабы не постигла нас участь этой змеи, нам нужна одна

голова!» Друзья согласились с ним и избрали его своим предводителем. Перед дальней и трудной дорогой Эдиге обратился к друзьям со словами напутствия:

Как позвонки одной спины,
Мы связаны, друзья!
Как зоркий сокол, вы должны
Быть бдительны, друзья!
Мы диких ягод соберем
В голодный день, друзья!
В лесу оленя мы убьем,
Устроим пир, друзья!
Нам только вместе надо быть,
Придем к мечте, друзья!
Придет тот день, настанет час,
Возьму я хана трон
И вдоль Эдиля свой народ
Навеки поселю.
От сына к сыну перейдут
Владения мои.
Пусть только сбудутся мечты,
Достигну цели я.
Я не оставлю вас вовек,
Друзья мои, друзья!
Красавиц – байских дочерей,
Живущих взаперти,
Кого коснуться не посмел
Ничей нескромный взор,
Возьмете в дар себе, друзья, –
Я обещаю вам!
Моих тяжелых дней друзья,
Хранители мои –
Когда мы мерзли в злую ночь,
Вы разожгли огонь.
Я не забуду вас, друзья!
А коль погибель ждет –
Родных богатством наделю,
Печаль их разделю,
И горы золота раздам
Я нищим после вас,
Чтобы молитвами они
Хранили ваш покой.
Эх, коль погибель ждет, друзья,
Я сам омою вас,
И, в белый саван завернув,
Предам родной земле.
Да будет так,
Коль сам Аллах
Нам это повелит.
А не смогу – Кудай простит,
Обнимемся, друзья!

Долог был путь Эдиге к Шах-Тимуру. Много дней и ночей прошло с тех пор, как он с друзьями покинул родную землю. Встретился им на пути Алып-батыр с

войском. Он возвращался с набега на земли Шах-Тимура и, захватив в плен его дочь Акбилек, с победой шел домой. Эдиге решил убить Алыпа и вернуть Шах-Тимуру дочь. Не назвавшись, он попросился быть поваром у Алыпа, а друзья его незаметно шли за вражьим войском. Эдиге тайно оставлял им еду. Однажды, когда Алып-батыр с войском остановился на привал, Эдиге послал воинов, чтобы они накормили и напоили коней. В это время друзья Эдиге подняли полы шатра, в котором спал Алып-батыр, и Эдиге убил его из лука. Вернувшись к воинам, Эдиге сказал им: «Джигиты, если вы не знаете, так знайте – я – Эдиге и я убил вашего Алыпа, а вам всем даю волю!» Воины, услышав имя Эдиге, задрожали от страха. Поблагодарив его за данную им свободу, они разбрелись в разные стороны. Эдиге, вместе с дочерью Шах-Тимура, отправился к нему, а всех пленных, захваченных Алыпом, отпустил домой. Шах-Тимур несказанно обрадовался возвращению дочери. Узнал он, что это Эдиге освободил ее из плена, и отдал свою дочь ему в жены. Эдиге остался у Шах-Тимура и стал жить с его дочерью. Вскоре у них родился сын. Назвали его Нурадин.

Много лет прошло с тех пор, как Эдиге остался жить на земле Шах-Тимура. Сын его, Нурадин, подрос и стал настоящим джигитом. Юноша очень хорошо играл в альчики. Как-то один из проигравших товарищей сказал ему: «Альчики-то ты ловко бросаешь, это мы видим. А вот увидим ли, как ты отомстишь Токтамыс-хану, врагу своего отца?» Нурадин рассказал об этом отцу. Эдиге обрадовался тому, что сына это задело. И стал он собирать войско. Обратился за помощью к Шах-Тимуру. Тот дал ему немногочисленное войско.

Эдиге с сыном отправились на землю Токтамыс-хана. Их обоих переполняло желание как можно скорее достигнуть земли предков, ногайской земли. Каждый из них в душе по-своему представлял встречу с родиной. Когда, наконец, они приблизились к реке Эдиль, Эдиге и Нурадин, спешились и, упав на колени, поцеловали белую пыль родной земли.

И запел тогда Эдиге:

Земля ногайцев, отчая земля,
Взрастила ты отца и мать родимых,
С поклоном отдаю тебе салам.
Я пуповиной связан был с тобой,
Земля моя, единственный приют.
Твоей травою вскормлены стада
Могучих верблюдиц, своим кумысом
Ты славишься давно, моя земля.
Эдиль и Яйик – эти две реки
Текут по жилам родины ногайцев,
И табуны, и весь ногайский юрт
Своей водою несравненной поят.
Эдиль, Эдиль, Эдиль – река моя,
Я снова на коленях пред тобою.
Как прежде, берега твои отлоги,
И надо мной опять склонились ивы,
Что ты взрастила на моей земле.
И листья ив, подобные щитам,
Так трепетно к воде твоей прильнули,
Как сердце мое льнет к родной земле.
Шумны, Эдиль, в твоей воде лягушки

И рыбы здесь резвы, как жеребята,
И черепахи здесь сродни верблюдам,
И стаи птиц стадам овец подобны.
Неужто ты, земля моих отцов,
Сегодня вновь предстала предо мною?
Где зелень трав, где нежные цветы?
И отчего поля одеты в траур?
Какое горе вас осиротило?
Оставшись во владеньи злого хана,
Уж не по мне ли плачешь ты годами,
Земля моя, ногайская земля?
Какими же слезами должен плакать
Твой сын, с тобою силой разлученный,
Оставивший тебя на поруганье?
Какою местью мстить мне Токтамысу,
Который разорил большое ханство,
Родной народ обрек на долгий голод?
Но я вернулся, отчая земля,
Пусть твои беды лягут мне на плечи,
Пусть горе твое будет мне камчою,
Что подстегнет, лишит меня покоя –
Я отомщу за все твои невзгоды!

Эдиге с сыном вскочили на коней и, переправившись через Эдиль, подошли к хансараю Токтамыса. Слишком мало было воинов у Эдиге. Тогда он решил пойти на хитрость. Он заставил воинов ночью во многих местах разжечь костры, накрыть бязью спины лошадей и всю ночь гонять их вокруг курганов. Увидев это, караульные прибежали к хану и доложили, что к городу подошел враг с несметным войском. Испугался Токтамыс-хан, растерялся.

Рано утром он собрал визирей, старейшин, позвал главного гадателя, толкователя снов. Токтамыс-хан обратился к главному провидцу:

Во дворе моём рос Байтерек,
Снится мне, что упал Байтерек,
Девяносто листов молодых
В миг один потерял Байтерек.
А в саду моём ловчий орёл
Вдруг вспорхнул и исчез в небесах,
Как его ни искал, зазывал,
Не вернулся мой ловчий орёл.
Можешь ты мне сейчас объяснить,
Что же он означает, мой сон?
Главный гадатель, подумав, изрек своё толкование:
Байтерек – Древо жизни – ты сам,
Упадёшь ли ты к чьим-то ногам?
Девяносто листов молодых,
С Древа жизни упавшие вмиг,
То твои деяносто знамён
С куполов златоглавой Орды.
Улетевший твой ловчий орёл –

То душа твоя, жизнь, о, мой хан!
Как бы ты не лишился её!..

Разгневался хан на это толкование, объявил главного гадателя врагом и велел казнить. На совете решили собрать войско и дать отпор врагу. Но не успел он дать приказ, как сообщили, что в это время Нурадин, с маленьким отрядом, напал на караул. Токтамыс-хан, услышав весть о гибели караульных, затрясся от страха. Понял хан, что деваться некуда и, обняв своих детей и внуков, стал плакать от бессилия и боли за судьбу своего ханства:

Над ногайской землей
Собираются темные тучи...
Кем ты проклят был, день,
Что обрек нас на черную участь?
День настал, когда хан
Собирается в бегство от бия,
День настал, когда хан
Собирает народ свой в дорогу,
День настал, когда хан
Видит свой развалившийся трон.
День настал – и мой конь
Ускакал, оборвав удила,
И остались в руках
Лишь поводья, к великой досаде.
Слуги грузят мой скарб
На верблюда – он сгорбился с горя,
Запрягу я арбу, что из липы срубил вековой.
Прокляну этот день,
Что заставил нас в траур одеться.
Соберу всех детей,
Босоногих, раздетых и шумных,
Усадив их в арбу,
На чужбину с собой увезу.
Задохнутся от слез
Несравненные ханские жены,
И забьет злая пыль
Их широкие, чуткие ноздри.
В этот день, средь весны,
Они встретили первую осень
И запомнят ее
И останутся в ней навсегда!
О, родная земля,
Мой народ, от рожденья несчастный,
От кого я бегу,
На кого я тебя покидаю?
Здесь когда-то отца
Моя мать назвала долгожданным.
Здесь подрос аргамак –
Я впервые его оседлал.
Здесь рекой лился мед
На веселых моих сабантоях,
Здесь невесты стройны,

А джигиты подобны орлам.
Можжевельник сухой
В дни зимы согревал моих предков,
Верблюжонок подрос –
И умножились хана стада.
Мой ягненок вчера
Беспризорным остался на воле,
А сегодня отар
Тонкорунных не в силах и счесть.
И не ты ли, Эдиль,
Мне была и сестрою, и другом,
Не твоя ли вода
Слаще меда, а травы густы?
А когда день настал,
И твой хан собирается в бегство,
Ты ему добрый путь
Пожелаешь ли, нет ли, Эдиль...

С этими горькими словами Токтамыс-хан собрался бежать. Когда он садился на коня, жена повисла в стремени с плачем:

О, мой хан, не ходи ты в долину,
И не жди от врага ты пощады!
Кубы-ул ведь с коня тебя скинет,
Ты лишишься своей головы!

Визирь Ямбай и здесь не остался в стороне. Он сказал ханше:

Не плачь, ханым, не плачь,
И не гневи судьбу.
Судьба – она палач
Для тех, в ком веры нет.
Когда кочует юрт,
То тяжелее всех
Приходится тому
Верблюду одному –
Последнему в цепи.
Коль нападает враг,
То горе той из вас,
Которая луну
Красою превзойдет.
А коль соперник зол,
То горе тем из нас,
В ком страх одержит верх –
Нас враг повергнет в прах.
Коль голова цела –
То не погаснет жизнь.
Сумеет хан спастись –
Все будем спасены!

Оттолкнул Ямбай ханшу и приказал всем покинуть город.

Эдиге и Нурадин гнали Токтамыс-хана из одной долины в другую, из одного города в другой город, с одних гор на другие горы. И тогда остановился Эдиге и сказал Нурадину:

Эй, Нурадин, Нурадин,
Сын мой луноликий,
Разве, не убив пчелы,
Насладишься медом?
Разве, хана не убив,
Насладишься троном?
Ты гони его, гони!
Пусть, покрывшись потом,
Прочь бежит проклятый хан
И его прислуга.
Рядом с ним сто человек –
Все они – химеры.
Ты убей их всех, сынок,
Нет врагам пощады!

Эдиге, обещав Нурадину отдать ему в жены младшую дочь Токтамыс-хана Каныйке, вернулся в Сарай. Но, вернувшись, он не узнал прежнего города. Враг завладел им, и люди покинули его. Лишь ханский дворец «Золотой камень» остался целым среди развалин. Но и он был захвачен врагами. Эдиге с войском перебил охрану и вошел во дворец. Там на золотом троне сидел кривой чингизид Кыйгыршык. Когда Эдиге подошел к трону, Кыйгыршык сказал:

Гордую голову беркута
Ты преклони, Кубы-ул!
Славный Чингиза потомок
Перед тобой, Кубы-ул!
Много рабов мы имели,
Ты – лишь один из рабов!

Разозлился Эдиге наглости чингизида, схватил Кыйгыршыка за ногу, поднял и ударил головой об землю, а визирей всех зарубил.

Эдиге отстроил город заново, поселил в нем свою орду. Вышел он к людям и спросил их:

– Чье теперь могущество, скажите?
– Могущество Эдиге! – ответил народ.
– Чье сейчас время? – спросил Эдиге.
– Это время Эдиге! – сказала родина.

Долго скитался Токтамыс-хан, спасаясь от погони Нурадина. Измученный, добрел он до какого-то леса. Почуяв приближение Нурадина, он затаился. В это время из-под ног Токтамыс-хана с криком вылетела испуганная птица. Хан посмотрел на птицу и сказал так:

Птица чибис, не кричи,
Я тебя прошу.

Крылья жесткие твои
Не поглажу я.
Шеи голой не коснусь
Никогда твоей.
От тревоги я дрожу,
В страхе сам не свой.
Страшен крик твой
В этот миг,
Не кричи, прошу.
Не возьму твоих яиц,
Не пугайся ты.
Чибис-птица, пощади,
Не скликай врагов!

Испугался хан, что на птичий крик сбежится погоня и обнаружит его. Ушел с этого места. Одиноко скитался он в лесу, обессилел, и смерть предстала перед его глазами. Печальный, он сказал:

Не жужжи, синий шмель, на беду,
Не кружи над моей головой.
Вот придет скоро сын Эдиге,
Успокоит тебя навсегда.
Не волнуйся ты так, Мать-Эдиль,
Вот прибудет сюда Нурадин,
Девяноста он равен один –
Скоро он успокоит тебя.
Не волнуйся ты, серая пыль,
Вот пойдет вновь живительный дождь,
Успокоит тебя он тогда.
Что ты, старое сердце, стучишь,
Что ты рвешься из дряхлой груди?
Вот настанет последний мой день,
И навек успокоишься ты.
Что прядаешь ушами, мой конь?
Покрываешься пеной седой...
Скоро я, твой хозяин, навек
Успокоюсь – и ты отдохнешь.
Речи сладкие друг мне шептал,
В день беды он покинул меня.
Как поведаю тайну свою
Сосункам, не умевшим держать
Злой язык за зубами, Кудай?
Только сердцу доверюсь теперь.
Как могу я сейчас оседлать
Скакуна, не знакомого мне:
Не объезжен он мной и в бою
Не проверен – зачем рисковать?
Скоро, скоро лихой Нурадин
Вновь настигнет, проклятый, меня
И свершит свою кровную месть –
Да не сбудутся грезы его!
Я один на земле этой хан!

Я один – ханский сын, потому
Никому, даже после себя,
Не позволю я сесть на свой трон!

В это время Нурадин настиг Токтамыс-хана и, чтя обычаи, сказал; «Ты старше меня, стреляй первым!» Токтамыс-хан выстрелил, но не попал в цель. Он подошел к хану и саблей снес ему голову. Голова отделилась от туловища и со стуком упала на землю. Нурадин вонзил в голову копье и поднял ее, чтобы с победой вернуться в орду. Тогда голова Токтамыс-хана сказала:

– Эй, сынок, сынок,
Даже сейчас я выше тебя!

Рассердился Нурадин, бросил голову на землю и сказал:

Наколол бы на копье
Голову Токтамыс-хана –
Своей гордостью она
Даже мертвая, позорит.
Положил бы в сумку я
Голову Токтамыс-хана,
Опасаюсь потерять –
Не поверит мне отец мой.
Заверну ее в парчу,
Нежную, белее снега,
И повешу так на шею –
С гордостью к отцу приеду!

Так с украшением на шее и со славой вернулся Нурадин в орду. Пока он преследовал Токтамыс-хана, в орде правил Эдиге.

У Токтамыс-хана были две дочери. Старшая должна была достаться Эдиге, младшая – Нурадину. Ямбай хитростью вошел в доверие к Эдиге и остался в его орде. Он подговорил дочерей хана подложить под платья подушки и сказать, что они беременны. Нурадин, вернувшись, увидел их и спросил, кто повинен в этом. Девушки указали на Эдиге. Разозлился Нурадин на отца и поссорился с ним. И сказал тогда Эдиге:

Я в пятницу на этот свет родился,
И день святой меня благословил.
Открыл глаза я в час почтенной ночи,
Она мне в мир напутствие дала.
Как белый ангел, был отмечен белым
И у сиянья брал во всем пример.
Страницы книг арабских изучил я,
Внимал советам древних мудрецов.
Эй, Нурадин, мой сын благословенный,
Я о тебе Всевышнего молил.
У Шах-Тимура и Токтамыс-хана
Я в услуженьи был немало лет.

Я был один, но даже в эти годы
Я, сын, тебя наследником растил.
Когда пришел мой час, вооружившись,
Пятьсот врагов сумел я истребить,
Сумел убить могучего Алыпа,
Не пощадил – один он стоил тысяч...

И Нурадин ответил Эдиге:

На скакуна, подобного газели,
Садился я, колени крепко сжав.
Токтамыс-хана я сумел настигнуть
И голову его в нежнейший шелк
Я, завернув, на грудь себе повесил,
Ее, отец, принес тебе я в дар.
За что меня Всевышний наказал?

Эдиге:

Когда пришла мне весть, что ты родился,
Я кобылиц зарезать приказал,
Лицо твое умыл душистым мылом;
На пояс твой я сам повесил меч.
Сосновые, березовые ветки
Собрать заставил, чтобы смастерить
Тебе большую колыбель, мой милый.
И бархатные ткани постелил
Я под тебя, накрыл тебя я шелком,
Из ничего ты человеком стал.
Щенком скуливший – стал могучим волком,
Ты был бескрыл – и коршуном взлетел,
Ты был тугой березовою веткой,
Но из тебя я выстрогал стрелу.
За что теперь отца седого гонишь?
В чем пред тобой я провиниться смог?
Когда сухую степь предам огню я,
Где ты траву зеленую найдешь?
Я загоню лихого аргамака –
Кого потом ты сможешь оседлать?
Я задушу всех соколов отменных,
С кем выйдешь на охоту, Нурадин?
Я стар, глаза мои уж покраснели
И поседели волосы, как пух.
Куда же ты отца родного гонишь?
Прогнав его, мурза мой, Нурадин,
Сумеешь ли ты счастье обрести?

Нурадин:

Когда сухую степь предашь огню ты,
Найти сумею я луга получше.
Загонишь если аргамака ты –

Я оседлаю гордого тулпара!
Задушишь если соколов отменных,
Я научу охотиться сункара[1].
Глаза твои, отец мой, покраснели
И поседели волосы твои.
Но я тебя, отец мой, прогоню,
Потом, к Тангри! с повинной обратившись,
Три раза обогнув святую Бейтулла,
Я обрести смогу прощенье...

Эдиге:

Когда снег кружился,
Вьюга ночью выла,
Я ли не был тебе домом,
Сын мой, мурза?
Когда стрелы градом
Над тобой летали,
Я ль тебе кольчугой не был,
Сын мой, мурза?
Не тебе ли был я,
Сын, щитом чугунным,
Не тебя ль кольчугой
Я в бою хранил,
Чтоб стрела лихая
Сына не коснулась,
Не тебе ли тылом
Я надежным был?
Соколом сильнейшим,
Беспощадным к жертве,
Вырос, оперился ты,
Сын мой, мурза.
Став твоею жертвой,
От тебя бегу я.
Что ж, отца родного
Прогони ты прочь.
Все враги отныне
Пусть бегут в тревоге,
С криком о пощаде,
Так же, как сегодня
От тебя бегу я,
Сын мой, мурза!

Прощаясь с родной землей, Эдиге обращает к ней свой плач:

Земля родная, ты ответь,
Какие времена
Теперь настали, что отца
Родного гонит сын?

И так ответила земля:
«Единственный сынок,

Что избалован и спесив,
Куда страшней врага!
Но горе, горе одному,
Посмевшему прогнать
Отца родного – и его ведь
Постигнет участь та!»

В горе покинул Эдиге орду и поселился далеко в горах.

В тех местах жили четыре брата. Вот умер их отец и оставил им в наследство хромую козу. Братья никак не могли поделить ее между собой. Думали-думали, наконец, решили поделить ее по ногам. Хромая нога досталась младшему брату. Однажды козу отпустили и она, несчастная, надо же такому случиться, наступила на горящую золу. Тряпка, которой была перевязана хромая нога, воспламенилась. Коза, бросилась бежать и зарылась в стог бая-соседа, чтобы сбить пламя. Стог загорелся, и все сено сгорело. Бай приказал братьям выплатить за сено. Старшие братья обвинили во всем младшего. «Если бы не хромая нога, стог бы не загорелся», – сказали они. Младший брат в слезах шел по улице, и встретился ему старый Эдиге. Расспросив юношу о причине его печали, Эдиге сказал перед всем народом: "Если бы не здоровые ноги, коза не наступила бы на огонь, а наступив, не смогла бы добежать до стога, и стог бая не загорелся бы».

Так рассудил Эдиге братьев. Народ одобрил его решение и выбрал Эдиге судьей. Весть о справедливом судье быстро разнеслась. Дошла она и до Нурадина.

После ухода отца Нурадин узнал, что Эдиге ни в чем не виноват. Опечаленный тем, что ни за что обидел отца, Нурадин стал искать его. Долго искал он Эдиге, но нигде не мог найти. Услышав весть о судье, Нурадин понял, что так рассудить мог только его отец, и отправился в те края. Он попросил прощения у Эдиге. Нурадин прикусил палец и три раза обернулся вокруг себя, и Бог Неба Тангри благословил его. Отец простил сына, Нурадин вернулся править ханским двором, а Эдиге остался правителем на той земле.

Прошло несколько лет. Сын Токтамыс-хана Кадыр-Берди пришел во владения Нурадина, чтобы отомстить за своего отца. Он остановился со своим войском в окрестностях ханского дворца. Коварный Ямбай в это время был в услужении у Нурадина. Он тайно сговорился с Кадыр-Берди погубить Нурадина. Как всегда, его замысел был хитер и точен.

В один день Ямбай пришел к Нурадину и сказал, что в окрестностях видел много дичи. Нурадин очень любил охоту и, второпях, без свиты, безоружный, вместе с Ямбаем вышел в поле. Ямбай привел его прямо к войску Кадыр-Берди. Кадыр-Берди захватил в плен Нурадина и завел его в свой шатер. Велел ему сесть на почетное место. До этого под подушку, на которую должен был сесть Нурадин, остриями вверх были поставлены два кинжала. Когда Нурадин сел, кинжалы проткнули ему бедра. Но Нурадин не выдал своей боли. Взявшись за окровавленные кинжалы, он молча сидел, смотрел на Кадыр-Берди и ждал, что же тот скажет ему.

Тогда Кадыр-Берди сказал:
С копытами, поющими, как струны,
Скакал по скалам гордый мой скакун,
Завидев кочку, прыгал он так ловко,
Что глаз не в силах был я оторвать.
А как звенели крепкие подковы!
А что же ты, скажи мне, Нурадин,

Содеял с аргамаком синеглазым?
Мой боевой топор луне подобен
Когда-то был, и где он, Нурадин?
Шесть арб мою казну перевозили
Во время переходов по степям.
Скажи, что с ними сделал ты, несчастный?
Когда-то возвышалась над землею
Двенадцатиугольная орда,
Орда моих достопочтимых предков.
Ступени были сделаны из стали,
И сталь покрыта золотом на них.
Внутри она, отделанная шелком,
Снаружи крыта соболиным мехом,
С украшенной узором дорогим –
С моей ордой прекрасной что ты сделал?
И где теперь наплечники литые,
Которых сотни мастеров касались,
И тысячи над ними потрудились,
Скажи, что с ними сделал, Нурадин?
А где моя красавица-сестренка,
Которая испепеляла взглядом
И в каждом жар любви будить умела,
Что с нею сотворил ты, Нурадин?
Где мой отец, земли моей властитель,
Потомок девяти великих ханов,
С моим отцом, седым Токтамыс-ханом,
Что с ним посмел ты сделать, Нурадин?

Нурадин:

Сестру твою, прекрасную, как месяц,
Я в жены взял, а твоего отца,
Властителя земель Токтамыс-хана,
Потомка девяти великих ханов,
Я гнал без устали к просторам Сарыарка
И там его, настигнув, обезглавил.
Я голову хотел в куржын сложить,
Но побоялся потерять в дороге,
И пред отцом обманщиком прослыть.
Тогда я, завернув ее в парчу
Нежнейшую, на грудь себе повесил,
С победой славной я к отцу вернулся.
Я грозен, и грознее черной тучи,
Дождем не разразившись, не пройду.
Я – дерево, что вознеслося выше сосен,
И молнией упав с вершины, громом,
Своим ударом я свалю любого.
Когда взбешусь – я пламени подобен,
А в гневе – раскаленный я булат.
Я так силен, что славные батыры
Меня назвали воином сильнейшим.
Со всеми равен я – в любой беде

И нищему слепому, и батыру
Готов помочь и силой, и деньгами.
Не позову в друзья, не спрашивая рода,
Не дам взаймы, коль не узнаю впредь,
Чей сын и чей потомок предо мною.
Я Нурадин, сын Эдиге, ты слышишь!
С копытами, поющими, как струны,
Я оседлал лихого аргамака,
Луне подобный боевой топор твой
Я в руки взял, на пояс свой повесил.
Шесть арб твоих, которые с казною
По всей земле ногайской проходили,
Я взял себе добычей навсегда!
Двенадцатиугольную, большую,
Прекрасную орду я в то же лето
Спалил на месте. Долго любовался.
Как, бархатом покрыта изнутри,
Снаружи крыта соболиным мехом,
Украшенная дорогим узором,
Горела ярко гордая орда,
Как корчились точеные ступени
Под языками гневного огня.
Наплечники ты вспомнил золотые,
Которых сотни мастеров касались
И тысячи над ними потрудились –
Их силой отобрал я, в них оделся.
Сестру твою прекрасную, как месяц,
Что каждого испепеляла взглядом
И жар любви будила – в жены взял я!
Нет в этом мире мне по силе равных,
И не боюсь твоих я истязаний.
И даже если ты, Кадыр-Берди,
Не в бедра мне, а в нос вонзишь железо.
Не испугаюсь я, не задрожу.
Твое в том счастье – у меня в руках
Не оказалось лука, стрел широких,
А то б я и тебя, султан мой юный,
Отправил бы, без капли сожаленья,
Туда, где твой отец обрел приют.

Восхитился Кадыр-Берди мужеством и выносливостью Нурадина. Он схватил подлого изменника Ямбая и на месте отсек ему голову. А Нурадина отпустил домой. Но яд отравленных кинжалов уже разошелся по всему телу Нурадина, и он тяжело заболел. Во время его болезни Кадыр-Берди пригнал табун на земли Нурадина. Нурадин встал с постели, чтобы прогнать чужие табуны. И умер на коне от открывшихся смертельных ран...

После смерти Нурадина Кадыр-Берди сел на золотой престол и стал править ханством. Но не давало ему покоя то, что жив еще Эдиге, и, собрав народ, Кадыр-Берди сказал так:

Пока живет на свете Эдиге,
Мне власть – не власть,

Богатство – не богатство.
Земля отцов мне – не моя земля.
И меркнет день в глазах при мысли этой.
Все решено: иль я – иль Эдиге –
Один из нас землею править должен!

Так он сказал на совете и стал готовить войско в поход. Предводители его войск Барын-мурза и Шырын-мурза хорошо знали Эдиге и боялись идти на него. Они так сказали Кадыр-Берди:

Кадыр-Берди, наш молодой султан,
В твоих руках и так земля отцов.
А Эдиге давно уж стар и сед,
Ему за шестьдесят перевалило,
Оставь его, он скоро сам умрет!
Кадыр-Берди ответил:
Когда утихнет буйная Эдиль,
То переплыть ее сумеет каждый,
Когда умрет могучий Эдиге,
То кто ж не завладеет его троном?
Пока еще Эдиль-река бурлит,
Ее нам надо перейти, батыры.
Пока еще жив гордый Эдиге,
Его нам надо захватить, батыры.
Пришел мой день, настал отмщенья час,
И этот день святой не упущу я.
Пока бурлит могучая Эдиль,
Ее нам надо перейти, батыры.
Коль смерти ждет могучий Эдиге,
То мы его должны убить, батыры!

Кадыр-Берди с мурзами отправился к Эдиге. Они переплыли бурлящую реку Эдиль и направились к горам. Узнав, что к его земле приближается враг, Эдиге с войском вышел ему навстречу.

Молодой султан Кадыр-Берди обратился к Эдиге с такими словами:

Коль Эдиге такой батыр могучий,
Единственный на всей земле ногайцев,
В руках своих большие земли держит
И правит этой гордою страною,
Коль Эдиге могуч, непобедим
И велика его былая слава,
То, эту славу у него отняв,
Я буду славен во сто крат!

С этими словами Кадыр-Берди обнажил клинок и бросился на старого Эдиге. Эдиге отразил его удар. И стали они драться. В бою Эдиге был ранен, но сумел булавой убить Кадыр-Берди. Склонившись над мертвым, так сказал Эдиге:

Кадыр-Берди, мой молодой султан,
Зачем ко мне войною ты пришел,

Еще есть сила в старческих руках,
Зачем об этом не подумал, сын мой?
Но что с того, что одряхлеет лев,
На бой последний хватит его силы.
Кадыр-Берди, мой молодой султан,
Что ж ты об этом не подумал, сын мой?

Одолев Кадыр-Берди, раненый Эдиге бежал от ханских воинов. Барын-мурза и Шырын-мурза с сорока охранниками преследовали его. Барын-мурза сказал: «Кто снесет голову Эдиге, тот и сядет на ханский трон». Долго преследовали они Эдиге. Вот погоня приблизилась к озеру. Следы коня вели в камыши. Они стали искать Эдиге, но не могли найти. Уже хотели развернуться и уйти, но Барын-мурза сказал: «Он не мог уйти отсюда, обратных следов не видно». Охранники остановились. «Выходи на бой, Эдиге, или боишься?» – крикнул Барын-мурза. Эти слова задели Эдиге, и он вышел на поединок. Но Барын-мурза обманул его: как только Эдиге вышел из камышей, сорок охранников выпустили в него свои стрелы, накинули аркан и повалили Эдиге. Барын бросился на связанного Эдиге и снес ему голову. Голова упала на землю и сказала:

Что сделал я тебе, скажи, Барын!
За что на старца руку поднял ты?
Так пусть отныне род твой прекратится,
Пусть высохнет земля твоя от зноя!
Что сделал я тебе, скажи, Барын!
Я скинул с трона ханского потомка.
При имени моем дрожали ханы,
И только я смог троном завладеть!
И не таким, как ты, паршивый пес,
На золоченый ханский трон садиться!

Только произнесла эти слова голова Эдиге, как Шырын-мурза заколол кинжалом Барын-мурзу и, захватив голову Эдиге, устремился в орду...

ЧАСТЬ II

НАУЧНЫЕ ПРИЛОЖЕНИЯ

В.М. ЖИРМУНСКИЙ

Сказание об Идиге[1]

Сказание об Идиге имеет широкое распространение у тюркоязычных народов Советского Союза, связанных в своих исторических судьбах с обширной державой Чингизидов и их наследника во второй половине XIV в. – Тимура (Тамерлана), с Золотой Ордой периода ее распада и с Ногайской Ордой, временно объединившей в своих зыбких границах ее кочевые элементы на широком пространстве от причерноморских, крымских и прикавказских степей, от Нижнего Поволжья и Урала до Приаралья и Южной Сибири. Поэма об Идиге была записана в разное время у казахов, каракалпаков, кочевых узбеков, ногайцев, туркмен, башкир, у тюркских народов степного Крыма и Южной Сибири (сибирских татар и горных алтайцев).

Первая запись сказания об Идиге была опубликована уже в 1820 г. в «Сибирском вестнике» как прозаическое переложение одного из казахских вариантов, сделанное известным в свое время писателем Г.И. Спасским, уроженцем и исследователем Сибири. в 1830 г. песни об Идиге записал у ногайцев в Астрахани А. Ходзько; они напечатаны в английском переводе в его книге «Народная поэзия Персии» (1, 348–362), посвященной в основной своей части сказаниям о К̈роглы. Обе эти публикации, хотя по времени самые ранние, содержат поздние и плохо сохранившиеся варианты сказания.

К 1841–1842 гг. относится запись казахской версии, сделанная Чоканом Валихановым и его отцом султаном Чингисом в Аман-Карагайском округе от акына из рода кыпчаков Жамангула (у Валиханова-Джумагул) и от двух других казахов. Оригинал рукописи Валиханова, опубликованный П.М. Мелиоранским (2), и русский перевод Валиханова, впервые напечатанный в его Сочинениях, до сих пор остаются наиболее надежным источником для изучения сказания, как по филологической тщательности текста, так и по близости содержания варианта к предполагаемому архетипу. Он дополняется сокращенным переводом другого текста, по-видимому ногайского, напечатанного в том же издании, и рядом заметок Валиханова, относящихся к легендарной генеалогии героя и его сказочному происхождению, и детству.

Другим надежным научным источником являются записи В.В. Радлова (1866–1872); из них три от барабинских и омских татар и одна от телеутов (горных алтайцев). к ним присоединились в 1896 г. еще четыре варианта из степной части Крыма. Записи барабинская (3, ч. IV, 35–55) и первая из крымских (3, ч. VII, 99–121) также принадлежат к числу наиболее полных и хорошо сохранившихся.

Не меньшего внимания заслуживает подробный пересказ (или перевод) ногайской версии, записанный Н. Семеновым на западном берегу Астраханского

---

[1] Печатается по изданию: Жирмунский В.М. Тюркский героический эпос. Л.: Наука, 1974. С. 349–387. Научный и справочный аппарат адаптированы для настоящего издания.

залива Каспийского моря в 1880–1881 гг. и опубликованный в 1895 г. в его книге «Туземцы Северо-Восточного Кавказа» (4, 469–481). Кроме этого очень полного текста и уже упомянутого в сочинениях Валиханова, ногайские варианты печатались в оригинале в хрестоматиях М. Османова (1883) и И.Березина и в переводах или пересказах – в краеведческих публикациях Г. Ананьева (1900), М. Алейникова (цит. у Г.Н. Потанина и А. Горячина). Ногайский материал заслуживает особого внимания, так как эпические сказания об Идиге и ногайских богатырях, его потомках, сложились исторически в Ногайской орде.

Казахские версии, частично при участии родичей Валиханова (Султан-Газина), продолжал записывать Г.Н. Потанин. Его прозаические переложения «Идиге» (их четыре) в сюжетных подробностях заметно отличаются друг от друга, отклоняясь от истории в сторону сказки, а его попытки истолкования происхождения сюжета в свете международных параллелей эпоса и фольклора страдают обычной для этого автора манерой фантастических сопоставлений, что и было в свое время отмечено В.В. Бартольдом в очень критическом отзыве. Казахский вариант, опубликованный А. Диваевым по рукописи в его «Этнографических материалах», вып.V (1896) в сопровождении перевода на русский язык, также заметно отклоняется от архетипа эпического сказания.

Каракалпакская запись, упоминаемая П.М. Мелиоранским, была сделана в 1903 г. в Чимбае его учеником И.А. Беляевым, но только в 1917 г. она была опубликована в Ашхабаде вместе с русским переводом собирателя (5).

Отметим еще более краткие упоминания местных преданий, связанных с легендарными историческими памятниками – курганом Тохтамыша близ Тюмени и могилой Идиге на северном склоне Каратау (6, 224, 330).

После Октябрьской революции, с ростом интереса к национальному фольклору и национальным историческим преданиям, научное внимание и к этому эпическому сказанию заметно увеличивается и собирание материала переходит в руки национальных ученых и новых республиканских центров национальной культуры.

В Казахстане классический текст Валиханова – Мелиоранского переиздавался несколько раз с незначительными редакционными поправками и соответствующим научным комментарием: в 1927 г. – Канышем Сатпаевым, позднее выдающимся геологом и президентом Казахской академии наук; в 1934 г. – писателем и литературоведом Сакеном Сейпуллиным; в 1939 г. – Сабитом Мукановым (в сборнике «Batırlar sırı», 7, 23 сл.). Вариант А. Диваева был также переиздан собирателем в сборнике того же названия, объединившем его дореволюционные публикации (8); еще раньше текст Диваева был переведен на татарский язык в журнале «Шура» (1917, No15–16). в фольклорном архиве Казахской академии наук в Алма-Ате хранятся еще пять текстов «Идиге» (один из них – от сказителя Мурун-жырау, 1942, в составе эпического цикла «Сорок богатырей».

Новый каракалпакский вариант записан был фольклористом Каллы Аимбетовым в 1929 и 1934 гг. со слов сказителя Ерполат-жырау (9). Более обширный по объему, он также во многом отклоняется от архетипа.

Отрывки из башкирской версии «Идукай и Мурадым» публиковались уже в дореволюционных изданиях в Казани и Уфе (1897–1915). Однако, они не привлекли к себе более широкого внимания. в советское время поэма печаталась в башкирских оригиналах в записи народного шэшэна М. Бурангулова в журналах «Октябрь»

(1940, N 6–8) и «Красная Башкирия» (1940). в фольклорном архиве Башкирского филиала АН СССР хранятся записи, сделанные писателем Н. Исанбетовым (1929) и тем же М. Бурангуловым (1934–1939), а также сводный вариант «Идукай и Мурадин», подготовленный к печати на основании этих материалов Р. Нигмати и Б. Бикбаевым, насчитывающий 17 «кубаиров» (песен-глав). По мнению башкирского фольклориста Н.Т Зарипова, в руках составителей находилась, впоследствии, по-видимому, утерянная, рукопись 1762 г., также подготовлявшаяся к печати в сборнике материалов. Если бы эта рукопись нашлась, мы имели бы в ней старейшую запись устного эпического сказания тюркских народов Средней Азии. в 1959 г. к этим материалам присоединилась новая запись языковеда С.Ф. Миржановой.

Несколько текстов «Идиге» были открыты в 1920–1930-х годах у кочевых узбеков. Один из них, под заглавием «Тулумбий» (по имени отца героя), опубликован Хади Зарифовым в его «Хрестоматии узбекского фольклора» (10).

Ногайские материалы пополнились в 1958 г. очень полной записью, сделанной в Карачаево-Черкесской [автономной] области молодым ногайским фольклористом Ашимом Сикалиевым.

Новый западносибирский вариант сказания об Идиге был записан в 1919 г. у омских татар казанским фольклористом Н.Хакимовым. к этому варианту акад. А.Н Самойлович написал в 1938 г. предисловие, сохранившееся в архиве Казанского филиала АН СССР. Ученик и преемник по кафедре проф. П.М. Мелиоранского, А.Н. Самойлович осуществил намерение своего учителя «подвергнуть сравнению» известные ему версии сказания. Значительно раньше, в 1911 г., он предложил эту работу как тему медального сочинения своим ученикам по Петербургскому университету. Медаль получил студент П.А. Фалёв, выдающийся молодой тюрколог, скончавшийся в Ташкенте в раннем возрасте (1922). Его работа, готовившаяся к печати после его смерти, в 1927 г., осталась неопубликованной, но следы занятия этой темой, в частности – в связи с ногайским фольклором, которым он занимался специально, содержат его лекции по «Введению в изучение тюркских языков и наречий», напечатанные в Ташкенте на правах рукописи в 1922 г. (11).

Отдельную главу сказанию об Идиге посвятил акад. А.С. Орлов в своей популярной книге о казахском эпосе (12), написанной в годы эвакуации в Алма-Ате. А.С. Орлов дает подробное переложение одной из казахских версий, с замечаниями, касающимися исторических корней сказания и особенностей его поэтической формы.

Из зарубежных тюркологов сказанием об Идиге занималась Саадет Чагатай (Анкара). Она опубликовала в 1957 г. обширный текст, записанный в Анкаре от одного старика, переселившегося в молодые годы в Турцию из крымских степей, сопроводив его немецким переводом и сравнением тех вариантов сказания, которые были ей доступны (13).

Общее число опубликованных текстов сказания превышает в настоящее время 30 единиц, из них 15 сохранилось только в переводах или пересказах. к ним следует присоединить отмеченные выше архивные материалы. Сопоставляя между собой перечисленные версии и варианты, мы можем попытаться восстановить архетип сказания, подвергшийся, в процессе устной традиции, очень значительным переработкам. Ближе всего к предлагаемому архетипу, по-видимому, текст Валиханова-Мелиоранского, поддержанный свидетельствами ногайской версии Н. Семенова и двух записей Радлова, нами выделенных, крымской и сибирской. При обилии материала

мы не считаем возможным в кратком очерке предлагать жесткую реконструкцию первоначального сюжета, но мы наметим те черты его, которые представляются древними; отмечая соответственно и не сводимые к единству различия между ними.

2

По одной из версии сказания отцом Идиге был Кутлу-кия (или Кутлу-кая), сокольничий хана Тохтамыша. Соблазненный подарками царя Са-Темира (шаха Тимура – Тамерлана), он дал ему одно из яиц, снесенных соколом чудесной породы, которым особенно гордился Тохтамыш. Узнав о проступке своего сокольничего, разгневанный Тохтамыш велел казнить не только его, но и всю его семью. Младенца Идиге спасает друг (или молочный брат, «эмчек») его отца (Эсебий). Он подменяет обреченного на казнь младенца своим собственным сыном и воспитывает сына Кутлу-кия, как своего.

По другой версии сказания, Идиге – сын мусульманского святого, имя которого Баба-Туклас (или Баба-Тохы) Чачли Азиз (или Чачти-Азиз, Шашли-Азиз – «волосатый святой»), в некоторых вариантах (вероятно, первоначальных) этот персонаж является не отцом, а предком, от которого Идиге ведет свой род. Святой, совершая однажды омовение у источника, увидел трех лебедей (или голубей), которые, опустившись на берегу, сбросили с себя лебединые одежды («кеб») и стали купаться. Заглядевшись на их красоту, святой похищает одежду купальщиц. По просьбе двух старших он отпускает их на волю, но младшая соглашается стать его женой при условии, что он не будет смотреть ей на голову, когда она чешет волосы, под мышку, когда она снимает рубаху, и на ноги, когда она разувается. По истечении некоторого времени Баба-Туклас нарушает запрет, и тогда он замечает, что у его красавицы череп прозрачный, под мышкой просвечивают легкие, а ноги птичьи (или с копытами). Жена, узнав, что тайна ее открыта, покидает мужа, но, улетая, она сообщает ему, что у нее во чреве младенец; когда он родится, она оставит его в безлюдной степи в указанном месте (в стране Миср, т.е. в Египте, на берегу Нила), где найдет его отец. Баба-Туклас следует этому указанию и в положенное время находит младенца.

Этот рассказ также имеет варианты. Вместо трех лебедей Баба-Туклас встречает на берегу красавицу, которая золотым гребнем расчесывает золотые волосы. Она ныряет в воду, он следует за ней, находит ее в подводном царстве, где она становится его женой на тех же условиях. Дальнейшее течение рассказа совпадает с предыдущим.

Существуют контаминированные версии, в которых героем рассказа о трех лебедях (или о подводной деве) является не Баба-Туклас, а тот же Кутлу-кия, опальный вельможа Тохтамыша, причем обручение его с девой-лебедью совершается после его изгнания Тохтамышем (так – в крымских записях Радлова).

Детство Идиге, независимо от обстоятельства его рождения, изображается во всех версиях одинаково. Герой вырастает в бедности, пастухом (отдан на воспитание пастуху или бедной старухе), он играет с другими мальчиками, которые выбирают его царем. Семилетний Идиге в этих играх уже обнаруживает свою мудрость. Когда проходят мимо двое приближенных хана Тохтамыша, дети, по наущению Идиге, отказываются встать, чтобы приветствовать их. На вопрос о причине такого поведения Идиге отвечает за всех: «Вставать надо перед старшим, вас двое, нас много (20 человек), сосчитайте наш возраст, мы – старше вас».

Вельможи, пораженные ответом мальчика, решают поставить на его решение спорное дело, с которым они шли к хану. Один из них – Кен-Джанбай (Джанбай, Жанбай) из рода кенегес, другой – охотник Кокджальди. На своей земле на берегу реки Яик (Урал) Джанбай увидел зайца и побежал домой за оружием с намерением подстрелить дичь. Тем временем Кокджальди убил зайца и взял его себе. Идиге велит одному из детей держать зайца примерно на том расстоянии, на котором его увидел Джанбай, а Джанбаю стрелять в зайца; если он попадет в ребенка, пусть платит «за кровь» («кун»), если выстрелит мимо, заяц останется у охотника, если же попадет в зайца, он получит его по праву. Джанбай попадает в цель и, восхищенный мудростью младенца, докладывает о нем Тохтамышу, который признает это решение справедливым и правильным.

Следующе «суды» Идиге частично различаются в различных вариантах сказания. Существуют также отличия в том, произносит ли Идиге тот или иной приговор еще пастухом или позднее; при дворе Тохтамыша или в последние годы жизни, после ссоры со своим сыном Нуреддином.

1. Четырем братьям досталась в наследство хромая скотина (коза), которая произвела потраву. За это братьям приходится платить пеню (400 тиллей). Они просят Идиге определить долю каждого. Идиге, узнав, что каждому из тяжущихся принадлежит по ноге козы, причем младшему – хромая нога, а старшему, – кроме того, и голова, возлагает на долю старшего двойную пеню (200 тиллей), потому что «голова вела все тело», на второго и третьего – одинарную (по 100 тиллей), а младшего освобождает от уплаты. Старшие братья, недовольные решением, жалуются Тохтамышу, который снова вынужден признать справедливость и мудрость решения пастуха. в некоторых вариантах по этому мудрому приговору Нуреддин узнает изгнанного им старика-отца и спешит признать свою вину перед ним.

2. Две женщины спорят о ребенке, одна отнимает его у другой, утверждая, что он был у нее украден в младенческом возрасте. Идиге предлагает обеим матерям держать ребенка за ручки и приказывает рассечь его мечом, чтобы каждой дать ее долю. Обманщица готова согласиться, но настоящая мать предпочитает отдать ребенка своей сопернице. Этот рассказ известен из Библии, где мудрое решение приписывается царю Соломону.

3. Вариантом спора двух женщин является спор двух мужчин о верблюжонке один из спорящих утверждает, что в стаде другого он узнал четырехлетнего верблюжонка, пропавшего у него годовалым сосуном. Идиге велит спорящим привести верблюдиц-маток и подвергает верблюжонка жестокому истязанию (или приказывает утопить его в реке). Когда верблюжонок поднимает рев, настоящая мать-верблюдица отвечает ему своим криком.

4. Девушка обвиняет парня в том, то он насильно отнял у нее кольцо и девичью честь. Идиге дарит девушке тюбетейку, а парню велит вырвать подарок из ее рук. Девушка оказывается сильнее, и это решает спор.

Тохтамыш, до которого неоднократно доходили вести о мудрости мальчика Идиге, по совету Джанбая, призывает его ко двору. Идиге становится сокольничим или телохранителем хана и пользуется особым расположением. Это вызывает зависть у других вельмож. По другим версиям, Идиге возбуждает к себе нерасположение ханши (или ханской дочери), отвергнув ее любовь. Ханша обращает внимание Тохтамыша на то, что он боится Идиге, так как при его виде невольно

приподымается с сиденья (или вздрагивает). Желая убедить хана в том, что это так, она прикалывает его халат к подушке, на которой он сидит. При появлении Идиге хан действительно приподымается вместе с подушкой. Убежденный приближенными, Тохтамыш принимает свою невольную робость как предзнаменование того, что ему грозит от Идиге смертельная опасность, и решает извести своего любимца. в некоторых версиях о грозящей опасности хана предупреждает вещий сон. Ханша два раза подносит Идиге загрязненный или отравленный напиток, но ему удается, благодаря своей осмотрительности, избежать опасности.

После такого знамения хан, еще более напуганный, приглашает Идиге на пир, во время которого воины, поставленные у входа в юрту, по знаку повелителя должны убить Идиге. Об этом замысле хана и его приближенных Идиге предупреждает его друг Ангусын (по другим версиям – Джанбай). с помощью друга Идиге подрезает левые стремена у коней, оставленных стражей на привязи, лишая ее возможности преследовать беглеца. Сам он во время пира, по знаку, поданному другом, спасается из юрты через дымовое отверстие, садится на оседланного коня и бежит к Са-Темиру вместе с несколькими удальцами[3].

Растерянный хан созывает своих приближенных на совет и каждого из них по очереди спрашивает, что делать. (Иногда сцена совещания хана с вельможами предшествует бегству Идиге). Джанбай советует призвать ко двору мудрого старца, прорицателя и певца, Сабра Джирау (Суп-Джирау, Сапар-дау, Парздак и др.), который прожил 120 (180, 500, 1000) лет и может предвидеть будущее. За стариком отправляют послов, его привозят в совет торжественно и с почетом, подвязывают его беззубую челюсть. Вещий старец поет песню, предупреждая Тохтамыша о будущей победе Идиге, который захватит его страну и престол, разграбит его имущество, заберет его стада и коней, возьмет насильно в жены его дочерей, прекрасных Ханеке и Тенеке. Он советует хану помириться с Идиге, пока тот не переправился через Итиль (Волгу), и вернуть его. Хан посылает в погоню за Идиге Джанбая с отрядом богатырей. Они настигают беглеца на берегу Итиля. Стоя на разных берегах реки, они обмениваются речами. Джанбай уговаривает Идиге вернуться, обещая ему о имени Тохтамыша всякие почести, но Идиге отклоняет предложение, поносит самого Джанбая и обещает отомстить Тохтамышу, вернувшись на родину с войсками Са-Темира.

Идиге с товарищами уходит в степь «казачить». Здесь ему встречается богатырь-великан Кабардин-Али (Хан Кабардин, сын дива Кабантин-Али, Чуюн-Кулак-дяу – «див Чугунное ухо» у Потанина, в башкирских вариантах – калмыцкий богатырь, в сибирских – русский богатырь Анисим). Этот богатырь похитил красавицу, дочь Са-Темира. Вместе со своей дружиной Идиге поступает на службу к Кабардину. с помощью красавицы ему удается хитростью победить Кабардина. Он пронзает его стрелой во время богатырского сна, в то время как дочь Са-Темира открывает ему полу шатра. После этого красавица становится его женой. с ней вместе он приходит к Са-Темиру и остается жить у него.

Через много лет Идиге вспоминает о долге мести Тохтамышу и просит помощи у Са-Темира. в этом походе участвует его сын Нуреддин (Нурадин, Нурали,

---

[3] Отметим, что таким же образом, подрезав заранее стремена у лошадей своих преследователей, спасает свою жизнь в шотландской исторической легенде Роберт Брюс (Robert Bruce, XI в.), глава восстания против власти Англии.

Мурадин), рожденный от дочери Са-Темира. в большинстве вариантов он является главным мстителем. Иногда о нем рассказывают, что, когда он играл в альчики (бабки) с другими детьми и показал им свою силу, кто-то сказал ему с упреком, что лучше было бы ему отомстить за обиду, нанесенную его отцу Тохтамышем. При приближении отца и сына Тохтамыш, покинутый своими эмирами (иногда – по предательскому совету Джанбая), бежит. в жалобной песне он оплакивает свою тяжелую участь. Он скрывается от преследователей в камышах на берегу озера, где его выдает крик болотной птицы (чибиса). Нуреддин настигает его и, одолев в поединке, отрубает ему голову, которую привозит как трофей.

После победы между отцом и сыном происходит ссора из-за дочерей Тохтамыша, ставших добычей победителей. Нуреддин хотел оставить себе младшую, но отец в его отсутствие завладел обеими (в некоторых вариантах столкновение вызвано клеветой или интригами Джанбая). Нуреддин в гневе бьет отца своим кобызом и выбивает ему глаз. Отец упрекает его в трогательной песне, напоминая ему о любви, которой он был окружен в детстве. Долгое время они кочуют врозь, покуда Нуреддин (заболев тяжелой болезнью или, в других редакциях, получив доказательство доброты и мудрости отца) не является к старику с повинной и не получает прощение.

Мстителем за Тохтамыша является его сын Кадырберди. По одному варианту сказания, он насмеялся над Идиге и его сыном, войдя хитростью в их юрту и опозорив их тем, что сел на спину старого Идиге. Отец и сын, посрамленные, умирают от горя. По другому варианту, Кадырберди (с помощью изменника Джанбая) заманил безоружного Нуреддина в засаду. Когда Нуреддин вошел в его шатер, он усадил своего врага на ковер, постланный на гвоздях (на остриях ножей), и стал допрашивать его о судьбе своих родичей. Несмотря на испытываемую муку, Нуреддин с надменностью хвалится своими подвигами. Кадырберди отрубил ему голову и тем отомстил за отца. По ногайскому варианту Семенова и по некоторым другим, победитель, восхищенный храбростью своего пленника, помирился с ним, и Нуреддин, признав себя вассалом Кадырберди, получил улус в ногайских степях.

Несмотря на отмеченные нами попутно различия в деталях развития сюжета, основная последовательность событий исторической легенды остается одинаковой, если она не разрушена процессом перерождения эпоса в сказку, о котором будет сказано ниже: чудесное происхождение и детство Идиге; его служба у Тохтамыша и бегство к Са-Темиру от несправедливых преследований хана; эпизод его «казачества» и встреча с алпом Кабардином и дочерью Са-Темира; его возвращение через много лет вместе с Нуреддином и месть Тохтамышу; ссора между Идиге и его сыном; возвращение сына Тохтамыша Кадырберди и его победа над Идиге и Нуреддином.

Однако, сходство это не ограничивается общим сюжетным содержанием; оно распространяется и на основные стихотворные партии повествования («песни» – по-казахски жыры), чередующиеся с прозаическим рассказом. Такая смешанная эпическая форма, как это видно на ряде примеров архаических богатырских сказок народов Южной Сибири, искони существовала у тюркоязычных народов рядом с чисто стихотворной (типа киргизского «Манаса»), что, конечно, не исключает многочисленных примеров позднейших пересказов стихов в форме прозаических сказок (типа русских «побывальщин»). к большим песенным партиям, прочно сохраняющимся в самых отдаленных районах, где бытует поэма, от Сибири до Крыма, относятся: обращение Тохтамыша к своим вельможам за советом, что делать с Идиге;

пророчество старца Суп-жырау; диалог между Джанбаем, посланным вернуть Идиге, и этим последним на берегу Итиля (Волги); предсмертный плач Тохтамыша; жалоба Идиге на обиду, нанесенную ему любимым сыном Нуреддином, и некоторые другие. Различия в объеме этих партий, отмеченные в статье А. Н. Самойловича, свидетельствуют о возможности расширения, пропусков и вариаций, характерных для устного народного творчества. Однако, наличие между ними текстуальной близости позволяет предполагать, что современные варианты эпического сказания восходят к одному общему источнику – народной эпической поэме, сложенной певцом, обработавшим в художественной форме устные предания о популярном герое.

Наиболее значительные расхождения наблюдаются в первой, вступительной части поэмы (происхождение и детство Идиге), которая во всех редакциях имеет прозаическую форму. Весьма вероятно, что эта часть – происхождения более позднего, причем в устном предании, не связанном стихотворным размером, конкурировали различные местные варианты.

3

В основе эпических сказаний об Идиге лежат исторические события, относящиеся к концу XIV – началу XV в., период усиливающегося политического распада Золотой Орды и утверждения на Востоке новой державы Тимура (Тамерлана) с центром в Средней Азии. Об этих событиях подробно рассказывают современные им историки и летописцы, восточные (персидские, арабские, а также более поздние – турецкие и татарские) и западные (русские и литовско-польские летописи и хроники). в зависимости от круга своих территориально-политических интересов, национальных и партийных пристрастий и оценок они описывают ту или иную часть событий с различной степенью полноты и объективности, но в целом, критическое сопоставление источников позволяет восстановить довольно полную картину всей совокупности событий, послуживших основанием для развития эпического сказания.

Персидские историки XV в. – Низам-ад-дин-Шами («Книга побед», 1501–1502), Муин-ад-дин-Натанзи (так называемый «аноним Искендера», 1413–1414), Шереф-ад-дин Йезди («Книга побед» – закончена в 1424–1425 г.), Абд-ар-Раззак Самарканди («Из места восхода двух счастливейших звезд и места слияния двух морей», закончено между 1470–1476 гг.) писали историю Тимура и Тимуридов и рассматривали события в Золотой Орде только в той части, в которой они входили в эту историю.

Походы Тохтамыша и Идиге на Москву или битва при Ворскле выходят за пределы их кругозора (о последней смутное упоминание имеется только у «анонима Искендера» – 14, т. II, 133). Персидские историки пишут при дворе и во славу Тимура и его династии, опираясь при этом в значительной степени на официальные источники – на дневники и описания его походов, составленные придворными летописцами. Этим определяется их точка зрения на события.

К персидским историкам примыкает, в основном, и хивинский хан Абулгази в своем «Родословном древе тюрков» (ок.1663 г.), хотя в его распоряжении кроме перечисленных источников были, по-видимому, и другие, нам пока не доступные (15, 142–143, 157).

Из арабских историков событий в Средней Азии касаются Ибн-Хальдун (умер в 1406 г.) в «Книге назидательных примеров» и, в особенности, Ибн-Арабшах

(1388–1450) в «Чудесах предопределения в судьбах Тимура». Ибн-Арабшах родился в Дамаске и в 1400 г., двенадцатилетним мальчиком, при взятии этого города, был уведен в плен войсками Тимура в Самарканд. Здесь он овладел практически языками персидским, тюркским и монгольским, побывал в Хорезме, Сарае, Астрахани и в Крыму, оттуда попал в Адрианополь, служил султану Мухаммеду, сыну Баявзида, вел его переписку на арабском, тюркском, персидском и монгольском языках, переводил для него книги с арабского и персидского на тюркский, в 1421 г. перебрался в Дамаск, в 1429 г. – в Каир, где прожил последние годы своей жизни.

Свидетель последних лет царствования Тимура, Ибн-Арабшах относится к нему резко враждебно и своей критикой часто поправляет и дополняет официозно-панегирические персидские источники. Политические отношения, о которых персидские историки говорят с гораздо большей ясностью, отодвигаются отношениями личными между главными героями исторических событий. На первом плане в делах, касающихся Золотой Орды, стоят, кроме Тимура, Тохтамыш и Идиге. Борьбой между этими последними определяется ход исторической драмы. к Идиге Ибн-Арабшах относится с явной симпатией. Многое из того, что он рассказывает о нем и Тохтамыше, почерпнуто, несомненно, из устных источников. Ибн-Арабшах находился в Средней Азии и в Золотой Орде в 1400–1411 гг., в период наибольшей славы Идиге, после окончательного разгрома Тохтамыша и победы на Ворскле над Витовтом, когда знаменитый эмир был единовластным повелителем на Орде. Вокруг событий с его возвышением и борьбой против Тохтамыша (1389–1399), уже слагалась поэтическая легенда, зафиксированная Ибн-Арабшахом в ее первой стадии и позже обработанная в эпической форме народными певцами. Арабские летописцы Бедреддин Элтайни (1361–1451), Эльмакризи (1365–1442), Эласкалани (1372–1449), Эласади (1377–1448), писавшие в Каире и в Дамаске, частично дополняют перечисленных выше персидских и арабских авторов эпизодическими известиями о политических связях Тохтамыша, Идиге и Тимура с Ближним Востоком (14, т. I, 531).

Картину отношений Золотой Орды с Восточной Европой, с Русью и Литвой дают только западные источники – русские летописи и польско-литовские хроники (хроника историка Длугоша, использованная уже в этом плане Карамзиным). Русские летописи (Новгородская, Псковская, Ростовская и Архангельская, в особенности Никоновский свод) подробно рассказывают о походе Тохтамыша и Идиге на Москву, о битве на Ворскле, и значительно менее полно – о внутриполитических делах Золотой Орды (борьба Мамая, Тохтамыша и Идиге). Таким образом, восточные и западные летописцы и историки в территориальном отношении дополняют друг друга. Упоминают об Идиге, как о правителе Золотой Орды, и западноевропейские путешественники, с разными целями проникавшие на Восток: Клавихо, посол кастильского короля Генриха III, побывавший в Закавказье, Персии и Средней Азии в последние годы царствования Тимура (1403–1405) и оставивший дневник своего путешествия («Жизнь и деяния Великого Тамерлана»), и немецкий авантюрист баварец Шильтбергер, взятый в плен турками в 1395 г. и вернувшийся на родину в 1427 г. («Путешествие Шильтбергера на Восток»).

Все названные источники, с большей или меньшей полнотой, рассказывают об исторических событиях, послуживших основой эпической легенды, – о долголетней борьбе между Тохтамышем и Идиге, ближайшим участником и окончательным вершителем которой был Тимур.

Исторический Токтамыш (Тохтамыш русских летописей) был татарским царевичем, потомком Чингиз-хана. Арабские историки, менее достоверные в вопросах генеалогии, называют его сыном хана Золотой Орды Берди-бека (Ибн-Халдун). Согласно персидским источникам, отцом Тохтамыша был Тули-Ходжа – брат или дальний родственник Урус-хана, тогдашнего властителя Белой орды (восточной части ордынских владений). Урус-хан казнил Тули-Ходжу, но пощадил его сына, ввиду его малолетия (аноним Искендера).

Золотой Ордой после смерти Берди-бека управлял известный из русской истории Мамай, один из монгольских эмиров, женатый на дочери Берди-бека; по своему произволу он назначал ханов из династии Чингизидов, оставаясь сам фактическим правителем государства. в период с 1360 г. по 1380 г. в Золотой Орде сменилось 14 ханов и происходили непрерывные междоусобицы крупных эмиров, отстаивавших независимость своих феодальных уделов («улусов»). Мамаю не удалось восстановить единства государства, осужденного на распад внутренними противоречиями между землевладельческими и городскими оазисами и кочевой степью (военная эксплуатация разноплеменного оседлого населения, стоявшего на гораздо более высокой ступени развития, чем господствующая феодальная верхушка). в Астрахани правил Хаджи-черкес, в Белой орде – Урус-хан, который в конце концов завладел и Сараем, столицей Золотой Орды, и изгнал Мамая в его крымский улус.

Молодой Тохтамыш, находившийся сперва у Урус-хана, вскоре нашел прибежище и поддержку у Тимура и, с его помощью, пытался утвердиться в Белой орде. Однако, несмотря на военную помощь Тимура, в столкновениях с ханами Золотой Орды (Урус-ханом и его преемником Тимур-Меликом) Тохтамыш несколько раз терпел поражения. Только в 1380 г., когда Мамай был разбит великим князем Московским Дмитрием Донским на Куликовом поле, Тохтамыш, при поддержке Тимура, овладел Золотой Ордой и Сараем, откуда в 1382 г. он предпринял свой известный из русской истории поход на Москву.

С воцарением в Золотой Орде Тохтамыша начинается борьба за власть между ним и его прежним покровителем Тимуром. Персидские историки приписывают инициативу недоброжелательства и враждебных действий Тохтамышу. Их сообщения подтверждаются изложением Клавихо, который говорит о вторжении Тохтамыша во владения Тимура. Арабские летописцы (Эльмакризи, Эласкалани, Эласади, Элайни) упоминают о посольствах Тохтамыша к султану Египетскому и в Дамаск (в 1385 и 1393–1395 гг.) с предложением союза против Тимура. «...И прибыли в Дамаск послы Тохтамыш-хана, овладевшего землями Узбековыми, и сказали, что хан просит, чтобы он (султан) был с ним (Тохтамыш-ханом) одною рукою против бунтовщика Тимурленка, – сообщает Элайни (1393–1394) (14, Т. I, 531). Весьма возможно, что Тохтамыш, как Чингизид, смотрел на себя как на законного главу монгольской империи Чингиз-хана, в то время как Тимур, со своей стороны, видел возможного соперника в монгольском царевиче, обязанном ему возвышением, в особенности после того, как Тохтамыш объединил под своей властью обе Орды и стал действовать независимо.

При Тимуре политический центр монгольской империи переносится из Золотой Орды в более развитые в экономическом и общественном отношении среднеазиатские владения Тимура. Сильная и независимая Золотая Орда была постоянной угрозой для великого завоевателя. Поэтому он старается подчинить себе это окраинное государство, сделать золотоордынского хана своим вассалом и с этой

целью неизменно поддерживает оппозицию против собственных ставленников, как только они проявляют признаки независимости. Подобно тому как он сперва поддерживал молодого Тохтамыша против Урус-хана и Мамая, он в дальнейшем будет поддерживать Тимур-Кутлука и Идиге против Тохтамыша и в конце своей жизни – того же Тохтамыша против Идиге, ставшего тем временем фактическим правителем Золотой Орды. Трения между Тохтамышем и Тимуром возникли, по-видимому, из-за пограничных владений на Кавказе и в Хорезме. в дальнейшем ходе этого конфликта выдающуюся роль сыграл Идиге.

Идиге (у восточных историков – Идигу, или Идику, в русских летописях – Едигей) происходил, согласно персидским источникам, из племени мангыт (по Абулгази, из ак-мангытов, т.е. «белых мангытов»), как это подтверждается и позднейшими родословными ногайских князей, считавших себя его потомками. Изолированный и, вероятно, ошибочный характер имеет свидетельство Ибн-Арабшаха, который производит его род от племени кунграт (может быть, по матери?). Идиге был одним из эмиров Тохтамыша. Ибн-Арабшах называет его «одним из главных эмиров левой стороны» (т.е. начальников левого крыла монгольской армии). Абулгази, в соответствии с эпической традицией и, может быть, под ее влиянием, называет отцом Идиге Кутлук-Кия. Согласно его сообщению, сестра Идиге была замужем за Тимур-беком (ханом Тимур-Меликом), предшественником Тохтамыша и отцом царевича Тимур-Кутлука, который впоследствии вместе с Идиге отъехал от Тохтамыша к Тимуру и с помощью последнего завладел золотоордынским престолом. с другой стороны, более ранние персидские исторические источники (аноним Искендера и опирающийся на него Абд-ар-Раззак Самарканди) называют отцом Идиге некоего Балтычака (или Балнычака), главного эмира хана Тимур-Мелика.

Когда Тимур-Мелик был побежден и убит Тохтамышем, так рассказывает аноним Искендера, Балтычака, «закованного и пленного, привели ко двору Тохтамыша». «Так как его верность и добросовестность славились, Тохтамыш сказал ему: «Если ты признаешь меня своим государем, то ни на один волос я не уклонюсь от оказания почета и уважения к тебе и вручу поводья распоряжения царством и имуществом в руки твоей заботы». Балтычак задрожал и ответил:

«Если бы руки мои не были связаны, я ответил бы тебе. Пусть ослепнет тот глаз, который может видеть тебя на месте своего государя. Если в твоих руках власть, то прикажи, чтобы меня также казнили, чтобы голову государя положили на мою голову и тело его на мое тело, дабы, если я не умер ранее его, то уже раньше его был бы предан праху». Тохтамыш удовлетворил его просьбу» (16, т. 11,132).

Персидские источники называют имя Идиге рядом с именами царевичей – Чингизидов, перебежавших от Тохтамыша к Тимуру (Тимур-Кутлук-Оглан, сын хана Тимур-Мелика, и Кунче-Оглан). Все они были «старинными врагами Тохтамыш-хана» и «пришли искать убежище у Тимура» (17, 118). Если основываться на приведенных сведениях анонима Искендера и Абулгази, которые расходятся лишь в деталях, Идиге был связан с Тимур-Кутлуком через отца, служившего отцу царевича Тимур-Мелику. По рассказу Абулгази, Идиге ждал только совершеннолетия царевича, чтобы покинуть Тохтамыша, и бежал к Тимуру через шесть месяцев после бегства Тимур-Кутлука, Ему самому, как устанавливает В.В. Бартольд, было в это время уже за сорок лет (18, 801). По всему дальнейшему ходу событий можно полагать, что он руководил поступками будущего претендента на золотоордынский престол.

В изложении Ибн-Арабшаха, которое, как уже было сказано, явно сочувственно Идиге и богато полулегендарными подробностями, эти политические отношения уже забыты и конфликт, как в позднейшем эпическом сказании, всецело переносится

на личную почву: Тохтамыш несправедливо заподозрил Идиге в измене и тем заставил его перебежать к Тимуру. Рассказ Ибн-Арабшаха в своем анекдотическом плане близок к поэме и основан, вероятно, на устных источниках.

«Эмир Идику был у Тохтамыша одним из главных эмиров левой стороны, (одним) из вельмож, избиравшихся во время бедствий для устранения их, и из людей здравомыслия и совета; племя его называлось кунграт... Заметив со стороны своего владыки перемену в расположении (к нему), Идику стал бояться за себя, и так как Тохтамыш был свирепого нрава, то он (Идику), опасаясь, чтобы несчастье не настигло его внезапно, постоянно остерегался его и всегда был наготове бежать, коли увидел бы, что это нужно. Он стал наблюдать и следить за ним, ухаживать за ним и льстить ему, но в одну из ночей веселия, когда звезды чаш кружились в сферах удовольствия и султан вина уже распоряжался пленником ума, случилось, что Тохтамыш сказал Идику, – а огонь разумения то потухал, то вспыхивал: «(Настанет) для меня и для тебя день, (когда) ввергнет тебя беда в нищету, придется тебе после трапез жизни поститься, и наполнится глаз существования твоего сном от действия гибели». Идику старался обойти его и стал шутить с ним, говоря: «Не дай бог, чтобы владыка наш, хакан, разгневался на раба неповинного и дал завять деревцу, которое сам насадил, или разрушил основание (здания), которое сам построил». Затем он (Идику) выказал наружно смирение, покорность, убожество и принижение, но, убедившись в действительности того, что он подозревал, он стал изощрять свой ум насчет спасения и употреблять на это дело проницательность и сметливость, понимая, что если оставит без внимания свое дело или отсрочит его, с тем, чтобы подождать немного, то (им) займется султан. Он быстро проскользнул между свитой и слугами и вышел в сильном смущении, как будто хотел исполнить нужное дело, отправился в конюшню Токтамыша в сильном неулегавшемся волнении, устремился на оседланного породистого быстроногого коня, стоявшего готовым на всякий несчастный случай, и сказал одному из слуг своих, в котором был уверен, что не выдаст его тайны: «Кто захочет застать меня, тот найдет меня у Тимура; не разглашай этой тайны до тех пор, пока не удостоверишься, что я перебрался через пустыню». Затем он, оставив его, уехал; хватились его только тогда, когда он уже (далеко) ускакал вперед и верхом постепенно, благодаря милостям пути, успел проехать длиннейшие пространства. Не настигли следов его и не догнали ни его, ни пыли, (поднятой им)» (14, т. I, 458).

По рассказу Ибн-Арабшаха, Идиге был инициатором похода Тимура против Тохтамыша: он будто бы убедил своего нового повелителя, что в Золотой Орде его ждет легкая победа и богатая добыча. «Богатства же там поддадутся угону и сокровища придут (к тебе на своих ногах!» (там же, 459). Персидские историки, приписывающие вину разрыва самому Тохтамышу, называют «Идиге-узбека», как и других перебежчиков из Золотой Орды, только в числе провожатых войска Тимура (14, т. II, 159).

Активная роль Идиге и других золотоордынских беглецов в конфликте между Тохтамышем и Тимуром подтверждается одним из немногих подлинных татарских документов этой эпохи – ярлыком (письмом) хана Тохтамыша к литовскому великому князю Ягайлу, вызванным этими событиями. «Третьего года, – сообщает Тохтамыш, – послали некоторые огланы (царевичи), во главе которых стояли Бекиш, Турдучак-Берди и Давуд, человека по имени Эдигу к Тимуру, чтобы призвать его

тайным образом. Он пришел на этот призыв и, согласно их злонамеренному плану, послал им весть. Мы узнали об этом только тогда, когда он дошел до пределов (нашего) города, собрались, и в то время, когда мы хотели вступить в сражение, те злые люди с самого начала пошатнулись и вследствие этого в народе произошло смятение. Все это дело случилось таким образом, но бог милостив и наказал враждебных нам огланов и беков, во главе которых стояли Бекбулат, Ходжа-Медин, Бекиш, Турдучак-Берди и Давуд» (17, 6).

Ярлык написан в 1393 г., описанные в нем события имели место на три года раньше, вероятно уже в 1389 г., в год первого столкновения Тимура с Тохтамышем.

В 1389 г. Тохтамыш выступил в поход против Тимура и был разбит этим последним на берегах Сырдарьи, недалеко от Сыгнака, столицы Белой орды; в 1391 г. он потерпел второе, более серьезное поражение на р.Яик (Урал); в 1395 г. – самое жестокое, на Кавказе, на берегу Терека. Войска Тимура на этот раз преследовали разбитого Тохтамыша до Волги, захватили, разграбили и сожгли Сарай. После этого страшного разгрома столица Золотой Орды уже не возрождалась в прежнем блеске. Это поражение было началом падения внешнеполитического могущества татарского государства.

В дальнейшем, по рассказам персидских и арабских историков, Идиге и Тимур-Кутлук отплатили Тимуру «неблагодарностью», отлажившись от него, как только, поверив их обещаниям, он отпустил их в Золотую Орду. Абулгази приписывает инициативу этого разрыва Идиге. Когда Тимур-Кутлук, в соответствии с обещанием, данным Тимуру, собирался привести ему своих людей, Идиге будто бы сказал царевичу: «Какая польза тебе от того, что ты этих людей приведешь к Тимур-бию? Тимур разошлет их из Самарканда по разным местам, а ты останешься, как и прежде, только слугою Тимура» (15,1481). По прибытии в Золотую Орду, Тимур-Кутлук, как царевич из рода Чингиз-хана, стал ханом, а Идиге – военачальником («эмиром») и фактическим правителем страны (14, т. II, 133). Золотоордынские владения продолжали оставаться независимыми от Тимура.

Согласно русским летописным источникам, побежденный Тохтамыш бежал в Литву к великому князю Витовту. Тимур-Кутлук напрасно требовал от Витовта выдачи своего врага. Витовт поддерживал Тохтамыша, надеясь с его помощью распространить свою власть на татарские земли. в 1399 г. многочисленные войска Литвы и ее союзников (татар Тохтамыша, рыцарей Тевтонского ордена и западнорусских князей) встретились с войсками Тимур-Кутлука на р. Ворскле. По летописному рассказу, Витовт потребовал от своего противника изъявления покорности. «Бог покорил мне все земли, покорися и ты мне и буди мне сын, а яз тебе отец, и давай ми на всяко лето дани и оброкы; аще ли не хощещи тако, да будеши мне раб, а яз Орду твою всю мечу предам». Испуганный и растерявшийся Тимур-Кутлук готов был принять все условия позорного мира, предложенного литовским великим князем, кроме одного, означавшего потерю суверенитета, – «быти на денгах Ордынских знамение Витовтово». Во время совещания Тимур-Кутлука с его вельможами «прииде к нему князь его Едигей». «Сей бо Едигей, – пишет летописец, – князь великий бе во всей Орде, и мужествен, и крепок, и храбр зело; и услышя от царя своего о Витовте, и какося покори Витовту и рече ко царю сице: «О царь, лутче нам смерть прияти, неже сешу быти». После этого Едигей послал к Витовту и предложил ему встретиться для переговоров на реке Ворскле. Витовт стоял на одном берегу, Едигей на другом, а между

ними была река. «Рече Едигей, князь велики ординский, Витовту, великому князю литовскому: «Вправду ecu взял водного нашего царя Болшія орды в сыны себе, понеже ти ecu стар – а водный наш царь великий Орди Темирь-Кутлуй млад есть; но подобает тебе разумети и се: понеже зело ecu премудр и удал, разумей убо, яко аз есть стар пред тобою, а ты млад предо мною, и подобает мне тобою отцем быти, а тебе у меня сыном быти, и дань и оброки на всяко лето мне имети со всего твоего княжеша, и во всем княжении на твоих деньгах литовскому моему Ордынскому знамени быти». Витовт же Кестутьевич, слышев сіа, возяриса зело и возкрича и повеле воинству своему всему на битву готовится; и бяше тамо видети страшно обе силы велики снимающеся на кровопролитие и смерть» (18, т. XI, 172–174).

Битва на Ворскле закончилась победой татар и полным разгромом Витовта и его союзников. По словам летописца, убито было в этой битве «всех князей именитых и славных 70 и 4. а иных воевод и бояр великих, и христиан, и Литвы и Руси, и Ляхов и Немцев, елико избито, многое множество кто возможет изчести? (там же, 174).

Войска Тимур-Кутлука и Идиге преследовали Витовта до самого Киева. Город откупился от разграбления, уплатив татарам огромную по тому времени дань в 3000 рублей.

Другой рассказ о битве на Ворскле содержит «Польская история» Иоанна Длугоша. Во главе огромного татарского войска стоят не «цезарь татарский Тамерлан» (т.е. не хан Тимур-Кутлук), «но один из князей Эдига (привыкший назначать и низводить цезарей) (sed unus ex ducidus Ediga (Caesares etiam sustituere, destituere solitus ducebat»). Идиге перед битвой готов был покончить дело миром, правда на малопочетных для Витовта условиях («conditiones parae honestae»). Некоторые более осторожные приближенные Витовта, во главе со «Spithkode Malsthin», учитывая огромное численное превосходство татарского войска, настаивали на принятии этих условий, но на военном совете одержали верх горячие головы, в особенности польский рыцарь Павел Жуковский, который добился того, что условия Идиге были отвергнуты. Последовало поражение Витовта (19).

Рассказ польской хроники, вероятно, ближе к историческим фактам. Повествование русского летописца имеет значение не столько как документальное историческое свидетельство о роли Едигея в делах Орды, сколько одновременно как отражение окружавшей его при жизни воинской славы, о которой рассказывали и за пределами золотоордынского ханства.

Дальнейшие известия о судьбе Тохтамыша разноречивы. Большинство восточных источников перестает упоминать о нем уже после взятия Тимуром Сарая, ограничиваясь указанием, что он был убит по приказу одного из победителей (Тимура, Тимур-Кутлука или Идиге). На самом деле Тохтамыш и после поражения на Ворскле не оставил мысли о возвращении в Золотую Орду. На этот раз он рассчитывал на поддержку своего старого врага Тимура.

После воцарения Тимур-Кутлука в Золотой Орде, совершившегося, по-видимому, против Тимура, отношения между Ордой и Тимуром оставались во всяком случае натянутыми. Правда, по сообщению персидских источников (Низам-ад-дин Шами и Шереф-ад-дин Йезди), Тимур в августе 1398 г., накануне похода в Индию, принял послов Тимур-Кутлука и Идиге и простил раскаявшимся золотоордынским правителям нарушение его воли – «провел пером прощения по листу их прегрешений» (14, т. П, 125, 187–188). Тем не менее, когда после смерти

Тимур-Кутлука среди его наследников возникли смуты, Тимур стал готовиться к новому вооруженному вмешательству в дела Орды. Как пишет Шереф-ад-дин (ноябрь 1401 г.), решено было, что в начале весны (1402) победоносное знамя двинется в Дешт-и-Кипчак. Впрочем, и на этот раз правитель Орды прислал послов, которые заявили о покорности и подчинении, и гнев его величества утих (там же, 188).

Однако конфликт, возникший между Тимуром и Идиге, не мог быть улажен внешними изъявлениями покорности. Существование сильного татарского государства на западной границе среднеазиатских владений Тимура являлось постоянной угрозой безопасности этих последних, и Тимур вынужден был вступить в вооруженный конфликт с Идиге, как прежде с Тохтамышем.

За месяц до смерти, в январе 1405 г., согласно тому же источнику, Тимур принял послов Тохтамыша, также изъявившего раскаяние в «неблагодарности» и просившего о помощи для восстановления своей власти в Золотой Орде на правах вассала Тимура. Шереф-ад-дин передает таким образом содержание «послания» Тохтамыша к Тимуру: «Возмездие и воздаяние за неблагодарность за благодеяние и милости я видел и испытал. Если царская милость проведет черту прощения по списку прегрешений и проступков этого несчастного, то он после этого не вытащит голову из узды покорности и не сдвинет ногу с пути повиновения».

Тимур обещал Тохтамышу, по окончании предпринятого похода в Китай, поддержать военной силой его притязания на золотоордынский престол. «После этого похода я, с божьей помощью, опять покорю улус Джучиев и передам ему» (там же, 189).

Известие это подтверждается сообщением Клавихо, который во время своего пребывания в Самарканде (сентябрь – ноябрь 1404 г.) отмечает, что Тохтамыш и сыновья его живы и в дружбе с Тимур-беком. Один из этих сыновей, осажденный Идиге в Кафе, после взятия города «бежал к Тимур-беку». Взятие Кафы войсками Идиге в год битвы на Ворскле (6906) упоминается и русскими летописями. Тимур и Идиге, которого Клавихо называет господином Татарии (el senor de Tataria), – «большие враги друг с другом» (20, 342).

Смерть помешала Тимуру осуществить эти планы. Клавихо, находившийся тогда в Тебризе, рассказывает о возмущении, возникшем в связи с этим событием в войсках Тимура (26 марта 1405 г.), причем характерно, что сразу же пронесся слух о вторжении в его владения «императора Татарского Идиге» (там же, 366). Действительно, Идиге воспользовался смутами, вызванными смертью Тимура, чтобы захватить Хорезм, на который Золотая Орда и ранее неоднократно предъявляла претензии; согласно сообщению Абд-ар-Раззака Самарканди, захват Хорезма произошел в «реджебе 808 года», т.е. между 23 декабря 1405 и 21 января 1406 г. (343, т. II, 193). Хорезм, был отвоеван Тимуридами (Шахрухом) лишь после низвержения Идиге сыновьями Тохтамыша (в 1413 г.).

Вскоре после смерти Тимура погиб и Тохтамыш. в последние годы своей жизни, как говорит Шереф-ад-дин, он скитался по степям, в плохом состоянии и растерянный (там же, 189). По свидетельству русских летописей, он был убит в 1406 г., застигнутый отрядом войск хана Шадибака, преемника Тимур-Кутлука, близ Тюмени в Сибири (18, т. X1,172–174). Здесь сохранился курган, который почитался Местным мусульманским населением как могила хана Тохтамыша (21).

Исторический труд Ибн-Арабшаха, столь богатый легендарным подробностями о борьбе Идиге с Тохтамышем, сообщает о гибели последнего, очевидно,

по устным рассказам, в форме, уже приближающейся к позднейшему эпическому преданию:

«...они сразились между собой 15 раз (причем) раз тот одержит верх над этим, а другой раз этот над тем». в пятнадцатом сражении был разбит Идику, и он вынужден был бежать в степи. «Но Идику был превосходный знаток этих песчаных бугров и холмов и (один) из тех, который поступью ног своих (часто) пересекал поверхность этих безводных и диких степей. Он шел, выжидая и высматривая, пока не представился удобный случай напасть на врага врасплох».

«Убедившись, что Тохтамыш отчаивается в нем и уверен, что его растерзал «лев смертей», он (Идику) стал допытываться вестей о нем, выслеживать и высматривать следы его, да разведывать, пока из (собранных) сведений не удостоверился в том, что он (Тохтамыш) один без войска (находится) в загородной местности. Тогда он, сев на крылья коня, укутался в мрак наступающей ночи, занялся ночною ездою и променял сон на бдение, взбираясь на выси так, как поднимаются водяные пузыри, и спускаясь с бугров, как опускается роса, пока (наконец) добрался до него, (ничего) не ведавшего, и ринулся на него, как рок неизбежный. Он (Тохтамыш) очнулся только тогда, когда бедствия окружили его, а львы смертей охватили его и змеи копий да ехидны стрел уязвили его. Он несколько (времени) обходил их и долго кружился вокруг них; затем пал убитый. Из битв это был шестнадцатый раз, закончивший столкновение и порешивший разлуку (с жизнью). Утвердилось дело Дештское (Золотая Орда) за правителем Идику, и отправились дальний и ближний, большой и малый, подчиняясь его предписаниям. Сыновья Тохтамыша разбрелись в (разные) стороны: Джеллаледдин и Керимберди (ушли) в Россию, а Кубал и остальные братья в Саганак (14, Т. I, 471–472).

Русские летописи подтверждают, что старший сын Тохтамыша Джеллаледдин (Зелени–Салтын) нашел убежище у великого князя Московского Василия II, который, по словам Карамзина, принял сыновей Тохтамыша «с намерением питать мятеж в Орде» (22, т. V, 118).

Рассказ Ибн-Арабшаха о смерти Тохтамыша, как отметил уже Мелиоранский, соприкасается с эпическим преданием в том смысле, что по обеим версиям, «Тохтамыш был убит Едигеем не в правильном сражении, а во время предательского ночного нападения, когда находился один без войска в загородной местности». Однако еще ближе к эпосу другой эпизод из биографии Тохтамыша, относящийся к годам его молодости, о которой рассказывают персидские историки. Когда молодой Тохтамыш, вынужденный спасаться бегством после одного из поражений, нанесенных ему войсками Урус-хана, прячется (как в поэме) раненый в камышах реки, стон выдает присутствие беглеца посланному на его розыски брату Тимура, Идиги-Барласу (может быть, не случайно совпадение имен с эмиром Идиге). Ср. рассказ Шереф-ад-дина Йезди:

«Когда Тохтамыш-оглан, устроив свое войско, двинулся к нему навстречу и последовало сражение, то войско было разбито и бежало. Он (сам), обратившись также в бегство, прибыл к берегу р. Сейхун, и, из страха за (свою) жизнь, снял (с себя) одежду и бросился в реку. Казанчи-бахадур (один из главных витязей Урус-хана), преследуя его, дошел до берега реки и стрелою ранил его в руку. Перебравшись вплавь через реку, он (Тохтамыш), нагой, одинокий и раненый, зашел в лес и упал на землю и хворост. Благодаря одной из необычайных случайностей Тимур (перед тем) отправил к нему Идигу-Барласа, чтобы тот наставил его (Тохтамыша), дабы он

был храбр и мужествен в деле царства, дабы соблюдал осторожность в отражении врагов и приводил в порядок свою область. Случайно эмиру Идигу пришлось проходить ночью в том лесу. До слуха его дошел какой-то стон, и когда он (Идигу) стал доискиваться (причины его), то увидел Тохтамыша, нагого, раненого и упавшего без чувств. Он тотчас же спустился к нему и, выказав ему как следует заботу и сострадание по случаю нанесенной ему раны, снабдил его из того, что было при нем, сообразно положению его (Тохтамыша), пищею, питьем и одеждой; насколько мог, соблюл все, что составляет долг заботливости и сердечной привязанности, и отвел его к Тимуру...» (14, т. II, 147–148).

Весьма вероятно, что рассказ этот, переданный персидскими историками, уже свидетельствует о слагающемся поэтическом предании.

Идиге оставался правителем Золотой Орды и при ближайших преемниках Тимур-Кутлука – Шадибеке, его сыне Пулате (Фуладе) и Тимур-беке, сыне Тимур-Кутлука. По русским источникам Шадибек, а по персидским – Тимур-бек были женаты на дочерях Идиге. Оба эти хана пытались вступить в конфликт с всемогущим временщиком, однако успеха не имели. По монгольскому обычаю, ханами продолжали оставаться Чингизиды, но фактически, несмотря на попытки править самостоятельно, они были только ставленниками могущественного эмира. «Устраивалось дело людское по указам Идику, – писал Ибн-Арабшах. – Он водворял в султанство, кого хотел, и смещал с него, когда хотел: прикажет, и никто не противится ему, проведет грань, и никто не переступит этой черты» (14, т. 1, 472). «Правил он всеми делами Дештскими (т.е. Золотой Орды) около 20 лет» (там же, 474). Продолжатель арабской летописи Эддзехеби Шамседдин Эссахави в год смерти Идиге (1420) сообщает об этом следующее: «Умер великий эмир в Деште, Идиге, распоряжавшийся управлением Сарая и Дешт-Кипчака». «Султаны при нем носили только имя, но не имели никакого значения. Вот почему некоторые летописцы полагали, что он назывался государем Дешта» (там же, 553). Действительно, многие арабские летописцы этого времени (например, Элайни) титулуют Идиге «султаном Дештским» (т.е. государем Золотой Орды).

Клавихо называет Идиге «господином Татарии» (el senor de Tataria), «императором Татарским» (может быть, в смысле главного военачальника), наконец, – «царем Татарским». «Царь Татарский – очень могущественный человек. Он водит постоянно в своей Орде больше 200 000 всадников» (20, 341). По свидетельству другого западноевропейского путешественника, Шилтбергера, Идиге «располагал ханским достоинством и был то же, что maior domus» (23; ср. 183, Т. V, прим. 215) (maior domus – фактические правители государства при последних королях из династии Меровингов).

При султане Пулате Идиге предпринял известную по русским летописям попытку восстановить власть Золотой Орды и над великим княжеством Московским. Летописи сохранили его письмо па этому поводу великому князю Василию II, в котором он напоминает о прежней зависимости земли русской от ханов, требует уплаты дани и выдачи «детей Тохтамышевых». Осада Москвы Едигеем в 1408–1409 гг. окончилась неудачно, благодаря мужественному сопротивлению москвичей под предводительством дяди великого князя, Владимира Андреевича Храброго, и смутам, вспыхнувшим в самой Орде (выступление царевича Тимура против ставленника Идиге Пулата). Исторически реакционная попытка восстановить эксплуататорскую

власть разлагавшейся Орды над гораздо более передовыми и культурно развитыми русскими землями была заранее обречена на неудачу. Единственным результатом похода был огромный выкуп, который Идиге сумел получить с осажденной Москвы, а также грабеж и разорение ряда русских городов татарскими ордами.

Идиге правил Золотой Ордой до возвращения сыновей Тохтамыша, воспользовавшихся борьбой между сыновьями Тимур-Мелика и низложивших хана Тимура, последнего из ставленников Идиге (1412). Как сообщает персидский историк Абд-ар-Раззак Самарканди, Джелаледдин, разбив Тимур-хана, хотел захватить и эмира Идиге, осажденного в Хорезме, но вынужден был в конце концов заключить с ним мир, по которому Идиге признал его право на ханский престол и обязался прислать ему своего сына Султана-Махмуда и сестру Джелаледдина, которая имела этого сына (14, т. II, 194). (По-видимому, в соответствии с эпическим преданием, одна из жен Идиге была дочерью побежденного им Тохтамыша). При сыновьях Тохтамыша Джелаледдине, его братьях Капеке и Керимберди, Идиге, по-видимому, удалился в свой улус. Однако, согласно рассказу баварского авантюриста Шильтбергера, очевидца этих событий, он попытался еще раз выставить против сыновей Тохтамыша кандидатуру на ханский престол – царевича Чекра, вероятно, связанного с той линией Чингизидов, которую он поддерживал (23, 38–41). Попытка эта (между 1414 и 1416 гг.) успеха не имела. Чекра продержался против своих противников не более девяти месяцев (24, 153–154). По свидетельству польско-литовских источников (хроника Длугоша), Идиге еще воевал в 1416 г. с Витовтом, сжег Киев и разорил многие литовские области и лишь незадолго до смерти заключил мир со своим старым врагом. Он погиб в 1419 г. в борьбе с одним из сыновей Тохтамыша, которого арабский летописец Элайни и татарский переводчик и продолжатель «Сборника летописей» Рашид-ад-Дина (25, 150) называют, как и эпическая поэма, именем Кадир-берди. Об этом событии Элайни рассказывает следующее:

«У Тохтамыша был сын, по имени Кадир-берди, который постоянно воевал с Идике из-за царства. в этом, т.е. 822, году (1419 г.н.э.) Кадир-берди (снова) пошел на Идики; а Идике (со своей стороны) выступил против него. Встретились они, и произошли между ними бой великий и сражение ожесточенное. с обеих сторон было убито много народу; Кадир-берди (сам) был убит во время схватки, и соратники его бежали. Идики также был поражен множеством ран, и войска его также обратились в бегство. Идики бежал, предполагая, что Кадир-берди победил. Покрытый ранами, он прибыл в одно отдаленное место, спешился там и сказал одному из бывших с ним лиц: «Ступай и разведай, в чем дело; если найдешь кого-нибудь из нашего войска, укажи ему (путь) сюда. Тот отправился и, производя разведки, встретился с одним из эмиров Татарских. Это был один из сторонников Тохтамыш-хана, у которого он был старшим (эмиром). Поведал ему тот человек про дело Идики; тогда он (эмир Тохтамыша) спросил: «Где он?». Тот указал ему (путь), и он пришел к нему (Идики). Увидев его, Идики стал поносить и стращать его. Тогда тот сказал ему: «День был в нашу пользу, и мы сделали свое дело, (теперь) сделай ты все, что можешь» (букв. что бы ни исходило от рук твоих). Затем он приказал бывшим при нем людям напасть на него (Идики) с мечами, и. они разрубили его на куски» (14, Т. I, 532–533).

Ибн-Арабшах сообщает другую версию гибели Идиге: в одном из боев, вызванных возвращением сына Тохтамыша Джелаледдина, он был ранен и потонул в реке Сейхун (Сырдарья). «Его вытащили из реки Сейхун, у Сарайчука, и бросили на произвол судьбы, да смилуется над ним Аллах всевышний!» (там же, 473).

Согласно родословной Абулгази, Джелаледдин был старшим сыном Тохтамыша, Кадир-берди – его младшим, сыном. в год смерти Идиге Джелаледдин был уже свергнут с престола и убит своими младшими братьями, поэтому более правдоподобно известие эпоса и Элайни, которое называет Кадир-берди мстителем за отца и убийцей Идиге.

По казахскому народному преданию, Идиге похоронен на горе Идигетау, одной из вершин хребта Улутау (в Центральном Казахстане, Карагандинская обл.). Эта легендарная могила в старые времена пользовалась почитанием как религиозная святыня (6, 224).

Сказание об Идиге сложилось, по всей вероятности, среди тюркских кочевых племен, входивших в состав так называемой Ногайской орды. Из племен, составлявших эту орду, на первом месте называются мангыты, к которым принадлежал Идиге. Ногайская орда была, по-видимому, улусом Идиге, во всяком случае во главе ее с XV в. стояли его потомки. Ногайская орда кочевала «к востоку от нижнего течения Волги до Иртыша и от берегов Каспийского и Аральского моря до границ Казанского ханства и Тюмени». «Ногайская орда выступает как особое политическое объединение в последние годы XIV или в начале XV в., когда ее возглавляет Едигей. Ему наследовал его сын Нураддин. в дальнейшем власть оставалась в руках потомков Едигея. Орда не представляла собой чего-либо единого. у каждого из мурз – членов дома Едигея – был собственный улус. Старший между ними почитался за главного князя. Общие дела решались на съездах (курултаях)...» (26, 291).

Генеалогия потомков Идиге в истории Ногайской орды XV– XVI вв. освещена в ряде исторических источников (подробнее об этом см. ниже, 411 сл.). Во многих звеньях она совпадает с генеалогией эпического цикла. Это совпадение чрезвычайно знаменательно: оно свидетельствует о том, как прочно хранились исторические воспоминания о потомках Идиге в среде ногайского народа, чьими правителями они были на протяжении ряда поколений.

Почти все варианты поэмы об Идиге (притом не только ногайские, но также казахские и сибирские) говорят о Тохтамыше и Идиге как о правителях ногайского народа (см., например, 6, 242–244). Возможно, что в этом этническом термине сохранилось в данном случае воспоминание о политических отношениях XV в.

Кроме Тохтамыша, Идиге и их сыновей эпическое сказание называет только одного участника междоусобиц на Орде, выступающего с признаками персонажа исторического, – Джанбая (Ямбая) из рода кенегес. Возможно, что и здесь эпос сохранил память об историческом лице, о котором умалчивают арабские и персидские летописи, интересующиеся более внешнеполитическими, чем внутренними делами Золотой Орды. Среди героев казахского эпоса, объединенных в цикле «Сорок богатырей», мы находим и Жанбай-бия, его отца Кенеса и деда Ак-Жонас-батыра, из которых каждому посвящена отдельная былина.

В поэме Джанбай выступает сперва как покровитель мальчика Идиге, иногда даже как его друг, потом как эмиссар Тохтамыша, посланный за беглецом, и в конце концов приобретает типические черты коварного вельможи, изменника и перебежчика, служащего поочередно каждому победителю, – последовательнее всего в ногайской записи Н. Семенова. Джанбай первый находит пастуха Идиге и приводит его ко двору. в некоторых версиях он предупреждает его о грозящей со стороны Тохтамыша опасности, в других – сам выдает его Тохтамышу. Когда Тохтамыш

посылает его для переговоров с Идиге, которого хочет хитростью вернуть в ханский дворец, Джанбай должен выслушать поношения Идиге. Он предает Тохтамыша Нуреддину, в версии Семенова – прямо указывает последнему местопребывание беглого хана, и тот перед смертью предостерегает своего торжествующего врага против изменника. Он восстанавливает сына против отца и в конце концов предает безоружного Нуреддина в руки мстителя Кадир-берди. в варианте Семенова, заканчивающемся примирением противников, Нуреддин ставит условием своего подчинения сыну Тохтамыша казнь предателя.

В свете приведенных исторических источников борьба Идиге против Тохтамыша, являющаяся историческим зерном, из которого развилось эпическое сказание, представляется одним из наиболее ярких эпизодов в феодальных междоусобицах периода разложения Золотой Орды. Многочисленные царевичи из рода Чингиз-хана, потомки его сына Джучи, принадлежавшие к различным линиям царского рода, в принципе, по существовавшим обычаям, имели равные права на золотоордынский престол. Все они, как и представители старой тюрко-монгольской родовой знати, стремясь сохранить самостоятельность своих уделов (улусов), находились в постоянной оппозиции к центральной власти и всеми силами добивались ее ослабления. Они готовы были поддерживать на престоле Золотой Орды слабого, номинального хана, своего ставленника, но тотчас же вступали в конфликт со всяким сильным и своевластным монархом, осуществлявшим политику государственного объединения и централизации, не гнушались при этом и прямого союза с внешними врагами. Таких царевичей Чингизидов и представителей родовой знати золотоордынские ханы имели все основания держать под подозрением. Сам Тохтамыш возвысился именно таким способом при поддержке Тимура в борьбе со своим родичем Урус-ханом и его наследниками. Тимур-Кутлук, как и его отец Тимур-Мелик, был таким же претендентом на золотоордынский престол, представителем конкурирующей линии правящей династии. Идиге был связан с царевичем Тимур-Кутлуком, отцу которого служил его отец, и с ним вместе он отъехал к Тимуру, который был заинтересован в том, чтобы хан Золотой Орды был его ставленником и вассалом.

Принадлежал ли сам Идиге к родовой знати, остается неясным. Правда, «аноним Искендера» (и опирающийся на него Самарканди) называет отца его, Балтычака, главным эмиром хана Тимур-Мелика, а по «Родословной тюрков» Абулгази, отец Идиге даже породнился с Тимур-Меликом, выдав за него свою дочь, сестру Идиге. Однако, другие персидские и арабские источники ограничиваются указанием на племенное происхождение Идиге (мангыт или кунграт). Рядом с его товарищами, перебежавшими к Тимуру, угланами (царевичами) и беками (феодальными князьями), он неизменно именуется просто Идигу, Идигу-узбеком, Идигу-мангытом и т.п., а в официальном ярлыке Тохтамыша – «человеком по имени Эдигу» (Адугу атлы кіші) (17, 10) – обстоятельство, которое, может быть, указывает на то, что он не принадлежал к родовой знати. Во всяком случае, захватив с помощью Тимура власть в Орде и сделавшись ее фактическим правителем, Идиге удалось, несмотря на постоянное противодействие феодальных князей и на борьбу с самими ханами, осуществить то, чего не сумел добиться до него Мамай, – восстановить политическое единство Золотой Орды и укрепить разгромом Витовта, захватом Хорезма и походом на Москву ее военное и международное положение. Поскольку, не будучи Чингизидом, он не имел наследственных прав на золотоордынский престол, его власть единоличного

правителя страны, временщика при слабых ханах и военно-политического диктатора, могла держаться исключительно на его личных качествах и авторитете как полководца и правителя, на личном мужестве, воинской доблести и государственной мудрости как залоге его военных и политических успехов. Исторический Идиге был, несомненно, крупнейшим государственным деятелем Золотой Орды в эпоху ее политического упадка, и при нем в последний раз она выступает в истории как крупный фактор международных отношений в Восточной Европе и кыпчакских степях. Особенно ярким свидетельством этих личных качеств правителя является рассказ русских летописцев о роли Идиге как ханского советника в организации отпора Витовту накануне битвы на Ворскле. Политическая роль Идиге (как и его удачного предшественника Мамая) напоминает в этом отношении в малых масштабах роль и значение Тимура в восточной части монгольской империи, с той существенной разницей, что по сравнению с развитой экономикой и высокой культурой Средней Азии Золотая Орда, страна степных кочевников, с немногочисленным и разбросанным земледельческим и городским населением, имела гораздо меньше предпосылок политического объединения в крупном масштабе, и личные качества предводителя не могли остановить исторически закономерный процесс распада золотоордынских владений.

Таким образом, есть все основания предполагать, что эпическое сказание и поэма об Идиге сложились в Ногайской орде, которая стала улусом правителя Золотой Орды, где продолжали править его потомки. Широкое географическое распространение сказания и песни – от Крыма и причерноморских степей до Сибири и Казахстана соответствует исторической рамке, в которой происходили передвижения ногайцев-кочевников, в особенности после распада ногайского улуса в XVI–XVII вв. Значительное число ногайских племен вошло, по-видимому, в состав казахов Младшей орды, среди которых цикл сказаний об Идиге и его потомках сохранился наиболее полно. с другой стороны, и нынешние ногайцы, разбросанные в восточном Причерноморье и к западу от Каспия, хранят память о своем первом правителе. Потанин отметил, что «кундровские татары (в Астраханской губ.) считают своим древнейшим правителем Эдиге» (27, 320 сл.). По сообщению А. Маргулана, в Гурьевской области Западного Казахстана также имеется обширный род, населяющий территорию нескольких районов, который называет себя «ногайцами» (ногой), и среди них подрод, возводящий себя к Идиге (эдиге-сойи). в районе Каратау один подрод также называет себя потомками Идиге-батыра.

Арабские и персидские историки дают высокую оценку политическим успехам, достигнутым Идиге. «Аноним Искендера» говорит об установленном им порядке в государстве, тонких обычаях (тура) и великих законах (ясак) (14, т. II, 233), вызывающих недовольство феодальной верхушки. Ибн-Арабшах дает особенно сочувственную характеристику его личности и способностей как правителя: «Был он очень смугл (лицом), среднего роста, плотного телосложения, отважен, страшен на вид, высокого ума, щедр, с приятной улыбкой, меткой проницательностью и сообразительностью, любитель ученых и достойных людей, сближался с благочестивцами и факирами, беседовал (шутил) с ними в самых ласковых выражениях и шутливых намеках, постился и по ночам вставал (на молитву), держался за полы шариата, сделав Коран и сунну да изречение мудрецов посредником между собою и Аллахом всевышним». «Дни его царствования были светлым пятном, на челе веков, и ночи владычества его – яркою полосою на лике времен» (14, Т. I, 473–474).

Несомненно, еще при жизни Идиге вокруг его имени стала складываться легенда. Его личное мужество, военные успехи, авторитет как правителя, поддерживавшего единство и порядок в стране, снискали ему широкую популярность и сохранили его имя в памяти потомства. Ибн-Арабшах отражает уже в ряде мест формирование такого предания (рассказ о бегстве Идиге, о пятнадцати битвах между ним и Тохтамышем, о смерти Тохтамыша и самого Идиге). Налет устной легенды имеют и некоторые рассказы персидских историков (например, об отце Идиге). Сам Ибн-Арабшах упоминает, в связи со смертью правителя, о существовании подобных легендарных рассказов: «О нем (сообщают) удивительные рассказы и былины и чудные диковины (небылицы): стрелы бедствий, (пущенные) во врагов его, всегда попадали в цель, помышления (его были) козни, битвы (его) западни» (там же, 473). На такие же устные рассказы об Идиге ссылается и продолжатель арабской хроники Эддзехеби – упомянутый выше Шемседдин Эссахави: «О нем сообщают длинные рассказы. я встретился с человеком, который видел его, знал его деда и провел с ним несколько лет. Он рассказывал мне про него удивительные и необыкновенные вещи относительно его отваги, познаний, обходительности, умения начальствовать и величия его» (там же, 553–554).

Эпическая поэма об Идиге, отражающая эти предания, воспроизводит в сокращенной перспективе основные моменты борьбы между Идиге и Тохтамышем: бегство эмира, которого хан заподозрил в измене, к его врагу Тимуру, его участие, вместе с войсками Тимура, в походе против Тохтамыша, гибель Тохтамыша, возвращение и месть его сыновей. Однако политические мотивы борьбы, столкновение интересов партий, соперничество династий и интриги претендентов на престол не сохраняются в народной памяти. Они заменяются личными отношениями между Тохтамышем, несправедливым и жестоким ханом, и Идиге, его мудрым вельможей и храбрым военачальником, на стороне которого – народные симпатии (ср. в казахском варианте Валиханова: «Он споры кончил, неприятелей побил; Тохтамыш-хан начал жить спокойно, управлял только своим народом» – 6, 239). Личный конфликт между несправедливым ханом и его честным вассалом, типичный для эпоса феодальной эпохи (ср. историю отца Гороглы), получает не менее типичную для народного предания мотивировку: завистью приближенных хана, или преследованием отвергнутой царицы (как в библейском сказании о Иосифе Прекрасном – Юсуфе мусульманской легенды), или страхом слабого и неспособного властителя перед популярным в народе вельможей и военачальником. Историческая роль Тимур-Кутлука как претендента на престол не сохранилась в народном предании, сам великий Тимур выступает лишь в роли помощника Идиге; все внимание в эпосе сосредоточено на герое, получившем черты эпического богатыря (батыра), и даже исторические события становятся лишь звеном его эпической биографии.

Полностью выпадают из кругозора эпоса западные отношения Золотой Орды (битва на Ворскле и поход на Москву). Великодержавные претензии Идиге не сохранились в памяти народной, и историческое содержание эпоса целиком ограничивается внутренними феодальными распрями между Тохтамышем, Идиге и Тимуром.

4

В эпическом сказании образ богатыря постепенно обрастает фольклорными элементами. Легендарный характер имеют все рассказы о детстве героя,

составляющие, по всей вероятности, позднейшую часть поэмы (прозаический рассказ). Идиге в этом предании является не только другом народа, но также человеком из народа. в ранние годы своей жизни он был пастухом и возвышением своим обязан своей мудрости, обратившей на него внимание хана.

В международном фольклоре широко распространен сюжет о мудрости простого, неученого человека (пастуха или крестьянина), посрамляющего царя, его вельмож и советников. Такой простой герой нередко выступает в сказках, выполняя трудные поручения или решая головоломные загадки. в английской народной балладе «Король и аббат» простой пастух, поменявшись одеждой с ученым аббатом, решает вместо своего хозяина те трудные загадки, которые поставил ему король. Английская баллада отражает новеллистический сюжет, имеющий широчайшее международное распространение. в «Дон Кихоте» Сервантеса мудрые судебные решения простолюдина Санчо Панса также удивляют своим здравым смыслом знатное общество, избравшее его предметом своих насмешек. Рассказ о детстве Идиге является вариантом другого, сходного сюжета – о мальчике-пастухе, которого его сверстники выбирают царем, о его мудрых судах, посрамляющих царских вельмож. Сюжет этот, как показал академик А. Н. Веселовский (28, 27–31, 76–81), известен на Востоке с глубокой древности: в индийской повести о мудром Викрамадитьи, монгольской – об Арджи-Борджи, древнееврейской (библейской и талмудической) – о судах царя Соломона, в более позднее время он засвидетельствован в пришедших с Востока древнерусских сказаниях, в которых царевич Соломон, как мальчик-пастух собирает вокруг себя других мальчиков, выступая среди них в роли царя, творит суды и расправы и обращает на себя внимание своего отца мудрыми решениями спорных судебных дел.

Материалы, собранные Веселовским, как указал профессор Е.Э. Бертельс, следует дополнить иранским вариантом сказания о мальчике-судье, встречающимся в сасанидских (среднеперсидских) хрониках, где героем этого сказания является основатель династии Сасанидов Арташир. Иранское сказание получило мировую известность при посредстве «Шах-наме» Фирдоуси.

Подобно своим предшественникам Викрамадитьи, Арджи-Борджи, Соломону, Идиге в эпическом предании – тоже не простой пастух, а сын эмира, воспитанный крестьянином или бедной старухой. в этом – своеобразное противоречие народного сказания, наблюдающееся и в позднейшей поэтической биографии Гороглы: народ, с одной стороны, хочет видеть в своем герое простого человека из народной среды, возвысившегося собственным дарованием, с другой стороны, он приписывает ему высокое происхождение, иногда даже царскую родословную, оправдывающую и санкционирующую это возвышение наследственными правами. Мнимый пастух оказывается «царевичем в изгнании». На такого царевича, детство которого прошло среди простых людей (как Мурад-хан в узбекском дастане того же имени), который был воспитан простым пастухом (как узбекский Гороглы), народ возлагает свои надежды, видя в нем будущего справедливого и мудрого защитника простых людей от жестокости и несправедливости власть имущих. Такое отношение народа к Идиге засвидетельсвовано, между прочим, казахской народной поговоркой; про человека, заботящегося о нуждах народных, говорят: «эл қамын жеген Эдиге» (покровитель народа Идиге»).

Различные варианты сказания об Идиге по-разному объясняют противоречие этой эпической биографии – происхождение из знатного рода и дальнейшую судьбу как простого мальчика-пастуха: либо тем, что отец его, знатный вельможа, был казнен жестоким ханом (как и тот добросердечный родич и друг его, который спас младенца от казни); либо тем, что при рождении младенец был брошен родителями (матерью) в степи и подобран пастухом; либо тем, что отец оставил его на воспитание простым людям. различия этих мотивировок и их поверхностный характер показывают, что между двумя частями сказания, из которых сложилась биография эпического героя, искони существовала несогласованность, которая древнее, чем все попытки согласования.

Соответственно этому герой нередко имеет два имени: в своей предыстории, мальчиком-пастухом, он прозвался Койчибаем (т.е. пастухом), Кубугулом (по имени казненного вместо него сына его воспитателя Эсебия) или Рахим-берди («бог подарил»); лишь позднее, при дворе, он получает свое историческое имя Идиге (Идику, Идӯгӯ). Это имя (вероятно, монгольское по происхождению) соответственно объясняется как прозвище подкидыша, найденного или спрятанного в голенище сапога («идуг» – сапог). Все это указывает на чрезвычайную прочность традиции, согласно которой знаменитый эмир был в молодости простым пастухом и выдвинулся из народной среды благодаря своим личным дарованиям.

Рассказ об отце Идиге, сокольничем Кутлук-кия, казненном Тохтамышем за измену, отличается от другого предания, сохраненного источником историческим (анонимом Искандера), согласно которому эмир Балтычак, отец Идиге, гибнет жертвой своей преданности побежденному Тохтамышем Тимур-Мелику. в обоих случаях рассказ о казни отца мотивирует борьбу Идиге против Тохтамыша как родовую наследственную распрю. Как в сказаниях о Гороглы, сын Кулук-кия в дальнейшем становится врагом тирана, мстителем за отца, хотя в самой поэме об Идиге мотив этот не выдвигается особенно отчетливо.

С этим полуисторическим рассказом, типичным, как сюжет для жизни восточного феодального двора, конкурирует в других версиях родословная сказочная, приписывающая герою чудесное происхождение. Сказание о деве-лебеди, которая становится возлюбленной человека, похитившего во время купания ее лебединую одежду, имеет широкое распространение в фольклоре многих народов Запада и Востока (32; 591, т. 2 361). Так, в древнегерманских эпических сказаниях, засвидетельствованных в скандинавской Эдде, волшебный кузнец Веланд подстерегает на берегу озера трех красавиц, сбросивших свои лебединые одежды, и младшая, как в поэме об Идиге, становится его женой. Не менее широкое распространение имеет в фольклоре мотив брачных запретов, налагаемых такой красавицей на своего возлюбленного: ослушавшись запрета, он открывает тайну ее звериного происхождения и облика, и красавица должна покинуть ослушника. в западноевропейских сказаниях о Мелюзине, широко распространенных в фольклоре и в средневековой поэзии, рыцарь, нарушивший подобный запрет, узнает, что красавица скрывала от него свое змеиное туловище или в определенные сроки превращалась в змею. Существуют сказания того же типа, в которых запрет на стороне мужа: жена, нарушив запрет, узнает тайну звериного облика своего мужа. Так происходит уже в античной сказке об Амуре и Психее. Подобные сюжеты, как полагал акад. А.Н. Веселовский (вслед за этнографами Андрью Лэнгом и Кёлером), связаны по своему происхождению с «тотемизмом», т.е. с представлением первобытного человека о связи рода со звериным, божественным родоначальником, тотемом (29). На основании этой

связи животные определенной породы рассматриваются родом как родичи, убийство которых является тяжким преступлением. Между различными тотемистическими родами могут существовать различные брачные запреты, поэтому обнаружение принадлежности к враждебному тотемистическому роду делает брак запретным или недействительным.

Потанин записал в Северо-Западной Монголии сказание о тотемистических предках балаганских и аларских бурят, представляющее, вероятно, не случайное сходство со сказанием о предках Идиге. «В Балаганском ведомстве, – сообщает Потанин, – есть род хангин; хангины почитают своим предком лебедя; они говорят, что три лебедя прилетали на озеро, снимали с себя шкурки, обращались в прекрасных девиц и купались в озере. Предок хангинов стащил одну шкурку, когда девицы вошли в воду; две девицы, обратившись в лебедей, улетели, а одна осталась и должна была стать женой похитителя шкурки. Хангин считает великим грехом убить лебедя. о них рассказывают даже, будто они страшатся взять в руки лебединое перо. Много рассказов о том, что человек, убивший лебедя, потом пострадал. Эти рассказы есть и у других бурят…».

Вариант того же сказания у Потанина сообщает о происхождении бурятских родов харят и ширят, которые также, «считая лебедей своими предками, поклоняются им, приносят жертвы и не убивают их». Здесь героем сказания, похитителем лебединой одежды, является бурятский шаман (бö)4. Пойманная им красавица через три года находит свою одежду и покидает своего возлюбленного, оставив ему дочь и сына, которые становятся родоначальниками двух названных бурятских родов. (30, т. IV, 245).

Такое древнее тотемистическое предание о происхождении мангытов, к которым принадлежал исторический Идиге, от предка лебедя, лежит, по всей вероятности, в основе сказочной родословной этого героя. Связь с монгольским сказанием, записанным Потаниным, тем более правдоподобна, что мангыты – монгольского происхождения5. в позднейших вариантах сказания дева-лебедь заменяется красавицей-пери восточных сказок, так как пери имеют способность превращаться в голубя и снова принимать свой обычный человеческий облик, сбрасывая с себя голубиную одежду (кеб). в казахских версиях дева-лебедь монгольского сказания иногда отождествляется с живущей под водой «желтой девушкой», русалкой-албаста.

С другой стороны, влияние мусульманских представлений сказалось в позднейшей замене неведомого тотемистического предка рода (или монгольского шамана), как мужа лебединой девы, мусульманским святым Баба-Туклас, или Баба-Тукли. Существенно отметить, что в варианте этого сказания, входящем, по принципу генеалогической циклизации, в сводную былину «Сорок богатырей», родоначальником Идиге и мужем лебединой девы является не Баба-Туклас, а охотник

---

[4] В позднейших своих работах Потанин утверждал, что имя бурятского шамана, героя названного сказания, было «Ödюгю-Хогор-бö» (в переводе Потанина – «Идиге, кривой шаман») и то этот Ödюгю является мифологическим прототипом исторического Идиге, окривевшего (согласно эпической легенде) после столкновения с сыном Нуреддином. Это сопоставление крайне сомнительно, поскольку Идиге, герой эпоса, является персонажем вполне историческим. См.: В. В. Бартольд [Рец.на кн.:] Г. Н. Потанин. Сага о Соломоне. – Соч., т. IV. М., 1966, стр. 371–373.

[5] Сказка о деве-птице имеет, впрочем, и тюркские параллели: у кавказских татар («Шурале»), у чувашей (Н. И. Ашмарин. Словарь чувашского языка. Вып.V. Чебоксары, 1930, стр.284, под словом вуташ), в особенности у якутов.

Ангиш-бай, живущий в одиночестве, вдали от людей, среди гор и лесов. Этот вариант производит впечатление большей древности, чем общераспространенная мусульманская легенда. Понятно, что Баба-Туклас должен был первоначально мыслиться не как родоначальник Идиге, его «предок в девятом колене» (как говорится в ногайской версии Валиханова). Только позднее в некоторых вариантах он вытесняет в роли отца полуисторическую фигуру Кутлук-кия и становится героем сказания о деве-лебеди.

Так, в ногайской версии, записанной Ашимом Сикалиевым в 1958 г. в ауле Икон-Халк, Адыге-Хабльского района Карачаево-Черкесской автономной области, Баба-Туклас похищает лебединую одежду девы-лебедя и становится ее мужем. Родив ему сына Кутлы-Кая, она покидает его. в дальнейшем Кутлы-кая сам вступает в брак с дочерью «албаслы» (лесной женщины), которая запрещает ему смотреть ей под мышку и на ноги. Следует обычное нарушение брачного запрета, жена покидает Кутлы-Кая и подбрасывает ему новорождённого младенца – Эдиге, которого выкармливает собака. Таким образом, здесь имеет место своеобразное удвоение сказочного сюжета, приуроченного последовательно к двум поколениям предков Идиге. При этом мотив брачного запрета изымается из истории девы-лебеди и переносится во второй вариант (брак с дочерью албаслы).

Святой Баба-Туклас известен в казахском фольклоре как покровитель различных героев богатырского эпоса. Культ его приурочен к району древнего города Кумкента на северном склоне Каратау, где находится и легендарный источник этого святого. Его мазар упоминается также, как место культа в окрестностях Астрахани. Мелиоранский объясняет: «Баба Тукла Шашли Азиз (волосатый святой) в смысле «шашский» (т.е. ташкентский) святой». Это объяснение вызывает законные сомнения, но, может быть, связано с позднейшей этимологизацией. Как указал Мелиоранский, в некоторых рукописях «Идиге» Баба-Туклас отождествляется с прославленным среднеазиатским мистиком и чудотворцем Ахмедом Ясеви – Нурали называет себя «сыном», т.е. потомком, Хаджи Ахмеда Баба Тукли Шашли Азиз Баркана 6.

в других рукописных записях поэмы, прошедших через руки грамотеев, Идиге получил еще более полную и разработанную родословную, состоящую из ряда исторических, легендарных и просто фантастических имен султанов Ирана, Дамаска, Египта и др., в которой он возводится через Баба-Тукласа к одному из «повелителей правоверных», к святому халифу Абубекр-Садику, тестю пророка Мухаммеда (4, 228–229, 6, 474). Такие «ученые» родословные обычны были в правящих домах и среди знатных в мусульманских странах. Возможно, что еще при жизни знаменитого эмира делались попытки с помощью подобной родословной обосновать его претензии на роль правителя Золотой Орды.

Во всяком случае, обе родословные Идиге, ученая, мусульманская, и народная, фольклорная (тотемистическое сказание о деве-лебеди), окончательно закрепились

---

[6] Согласно сообщению А. Каратбаева (1945), Египет (Миср) и река Нил, как место действия сказания, в некоторых казахских вариантах явились результатом народной этимологии: развалины Кумкента носят у местного населения название «Мыср»« (в значении «благоустроенный город»); поблизости от них находится Красное озеро (Кзыл-Кул), в котором добывается красная глина («ніл») для покраски домов.

в Ногайской орде, где правили потомки Идиге, которые были непосредственно заинтересованы в прославлении своих предков и в легитимации своих наследственных прав.

5

Из сказочного фольклора проник в эпическое сказание и эпизод, рассказывающий о встрече героя во время его «казачества» с богатырем-великаном (алпом), похитившим дочь Са-Темира. Наличие этого эпизода в большинстве версий свидетельствует о его принадлежности к архетипу. Великан, как многие тюркские богатыри, неуязвим: он может быть убит только во время семидневного богатырского сна из своего собственного лука стрелой, которая пронзит его под мышкой, в единственное уязвимое место на его теле. Тайну великана выдает герою похищенная им дочь Са-Темира, помогающая ему совершить этот подвиг. Помощь красавицы, похищенной чудовищем (Кощеем русских сказок), как и условная уязвимость и многодневный богатырский сон, представляют распространенные сказочные мотивы.

Вставка этого сказочного эпизода в развитие повествования, в основном, по своему тону реалистичного, о феодальных междоусобицах в Золотой Орде требует объяснения. Можно думать, что он был введен в типическое сказание в качестве родословной его второго героя Нуреддина, который представлен здесь как внук по матери Са-Темира, т.е. Тимура, рожденный при чудесных обстоятельствах. Интересна с этой точки зрения заботливость эпоса о том, чтобы узаконить происхождение Нуреддина и с отцовской стороны (может быть, в этом существовали сомнения?). Делается это с помощью народных представлений о симпатической магии. Ср. в переводе Валиханова: «И облекаясь в святое супружество, лег с девушкой спать; но девушка сказала: «Прежде этого со мною уже Альп наслаждался, я помню, что в тот день эта кобыла играла тоже с этим жеребцом (т.е. с конем великана, – В.Ж.), если она не беременна, то я тоже». Кобылу выдоили, посмотрели молоко, и оказалось, что она не беременна, а холостая; «Я тоже не беременна», – сказала девушка. «То значит моя пересилит: после меня родится ребенок», – сказал Идиге, – и оставил» (6, 256 и прим.1). Этот аргумент, известный из этнографии, приводится и в ряде других вариантов: по-видимому, он был первоначальным.

В другой версии Нуреддин – сын рабыни Тохтамыша (или его сестры), прижитый Идиге в молодости во время службы при дворе. в таких случаях мальчик остается на родине, встреча его с отцом, возвращающимся для мести, носит характер опознания, притягивая к себе сюжет о поединке с неузнанным сыном (32, т. 5, № 731–2).

Первоначальное имя похитителя было Алп-Кабардин. Оно просвечивает через ряд последующих фонетических изменений или более понятных переосмыслений, историко-географических (калмыцкий хан или русский богатырь) или сказочных (сын пери, отсюда – сводный брат Идиге, который был тоже сыном пери). Исконное имя указывает на связь этого эпизода (или поэмы в целом) с прикавказскими степями, где ногайские кочевые племена издавна соседили с кавказскими горцами.

---

[7] Они – «Казыевой жены племя», пишет князь Исмаил, дядя Казы, Ивану Грозному о черкесах. См.293, ч.X, 266.

Так, на черкесской княжне был женат отдаленный потомок Идиге, ногайский мурза Казы (вторая половина XVI в.), сын богатыря Урака, воспетый в казахско-ногайском эпосе[7].

Образ Супра-джырау (первоначально, вероятнее всего, Сафар-джырау), вещего певца, мудрого советника хана и прорицателя, достигшего баснословного возраста библейского патриарха, характерен для древнего синкретизма профессии певца-сказителя и колдуна-шамана. Типологическим родственником ему представляется у тюрков-огузов полуисторический дед Коркут, а в фольклоре других народов – старый мудрый Вейнемейнен карело-финской «Калевалы». Многие казахские и каракалпакские сказители вели свою родословную через ряд исторических звеньев к легендарному праотцу кыпчакских певцов Супра-джырау, как древнегреческие Гомериды возводили свой род к Гомеру; например, в частности, старый казахский сказитель Мурун-жырау из Мангышлака, от которого в 1942–1943 гг. в Алма-Ате был записан обширный генеалогический цикл «Сорок ногайский богатырей», включающий песни о Идиге, его предках и потомках. Супра-джырау выступает в той же роли мудрого певца и патриарха своего ногайского народа в казахской поэме «Ер-Таргын», примыкающей к тому же циклу (3, ч. III, разд.VIII, №12). Богатырь Ер-Таргын, сын Эс-Терека, лицо историческое, был также отдаленным потомком Идиге.

Превращение героического эпоса в сказку, утратившую всякий реальный исторический колорит, уже отчетливо наблюдается в некоторых казахских вариантах «Идиге» записи Потанина и Диваева (последнюю уже Сатпаев сравнивает со сказками «Тысячи и одной ночи»), каракалпакской Аимбетова и в некоторых других. Наиболее характерна в этом отношении узбекская версия Зарипова, где злой хан Тохтамыш, по наущению хитрого советника Кенджабай-куса, посылает Едигея, своего батыра, за данью-выходом к калмыцкому шаху в страну Барса-Кельмес («пойдешь – не вернешься» – страна, откуда нет возврата). На пути в эту страну Идиге побеждает белого и черного дива (Ок-дев и Кара-дев), потом войско калмыцкого шаха и его «артиллерию», получает дань и руку дочери шаха, красавицы Оксулу-Паризаде. Когда он возвращается на родину, Тохтамыш добровольно уступает ему свой престол.

Таким образом, развитие эпического предания шло в направлении все большего ослабления его исторических элементов, потерявших опору в общественной действительности и исчезнувших из народной памяти вместе с породившими их историческими событиями и отношениями времен Золотой Орды и Тимура.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Chodzko A. Specimens of the Popular Poetry of Persia. London, 1842.
2. Мелиоранский П.М. Сказание об Едигее и Тохтамыше. Приложение к Сочинениям Ч.Ч. Валиханова – Зап. РГО по отд-нию этнографии, том 29. СПб., 1905.
3. Радлов В.В. Образцы народной литературы тюркских племен. Ч. 1–10. СПб., 1866–1907.
4. Семёнов Н. Туземцы Северо-Восточного Кавказа. СПб., 1895.
5. Сказание об Едигее и Тохтамыше. Каракалпакская народная поэма. Сообщение И.А. Беляева. – в кн.: Протоколы заседаний и сообщений членов Закаспийского кружка любителей археологии и истории Востока. Вып. 3. Ашхабад, 1917.
6. Валиханов Ч.Ч. Сочинения. Зап. РГО, том 29. СПб., 1904.
7. Batırlar çırı. [Песни о богатырях]. Т. 1. Алма-Ата, 1939.

[8] Диваев А.А. Батырлар. Т. 1–6. Ташкент, 1922. (На казах. яз.).
[9] Idige. М., 1937. (На каракалпак. яз.).
[10] Ozbek folklori. (Узбекский фольклор. Хрестоматия для пединститутов). Т. 1. Сост. Х. Зарипов. Ташкент, 1939. (На узб. яз.).
[11] Фалёв П.А. Введение в изучение тюркских литератур и наречий. Ташкент, 1922.
[12] Орлов А.С. Казахский героический эпос. М., 1945.
[13] Çagatay S. Die Ädigä-Saga. – Ural-Altaische Jahrbürcher, 1953, Bd. 25, H. 3–4.
[14] Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 2. Извлечения из персидских сочинений. Л., 1941.
[15] Абул-Гази. Родословное древо тюрков. Перев. Г.С. Саблукова // Изв. о-ва археологии, истории и этнографии при Казанск. ун-те, т. 21, вып. 5–6, 1905; т. 22, вып. 6, 1914.
[16] Бартольд В.В. Отец Едигея. Соч. Т. 2, ч. 1. М., 1963.
[17] Радлов В.В. Ярлыки Тохтамыша и Темир Кутлуга. ЗВОРАО, т. 3. СПб., 1888.
[18] Полное собрание русских летописей. Т. 11–14, 19. СПб., 1901–1918.
[19] Długosz J. Annales seu cronica inclyti regni Poloniae. T. II–V. Kraków, 1873–1878.
[20] Клавихо Р.-Г. де. Жизнь и деяния великого Тамерлана. СПб., 1881.
[21] Сорокин Н. Могила хана Тохтамыша. – «Тобольские губернские ведомости», № 23, 7.06.1869.
[22] Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. 5, 6, 11. Изд. 5-е. СПб., 1842–1843.
[23] Schiltberger Hans. Reisetagebuch [1394–1427], nach der Nürnberger. Handschrift herausg. v. Valentin angmantel. – Schriften des Literarischen Vereins in Stuttgart, № 172. Tübingen, 1885.
[24] Spuler B. Die Goldene Horde. Die Mongolen in Rußland (1223–1502). Leipzig, 1943.
[25] Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 1, кн. 1. М.–Л., 1952.
[26] История СССР. Т. 1. М., 1939.
[27] Потанин Г.Н. Тюркская сказка об Идыгэ. – Живая старина, 1897, вып. III–IV.
[28] Веселовский А.Н. Собр. Соч. Т. 8, вып. I, II. Пгр., 1921.
[29] Веселовский А.Н. Историческая поэтика. Ред., вступ. статья и прим. В.М. Жирмунского. Л., 1940.
[30] Потанин Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии. Т. II, СПб., 1881; т. IV, СПб., 1882.
[31] Андреев Н.П. Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне. Л., 1929.
[32] Thompson St. Motif-Index of Folk-Literature. V. 1–6 (FFC, № 106–107, 116–117), Helsinki, 932–1936.
[33] Жирмунский В.М. Народный героический эпос. Л., 1962.

П.М. МЕЛИОРАНСКИЙ

Предисловие

к «Сказанию об Едигее и Тохтамыше»

Издаваемая киргизская рукопись состоит из двадцати пяти листов форматом не более четвертки обыкновенного листа писчей бумаги (22x19 см). Переплет черный, картонный. Текстом сказания о Токтамыше и Эдиге заняты f2[b]–f 24[a] (включительно), а на первом и последнем листе помещены только кое-какие приписки, по большей части не имеющие никакого значения.

Рукопись не носит никакого киргизского заглавия, заглавие «Эдиге бий»а) дано мною.

При издании текста мы сочли за f1[b] ту страницу рукописи, с которой начинается текст сказания. в изданных под редакцией проф. Н.И. Веселовского в XXIX томе «Записок по Отделению Этнографии Императорского Русского Географического Общества» «Сочинениях Чокана Чингизовича Валиханова», стр. 223–225, мы находим следующие сведения об издаваемой рукописи: в первый раз Ч. Валиханов услышал эту былину, или, как он ее назывет, рапсодию в Амак-карагайском[1] округах в кочевьях небольшого аула Керлеум-Кыпчаков[2] от акына Джумагула в 1841 г.; первый список был сделан султаном Чингизом Валихановым со слов[3]… кыпчака Джумагула, второй сделан им же с добавлениями из устных преданий разных лиц, третий список был сделан со слов Арслан бая и, наконец, из этих трех списков Чокан вместе с Чингизом составили в 1842 г. свод, переписанный Ахмед ……, с которого по всей вероятности и был сделан перевод, помещенный на стр. 233–264 «Сочинений Ч.Ч. Валиханова». Перевод этот остался недоделанным, а потому небезупречным, хотя конечно общий ход рассказа передан правильно и многие трудные частности верно истолкованы; с другой стороны есть места, неверно переведенные (напр. Стр. 248, 252, 256, 261 и др.)[4].

Вследствие этого издаваемый ныне текст является особо ценным. Рукопись, переписанная вышеупомянутым Ахмедом, была несомненно просмотрена еще раз, по всей вероятности, Ч. Валихановым, который снабдил ее довольно большим числом поправок, добавлений и глосс чернилами и карандашом. Все, что поддалось разбору и представляло

---

[1] Вернее: Аман карагайском.

[2] Вероятно, неразобранное слово, ср. карлеуцкая (sic!)[b)] волость у киргизов, по описанию Андреева, Живая Старина 1896 вып. 3 и 4, стр. 374.

[3] Точки означают пробелы или неразобранные места в рукописи Ч. Валиханова. (Ред.)

[4] в виду некоторых пропусков и отклонений в переводе Ч. Валиханова от печатаемого нами текста возможно и то, что он переводил с какого-нибудь другого списка, напр., со второго списка Чингиза.

[5] Некоторые заметки сделаны крайне неразборчиво, другие поистерлись; несмотря на все эти поправки, текст несомненно не был еще вполне проверен и установлен Ч. Валихановым.

интерес по этой части, включено в наше издание[5]. Наиболее важна заметка на полях f 10[a], на котором и в текст внесено той же рукою несколько вариантов; заметка эта гласит: *«Солтан Чоханнынъ китабыда шу»* т.е. «так в книге (т.е. список) султана Чокана». Из этой заметки видно, что существовал еще какой-то список или версия Чокана, – не из него ли внесены вообще все варианты текста, имеющиеся в нашей рукописи?

Что касается разметок, которыми Ч. Валиханов хотел, по-видимому, изменить кое-где порядок стихов, то, к сожалению, они делались им видимо «для себя», а потому постороннему человеку очень трудно в них разобраться. Безусловной необходимости в перестановках стихов мы нигде не нашли, и, не зная, чем руководствовался Ч. Валиханов в своих разметках, предпочли напечатать текст в первоначальном порядке рукописи. Как кажется, особенно желал Ч. Валиханов исправить в этом отношении текст начала прощальной песни Токтамыша (f17[b] и f18[a]), но нам и тут не удалось проникнуть вполне в его намерения; вообще же говоря, таких разметок в рукописи очень немного. На первой странице рукописи (т.е. на лицевой стороне первого листа, незанятого текстом былины) имеется запись: Эдиге. Джиръ. 1841 года декабрь (sic!) Звериноголовская Станица. На последней странице читается (неизвестно чья) заметка «67[c]*-нчи йылында, июльнинъ 8-нчи явымында*[d] *Чынъыз-солтан авылына келип, бир ай ярымдай конак болып, сыххат*[e]*) – саламат элге кайтдык»* т.е. 67-го года, седьмого[f]) июля прибыв в аул султана Чингиза и прогостив (там) около полутора месяцев, мы благополучно возвратились к народу (т.е. домой).

Другие заметки на свободных от текста страницах и на переплете ровно никакого интереса не представляют.

Как и большинство киргизских былин, былина о Токтамыше и Эдигее «сказывается» отчасти прозою, отчасти стихами. Стихотворных отрывков (по киргизски *«жыр»* – джыр) значительно больше, чем прозы. Для отделения стихов друг от друга в рукописи употребляются особые розетки, переданные в нашем издании звездочками*. Этими розетками отделяются иногда друг от друга более значительные отделы текста, вследствие этого деление на стихи местами не вполне ясно. Как известно, народное киргизское стихосложение (особенно размер джыра) научно еще не вполне исследовано, а потому и нам не удалось всюду провести деление текста на стихи. Там, где параллелизм, одинаковость окончаний стихов и тому подобные признаки делали расчленение текста на стихи несомненным, нами были добавлены упомянутые разделительные звездочки, но кое-где мы сочли за лучшее от этого отказаться. в [ ] заключены некоторые вставки в текст, сделанные нами.

Орфография нашей рукописи оставляет желать очень многого с точки зрения не только арабско-персидской, но даже джагатайской или литературно-татарской грамотности. Однако в этом отношении мы воздержались от каких бы то ни было поправок. Как и все киргизские рукописи, наша рукопись в то же время не вполне свободна от влияния татарского литературного правописания; чисто киргизские фонетические переходы в ней не везде переданы буквами и т. п. Необходимо упомянуть отдельно об одной особенности почерка (тоже далеко некрасивого с точки зрения людей, привыкших иметь дело с «хорошими» джагатайскими или персидскими рукописями): буквы, особенно состоящие из зубчика или нескольких

---

[6] Стихи появляются не только тогда, когда герои начинают говорить, как почему-то пишет Ч. Валиханов, Сочинения, стр. 225.

зубчиков, соединяются со следующей буквой часто непрямо, а при посредстве особой, лишней соединительной черточки, которую трудно, иногда даже невозможно, отличить от зубчика. Если принять во внимание, что точки местами расставлены небрежно, а кое-где положительно являются лишними, то станет ясно, что, например, между окончаниями *«-нынъ»* и *«-ынъ»* разница местами совсем исчезает, так например, слово *«сонъ», по, после,* пишется точно *«сонынъ»* и совпадает по начертанию с родительным падежом от *«сол»*, который пишется *«сонынъ»*[g]. в подобных случаях мы прямо придерживались обычной орфографии. с другой стороны зубчики, изображающие буквы, нередко совсем не ставятся и буква изображается одними точками; в этих случаях мы также ставили надлежащие буквы полностью.

Язык рукописи также несколько отличается от чисто киргизского современного народного языка, образцы которого собраны В.В. Радловым в III томе его «Образцов народной литературы тюркских племен», стр. 1–335. Так, например, в нашей рукописи встречаются неупотребительное в народном языке деепричастие на *«-гачдан, -гечден»*, мало-употребительное (особенно в смысле будущего времени) древнее «джагатайское» будущее на *«-гай, -гей»* и т. п. Особенно интересна форма *«бугай»* (вместо *«болгай»*), много раз употребленная в f8[b]. Ввиду большого сходства всего отрывка с параллельным местом ногайской редакции «Предания от Тохтамыш-хане» (см. у Османова[7] , стр. 35), можно думать, что, по крайней мере, эта часть былины возникла именно у ногайцев и от них уже перешла к киргизам. Найдутся и еще некоторые признаки ногайского влияния, так что весьма вероятно, что и вообще родиною былины были ногайские, а не киргизские степи, что и с исторической точки зрения представляется весьма правдоподобным. Впрочем, полный анализ сказания – дело будущего, так что подобные мысли пока не более как предположения. к особенностям языка (или только орфографии?) принадлежит и окончание *«-сынъ, -санъ»* или *«-санъ»* для второго лица единственного числа будущего времени вместо обычного *«-сын»* или *«-сын»* (сын). в языке сказания встречается немало редких, вообще древних слов и выражений, а также сильно искаженных арабских и персидских слов[8] , что делает его местами трудным для понимания. Несмотря на то, что еще Ч. Валиханов немало потрудился над своим переводом, и мы в свою очередь тщательно искали объяснений различным темным местам сказания и имели удовольствие пользоваться при этом любезным содействием г. Жиганшаха Сейдалина, киргиза родом, состоявшего в 1903/4 учебном году на IV курсе юридического факультета С.-Петербургского университета, – все-таки некоторые слова и выражения остались для нас неясными. Все они, равно как и вообще различные редкие, искаженные и, вследствие этого, нелегкие для понимания слова, помещены ниже в особом глоссарии. Объяснения, при которых стоит С., принадлежат г. Ж. Сейдалину.

Связь сказания с историческими лицами и фактами, поразившая еще Ч. Валиханова, без сомнения существует и представляет большой интерес. Прежде всего

---

[7] Мы разумеем вышедшую в 1883 г. без заглавия ногайско-кумыцкую хрестоматию этого бывшего лектора турецкого языка на Факультете Восточных Языков.

[8] В этом отношении мы не можем согласиться с Ч. Валихановым, утверждавшим (стр. 226), что в целой рапсодии нет ни одного персидского и арабского слова».

отметим, что сказание сохранило нам имена многих исторических лиц, игравших роль в Золотой Орде и в нынешних киргизских степях в конце XIV в. и в начале XV в. Хан Золотой Орды Токтамыш[9] (или Тохтамыш) победою над Мамаем объединил Белую и Синию Орду в 1380 г. Умер он (или был убит) в 1406 г. Едигей[10] был одним из главных эмиров левой стороны Токтамыша; происходил он из племени Кунграт[11]. Знаменитого Тимура наша рукопись называет *Сатемир* Са Темир (*«са»* – киргизская форма персидского слова «шах» царь). Кстати: едва ли какие-нибудь турки когда-либо произносили имя *Темир* как «Тимур»; наиболее вероятные произношения: «темӯр, тимӯр», возможны «темир», и даже «тӧмур»; слово это значит «железо». Сохранено также сказанием имя одного из наиболее замечательных сыновей Токтамыша – Кадир Берди (*«Кадырберди»*, что значит «Могущий, т.е. Бог дал»). Имя это, как и многие другие слова, пишется в нашей рукописи иногда неправильно.

Имя сына Едигея, Нур-эд-Дина *Нураддин*, тоже несомненно было правильно сохранено в наиболее древних редакциях сказания, хотя в нашей рукописи оно пишется в лучшем случае *Нурадын*, а гораздо чаще *Нуралин*, *Нуралын*, или *Нуралын* [12]. в ногайской редакции сын Едигея называется *Нураьдил* (sic!) см. Османов, стр. 38; в версии, известной татарам, он называется уже «Мырадыл» («Образцы» В.В. Радлова IV т. стр. 41), в версии, записанной В.В. Радловым на Иртыше, в деревне Улу-кау, в роде Курдак сын Едигея называется «Мурâдым» (Там же стр. 128); в отрывке из этого же сказания, записанном В.В Радловым при устье Ишима, это же имя является в форме «Мыратым» (Там же стр. 198). в версии неизвестного происхождения (туркменской?), напечатанной в «Турецкой хрестоматии» И.Н. Березина, т. II , вып. 1, стр. 60–76, сын Едигея назван Нураьли (1. с. 68); в имеющейся у меня неизданной каракалпацкой версии имя сына Едигея пишется Нурадин[13] . Любопытно, что отзвуки сказания об Едигее есть и на Алтае, как видно из помещенной в I том «Образцов» песни «Мырат Пі^{h}» (стр. 200 и след.). Собственное имя «Мырат» получилось здесь, вероятно, потому, что искаженное из Нур-эд-Дина имя позднейший певец понял как Мырат + ым (т.е. местоименный аффикс 1-го лица ед. числа – «мой Мырат»). Заметим еще, что в крымских версиях имя Нур эд-Дина сохранилось наилучшим образом. Вероятно, этому способствовала популярность в Крыму титула «нур эд-дин», см. В.Д. Смирнов «Крымское ханство под верховенством Отоманской Порты», по указателю. По предположению В.В. Вельяминова – Зернова, этот титул ногайского

---

[9] Буквально значит: «остановившийся» отсюда «стойкий, постоянный» и т. п.

[10] Это собственное имя пишется различно. в нашей рукописи Эдиге или Эдигей, у арабских историков Эдиги, Эдиге, Эдикуьв и т. п. в словаре Шейха Сулеймана Бухарского приводится слово Эдикуьв с переводом «зекаьветли, фаьхмли, ферасетли» т.е. «проницательный, понятливый, острый умом», но цитаты нет, а в турецких текстах мы такого слова вообще не встречали. Для удобства мы приняли склоняемую руссифицированную форму этого имени «Едигей».

[11] См. Ибн-Арабшах по переводу В. Тизенгаузена в «Сборнике материалов», относящихся к истории «Золотой Орды», т. I стр. 457 и след. Ибн-Арабшах считает вероятно происхождение по отцу, у Абуль-Гази говорится, что отец бабушки Едигея был из ак манъытов.

[12] В киргизском народном языке вообще в заимствованных арабских словах «д» переходит между гласными в «л», см. напр. Стихи на f. 20b, 2, где вместо Нуралын правильно было бы Нураддин, а вместо «муралынъ», твое желание, «мурадынъ» ср. также III том «Образцов» В.В, Радлова, стр. 5, 11.

[13] Эта рукопись доставлена мне моим учеником студентом И.А. Беляевым. Сказание записано в селении Чимбай Аму Дарьинского отдела со слов кара калпака Бек-Мухаммеда.

происхождения и установлен-то был в память сына Едигея, Нур эд-Дина, (см. Труды Восточ. Отд. Императорского Русск. Археологич. Общ. ч. X, стр. 418).

Кроме этих пяти имен главных действующих лиц в истории и сказании, различные версии сказания содержат довольно большое количество собственных имен, которые, по крайней мере пока, не удается объяснить исторически[14]. Однако, и здесь мы во всяком случае не можем видеть плод фантазии отдельных певцов, а, несомненно, имеем дело с довольно древней традицией. Это видно хотя бы из того, что многие из этих имен (иногда в слегка измененном или искаженном виде) постоянно фигурируют в различных версиях сказания, известных и в Крыму, и в ногайских степях, и у киргизов, и у сибирских татар. Для примера мы остановимся несколько на происхождении Едигея. Исторически, насколько мы знаем, достоверно известно только то, что он был эмиром, т.е. бегом или, по-киргизски, бием Токтамыша и сыграл такую выдающую роль в истории благодаря своим личным качествам. По нашему сказанию, он был сыном «святого» *(аьвлия!) Баба Туькди Чачды Азиз'а,* и таинственного существа, какой-то девушки, обитавшей в подводном мире, с ногами, как у козы, и с таким телом, через которое под мышками можно было видеть внутренности. Сам *Баба Туькди Чачды Азиз* был сыном некоего *Баба Уьмер'а*. Большинство других редакций выводят тоже Едигея *от Баба Туькди* или *Баба Туьклес'*а, но не прямо, а через целую цепь предков, причем многие звенья цепи совпадают[15]. (См. Ч.Ч. Валиханова стр. 228–229, ногайская версия у Османов астр. 35,25, 36, 3, а также стр. 48 и версия И.Н. Березина 1. с. стр. 64). Нам кажется весьма вероятным, что певцы и рукописные сказания об Едигее в этом отношении опираются не только на устную традицию, но и на письменные памятники; вероятно, уже в довольно древнее время имелись рукописи этого сказания или по крайней мере некоторых частей его. Относительно личности *Баба Туькди* или *Баба Туьклес'*а, мы нашли любопытное указание в ногайской версии у Османова. Стр. 43, 9: сын Едигея *Нураьдил (sic!)* называет там себя «сыном» (т.е. потомком) чудотворца Туркестанского Коджи Ахмеда Баба Тӱкли Шашлы Азиза Бархаи[16]. Таким образом в ногайской версии личность *Баба Туькди* или *Баба Туьклес'*а, которая встречается и в других киргизских былинах, (напр. в Козу Кӧрпӧш, см. Турецкая Хрестоматия И.Н. Березина III, 165) по-видимому, отождествляется или смешивается с личностью известного туркестанского «святого» *Хожа Аьхмед Ясавий*, а может быть и вообще эти два лица в народных сказаниях тождественны. в одной из крымских версий, записанной В.В. Радловым в Кара су базаре («Образцы» VII, стр. 161–162), Нурадын тоже называет своим предком Чашлытӱклӱ Коджа Амета (т.е. *Хожа Аьхмед*). Действительно ли Едигей происходил из его рода или, по крайней мере, претендовал на такое происхождение, или позднейшая легенда связала имена Едигея и Ходжи Ахмеда, – этого мы пока не знаем. Известно, что Тимур чтил память Ходжи Ахмеда и велел даже выстроить ему надгробие и одно время покровительствовал Едигею; это могло быть причиною возникновения связи между этими лицами в легенде [17].

---

[14] В отдельных версиях попадаются и, несомненно, исторические имена, напр., имена золотоордынских ханов в ногайской версии у Османова, стр. 34 внизу и 35 вверху и т. п.

[15] У Ч. Валиханова выписка из Хальфина не точна, а у И.Н. Березина в хрестоматии вообще много опечаток, так что может быть сходство этих родословных в сущности еще больше, чем можно установить теперь.

[16] Подлинные слова: «Мен оьзим кереметли Туьркстанда кожа Аьхмед Баба Туькли Шашлы Аьзиз Бархаядынъ увылыман».

[17] Возможно далее, что Баба Туьклес Шашлы Аьзиз, собственно говоря надо понимать так: «Баба (или «старец») Туклас (или «Туклес») шашский святой» (т.е. из города или области Шашы). Потом уже «Шашлы» стало толковаться как «волосатый», а «Туьклес» сообразно с этим киргизы передали в «Туькди» или «Туькти» «обросший шерстью».

Во многих (особенно ногайских) версиях отец Едигея называется «Кутлу кая» или «Кутлу гая» (*Кутлукая* или *Кутлугая*). Известный Абу-ль-Гази (издание бар. Демезона, стр. 162) говорит, что прадедом Едигея был некто *Кутлыккая* из племени *ак манъыт*, у дочери которого, вышедшей замуж за *Темирбек оглан*'а, родился сын *Темир-Кутлык хан* – это и был отец Едигея. Любопытно, что в «Жизни Джингиз хана и Аксак Тимура», на стр. 84 *Кутлыкая* называется отцом Едигея, жившим в *Кумкенд (ол Кумкенде хасыл*[1]) олды), ср. наше сказание, стр. 3, по которому отец Едигея *Баба Туькди* находит его у города *Кумкент* у истока реки *Нил*. Все это свидетельствует о сравнительной древности преданий о происхождении Едигея и об их единстве в основе, хотя различные редакции его родословных и сказаний о нем и противоречат друг другу в частностях, и отличаются одни меньшею, другие большею подробностью и полнотой.

Сказание правильно передает нам в[1]) общем и ход исторических событий[18]. Едигей, находившийся первоначально на службе у Тохтамыша, возбуждает подозрения последнего и бежит к Тимуру (Са Темиру сказания), у которого находит приют и покровительство. Сказание сохранило нам даже подробность, что Едигей бежал во время пира (см. у Ибн-Арабшаха по «Сборнику материалов, относящихся к истории Золотой орды» В. Тизенгаузена, 1884, стр. 458). По Ибн-Арабшаху, Едигей подстрекнул Тимура идти войной на Токтамыша; сказание говорит лишь о походе Едигея и сына его Нур эд-Дина (Нуралина), получивших от Са Темира отряд войска; все предприятия объясняется желанием Едигея отомстить Токтамышу, причем подстрекателем к мести является Нурэд-Дин. Впрочем впоследствии исторический Едигей (по Ибн-Арабшаху) покинул и Тимура и сделался самостоятельным эмиром, причем действовал и распоряжался от лица им же самим поставленного хана[19]. Вражда его с Токтамышем продолжалась и, по Ибн-Арабшаху, они сражались пятнадцать раз (В. Тизенгаузен I с. стр. 470), причем в последнем сражении Едигей был разбит и на время исчез со сцены. Сказание, истинным героем коего является, несомненно, Едигей, обходить молчанием неудачные эпизоды борьбы его с Токтамышем. Токтамыш и союзник его Витовт были окончательно разбиты Тимур Кутлугом и Едигеем на Ворскле в 1399 году. По сказанию же Токтамыш при приближении Едигея и Нур эд-Дина (Нуралина) покинул свой юрт и бежал один. Нуралин настиг его и убил. По Ибн-Арабшаху (В. Тизенгаузен I, стр. 471) Токтамыш был убит Едигеем не в правильном сражении, а во время предательского ночного нападения, когда находился один без войска в загородной местности. Таким образом, и здесь сказание близко соприкасается с исторической традицией. Весьма возможно, что и описываемая далее в сказании ссора Едигея со своим сыном Нур эд-Дином имела место и в действительности, хотя произошла по другим мотивам, см. В.Д. Смирнов, I с. стр. 171–174. Мстителем за Токтамыша явился и по истории, и по сказанию (по большинству версий) сын его Кадир Берди. По издаваемой версии Ч. Валиханова, он ограничился только тем, что осрамил Едигея, проникнув внезапно к нему в шатер и сев на него верхом. в других версиях жертвою

---

[18] В нижеследующем мы, конечно, не имеем претензии дать полный исторический очерк взаимных отношений Тимура, Токтамыша и Едигея. Нам хотелось только указать на некоторые исторические факты и известия, нашедшие отголосок в сказании.

[19] Сказание совершенно не знает этого хана, под которым Ибн-Арабшах разумеет, вероятно, Кутлуга, внука Уруса, который играл также большую роль в отношениях Токтамыша, Тимура и Едигея к нему и друг к другу, ср. В. Тизенгаузен I. с. Стр. 472.

Кадир Берди является не столько сам Едигей, сколько его сын, убийца Токтамыша Нур эд-Дин (Нуралин, Нурадиль, Мырадым и т. д.), иногда же они оба. Едигей и Нурэд-Дин после осрамившей их проделки Кадир Берди, по нашей версии, умирают с тоски. Другие версии в подробностях сильно расходятся; наиболее часто встречающимся мотивом является эпизод, когда Кадир Берди, завладев Нур эд-Дином, сажает его на гвозди или ножи, прикрытые ковром, или заставляет его ходить по гвоздям, и при этом допрашивает о смерти Токтамыша. На допрос неробеющий Нур эд-Дин отвечает дерзко. Этот последний мотив является в нашей версии раньше: допрос Нуралина вкладывается в уста какого-то таинственного лица (может быть, впрочем, это и есть Кадир Берди?), с которым Нуралин встречается вскоре после единоборства с Токтамышем (Сочинения Ч. Валиханова стр. 260–261). Исторический же Кадир Берди погиб в битве с Едигеем в 822 г. Г[k)]. т.е. в 1419 году; в этом же сражении был ранен и затем потонул в Сейхуне (Сыр-Дарья) и сам Едигей. Впрочем, Ибн-Арабшах, аль-Айни и Дженнаби расходятся в описании обстоятельств их смерти (В. Тизенгаузен I с.стр. 473, 532 и 538).

Мы думаем, что сказание об Едигее и Токтамыше сложилось давно; вероятно, даже и певцы слагали отдельные песни о них еще во время их жизни. Как мы заметили выше, полный анализ его – дело будущего; предварительно следует собрать, издать и перевести все пока не известные версии, какова, например, имеющаяся у нас каракалпацкая, установить точно район распространения этого сказания, подвергнуть сравнению все эти версии и т. д.[20] . Однако, и теперь уже не трудно заметить, что наряду с историческими реминисценциями, которых, несомненно, больше, чем мы пока отметили, в сказание вошли и многие другие элементы и мотивы, более или менее хорошо знакомые тюркологам или вообще фольклористам. Отметим брак легендарного отца Едигея Баба Тўктў с девушкой из подводного царства, с козьими ногами и телом с просвечивающими внутренностями[21], на которую муж не должен смотреть, когда снимает сапоги или рубаху под страхом, что она должна будет его покинуть. Кто не узнает здесь мотива Мелюзины? Далее мудрые решения, постановляемые Едигеем в детстве, несомненно, напоминают рассказы о необыкновенно умных детях, существующие у очень многих народов; одно дело, решаемое Едигеем (спор двух женщин о ребенке), есть прямо известный суд Соломона в киргизской одежде. Эти или подобные рассказы о мудрых решениях Едигея в некоторых версиях (напр. у Османова и Березина) переносятся из рассказа о детстве Едигея в гораздо более позднее время ссоры его с сыном и изгнания. в содержании переговоров с Едигеем Кенг Джанбая, который старается прельстить его роскошною жизнью при дворе Токтамыша и побудить снова вернуться в его орду (см. Чокан Ч. Валиханов, Сочинения стр. 247–252), можно найти любопытнейшее сходство с беседою Чингиз хана с ноянами *боржы, боргыл* и сыновьями Хубилая, о которой мы читаем еще у Рашид эд-Дина (Труды Восточного Отделения Императ. Русск. Археологич. Общ.ч. XV, стр. 193–194). Устами

---

[20] Наиболее полные и близкие к истории версии собраны пока у ногайцев. Между прочим, по ногайской версии (Османов, стр. 48), Едигей умирает от ран в сражении с Кадир Берди, а последний, расхворавшись во время этого подхода, умирает на пути в Крым. Сибирские версии сохранили некоторые древние элементы сказания, напр. легенду о происхождении имени Едигея, основанную на созвучии этого имени со словом «*этик, эдик*» сапог (Образцы В.В. Радлова IV стр. 28 и 127), но в общем не так полны и менее «историчны».

[21] В некоторых киргизских народных произведениях такие существа носят название «албасты».

Едигея говорит как бы Чингиз хан. Некоторые числовые данные нашего сказания, несомненно, традиционны и также часто встречаются и в других турецких народных памятниках. Так, например, за Едигеем Токтамыш посылает в погоню *девять* человек (вспомнить хотя бы счет у киргизов на «тогузы» т.е. девятки); уйдя от Токтамыша, Едигей находит себе сначала *семнадцать* сторонников, т.е. столько же, сколько еще по орхонским надписям (VIII-го века по Р. Х.!) было в начале восстания против китайцев у Ильтереса (см. у нас «Памятники в честь Кюль Тегина» стр. 66); у похитителя дочери Са-Темир-хана Кабантын-Алыпа, которого впоследствии убивает Едигей, чтобы жениться на его жене, *сорок* кошчиев[22] ; сам этот Кабантын – Алып погружается в сон, как многие персонажи киргизских былин и сказок, через семь дней на восьмой. Эпизод с сыном Едигея Нуралином, когда он, играя в бабки, повреждает ногу старику и тот упрекает его за то, что он занимается такими пустяками, а не помышляет о мести Токтамыш хану напоминает подобный эпизод с Козу Кӧрпӧш и обиженной им старухой[23] («Образцы народной литературы тюркских племен» В.В. Радлова, т. III стр. 223). Когда читаешь о споре Нуралина с Токтамышем о том, кому из них стрелять первому, то невольно вспоминаешь соответствующее место из Ер-Таргына «Образцы» В.В. Радлова, т. III стр. 127–128); в обоих случаях первый выстрел предоставляется старшему по летам.

Если бы мы захотели остановиться на разборе отдельных оборотов речи, эпитетов и т. п., то число пунктов соприкосновения нашего сказания с разными другими произведениями турецкого народного творчества еще значительно увеличилось бы. в настоящее время далеко не во всех этих случаях можно установить, какие из всех этих элементов существовали в народной турецкой литературе еще до создания нашего сказания, какие, наоборот, именно из этого сказания были заимствованы и перенесены в позднейшие былины и песни (что тоже возможно), но во всяком случае народность, популярность их не подлежит никакому сомнению.

По богатству данных для суждения о «народном духе» киргизов и вообще кочевых турков и по своим поэтическим достоинствам это сказание представляет большой интерес, и притом, смеем думать, не для одних только специалистов по туркологии.

Известные нам версии сказания об Едигее и Токтамыше:

1) Киргизская версия, помещенная в Сибирском Вестнике Спасского за 1820 г., ч. X, стр. 189–204. Очень короткая, неполная и спутанная версия, вместо Токтамыша – Са-Тимир и т. п.; стихов почти нет.

2) Переводы ныне издаваемой нами киргизской версии (Сочинения Ч.Ч. Валиханова стр. 233–264, там же стр. 223–233 ценные заметки и варианты).

---

[22] Столько же и у каракиргизского богатыря Манаса. «Кошчы» обозный, слуга при караване, вошло и в древнерусский язык в форме «кощей» (кощей, кощий), см. о нем «Известия отдел. руск. яз. и словесн. Академии Наук» 1902, т. VII, кн. 2 стр. 290–293. Эпизод с освобождением дочери Са-Темир-Хана от Кабантина (или Кабардина и т. д.) встречается во многих версиях. Имеет ли он историческую подкладку, мы пока не знаем.

[23] В понимании этого места сказания об Едигее я расхожусь с Ч. Валихановым (см. текст стр. 28 и перевод, стр. 257).

3) «Эдигей» (Сочинения Ч.Ч. Валиханова стр. 265–273). По содержанию и некоторым заметкам Ч.Ч. Валиханова (напр. на стр. 266: учкибас – то, что у киргизов «тӧр»), можно думать, что это – одна из ногайских версий.

4) «Ногайское предание о Тохтамыш хане» в ногайско-кумыцкой хрестоматии Османова, стр. 32–49. Османов располагал несколькими списками, из которых выбрал, что ему понравилось. Опечаток порядочно, и, ввиду отсутствия перевода или хотя бы глоссария, не все подробности ясны, что очень жаль, так как это – одна из самых полных и интересных версий.

5) Четыре версии, записанные В.В. Радловым в Крыму, см. «Образцы народной литературы северных тюркских племен» часть VII, 1896. Особенно важны близко подходящие к ногайской, довольно полные версии на стр. 99–122 и 154–165; две другие версии представляют отрывки, из коих более интересен отрывок на стр. 198–201 (подробности об отце Едигея и детстве его). Текст, как вообще у В.В. Радлова, в транскрипции, перевода же пока нет. Печатается под моей редакцией перевод всего VII тома Н.З. Бравина.

6) «Рассказ о Тохтамыш хане» – Турецкая хрестоматия И.Н. Березина т II, вып. 1, стр. 60–76. И.Н. Березин выдает эту версию за туркменскую, в чем, однако, позволительно усомниться. Небольшой отрывок под заглавием «Идиге» помещен в той же хрестоматии, том III, стр. 228–234. Он близок к стр. 12, 3 по стр. 15, 8 издаваемого нами текста Транскрипция И.Н. Березина мало удовлетворительна.

7) Три сибирские версии в IV томе «Образцов народной литературы тюркских племен» В.В. Радлова, стр. 27–45, 127–136 и 195–204 с немецким переводом; последняя версия не более как небольшой отрывок.

8) Каракалпакская версия. Записана в Чимбае моим учеником студентом И.А. Беляевым и обрабатывается им.

ПРИМЕЧАНИЯ [1]

[a] Эдиге бий – цитаты, антропонимы, топонимы и т. д. даны в тексте П. Мелиоранского на языке оригинала на арабской графике. в настоящем издании для удобства читателей они даются курсивом на современном ногайском алфавите.

[b] (sic!) – латинское слово, обозначающее «так!», «именно так!». П. Мелиоранским использовано для указания на неправильно (необычно) написанное или необъяснимое слово.

[c] 67 – «собственно арабские» цифры заменены арабскими цифрами, используемыми в Российской Федерации, и выделены жирным шрифтом.

[d] явым – день (арабск.).

[e] сыххат – здоровье (арабск.).

[f] седьмого – в оригинале восьмого *(8-нчи)*.

[g] сонынъ – здесь и далее по тексту отдельные слова, имена героев эпоса, аффиксы и падежные окончания, приведённые П. Мелиоранским в качестве примеров, имеют различные варианты написания на арабской графике, но при передаче кириллицей пишутся одинаково.

[h] Пі – князь (соответствует ногайскому «бий»).

[i] хасыл – арабское слово означающее: результат; польза; образующийся, появляющийся. в устной речи произносится как «асыл» и, поэтому, слилось с другим арабизмом – «асыл»: корень, основа, происхождение.

[j] в – исправлена опечатка: в оригинале «с».

[k] Г – гиджры (хиджры).

---

[1] Примечания Т. Джемакулова

ГЛОССАРИЙ [Мелиоранский П.М.]

Аптаркы[a)] — **22**[b)], **18**[c)] в тексте написано раздельно **ап таркы** – волнение, взбудоражка (С.). Стих неясен.

Ыбыи-сыбыи — **18**, 3 С. сообщил нам, что это звукоподражательное слово для обозначения шёпота.

Арбанъ — **17**, 12 и **18**, 15 С. знает глагол **арбанъда**, которым обозначают ход лошади, когда она впопыхах не знает, с какой ноги начать. Судя по этому **арбанъ** должно бы значит «переминающийся с ноги на ногу». Описание аргамаков, заключающееся в этом слове и следующих за ним, было неясно и Ч. Валиханову, см. у него 248, 5 и 249, 8.

Алпастап — **38**, 12 по переводу *Ч. Валиханова* от **алпастамак** лелеять. в тобольском наречии есть слово «албастак, *даром, бесцельно*».

Учан — **8**, 20 и **17**, 10 Перевод Ч. Валиханова «неперелетимое *(sic!)*, огромное, неперелетное» (стр. 239, 248 и 249) едва ли правилен. С. предложил читать «ÿшÖн», сообщив нам, что так называются три моря, омывающие вселенную. Едва ли, однако, не лучше понять **учан**, как «судно корабль, лодка».

Учыгып — **18**, 12 Вероятно от глагола **учыкмак**, *выскочить* (*о прыщике и т. п.*), но в словарях находим только **учык**, *пузырьки, прыщики* и т. п.

Окыя — **14**, 11 По всей вероятности это – испорченное арабское **вакый'а**, в значении, которое мы находим в словаре Дози: «Vision, qu'a le soufi quand il est entre la veille et le sommeil[d)]». По нашему контексту: «пророчество, откровение, ясновидение».

Оькил — **12**, 18 крик, пение, стон. ср. у Л. Будагова глагол **оькилдемек**, *кричать со слезами и дрожащим голосом, рыдать.*

Ойлыкты — **24**, 6 от **ойлыкмак** *призадуматься* (С.).

Бастыр — **31**, 16 кошма, образующая стену шатра (кибитки). (С.).

Баттавык — **34**, 16 низкое топкое место, прибрежье (С.). Вероятно в связи с глаголом **батмак**.

Баялыч — **23**, 14 какое-то растение (переводы *Ч. Валиханова*, стр. 253).

Байып — **12**, 6 испорченное персидское слово **паяб** брод. Выражение **байыбына бармады** «он не пошел по его броду» значит «он не согласился с его доводами, словами» и т. п.

Божыган — **21**, 10 по переводу *Ч. Валиханова* (251) «полынь». Нам это слово неизвестно.

Бурылчадан — 21, 11 от **бурылчы** или **бурылча**, *любящий, заворачивать*, с норовом. в параллельном месте у Османова (стр. 47, 8) стоит **бурылша**.

Боьктерлей — **21**, 9 по объяснению С. «спеша», т.е. как бы от глагола **боьктерлемек**, *Ч. Валиханов* перевел всю фразу: «Я возвращаюсь в мои родные горы». в имеющейся у меня каракалпакской версии Нур эд-Дин говорит, что он родом из **Боьктер коьли авыр**.

Булкыган — **2**, 11 судя по глоссе, *Ч. Валиханов* понимал это слово как *«блестящий»*. С. предложил «гибкий». Может быть сродни приводимому в словарях «былкымсак, *кокетливый*».

Бувырчын — **31**, 5 по контексту скорее всего «верблюдица». в джагатайском есть слово **борчын**, означающее самку разных животных и птиц. С. – «молодой верблюдец-самец».

Бийдамак — **5**, 8 = персидск. **бидамаг**, *не имеющий претензий на что, свободный, беззаботный от чего.*

Тоьс арчынды — **16**, 4 = **тоьс арсынды 20**, 10 Ч. Валиханов переводит «полногрудая». Буквально «с аршинною грудью»? С. говорит, что слышал выражение в применении к замужней женщине в полном расцвете. в одной ногайской поговорке о дочери богача говорится «тӧс арсыллы».

Туьгей — **15**, 12 Ч. Валиханов переводит «заводная» (лошадь) в смысле «запасная, служащая на подставу». На стр. 257, примеч. 4 он передает то же выражение через «парный»; ср. алтайское слово «тӧӧй, тӧй», равный, одинаковый, чет, парный.

Жапырала[e)] — **34**, 6 судя по контексту значит «озеро». Может быть вместо конечного «ла» лучше читать «лар» (примета множеств. числа). Текст вероятно испорчен.

Жакталы — **8**, 18 = **жакталы 17**, 8 по переводу Ч. Валиханова «с вышивкою» или «вышитые». Слово **жакта**, вышивка нам вообще неизвестно.

Чарып — **31**, 16 в сочетании **чарып келмес**, вероятно, значит «не погнется», см. словарь Л. Будагова I455.

Чаьвлиж — **22**, 15 по контексту, как кажется, какой-то ударный инструмент, которым подают сигнал.

Чорама[f)] — **31**, 11 прислужник, дружинник (С.).

Чуьйгин — **37**, 17 свеже-выросший (о траве). Может быть в связи с глаголом **чуьймек**, *метать, спускать (сокола)*. Ч. Валиханов едва ли правильно перевел **чуьйгин** чоьп через «пахотные нивы».

Сахар — **31**, 12 эпитет верблюда мерина; значение неясно; С. предложил читать **сар** = **сары**, *желтый*.

Сырпай — **38**, 19 – эпитет кулана. По начертанию близко к персидскому **ширпай** *с ногами как у льва*. В.А. Жуковский предложил нам читать **сымапай** *с ногами как ртуть*.

Сынъыллдасып — **18**, 4 несомненно от корня **сынъ** *стук, звон, визг и т.* п. + суффикс «ылда» и суффикс взаимного залога «с». Мы переводим по контексту «хохоча друг с другом».

Суп	**14**, 6, 7 и 8 высокий, длинный, тонкий.
Супрасын[g]	**14**, 7 по толкованию С. «чисто-выметающий» в значении «говорящий всю подноготную, все начисто».
Сылыкды	**24**, 7 С. сообщил нам, что есть глагол **сылыкмак**, *соединиться, совокупиться.*
Капия	**13**, 2 по всей вероятности искаженное арабское **хуфия** в смысле чего-то непонятного темного, скрытого и т. п.
Кыдыравды	**22**, 1 и ниже **22 кыдырады**, 3 по переводу Ч. Валиханова «шутя, часто». С. Перевел нам «не особенно напрягаясь». Вероятно в связи с глаголом **кыдырмак**.
Казылгак	**23**, 13 выбоина; место, размытое дождем.
Косалыктап	12, 8 ставя парами? от незначащегося в словарях глагола **косалыктамак.**
Кувчык	**34**, 15 узкий (о заде лошади, о груди человека). (С.).
Кувыртып	**17**, 12 = **18**, 16 **кувыртып**, С. переводит «стремясь», хотя нам это представляется несколько сомнительным. См. **Арбанъ**.

ПРИМЕЧАНИЯ[1]

[a] Аптаркы – слова глоссария даны П. Мелиоранским на языке оригинала на арабской графике. в настоящем издании для удобства читателей они даются на современном ногайском алфавите.
[b] 22 – пагинация арабографического текста эпоса выполнена «собственно арабскими» цифрами, поэтому в глоссарии номера страниц, на которых напечатано соответствующее слово, даны П. Мелиоранским теми же цифрами. в настоящем издании «собственно арабские» цифры глоссария заменены арабскими цифрами, используемыми в Российской Федерации, и выделены жирным шрифтом.
[c] 18 – после запятой указывается номер соответствующей строки.
[d] sommeil – приведённая цитата переводится как «видение, которое посещает суфия в состоянии между явью и сном».
[e] Жапырала – следует читать: «жапырыла[ды]» (окончание «-ды» в тексте присутствует).
[f] Чорама – должно быть «чора».
[g] Супрасын – следует читать: «Супра сын[ды] (сынлы)» (аффикс «-ды» в тексте прису-тствует).

[1] Примечания Т. Джемакулова к глоссарию

Е.М. МЕЛЕТИНСКИЙ

Кипчакский эпос о ногайских богатырях[1]

Ногайцы в фольклоре многих тюркских народов кипчакского происхождения предстают как, своего рода, эпическое племя, наподобие нартов у осетин и абхазо-адыгских народов. При этом исторические воспоминания о Ногайской орде оттесняются более поздними политическими отношениями эпохи калмыцких войн, и даже борьба против кызылбашей, т.е. персов (имеются в виду, в частности, захватнические походы Надир-шаха XVIII в.).

Ряд относительно небольших казахских и отчасти каракалпакских поэм в самой общей форме воспроизводят эту многослойную историческую «обстановку», а их основные мотивы, не говоря о стилистической структуре, в сущности, традиционны и весьма архаичны: рождение богатыря у бездетных стариков по молитве святому, перипетии героического сватовства, выбор и выращивание коня, который затем оказывается главным помощником богатыря, совершение первого подвига в детском возрасте и т.п. Но, по сравнению с архаической эпикой алтае-саянских народностей, здесь представлены более сложные и напряженные человеческие отношения героя с женой или влюбленной в него калмыцкой царевной, с побратимами и союзниками, иногда проявляющими зависть и тайное недоброжелательство. Герой и его конь наделены необычайной силой, но не меньшее значение имеет великодушие с друзьями и врагами, верность роду-племени и богатырской чести, что иногда сопряжено со страданиями, требует исключительной выдержки.

Популярна у казахов и каракалпаков поэма о ногайском батыре из рода каракыпчаков – Кобланды (Коблане), женатом на мудрой Кортке, выпестовавшей для мужа сказочно-могучего коня Бурыла. в казахской поэме Кобланды собственноручно побеждает калмыцкого хана Казана и захватывает его город и население, но сам (в состоянии сна и опьянения) попадает в плен к Кобикты-хану, откуда затем освобождается, благодаря помощи влюбившейся в него дочери Кобикты – царевны Карлыги. Затем Кобланды, пользуясь советами Кортки, побеждает хана Алчагира, захватившего за это время его семью и народ. Борьба с иноплеменниками осложняется коварством недостойного богатыря, завистливого Карамана, втягивающего Кобланды в опасный поход и пытающегося одновременно погубить его, отнять Карлыгу и т. д. с поэмой о Кобланды у казахов связана поэма о ребенке-богатыре Ер-Саине, его совместном походе с Кобланды, о смерти и воскрешении. в каракалпакской версии отсутствует Казан-хан, а Кобикты имеет черты чудовища-дива; Караман там – брат Кортки и верный друг Кобланды, а роль

[1] Печатается по тексту: История всемирной литературы. т. 3, М., Наука, 1985, стр. 586– 587

тайного врага и гонителя передана Акша-хану, которого Кобланды в финале поэмы убивает в единоборстве.

В казахской былине об Ер-Таргыне выведен ногайлинский богатырь, побеждающий в поединке калмыцкого хана Дамбаула и единолично, так же, как Кобланды, истребляющий его семитысячное войско. Но главный интерес поэмы не в этом воинском подвиге, а в таких эпизодах, имеющих героико-романтическую окраску, как женитьба Таргына на Ак-Жунюс, дочери Акша-хана (старый богатырь Карт-Кожа уступает ему девушку, хотя победил его в поединке). Героико-романтические, сказочные элементы есть и в поэме о бедном богатыре Камбаре, доставляющем своей охотой пищу многочисленным родичам, и потому вынужденном отвергнуть любовь красавицы Назым. Только после победы над калмыцким ханом Карамашем, творившим насилие над ногайлинцами и добивавшемся Назым, Камбар соединяется с возлюбленной.

О юном богатыре Шура-батыре (рожденном по молитве бездетного таминца, вынужденного покинуть Казан, где его срамили за бездетность и пытались отнять коня) рассказывается, как он успешно воевал на стороне ногайлинцев против айракдинцев, а затем и против калмыцкого хана и, как, наконец, с триумфом вернулся в город Казан. Возможно, что Шура имеет исторический прототип в лице упомянутого еще Н.М. Карамзиным некоего Шора из Крыма, который был убит в Казанском ханстве в 1546 г.; а его братья были убиты в 1552 г. при взятии Казани Иваном Грозным. Академик А.С. Орлов сближает со сказаниями о Шоре и повесть о Чюре Нарыковиче в «Казанском летописце» XVI в.

Наряду с поэмами о ногайских богатырях, историческая основа которых гипотетична, имеется цикл сказаний и поэм (в частности, казахский эпический свод «Сорок богатырей»), историческая основа которых, подмеченная еще Чоканом Валихановым (XIX в.) и подробно изученная В.М. Жирмунским, несомненна. Этот цикл посвящен ордынскому мурзе Идиге (Едигею русских летописей) и его ближайшим потомкам – князьям Ногайской орды XV– XVI вв. (Нурадин, Мусахан, Орак и Мамай, Исмаил, Жангбурши, т.е. Ямгурчи, Агис и др.). Известная из русских летописей внешнеполитическая деятельность Идиге, в том числе война с Витовтом в 1399 г. и поход на Москву (1408–1409), в эпосе не получила никакого отражения. Историческое зерно сказаний об Идиге – его распри с золотоордынским ханом Тохтамышем. После ссоры Тохтамыша с могучим среднеазиатским властителем Тимуром и изгнания Тохтамыша (1395 г.) Идиге был фактическим правителем Золотой орды долгое время, вплоть до того, как сыновья Тохтамыша вынудили его бежать в 1412 г. в свой Ногайский улус, где он через восемь лет был убит во время сражения с одним из них.

Борьба Идиге и Тохтамыша трактуется в духе фольклорного мотива о несправедливом преследовании злым царем верного и благородного вассала (ср. отношения Сида с Альфонсом VI в испанском эпосе и т.п.). в казахской версии Тохтамыш стал преследовать Идиге после того, как жена предсказала ему, что предназначение Идиге выше его собственного, что Идиге разделит и взбунтует народ. Тохтамыш безуспешно пытается отравить героя, подсылает богатырей отрубить ему голову, но мудрая предусмотрительность Идиге и внушаемый им страх разрушают все козни.

Разумеется, вразрез с историей, сам Идиге спасает дочь Сатемира (Тимура!), женится на ней, и она-то и становится матерью Нурадина. Когда Идиге с сыном

возвращаются в страну ногайцев, то Тохтамыш уступает власть и в элегической песне прощается со своим народом, его дочери достаются Идиге и Нурадину. Пребывание одной из дочерей Тохтамыша в гареме Идиге подтверждается историческими данными, но ссора Идиге с сыном летописными источниками мотивируется иначе. Нурадин затем убивает Тохтамыша (подлинные обстоятельства смерти Тохтамыша неясны). Кадырберди-хан мстит за отца Тохтамыша (в действительности им был убит Тохтамыш). Он так унижает Идиге и Нурадина, что те умирают от горя. Таким образом, основная часть эпоса об Идиге оказывается историческим преданием, преображенным фольклорно-поэтической фантазией (спасение от алыпа – великана – Кабантина, дочери Сатемира, для чего Идиге превращается в желтого пса; черная старуха с вороньими ногами, оберегающая Тохтамыша; сверхъестественная сила и мудрость Идиге, с помощью которых он избегает смерти, и т.д.). Чисто сказочной является вступительная часть о рождении и детстве Идиге: он потомок мусульманского святого Баба-Тукласа и лебединой девы (популярный сказочный сюжет о чудесной жене и ее потере из-за нарушения табу), детство провел в бедности, пастушонком, проявляя при этом мудрость в разрешении споров (ср. суды царя Соломона, викрамы и т.п.).

В поэме «Орак и Мамай» повествуется о раздорах среди потомков Идиге, потрясших Ногайскую орду в XVI веке. Сын Муса-хана Исмаил (исторический союзник Ивана Грозного) убивает своего брата Орака. По русским летописным данным Исмаил убил брата Юсуфа из-за различия внешнеполитической ориентации. Орак же (исторический племянник Исмаила) был убит еще раньше при обстоятельствах, оставшихся неизвестными.

А.И-М. СИКАЛИЕВ (ШЕЙХАЛИЕВ)

Ногайский героический эпос[1]

Из Введения (с. 3–55)

Эпос – самое значительное творение духовной культуры ногайского народа. Он, как и эпос других народов, отражает, конечно, в своеобразной художественной форме, исторический путь народа – его трудовые и военные дела… в ногайском эпосе, как нигде, проявился национальный дух народа, его житейская мудрость: обнажилось героическое прошлое ногайцев. Ни в каком другом жанре фольклора поэтический дар ногайского народа не проявился с такой силой, как в эпосе.

Главными жанрами ногайского эпоса являются богатырские поэмы *(баьтир йырлары)* и лирические дестаны *(ашыклык дестанлары)*. Как героический, так и лирический эпос ногайцев насчитывает в своем составе десятки поэм, совершенно не связанных друг с другом сюжетно.

В настоящее время из уст народных певцов записано около сорока масштабных произведений ногайского эпоса.

Собирание произведений устного народного творчества ногайцев в дореволюционной России, к сожалению, началось тогда, когда абсолютное большинство ногайцев покинуло пределы России. Естественно, что записанные материалы ни в коей мере не отразили всего богатства и разнообразия ногайского фольклора.

Ногайским поэтом Али-беком Шараповым у астраханских ногайцев в 1830 году были записаны и сообщены А. Ходзько первые образцы устного народного творчества ногайцев. Богатырский эпос «Эдиге» А. Шараповым и А. Ходзько был переведен на персидский язык, затем на английский язык и издан в Лондоне в 1842 году (1). Следует сказать, что эпическая поэма «Эдиге» раньше всех и больше всех ногайских поэм привлекла внимание дореволюционных исследователей. Это объясняется чрезвычайно широким ее бытованием как среди самих ногайцев, так и среди многих тюркоязычных народов нашей страны.

Сложившись в Ногайской орде (2), эпос «Эдиге» получил широкое распространение среди казахов, каракалпаков, узбеков, крымских татар и тюркских народов Сибири (3).

С другой стороны, повышенное внимание тюркологов к эпосу «Эдиге» объясняется насыщенностью последнего историческими фактами из истории внутренней жизни Золотой Орды в период ее распада.

---

[1] Печатается по изданию: Сикалиев А.И-М. Ногайский героический эпос. Черкесск 1994. Научный и справочный аппарат адаптирован для настоящего издания.

...До революции были опубликованы несколько вариантов поэмы «Эдиге», записанные от ногайцев. Надо сказать, что в руки А. Ходзько попал далеко не полный вариант эпоса «Эдиге», с позднейшими вставками религиозного характера. «Эдиге» был издан в Англии, а в России, видимо, об этом никто не подозревал, пока в 1885 году на страницах газеты «Кавказ» об этом не сообщил Н. Гулак. в 50-х годах XIX века другой вариант «Эдиге» записал у ногайцев казахский просветитель Ч. Валиханов. Однако, запись Ч. Валиханова увидела свет только в 1904 году, спустя 39 лет после его смерти (4).

В 1883 г. в Петербурге вышел сборник «Ногайские и кумыкские тексты»(5). в этот сборник вошли поговорки, песни и исторические предания, собранные у ногайцев Северного Кавказа и у кумыков Дагестана преподавателем Восточного факультета С.-Петербургского университета Мухаммедом Османовым. Сборник Османова напечатан арабским алфавитом и в настоящее время является библиографической редкостью. Он выпущен в Петербурге в ограниченном количестве экземпляров без всякого заглавия и предисловия. в сборнике 174 страницы. Из них 105 страниц занимают тексты ногайских поговорок, песен и богатырских поэм.

Из богатырских поэм в сборник вошли «Нарик и Шора батыр», «Предание о Тохтамыш-хане», «Предание о Мирзе Мамае», «Предание об Адил-Солтане», «Предание об Арю Амеде сыне Айсыла», «Предание об Эсен-Булате».

Песни и поэмы ногайцев, вошедшие в сборник Османова, за исключением «Предания о Тохтамыш-хане» и «Предания об Арю Амеде сыне Айсыла», были записаны и опубликованы впервые. Книга Османова ценна и в том отношении, что ногайские тексты опубликованы не в переводе, а в оригинале.

В 1905 г. профессор С.-Петербургского университета П.М.Мелиоранский, перечисляя все известные версии «Сказания об Едигее и Тохтамыш-хане», коснулся ногайской версии, записанной Османовым: «...Османов располагал несколькими списками, из которых выбрал, что ему нравилось. Опечаток порядочно, и, ввиду отсутствия перевода или хотя бы глоссария, не все подробности ясны, что очень жаль, так как это – одна из самых полных и интересных версий»(6).

В 80-х годах XIX в. у дагестанских ногайцев Н. Семенов записал еще одну версию эпоса «Эдиге», сделал прозаический перевод на русский язык и под названием «Яммай» опубликовал в газете «Кавказ».

В книгу Н. Семенова «Туземцы Северо-Восточного Кавказа» вошел опубликованный им в газете «Кавказ» вариант эпоса «Эдиге» в русском переводе. в эту книгу вошла также статья Н. Семенова об этой поэме.

Надо сказать, что статья Н. Семенова, несмотря на ряд достоинств, не свободна от некоторых ошибочных и противоречивых утверждений. Так, упоминание в эпосе «Эдиге» золотоордынского хана Тохтамыша заставило Семенова объявить эпос монгольским (6). Но тут же, говоря о манерах исполнения этих песен, автор статьи пишет: «...сами ногайцы сопровождают или предпосылают пению исторических **своих песен** (выделено нами – А.С.) рассказы, которыми песни и объясняются и связываются между собой»(6). Говоря о характере героев эпоса «Эдиге» Н. Семенов заявляет: «...все, чем характеризуются в песнях обычаи, верования, вкусы, пристрастия и антипатии героев, даже наклонности и страсти этих представителей грозной когда-то кипчакской орды, – все это, без всяких изменений и поправок, относится также, если не ко всем, то к большинству современных нам мусульманских народов Кавказа» (6).

Под «представителями грозной когда-то кипчакской орды» Н. Семенов справедливо имел в виду носителей эпоса «Эдиге» – ногайцев, поскольку в состав ногайцев

вошли и кипчаки. Но, как видно, в своем последующем утверждении автор противоречит самому себе. Ибо кипчаки и татаро-монголы – не одно и то же.

Несмотря на все недостатки, работа Н. Семенова ценна, как первая попытка изучить ногайский эпос.

М. Алейников, заведующий нормальным сельским училищем ногайского аула Мансуровского в Баталпашинском отделении Кубанской области, в своей статье «Поверья ногайцев» (7) интересовался обычаями ногайцев, их поверьями, бытом.

Тут же он привел отрывок одной легенды в переводе на русский язык (7). Речь идет все о том же эпосе «Эдиге». Но это тоже отрывок совершенно нового варианта. Содержание отрывка – описание заблудившегося в лесу ногайского охотника Кутлукая, его встреча ночью с албаслы и с ее мужем, убийство мужа албаслы и женитьба Кутлукая на ней, рождение Эдиге и его героическое детство. Приведенный отрывок записан Алейниковым в ауле Мансуровском (ныне аул Эркин-Халк в Карачаево-Черкесии). к сожалению, Алейников опубликовал только прозаический текст без единой песни.

В истории сбора и публикации устного творчества тюркских народов России самое почетное место занимает, как отмечает академик В.М. Жирмунский, до сих пор непревзойденное собрание «Образцов народной литературы северных тюркских племен» академика В.В. Радлова, содержащие записи эпических песен, сказок и др. жанров у казахов, киргизов, тюркских народов Сибири, крымских татар и ногайцев в оригинале. В.В. Радлов дал транскрипцию текстов и перевод на немецком языке (8).

Ногайские эпические песни, легенды В.В. Радлов записал только у тех ногайцев, которые населяли степную часть крымского полуострова. Эпические песни и легенды, записанные у крымских ногайцев, вместе с татарскими и караимскими текстами В.В. Радлов поместил в VII томе его «Образцов» (9).

В.В. Радлов записал все тексты в оригинале, однако, у него отсутствуют сведения о сказителях, у которых он записал тексты.

В 1904 г. в Петербурге вышли сочинения казахского ученого-просветителя Чокана Валиханова (10). Валиханов занимался изучением не только казахского эпоса, но он живо интересовался историей и народной поэзией ногайцев. Ему принадлежит целый ряд интересных замечаний об истории ногайцев и о ногайском эпосе.

Ч. Валихановым впервые установлено наличие связей между казахскими и ногайскими эпическими произведениями и эпосом некоторых среднеазиатских народов. Во-вторых, высказывания Ч. Валиханова о ногайском эпосе и многочисленные предания о ногайцах, записанные ученым у казахов, каракалпаков, киргизов и др., говорят о сильном ногайском влиянии в XV–XVI вв. на народы Средней Азии, в частности, в области эпического творчества. Результатом этого явилось широкое распространение среди казахов, каракалпаков и др. многих эпических песен ногайцев, возникших на берегах Эдиля (Волги), Яика (Урала), Эмбы, Азовского моря и т.д.

«Ногайские предания, – писал он, – относятся к концу XIV, к XV и XVI вв. Предания эти имеют эпический характер и поются рифмованными стихами и поэтому принадлежат к области народной устной литературы. Они замечательны, как выражение народного духа, понятий, нравов, обычаев, образа жизни, замечательны также в филологическом отношении и не лишены исторического

интереса»[10]. Валиханов сообщает, что у ногайцев «сохранилось несколько поэтических саг об Эдиге, Ир-Кокче, Ураке, Чоре и пр. Лица эти исторические» (10).

Валиханов записал у ногайцев песню «Эдигей» (10), которую перевел на русский язык и сравнил с казахскими версиями.

Чокан Валиханов старался выяснить пути распространения эпических песен. «Надо сказать, – писал он, – что поэтические предания, вследствие смежности кочевьев и при сходстве языка, легко переходят и заимствуются одними народами у других, и поэтому нужно уметь их отличать...» (10). Говоря о преданиях казахов, он, между прочим, пишет: «Третий род преданий составляют так называемые ногайские былины (джир)» (10).

Талантливый ученый-этнограф и путешественник Ч. Валиханов, который исколесил широкие степи от Волги до границ Китая, во многих местах своих сочинений пишет о широком распространении ногайского эпоса, ногайских преданий и преданий о ногайцах среди кочевых степных народов Средней Азии. «Довольно странно и замечательно, – пишет Валиханов, – что все почти народы Среднеазиатских степей все древнее приписывают ногаям и многие почитают их своими предками. Так говорят Каракалпаки и дикокаменные киргизы» (10)...«Киргиз-кайсаки тоже все развалины в юго-западной полосесвоей земли приписывают также ногаям, – пишет он в другом месте, – и башкиры имеют также притязания на ногаев. Пункт этот особенно достоин исследования, и я намерен говорить о нем подробно в другом месте» (10).

Патриот своего народа и большой знаток казахского фольклора Чокан Валиханов с уважением относился к прошлому ногайского народа. Он говорит, что многие поэмы «...ногайского философа Асана Горемычного (Асан-Кайгы) употребляются степняками до сих пор» (10).

Чокан Валиханов записал у казахов поэму «Идиге», «Урак», «Ир-Косай» и др. Казахский текст «Идиге» был редактирован и издан профессором Петербургского университета П.М. Мелиоранским в 1905 г. (10). в предисловии к песне П.М. Мелиоранский писал: «...часть былины возникла именно у ногайцев и от них перешла к киргизам» (11). Найдутся и еще некоторые признаки ногайского влияния, так что весьма вероятно, что и вообще родиною этой былины были ногайские, а не киргизские степи, что и с исторической точки зрения представляется весьма правдоподобным» (12).

В 10–20-х годах XX в. собиранием и изучением ногайского фольклора на Северном Кавказе занимался профессор П.А. Фалёв.

В 1915 г. Фалёв сообщил, что «»народному творчеству ногайцев нанесен удар проникновением к ногайцам известного «Сборника ногайско-кумыкских текстов» Мухаммеда Османова. Этот сборник пользуется среди них популярностью. Напечатанные там сказания и песни выучиваются наизусть, и закрепленный таким образом текст народного произведения не развивается дальше» (13).

По-видимому, удар, нанесенный ногайскому эпосу сборником Османова, надо видеть не столько в том, что закрепленный текст народного произведения не развивается дальше, сколько в том, что в этот сборник вошли эпические народные песни, измененные и сокращенные, после чего поэмы, может быть, за исключением «Эдиге», стали довольно неполными, сокращенными, но удобными для запоминания. После выхода в свет этого сборника книжные тексты этих песен распространялись быстрее и шире, нежели полные варианты в устной передаче, в связи с легкостью

перепискис книги, по сравнению с устным освоением репертуара певцов. Поэтому, знающих лучшие, полные варианты этих поэм становилось все меньше и меньше. Это действительно заслуживает сожаления. Но сборник, несмотря на свобю популярность, не смог окончательно вытеснить полные варианты.

Наличие в сборнике кумыкских поговорок и песен требовало распространения этого сборника среди кумыков. Вместе со сборником в кумыкских аулах широко распространяются и эпические песни ногайцев, в особенности, ногайские казацкие песни (казак йырлары), заключенные в сборник. Близость ногайского языка к кумыкскому способствовала быстрому их восприятию.

Исследуя вопрос распространения ногайских эпических песен, П.А. Фалёв пишет, что после распада Золотой Орды «ногайцы сохранили свою самостоятельность. Помня свое воинственное прошлое, они отрядами выходили из своих улусов и нанимались в военные защитники в соседних ханствах и у соседних племен. в этот период ногайцы разнесли свой эпос по всей Средней Азии до самого Алтая. Их значение было столь велико, что киргизы до сих пор называют ногайцами приходящих в их степи с Запада (т.е. откуда приходили настоящие ногайцы) поволжских татар…» (14) .

После Октябрьской революции систематическим собиранием памятников устной народной словесности ногайцев продолжал заниматься известный ногайский просветитель Абдул-Хамид Шаршембиевич Джанибеков (1879–1955 гг.) Начав собирание фольклора в 1905 г. среди астраханских ногайцев, он продолжал это дело в течение 30 лет. Побывав среди астраханских, дагестанских, ставропольских и кубанских ногайцев, А.-Х. Джанибеков создал рукописный четырехтомник ногайских песен, сказок, поговорок, пословиц и загадок, названный им «Сокровищницей слов» («Соьз казнасы») (15) .

В первый том вошли эпические поэмы «Эдиге», «Мамай», «Ахмет, сын Айсула», «Шора батыр», «Аьдил-Солтан», отрывки из поэм «Эр Таргыл», «Копланлы батыр», «Эр Куьсеп»…

В 50–60-х гг. XX в. активизируется работа по систематическому собиранию произведений ногайского фольклора и наследия поэтов-письменников. с конца 50-х годов автор данного исследования выявляет и записывает ногайские эпические памятники. Так, в 1956-1966 гг. у ногайцев нами впервые были обнаружены и записаны произведения ногайского эпоса: «Копланлы батыр», «Манаша», «Манаша оглы Туякбай», «Эр Косай», «Эр Шобан», «Эр Кокше», «Камбар батыр», «Эр Саин», «Боз-Йигит», «Кыз-йибек», «Козы-Корпеш-Баян-Сылу», «Тахир и Зухра», а также варианты эпических поэм «Эдиге», «Шора батыр», «Эр Таргыл», «Адил-Солтан», ранее записанных лишь во фрагментах.

В 1991 г. автор данной монографии осуществил издание сборника «Ногайдынъ кырк баьтири» («Сорок ногайских богатырей»). в названный сборник, подготовленный нами к 600-летию Ногайской Орды и известного ногайского эпоса «Эдиге», вошли героические поэмы «Эдиге», «Мамай», «Адил-Солтан», «Шора-Батыр» и лирический дестан «Толеген и Кыз-Йибек». Данные варианты поэм «Эдиге» и «Мамай», впервые увидевшие свет в XX веке, являются наиболее полными и художественными из числа ногайских.

Таким образом, на сегодняшний день, издана только незначительная часть эпических памятников ногайского народа, а большинство их и поныне остается не известным научному миру.

Малочисленность современных ногайцев, их разбросанность по разным республикам и областям, отсутствие у ногайского народа собственной автономии и, как следствие этого, малочисленность научных кадров долгое время затрудняло как собирание и издание ногайского фольклора, так и его научное изучение.

Необходимо особо подчеркнуть, что в активизации работы по собиранию и изучению эпоса тюркских народов огромную роль сыграли фундаментальные труды ведущих фольклористов страны: В. Жирмунский, Х. Короглы, М. Ауэзов, А. Маргулан, Е. Исмаилов, Р. Бердибаев, К. Джумалиев, М. Габдуллин, А. Конратбаев, И. Сагитов, К. Максетов, Ф. Урманчеев, А. Аджиев, А. Киреев, Р. Кыдырбаева, Б. Кебекова и др.

Их труды… явились огромным вкладом в мировое эпосоведение.

Необходимо также отметить, что большинство богатырских поэм и лирических дестанов, которые поет ногайский народ, бытует и среди казахского и каракалпакского народов, они давно собраны и изданы отдельными томамаи. Как утверждает… каракалпакский фольклорист И. Сагитов, большинство казахских и каракалпакских героических поэм по своим историческим источникам восходит к историческим преданиям Ногайской Орды и отражают ее внутреннюю жизнь, междоусобную борьбу Ногайской орды против джунгаров.

«С последней четверти XV до последней четверти XVI в. – пишет академик В. Жирмунский, – Ногайская Орда играла важную политическую роль между Москвой, Казанью, Астраханью и Крымом и в судьбах всех тюркских кочевых племен Средней Азии и Юго-Западной Сибири. Именно в эту пору эпические сказания, связанные с историей Ногайской Орды, получают широчайшее распространение среди тюркских народов Средней Азии и Сибири, входят в состав эпических преданий казахов и находят частичное отражение и в киргизской эпопее «Манас» (16).

На ногайское происхождение ряда поэм казахского эпоса обратили внимание и некоторые крупные казахские фольклористы. Например, профессор М. Ауэзов пишет: «…Эпические поэмы об Ер Саине, Камбаре, Ер Косае, Торе-Хане, Телагысе, Кубыгуле и др. отображают совместные выступления кипчакских, ногайских родов и племен против калмыков. Герои этих произведений не именовались «казахами», они считаются выходцами из Ногайлы…» (17).

Профессор С.А. Аманжолов… утверждает, чтто «…ногайские эпосы (как, например, «Едыге», «Ер-Саин» и т.п.) в казахскую степь перенеслись через уста алшынцев, сохранив, конечно, некоторые особенности алшынского диалекта…» (18).

Исследователь киргизского эпоса «Манас» Э. Абдыллаев пишет: «В историческом развитии эпоса «Манас» значительную роль сыграли и самые популярные среди народов Средней Азии предания о Ногайской орде» (19).

Вопросы, связанные с происхождением ногайского, каракалпакского и казахского эпоса, могут быть правильно решены только в том случае, если изучение эпосов вести в тесной связи с глубоким изучением истории ногайцев, казахов и каракалпаков.

«Такие эпосы, как например: «Ер-Таргын», «Кобланды» и т.п., – заявляет С.А. Аманжолов, – слагались в эпоху господства Ногайской Орды. Недаром герои упомянутых эпосов или народ, к которому относятся герои, очень часто называются ногайцами. (в сноске: однако, язык этих эпосов, поскольку они заимствованы давно, в основном отражает особенности западного диалекта казахского языка)» (18).

Таким образом, факт широкого распространения ногайского эпоса среди некоторых тюркских народов и его популярность очевидны. Нет сомнений, что глубоко научное изучение эпического творчества ногайского народа – дело актуалное и сложное. Глубокое и системное исследование составляющих его эпических памятников прольет свет на многие неясные вопросы эпосов тюркоязычных народов.

Ногайский эпос возник после того, как ногайцы сформировались в народность и обособились от остальных тюркских племен и народов в рамках своей государственности, т.е. после XIV в. Поэтому-то эпос отражает политическую и общественную жизнь конкретно ногайцев. По мнению видного советского эпосоведа Е.М. Мелетинского, «ногайский цикл – образец наиболее поздней формы героического эпоса тюркоязычных народов» (20).

Таким образом, ногайский героический эпос сохраняет память о реальных исторических событиях и действиях прошлого в масштабах эпической идеализации и является оригинальным культурно-историческим памятником научного и художественного значения.

ПРИМЕЧАНИЯ К ВВЕДЕНИЮ

1. Семенов Н. Туземцы Северо-Восточного Кавказа. СПб, 1895. С. 467.
2. Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой орды. Саранск, 1960; Бартольд В.В. Сочинения. Т.2, ч. 1. М., 1963. С. 797; Жирмунский В.М. Сравнительное изучение героического эпоса народов Средней Азии // XXV международный конгресс Востоковедов: Доклады делегации СССР. М., 1960. С.6.
3. Жирмунский В.М. Некоторые итоги изучения героического эпоса народов Средней Азии. // Вопросы изучения эпоса народов СССР. М.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 49.
4. Валиханов Ч. Сочинения. СПб, 1904.
5. Османов М. Ногайские и кумыкские тексты. СПб, 1883.
6. Мелиоранский П.М. Предисловие к … тексту «Сказание об Едигее и Тохтамыше» // Валиханов Ч. Сочинения. СПб., 1904. Приложение.
6. Там же. С. 415.
6. Там же. С. 417.
6. Там же. С. 416.
7. Алейников М. Поверья ногайцев Мансуровского селения, Баталпашинского отдела Кубанской области // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1893. Вып. 17.
7. Там же. С. 7–9.
8. Радлов В. Образцы народной литературы Северных тюркских племен. СПб., 1886–1896. – тт.1–7.
9. Радлов В. Образцы народной литературы Северных тюркских племен. СПБ., 1896. – т. 7.
10. Валиханв Ч. Сочинения. СПб., 1904.
10. Валиханов. Указ. соч., С. 70–71.
11. Под киргизами до Октябрьской революции разумелись казахи.
12. «Сказание об Едигее и Тохтамыше». Киргизский текст Ч.Ч. Валиханова. Издал проф. П.М. Мелиоранский // Валиханов Ч.Ч. Сочинения. СПб., 1904, Приложение. С.5.
13. Записки Восточного отделения…, Петроград, 1917 ю- Т. 24. – Вып. 1–4. С. 2.
14. Фалёв. П.А. Введение в изучение тюркских литератур и наречий. Ташкент, 1922. С. 34.
15. Джанибеков А-Х. Ш. Союз казнасы. ТТ. 1–4: Рукописный фонд Карачаево-Черкесского НИИ ИФЭ.
16. Жирмунский В.М. Введение в изучение эпоса «Манас». // Киргизский героический эпос «Манас» М.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 147; Его же: Народный героический эпос: Сравнительно-исторические очерки. М.;Л.: ГИХЛ, 1962. С. 305.
17. История Казахской ССР. Алма-Ата, 1957. – Т.1. С. 206.
Аманжолов С. Вопросы диалектологии и истории казахского языка. – Ч.1. Алма-Ата, 1959. С. 43.
19. Абдыллаев Э. Об эволюционном развитии эпоса «Манас»: Автореф. дис. канд. фил.н. – Фрунзе, 1967. С. 24.
18. Аманжолов С. Указ. раб. С. 290.
20. Мелетинский Е.М. Народный эпос. // Теория литературы: Основные проблемы в историческом освещении. Роды и жанры. М.: Наука, 1964. С. 79.

Из главы II (с. 56–78)

ИДЕАЛЫ И ОСНОВНЫЕ ОБРАЗЫ НОГАЙСКОГО ГЕРОИЧЕСКОГО ЭПОСА

Героический эпос предстает перед нами как драгоценное создание творческого таланта ногайского народа, который в течение веков совершенствовал образ, возникший на основе исторической действительности.

Большинство ногайских богатырских поэм по своим историческим источникам восходит к историческим преданиям времен Ногайской орды XV–XVII веков. в основе их лежат исторические факты разных лет, глубоко запечатлевшиеся в сознании народа.

Период распада Золотой орды в конце XIV – нач. XV века и образование ногайского государства – один из самых интересных и бурных периодов в истории ногайского народа.

События этого времени легли в основу многих исторических легенд и преданий ногайцев, в том числе и эпоса «Эдиге». Историческая личность Эдиге (в русской историографии – Едигей, в трудах восточных историков – Идику – А.С.), предводителя ногайских племен, основателя Ногайской орды, позднее всесильного временщика Золотой орды, более, чем двадцать лет (1396–1420 гг.) полновластно распоряжавшегося ханским престолом, достаточно известна (1). Существует также обширная литература об Эдиге, как герое ногайского эпоса (2).

В поэме «Эдиге», как и во всем ногайском эпосе, исторические факты раскрываются только в связи с частным событием, составляющим его содержание. Через это раскрывается внутренняя сторона исторических фактов, неизвестный автор вводит нас во дворец исторического лица, делает нас свидетелями его домашнего быта, его семейных тайн. Многие мотивы поэмы являются общими для всего ногайского эпоса. Связанные с обычаем народа и языческими верованиями, многие из них имеют весьма древнее происхождение.

Воспитателями эпических героев, в том числе и Эдиге, являются простые люди из народа, часто табунщики или пастухи. Народ хотел бы видеть в своем герое простого человека, близкого к народу по своей судьбе и выдвинувшегося благодаря личным качествам. Центральной фигурой в поэме является сам Эдиге. Но, наравне с ним, на первом плане выступает и его сын Нурадин.

Результатом политической борьбы исторического Эдиге и Нурадина с золотоордынским ханом Тохтамышем и его сыновьями явилось не только образование Ногайского государства, но и его укрепление. Эти факты не могли получить отрицательной оценки ногайского народа. Поэтому-то в эпосе Эдиге и его сын – положительные герои, выступающие против Тохтамыша, его сыновей и вельможи Ямбая, наделенных такими качествами, как жестокость, лживость, лицемерие и продажность. Слова хана Тохтамыша, сказанные Нурадину перед смертью от его рук, характеризуют двуличность и прдажность Ямбая:

«Было время – я убил твоего деда по наущению Джаммая!
Теперь ты хочешь убить меня по наущению Джаммая!
Эй, Нурадин! Будет время –
Тебя убьет мой сын по наущению Джаммая» (3).

Видное место в поэме занимает старый мудрец Сыбра. Образ его завоевывает симпатию тем, что он прям перед ханом Тохтамышем, который готов снять голову любому за одно неугодное слово. Сыбра говорит хану правду, предвещая ему печальное будущее. Он один знает о происхождении Эдиге. Старый йырау на стороне Эдиге, которого заперли в соседнем помещении. Сыбра в своей песне намеками указывает пленнику путь к побегу. Он говорит с ханом с достоинством, как равный: «…при вчерашнем босоногом малютке, а ныне повелителе нашем, Тохтамыш-хане, пою – заявляет Сыбра, – время пришло, и ты сделался ханом; я знаю, что ты меня убьешь, но этим я ничего не потеряю; пора мне и так сойти в могилу, но если ты убьешь меня, тем лучше для меня, ибо я пойду в рай, как обиженный; как лишенный злодейской рукою Богом подаренной мне жизни… » (4) .

Образ мудрого певца, который в трудный момент приходит на помощь эпическому герою, присутствует во многих эпических поэмах ногайцев.

Эпос «Эдиге» вот уже шестьсот лет поется ногайскими певцами. Он продолжает широко бытовать и в настоящее время. Безусловно, этот эпос был популярен среди ногайских мурз и султанов, поскольку в нем воспеваются подвиги их знаменитого родоначальника, в чем заинтересованы князья Ногайской орды. Но поэма охотно слушалась и простыми людьми.

Отец Эдиге сокольничий Кутлы-Кая был несправедливо казнен жестоким ханом Тохтамышем… Будущего героя спасает от смерти друг его отца, заменивший его в колыбели своим собственным младенцем. Он отдает Эдиге на воспитание простым людям.

Таким образом, борьба Эдиге против Тохтамыша оправдывается эпосом как «родовая наследственная распря» (5).

«Песни об Едигее создавались еще при жизни его. Ядро преданий… – это песнь о том, как он, спасаясь от злых умыслов Тохтамыш-хана, бежал во время одного пира к Темиру», – писал Фалёв П.А. (6)

Широкому распространению поэмы как среди ногайцев, так и среди соседних тюркских народов, способствовало ее высокое художественное совершенство.

ПРИМЕЧАНИЯ КО II ГЛАВЕ

1. Сафаргалиев. С. 142–194, 226–227; Бартольд В.В. Отец Едигея // Бартольд В.В. Сочинения. Т. 2. ,ч.1 М., 1963. С. 797– 804.
2. Семенов Н. Туземцы Северо-Восточного Кавказа. СПб., 1895. С. 413–487; Сказание об Едигее и Тохтамыше. СПб., 1905; Фалёв. С. 32–34; Жирмунский В.М. Введение в изучение эпоса «Манас» // Сб.: Киргизский героический эпос «Манас». М., 1961. С. 146–148; Жирмунский В.М. Народный героический эпос. М.; Л., 1962. С. 198–199, 221–231; он же: Некоторые итоги. С. 49–53.
3. Семенов. Н.С. Указ. соч. С. 438.
4. Алейников М. Указ. соч. С. 4.
5. Жирмунский В.М. Некоторые итоги. С. 51.
6. Фалёв П.А. Указ. соч. С. 32.

Из главы III (с. 79–174)

СПОСОБЫ ЭПИЧЕСКОГО ИЗОБРАЖЕНИЯ ГЕРОЕВ

В отличие от эпоса многих народов, ногайский эпос сложился относительно поздно – в XIV–XVII вв., т.е. после того, как сложился ногайский этнос, его государственность, когда социальное развитие и классовое расслоение феодального общества достигли значительного уровня. И, как следствие этого, ногайский народный эпос, как героический, так и лирический, отличается реалистичностью, историчностью, демократичностью.

Эпос довольно правдиво воссоздает общественный строй ногайцев на протяжении нескольких веков, его государственные и семейно-бытовые институты, правовые и этические отношения.

Как правило, действия абсолютного большинства эпических поэм происходят в пределах ногайского государства.

Как известно, в XV–XVI вв. ногайцы принимали деятельное участие во всех крупных событиях, происходивших в Крымском, Казанском, Астраханском, Сибирском и среднеазиатских ханствах. Это не могло не отразиться и в их эпосе. События любой ногайской эпической поэмы разворачиваются в масштабах целого государства. Это характерно для ногайского героического эпоса. Ни в одном произведении действия не локализуются в пределах рода или отдельного племени. в отличие от ногайского сказочного эпоса, который обозначает государство термином *ханлык* (ханство), героический эпос понятие государство передает почти всегда термином *орда*.

Ногайская орда (Ногай ордасы, Ногайлы орда, Ногайлы) – это та территория, на которой действуют герои эпоса. Понятие «страна» передается в эпосе терминами *эл, ногай эли* (ногайская страна). Термин *халк* означает «весь народ», *тоьрелер* – «господа, господствующие». Демос, народ именуется *буьдуьн, боьден*. Позднее стало заменяться *кара халк*.

Во главе государства стоит хан. Окружающие хана *беи (бий), везиры, мурзы* постоянно находятся возле своего владыки.

Когда Золотая орда распалась и отдельные улусы оформились в национальные государства, бий взял на себя функции хана и стал олицетворять верховную власть. Самый многочисленный отряд ногайской степной аристократии в эпосе – это мурзы – потомки ханов и биев. Мурзы – правители отдельных улусов. Так, в поэме «Копланлы батыр» фигурирует мурза Мамай, а в «Мамае» – большинство персонажей носит имена реальных ногайских мурз XVI века (Муса, Ямгуршы, Агыс, Исмаил, Мамай, Орак, Казы и др.), в «Адил-Солтан» – Казы и Карасай.

Эпос довольно правдиво рисует картину ханского двора. Здесь, кроме мурз, везирей, находится *кусшы* – сокольничий, *сыншы* – конюший хана, *савдегер* (купец), *керваншы* (караванщик), *казнашы* (казначей), лавочники.

В ногайских эпических поэмах широко представлено и мусульманское духовенство. Все герои эпоса считают себя мусульманами.

Эпос рисует простых людей: охотников, табунщиков, пастухов, проводников караванов, поваров, водовозо, пчеловодов, рыболовов, хлеборобов, дружинников,

певцов. Население различных частей огромного Ногайского государства отличалось друг от друга не только по уровню социального и общественного развития, но и антропологически, а также по хозяйственному укладу. Наравне с кочевниками, жило оседлое ногайское население, ногайские города окружало сельское население. Если в безводных степях ногайцы занимались скотоводством, то в плодородных долинах практиковалось и земледелие.

Ногайский эпос отразил быт как кочевых, так и оседлых ногайцев, как городских, так и сельских жителей. Поэтому так часты в эпосе упоминания о городах и аулах. Ахмет («Ахмет, сын Айсыла») живет в **Сарае**. Похитив дочь Джанибек-хана, он бежит в **Маджар**. Копланлы («Копланлы батыр») освобождает от кызылбасов (персов) ногайские города **Сырлы-кала** и **Кумлы-кала**. Деятельность Эдиге батыра и его сына Нурадина разворачивается в городах **Сарай** и **Сарайчик**. в поэме «Мамай» фигурируют **Меску** (Москва), **Азау** (Азов), **Аштархан** (Астрахань), **Сарайшык** (Сарайчик), **Казан** (Казань), **Бухар** (Бухара), **Кыйва** (Хыйва), **Ор** (Перекоп), **Бакша-Сарай** (Бахчисарай) и **Мангут** (крепость в горном Крыму). Действие сюжета поэмы «Шора батыр» происходит в Казани, Москве, Маджаре. Возлюбленная батыра Таргыла Ак-Юнус советует батыру Карт-Кожаку съездить в **Самаркан** (Самарканд) и посмотреть на купол мечети, если тот хочет увидеть голову Ак-Юнус. Многие события поэмы «Адил-Солтан» происходят в городах **Бакша-Сарай**, **Стамбул**, **Тебриз**, **Яныкерман**, **Еникала**, **Аккерман**. в цикле «Сорок ногайских богатырей» рядом с другими городами называется город **Кыйып** (Киев).

Чрезвычайно богата топонимика эпоса. в нем упоминаются реки: **Манан** (Дунай), **Тарку** (Днестр), **Узу** (Днепр), **Токмак** (на юге Украины), **Тен** (Дон), **Кобан** (Кубань), **Максым** (Баксан), **Кумы** (Кума), **Терик** (Терек), **Койсу** (Койсу), **Куьр** (Кура), **Эдил** (Волга), **Ока** (Ока), **Яйык** (Урал), **Ем** (Эмба), **Шаган** (Шаган), Тобыл (Тобол), Сыр (Сырдарья), Эртиш (Иртыш); горы: Орал таулары (Уральские), **Кап таулары** (Кавказские), **Арапат таулары** (Карпаты), **Балкан тау** (Балканские). Чаще других в эпосе фигурируют Кавказские горы – Кап таулары. Или просто Кап тау. Западные отроги Кавказских гор ногайский эпос часто называет **Шеркес тау** (Черкесские горы). Высочайшая вершина Кавказа – **Аскар тау** (Эльбрус) в ногайском эпосе выступает символом величия и могущества. Иногда Аскар тау является синонимом всех Кавказских гор.

Как видим, эпос своеобразно воскрешает жизнь ногайского феодального общества. Перед нами предстает народ, имеющий свою государственность, государственный аппарат, с развитой классовой структурой. Этот народ населяет довольно обширную территорию с городами, крепостями, селами.

Ногайские эпические поэмы воссоздают, как и эпосы других народов, эпическую биографию героя.

Имя отца подавляющего большинства эпических богатырей известно: Айсыл – отец Ахмета, Кутлы-Кая – отец Эдиге, Муса – отец Мамая, Алшагыр – отец Орака, Эспар – отец Таргыла, Наьрик – отец Шоры, Солтан-батыр – отец Адил-Солтана, Ак Кошкар – отец Кусепа, Коянак – отец Карт-Кожака, Орак – отец Карасая и т.д.

Об иных отцах, кроме имени, поэмы не дают никаких сведений. Так, мы ничего не знаем об Эспаре – отце такого известного героя, как Таргыл. Никаких

бтографических сведений не содержат поэмы и об Ак-Кошкаре – отце Эр Кусепа, о Коянаке – отца батыра Карт-Кожака. Биография и деяния ряда отцов батыров разработаны подробнее. Таковы Айсыл, Кутлы-Кая, Нарик, Орак; Айсыл, не вынеся несправедливости хана Джанибека, с оружием в руках выступает против него, скрывается в труднодоступных местах. Кутлы-Кая, спасаясь от расправы хана Тохтамыша, живет в лесу, приживает от лесной женщины сына Эдиге и отдает его на воспитание табунщику.

В некоторых случаях эпос стремится дать более полную родословную героя. Так, например, Эдиге возводит свой род то к мусульманскому святому предку – покровителю ногайских князей Баба-Тукли Шашлы Азиз и лебединой деве, то к охотнику Аншибаю, то к арабскому святому халифу Абубекиру Саддыку. Эпос рассказывает: отца Эдиге звали Кутлы-Кая, деда Бар-Кая, прадеда Бирперие, прапрадеда Аншибай, отца Аншибая – Махмун Керемет. Как пишет академик В.М. Жирмунский, «обе родословные Эдиге, ученая, мусульманская и народная, фольклорная (тотемистическое сказание о деве-лебеди) окончательно закрепились в Ногайской орде, где правили потомки Эдиге, которые были непосредственно заинтересованы в прославлении своих предков ...» (1).

Все главные герои ногайского эпоса (кроме Адил-Солтана), наравне с именами своего отца или предков, называют народ, к которому они принадлежат.

Бу языдынъ бойында
Заркылып юрген ногайман.
Я – ногаец, который скитается
По этой бескрайней равнине, –

говорит Ахмет (вариант Ю. Койбакова). Он же бросает в лицо Джанибек-хану:

Бу ногайлы халкымнынъ
Сизи кимик хан мынан
Казаваты коьп болар.
Казаватта мен оьзим
Сондай болган халкымды
Коргамасам – оьлейим!
У моего ногайского народа
С таким, как вы, ханом
Предстоит много сражений.
В сражениях этих я
Мой народ
Если не защищу – умру. (2)

Свою принадлежность к ногайскому народу подчеркивает и Копланлы:

Асылымды меним сораса,
Эдилден келген ногайман.
Кавгалы куьн карсы келгенде,
Душпаныма давыл кимик болгайман.
Если спросить мое происхождение,
То я – ногаец, пришедший с Волги.
Если настанет день войны,
Для врага своего я буду подобен буре. (3)

Батыра Таргыла джунгары называют ногайцем. а сам герой в своем предсмертном монологе с гордостью отмечает:

Куьни-туьни йортканман
Он сан майтак Ногайдынъ
Яйлав-кыслав ери уьшин,
Шаганнан калмык кувдым эл уьшин.
Днем и ночью я скакал,
Защищая землю ногайцев.
Во имя родины отогнал джунгаров
От долины Шаган-реки. (4)

Эпос совершенно не говорит, к какому ногайскому племени принадлежит абсолютное большинство богатырей. Всюду, где герой хочет сказать о своем происхождении, он представляется ногайцем, сыном и батыром ногайского народа и не упоминает о своем роде или племени. Только Шора и Копланлы называют свое племя. Шора батыр подчеркивает, что он ногаец из рода тама племени нокус. Создатели эпоса относят Копланлы к племени кара – кыпшак (черные кипчаки), к народу ногайлы. Даже в этих случаях, когда названо племя героя, в дестанах «Шора батыр» и «Копланлы батыр» нет конкретного показа в какой-то мере обособленной племенной жизни тама, кара-кипчаков и нокусов. Мы ии в этих случаях видим жизнь и быт все тех же ногайцев, с которыми встречались в других произведениях эпоса. Стало быть, ко времени создания эпических произведений, различные племена, в том числе тама, кара-кипчаки и нокусы, участвовавшие в этногенезе ногайцев, уже утратили свою племенную замкнутость и самостоятельность и сформировались в единый ногайский этнос, который, судя по всем материалам, давно достиг своей этнической консолидации и государственности.

Богатыри ногайского эпоса – обездоленные пастухи, табунщики, которые трудились на своих господ, терпели нужду. Исключение составляют лишь поэмы «Эдиге», «Мамай», «Карасай-Казы», главные герои которых – князья Ногайской орды XV–XVI вв. Таковыми они и рисуются в эпосе, кроме Эдиге, который согласно эпосу, воспитан табунщиком, был чабаном и выдвинулся благодаря своим личным способностям. Детство эпического Эдиге не имеет ничего общего с детством исторического Эдиге. Тут сказалась традиция средневекового эпоса делать героем поэм представителя простого народа, выдвинувшегося благодаря личным качествам.

В ногайском героическом эпосе большое внимание уделяется повествованию о рождении и детстве героя. Но в ряде поэм («Копланлы батыр», «Манаша», «Эр Кусеп», «Эр Косай») первая встреча с главными героями происходит тогда, когда они совершают первые (иногда даже далеко не первые) подвиги.

В таких поэмах, как «Ахмет, сын Айсула», «Мамай», «Эр Таргын», «Адил-Солтан» и особенно в «Эдиге» и «Шора батыр» рассказ о рождении и детстве центральных героев занимает значительное место. Как правило, герой поэмы рождается и растет в необычных условиях. Но в этой «необычности» ногайского эпоса нет ничего сверхъестественного, фантастического. Это вполне реалистическая картина с незначительной гиперболизацией отдельных деталей. Но тем не менее рождение и детство будущего богатыря отклоняется от нормального и намекает на исключительность новорожденного, захватывая все внимание слушателя.

В чудесных обстоятельствах рождается Эдиге: один чабан находит в степи череп с надписью. Принеся домой, чабан превращает его в муку и прячет в сундук. Дочь чабана, в отсутствие отца, развернув сверток, пробует языком муку, отчего делается беременной и рожает мальчика, названного Бар-Кая. Мальчик рос чрезвычайно

быстро и скоро стал умнее и сильнее своих сверстников. Живя вдали от людей и занимаясь охотой, Бар-Кая, прозванный Бабатуклес Шашлы Азиз, женится на лебединой деве, которая, родив ему сына Кутлы-Кая, уходит навсегда. Когда Кутлы-Кая подрастает, он становится сокольничим хана Тохтамыша. Уступив другому хану одно соколиное яйцо и тем самым навлекши на себя гнев Тохтамыша, Кутлы-Кая бежит в лес. Занимаясь охотой, Кутлы-Кая вступает в брак с лесной женщиной албаслы, которая запрещает ему смотреть ей подмышки и на ноги. Следует нарушение брачного запрета, жена покидает Кутлы-Кая и подбрасывает ему новорожденного младенца – Эдиге, которого выкармливает собака. а позднее Кутлы-Кая отдает мальчика на воспитание другу-табунщику… После рождения будущий богатырь получает свое имя. Не всегда, однако, известно, от кого и почему тот или иной герой получил свое имя. Так, совершенно не известно, кто и почему дал имя Ахмету, Копланлы, Камбару… Иногда эпос дает ответ на данный вопрос. Эдиге получил свое имя от отца. Некоторые варианты поэмы «Эдиге» утверждают, что Кутлы-Кая дал сыну это имя потому, что жена его – албаслы, отдавая младенца отцу, произнесла это имя.

В ногайском героическом эпосе нет глубокого разрыва между эпической картиной и действительностью. Идеология эпоса раскрывается в традиционных образах и мотивах.

Исторический Эдиге, вышедший из аристократических кругов, являющийся одним из крупнейших ногайских феодалов, ставший первым ханом Ногайского государства, стал популярным народным героем эпоса. Секрет популярности образа Эдиге (и одноименной поэмы в целом) кроется в том, что он объединял ногайские племена и поднимал их на борьбу с золотоордынским ханом Тохтамышем. Он возглавил борьбу степных племен за выход из Золотой орды, за создание своего национального государства, не зависимого от ханов Золотой орды, которые облагали ногайские племена непосильными налогами и вели постоянные внешние войны, в которых ногайские племена непосредственно не были заинтересованы. в таких условиях борьба Эдиге с Тохтамышем и его наследниками, закончившаяся созданием самостоятельного ногайского государства, не могла не найти положительного отклика среди широких слоев складывающейся ногайской народности.

Некоторые исследователи поэмы «Эдиге» пишут, что эта поэма, отражающая внутреннюю жизнь Золотой орды в период ее распада, не сохранила или замалчивает факты о внешних войнах ее, в частности, о походе на Литву. Думается, что создателей поэмы интересовали не внешние войны золотоордынских ханов, а прежде всего взаимоотношения последних с ногайцами. Эта мысль подтверждается и тем, что борьба ногайских войск во главе с Эдиге с ханом Золотой орды Тохтамышем освещена поэмой «Эдиге» детально, в то время, как поход того же Эдиге, но уже правителя Золотой орды, во главе золотоордынских войск на Литву и его борьба с другими претендентами на золотоордынский трон, совершенно отсутствуют. Поэма заканчивается победой Эдиге над Тохтамышем и основанием Ногайской орды. Таким образом, поэма «Эдиге» отражает начальный период политической деятельности исторического Эдиге, когда он еще не стал правителем Золотой орды.

Фактически поэма заканчивается там, где начинается деятельность исторического Эдиге, как вершителя судьбы всей Золотой орды. Предводитель ногайских племен, основатель Ногайской орды и первый ее хан Эдиге стал народным героем поэмы «Эдиге».

В ногайском героическом эпосе, как и в лирическом, основу каждого произведения составляет конфликт, он является движущей силой развития сюжета,

образов и событий. в произведениях словесного искусства, как фольклорных, так и литературных, конфликт присутствует как извечное противостояние добра и зла, является изображением противоборства характеров и идеалов, существующих в реальной действительности.

Именно острота и актуальность конфликта делает эпическое произведение популярным, служит средством активизации зрительного, а в настоящее время и читательского интереса. в ногайских героических поэмах, как это видно из уже приведенных в данной работе фактов, конфликт проявляется многообразно. Здесь можно выделить основные типы конфликтов:

1. Социальный конфликт, связанный со столкновениями героя на его пути к возлюбленной.

2. Классовый конфликт, отражающий борьбу положительных героев против внутренних сил зла, насилия и несправедливости, носителями которых в эпосе неизменно выступают ханы, мурзы, везиры, феодалы и представители духовенства.

3. Конфликт, отражающий борьбу народных героев с внешними врагами Родины ради благосостояния и независимости родного народа.

Конфликт в произведениях ногайского героического эпоса, будь он социальный или классовый, носит не частный, а общенародный характер. Он затрагивает интересы не отдельной личности, идеального героя, а всего трудового народа. Даже в тех единичных случаях, когда действие произведения начинается со столкновения отдельного представителя народа с власть имущими, например, Ахмет, шора, на почве личной вражды, в дальнейшем выявляется более длительная предыстория этого столкновения. Как правило, частный случай высвечивает более серьезную природу конфликтующих сторон.

Ногайские героические поэмы отличаются многослойностью, их композиция определяется многоэпизодностью сюжета, противопоставлением не двух, а целого ряда лиц и многотемностью. в каждой поэме, кроме главных героев, еще много и второстепенных действующих лиц, кроме основных, стержневых тем и конфликтов, немало и побочных.

Такие поэмы, как «Эдиге», «Мусахан», «Мамай», «Дели Агыс», «Карасай-Казы» поражают многочисленностью действующих лиц. Как было сказано выше, в эпосе много личных имен, родовых, племенных, этнических названий, топонимов и гидронимов, существовавших и существующих в реальной действительности.

Героические поэмы ногайцев, как и произведения, например, южно- и восточно-славянской эпики, не являются осколками одной эпопеи. Это вполне самостоятельные и законченные произведения. Каждая из них, значительно уступая по объему таким известным эпопеям, как узбекский «Алпамыш», азербайджанский «Кер-оглы», якутский «Олонхо», а тем более киргизский «Манас», ногайские поэмы в судьбе народа-творца играли такую же роль, что и вышеназванные шедевры эпики. в процессе многовекового бытования не произошло слияния многочисленных произведений ногайского эпоса в одну эпопею.

Одна из главных причин, на наш взгляд, заключается в том, что в ногайском эпическом творчестве чрезвычайно сильны были реалистические традиции, бережное отношение сказителей к поэтической истории родного народа. Нельзя перерабатывать старый эпос, где навечно запечатлены живые образы дорогих для народа людей, которые и после смерти продолжают жить вместе с теми, чьих предков они защищали. Ведь для всех групп ногайцев XVIII–XIX вв., бедствующих и оторванных друг от друга, потерявших свою государственность, воспоминания о былом

единстве, о героическом прошлом, создавало иллюзию процветания. Эпос был для них памятью о «лучших» временах. Ведь эпос, особенно героический, в духовной жизни народа играет особую роль.

Произведения ногайского героического эпоса дошли до нас в целом ряде вариантов и в исполнении многих певцов-йырау. Несмотря на обширность регионов бытования ногайского эпоса и относительную изолированность их дуг от друга, поэтический стиль и стихотворные тексты обнаруживают поразительные совпадения, что является свидетельством давней канонизации их.

Сравнивая разные варианты одних и тех же поэм, записанных А-Х. Джанибековым в 1905–1935 гг. и нами в 1956 г. в различных регионах проживания ногайцев (Дагестан, Ставрополье, Чечено-Ингушетия и Карачаево-Черкесия), а их все – с публикациями XIX в., мы приходим к выводу, что поэтический стиль поэм не подвергся разрушению и характеризуется относительной устойчивостью.

Во-вторых, в XVI–XIX вв. в разных частях ногайской земли существовали крупные сказительские школы. Но эти школы, судя по многочисленным фактам, занимались не развитием или переработкой традиционного эпоса, а его сохранением и популяризацией. Подтверждением тому является относительная, а в целом ряде поэм абсолютная идентичность содержания текстов и поэм. а так называемые варианты их различаются в деталях или полнотой одних и усеченностью других. Но если иной певец, вопреки существующей традиции, подходил творчески, то его новшество отражалось только в прозаических частях поэмы, в переложении прозы в стихи.

Произведения ногайского героического эпоса имеют устойчивые зачины и концовки. в зачинах указываются время действия (хронологический зачин), место действия (географический зачин), называются конкретные имена, часто исторические, с кем имеют дело центральные положительные герои (исторический зачин).

Поскольку ногайский героический эпос – эпос исторический и произведения его создавались в разных концах ногайской земли и в разное время, естественно, в зачинах не произошла унификация места и времени происходящих событий, как это видим, в частности, в Киевском цикле русских былин. Здесь сказались еще и сильные среди ногайцев местные традиции, вытекавшие из наличия не одного, а нескольких ногайских государств и княжеств, соперничающих между собой. Несмотря на то, что зачины ногайского эпоса преимущественно излагались прозой и потому являлись наиболее уязвимой, подверженной изменению частью текста поэм, тем не менее они, зачины, наравне со стихотворными партиями, обнаруживают свою устойчивость. Это видно из того, что композиции ногайских поэм, как и композиции их казахских версий, характеризуемых Н.В. Кидайш-Покровской и О.А. Нурмагамбетовой на примере поэмы «Копланлы-батыр», «состоят из законченных эпизодов. Благодаря четкой хронологической последовательности эпизоды образуют как бы отдельные звенья в единой цепи повествования. Это позволяет певцу развертывать повествование или сокращать его, то вводя в него те или иные эпизоды, то опуская их… » (5).

А зачины ногайских поэм профессиональными певцами не опускались и не переосмысливались. Ибо зачины несут в себе очень важную информацию и, сохраняя их из поколения в поколение, сказители стремились, с одной стороны, быть как можно ближе к действительности, с другой – убедить слушателей в достоверности описываемых эпосом событий. Так, в эпосе «Ахмет, сын Айсыла» действие начинается в г. Сарае, столице Золотой орды, во времена правления хана Джанибека;

в «Эдиге» – в столице Золотой орды при дворе хана Тохтамыша, когда у него гостил Шах-Темир (Тимур); в «Копланлы батыре» – в Ногайском ханстве, когда Алшангир (Алшагир) избирался ханом; в «Мамае» – в Ногайской орде, в г. Сарайшык, когда ханом был Муса, имевший от двух жен двенадцать сыновей (перечисляются имена всех их); в «Карасай-Казы» – на Кубани, где Младшей Ногайской ордой правили сыновья Орака Карасай и Казы, а в Большой Ногайской орде на Волге (Эдил) в это время правил незаконный хан Исмаил-коварный; в «Манаша» – в те времена, когда долина Иртыша (Эртиш) была владением ногайского мурзы Манаша, а соседний народ хотел прогнать его оттуда; в «Эр Таргыле» – во владениях мурзы Мамая, между Волгой и Уралом (Яйык), когда Исмаил, младший сын Мусы, задумав сесть на престол, начал строить козни против старшего своего брата Мамая и поссорил его с батыром Эр Таргылом; в поэме «Сорок ногайских богатырей» – во времена, когда в ногайских степях жили наши предки куманы и кипчаки, а краснобородый Чингиз (Шынъыз) монгольский решил их завоевать; в «Эр Кусепе» – на Северном Кавказе, когда в районе Пятигорья (Бештау) правил Сидак (Сеидахмет), сын Ормамбета, а на Кабарду пришел войною крымский хан Казы-Герей и т.д.

Ногайская эпическая традиция предполагает несколько важнейших приемов развития композиции и создания образа положительного героя: во-первых, – «авторская характеристика», т.е. характеристика главного героя певцом-исполнителем. Характеристика певца-повествователя касается, в основном, описания поступков героя, которому в эпической традиции отводится ведущая роль. Во-вторых, – самохарактеристика, самооценка героя, обнажающая в многочисленных в каждой поэме мастерски разработанных монологах и диалогах героев, определяющих их внутреннее душевное состояние. Психология героев, их сокровенные мысли раскрываются, преимущественно, не в описательном плане, а в самохарактеристиках персонажей – в монологах (толгау) и диалогах (айтыс). Сюжетность ногайских эпических поэм, выработанные веками принципы раскрытия характеров героев в действии, сравнительно большой размер произведений – все это дает простор творцам эпоса как в обобщенном показе героя и общества, так и в детализации отдельных моментов, в создании эпических образов как путем «авторской» характеристики через описания поступков действующих лиц, так и путем самохарактеристики героев через монологи и диалоги.

Монологи, являясь одним из устойчивых приемов в раскрытии внутреннего мира героев, в ногайских поэмах занимают большое место и несут огромную смысловую, идейную и художественную нагрузку. Ногайские богатыри постоянно думают и размышляют как на конкретные, так и на абстрактные темы: о своей судьбе, о судьбе своих родных, своего народа, о жестокости своих внешних и внутренних врагов, о богатстве и бедности, о добре и зле, о призвании человека.

В раскрытии душевного состояния героев авторские описания и монологи-раздумья дополняют друг друга. То, что недоступно наблюдению извне, в монологах-раздумьях и в диалогах получает свое яркое выражение. Герои принимают те или иные решения, прежде всего исходя из создавшейся на данный момент ситуации, но непременно после размышлений, оглашенных в эпосе. Или эти размышления являются оглашением уже принятых решений. Ногайские герои не являются только созерцателями. Они – носители действия и каждый их монолог есть подготовка или мотивировка определенного поступка. Враги центральных героев в ногайском эпосе

являются не ничтожными и слабыми, а сильными и могущественными. Победа над ними достается героям с большим трудом. а в большинстве поэм герои погибают в этой борьбе, что объясняется относительно верным отражением ногайским эпосом реальной действительности.

Для выражения героями душевных волнений и переживаний требуются особые случаи и ситуации. Таковыми в ногайском эпосе являются остро переживаемое героями чувство одиночества и покинутости (монолог Таргыла в глухой степи), прощание героя с членами своей семьи, с родными местами перед бегством (монолог Алтын – жены Шора батыра, монолог Тохтамыша перед родным Эдил, монолог Мамая перед смертью).

Неизменным атрибутом целого ряда ногайских поэм является наличие в них развернутых классических плачей по погибшим героям. Причитания исполняются, как правило, матерями и женами батыров. Наиболее характерная концовка поэм – гибель героя и плач по нему. Поэмы «Ахмет, сын Айсыла», «Копланлы батыр», «Мамай», «Шора батыр», «Адил-Солтан», «Эр Кусеп», «Елкилдек батыр» заканчиваются смертью центрального героя.

Причитания, как средство психологизации, включались в поэму для того, чтобы подчеркнуть значение деятельности героя для народа. с другой стороны, чтобы выразить горе народа, потерявшего своих защитников. Таковы плач Карлыгаш по погибшему мужу Копланлы, плач Менгли-Сылу по сыну Шоре, плач Дана-бике по сыну Адил-Солтану, плач сказителя по скончавшемуся Мамаю, плач Акманглай по мужу Кусепу и т.д. Причитания по погибшему герою – один из древнейших мотивов словесного искусства ногайцев (их истоки – в поэзии древнетюркских племен – прямых предков ногайцев).

ПРИМЕЧАНИЯ К III ГЛАВЕ

1. Жирмунский В.М. Мелиоранский П.М. и изучение эпоса «Едигей» // Тюркологический сборник. М.: Наука. 1972. С. 183.
2. Ахмет, сын Айсула. (Вариант. М.-А. Бансова). Личный архив автора.
3. Копланны батыр. // Джанибеков А-Х. Союз казнасы. Т.1. Фонды КЧНИИИФЭ.
4. Эр Таргун. Вариант А.Кадрашова. Фонды КЧНИИИФЭ.
5. Кобланды батыр. Казахский героический эпос // Сост. тома, авторы исследования и коммент. Н.В. Кидайш-Покровская и О.А. Нурмагамбетова. М.: Наука, 1975. С. 46.

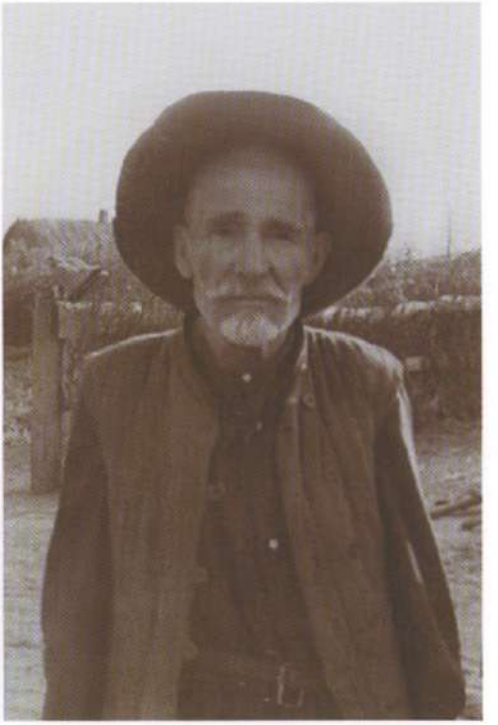
Абдул-Хамид Джанибеков
Ногайский просветитель,
собиратель фольклора
(1879–1955)

Ашим Сикалиев
Ногайский ученый-фольклорист
(род. в 1936 г.)

Джалалдин Шихмурзаев
Ногайский ученый-лингвист,
собиратель фольклора
(1936–1990)

Тагир Акманбетов
Собиратель и издатель
ногайского фольклора
(род. в 1953 г.)

Хаджи-Исхак Кумуков
Ногайский йырау
(1888–1966)
а. Икон-Халк,
Карачаево-Черкесская Республика



Курай Лукманов
Ногайский йырау
(1900–1990)
с. Ленинаул, Республика Дагестан

Абдулкерим Ганиев
Ногайский йырау
(1892–1976)
с. Кунбатар, Республика Дагестан

Магомед Терекбаев
Ногайский йырау
(1894–1966)
с. Кунбатар, Республика Дагестан

Махмуд Казаков
Ногайский йырау
(1888–1974)
а. Адил-Халк,
Карачаево-Черкесская Республика

Харун Дюрменов
Ногайский йырау
(1907–1989)
а. Адил-Халк,
Карачаево-Черкесская Республика

Ажимусса Кивалов
Ногайский йырау
(1916–1971)
а. Эркин-Халк,
Карачаево-Черкесская Республика

Янпой Доржиев
Ногайский йырау
(1926–1997)
а. Терекли-Мектеб,
Республика Дагестан

Казгерей Сыртланов
Ногайский йырау
(род. 1934 г.)
с. Карагас,
Республика Дагестан

Ахмат Кульниязов. Ногайский йырау
(род. 1946 г.) с. Калининаул, Республика Дагестан

Юсуп Джемакулов
Ногайский йырау
(род. 1932 г.)
а. Икон-Халк,
Карачаево-Черкесская Республика

Асият Кумратова. Народная артистка РФ
(род. 1940 г.) г. Махачкала, Республика Дагестан

Алибий Романов. Заслуженный артист Республики Дагестан
(род. 1962 г.) с. Кунбатар, Республика Дагестан

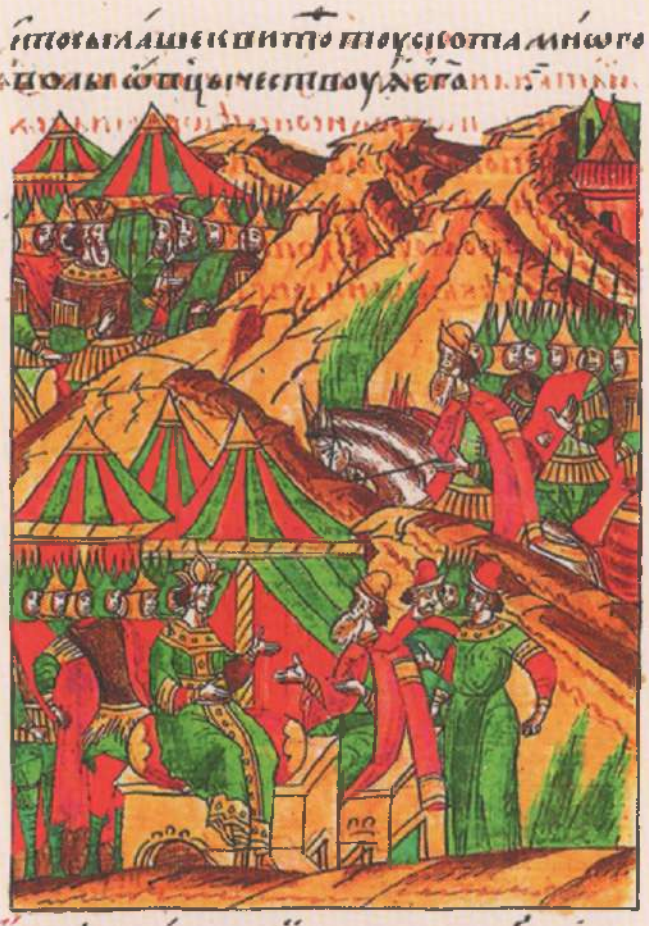
Арсланбек Султанбеков. Народный артист Карачаево-Черкесской Республики.
Заслуженный деятель культуры Республики Казахстан
(род. 1965 г.) а. Эркин-Халк, КЧР

Айна Черкесова. Заслуженная артистка Карачаево-Черкесской Республики (род. 1988 г.) а. Икон-Халк, КЧР

И пошел Литофт со своими князи и со всеми силами Литовскими, а с ним и сам царь Тохтамыш со своим двором, было их войско огромно. И пошли на Татарскую землю к Темир-Кутлую с похвальбой и гордостью, говоря, похваляясь: «Идем мы, чтобы пленить Татарскую землю, победим царя Темир-Кутлуя, захватим его царство, разделим его богатство и имущество, посадим в Орде на царство царя Тохтамыша, и на Кафе, и на Азове, и в Крыму, и в Астрахани, и в Заяицкой Орде, и во всем Приморье, и в Казани. И все будет принадлежать нам, и царь будет наш, а мы будем владеть не только Литовской землей и Польской, но и Севером, Великим Новгородом и Псковом, и немцами, и всеми великими княжествами Русскими, со всех великих русских князей будем собирать дань и оброк, а они нам покорятся, будут служить нам и исполнять нашу волю, все, что мы захотим и что прикажем им». И с такими словами пошли они завоевывать татар и царя Темир-Кутлуя и зашли далеко в татарское Поле.

Лицевой летописный свод Ивана Грозного
Русь (1400—1410 гг.). Книга II. С. 413

и отправил к Витовту много скота, волов, овец, оказывая ему почести.



И в то время пришел к царю князь Едыгей. Этот князь Едыгей был известен во всей Орде своим мужеством, смелостью и хоробростью; узнал он от своего царя о приходе Витовта и о том, что царь решил покориться Витовту, и сказал царю: «О царь, лучше будет для нас принять смерть, чем согласиться на такие условия».

Лицевой летописный свод Ивана Грозного
Русь (1400–1410 гг.). Книга 11. С. 418

Битва на Ворскле. Миниатюра из Лицевого летописного свода
Полное собрание русских летописей. М., 2008 г.

К. Зарманбетов. Бий Эдиге
Терракота. 2014 г.

К. Зарманбетов. Эдиге
Терракота. 2014 г.

К. Зарманбетов. Бий Эдиге
Бронза. 2015 г.

К. Зарманбетов.
Иллюстрация к эпосу «Эдиге»
Войлок. 2013 г.

А. Койлакаев. Эдиге
Графика. 2015 г.

А. Койлакаев. Эдиге
Графика. 2016 г.

Ф.И. УРМАНЧЕ

Народный эпос «Идегей»[1]

При рассмотрении многих сказаний тюркоязычных народов одним из сложных становится вопрос об этнической принадлежности того или иного произведения. Чтобы как-то приблизиться к решению этой проблемы, необходимо рассмотреть некоторые теоретические аспекты ее на основе хотя бы отдельных данных мирового эпоса. Известно, например, что былины характерны только для русского народного эпоса, думы – для украинского, баиты – для татарского и башкирского и т.д. Из отдельных произведений, «Песнь о Роланде», скажем, принадлежит французам; «Песнь о нибелунгах» – немцам; «Беовульф» – англосаксонцам. Подобных произведений немало и в составе тюркского народного эпоса…

Истоки сложения сказания «Идегей» соотносятся с ногайской этнической стихией. Ногайцы имели самые близкие отношения и с различными этническими группами татарского народа. Н. Исанбет об этом писал следующее: «В Золотой Орде татар называли также и ногаями (по имени темника Ногая Мирзы). Сами татары называли ногаями кочевых татар, населяющих нижневолжские степи; но узбеки, каракалпаки, казахи до сих пор еще называют ногаями казанских татар». (47, (1) к этим, в целом верным, словам следует добавить, что указанные тюркские народы называют ногаями (нугаями) не только и даже не столько казанских татар, территория обитания которых достаточно далека от Средней Азии и Казахстана, а любых татар, с которыми они так или иначе соприкасались, независимо от их этнической принадлежности, о чем, кстати, среднеазиатские народы знают очень мало (казанских, сибирских татар, татар-мишарей). Это значит, что для казахов, узбеков, каракалпаков ногайцы и татары – это один и тот же народ, люди одной и той же национальности, что впрочем, весьма показательно.

С конца XIV по XVI век, то есть в тот период, когда формировалось и распространялось у тюркоязычных народов сказание «Идегей», территорию бывшей Золотой Орды занимали ногаи, язык которых был близок к кыпчакско-половецкой группе. в этот период ногайцы находились в тесных контактах, как с сибирскими, так и поволжскими татарами: «намечается ориентация казанских ханов на ногайцев. в 1506 г. казанский царь Мухаммед-Эмин с казанцами и 20-тысячным ногайским войском совершает поход в Нижний Новгород. в 1530 г. в Казань пришло около 30 000 ногайцев, которые участвовали в обороне… Казани» (2), 161) По данным языковедов, в частности, – профессора Л.Ш. Арсланова, и в настоящее время в Казанском крае немало деревень, население которых по происхождению относится

[1] Печатается по книге: Урманче Ф.И. Народный эпос «Идегей». Казань. Фэн. 1999 г.

к ногайцам. Переселились они в Среднее Поволжье в XV–XVI вв. Многовековые добрые дружественные отношения между Ногайской Ордой и Казанским ханством отразились во многих сторонах жизни, как ногайцев, так и казанских татар. Мурзы и беки из рода мангытов-ногайцев играли очень большую роль в социально-политической жизни, особенно дипломатии, решении проблем международных отношений Казанского ханства. Они принимают активное участие в деятельности дивана – органа верховной власти ханства, который определял суть внутренней и внешней политики ханства и состоял из знаменитых, наиболее богатых и влиятельных родов Ширин, Барын, Аргын, Кыпчак. Среди ногайских родов, которые обитали на обширнейших территориях, встречаются те же роды и племена: канглы, кенегес, конграт, кыпчак, аргын, ширин. То есть, не только в социально-политической истории этих родственных народов встречается очень много общего, но и в семейно-родственных. Именно поэтому казанский ханский престол в продолжение многих лет держит крепкую связь с ногайскими родами и племенами, и не только внешнюю, но и внутреннюю – родственную. Как показывают исторические документы, один из первых правителей Казани Халил-хан (1464 –1467) был женат на чрезвычайно умной, исключительно красивой и прославленной своими добродетелями и государственным умом девушке из ногайских степей Нурсултан-бикем. После смерти хана Халила, по законам левирата, она становится женой хана Ибрагима (1467–1479). Эта прекрасная и знаменитая женщина является родоначальницей казанских ханов. Она была женой трех и матерью двух казанских и крымских ханов. Со временем ее авторитет становится непререкаемым, она долгие годы переписывается на равных с великим князем московским. о ней в народе складываются легенды и предания. После кончины казанского хана Ибрагима, она становится женой крымского хана Менгли-Гирея.

Среди пяти жен одного из последних наиболее талантливых ханов Сафа-Гирея (1524–1531, 1535–1549) были и две ногайки: одна – дочь ногайского мурзы Ших-Мамая, другая – знаменитая у казанских татар, обожествленная Сююмбике. При всем том следует иметь в виду, что отец Сююмбике – Юсуф-бек был одним из потомков Идегея, который был родоначальником всех последующих властителей Ногайской Орды и занимал одно из центральных мест в самом обширном и знаменитом цикле казахских героических сказаний о ногайских богатырях.

Все эти данные помогают выяснить вопрос о времени возникновения сказания «Идегей», хотя, в сущности, он считается решенным. По словам академика В.М. Жирмунского, «сказание об Идиге сложилось, по всей вероятности, среди тюркских кочевых племен, входивших в состав Ногайской Орды» (3), 169). Поскольку ногайцы, жившие на огромной территории от Среднего и Нижнего Поволжья до Иртыша, от южных границ Казанского ханства до Аральского моря, оказали известное влияние на формирование многих тюркских народов: киргизов, казахов, каракалпаков, башкир, татар – как поволжских, так и сибирских, одновременно и устно-поэтическое, особенно эпическое творчество этих народов испытало определенное влияние ногайской культуры, языка и фольклора. Возможно, поэтому среди предков ряда эпических героев киргизского, казахского, каракалпакского и некоторых других тюркоязычных народов неоднократно встречается имя Ногай – Ногой – Нугай. в казахском народе, как отмечалось, известен обширный цикл эпических песен о сорока ногайских богатырях. Все они, так или иначе, связаны с именем Идегея и рассказывают о его предках и потомках.

Как показывают конкретные материалы и их изучение, непосредственным источником татарской версии сказания «Идегей» является версия ногайская,

о чем свидетельствует чрезвычайная близость их сюжета, отдельных мотивов, художественных деталей и особенно – языка. в языке рассматриваемой версии в изобилии представлены ногайские элементы – в лексике (особенно!), фразеологии и др.

Среди сибирских татар и ногайцев сказание могло возникнуть и формироваться в одну и ту же историческую эпоху, поскольку Ногайская Орда и Сибирское ханство тоже были в очень тесных взаимоотношениях. Проф. А.Х. Халиков даже объединяет территорию этих государств одним термином – Сибирско-Ногайская Орда. к этому следует добавить, быть может, несколько спорный тезис о том, что язык сибирских татар ближе к ногайскому, нежели к языку казанских татар и татар – мишарей. Да и условия жизни, экономическое, политическое положение, быт сибирских татар и ногайцев были довольно близкими. Об этом свидетельствуют и записи академиков В.В. Радлова, позже – Нигмата Хакима и некоторых других ученых, глубоко художественных вариантов сказания «Идегей» именно у сибирских татар, сделанные ими в конце 60-х годов XIX и в начале XX веков.

И в среде поволжских татар эпос «Идегей» появился довольно рано, возможно, с теми ногайцами, которые переселились и «отатарились» в XVI–XVIII вв.

В XIV–XVI вв., когда складывалось сказание «Идегей», тюркоязычные народы находились в очень тесных политических и культурно-исторических взаимоотношениях.

В связи с этим эпос «Идегей» должен рассматриваться как органическая часть эпоса тех народов, в репертуаре сказителей которых он имеется. в связи с этим же, чрезвычайно важным и актуальным становится вопрос о необходимости сравнительно-исторического и сравнительно-типологического изучения всех его национальных версий и вариантов.

(с. 184–188)

Из истории в эпос. Личность Идегея

Одним из самых сложных при изучении эпоса «Идегей» является, пожалуй, вопрос об отношении сказания к конкретным историческим событиям конца XV – начала XVI вв. Попытка изучения исторических основ эпоса может оказать существенную помощь в рассмотрении и решении такой сложной и до сих пор остро дискуссионной, противоречивой проблемы, как историзм народного эпоса… Вопрос этот поднимается далеко не впервые. Однако, в большинстве имеющихся работ об эпосе «Идегей» наблюдается такая традиционная композиция: с начала исследования приводятся краткие сведения по истории записи и публикации дастана. Далее кратко рассматриваются сюжет и мотивы его, приводится анализ конкретных исторических событий, связанных с деятельностью эмира Золотой Орды – исторического Идегея.

На наш взгляд, к изучению эпоса «Идегей» необходимо подходить с других методологических позиций, учесть совершенно правильное методологическое положение Б.Н. Путилова: «Эпическая история в определенном смысле противостоит истории реальной, она как бы исправляет несовершенство этой последней, освобождает ее от трагических ошибок и несправедливости, вносит в нее разумное человеческое начало» (4), 173) Что это действительно так, может быть доказано

многими данными. Но обратим внимание и на другого рода факты. Часто и образы героев эпических сказаний отдаляются, иногда – весьма значительно, от реальных исторических персоналий, на основе деятельности которых они возникли. и это вполне естественно. Ибо, создавая образ эпического героя, народное сказание, если и опирается на образ реального исторического деятеля, дополняет его «чисто эпическими» мотивами, деталями, образно-художественными средствами и т.п. То же самое происходит и с образом Идегея в сказании о нем и о его времени.

Исходя из опыта более ранних работ об этом произведении, мы постарались идти не от истории к эпосу, а, наоборот, – от эпоса к истории. Потому что нашей задачей являлось не изучение истории Золотой Орды периода правления Идегея, а рассмотрение особенностей народного эпического сказания, так или иначе связанного с указанной эпохой, то есть – периода возникновения и формирования дастана «Идегей». При этом будем помнить слова В.Жирмунского о том, что борьба Идегея против Токтамыша является «одним из наиболее ярких эпизодов в феодальных междоусобицах периода разложения Золотой Орды», и что именно эта борьба явилась «историческим зерном, из которого развилось эпическое сказание» (3), 375)

Сюжет сказания «Идегей» развивается как бы волнообразно, то более, то менее углубляясь в те конкретные исторические события, которые он отражает, то вообще отдаляясь, даже отрываясь от них. Интересны некоторые главы, которые очень близки к реальной истории, так же, как и те, которые вообще не соприкасаются или соприкасаются лишь опосредованно с реальной историей. Немало в сказании эпизодов и мотивов, которые достаточно близки к конкретно-исторической биографии Идегея, что и обуславливает необходимость рассмотрения весьма запутанного в нашей истории и эпосоведении вопроса о личности Идегея.

Для характеристики личности Идегея необходимо учесть опыт прежних изысканий о соотношении реального Идегея и образа героя эпического сказания. При этом нельзя считать, что для понимания образа эпического Идегея необходимо знать или учесть все деяния Идегея исторического. Дастан, являющийся произведением прежде всего художественным, не может претендовать на достоверное отражение действительных исторических событий. Именно поэтому из деяний исторического Идегея остались за рамками дастана целый ряд его воинских походов, блестящая дипломатическая деятельность и многое другое. Одновременно все это нельзя считать искажением истории. Народному эпосу нужен, очевидно, не Идегей – завоеватель, каковым он, в сущности, и не был. Эпическое сказание имеет другие задачи, хотя и говорит о конкретном историческом деятеле. Попав в народно-эпическую стихию, конкретный исторический деятель перестает быть таковым и «обрастает» новыми, соответствующими духу народного эпоса качествами. Но, несмотря на общеизвестность этого положения, в большинстве работ об эпосе «Идегей» материал по истории нередко перекрывал материал народно-эпический. Так сюжет народного сказания оставался в тени сведений о напряженных конкретно-исторических событиях. а эпический Идегей – в тени Идегея исторического, который, кстати, и как исторический деятель ничем не уступал эпическим героям, на что уже неоднократно обращалось внимание. Следует иметь в виду и то, что в целом ряде вариантов сказания вообще нет сюжета, связанного с борьбой Идегея с Токтамышем, то есть, той линии, которая обычно рассматривается как историческая основа сказания. Поэтому в работах с большим вниманием к историческим событиям, связанным

с именем Идегея, наблюдается не анализ народно-эпического сказания, а изучение истории, что не входит в задачи филологических изысканий. Это должно делаться и делается историками. Наша задача заключается не в том, – писал еще в 1940 году Наки Исанбет, чтобы оправдать или осудить исторического Идигея. Это – дело историков. Задача исследователя дастана заключается в том, чтобы понять причину любви народа к нему и его такой широкой популярности в массах. Речь в данном случае идет, разумеется об эпическом батыре, а не историческом деятеле (5), 12).

Приведенные данные говорят о том, что при изучении исторических основ сказания вовсе не обязательно изучение подробной биографии исторического Идегея. Потому что образ эпического героя основывается не на конкретном жизненном пути его, а на эпической биографии богатыря, которая может иметь некоторые точки соприкосновения с жизненным путем реального исторического лица, но может и не иметь.

Действительно, есть ли что-либо общее между историческим Идегеем и Идегеем эпическим? Разумеется, есть. и немало. Необходимо особо подчеркнуть, что в сказании «Идегей» речь идет, безусловно, о том самом историческом Идегее, могущественном эмире Золотой Орды, который выступил против хана Токтамыша и попытался еще раз, после неудачных действий Мамая, восстановить былые мощь и славу Золотой Орды. Поскольку Золотая Орда, раздираемая феодальными междоусобицами, находилась на грани падения, попытки Идегея, более успешные, чем у Мамая, в целом тоже оказались тщетными. Из сложных и очень противоречивых исторических событий конца XIV – начала XVвв. народный эпос сохранил и донес до нас лишь обобщенное отражение острого конфликта между Идегеем и Токтамышем. Притом, в эпосе этот конфликт перенесен в совершенно другую плоскость. Сказание «Идегей» не знает политических причин его, не знает стремления исторического Идегея к объединению и возрождению Золотой Орды. с точки зрения исторического Идегея и истории Золотой Орды эта цель была, безусловно, благородной.

Имя исторического Идегея, вместе с конкретными историческими данными, начинает упоминаться в 1376–1377 годах. в эти годы Токтамыш ведет борьбу за золотоордынский трон против Ырыс-хана, но терпит поражение. с этим известием эмир улуса Джучи Идегей приезжает в орду знаменитого Тамерлана. в эти годы существуют хорошие взаимоотношения между Идегеем и Токтамышем. Некоторые историки сообщают и о близких родственных отношениях между ними: одна из дочерей Токтамыша была замужем за Идегеем. Осложнения их взаимоотношений было связано, видимо, с тем, что с этого времени Токтамыш начинает свои многочисленные войны против Тимура. Кроме того, известную роль сыграли дворцовые интриги вокруг наиболее любимого и уважаемого ханом эмира – Идегея, которые бесконечно раздувались хитрым и коварным Джанбаем и одной из жен хана.

Личность Идигея в печати Татарстана, во многих сочинениях по истории Золотой Орды оценивается отнюдь не однозначно. Кто-то превозносит его политическую деятельность, другие даже обвиняют его чуть ли не в исторических преступлениях против Золотой Орды. Эти противоположные факты основаны на реальных фактах: с одной стороны, Идегей является героем прекрасных эпических сказаний многих тюркоязычных народов, с другой стороны, звучат обвинения в том, что Идегей является чуть ли не одним из разрушителей Золотой Орды. в связи

с этим, возникает необходимость в выяснении действительной исторической роли Идегея в истории Золотой Орды.

Еще при жизни Идегея в простонародной среде возникают легенды, предания, сказания о его смелости, мужестве, о его выдающихся способностях как полководца и дипломата. На их основе, сначала в среде ногайского народа возникает и формируется чрезвычайно богатый по содержанию и исключительный по форме дастан. Этот дастан распространяется и среди других тюркских народов и превращается в один из самых популярных историко-эпических героических сказаний тюркских народов. Этот факт говорит о большой любви к Идегею, как аристократии, так и простого народа. Одновременно рождаются легенды и предания, воссоздающие отрицательный образ героя. Обе эти группы взглядов, выражающие отношение к Идегею, как при его жизни, так и после гибели, недалеки от исторической действительности. Ибо, как в реальной истории было немало соратников и друзей Идегея, так не было недостатка и в его прямых или косвенных противниках. Среди последних – имена таких выдающихся исторических деятелей, как Тамерлан, сыгравший отрицательную роль в истории Золотой Орды, а также Токтамыш, изгнанный из своей страны именно Идегеем. Они, являясь врагами Идегея, сделали немало для того, чтобы об Идегее распространялись лишь разоблачающие его легенды и предания.

Это противоречивое отношение к Идегею, которое возникло при его жизни, дошло и до наших дней. Когда неоднократно издается народное сказание о нем, когда пишутся научные статьи и очерки, когда на сцене Татарского драматического театра им. Г. Камала ставится трагедия Ю. Сафиуллина «Идегей», нередко повторяются избитые, практически отвергнутые историей высказывания об отрицательной роли Идегея в истории Золотой Орды. в начале XX века в исторической науке устанавливается мнение (Р. Фахретдин), что одним из разрушителей Золотой Орды, Дешт-и-Кыпчака, государства мусульман является Идегей. Если же подойти к проблеме с исторической точки зрения, вопрос стоит несколько иначе: говоря об историческом Идегее, следует помнить, что в многочисленных сказаниях тюркских народов создан исключительно выразительный, объективный образ эпического богатыря Идегея. Говорить об историческом Идегее в абсолютном отрыве от народного дастана нельзя. Резко отрицательное отношение к Идегею заключено и в знаменитом Постановлении ЦК ВКП (б) от 9 августа 1944 г. «О состоянии и мерах улучшения массово-политической и идеологической работы в Татарской партийной организации».

Гибель Золотой Орды, ее распад и разрушение связаны не с жизнью Идегея, не с политическими, экономическими и дипломатическими шагами, а прежде всего и главным образом с его смертью. Обвинение Идегея в гибели Орды противоречит закономерностям развития страны. Напротив, при нем страна последний раз поднимается на очень высокий уровень развития и продолжает играть, если не решающую, то очень важную роль во всей международной обстановке Восточной Европы конца XIV – начала XV века. Игравшая когда-то важную роль в судьбах Восточной Европы, особенно в сохранении независимости русских княжеств от западноевропейских агрессоров, Золотая Орда продолжала существовать более 60 лет и после гибели Идегея, притом занимая отнюдь не последнее место на международной арене, хотя и под другими наименованиями Малой и Большой Орды, которые нередко по-прежнему именовались и Золотой Ордой. в истории

и историографии очень редко распад Золотой Орды связывается с деятельностью исторического Идегея.

Когда говорят или пишут об историческом Идегее, у нас, да и не только у нас, но и в арабско-персидских, и западноевропейских, и особенно русских источниках, забывают или вовсе отрицают одно очень важное обстоятельство: как относится к нему и как оценивает его деятельность, его личность в его родной стране – Золотой Орде, что достаточно ясно отразилось в отношении к Идегею ногайского народа, выходцем откуда является Идегей. Объективная оценка исторического Идегея и характеристика его личности – это и есть правдивый и непредвзятый ответ на указанный вопрос.

Как выше говорилось, по своему происхождению Идегей относился к племени мангыт. и когда он стоял во главе Золотой Орды, он стал основателем, зачинателем истории ногайского народа. Долгие годы он был мурзой – властителем прежде всего Ногайского улуса. После его смерти, по его завещанию, во главе этого юрта остается его сын Гази. Однако, он не смог показать себя сколько-нибудь крупным государственным деятелем, не смог, в отличие от отца, сыграть какой бы то ни было значительной роли в истории ногайцев.

Более талантливым был второй сын Идегея – Нуретдин. Именно поэтому его образ широко отражается и в народном эпосе. Он хорошо сохранился в памяти ногайского народа как талантливый государственный деятель. Его юрт-улус сначала кочует на правобережье Яика. Со временем оказывается, что этих территорий мало для растущего и постоянно увеличивающегося племени. Видя это, Нуретдин присоединяет к своим владениям и левобережье Яика.

Нуретдин сыграл важную роль в становлении и формировании ногайского народа, его государственности и оставил глубокий след в его политической истории. Даже после его смерти в титулатуре ногайских владетелей остается титул нуретдина. в ногайских степях после стоявшего во главе страны б и я (б е к а?) на втором месте стоит человек, носящий титул нуретдина.Если у других тюркских народов после хана или падишаха стоит первый визирь, то у ногайцев это место занимает нуретдин.

Полное формирование Ногайской Орды, как самостоятельного государства, происходит при внуке Идигея – Ваккасе. Он и считается действительным основателем Ногайской Орды.

Как видим, возникновение и формирование Ногайской Орды, начальные этапы ее истории, так же как и ее культуры и в какой-то мере эпического творчества в таких масштабах, связаны с именем Эдиге и его непосредственных потомков.

Из приведенных данных видно, что в Ногайской Орде, в ногайском народе, если подойти к проблеме шире и объективнее, – у многих тюркских народов сохраняется глубокое уважение и любовь, как к историческому, так и к эпическому Идегею. Несмотря на многолетние запреты на изучение, публикацию, на справедливое отношение к личности Идегея, практически все тюркские народы сохранили глубокую любовь и уважение к имени и деяниям Идегея. Ибо лишить народ его благородной и благодарной памяти невозможно.

Чтобы воссоздать более или менее объективный портрет Идегея, как незаурядного человека и, несомненно, талантливого исторического деятеля своей эпохи, придется заново и непредвзято пересмотреть многие источники по истории Золотой

Орды, Средней Азии и всей Восточной Европы о событиях конца XIV – начала XV веков. Нами же предприняты лишь первые шаги в этом направлении.

(С. 136–181)

ЛИТЕРАТУРА

1. Научный архив Института языка, лит-ры и ист. им. Г. Ибрагимова Казанского Научного Центра СССР. Фонд 52, опись I, единица хр. 192, 210.
2. Халиков А.Х. Татарский народ и его предки. Казань, 1989.
3. Жирмунский В.М. Тюркский героический эпос. Л., 1974.
4. Путилов Б.Н. Типология фольклорного историзма//Типология народного эпоса М., 1975.
5. Исанбет Н.С. к пятисотлетию татарского народного дестана «Идегей»// Архив, ер. хр. 195.

Ф. А. КУСЕГЕНОВА

Фольклорное наследие ногайцев: проблемы сохранения и перспективы исследования

Фольклорное наследие народов – это базовая, фундаментальная ценность, определяющая силу и историческую жизнеспособность духовной культуры его носителей. Только коллективные усилия ученых-гуманитариев способны выработать эффективную методологию фольклористики – науки о памятниках устного словесного творчества народов.

Богатый и выразительный фольклор ногайцев нуждается в комплексном изучении его жанров, в обобщающих исследованиях теоретического и историко-культурного плана. Ведение этой работы в широком контексте, лоне современной тюркологии, включая зарубежную, – принципиально важно.

Формирование и становление ногайской фольклористики как самостоятельной дисциплины ногаеведения имеет свою историю, связанную с приходом в науку в середине XX века национальных кадров, с введением в научный оборот, благодаря их усилиям, обширного материала, организацией большой системной работы по его осмыслению в контексте общетюркского фольклорного наследия.

Начало такой работе, как известно, было положено еще в XIX веке, в отдельных публикациях образцов фольклорных текстов. Первые их записи и издания, принадлежащие А. Шарапову, датируются 1830 г. в последующие годы известные в тюркологии публикации А. Рудановского, А. Архипова, М. Османова, Н. Семенова, В.В. Радлова, Ч.Ч. Валиханова, Г. Ананьева, П. Фалёва и др. усилили интерес к фольклору ногайцев, подчеркнули актуальность вопроса о его специальном и глубоком изучении.

В истории ногайской культуры особый след оставил А.-Х.Ш. Джанибеков (1879–1955) как собиратель, исследователь и издатель устного народного творчества. с начала XX века в разных ареалах проживания ногайцев им записаны образцы фольклорных произведений разных жанров: пословиц, поговорок, загадок, сказок, песен – героических, лирических, календарно-обрядовых, казацких и др. Собранный материал был им систематизирован и составил впоследствии его рукописный многотомник «Соьз казнасы» («Сокровищница слов»). Часть этого собрания увидела свет в 1994 году в Камызяке Астраханской области, а другая – более значимая – в 2001 году издана отдельным сборником в Дагестане С.К. Рахмедовым (1935–2005) *[1]*.

---

[1] Печатается по: Сборник Материалов Международной научно-практической конференции «Ногайцы: XXI век. История. Язык. Культура. От истоков – к грядущему». Черкесск, 2014. С. 306–310

Работу по сбору, систематизации и изданию ногайского фольклора продолжила С.А.-Х. Джанибекова-Калмыкова (1928 г. р.), дочь А.-Х. Джанибекова. в 1955 году в Черкесске ею издан сборник «Йырлар, эртегилер, айтувлар, юмаклар» («Песни, сказки, поговорки и загадки»), а в 1969 г. в Московском издательстве «Наука» – «Ногай халк йырлары» («Ногайские народные песни»).

Работу по собиранию ногайского фольклора успешно проводил, будучи сотрудником ДНЦ РАН, ученый-языковед, исследователь ногайского фольклора Д.М. Шихмурзаев (1936–1990). Его наследие составил ряд научных статей, а также сборник «Ногай халк эртегилери» (Ногайские народные сказки), изданный в Махачкале в 1994 году.

В истории собирания и научного изучения ногайского фольклора особое место принадлежит творчеству ученого-фольклориста А.И. Сикалиева (1936 г. р.). Песенный фольклор, образцы эпического наследия ногайцев опубликованы им в таких книгах, как «Айт десенъиз, айтайым…» («Если просите, спою…»), «Ногайдынъ кырк баьтири» (Сорок ногайских богатырей) *[2]* и др. в сборник ученого «Сынап карап, сырласып…» *[3]* вошли статьи и рецензии по проблемам устного народного творчества и литературы.

А. Сикалиев – автор основательного монографического исследования героического эпоса народа. «Ногайский героический эпос» *[4]* – это глубокий и всесторонний анализ эпического жанра с точки зрения эстетики и поэтики. Особо ценны в монографии разделы, связанные с историей литературной поэзии, – творчеством ногайских средневековых йырав, а также мастерством народных сказителей.

Принципиально важны для работы по сохранению устного народного творчества ногайцев фольклорные экспедиции, системность в проведении которых была заложена А.-Х.Ш. Джанибековым, А.И. Сикалиевым и Д.М. Шихмурзаевым.

Труды ногайских ученых-фольклористов – важный источник для обогащения духовной жизни народа. Это важная основа для привития вкуса к чтению, любви к родному слову у подрастающего поколения, сохранения исторической и духовной памяти. Именно поэтому при составлении школьных программ, учебников по родному языку, организации внеклассных мероприятий на всех уровнях обучения (школа – колледж – вуз) фольклорный материал используется как основной источник.

В деле собирания и изучения фольклора велика роль подвижников от культуры, любителей и ценителей родного слова. Уникальный пример представляет собой деятельность заслуженного работника культуры Республики Дагестан Т.А. Акманбетова (1953 г. р.), занимающегося долгие годы собиранием, систематизацией, классификацией, изданием ногайского фольклора, причем тех его жанров, которые ранее не были удостоены внимания фольклористов, а также вариантов уже известных текстов, публиковавшихся по идеологическим соображениям в усеченном или отредактированном виде. Как пример такого текста – уникальный вариант дастана «Бозйигит» (2011), который значительно отличается от общеизвестных версий.

Тексты своих изысканий, обзоры, анализ фольклорного материала Т. Акманбетов регулярно печатал на страницах республиканских газет «Шоьл тавысы» («Голос степи»), «Ногай давысы» («Голос ногайцев»), альманаха «Тувган ерим» («Родная земля») и др.

Бесценным вкладом в ногайскую фольклористику является изданная им в последние годы серия сборников фольклорных текстов, атрибутированных изданий,

с предисловиями, примечаниями, комментариями: «Алал косак» («Верная спутница»), «Маьнели соьз малдан артык» («Мудрое слово дороже богатства»), «Куьмис алка» («Серебряная застежка»), «Коьз ясым нур болсын» («Пусть слеза станет лучом»), «Конъил юманышы» («Отрада души») *[5]*. Книга «Колым яхшылыкка тийсин» («Пусть рука прикоснется к добру») *[6]* содержит материал по народной педагогике.

На труды Акманбетова ссылаются в своих работах ученые-фольклористы, опираются творческие работники – писатели, журналисты. Именно его фольклорные записи легли в основу книг «Ай, Айданак» С. Батырова и «Ногайские мифы, легенды и поверья» И. Капаева *[7]*.

Издания «Пусть слеза станет лучом» и «Отрада души», в которых собраны песни-плачи (бозлавлар) и частушки (сарынлар), – фактически первое представление народу ранее не печатавшихся текстов малоизученных жанров ногайского фольклора. Уникальность этих изданий в том, что автором бережно сохранен оригинал текстов через форму, лексику, стиль.

Любая публикация фольклорных текстов ценна сохранением версии и в плане сюжетных линий, и арсенала изобразительно-выразительных средств, и мотивов. Эта особенность отличает собрания Т. Акманбетова.

Исследования в области современной тюркологии делают очевидной значимость ногайского фольклорного материала, особенно эпического жанра, для истории формирования словесной культуры родственных народов (казахов, каракалпаков, татар, башкир), с которыми ногайцев связывала генетическая, историко-культурная общность. Эпос «Эдиге», цикл о «Сорока ногайских богатырях», лирические дастаны, сложившиеся в Ногайской орде и затем уже распространившиеся в тюркском мире, являются общим достоянием многих народов. Варианты бытующих у них текстов на сегодняшний день достаточно хорошо исследованы в академиях наук этих республик. в Казахстане, к примеру, издан 100-томник фольклорного наследия казахов «Бабалар соьзи», включающий в том числе и казахские варианты вышеназванных эпических произведений. Учеными-фольклористами Казахстана в течение последних десятилетий осуществлены сотни научных исследований по фольклористике. Именно поэтому укрепление научных контактов в области сравнительно-сопоставительных исследований вариантов фольклорных текстов видится одной из самых плодотворных задач современной международной тюркологии.

Ногайский материал, крайне не достаточно исследованный, в силу драматически сложившейся исторической судьбы народа, начиная со времени утраты государственности, несомненно, представляет большой интерес.

Ногайский фольклор бытует в разных этнических группах, на различной языковой основе, в вариантах, обусловленных национальным опытом этих этносов. «Так, среди кумыков – древних тюркоязычных кавказцев – слабо были развиты сказания о сравнительно поздних исторических событиях, связанных с историей тюрков при Тамерлане, Тохтамыше, Эдиге и др., и кумыки восполнили свой репертуар подобными сказаниями соседнего народа, язык которого близок к кумыкскому, – ногайцев» *[8, 2]*.

Такого рода сравнительно-сопоставительные исследования уже стали предприниматься в самой ногайской фольклористике и это научное направление практически неисчерпаемо в своих внутренних возможностях и методологических

решениях. Одна из таких работ – монография Ф.А. Кусегеновой «Ногайские дастаны» *[9]*, исследующая народные лиро-эпические поэмы, их идейное содержание и художественное богатство, а также содержащая сравнительный анализ ногайских дастанов (ног. – дестан), их типологические характеристики, связи с аналогичными произведениями тюркоязычных народов и их роль в формировании современной профессиональной литературы.

Велика значимость проекта Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы ДНЦ РАН по созданию Свода памятников фольклора народов Дагестана, который отражает все богатство дагестанского, в том числе и ногайского, устного народного наследия. Материалы его тем ценнее, что национальные тексты сопровождаются переводами на русский язык и оснащены комментариями. Это расширяет аудиторию читателей, выполняет функцию по сближению народов на основе взаимопознания, укрепления культурных связей. Сбор, систематизацию, паспортизацию и перевод на русский язык ногайских текстов Свода осуществили Т. Акманбетов и Ф. Кусегенова *[10]*. с научной точки зрения создание такого проекта, работа над которым является стимулом для оживления собирательской деятельности, – важный шаг вперед, свидетельство выдвижения ногайской фольклористики на новые рубежи.

Устное народное творчество чрезвычайно чувствительно к историческим переменам в жизни этноса, поэтому фольклор – наследие прошлого, настоящего, своими тенденциями, художественными достижениями устремленное в будущее – постоянно эволюционирует: при этом одни жанры исчезают, становятся реликтовыми, другие – трансформируются.

Фольклор и литература всегда взаимосвязаны, народная поэзия никогда не переставала обогащать письменную литературу эстетически и поэтически. Поэтому тема фольклорных взаимосвязей не перестает сохранять свою актуальность, не утрачивает позицию главного направления научного поиска в литературоведении. Отсюда – плодотворность исследований, выполненных на стыке литературы и фольклора.

Фольклористика в основе деятельности несет функцию по сохранению и популяризации музыкальной сокровищницы народа. Ногайский эпос традиционно исполнялся певцами-импровизаторами в сопровождении самобытных по устройству музыкальных инструментов. Современные исследования ученых-искусствоведов открывают множество граней этого искусства (публикации Б. Кардановой). Традиционная словесно-музыкальная культура ногайцев равностепенно проявляет себя в оригинальном или интерпретированном виде почти во всех сферах художественного творчества.

В наше время однозначно ценны для сохранения традиционной ногайской манеры исполнения записи С. Язлыбаева, А. Кумратовой, Я. Кудайбердиева, А. Романова, А. Султанбекова и др. Фольклорные праздники («Навруз-байрам», «Сабантой» и др.), актуализирующие в своих сценариях традиционное словесно-музыкальное наследие, свидетельствуют о том, что народное искусство во все времена востребовано самой широкой аудиторией, что непременно является залогом сохранения национального самосознания, исторической памяти народа.

К разряду все еще насущных проблем относится тот факт, что основная масса ногайского фольклорного фонда остается неизданной, включая, в первую очередь,

рукописный многотомник А.-Х. Джанибекова. Большое количество собранных текстов и материалов по фольклору продолжает оставаться в рукописях, необработанных и не введенных в научный оборот.

Значительный фольклорный материал, за исключением эпоса, до сих пор не стал предметом специальных исследований и обобщающих научных трудов в ногаеведении. Афористические жанры, мифология, несказочная и сказочная проза, являющиеся приоритетными объектами в фольклористике других народов, у ногайцев не достаточно изучены. Остались без должного внимания и проблемы жанровой классификации, поэтики ногайского фольклора.

Основные сложности развития фольклористики связаны с общей для всей гуманитарной сферы проблемой: неохотными инвестициями в нематериальную сферу по причине якобы невозвратности этих вложений. Такой подход породил, как это уже очевидно, массу проблем, нарушил взаимосвязи и взаимообусловленность многоступенчатой последовательной системы образовательного комплекса. в первую очередь это ударило по качеству преподавания родного языка в образовательных учреждениях, по системе воспроизводства научно-педагогических кадров в силу падения престижа профессии учителя.

Недобор на отделениях филологии вузов делает невыполнимой задачу привития первых навыков в деле сбора, сохранения и систематизации устного народного творчества студентами. в частности, русско-дагестанское отделение филологического факультета ДГУ (Махачкала) ежегодно осуществляло фольклорные экспедиции в места компактного проживания ногайцев. Эта практика ныне свернута.

Пропаганда и популяризация традиционного устно-поэтического творчества, имеющего огромный познавательный, художественно-эстетический и воспитательный потенциал, – в ряду важнейших задач фольклористики, образовательной системы и культурных учреждений, издательских центров. По-прежнему актуальны задачи фиксации все еще необработанного устного наследия народа, нового научного осмысления старых фондовых записей, переиздания базовых научных трудов, уже давно ставших библиографической редкостью. Целесообразно в образовательных организациях регионов проживания ногайцев открытие фольклорных кружковых занятий по народным инструментам, вокалу и хореографии, привитию начальных навыков в области народных ремесел, декоративно-прикладного искусства, а также развития речевых традиций, усвоения этикета (бет аьдет), с привлечением опыта народных умельцев, артистов, уважаемых жителей. При этом необходимо разрабатывать соответствующие методические комплексы, совершенствовать имеющиеся. в системе образования и культуры не хватает иллюстрированных книг для детей. Издание в современном полиграфическом исполнении сборников, антологий, сводов фольклора, а также адаптированных их вариантов для детей (сказки, пословицы, поговорки, загадки и др.), в какой-то мере содействуют улучшению сложившейся ситуации.

Одной из наиболее актуальных задач является подготовка квалифицированных специалистов в области ногайской фольклористики. в научно-исследовательских центрах регионов проживания ногайцев, за исключением Карачаево-Черкесской республики, нет ни одной штатной единицы специалистов по ногайской фольклористике, литературоведению. с учетом того, что все средневековое и Нового времени (до XX века) фольклорное наследие народа зафиксировано на арабице,

отсутствие фольклористов-текстологов, переводчиков делает неэффективной и даже бессмысленной работу фольклористов, которых также приходится едва ли не по одному на регион. в первую очередь, эта ситуация применима к Дагестану – месту проживания наиболее многочисленной группы ногайцев в России. Только государственное внимание к этим проблемам может изменить ситуацию. Речь идет прежде всего о финансировании фольклорных экспедиций, создании условий для аудио- и видеозаписи народных исполнителей, а также активной пропаганде фольклора в средствах массовой информации.

Сборники фольклорных текстов, изданные А.-Х.Ш. Джанибековым, С.А.-Х. Джанибековой-Калмыковой, Д.М. Шихмурзаевым, А.И. Сикалиевым, Т.А. Акманбетовым на родном языке, научные статьи о календарно-обрядовой поэзии, этнопедагогике Р.Х. Керейтова, работы по музыкальному фольклору Б.Б. Кардановой, Н.Г. Гайнуллиной, А.Р. Усмановой, монографические исследования А.И. Сикалиева, С.Ш. Гаджиевой, Ф.А. Кусегеновой – существенный вклад в развитие науки об устном народном творчестве ногайцев. Однако, ногайская фольклористика, хотя и представляет собой самостоятельную отрасль с уже устоявшимися традициями, о которых свидетельствуют уникальные фольклорные фонды, публикации лучших текстовых образцов и др., все еще остается одной из самых малоизученных областей ногаеведения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Джанибеков А-Х.Ш. Сокровищница слов / Сост. С. Рахмедов. Махачкала, 2001 (на ног. яз.).
2. Если просите, спою… / Сост. Сикалиев А.И. Черкесск, 1971 (на ног. яз.); Сорок ногайских богатырей / Сост. Сикалиев А.И. Махачкала, 1991 (на ног. яз.).
3. Сикалиев А.И. Статьи и рецензии. Черкесск, 1975 (на ног. яз.).
4. Сикалиев А.И. Ногайский героический эпос. Черкесск, 1994.
5. Акманбетов Т.А. Верная спутница. Черкесск, 1985 (на ног. яз.); Мудрое слово дороже богатства. Махачкала, 1991 (на ног. яз.), Серебряная застежка. Махачкала, 1992 (на ног. яз.); Пусть слеза станет лучом. Махачкала, 2009 (на ног. яз.); Отрада души. Махачкала, 2010 (на ног. яз.).
6. Акманбетов Т.А. Пусть рука коснется домбры. Махачкала, 2012 (на ног. яз.).
7. Ай, айданак / Сост. С. Батыров. Махачкала, 1990 (на ног. яз.); Капаев И.С. Ногайские мифы, легенды и поверья (Опыт мифологического словаря). М., 2012.
8. Традиционный фольклор народов Дагестана. М., 1991.
9. Кусегенова Ф.А. Ногайские дастаны. Махачкала, 2007.
10. Свод памятников фольклора народов Дагестана: в 20 т. / ИЯЛИ ДНЦ РАН. Т. 1: Сказки о животных. М.: Наука, 2011; Т. 3: Бытовые сказки. М.: Наука, 2013; Т. 4: Мифологическая проза. М.: Наука, 2012.

Б.И. НУРДАУЛЕТОВА

Мифологические аспекты эпоса «Маулимнияз-Едиге»

Жыр «Едиге», являющийся частью цикла жыров (эпическое произведение) эпоса «Қырымның қырық батыры» («Сорок батыров Крыма»), известный казахский жырау Нуртуган Кенжегулулы (казахи величали его «шайыр») воспевал под названием «Маулимнияз-Едиге». в поэтическом языке жыров существуют своеобразные языковые особенности, характеризующие религиозную мифологию казахов. в жырах также нашли отражение такие понятия, как «мировое древо», «взаимосвязь между космосом и хаосом», «связь возникновения жизни с водой», которые присущи мифологическому мировоззрению народов мира. Все это свидетельствует о том, что изначальная версия, оригинал данного произведения уходит корнями в глубь веков. Применение слов «пир», «мурид», «зикр», «ангел» и др., являющихся основой языковой атрибутики мусульманской религии, говорит о том, что формирование некоторых сюжетов жыра «Маулимнияз-Едиге» происходило в XII–XIII веках под влиянием религиозно-познавательных понятий письменной тюркской литературы Средней Азии. Эти языковые особенности религиозно-мифологических понятий встречаются и в версии жыра «Едиге» Ш. Валиханова, который является наиболее ранней версией. Языковые особенности эпоса характеризуют мифологическую модуль мира в соответствии со следующими параметрами: 1) пространственно-временными; 2) причинными; 3) этическими; 4) количественными; 5) семантическими; 6) персонажными. в жыре «Маулимнияз-Едиге» языковые особенности религиозно-мифологических понятий характеризуют концептуальное мировоззрение казахов, ногайцев, татар, каракалпаков и др. этносов, на основе которого и зародилась изначальная версия жыра.

Цикл жыров «Қырымның қырық батыры» («Сорок батыров Крыма») – это общий для казахов, ногайцев, каракалпаков, татар, башкир историко-героический эпос. о его зарождении, содержании, структуре, историзме, языке, текстологии в период XIX–XX веков был опубликован ряд исследований. Тем не менее, существуют различные мнения и гипотезы о конкретном периоде зарождения эпоса, его изначальной версии, языке (какой из современных языков – казахский, ногайский, татарский, башкирский, каракалпакский – ближе к языку изначальной версии?), связи с историческими фактами. Цикл жыров «Қырымның қырық батыры», как видно из названия, состоит из жыров, воспевающих подвиги около сорока батыров разных периодов. Если рассмаривать художественность эпоса по этапам, то, по

хронологии, в самом начале (в некоторых версиях – после Парпарии) стоит батыр Едиге – «отец» всех батыров.

По мнению исследователей, существует несколько версий жыра о батыре Едиге, сохраненные только среди казахов. Наиболее известны версии под названиями «Едиге», «Мырза Едиге», «Маулимнияз-Едиге», «Едиге батыр». в этом ряду более ценным для научных исследований с точки зрения системности содержания, древности языковой формы, художественного содержания, языковых возможностей мы признаем версию «Маулимнияз-Едиге», записанную первым казахским ученым Ч. Валихановым и воспетую жырау-шайыром Нуртуганом Кенжегулулы родом из Сыра Казахстана – Аральского района Кызылординской области. Поскольку статья посвящена анализу мифопоэтического познания в языке изложения жыра, есть смысл остановиться на религиозно-мифологических аспектах содержания и языкового применения.

Хотя в эпосе описываются в основном события, произошедшие в Ногайской орде в XIV веке, во времена правления хана Токтамыса, вводную часть автор начинает с описания событий IX века: *«Ғасырда тоғызыншы өткен адам, Көп болып бізден бұрын кеткен заман. Шығысы Азияның қытай, қалмақ, Һәм және маңғұл, ногай, сирек қазақ. Айрылған Стамбұлдан ногай халқы, Бөлініп бүліншіліктен бермен ауған, Ногайлы бөлім-бөлім хан болыпты, Аз ғана бөлек-бөлек, аудан, аудан.* – в веке девятом жил человек. Много с тех пор прошло эпох. На востоке Азии – китайцы, калмыки, ногайцы и изредка казахи. Ногайской народ лишился Стамбула, Отделившись, из-за распрей, переселился к нам, Ногайлы состоял из раздельных ханств и частей». Основная идеологическая опора жыра – это духовная миссия мусульманской религии, соединившая разрозненные родственные этнические группы в одно духовное объединение. о том, что события, описываемые в жыре, происходили во времена становления исламской религии, говорят следующие строки: *«Көне дін жаңа дінмен жайғаса алмай, Сол күнде неше түрлі ұрыс болған...* – Старая религия не могла достичь согласия с новой, в эти дни было много распрей».

В поэтическом тезаурусе жыра Нуртугана жырау «Маулимнияз-Едиге» наряду с такими терминами, характерными для мусульманской религии, как *пір* (духовный наставник), *мүрид (*в мусульманских странах так называют человека, желающего посвятить себя исламу и овладеть основами мистического учения – суфизма), *шайтан* (бес), *зікір* (исламская духовная практика, заключающаяся в многократном произнесении молитвенной формулы, содержащей прославление Бога), *тәуба* (удовлетворенность своей судьбой), *асылық* (богохульство), *дәрет суы* (вода для омовения), *нұр* (свет), *уағыз* (проповедь), встречаются и мифические понятия, присущие доисламским жырам-дастанам, – *пері* (пери), *ақсарыбас қу* (белоголовая лебедь), *көркем терек* (красивый тополь), *дуа* (заклинание), *Қап тауы* (гора Кап), *дию* (чудовище) и др.

Появление на свет главного героя Едиге описывается в сюжетах, построенных как на мифологической, так и на религиозной основе. у «благородного шейха Шашты Азиза» есть 105 муридов (ученики в религиозном обучении). Самый достойный из них – Маулимнияз, сказав: «В этой жизни я не женюсь, не буду иметь детей, копить имущество, увеличивать грехи, буду только подогревать воду для омовения своего пира», – посвятил жизнь служению своему пиру (учителю в мусульманской религии). о том, что преданность учителю является главной человеческой позицией для мурида, можно понять по тексту жыра в строках: *Шықпайды еткен ісі дін жолынан, Бәрінен күллі мүридтің абзал болып, Қызметін алып жүрді, ұстап құмған.* – Деяния его не

противоречат религиозными устоям, Лучше всех муридов, Нес свою службу, неся кумган. в один из дней Маулимнияз приснилась девушка-пери, которая сказала ему: «Отыщи меня во что бы то ни стало». Маулимнияз, нарушив присягу на верность учителю, решил выйти в путь на поиски девушки-пери. Это отклонение от прямого пути стало основной причиной отрешения от оставшейся жизни. Оступившийся ученик, представ перед учителем, просит разрешения словами: *«Ақыреттік пірім-ай! Айрылып тұрмын әдептен, Қалып тұрмын әдеттен, Тақсыр-ай, өзің білесің, Мүридіңе кәр етсең* – Наставник мой до дней Ахирета! Лишился я учтивости, Изменил я устоям, Таксыр, решать только тебе, Рассердиться ли на своего мурида». Баба Шашты Тукти Азиз, знавший о непреклонном нраве своего ученика, сказав: *«Енді саған сөз қонбас, Болыпсың мықты алаң-ай, Көрген түсті жорытсаң, Болмайтын ба еді маған-ай?!* – Теперь тебя словами не остановить, Сильно ты увлечен, Нужно было мне рассказать о своем сне», сообщил, что Маулимнияз прогневил Аллаха, провинившись перед пиром. Сам Маулимнияз часто говорит о том, что неверность слову, нарушение клятвы чужды для «любимого раба Аллаха», «настоящего человека»: *«Дүния кезсін сандалып, Уәдеден тайса, кім бұрын! Асы болма, асылдар Теріcтеп Хақтың бұл ісін.* – Пусть скитается по свету, Отступники от клятвы! Не богохульствуйте, дорогие, Опровергая деяния Всевышнего».

После долгого и мучительного путешествия Маулимнияз находит девушку-пери на горе Кап, у ручья, под величественным деревом байтерек, при загадочных обстоятельствах. *Гора Кап* во всеобщей модели мира – хаос, а в понимании казахов – страна пери. в казахских сказках и легендах, в героическом эпос часто встречаются сюжеты о горе Кап – недосягаемом для человека потустороннем мире. Также, если образ воды (граница между хаосом и комосом), связывающий два мира, в жыре представлен как место встречи Маулимнияза с девушкой-пери, то образ мироздания в мифической поэзии – мировое древо (*өмір бәйтерегі*) – как место встречи Маулимнияза со своим ребенком, рожденным от пери. То есть, появление новой формы жизни от соприкосновения хаоса и космического существа связывается с мировым деревом.

В.В. Топоров предлагает рассматривать мифопоэтическую модель мира во взаимосвязи со следующими параметрами мироздания: 1) пространственно-временными; 2) причинными; 3) этическими; 4) количественными; 5) семантическими; 6) персонажными *[3, 154]*.

Обратимся к подаче указанных параметров в жыре «Маулимнияз-Едиге». Пространственно-временной параметр мифопоэтической модели мира показан через мировое дерево, *гору Кап* – страну пери, обозначающую границу двух миров.

По причинным параметрам первопричиной отклонения с истинного пути Маулимнияза послужило явление во сне дочери пери, основанием вступления в касту дервишей – предательство по отношению к дочери пери. Этические параметры мифического познания объясняются неприятием представителей двух миров друг-друга. Например, для пери чужда земная жизнь Маулимнияза, для Маулимнияза – внешний облик девушки (дырки в подмышках, раздвоенные пятки) представляется уродливым, отталкивающим. Такие этические различия двух разных миров приводят к несостоятельности их совместной жизни. Из этого следует заключение о несовместимости космоса и хаоса, так как они относятся к разряду противоположных явлений.

Е. Мелетинский, анализируя мифопоэтические воззрения народов мира, резюмирует: «Хаос большей частью конкретизируется как мрак или ночь, как

пустота или зияющая бездна, как вода или неорганизованное взаимодействие воды и огня.., а также в виде отдельных демонических (хтонических) существ ...Превращение хаоса в космос оказывается переходом от тьмы к свету, от воды к суше, от пустоты к веществу, от бесформенного к оформленному, от разрушения к созиданию» *[4, 206]*. Схождение Маулимнияза с дочерью пери в эпосе «Мәулимнияз-Едиге» – столкновение космоса и хаоса, а ребенок, зачатый при данном сближении, описывается как переход «от света к мраку, от воды – к суше, от пустоты – к организованному пространству, от бесформенности – к конкретному состоянию, от уничтожения – к созиданию», т.е. как символ перехода из хаоса в космос. Таким образом, появляется избранный потомок (Едиге батыр), наделенный полномочием правления на Земле.

Числовые параметры мифического познания определяются в поэтическом применении сакральных чисел. в подтексте числовых параметров заключены и мифологические, и религиозные разъяснения. Срок совместного проживания Маулимнияза и дочери пери Каншайым – четыре месяца, то есть, сто двадцать дней. Данный период является сроком искупления грехов перед Аллахом дочкой пери, вынужденной от безысходности быть привязанной к земной жизни. в эпосе устами Каншайым приводится следующее объяснение: *«Сағаты біміп зынданның, Сытылып кеттім бүгінде. Адам мен пері жайғаспас, Асылы, сірә түбінде. Балалықпен мен сені, Алып едім мазаққа. Сол үшін салды құдайым Мені төрт ай азапқа.* – Закончилось время зиндана (неволи), Освобождение получено сегодня. Человек и пери не могут быть вместе. По наивности детской, я потешилась над тобой. Сто двадцать дней – это три раза по сорок дней». в мировоззрении казахского народа много сакральных понятий относительно данного числа. в мифопоэтике число сорок применяется как переходная грань от мира хаоса к миру космоса. Например, новорожденный младенец (прибывший в мир хаоса) через сорок дней адаптируется к земной жизни (воздух, вода), душа умершего не может покинуть бренный мир на протяжении сорока дней. По этой причине ритуальные проводы покойного в мир иной – дни плача продолжаются до сорока дней.

В суфийском познании мурид проходит испытание в течение сорока дней, то есть, в течение этого срока питается водой и черным хлебом, в полном одиночестве молится Аллаху, знакомится с основами религиозного учения, учит наизусть священные тексты. Только после трехкратного прохождения муридом таких испытаний, он входит в доверие и получает разрешение быть посвященным в таинство зикра . Таким образом, можно сделать заключение, что наказание для Каншайым, сбившей Маулимнияза с истинного пути, было назначено в трехкратном пребывании на земле по сорок дней. а также, достижение младенцем в утробе Каншайым четырех месяцев, то есть, одушевление тела, связано с таинством числа сорок: «В четыре с половиной месяца он начинает шевелиться, микрокосм приобретает свой ритм, и с этого времени, по представлениям казахов, в ребенка вселяется душа» *[5, 58]*.

Семантические (смысловые) параметры мифического модуля мира представлены в противоположных явлениях качественного строения эпоса. Если главный герой произведения Маулимнияз является земным человеком, дочь пери – житель небесного мира. Их противопоставляемая природа особо выразительно прослеживается в семантических рамках таких антонимичных рядов, как ровня – неровня, выше – ниже: *Болмайды **перілердің** адам теңі...Адамның білем кемісін. Кем де болса, теңгерді Асы болма асылдар...Біз **пері** деген халықпыз **Періштеден** төмендеу,*

Адамнан артық үлесі. – Человек не может быть ровней пери... Человек ниже пери. Хоть и ниже человек пери, Волею судьбы нас сравняли. Мы, пери, находимся чуть ниже ангелов. Наша участь выше человека. То есть, пери обитают в небесном мире. Могут одинаково пребывать в воздухе, воде, суше, летают, плавают, ходят, даже могут изменять внешний облик. *Өтпей-ақ көп уақыт әлгі құлар, Сөйлесіп,* ***адам болды*** *дабырлаған.* – Через некоторые время эти лебеди, Начали говорить и галдеть по-человечески. При желании могут использовать колдовские чары: *Бір жерің ауыра ма, жылдам айтшы, Дуамен соқтырайық саулық желін... Кеуліңді әр жұмада қош қылармыз, Көшіріп сауық-сайран, сәнді сарай.* – Скажи мне быстро, где у тебя болит, Заклятием вернем тебе здоровье... Каждую пятницу будем доставлять тебе наслаждение, Устроив веселье и пиры, воздвигнув величественные дворцы.

А у человека возможности ограничены, по причине большой похоти, природа изменчивая, бренная: *«Бірақ та* ***адамзаттың опасы жоқ****, Айниды ол табылмаса көңіл-қошы...Адамзат* ***уағдаға опа қылмас****, Өзінің өзі қалар обалына-ай.* – Мир человечества изменчивый, Если не найдет равновесие душевного настроя... Человечество непостоянно в своих заверениях, Сам себе причиняет вред. Поэтому статус человечества находится ниже пери».

Причиной схождения с истинного пути аскетичного мурида, преданно служившего своему пиру (духовному наставнику) явилась дочь пери. Так описывается качественная характеристика пери в языковом миропознании эпоса: *Біз – пері деген халықпыз, Періштеден* ***төмендеу****, Адамнан* ***артық*** *үлесі,* – Мы пери находимся чуть ниже ангелов. Наша участь выше человека; внешний облик, форма: ***Өкпем тесік, өкше айыр... Қолтығымның тесігі*** *– Ұшатын қанат орыны,* – Легкие с отверстием, пятки раздвоены... Дырки в подмышках – место крыльев для полета.

Вредительские действия пери предаются в языке через словосочетания *«пері соққан»* (пери ударил), *«пері иеленген»* (пери одолел). Также в героическом эпосе описаны многочисленные примеры вредительских намерений пери в целях введения в заблуждение главных героев (дочь пери Бекторы). Однако принято считать пери несколько приближенными к человечеству, нежели *жын-шайтан* (злые духи, бесы). Данное обстоятельство подчеркнуто в прощальной речи Каншайым: *Кінә тақтың шайтан деп, Еш жазықсыз, жапасыз...* ***Нағыз таза пері еді****, Құдай қосқан қосағың...* – Обвинил меня, назвав шайтаном, Беспричинно, безосновательно... Была чистокровной пери, Супруга твоя, сведенная богом... в казахских легендах являются нередкими сюжеты о влюбленных в дочь пери героев, имеющих общее потомство. Одним из ярких примеров подобного мифического познания является связывание близкими родственными узами с пери даже известную историческую личность, предводителя и первопредка целого улуса Едиге (рождение от пери).

Родственники Едиге передаются в мифическом облике (связь с дочерью пери) в версии эпоса, записанной с уст жырау Ш. Уалихановым, исследованной К. Сатбаевым, и анализируемой нами версии Нуртуган жырау. Если в других версиях эпоса события разворачиваются в сказочной форме повествования, то у Нуртуган жырау мифологическое познание, гармонируя с религиозными воззрениями, строится через определенное систематизированное мировосприятие. Религиозно-мифологические обороты языка эпоса других версий не столь систематизированы. Если сохранение мифических персонажей можно рассматривать как свидетельство архаичности сюжетов, как более древних версий произведения, то наличие мусульманских

понятий и способов мышления нужно принимать как личный автограф Нуртуган жырау, сформировавшего своеобразное эпическое познание.

Концептуальное мировоззрение казахского, ногайского народов в эпосе представлено на уровне превознесения основных религиозных атрибутов и понятий. Упомянутые во введении эпоса Баба Түкти Шашты Азиз, Арыстанбаб – яркие представители суфийского учения на территории Казахстана и Средней Азии. (баб, баба – Учитель в суфийском учении, великие мыслители: *Түркістанда Түмен бап, Сыр бойында сансыз бап...* – в Туркестане Тумен бап, На берегу Сыра бесчисленный бап... Слова *пир, мурид, уагыз, зикр, тоба, такуа, нур* – понятийные атрибуты суфийского учения мусульманской религии. Относительно этих языковых знаков академик Р. Сыздык дает следующее пояснение: «В эпосе заметен стиль школы Яссауи, придерживающийся идеи мусульманства, сохранивший актуальность в течение длительного периода на берегу Сыра, в западных региона Казахстана: слова *шайх, шарапат, мурит, зикр* в других эпических произведениях не встречаются» *[6, 103]*.

По нашим предположениям, если возникновение эпоса датируется XIV–XV вв., то представляется весьма резонным использование главным инструментом пропаганды религиозных идей словесное искусство народа. в версиях Шокана и Каныша происхождение рода Едиге начинается с Баба Түкти Шашты Азиза, что находит подтверждение в обращении Едиге с явными оттенками угрозы к Тоқтамысу: *«Баба Омар бабамды батамда көргенмін, Баба Түкті Шашты Әзізге, Арқа беріп жүргенмін, Мен Әзірейіл періштеге Алты күн арыз еткенмін, Жәбірейіл періштеге Жеті күн арыз еткенмін, Мен Омар менен Оспанға, Әбубәкір Сыздыққа, Әзірет Әлі бабама Арқа беріп жүргенмін, Мен Мұхаммед атты піріме, Мекке деген шәріңде Барып арыз еткенмін, Тәңірәуи Меккені, Үш айналып, күнайымнан пәк болып, Сонда аралап қайтқанмын, Менің түсімде аян береді, Ақ шалмалы бір кісі, Оқымысты дүр ісі...* – Во время молитвы виделся с предком Омар баба, Считаю духовной опорой Баба Тукти Шашты Азиза, я обратил свою мольбу ангелу Азраилу в течение шести дней, Обратил мольбу ангелу Джабраилу в течение семи дней , я опираюсь на поддержку Омара и Оспана, Абубакир Сыздыка, предка Азирета Али, я обратил свою мольбу духовному наставнику Мухаммеду, посетив город Мекку, Три раза обойдя священную обитель, очистился от грехов, Мне во сне передает предзнаменование свыше, Ученый человек в белой чалме...»

Как видим, Едиге опирался на поддержку пророков и аулие мусульманства. Напротив, подобный мусульманский мотив отсутствует в версиях, записанных с уст жырау запада Казахстана (Мурын жырау). Объяснение этой особенности мы находим не в отсутствии в тексте начальной версии религиозных подтекстов, а в выхолащивании их из текста в более поздний период, под воздействием определенных обстоятельств.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердибаев Р. Предисловие // Едиге батыр. Алматы: Ғылым, 1967. С. 367.
2. Нуртуган Кенжегулулы. Кәнеки, тілім, сөйлеші... Алматы: Ғылым, 1992. С. 222.
3. Мифологический словарь. Ростов на Дону: Феникс, 1997. С. 576.
4. Мелетинский Е. Поэтика мифа. М.: Наука, 1976. С. 184.
5. Карагозова Ж.К., Хасанов М.Ш Космос казахской культуры. Алматы, 1993. С. 132.
6. Сыздық Р. Қазақ тіліндегі ескіліктер мен жаңалықтар. Алматы: Арыс, 2009. С. 272.

Ю.И. КАРАКАЕВ

Языковые особенности ногайского героического эпоса «Эдиге»[1]

(на материале «Предание о Тохтамыш-хане» М. Османова)

Арабописьменные источники, связанные с историей развития ногайского языка, еще не стали объектом лингвистических исследований. Они, безусловно, пролили бы немало света не только в историю ногайского, но и родственных тюркских языков. Одним из таких памятников является арабографический текст «Ногайские и кумыкские тексты», собранный и опубликованный преподавателем факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета М. Османовым в Санкт-Петербурге в 1883 году. Из 175 страниц этой книги 105 страниц отведены ногайскому фольклору, где помещены пословицы и поговорки, религиозные песни, песни ногайских казаков и эпические поэмы: «Предание о Шора-батыре», «Предание о Токтамыш-хане», «Предание о Аруъв Ахмеде сыне Айсула», «Предание о Эсенбулате» *[1, 1–105]*.

Язык ногайского фольклора в целом, и героического дестана «Эдиге», в частности, также еще не стал объектом научного исследования. Как справедливо отмечает З. И. Будагова, «... в тюркологии вообще при исследовании различных ярусов языка привлекаются далеко не все необходимые источники», поэтому исследователь полагает, что системное исследование языка фольклора – один из актуальных вопросов языкознания *[2]*. Это высказывание справедливо и в отношении изучения языка ногайского фольклора с точки зрения его жанровых особенностей.

Известно, что как фольклорный памятник героический эпос «Эдиге» бытует не только у ногайцев. о нем написано немало исследовательских работ. Среди них особое место занимает специальное и обстоятельное исследование академика В.М. Жирмунского «Сказание об Идиге» *[3]*. в этой работе ученый подчеркивает, что относительно поздние сказания об Идиге и ногайских богатырях с иной мерой историзма «обладают относительно большой исторической достоверностью» *[4]*.

Науке известны несколько опубликованных до начала XX века вариантов ногайского сказания об Эдиге *[5]*.

«Ногайскими и кумыкскими текстами» М. Османова, как фольклорным памятником, интересовались, в частности, П.М. Мелиоранский, П.А. Фалёв,

---

[1] Печатается по тексту: Историко-географические аспекты развития Ногайской Орды // Материалы Всесоюзной научно-практической конференции, посвященной 600-летию ногайского героического эпоса «Эдиге» и историко-географическим аспектам развития Ногайской Орды (Терекли-Мектеб, 15–17 ноября, 1991 г.). Махачкала. 1993. С. 72–76

ногайские ученые-фольклористы А.-Х.Ш. Джанибеков *[6]* и А.И.-М. Сикалиев *[7]*. А.Х. Джанибеков отозвался о языке текстов М. Османова, как о языке окумыченных ногайцев *[6, 6]*. Нам думается, что это весьма поверхностное суждение, так как более тщательное знакомство с языком как этого, так и других опубликованных памятников, позволяет нам сделать следующий вывод: опубликованные ногайские фольклорные памятники в основном отражают особенности языка ногайцев, проживающих в различных регионах, будь это в Астраханской губернии, на Северном Кавказе или Северном Причерноморье, ибо в них, наряду с преобладающими особенностями кыпчакских языков, весьма рельефно отражаются огузские элементы.

Эта особенность очевидна на примере анализируемого нами «Предания о Тохтамыш-хане» (вариант М. Османова). к сожалению, нам не известно, в каком ареале проживания ногайцев записал М. Османов фольклорные тексты, ввиду отсутствия паспортных данных текста. Однако, как он сам указывает в конце «Предания о Токтамыш-хане», перед ним был большой выбор вариантов этой поэмы, и он выбрал, на его взгляд, самый лучший. Из данного признания М. Османова следует, что он располагал целым рядом распространенных в народе рукописных вариантов эпоса.

К фонетическом особенностям ногайских фольклорных текстов вообще, и эпоса «Эдиге», в частности, относятся:

а) параллельное употребление в анлауте й-ж: *жуьрек* «сердце», *жырав* «певец», *жезлев* «медный», *жай* «лук», *жол* «дорога», но вместе с тем *йатув* «ложиться», *йастык* «подушка», *йуклав* «спать»;

б) в некоторых словах с *«с»* преимущественно существует *«ш»* во всех позициях слова: «Сах Темир – Шах Темир», дусман-душман «враг», *ошы-сосы* «этот», *кенъеш* «совет», *шол-сол* «тот», *падшах*, Эртис «Иртыш»;

в) во многих арабизмах фрикативная *«ф»* сохраняется: *йифек* «шелк», *юфар* «запах, аромат», *тараф* «направление», *шафагат* «помощь», *фикир* – «мысль;

г) в анлауте иногда встречается не характерный для ногайского литературного языка *«г»* вместо *«к»*: *гим* «кто?», *гиши* «маленький», *бир гесек* «одна часть» (это явление, однако, характерно в разговорной речи, переход *к-г* в интервокальном положении);

д) соответствие в анлауте *«б-м»*: мурын «нос», бундан «отсюда», мен-бен «я», беним-меним «мой» и т. д.;

е) в арабизмах наблюдается выпадение в анлауте фарингального *«х»*; *ава (хава)* «воздух», *аьр* вместо *хаьр* «каждый», *аьл* вместо *хаьл* «состояние, положение»;

ж) выпадение конечного *«л»* в словах: бол «будь», кел «приходить»;

з) сохранение соответствия *«й-г»* в слове: *уьйретуьв-оьгретуьв* «учить»;

и) сохраняется регрессивная ассимиляция в сочетаниях *см, тм,* айтма «не говори», *туьсме* «не попадайся».

К грамматическим особенностям относятся следующие явления:

1. в аффиксах родительного, направительного, творительного, предложного падежей имен существительных, местоимений употребляются только звонкие варианты: *ҳандынъ* «хана», *тасдан* «из камня», *андан* «оттуда»;

2. в тексте, в основном, встречаются непродуктивные и малоупотребительные аффиксы:

а) *-ша/-ше* – аффикс, образующий имя прилагательное с оттенком уничижительности: *кубаша ат* «сероватый конь» [1,40];

б) *-лав/-лев* – аффикс, образующий имя существительное: *жезлев таяк суьентип* /с. 34/ «подмышки палку из меди сунув»;

в) *-каш/-кеш* – аффикс деепричастия + падежный аффикс:

Токтамысдай бабанъды
Артын кувып, еткенмен
Еткешден аман – заман дегизмей,
Эрдинь басын шорт кыйып,
Канжыгама такканман /*1*, с.47/.

Отца твоего Тохтамыша,
Погнавшись, догнал.
Догнав, не поздоровавшись,
Голову ему отрубив,
Приторочил к седлу.

(Подстрочный перевод-Ю.К.)

3. в глаголах изъявительного наклонения будущего времени 3 лица единственного числа преимущественно употребляется аффикс *-ажак /-ежек* вместо *айак/-ейек* в современном ногайском языке;

4. в инфинитиве глагола в аффиксах - *мага / -меге* наблюдается выпадение *-га*: *айтма кетер* «уедет сказать», *оьлтирме берейим* «отдам, чтобы убить».

Лексика эпоса «Эдиге» чрезвычайно богата и выразительна. в ней широко представлены как общетюркские, кыпчако-огузские, исконно ногайские, так и заимствованные слова, особенно из арабского и персидского языков. Ниже приведем примеры по лексико-тематическим группам:

а) названия птиц: *каршыга* «ястреб», *кыргый* «кобчик», *ылашын* «сокол», *сункар* «сокол», *кызгыш* «чибис» и др.

б) названия военного снаряжения: *садак* «колчан», *салмасыр* «рубашка, надеваемая под панцирь», *бийда* «острое тело, шило», *аьдирне* «лук с натянутой тетивой», *айболат* «секира», *куьбе* «панцирь», *байтак* «войско», *тулга* «шлем», *куьревке* «панцирь»;

в) общественно-политические термины: *орда* «ставка хана», *кан* «хан», *ваьзир* «министр», *асыл* «происхождение», *бий* «князь», *ялшы* «слуга, бедняк», *кара киси* «простолюдин», *солтан* «царевич»;

г) предметы домашнего обихода: *магбал* «подушка», *телеген* «двухколесная арба», *тостакай* «чашка», *жамышы* «бурка»;

д) названия лошадей, их мастей, снаряжения: *уьзоьнъги* «стремя», *тебинги* «тебенок», *жылкы-йылкы* «табун», *арап ат* «арабский конь», *йодыр* «скакун»;

е) топонимы: *Жолат, Сарайчук, Татартуп*;

ё) имена собственные мифических и исторических персонажей эпоса: *Оьзбек, Жанибек, Тойгожа, Саин хан* «Батый», *Шынгыз хан* «Чингиз хан», *Есуге* «имя отца Чингиз хана», *Юшы* «Джучи», старший сын Чингиз хана, *Сыбра, Янбай, Нурадил, Борахай, Каныке, Коьзике, Кадырберди* «младший сын Тохтамыш хана», *Кожа Ахмед, Баба Туькли Шашлы аьзиз, Баркая* и т.д.;

ж) этнонимы: *керейит, бодырак, кыпшак*;

з) религиозные термины: *шафагат* «милость», *дарат* /тахарат/ «омовение перед молитвой», *ахырзаман* «светопреставление».

Это всего лишь некоторые из языковых особенностей варианта эпической поэмы «Эдиге» М. Османова. Углубленный анализ этого и сравнительный анализ всех имеющихся ногайских вариантов, их транслитерация, а также переложение на современный ногайский язык, перевод текста на русский язык способствовали бы выявлению архетипа этого замечательного памятника народной словесности.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Османов М. Ногайские и кумыкские тексты. СПб. 1883. С. 1–105.
2. Будагова З.И. Язык азербайджанского фольклора // Советская тюркология. Баку. 1987, № 3.
3. Жирмунский В.М. Тюркский героический эпос. Л., Наука. 1974.
4. Там же. С. 17.
5. Ананьев Г. Караногайские народные предания // Сб. материалов для описания местностей и племен Кавказа, Вып. 27. Тифлис. 1900; Березин И.Н. Турецкая хрестоматия. Т. 2. Казань 1962; Радлов В. Образцы народной литературы северных тюркских племен. Наречия Крымского полуострова. СПб., 1896; Мелиоранский П.М. Ч. Валиханов, Сочинения, СПб., 1905. Приложение. Предисловие к киргизскому тексту «Сказания об Едигее и Тохтамыше»; Семенов Н. Туземцы Северо-Восточного Кавказа. СПб., 1895. С. 418–454 и др.
6. Джанибеков А.Х.Ш. Мое жизнеописание // Рукописный фонд КЧНИИ.
7. Сикалиев А.И.-М., История собирания и публикации ногайского фольклора // Труды КЧНИИИ. вып. 6 серия филол. Черкесск, 1970.

Т.Х. ДЖЕМАКУЛОВ

Об особенностях орфографии первых публикаций эпоса «Эдиге» на языке оригинала

При изучении различных вариантов эпоса «Эдиге», помимо собственно содержательной части рассматриваемых текстов, источником полезной информации могут также служить их языковые особенности. Что касается наиболее ранних публикаций дестана на языке оригинала, то важную информацию можно почерпнуть и из особенностей их орфографии. Настоящая статья посвящена обзору основных особенностей орфографии изданных на арабской графике вариантов М.-Э. Османова («Предание о Тохтамыш-хане») [3], И.Н. Березина («Рассказ о Тохтамыш-хане») [4] и Ч.Ч. Валиханова – Мелиоранского («Эдиге бий») [1], а также варианта В.В. Радлова («Идеге бий») [2], опубликованного с использованием специально разработанного алфавита на кириллической основе.

Ни одна из арабографических публикаций эпоса в полной мере не отвечает существовавшим в то время правилам правописания, все они содержат большое количество темных мест, возникших по причине неправильного написания многих слов арабского и персидского происхождения, использования нескольких вариантов написания одних и тех же слов и значительного числа механических ошибок. Замечание П.М. Мелиоранского о том, что орфография рукописи Ч.Ч. Валиханова «оставляет желать очень многого с точки зрения не только арабско-персидской, но даже джагатайской или литературно-татарской грамотности» [1:4] можно отнести и к варианту И.Н. Березина, и к сводному тексту М.-Э. Османова, о котором П. М. Мелиоранский также пишет: «Опечаток порядочно, и, в виду отсутствия перевода или хотя бы глоссария, не все подробности ясны…» [1:17]. Всё вышеперечисленное существенно затрудняет правильное прочтение и транслитерацию имеющихся текстов.

Во всех трёх арабографических вариантах носовой согласный «нъ» передаётся сочетанием букв «нк», «нг» или «нгъ», использование специального знака «ڭ» не отмечено ни в одном из вариантов. Арабизмы и фарсизмы не всегда даются в оригинальной орфографии, как это было принято при написании тюркоязычных текстов на арабской графике, чаще всего они записаны так, как были произнесены сказителями, то есть адаптированы к фонетической системе ногайского языка. в отдельных случаях М.-Э. Османов в скобках указывал их правильное написание. Последнее говорит также о том, что часть вошедших в его сборник текстов была переписана М.-Э. Османовым из уже имевшихся рукописей, а не записана непосредственно от сказителей. Обнаружив в переписываемой рукописи ошибку, М.-Э. Османов не исправлял её, но в скобках указывал правильное написание слова.

Язык текста Османова занимает промежуточное положение между ногайским вариантом тюрки и современным литературным ногайским языком. Вместо общетюркских *«ч»* и *«ш»* в нём последовательно используются кыпчакско-ногайские «ш» и «с», родительный падеж передаётся аффиксом *«-дынъ/-динъ»*, винительный аффиксом *«-ды/-ди»*. в то же время начальная буква «м» аффиксов, послеслогов *«мынан/минен»*, вопросительных частиц *«-ма/-ме»*, следующих за глухими согласными, согласными *«з»* и *«ж»* не подвергается прогрессивной ассимиляции и не переходит в *«п»* или *«б»*.

В «Предании о Тохтамыш-хане», как и в целом в книге «Ногайские и кумыкские тексты», зафиксированы архаичные формы некоторых слов, в которых прежде допускалась вариативность произношения – через *«с»* или через «ш»: *«жаксы – яхсы – яхшы»* – хороший, хорошо; *«асав – ашав»* – есть, кушать; *«ясав – яшав»* – жизнь; жить и т. д. в настоящее время в литературном ногайском языке и разговорной речи в большинстве этих слов пишется и произносится «ш».

В тексте нет отдельной буквы для звука «г», лишь в единичных случаях используется «ڭ».

В целом, несмотря на многочисленные отступления от норм правописания, вариант М.-Э. Османова отличается от рукописей Ч.Ч. Валиханова и И.Н. Березина единообразием грамматических форм и более устойчивой орфографией.

Язык рукописи И. Березина во многом схож с языком текста Османова, но отличается от него большей «книжностью». Обращает на себя внимание частое использование архаичных форм вспомогательного глагола «э-»: «эрди», «эрмиш», «эрсе».

Передача звука *«п»* буквой *«ф»* арабского алфавита, частое использование кыпчакско-ногайских *«ш»* и «с» вместо общетюркских *«ч»* и *«ш»* и ряд других особенностей позволяют сделать предположение, что первоначальный текст рукописи И.Н. Березина был записан в Ногайской степи, после чего он неоднократно переписывался носителями других тюркских языков, каждый из которых привносил в него что-то своё.

В тексте рукописи параллельно употребляются книжная и разговорная формы дательного падежа местоимений единственного числа I и II лица: «менге/мага», «сенге/сага». Причём в некоторых местах И.Н. Березин заменил разговорные формы книжными и указал на это в соответствующих сносках.

Так же, как и в варианте М.-Э. Османова нет отдельной буквы для звука «г», по всему тексту «г» и «к» передаются буквой «ك».

Интересной особенностью рукописи является использование в середине или в конце слова букв «ا» и «ه» для передачи звуков *«и»* и *«ы»*. Это очень затрудняет правильное прочтение, а в отдельных случаях ставит перед дилеммой – как следует читать: «болганда» или «болган ды», «биткенде» или «биткен ди»?

Так же как и в варианте Валиханова – Мелиоранского отмечено частое использование букв «ص» и «ط» для передачи звуков *«с»* и *«т»*.

В начале отдельных слов вместо буквы «ш» используется «ч»: «чушы» – вместо «шушы/сосы», «чунъкар» – вместо «шунъкар/сунъкар».

К необычным особенностям текста относятся использование буквы «ذ» для передачи звука «з» в слове «зоьнъги» и буквы «ژ» для передачи звука «ж» в слове «жеринъе», хотя не исключено, что последнее слово ввиду нечёткого написания

в рукописи было прочитано неверно (в других местах в том же контексте стоит «тизинъе»).

– Вариант Валиханова – Мелиоранского представляет собой сводный текст, записанный из уст нескольких сказителей из среды ассимилировавшихся с казахами ногайцев (имя одного из них, Арсланбая, сохранило свою исконную ногайскую форму, по-казахски – Арыстанбай). Язык рукописи Ч.Ч. Валиханова сочетает в себе особенности смешанной ногайско-казахской речи сказителей (особенно это касается поэтической части эпоса), а также книжного языка тюрки (более всего в прозаических вставках), как поволжского варианта (преимущественно), так и среднеазиатского. в тексте параллельно используются ногайские и казахские варианты произношения слов, как с аффиксами *«-лар/-лер»; «-лы/-ли»; «-лык/-лик», «-ла/-ле»*, так и с аффиксами, подвергшимися прогрессивной ассимиляции: *«-дар/-дер», «-тар/-тер», «-ды/-ди», «-ты/-ти», «-дык/-дик», «-тык/-тик», «-да/-де», «-та/-те»*. в корнях слов «л» также либо сохраняется, либо переходит в *«д»* или *«т»*. Начальная буква *«м»* аффиксов, послеслогов «мынан/минен», вопросительных частиц *«-ма/-ме»*, следующих за глухими согласными, переходит в *«п»* или сохраняется без определённой системы. Отдельные слова образованы путём смешения разговорных и книжных форм, например: *«меган»* – мне, *«сеган»* – тебе.

Так же как и в варианте И.Н. Березина, но гораздо чаще, буквы «ا» и «ه» используются в середине или в конце слова для передачи звуков «и» и «ы». Буквы «ص» и «ط» используются для передачи звуков *«с»* и *«т»* даже чаще, чем «س» и «ت».

В предисловии к своему изданию П.М. Мелиоранский пишет, что рукопись была переписана неким Ахмедом, однако анализ орфографических особенностей текста показывает, что он состоит из двух частей, написанных людьми в разной степени владевшими «джагатайской или литературно-татарской грамотностью».

Первая часть записана человеком, более последовательно придерживавшимся правил правописания, в ней ярче отражены особенности книжного языка. Имеется чёткое разделение звуков «к» и «г». Первый передаётся буквой «ک», второй буквой «ڭ». Губно-губной звонкий спирант чаще всего передаётся буквой «ۋ», и лишь изредка буквой «و». Вторая часть рукописи ближе к устной речи и, в целом, записана менее грамотно. Губно-губной звонкий спирант передаётся буквами «ۋ» и «و» без определённой системы, звук «г» часто передаётся буквой «ک» и, что очень необычно, звук «к» часто передаётся буквой «ڭ».

Вариант В.В. Радлова записан при помощи сложного алфавита, созданного с целью максимально точной фиксации фонетических особенностей (по собственному выражению В.В. Радлова «звуковых отклонений») записываемых текстов. Алфавит Радлова имеет особые знаки не только для каждой отдельной фонемы, но и отражает все нюансы их произношения, такие как долгота, степени палатализации и лабиализации, фонетическое окружение и т. д., обусловленные как фонетическими законами или диалектной вариативностью, так и индивидуальными особенностями речи сказителей. Например, палатальный «л» графически изображается буквой «l», глухой взрывной согласный «къ» – буквой «k»: кол – «kол», коьл – «köl». Слово «дегенинъиз», произнесённое сказителем как «деэнинъиз», записано – «дā̄ніңіз». Дифтонги «ув», «ий/ый» оформляются как соответствующие

долгие гласные «ӯ», «ī»: «kӯдулар» – кувдылар, «бī» – бий, «jījарсын» – йыярсынъ, но тут же «kыібырдама».

Кроме общей громоздкости, неточности в передаче некоторых звуков, ничем не оправданного разделения фонем на множество вариантов, вызванного желанием использовать одни и те же буквы для всех без исключения тюркских языков и диалектов, существенным недостатком данного алфавита, на наш взгляд, является сходство (трудноразличимость) прописных букв для согласных «k» и «к»: «К», «К».

Из текста В.В. Радлова видно, что исполнявший его сказитель был носителем крымского диалекта ногайского языка, практически не испытавшего огузского влияния. Однако сказитель, видимо, пытаясь показать свою образованность, старался максимально использовать известные ему слова и грамматические формы турецкого языка, который служил литературным языком для всего мусульманского населения Крыма. Вероятно, сказитель не владел турецким языком в полной мере, и, то и дело, переходил на родной диалект. в результате в тексте одни и те же понятия передаются как турецкими, так и ногайскими словами, одни и те же слова оформляются как турецкими, так и ногайскими аффиксами и падежными окончаниями. Например: «эв – уьй» – дом, «вар – бар» – есть, имеется, «вер – бер» – дай, «бак – кара» – смотри, «юмурта – юмуртка» – яйцо, «коьтуьрмек – коьтермек» – поднимать, «шинди – энди» – теперь, «шу – со» – тот, тот самый, «эл – кол» – рука, «яп – эт» – делай, «бакар – бакады» – смотрит, присматривает, «йоллатыр – йоллай» – направляет, отправляет и т. д.

При транслитерации текстов буквы арабской графики и «радловского» алфавита, не имеющие эквивалентов в кириллице, передавались средствами современного ногайского алфавита без введения дополнительных знаков. в связи с отсутствием в современном ногайском литературном языке аффрикаты «дж», для удобства читателей и в целях унификации графики публикуемых материалов, буквы «ج» и «ڭ» переданы буквой «ж». Знаки препинания расставлены в соответствии с правилами пунктуации современного ногайского литературного языка.

Особенности орфографии первых публикаций эпоса «Эдиге» на языке оригинала требуют системного, всестороннего и детального исследования. Их полное описание и подробный анализ позволили бы получить дополнительную информацию о ранних этапах формирования эпоса, проследить эволюцию его сюжета и отделить поздние наслоения от его архетипа, основанного на реальных исторических событиях.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Эдиге. // Сказание об Едигее и Тохтамыше. Киризский текст по рукописи, принадлежавшей Ч.Ч. Валиханову. Издал профессор П.М. Мелиоранский. С.-Петербург. 1905 г. Типо-литография И Бораганского и К. Отдельный оттиск приложения к XXIX тому Записок Императорского Русского Географического Общества по отделению этнографии.
2. Идеге Би. // Радлов В.В. Образцы народной литературы северных тюркских племен. Т.VII. – С.-Петербург, 1896. Типография Императорской Академии Наук. С. 99–122.
3. Токтамыс кандынъ хикаьети. // Османов М. Ногайские и кумыкские тексты. СПб., Типография Императорской Академии наук. 1883. С. 32–49.
4. Токтамыш хан хикаьети. // Турецкая хрестоматия. Составлена проф. Березиным И.Н. Т.2. Казань. 1892 г. С. 59–76.

Б.Б. КАРДАНОВА (КАРАСОВА)

Музыкальное воплощение ногайских эпических сказов

Героико-эпические (богатырские) сказы (баьтир йырлар, баьтир таварых) относятся к наиболее многочисленным монументальным музыкально-поэтическим творениям ногайцев. До настоящего времени это духовное наследие народа собрано и изучено неравнозначно. Достаточно полно записаны и отчасти изданы поэтические тексты, научному осмыслению подверглись его исторические и филологические аспекты. При этом вне поля зрения учёных осталась наиболее существенная составляющая эпоса – его музыкальный компонент, без понимания которого невозможно получить целостного представления об этом культурном феномене.

Ногайский эпос формировался в процессе многовекового развития в тесной связи вербального и музыкального фольклора (вокальной и инструментальной музыки – домбровой либо кобызовой). и в этом плане её можно рассматривать как особую форму музицирования (рассказ с игрой), которая, эволюционируя, в определенный исторический период времени оказалась доминантной в традиционной культуре народа *[1, 119]*.

В эстетическом плане мы определяем эпос как специфический синкретический жанр в единстве вербального и музыкального компонентов, связанных между собой семантически и по архитектонике. в социальном аспекте он является синтезом творческой деятельности певцов-сказителей в триединстве: устной речи, вокального и инструментального исполнительства, а нередко и сочинительства. Каждый из перечисленных компонентов несёт определенную семантическую нагрузку. Вербальная часть представляет эпические сказания о ногайских героях-батырах – реальных исторических личностях, членах одной родовой семьи Эдиге, а музыкальная часть иллюстрирует повествование, создаёт эмоциональный контекст.

В процессе многовекового развития эпоса его компоненты, эволюционируя, подвергались различным трансформациям, приобретая множество видов словесно-музыкального воплощения. Согласно классификации Б.Г. Ерзаковича *[5, 420]*, можно выделить их три основных вида, широко распространённых у ногайцев:

1) Песенно-речитативный – представляет собой повествование эпоса путем речитации, являющейся вокальной канвой на небольшой теме, ритмизированной в соответствии со структурой стиха. Своё пение сказители обычно сопровождают игрой на домбре или кобызе.

2) Музыкально-иллюстративный (или фрагментарный) – представлен циклами, в которых речитативно-распевная форма чередуется с декламационной (вербальной): повествование прерывается музыкальными фрагментами, которые иллюстрируют отдельные эпизоды действия *[1, 128]*.

3) Музыкально-завершённый (или программный) вид предполагает исполнение структурно завершенной инструментальной пьесы на эпический сюжет с предварительным словесным пересказом его содержания. в данном случае музыкальная и вербальная части также тесно взаимосвязаны: тематический состав и композиция сюжетно-программного инструментального произведения есть производное эпического повествования *[1, 130]*.

Традиционное исполнительство богатырского эпоса менялось в зависимости от исторических условий их бытования и особенностей регионально-локальных традиций. Если в недавнем прошлом исполнителями богатырских сказов были только певцы-сказители – йырау, а женщины считались лишь информантами, то в современной исполнительской практике наметились некоторые изменения, и в настоящее время сценическими исполнителями эпических произведений могут быть и женщины.

Вокально-эпическое исполнительство ногайцев основано на монодийном пении, представленном тремя типами извлечения звука: грудном, горловом и гортанном. Из них наиболее распространённым является горловое, поверхностное пение, причём, в этой манере поют и мужчины и женщины. Мужские голоса преобладают теноровые, но нередко встречаются и баритоны. Некоторые искусные певцы часто используют фальцетное пение, что позволяет расширить их регистровые грани.

Гортанное пение у ногайцев встречается редко, но по имеющимся в наличии магнитофонным записям, можно сделать вывод о том, что народные певцы-сказители часто поют подвидом гортанного пения, близким, а порой и идентичным, с казахским и каракалпакским подвидами. Такое пение основано на поверхностном (нёбном) звукоизвлечении, с применением приема вибрации звуков, представляющих собой подражание (тремолирование, репетирование) инструментальным звукам, и прежде всего звукам домбры. Использование этой манеры пения, нам думается, является следствием длительной практики йырау игры на инструменте.

В женской исполнительской практике распространено, помимо горлового, грудное пение, однако оно не характеризует народную манеру. Гортанное же пение у женщин не встречается.

Основные элементы музыкально-поэтического текста в эпическом произведении, контактируя друг с другом, составляют сложную систему.

Стих ногайского эпического произведения основан на традиционном силлабическом стихосложении, при котором его размер определяется числом слогов в мелостроке и музыкальной единицей. Обязательным в этом стихе является наличие цезуры (обычно одной или двух), делящей стих на полустишия. Цезура определяется логикой музыкально-текстовой мысли и может стоять в разных местах музыкально-стихотворного построения. Ударность (акцентность) слабая и используется лишь для «...маркировки конца смыслового и фонетического ряда» *[4, 655]*.

Ногайскому эпическому стихосложению присущи два вида стиха – короткий (7–8 слогов) и длинный (11–14 слогов). Короткий – семисложный стих – наиболее характерный, состоит из двух полустиший: первого – четырехсложного, второго – трехсложного. Длинный стих развился стадиально из короткого путем удвоения одного из полустиший (4 + 4 + 3). Для более древних по происхождению эпических образцов характерно неравносложное стихосложение с произвольным количеством слогов в стихе. Абсолютное же отсутствие рифмы в стихотворных текстах

компенсируется за счет активизации других элементов мелодии и стиха – метроритма напева, аллитерации стиха и др. Мелодические построения могут трансформироваться путем внутрислоговых распевов, доходящих до пяти и более звуков. Расширения возможны за счет вставных восклицаний, слов или группы слов (глоссолалий), функция которых зависит от расположения этих структур в напеве. Продолжительность звучания восклицаний произвольна и нередко связана с индивидуальными певческими способностями исполнителя.

Стихотворные структуры эпического произведения расширяются путём ритмического распевания, которое многопланово воздействует на стих: смещает временные акценты с ударных на неударные; выходит за рамки ритмической меры путем произвольного затягивания слогов на ферматах, удлиняет конечные слоги, дробит (расщепляет) длительность нот на более мелкие (расширяет мелодическую основу), а также широко использует триоли.

Сужение стихотворных структур осуществляется за счёт: усечения (отпадения) слабого неударного начального гласного (*«ырув – рув»*); выпадения слабого неударного гласного в середине слова (*«топырак – топрак»*); элизии – усечения последней гласной предыдущего слова, если следующее слово начинается также с гласной буквы (*«шана этпеге – шан этпеге»*). При интонировании этих слов первая гласная выпадает, в результате чего первое слово, состоящее из двух слогов, сливается в один слог. Таким образом, элизия является ярким примером ритмической взаимообусловленности музыки и слова – их двуединства *[3, 90]*. в эпических произведениях элизии и выпадения слабых неударных гласных в середине слова встречаются особо часто.

При многообразии типов нисходящих мелодических потоков все же преобладающими являются: постепенное длительно однонаправленное движение; поступенное нисходящее движение, при котором каждый последующий мелодический цикл проходит ниже предыдущего. Таких циклов в одном произведении может быть несколько. Также распространены формы, в которых средние, нарративные разделы построены на секвентной и вариантной повторности, в свою очередь, совпадающие с общей нисходящей тенденцией мелодического движения. и таким образом охватывается довольно широкий диапазон.

В нисходящих мелодических построениях, в связи с отсутствием необходимости вторичного регистрового охвата («резюмирования») мелодической канвы, появляются разновидности заключительных построений, основанные на речитации (скандировании, выпевании) одного звука с последующим нисходящим нефиксированным глиссандированным сбросом. Восходящее глиссандирование обычно используется при начальных «въезжаниях» к верхней опоре – «вершине» напева, но в таких зачинах возможно и нефиксированное глиссандирование.

В широкообъемных мелодиях попевочная зона мобильна, а её тенденция постепенного сползания в микстовую или нижнюю попевочную зону связана с потребностью голосового аппарата снижать (уменьшать) напряжение звука.

За каждым певческим регистром утверждаются наиболее типичные интонационные ячейки, а их выбор обусловлен физическими законами акустики: интонирование в нижнем регистре широких интервалов и постепенное их сужение по мере повышения регистра, т.е. в низком регистре утверждаются широкообъемные сопряжения, в верхнем – малообъемные. в среднем регистре, как наиболее

универсальном, возможны разные варианты – как широкие ходы, так и секундово-терцовые сопряжения.

Действенным средством мелодической выразительности может быть интонационно-мелодическая антитеза – корреляция «противоположных по высоте устремлений», основанная на создании напряженности, через противопоставление восходящего и нисходящего мелодических направлений. Семантика такого противодвижения – в «...создании мелодической динамики и интонационного разнообразия» *[6, 107]*.

В эпических напевах нередко используются двойные (реже тройные) скачки – однонаправленные либо обратимые. Однако такие примеры единичны, и они лишь оттеняют общую тенденцию интонирования, основанную на «принципах строгой экономии, отбора и смены внутрициклических интонаций, способствующих интонационной симметрии» *[2, 215]*.

Композиционное строение эпических напевов также отличается разнообразием. Встречаются соединения отдельных интонаций, попевок, фраз по принципу тождества (последования или периодически повторного возвращения подобных или одинаковых сочетаний) и принципу контраста (последования интонаций, противополагающих себя предшествующему комплексу звучаний) *[2, 104]*. Принцип контраста проявляется в сопоставлении различных интонаций, видов мелодических движений или же на уровне сопоставления мелодических структур (фраз и целых предложений). Принцип тождества проявляется как в непосредственном повторении, так и в повторении на расстоянии (отдельных интонаций, попевок и т.п.).

Выделяются несколько основных типов повторности: 1) тождественная (неизменная); 2) секвентная и 3) вариантная. Первый тип повторности – промежуточный, является наиболее простым способом развития мелодии. Он предполагает полное соответствие (одинаковость) ладовых, метрических, ритмических и мелодических параметров *[3, 37]*.

Вариантная повторность – наиболее распространенный прием видоизменения мелодии, при котором происходит внутреннее изменение, обновление первоначального мелодического звена на уровне ритмического и звуковысотного отклонения, введения дополнительных звуков или их сокращения и т.д. Вариантность предполагает видоизменения как звуковысотного уровня, так и метроритма. Изменения могут быть незначительными (на уровне нескольких звуков) и более сложными (внутрициклические и внешние, расширяющие мелодические грани).

Секвентная повторность встречается разных видов: точная и неточная, на уровне целых мелодических фраз или же коротких интонаций. Звенья секвенций могут следовать непосредственно одна за другой или же на расстоянии. Наиболее распространенный ход звена – нисходящее движение на интервалы секунды; реже терции, кварты; восходящие перемещения менее характерны. Неточные секвенции иногда включают в себя элементы вариантности, образуя при этом комбинированный, вариационно-секвентный тип. Наиболее ходовыми являются последования двух-трех звеньев подряд.

Одним из средств становления мелоса в эпических напевах считается опевание звуков, используемое в разных частях мелодического построения. в зависимости от окружающего контекста опевание несет определенную формообразующую функцию.

Наиболее типично опевание одностороннее, но возможны двусторонние и более развитые (в виде мелизмов, звучащих мелкими длительностями).

Напев любого эпического произведения представляет собой мелодическое движение («пробег») между начальным исходным толчком, моментом отталкивания (Б.В. Асафьев) – зачином и конечной остановкой («тормозом или замыканием движения») – кадансом. Важную роль зачины (начальные интонации или мелодические обороты) играют в выявлении главного устоя и всего последующего строения мелодии (её ладового наклонения, темпа, ритма и др.). Тип толчка и его структура предопределяют начальный характер мелодического движения, объемы же зачинов могут быть произвольными – от одного продолжительного восклицания (при вершинах-источниках) до относительно развернутых мелодических оборотов.

Ввод и утверждение начального устоя производится разными путями. Большинство мелодических построений начинается непосредственно с основного (главного) устоя – I или VIII ступеней ладозвукоряда, но в большинстве случаев главный устой выявляется не сразу, а к нему проделывается определенный путь (иногда значительный): поступенный либо скачкообразный ход от V, VI ступеней или разрешением VII высокой ступени в VIII.

Равнозначным зачину (начальному моменту интонирования) является каданс (концовка). в процессе интонирования важны все типы кадансов (как серединный, так и заключительный). Значимость серединного каданса обусловлена связью мелодического движения (в смысле физического движения) со спецификой человеческого голоса, нуждающегося в обязательной кратковременной передышке, остановке, накоплении энергии для продолжения интонационно-мелодического потока. в живом воплощении это проявляется в накоплении запаса воздуха.

Исполнительская практика ногайских сказителей выработала наиболее «ходовые» модели заключительных кадансов. Их функция сводится к замыканию мелодического движения, «собиранию» в себе характерных элементов лада, которые «...служат в отношении ко всему предшествующему развитию смыкающим и тормозящим его синтезом» *[2, 62]*. Формульные модели серединных кадансов в большинстве случаев повторяются и в заключительных оборотах.

Но заключительные и серединные кадансы, помимо формообразующей функции, содержат в себе важную семантическую значимость – имеют непосредственную связь с художественным содержанием эпического произведения. Например, в мужественных, героических эпизодах используются кадансовые окончания камбиатного типа, в элегических – с нисходящей секундой (преимущественно фригийской).

Между зачинами и каденционными окончаниями прослеживается «арочная» ритма-интонационная связь, обусловленная единством целостного интонационно-энергетического потока, регулирование которого связано с глубинными процессами («аккумулированием», кодированием предстоящего мелодического движения). Оба раздела представляют в совокупности контур, фабулу всей мелодии, а общность между этими разделами проявляется в поисках устоев.

Единство начальных и заключительных разделов прослеживается в тождественной, вариантной мелодико-ритмической повторности либо в противодвижении. Наиболее частые их соотношения: тождественное повторение зачина в кадансе, либо продолжение начального мелодического движения в заключительном разделе. в этих случаях прослеживается строгий выбор средств мелодического развития:

– кадансовое построение секвентно повторяет на ином звуковысотном уровне мелодическую линию зачина;

– мелодическая линия кадансового раздела представляет противодвижение зачину по принципу «зеркального» отражения, при котором ритмическая организация обоих разделов может оформляться произвольно;

– используется противодвижение вопросо-ответного типа.

Как видим, между зачинами и кадансами действуют на макроуровне типовые принципы монодийного интонирования, по которым функционируют и взаимодействуют все элементы напева: принципы симметрии, экономии, тождества, контраста и другие.

Таким образом, анализ музыкальной части ногайских эпических сказов позволяет сделать ряд выводов.

– богатырский эпос народа – синкретический жанр, существующий в единстве вербального и музыкального компонентов, связанных между собой семантически и композиционно;

– ногайский эпос формировался в тесном взаимодействии с исполнительской традицией народных певцов-сказителей (йырау), которые и были основными носителями этого жанра;

– в процессе многовекового развития эпоса его компоненты, эволюционируя, подвергались различным трансформациям, приобретая множество видов словесно-музыкального воплощения. в напевах эпических сказов выработались и закрепились наиболее характерные стилевые черты музыкального языка народа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аманов Б.Ж., Мухамбетова А.И. Казахская традиционная музыка и XX век. Алматы: Дайк-Пресс, 2002. 544 с.
2. Асафьев Б.В. Музыкальная форма как процесс. Л., 1971. 378 с.
3. Дюшалиев К.Ш. Киргизская народная песня. М.: Советский композитор, 1982. 142 с.
4. Жирмунский В.М. Тюркский героический эпос. Л.: Наука, 1974. 727 с.
5. Кобланды-Батыр. Казахский героический эпос/под ред. А.А. Петросян. М.: Наука. 1975. 446 с.
6. Мазель Л.А. Анализ музыкальных произведений. М., 1967. 749 с.

И.С. КАПАЕВ

От Чингиз-хана до Эдиге [1]

В 2001 году вышел в свет объёмный труд известного российского историка В.В. Трепавлова «История Ногайской Орды» [1]. Учёный много лет успешно работает в ногаеведении, известен также ряд его фундаментальных работ в области истории кочевников Евразии. в «Истории Ногайской Орды» им широко использованы многочисленные архивные материалы, привлечены труды российских и советских историков, восточных и европейских авторов. Уже опубликованы положительные отзывы на этот труд.

Не задаваясь целью исчерпывающего анализа всего материала монографии В.В. Трепавлова, собственные суждения о некоторых основополагающих выводах учёного я высказал в своей книге «Бессмертная смерть» [2]. Возвращаясь к этой теме, уже в рамках задач настоящего издания, хотелось бы сказать о следующем.

В «Истории Ногайской Орды», несмотря на уже высказанное рядом ученых (Л. Гумилёв, М. Сафаргалиев, А. Сикалиев, Е. Алексеева, Р. Керейтов и др.) мнение о связи этнонима *ногай* с именем известного золотоордынского военачальника Ногая, жившего в XIII в., В.В. Трепавлов фактически опровергает это мнение, склоняясь при этом даже к версии о происхождении этнонима от жившего век спустя Тугай-тимурида Кара-Ногая, хотя добавляет здесь следующее: «однако по известным мне материалам я не могу ни подтвердить ее, ни опровергнуть» *[1, 488]*.

Касаясь этногенеза ногаев, В.В. Трепавлов делает любопытное заключение: «Во главе всех племенных улусов встали отныне мирзы из правящего эля мангыт. Поэтому ногаи и звались мангытами почти повсеместно на Востоке. Кипчакские кочевники с общим именем «ногаи» несколько десятилетий пребывали под предводительством победителей-мангытов, сохраняя прежнюю структуру элей... Монополизирование мангытскими мирзами управления всеми элями в начале 1520-х годов стало, очевидно, последним шагом в формировании этноинтегрирующего сознания у жителей Ногайской Орды, превращения слова «ногай» из политонима в этноним...» *[1, 490–492]*.

Я намеренно не цитирую абзац до конца, т.к. в следующей фразе учёный утверждает, что название «ногаи», до того, как стать этнонимом, являлось, прежде всего, географическим и политическим понятием, обозначением Орды, но тут же добавляет, что для такого определения не имеется документальных подтверждений.

Здесь требуются важные уточнения. Если допустить, что «ногаи» – это политоним, то как быть с тем, что к XIV–XV векам, т.е. ещё до возвышения мангытов, большинство кочевников западной и центральной части Дешт-и-Кипчака, называло

[1] Публикуется в сокращении

себя ногаями? Значит, все-таки «ногаи» – это был этноним и первоначально употреблялся кочевой знатью. Самым же весомым подтверждением тому является возникновение ногайского героического эпоса «Эдиге», который начал складываться при жизни беклербея Золотой Орды Эдиге (по Ибн-Арабшаху, примерно с 1391г.). Возникновению эпоса способствовала военная элита Орды: народ-войско объединить могло такое мощное идеологическое оружие. Харизматичный образ мангыта Эдиге, складывавшийся из его незаурядных личностных качеств, был прославлен в эпических сказаниях, объединив вокруг его имени ордынцев. Этим и объясняется столь широкое распространение эпоса в среде евразийских кочевников: в Поволжье, Крыму, Приазовье, на Северном Кавказе, Западном Казахстане, Сибири, на Алтае. Во всех вариантах песни, записанных у ногайцев, казахов, каракалпаков, главные персонажи – Эдиге и противостоящий ему Тохтамыш называются ногаями. Даже в сводном татарском тексте «Идегей», выпущенном в Казани (сост. Н. Исанбет, перев. С. Липкин, 1990 г.), хан Золотой Орды Токтамыш неоднократно заявляет о своей принадлежности к дому нугаев:

Род мой нугайский, будь сплочён.
Я с тобой опять неразлучен, –
Сохранись и после меня *[16, 155]*.

Или:

Если я останусь в живых,
Если Аллахом буду ведом,
Если в великий нугайский Дом
Я вступлю властелином-вождём *[16,172]*.

Неоспоримым, документально подтвержденным фактом является то, что Эдиге был родоначальником правящей династии государственного образования Ногайская Орда.

В.В. Трепавлов не даёт ответа на главный вопрос: Почему Орда стала называться Ногайской? Однако, и десятки других учёных-историков не могут точно сказать, как называл себя основной, государствообразующий народ Золотой Орды? Извне его называли и *татарами*, и *монголами*, иногда просто *татаро-монголами*, но это не было самоназванием, несомненно, уже сформировавшегося единого этноса кочевников. Понятно, что не всегда находятся на поверхности точные сведения о происхождении этнонимов, но для специальной монографии об истории Ногайской Орды это должно было быть все-таки принципиально важным моментом. Вероятность того, что к распаду государства Золотая Орда самоназванием кочевого народа было *ногаи*, – весьма велика. Главным доказательством этой версии является образование в центре распавшегося государства нового ханства – Ногайской Орды и распространение эпических песен об Эдиге и его потомках – ногайских батырах – по всей территории бывшей Золотой Орды.

В книге В.В. Трепавлова очень много достоинств, однако, полноценно удовлетвориться ее содержанием и выводами сложно. Причина тому, прежде всего, – излишняя осторожность, несвобода автора от устоявшихся стереотипных, а по сути, гипотетических

утверждений, в коих нет недостатка в научном обороте. Пусть бы и ненамеренно, однако, ученый почти избегает возможностей описать яркие страницы истории народа, способные питать чувство гордости современных ногаев историческим прошлым. к примеру, нет акцента на сведениях из биографий легендарных исторических личностей, хотя о Ногае, Эдиге, Юсуфе, Суюмбийке, Дивее-мурзе, Кантемире, Петре Урусове, Иштереке и др. достаточно исторических, фольклорных, литературных источников. Малообъяснимо отношение ученого к этнической принадлежности исторических лиц. Если даже в исторических документах однозначно говорится о них, как о ногаях, то В. Трепавлов настойчиво указывает на их принадлежность к роду мангыт. По аналогии, если, к примеру, в «Истории государства Российского» постоянно называть Владимира Мономаха, других русских князей древней Руси скандинавами, варягами.

Через всю книгу проходит еще один основополагающий вывод В.В. Трепавлова: первоначальные ногаи-мангыты появились из Бухарии, т.е. Чагатайского улуса. Однако, вряд ли достаточна для такого утверждения ссылка лишь на поздние устные предания. к примеру, в одном из них, записанном в 1837 году на Северном Кавказе, говорится о том, что «предки ногайцев обитали прежде в Бухарии и были тогда идолопоклонниками: приняв ислам от «Султана Бабатукла», они перешли из Бухарии на реку Волгу, в нынешнюю Астраханскую область» *[1, 56]*. в другом случае учёный ссылается на устный рассказ информатора в 1907 году, когда тот сообщал русскому исследователю (Пашину), «что ногайцы проживали в прошлом и вышли из Индии» *[1, 57]*. Конечно же, эти устные рассказы отражают события XVI–XVII вв., когда ногаи постоянно перемещались с левобережья Волги на правобережье и наоборот. Все было бы логично, если В. Трепавлов, увязывал эти рассказы с передвижением кочевников из Монголии в XIII веке.

Хотя и здесь не все просто: в исторических хрониках периода завоеваний Чингиз-хана и его преемников мангыты не указаны переселенцами в улус Джучи. Это для В.В. Трепавлова очень существенно. Отсутствие мангытов вызывает вопросы и у других исследователей. Но в этих скудных сообщениях о составе улуса Джучи также не указываются и найманы, и киреиты, и джалаиры, и катаганы, которые были довольно многочисленны и играли большую роль в ранней и поздней истории как Золотой, так и Ногайской Орды. По мнению В.В. Трепавлова, мангыты, заложившие основу ногайского народа, изначально жили в Чагатайском улусе, т.е. в Средней Азии.

А ведь по происхождению основателя ногайско-мангытской династии есть зафиксированные письменно источники XVI–XVII веков, и они – древнее приведенных устных рассказов. Речь о родословных князей Юсуповых и Урусовых, «берущих начало от Эдиге и его предков». В. Трепавлов в своей книге использовал эти материалы, но не для доказательства вышеупомянутых вещей.

Ногайский ученый-историк А.Х. Курмансеитова, на основе русских дворянских родословных и книги Николая Юсупова «О роде князей Юсуповых», написала несколько научно обоснованных работ, в числе которых – ее статьи «Князья Юсуповы» и «Князья Урусовы» *[3]*. Ее, бережно обращающуюся с историческими сведениями, следует назвать в числе немногих исследователей, старающихся пролить свет на подлинную историю ногайцев. Книга князя Н.Б. Юсупова называется «О роде князей Юсуповых» и представляет собой собрание жизнеописания семьи,

Баалы окувшылар: Николай Юсуповтынъ «О роде князей Юсуповых» деген китабыннан алып. Юсуповлардынъ тукымлык асыл языямасын (шеджересин) (Спб. 1867. — Ч. Г. — С. 343—346) беремиз. Документ китапта калай баспаланган болса, сизди оны мен солай таныстырамыз.

ПОКОЛЕННАЯ РОСПИСЬ, ПОДАННАЯ В РАЗРЯДНЫЙ ПРИКАЗ ЗА ОБЩИМ ПОДПИСАНИЕМ КНЯЗЕЙ ЮСУПОВЫХ.

1686 году, майя в 19 день.

Родство Абабукъ Киреева (Абубекира). Владел и ведал весь мусульманский род после Магомета. А у Бабекира сын Магомет был в Дамаске султаном.

А Магометов сын Султан Кегаб в Дамаске же был царем.

А Кегапов сын Султан Гирмес был в Египте царем.

Гермесов сын Султан Халид был в Сарсаре царем.

А Халидимов сын Султан Кулюд был в Сарсаре царем.

А у Кулюда сын Султан Абулгази был в Антиохии царем.

А у Абулгази сын Селим был в Антиохии царем.

А у Селима сын Султан Сыддык был в Антиохии царем.

А у Сыддыка сын Султан Абдельхак был в Медоиме царем.

А у Абдельхака сын Султан Осман был в Медоиме же царем.

А у Османа сын султан Джалялетдин был в Константинграде царем.

А у Джалялетдина два сына: первый Адгем, второй Бабатюклес был в Каабе царем, а Мекка тоже.

А у Бабатюклеса три сына: Аббасом зовут, второй Абдурахман, третий Термя был меж Волги и Яика.

А у Термя сын Карапчи.

А у Карапчая сын Сламкай.

А у Сламкая сын Каддыркай.

А у Каддыркая сын Кадлукай, и взял Кадлукай взятьем Кумкент, и учинися в Кумкенте Государем.

А у Кадлукая сын Иддигей Князь[1], и Иддигей

[1] Едигей, знаменитый в истории, с него начинается достоверное родословие Князей Юсуповых.

А. Курмансеитова. Байтеректинъ байлыгы.
Черкесск. 1996. С. 21–22

Князь взял у Джанибека царя юрт, и учинися на его месте Государем.

А у Идигия Князя сын Народык-Мурза[1].

А у Народык-Мурзы сын Акас Князь.

А у Акаса Князя сын Муса Князь.

А у Мусы Князя дети от первыя жены от Конедозы царицы семь сынов: Шехим-Мурза, Шихмама-Мурза, Кушуз-Мурза, Досум-Мурза, — бездетны; Юсуф Князь, от него пошли Юсуповы, да Ак-Мурза, бездетен, Смаила Князь — *(Из комментария Николая Юсупова: «Следует читать Измаил. Это брат Юсуфа, из угождения Иоанну Грозному, принесший Юсуфа на жертву своим корыстным расчетам.*

В конце поколенной росписи потомки Исмаила, у которого было семь сынов: Тиохмат, Урус и проч. От них пошли Князья Тиохматовы, Урусовы и пр.).

А у Юсуфа Князя дети: Иль-Мурза, да Ибрагим-Мурза[2].

А у Иль-Мурзы дети: Чинь Мурза, да Сеюш Мурза.

А у Чинь-Мурзы сын Корель Мурза.

А у Сеюш Мурзы, Иль-Мурзич дети: Зданъ-Мурза *(Джан-Мурза — А. К.)*, да Ак-Мурза, да Ищерек-Мурза — бездетен, да Слам *(Ислам — А. К.)* Мурза — бездетен, да Абдул-Мурза, во крещении Князь Дмитрий.

А у Корел-Мурзы сын Би-мурза, во крещении Князь Иван.

А у Абраим-Мурзы сын Сеюш-Мурза, а у Сеюш-Мурзы Абраимова сын, Абрам *(Ибрагим — А. К.)* Мурза, во крещении Князь Никита.

А у Князя Ивана сын Князь Семен, умер бездетен.

А у Джан-Мурзы дети: Бай-Мурза, да Хан-Мурза, во крещении Князь Иван, умер бездетны.

А у Ак-Мурзы дети: Ай-Мурза, во крещении Князь Алексей, умер бездетен, да Сендега Мурза, во крещении Князь Петр.

А у Князя Дмитрия дети: Князь Иван, Князь Матвей, Князь Григорий.

---

[1] Нурадин.

[2] Здесь означены только поселившиеся в России сыновья Юсуфа, а пропущены Юнус-Мурза и Али-Мурза, значащиеся в грамотах, сохраняющихся в Московском Архиве Иностранной Коллегии.

грамот и писем к ним Российских государей с XVI века до половины XIX века и других фамильных бумаг, с присовокуплением поколенной росписи предков князей Юсуповых с XVI века. Само название говорит о том, что книга представляет огромную ценность для всей российской науки. А.Х. Курмансеитова обращает внимание на сделанное Н.Б. Юсуповым предуведомление к книге, т.к. в нём ярко выражена нравственно-этическая позиция автора. Весьма ценен и литературный слог произведения, в котором ощущается проникновенность и ясность мысли, образованность, высокий интеллект автора. «Есть фамильные акты, – пишет русский князь Н.Б. Юсупов, – которые, по важности их нравственного и политического значения, принадлежат истории. Это самое побудило меня озаботиться приведением в порядок древних столпцев, фамильных бумаг и грамот, дошедших ко мне от моих предков и переходивших от века в век в возрастающем числе. Выражая нравы минувшего времени, отношение России к другим государствам, и распоряжение мудрых монархов, они свидетельствуют и доверенность, какою пользовались от них князья Юсуповы. Забвение свойственно человеку, но здесь уже вступает в права История, заботливо собирая всё, что напоминает потомству события достопамятные. в сохранении их – дань уважения прошедшему и поощрение будущему» *[3, 48]*. Последующие цитаты из книги Н.Б. Юсупова и работ А.Х. Курмансеитовой имеют прямое отношение к начатому разговору.

«Род князей Юсуповых, – пишет Н.Б. Юсупов, – ведёт свое начало от Юсуфа, могущественного владетельного князя Ногайской Орды, отца Казанской царицы Сююнбеки (Сумбеки), бывшего в сношениях с Иоанном Грозным и пересылавшегося с ними посольствами. По грамотам Иоанна к Юсуфу и Юсуфа к Иоанну, хранящимся в Московском государственном архиве, видно, что Юсуф был прямой потомок знаменитого Эдиге мангита, Тамерланова полководца, ордынского вождя и князя. Эдигей был признаваем потомком мусульманских Султанов, обладавших Дамаском, Антиохией, Меккою и пр.» (там же).

В ранней статье «Ярлык Токтамыш-хана и могущественный князь Эдиге» *[4]* А.Х. Курмансеитова, обращаясь к родословной Юсуповых, привела цитату: «В конце XVII в. князь Иван Дмитриевич Юсупов представил в Разрядный приказ древний свиток своих предков, копию этого документа – «Список с древнего столпца о роде Юсуповых» – *в 1655 году заверил Абдулла Культеев* (подчеркнуто мной. – И.К.), и она хранилась в семейном архиве князей Юсуповых... Указание предков Юсуфа восходит до «Абубекира, правившего после Магомеда всем мусульманским родом», как сказано в акте. Но это был не Абубекир, тесть Магомета, … а соимённый ему через три века Абубекир-Омра, князь князей и султан султанов, соединявший в лице своём правительственную и духовную власть. Потомки Абубекира-Омра были султанами и калифами, с царской властью в руках, в Дамаске, Египте, Антиохии, Медоиме, Константинограде, Кехбе и Мекке. Один из потомков Абубекира – Омры – переселился к берегам Азовского и Каспийского морей, где, по преданию, *была его родина* (подчёркнуто мной. – И. К.). За ним последовали верные ему многочисленные племена. По родословной Юсуповых у Термеса был сын Карапчи, у Карапчи – сын Сламкая, у Сламкая – сын Каддыркая. Сын Каддыркая Кудлукай взял Кумкент и стал в Кумкенте царём. а сын Кудлукая Идегей взял у Джанибека юрт и стал на его месте царём, и от него, Эдигея князя, начинаются родословные ногайских князей и мурз» [*3, 101, со ссылкой на книгу «О роде князей Юсуповых»*].

То, что Эдиге был сыном Кутлы-кая (Кутлы-кия, Кутлуг-кая), отмечено и арабским историком Ибн-Арабшахом, а также в родословной, приведённой в «Сборнике летописей» Кадыр-Али-бека Джалаири и, наконец, в ногайском эпосе. Персидские историки отца Эдиге называют Балтычаком, турецкие – Аланджаком. а то, что Эдиге был из рода мангыт, бесспорно подтверждается почти всеми родословными. в родословной русских князей Юсуповых большое сомнение вызывает указание сановника под именем Абубекира-Омры. По данным Кадыр-Али-бека Джалаири, первым в Дешт-и-Кипчак переселился отец Термеса Баба Туклас (ног. Баба Тукли Шашлы-ас). в Средней Азии Баба Тукласа считали потомком первого мусульманского халифа. Возможно, В. Трепавлов и другие учёные правы, видя причину фантастического возведения предков Эдиге к мусульманскому халифу в необходимости легитимизации их правления над кочевниками. Ведь, не имея отношения к чингизидам, клан Эдиге не мог властвовать в степном государстве. Возможно, если это не было родством по женской линии. Однако, то, что для современного учёного есть фантастика, вовсе не является таковой для монархов XVI века. Цитата из книги Н. Юсупова: «В то же время, когда Иоанн Грозный отправил с дарами к Юсуфу посланника Петра Тургенева, тогда же явились ещё два посольства: от хана Крымского и от Султана Турецкого (1549 г. – И. К.), надеявшихся привлечь к себе Юсуфа на помощь мусульманам. Могущественный Солиман (Сулейман Великолепный. – И. К.), которого царствование было, пожалуй, самым блистательным в Турции, не только посылал богатые дары Юсуфу, но ещё почтил его титулом: «Князь Князей и Султан Султанов», тем самым, которым наделен был Абубекир, эмир эль-Омра. Это свидетельствует о том, что потомки Юсуфа небезосновательно выводили свое происхождение от царей...». Окончательное подтверждение этого обстоятельства – в родословной князей Урусовых, близких родственников Юсуповых.

«Граф А. Бобринский, – пишет в статье «Князья Урусовы» А. Курмансеитова, – в книге «Дворянские роды, внесённые в общий гербовник Всероссийской империи» дал выписку из гербовника, где сказано, что род князей Урусовых, как показано в справках Московской коллегии иностранных дел и Разрядного архива, и в родословных книгах, происходит от ногайских князей. Предок сего рода Абабек-Керей был владетелем и потомки его в древнейшие времена в Египте и в других местах были царями. Происшедший от сего рода князь Муса (правнук Эдиге – И. К.), владетель ногайских татар, оказал России верность во время нападения трухменского князя Амгурчея. у сего князя были дети: князь Юсуп, от него пошли князья Юсуповы, и князь Исмаил, который в царствование царя и великого князя Иоанна Васильевича равным образом охранял российские пределы от нападения крымцев и в верности России присягу учинил. Оный князь Исмаил имел сына князя Уруса, от коего произошли князья Урусовы и многие были в знатнейших чинах, именованы от российских государей князьями, жалованы были деревнями и другими поместьями и знаками монарших милостей. Все сие доказывается справкою архива Коллегии иностранных дел, Разрядного архива и родословной князей Урусовых».

Опять обращает на себя внимание то, что предки Эдиге были с древнейших времен властителями в Египте. Но именно в данной родословной загадочный Абубекир указывается как Абабек-Керей сын Дока. Этот сановник был эмиром у Эль-Омра. Таким образом, есть, пусть хоть нетвердое, но основание увязать Дока с мангытами.

Из истории создания изначального ханства на Востоке мы знаем, что племя мангытов было опорой Чингиз-хана. Знаменитый глава мангытов Куилдар был побратимом августейшего владыки, он не жалел сил ради роста могущества своего хана и в конце концов отдал за него свою жизнь. Влияние Куилдара было столь велико, что Чингиз-хан после его смерти мангытам назначил специальный (сиротский) налог с добычи. Такими привилегиями редко пользовались даже чингизиды.

Из преданий и летописей о Чингиз-хане и его преемниках хорошо известно имя другого мангыта – Дохолгу. Это может быть искажённое тюркское имя или титул Док-улуг (*док* – сытый, *улуг* – сын). Имя, титул в тюркском понимании, соответствует и занимаемому посту Дохолгу, он был *черби*, командовал гвардейцами, следившими за продовольственными поставками ханской ставки и армии. Черби командовал тысячей мангытов. При Октай-кагане (Угедее) Дохолгу казнили. Кажется, его тысяча участвовала в западном походе под предводительством Бату-хана. Возможно, что Бату-хан оставил при себе эту тысячу мангытов, а затем отправил их под командованием Тутара (или Татара), сына Минкадара (брата Ногая), в войска Хулаги для участия в «жёлтом крестовом походе». Таким образом, мангыты могли попасть на Ближний Восток. Известно, что войска Хулаги под командованием наймана Кет-Буги завоевали Дамаск, Алеппо и остановились на подступах к Иерусалиму. Золотоордынские войска здесь получили приказ от рассорившегося с Хулагой Берке-хана вернуться домой или же переходить на сторону мамлюков. Вполне возможно, что кто-то из предков Эдиге в это время был поставлен управлять Дамаском, а затем, при переходе к мамлюкам, уже Бейбарсом поставлен управлять Меккой, Антиохией и другими областями.

В летописи Кадыр-Али-бека Джалаири родословная Эдиге повторяет родословную князей Юсуповых, но у относительно далёких его предков есть дополнительные имена. По этой летописи у Абубекира было два сына: Керемет-Азиз и Джелал-ад-дин, последний являлся отцом Баба Тукласа. у Баба Тукласа было четверо сыновей. Опираясь на другие сведения, Кадыр-Али-бек утверждает, что их было трое, один из которых похоронен рядом с Каабой, другой – в Крыму, третий – в Ургенче [*5*]. Как видим, и Крым, и Ургенч – это территория Золотой Орды. Дальнейшая информация о предках Эдиге в родословных идентична. Сын Баба Тукласа Терме перебрался в Дешт-и-Кипчак и умер на родине. у Терме был сын Карачид, у Карачида – сын Ислам-кая, у Ислам-кая – сын Кадыр-кая, у Кадыр-Кая – сын Кутлы-кая, последний же являлся отцом Эдиге.

Подача родословной Эдиге в летописи не только подтверждает родословные князей Юсуповых и Урусовых, но и достоверность основных фактов биографии предков. Легче было допустить, что предки Эдиге, на самом деле ,будучи курейшитами (родственниками пророка Магомета), выдали себя за мангытов, чтобы управлять этим сильным и воинственным племенем. Ведь среди кочевой знати родословные очень ревниво и тщательно изучались, ибо гордые и спесивые мангыты ни за что бы не согласились принять в свой аристократический круг чужака, будь он даже из семьи пророка.

Известно, что Эдиге ревностно соблюдал законы и отправлял ритуалы ислама, о чем достаточно и литературных, и фольклорных свидетельств. При нем завершилась исламизация населения Ногайской Орды. Вслед за Узбек-ханом, он запретил работорговлю мусульманами в Золотой Орде. В.В. Трепавлов приводит

любопытную цитату из грамоты Муса-бия о своём родоначальнике: «Сего света держава на великих местех, счастливой осподарь, умной как Бюрека, ум ся о него родил, вере надежа, людем подпора, Богом возлюблен, а от людей почтен, над судьями судья (функция ногая – И.К.), а великие люди слову его были ради, иных осподарей был и салтанов – Едигеи князь» (грамота Мусы-бия Ивану III – Посольская, 1484, с. 39) *[1, 82]*. в примечании учёный даёт пояснение, кем был Бюрека. в нём он видит сподвижника и духовного наставника Хромого Тимура Береке, который был родом с Арабского Востока и принадлежал к саидам – потомкам пророка Магомета. «Возможно, – пишет В.В. Трепавлов, – во время своих приездов в Мавераннахр, начиная с 1376 г., Эдиге познакомился со знаменитым богословом и беседовал с ним на политические и религиозные темы (так можно трактовать фразу «ум ся о него родил»)» (там же).

О том, что предки Эдиге имели родственные связи в арабских странах, может говорить и приведённое ранее сообщение из сочинения арабского историка Амин Аль-Холи о том, что «в 1416 году в Египет прибыла жена Эдигея с 300 всадниками» *[7]*.

Хронологически родословные князей Юсуповых и Урусовых древнее книги «Родословная тюрок» Абдул-Гази Бахадура и сочинения Кадыр-Али-бека Джалаири. Столпцы, на которые опираются эти родословные, вывезены из Ногайской Орды первыми основателями русских дворянских фамилий Юсуповых и Урусовых в середине XVI века. Возможно, настоящим предком Эдиге являлся мангыт Абабек-Керей сын Дока, этот вельможа оказался на Ближнем Востоке во время «жёлтого крестового похода». Его сын Баба Туклас (имя связано, скорей всего, с его сакральными качествами) и внук Терме переселились к «берегам Азовского и Каспийского морей», которые, по преданию, являлись их родиной. Если мы возьмем самый минимальный срок появления нового колена предков в 17–18 лет, то переселение на родину должно было произойти приблизительно за 80–90 лет до рождения Эдиге. Эдиге родился в 50-е годы XIV в. (по Кадыр-Али беку, Эдиге умер в возрасте 63 лет, годом смерти его считается 1420 г.; по данным арабских историков Айни и Сахави – в 822 г. по хиджре, по христианскому же летоисчислению 28 января 1419 – 16 января 1420 г. По Абдул-Гази, Эдиге родился в 1352–1353 гг.). в таком случае, предок Эдиге Терме появился на исторической родине в 70–80-е годы XIII века, т.е. во время правления Ногая. Продвижение в междуречье Волги и Урала могло состояться после разгрома Ногая (1300 г). Судя по этим сведениям, мангыты, по крайней мере, предки Эдиге, не появились из Бухарии, а прибыли на территорию Золотой Орды из Ближнего Востока.

В.В. Трепавлов, по всей видимости, безосновательно, «искореняет» мангытов в улусе Джучи. Мангыты, конечно же, были в улусе Джучи, и поодиночке, и в родовом объединении, со времен Бату-хана. Представители мангытов, как и конгратов, киятов, салджиутов, джалаиров, дюрменов и всех остальных племён из коренного юрта, при раскашивании, интегрировались, для надёжности и контроля, во все кочевые объединения. и Ногай, и Тохта, и потомки Орды, и Шибана держали в повиновении покорённое население за счет представителей этих племен.

В.В. Трепавлов, а ранее и ногайский историк Б.Б. Кочекаев, безосновательно ставят под сомнение устоявшееся мнение многих учёных о перемещении подвластных беклербея Ногая с запада Золотой Орды в междуречье Волги и Урала *[1, 22, 488]*. Тогда вполне резонен вопрос: где была подвластная

соправителю Золотой Орды Ногаю территория? Столицей территории Ногая являлся город Исакчи (Ясакчи) в низовьях Дуная. в арабских источниках к имени Ногая часто прибавляется приставка Иесу (Правитель), Иесу-Ногай (Правитель Ногай). Видимо, и название главного города беклербея возникло от этой приставки (Иесакши или Ясакши). Возможно, что и имя Ногай являлось титулом и означало – Высший судья. Этот титул знаменитый полководец мог получить от аборигенов, проживавших вблизи ставки: потомков печенегов (ср.: *патша-наги- печенеги- баджанаги - патша-ногаев,* т.е. царских ногаев, а в греческих документах – царских скифов). Мог получить ещё в ранней молодости, во время завоевания Западного Дешт-и-Кипчака и стран Западной Европы в середине XIII в, при правлении Бату-хана. Затем Ногай более 50 лет возглавлял золотоордынские войска, правил западным крылом Орды и был подлинным соправителем в государстве. Ногай прослыл незаурядным полководцем, побеждая войска иранских чингизидов, вынуждая склонить головы византийского императора, болгарских, сербских правителей. в последние двадцать лет его жизни, без ведома темника, не решалось ни одно сколь-нибудь значимое дело в Золотой Орде. Исторические документы свидетельствуют о том, что под влиянием Ногая были: Северный Кавказ, Подонье, западнорусские земли, Болгария, Сербия, Венгрия, Польша и близкий к ставке Крым. в документах арабских историков есть любопытное сведение. Цитата из «Летописи Бейбарса»: «Он (Токта) поставил Янджи, сына Курмыши, на место брата его Абаджи, а двух сыновей своих Тукулбугу (Токалбугу – И.К.) и Ильбасара (Эльбасара – И.К.) отправил во владения Ногая. Что касается Тукулбуги, то он утвердился в Исакчи, на реке Дунае, и на местах, прилегающих к Железным воротам, где находились становища Ногая, а Ильбасар устроился на реке Яике. Так перешли Северные области вполне к царю Токте» *[6, 117]*. Такое же сообщение делает арабский энциклопедист Ан-Нувейри (там же). Выходит, что если у Ногая были подвластные земли на Яике, то сомнения современных исследователей В.В. Трепавлова и Б.Б. Кочекаева о распространении этнонима *ногай* на территории, где образовалась Ногайская Орда, совершенно безосновательны и на таком утверждении строить исследование неправомерно. Не так уж и трудно, скорей всего, найти сведения и о перемещениях подвластных Ногаю людей. Только, видимо, ни Кочекаев в свое время, ни Трепавлов ныне по существу не занимались проблемой передвижения подвластных Ногая на восток. а такие миграции были постоянно. Тут надо вспомнить, что в эпоху Ногая из-за того, что несколько тысяч кочевников по собственному волеизъявлению перешли от Токты к Ногаю, возник первоначальный конфликт между ханом и беклербеем (см.: Бейбарс, Ан-Нувейри, Рашид-ад-дин). Такие перемещения в пределах одного государства были естественными и в мирное, и в военное время. Особенно массовый характер эти процессы приобретали в периоды войн, локальных и масштабных. Потому естественно, что массовое перемещение подвластных Ногаю кочевников состоялось и после разгрома прославленного беклербея в 1300 году. Хан Токта, во избежание сепаратизации, разделил улус Ногая пополам и поставил их под начало своих сыновей. Самые строптивые кочевые объединения он переселил в левое крыло, к ордынскому потомку Баяну. Крупные миграции кочевых племён в Золотой Орде произошли после смерти хана Бердибека и прихода к власти мятежного Мамая (1359 г.).

Но до этого существенные перемены произошли в Золотой Орде. После смерти хана Токты (1313 г.) государством долгое время правил Узбек-хан (умер в 1343 году). Узбек у хана – титул, данный военной знатью, собственное его имя Ахмед и матерью его была Инкар-Айым, дочь Ногая *[8, 418]*. с детства он воспитывался у аталыка в Черкесских горах, на Северном Кавказе, там, где живут и современные ногайцы. Возведение Ахмеда в ханы коротко описано в «Шынгыс-наме» Утемиш-Хаджи (Алматы, «Дайк-Пресс», 2005 г.). Оно примечательно тем, что к этому событию привлечено участие легендарного предка ногайских батыров Баба-Тукласа. Очевидно, что происхождение Узбека по материнской линии сыграло значимую роль в консолидации военной знати, как следствие, стабилизации обстановки в Золотой Орде.

Историки расценивают время правления Узбека как период наивысшего расцвета страны. Известно, что в целях сплочения государства, Узбек-хан провел исламизацию Орды и это было актом распространения не только единой веры, но и культуры, пришедшей с исламом. Бурное развитие культуры, искусства, архитектуры – тому свидетельство. Мечети, построенные во времена Узбека, сохранялись до последнего времени в Крыму, на Северном Кавказе. Через территорию Орды проходил Великий Шёлковый Путь, давая возможность расти торговле, ремесленному производству, строиться городам. Узбек-хан установил тесные связи с ведущим государством мусульманского Востока Египтом, он породнился с султаном, отдав за него свою сестру. в Золотой Орде распространялась не только вера, но и утверждались принципы восточного управления государством, шариатское судопроизводство. Узбек-хан, властный и сильный правитель, находил общий язык и с кочевой знатью, но опирался при этом на народ-войско.

Неоценимый вклад в развитие исторической науки внёс русский учёный В.Г. Тизенгаузен. Свой труд по собиранию восточных сведений о Золотой Орде он выполнял по заданию председателя Археологической комиссии С.Г. Строганова. Первый том, в который вошли сочинения арабских историков, вышел при жизни В.Г. Тизенгаузена. Второй том, в котором были труды персидских историков, вышел уже после его смерти, и есть основания предполагать, что собранные ученым сведения при издании этого тома подверглись редактированию. Однако, несмотря даже на это, можно найти необходимые свидетельства по обсуждаемым проблемам. Текст «Аноним Искандера» начинается с запутывающего историков абзаца. На с. 127 второго тома «Материалов Золотой Орды» В.Г. Тизенгаузена содержится буквально следующее: «После этого (следует сноска подготовивших текст: «Перед этим автор излагает историю потомков Джучи по Рашид-ад-дину, кончая поражением и бегством сыновей Ногая». Затем сразу, без упоминания о смерти Токты, идёт приведённая нами часть) улус Джучи разделился на две части. Те, которые относятся к левому крылу, то есть пределы Улуг-тага, Сегиз-ягача (Сенгир-ягач) и Каратала до пределов Туйсена (Тюмени), окрестностей Дженда и Барчкенда утвердились за потомками Ногая, и они стали называться султанами Ак-орды; правое же крыло, к которому относятся Ибир-Сибир, Рус, Либка, Укек, Маджар, Булгар, Башкирд и Сарай-Берке, назначили потомкам Токтая и их назвали султанами Кок-орды» *[11, 127]*.

Скорей всего, автор «Анонима Искандера» ничего не путает, напротив, предельно правдив. а именно: произошло перемещение людей правого крыла в восточную часть Улуса Джучи и они сохранили за собой право называться Ак Ордой.

А право это было почётным, поскольку давало привилегии при избрании главного хана Золотой Орды. Но странно то, что указанная Ак Орда связывается с потомками известного беклербея Ногая. Ногай и его сыновья были убиты. Очевидно, что к такому противоречию привели издержки перевода, и надо читать вместо «утвердились за потомками Ногая» «утвердились за потомками людей Ногая». в связи с переселением кочевников с запада на восток в титулатуре потомков хана Орды (брата Бату) появляется название Ногай. Так этот титул связывается с именем хана Ак Орды Сасы-Бугой. Титул Ногай ему присвоили переселившиеся с запада кочевники.

Если обратиться ко времени этого знаменательного переселения, то получается следующее. По сведениям Рашид-ад-дина, Сасы-Буга - правнук хана Орды, сын Баяна *[12]*. Баян же правил восточным крылом Улуса Джучи во времена Тохты и Ногая. Надо сказать, что в это время внутриулусные столкновения происходили и на востоке. в правом крыле начались столкновения Токты и Ногая, а в левом – законный наследник, внук хана Орды, Баян воевал с двоюродным братом Кулюком (в летописях Кублюк). Главный хан Джучиевого улуса Токта, дав ярлык на правление, поддерживал Баяна. Кулюк же считал себя претендентом на власть в левом крыле, его поддержали агрессивные восточные чингизиды: Кайду из коренного юрта (Монголии) и чагатаид Дува.

Ханы чагатайского улуса изначально считали себя обделёнными при выделении им владений, они постоянно претендовали на восточные земли джучидов. Видимо, Кулюк в случае победы над Баяном обещал за поддержку чагатаидам кое-какие территории. Хан Токта хорошо знал, какие опасные последствия возникнут в результате ослабления крыла Баяна, но во время войны с Ногаем не мог помогать военной силой. Затем, после победы над Ногаем, в 1302–1303 гг., эта помощь была оказана, об этом сообщают послы Баяна к ильхану Газану. «Токтай – наш союзник и пришлёт войска. Он уже прислал два тумана с тем, чтобы они соединились с войском каана в Дерсу (в Дарше), так как пределы их области находятся близ области каана, а прежде даже прилегали друг к другу» *[11, 44]*. Эти слова приводит Рашид-ад-дин. Два тумена – это двадцать тысяч воинов. Но надо полагать, что тумены были переданы на постоянное проживание, т.к. было в интересах единства государства держать постоянный контингент войск. Значит, в восточное крыло вместе с воинами были переселены и семьи. Если вообразить, что в каждой семье минимально было пять человек (а у кочевников детей в семьях было гораздо больше), то количество переселённых составит около или более 100 тысяч человек. Естественно, Токта снимал с плеч и другую проблему, он ослаблял и одновременно расчленял мятежно настроенные ногайские племена в западном крыле.

Авторство «Анонима Искандера» тюрколог В.В. Бартольд приписывает Муин-ад-дин Натанзи. Произведение написано примерно в 1413–1414 гг. и было посвящено тимуриду Искандеру, сыну Омар-шейха, управлявшему Фарсом и Исфаганом в 1409–1414 гг. Автор сочинения был современником интересующих нас событий в XIV–XV вв. в произведении огромное количество тюркских и монгольских слов, это обстоятельство побуждает учёных думать, что первоисточник был написан на тюркском языке. Наверное, поэтому в «Анониме Искандера» больше, чем в каком-либо другом персидском сочинении, конкретного исторического материала, касающегося восточного крыла Улуса Джучи. Вот некоторые выдержки

из этого сочинения. «В то время, когда взошёл на престол царь Тогрул, сын Тохты, современником его был Сасы-Бука, сын Ногая, правитель улуса Ак-орды. Он по-прежнему соблюдал правила подчинения и повиновения. Он правил 30 лет и за это время совершенно не сходил с большой дороги службы Тогрул-хану и Узбек-хану и не уклонялся ни от одного вызова и курултая. Таким же образом в совершенном единении он умер естественной смертью в 720 г. (12.11.1320 г. – 30.01.1321 г.). Могила его находится в богохранимом Сауране» *[11, 129]*. Во всех других источниках Сасы-Буга является сыном Баяна, но в «Анониме Искандера» почему-то он указывается сыном Ногая. Думается, что такое могло случиться только из-за того, что Сасы-Буга выдвигался знатью правого крыла, ранее служившей Ногаю. в другом персидском источнике «Книга побед» Низами-ад-дина Шами имя сына Баяна вообще названо как Сасы-Ногай *[11]*. Такое прибавление к имени можно объяснить тем, что акордынская знать принесла с собой титул легендарного беклербея и так оказывала честь новому господину. Если выражение: «сын Ногая» читать по-тюркски, то можно понимать и как «сын народа Ногай» – «Ногай улы».

После Сасы-Буги Ак-Ордой стал править его сын Эрзен (ног. иершен – последователь). в «Анониме Искандера» о нём пишется следующее: «По указу Узбек-хана он стал после отца его преемником и, благодаря большим способностям ума и прозорливости знания, проявил хорошую сущность (свою). в непродолжительное время степень его положения стала близкой величия Узбек-хана, однако он таким же образом проявлял повиновение и подчинение. Он был царём крайне умным, праведным, превосходным и богобоязненным. Большую часть медресе, ханака (скитов), мечетей и других благотворительных учреждений, которые находятся в Отраре, Сауране, Дженде и Барчкенте, устроил он. Благодатью своей справедливости и милости он сделал весь Туркестан образом высшего рая» *[11]*. Такая характеристика деятельности Эрзен-хана почти точно совпадает с заметками выдающегося казахского ученого Чокана Валиханова. в XIX веке он писал: «Довольно странно и замечательно, что все почти кочевые народы среднеазиатских степей всё древнее приписывают ногаям и многие почитают их своими предками. Так говорят каракалпаки, дикокаменные киргизы, которые, судя по скудным фактам истории этого народа, особенного родства и сходства иметь не могли» *[13, 208]*. Далее Ч. Валиханов пишет: «Предания о ногайцах замечательны тем более, что они общие для всех кочевых среднеазийских племён. Киргиз-кайсаки (казахи – И. К.) тоже все развалины в южной и западной полосе своей земли приписывают тоже ногаям. Каракалпаки и башкиры также имеют притязание на ногаев. Пункт этот особенно достоин исследования, и я намерен говорить о нём более подробно в другом месте...» *[13, 388]*.

Многие советские исследователи, в том числе и казахские, старались придать этим высказываниям мифическое и фантастическое значение, не особенно желая их и цитировать. По сути же они имеют историческую подоплёку. Ерзен-хан правил в Ак-Орде 25 лет и умер в 1345 году. Благополучные времена правления Сасы-Буги и Эрзеня в общей сложности составляют более полувека. и за это время не только возросло экономическое благосостояние, но и почти втрое выросло население Орды. Здесь имеется в виду и переселённое население, которое стало основной военной силой восточного крыла. Этот народ-войско хранил в памяти имя легендарного беклербея Ногая. Эту память хранили и окружающие народы,

оседлое население. в первую очередь, окружение, зная прошлое этих кочевников, стали называть их ногаями.

После Эрзен-хана в Ак-Орде ханом стал Мубарек-ходжа, но из-за своей жадности и несносного характера он продержался на троне всего шесть месяцев. После него трон Ак- Орды достался Чимтаю, чингизиду по линии Тукай-Тимура сына Джучи, который пробыл ханом почти 17 лет. Именно во время правления Чимтая западные племена, переселённые ещё при Токте, вспомнили, что они исконные представители правого крыла всей Золотой Орды и что их воля должна превалировать в государстве. Был созван курултай, давший решающее слово Чимтаю, который предложил кандидатуру своего брата Орда-шейха. Он и был избран ханом Золотой Орды. Но не так было просто править крупнейшим городом мира Сараем, когда главные сторонники в другой части страны. Среди знатных и влиятельных золотоордынцев нашлось много несогласных. После года правления Орда-шейх был убит. Тогда на новом курултае эмиры Золотой Орды на главный трон посадили Хызра, сына известного Сасы-Буги. Хызр в Сарае правил тоже недолго, он был убит через год. Затем на трон Золотой Орды взошёл другой сын Сасы-Буги по имени Албай (в «Анониме Искандера» Хальфай). Он провластвовал всего 9 месяцев. После Албая трон занял Тимур-ходжа, сын Орда-шейха, убитый через два года известным истории Мамаем, пытавшимся утвердиться в Сарае. Но аристократия Золотой Орды, особенно восточные правители, не поддерживали Мамая и его ставленника чингизида Абдуллаха. После Тимур-ходжи акордынцы выдвинули на должность хана Мюрида, сына Орда-шейха. Он тоже продержался совсем недолго. За ним – Азиза, сына Темир-ходжи, за ним – Хаджи-хана, сына Эрзен-хана.

У правящего в Ак Орде Чимтай-хана сын Урус-хан ещё при жизни побуждал отца взойти на золотоордынский трон в Сарае. Однако Чимтай-хан не соглашался: или он понимал зыбкость восхождения на престол в Сарае и из соображений безопасности обеспечивал родственникам тыл в восточной части Улуса Джучи, или же ему по каким-то канонам нельзя было претендовать на верховную власть. После смерти отца Урус-хан на первом же курултае сообщил о своем намерении и снарядил войско для захвата Сарая. Урус-хан захватил Сарай и воссел на трон Золотой Орды. Он приложил много сил для удержания власти и продержался на престоле 9 лет.

Тут надо сказать о том, что в Ак Орде, в отличие от западной части государства, традиционно сохранялась власть ветви сыновей Джучи. Так, отец будущего хана Золотой Орды Тохтамыша Тойхожа был правителем Мангышлака. Тойхожа также представлял ветвь последнего сына Джучи Тукай-Тимура. Известно, что примерно в это время на Сыр-Дарье имел резиденцию и другой владетель по линии другого сына Джучи Шибана. в исторической литературе этот шибанид известен под именем Кара-Ногай. к сожалению, некоторые ученые (казахский исследователь Кузембайулы) связывают с ним название Ногайской Орды и этноним народа ногай. Однако, слишком он для этого малоизвестен. Более вероятно, что этот потомок Шибана, став беклербеем в Ак Орде, получил бытовавший титул Ногай, а добавление Кара (Чёрный, Могучий) было его собственным именем или характеризовало его воинские заслуги.

При выступлении Урус-хана на Сарай отец Тохтамыша Тойхожа отказался идти с ним, за что и был казнён, а Тохтамыш бежал и скрылся в Чагатаевском улусе,

у Аксак Тимура. Среднеазиатский правитель дружелюбно принял молодого хана, всячески покровительствовал ему.

Нет необходимости в контексте задач статьи вдаваться в подробности сложных взаимоотношений Аксак Тимура и Тохтамыша, но причина нахождения мангытских биев при дворе золотоордынского хана, видимо, в следующем: пришедший к власти Тохтамыш попытался решить проблему несоответственного расположения военных крыльев. Об этом, пусть и не очень внятно, написано в анонимном сочинении «Родословная тюрков» (11, 207), относящемся к середине XV века. Правда, автор этой «Родословной тюрков» перестановку крыльев Тохтамышем связывает с поражением от войск Аксак Тимура. у Тохтамыша в правом крыле командовал некий Яглы-бай-бахадур из племени багрин (баарын), но хан для победы решил это крыло перевести на левый фланг. «Согласно указу, – пишет автор, – Яглы-бай-бахадур-багрин со всем илем (элем. – И. К.) перешёл на левое крыло и приготовился к бою» [11, 207]. Затем в сочинении описывается полуфантастическое сражение между Тохтамышем и Аксак Тимуром. Видимо, здесь автор опирается на фольклорные источники. Перед сражением Яглы-бай-бахадур требует, чтобы цепью связали его коня, т.к. во время битвы его воины бегут, и он один бьётся, не сдвигаясь с места, и героически погибает. Из этого отрывка ясно, что перемещение не способствовало победе и что произошла измена воинов. Всё это, похоже, отголоски реальных событий. По эпосу ногайцев племена баарын и ширин, которые впоследствии будут жить в Крыму, были сторонниками Тохтамыша и враждовали с домом Эдиге. Но в «Родословной тюрков» автор пытается объяснить и суть перемещения крыльев: «С того дня улус багринов (бааринов – И.К.) получил на курилтаях узбекских султанов место (орун) на левой стороне, которую на монгольском языке называют джунгар, а по-тюркски сол гол (сол кол), раньше же, подобно своим родичам – кунгратам, найманам, джалаирам, уйшунам и другим – это племя также сидело и бывало на правой стороне, которую на монгольском языке называют унгар, а по-тюркски он кол (онг кол). Причиной единства улусов является это...» (там же). Излагая эту суть, автор опять пытается объяснить, что перемещение крыльев делалось Тохтамышем ради победы. Для нас ключевым моментом здесь является то, что до Тохтамыша существовало несоответствие в обозначениях западной и восточной части Золотой Орды.

Для объединения ханства Тохтамыш в 1380 году разбивает обосновавшегося в Крыму Мамая. Мамай, хотя потерпел поражение от Дмитрия Донского на Куликовом поле, сохранял силу и влияние в западной части Золотой Орды. Уничтожив войско Мамая, Тохтамыш совершает поход на Москву (1382 г.), разоряет её и требует подчинения, уплаты дани. Затем предпринимает успешный поход на сибирские владения, в Закавказье, Персию. в то время эти земли считались владениями Аксак Тимура, при поддержке которого Токтамыш получил власть. Неблагодарный Токтамыш идет дальше, на Хорезм. в закавказском и среднеазиатском походах Тохтамыша, наряду с чингизидами, главным его эмиром называют брата Эдиге Исабека.

Дерзкие выпады Тохтамыша не могли не вызвать гнев Аксак Тимура, и могущественный полководец в 1391 г. предпринимает грандиозный тысячекилометровый поход. Войско Аксак Тимура через Тобол выходит к Яику, оттуда поднимается в верховья реки и, перейдя её, в районе современной Самарской области, вблизи речки Кундузчи, обнаруживает войско Тохтамыш-хана. Золотоордынский хан терпит

сокрушительное поражение, но, видимо, не полное, т.к. Аксак Тимур не развивает успех и с большой добычей людского полона и скота возвращается обратно.

Эдиге перед этим походом находился при дворе Аксак Тимура. Из текста ярлыка Токтамыш-хана, написанного польско-литовскому королю Ягайло, следует, что Эдиге был послан мятежными царевичами (чингизидами – И.К.) в стан Аксак Тимура. По другим сведениям (Ибн Арабшах), Эдиге был вынужден бежать от Тохтамыш-хана из-за дворцовых козней. Его харизматические качества: тонкий ум, смекалистость, храбрость, решимость – раздражали приближённых хана, и они всячески оговаривали, клеветали на него. Дошло до того, что Тохтамыш пригрозил ему казнью. Эдиге и его племянник, рождённый от его сестры, чингизид Тимур-Кутлуг, нашли приют в Самарканде и прожили при дворе Аксак Тимура около шести лет. Несомненно, что грозный завоеватель имел виды на Тимур-Кутлуга для замены Тохтамыша. Многие историки, и древние, и современные, считают, что Эдиге, чингизиды Тимур-Кутлуг, Кунче-оглан и многие мурзы, перебравшиеся в Самарканд, стали главными инициаторами первого похода могущественного завоевателя на Золотую Орду. Ибн Арабшах приводит даже слова Эдиге, обращённые к Аксак Тимуру: «Из Приволжской Орды богатства к тебе придут на собственных ногах...». Персидские же источники указывают на то, что беглецы из Золотой Орды были только лишь провожатыми во время похода. Автор замечательного научно-популярного очерка «Эдиге» Фатых Урманче считает, что поход спровоцировали, главным образом, «три известных исторических деятеля: Кунче-оглан (чингизид. – И.К.), Тимур-Кутлуг-оглан и эмир Эдиге» и приняли участие в битве на реке Кундузчи *[14, 21]*.

По персидским источникам, Эдиге, перед началом похода Аксак Тимура, послал своих нукеров предупредить ногайские племена о вторжении войск среднеазиатского правителя. Об этом пишет и арабский историк Ибн Арабшах. По его сообщению, Эдиге предварительно «послал гонцов к своим родичам, соседям и племенам левого крыла, без ведома о том Тимура, чтобы они ушли из своих мест и откочевали из своих родных краёв, направляясь туда, где самый центр и местности до него (представляют) трудное сообщение и много опасностей, чтобы они, коли возможно, на одном привале не оставались два дня, и чтобы они (непременно) поступали так, иначе Тимур, застигнув их, рассеет их и погубит всех. Они последовали тому, что предписал Идеху, и шли не останавливаясь» *[6, 532]*.

Предупреждение было своевременное, и родственные Эдиге племена сумели уйти в безопасные места. и прав Фатых Урманче, когда говорит: «Этот шаг Эдиге значит, что он даже вдали от родины не забывал о своих близких и единомышленниках и обратился в данном случае к весьма своеобразному пути спасения их» (14, 21). Войско Аксак Тимура шло через территорию Ак Орды, и шедшие вместе с войском Тимур-Кутлуг и Эдиге, под предлогом, что они хотят собрать своих людей, отстали. Аксак Тимур во время поиска войска Тохтамыш-хана всё же послал людей к Эдиге, чтобы узнать, почему они не принимают участие в походе. Когда послы прибыли, то Эдиге, по сочинению Ибн-Арабшаха, ответил им: «Отправьтесь к вашему господину, облизывайте его руки и сообщите ему, что сроку нашего общения тут конец и что я (далее) не причастен ему, ибо страшусь Аллаха!» *[6, 532]*.

Многие учёные отмечали, что в сочинении Ибн-Арабшаха были использованы устные рассказы. Думается, что если эти неуважительные слова в адрес грозного

завоевателя были бы произнесены, то Аксак Тимур пошёл бы против Эдиге и Тимур-Кутлуга. Наверное, эти слова были приписаны соотечественниками Эдиге позднее, когда он обрёл могущество в Золотой Орде. в создавшейся обстановке логичнее думать, что Эдиге, спровоцировав поход, объявил нейтралитет. и для Аксак Тимура, и для Тохтамыш-хана его нейтралитет был лучше, чем если бы он с войском Ак Орды принял сторону их противника. Но одновременно, например, для Тохтамыш-хана неучастие Ак Орды на его стороне выглядело изменой, о чём написано в «Родословной тюрков». Выглядело это изменой и для Аксак Тимура, о чём писали историки могущественного завоевателя на персидском языке.

Трудно утверждать, но можно предполагать, что до сражения на реке Кундузчи Эдиге вёл переговоры с Тохтамышем или же с братом Исой. В.В. Трепавлов, хотя и не уточняет времени установления соглашения, пишет о том, что Эдиге получил тархан (владение с налоговым иммунитетом) из рук Тохтамыша. в его владения стали стекаться кочевые племена. о прибывающих «вереницах множества людей» в юрт Эдиге пишет историк Ибн Арабшах. Очевидно, что Эдиге с Темир-Кутлугом, после сражения Тохтамыш-хана с Аксак Тимуром, обеспечили полную самостоятельность Ак Орды, а произошло это благодаря тому, что они спасли народ-войско от губительного похода среднеазиатского завоевателя. Ценя политический ум и полководческие способности Эдиге, кочевая знать приняла его сторону и стала стекаться в его юрт. Приблизительно такого же мнения придерживается и доктор исторических наук Фатых Урманче. «И Эдиге, – пишет татарский учёный, – когда он «отстал» от Тимура у себя на родине, начал принимать новые шаги для осуществления своих давно задуманных планов. Осенью 1391 года Эдиге возвращается в свой родной Мангытский улус Золотой Орды и начинает жить там как правитель и единственный властитель этого улуса. в недалёком будущем из этого улуса возникнет знаменитая и мощная Ногайская Орда».

Тохтамыш-хан имел благое намерение сохранить былую мощь государства и предпринимал иногда разумные решения. После поражения на реке Кундузчи он понимает, что Ак Орда уже не будет ему надёжной опорой, и начинает приводить в порядок западную часть Золотой Орды. Для обеспечения безопасности он устанавливает мирные соглашения с бурно развивающимся польско-литовским государством, об этом свидетельствует его ярлык, написанный в 1393 году к Ягайло. Пытается наладить отношения с сельджукским султаном Баязидом и египетским султаном Баркуком, и добивается кое-каких результатов. в целях угоды потенциальным союзникам или в целях своего возвышения он предпринимает поход в Закавказье для возврата земель Улуса Джучи, потерянных ещё при Берке-хане. Воистину курица сама находит нож, которым будет зарезана. Даже если Тохтамыша подстрекали на этот поход люди из его ближайшего окружения, то не надо было иметь много ума, чтобы удержать свои аппетиты и не вызывать гнева столь сильного полководца, как Аксак Тимур. Узнав о вторжении Тохтамыш-хана в его иранские владения, Аксак Тимур выступает немедля и гонит золотоордынское войско до самого Терека.

На северокавказской равнине (в 1395 г.) хан собирает подмогу от всех подчинённых народов. в источниках среди командующих войсками ни Эдиге, ни его брат Иса не фигурируют. Из кочевой знати был знакомый нам по первому походу чингизид Кунче-оглан, полководцы Бек-Ярык и Актау командовали донскими

и приднепровскими степняками, среди которых особо выделялись конгыраты и кипчаки. Правитель Северного Кавказа Удурка командовал корпусом из горцев и воинами из кипчаков и асов, живущих на равнине.

На Тереке состоялось кровопролитное сражение, которое, благодаря своему военному искусству, Аксак Тимур выиграл. Тохтамыш-хан бежал с поля битвы. Один из корпусов самаркандского правителя преследовал воинов Бек-Ярыка до самого Узи (Днепра). Войско Аксак Тимура основной базой сделало предкавказские степи, и отсюда стали совершаться опустошительные завоевания всех областей Золотой Орды по правую сторону от Волги. Известные города Джулат, Маджар, Татартуп, Макас, Азак, множество крымских и волжских городов были разрушены до основания. Зимой войско предприняло поход на Хаджитархан (Астрахань) и Сарай-Берке. в тот год на Дешт-и-Кипчаке стояла суровая зима. Воины Аксак Тимура прошли по льду замёрзшей Волги. Золотоордынцы, уверенные в своей непобедимости, ни крепостных стен, никаких других оборонительных сооружений не строили, и их города оказались лёгкой добычей для врага. Хаджитархан и Сарай-Берке – крупнейшие города мира – были разорены, почти всё население уничтожено, оставшиеся в живых учёные, ремесленники, женщины и дети были уведены в плен. Многие пленные погибли от холода и голода.

Аксак Тимур в разрушенном Сарай-Берке оставил править чингизида Кыйгырчака, который находился при ставке завоевателя с самого начала похода. Свою жестокость среднеазиатский завоеватель объяснял тем, что он очищает землю этого государства от неверных, но на самом деле его воины убивали и грабили всех подряд. Фактически крупнейшие в мире мусульманские центры: Сарай-Берке, Булгар, Хаджитархан после этих событий не возродились уже никогда. Вместе с гибелью чиновничьего, торгового, ремесленного населения в Золотой Орде навсегда угасает традиция развития ремёсел, не возрождаются очаги культуры, религии, прекращается градостроительство.

Частично Аксак Тимур был прав, когда говорил, что вёл войну против неверных. в стране ещё немало оставалось язычников-кочевников, а в городах был большой процент христианского населения. Надо сказать, что среди христиан было немало тюрков из асов и половцев, а в самом Сарай-Берке располагалось даже православное епископство, к которому относились и христиане русских княжеств. Кроме того, Аксак Тимур уничтожал города Золотой Орды из-за того, что они являются экономической базой государства и одновременно источниками смуты, достаточно вспомнить его разрушение спорного города Хорезма, в котором жители присягали в верности то ему, то ханам Золотой Орды. в конце концов Аксак Тимур велел разрушить даже фундаменты строений и засеять это место просом. Правда, Хорезм после уничтожения опять возродился, и после смерти грозного завоевателя, в последние годы своей жизни в нём обосновался опальный Эдиге.

После двух опустошительных завоеваний среднеазиатского правителя нетронутым остается улус Эдиге, где он правил самолично, держа при себе Тимур-Кутлуга для сарайского трона. Во время этих страшных войн в Ак Орде не только сохранилось подвластное население, но оно значительно увеличилось за счет беглецов из разорённого западного крыла. Опять-таки эти беглецы были из кочевого населения, т.к. жители городов и сёл вряд ли могли убежать от конных отрядов противника. и собственные, и прибившиеся кочевники были не только благодарны

прозорливому беклербею, но уже при жизни боготворили и идеализировали его. Об этом откровенно свидетельствует сочинение Ибн Арабшаха. Знаменитый ученый попал в плен мальчиком, после взятия Дамаска среднеазиатским завоевателем. Он долгое время жил при дворе Аксак Тимура и использовал в своём труде рассказы тех людей, которые лично знали Эдиге. Он даже даёт портрет основателя династии ногайских биев. «Был он смугл (лицом), – пишет Ибн Арабшах, – среднего роста, плотного телосложения, отважен, высокого ума, щедр, с приятной улыбкой, меткой проницательностью и сообразительностью, любитель учёных и достойных людей, сближался с благочестивыми и факирами, беседовал с ними в самых ласковых выражениях и шутливых намёках, постился и по ночам вставал (на молитву), держался за законы шариата, сделав Коран и сунну да изречения мудрецов посредником между собою и Аллахом всевышним» *[6, 473]*.

В то время как Тохтамыш-хан становится беглецом и находит приют в Литве, Эдиге свергает Кыйгырчака и объявляет ханом Золотой Орды своего племянника Тимур-Кутлуга. Теперь почти 20 лет глава ногаев правит всем государством. Слава о нём распространяется на весь мир. Европейские авторы его называют «делателем королей» (Клавихо). Арабский историк Элайни приводит такой факт: «Начало его дела было такое: когда он, после умерщвления Тохтамышхана, как мы сказали, овладел землями (Дештскими), то при нём находился человек из рода Чингизханова, по имени Дервишхан, которого Идики поставил (над ними) в виде хана (на самом деле) власть да право приказывать и запрещать принадлежали ему (Идики)» *[6, 532]*. Кстати, при Дервиш-хане в Золотой Орде чеканится монета, где на обратной стороне ставится имя Эдиге *[15, 54]*. Яркие характеристики предоставляют все восточные авторы. «Он, – пишет Ибн Арабшах, – водворял в султанство кого хотел и смещал его с него, когда хотел; прикажет – и никто не противится ему, проводит грань – и (никто) не переступит черту» *[6, 472]*.

Эдиге предпринимает много усилий для возрождения Золотой Орды. с этой целью он требует от польско-литовского государства выдачи Тохтамыша, в результате чего обостряются отношения с этим государством. Хорошо известный истории знаменитый полководец Витовт выступает с войском и сторонниками Тохтамыша против Золотой Орды. Против него выступают и Эдиге с Тимур-Кутлугом. На реке Ворскла (в 1399 г.) состоялась кровопролитная битва, из которой победителем выходит Эдиге. в этом сражении погибают известные польские и литовские дворяне, много русских князей и даже немецкие рыцари. в это время польско-литовское государство активизировало свои действия в восточном направлении и подчинило себе многие западные и южные русские области. Историки отмечают заслугу Эдиге в приостановлении экспансии на русские земли (Н. Карамзин).

Окрылённое победой на Куликовом поле, сильное к тому времени Московское княжество совершило несколько набегов на ослабленные северные территории Золотой Орды. Особенно опустошительным был поход московского князя Юрия Дмитриевича в 1400 году, тогда подверглись разорению города на Средней Волге. в ответ на ряд безнаказанных набегов Эдиге в 1409 году собирает войско, в союзе с Великим князем Тверским Иваном Михайловичем доходит до самой Москвы и окружает её. Но в это время из Сарая приходит известие о подходе к столице войск сына Тохтамыша. Эдиге, получив крупный выкуп от Московского княжества, вынужденно возвращается на Волгу. До конца жизни могущественного Аксак

Тимура исходит опасность повторного завоевания, но Эдиге применяет разные дипломатические приёмы, чтобы отвратить эту беду. Но после смерти Аксак Тимура, при первой возможности, отвоёвывает Хорезм и укрепляет эту границу.

За несколько веков сложился и сохранился устойчивый эпический образ родоначальника ногайских правителей. Эдиге воплощает идеал справедливого, мудрого, честного и храброго мужа, заботящегося о чести рода, о благополучии народа. в ногайском эпосе (главным образом, в прозаических преданиях) Эдиге, имеющий второе имя Кубыгул (Кубы-огул означает Богатырь-сын), выступает как тореши (установитель закона торе и ясак, судья). Он вершит суды и мальчиком в детстве, и глубоким стариком. Предания о судах Эдиге бытуют и отдельно от исторической песни, то есть фольклор сохранил для истории значимость его личности. Эдиге был при Золотой Орде Ногаем – верховным судьей.

Возможно, что эта должность, в зависимости от времени, называлась поразному. к сожалению, источники не сохранили имена всех исторических лиц, исполнявших эти функции. При августейшем владыке Чингиз-хане и его сыновьях роль старшего судьи отводилась братьям и сыновьям. При Октае и Менгу эта должность была за Бату. в Золотой Орде долгое время судьёй был Есу Ногай (так имя зафиксировано в арабских хрониках), поэтому русские князья обращались не к хану в Сарае, а к «судье Ногаю». Если вновь обратить внимание на первую часть имени Есу (Иеси), то видно, что оно совпадает с именем отца Чингиз-хана Есугей (уменьшительно-ласкательная форма Есуке), который не был ханом и занимал должность, похожую на должность беклербея. Город, в котором проживал Ногай, назывался Исакчи (Иесакчи, Ясакчи), название означало: «город того, кто исполнял закон Яса», т.е. «город судьи».

Об Эдиге писали арабские, персидские, армянские, европейские, русские, польско-литовские авторы, и во многих сообщениях он характеризуется как устроитель закона Торе и Ясак. Это же подчёркивается в посланиях потомков Эдиге к русским правителям. Выше уже приводились строки грамоты Муса-бия, в которых Эдиге назван «судьей над судьями». Это обстоятельство напрямую связано с возникновением этнонима ногай.

Акордынская знать, после смерти Бердибека, боролась за возвращение её главному представителю прав Ногая, т.е. старшинства среди аристократии, что позволяло восседать на курултаях с правой стороны. До появления Эдиге высшую знать представляли чингизиды. Эдиге был удостоен такой чести из-за харизмы, силы, воли. Кажется, прецедент был создан в улусе Чагатая, где эмир, князь из племени барлас Аксак Тимур узурпировал власть и, отстранив чингизидов, стал даже самостоятельным правителем. Поэтому потомки Эдиге и ссылаются на духовного наставника Береке, который, видимо, внедрял в жизнь мусульманские догмы, где говорится об одной только божьей власти и равенстве людей.

В.В. Трепавлов в своей книге справедливо отмечает: «После смерти Эдиге его сыновья смогли удержать влияние мангытов в Улусе Джучи и монополизировать пост беклербека в татарских ханствах. Основная причина их удачной карьеры, кажется, – это инерция их великого предшественника». При этом учёный, к сожалению, умалчивает о ногайской знати, о ногаях, почему-то делит мангытов по принципу места проживания, как будто в Крыму, Большой Орде (правобережье Волги и центральные районы современной России), Казанском ханстве находились

какие-то другие мангыты – не ногаи. Хотя тут же указывает, что занимающие пост беклербея в новообразованных ханствах являются представителями клана Эдиге. По всей видимости, такие противоречия в позиции ученого объясняются наличием притязаний ученых других тюркских народов на личность Эдиге и на одноимённый эпос. Несомненно, в результате массовой инфильтрации в соседние ханства, ногаи распространяли свой эпос, который становился достоянием культуры этих народов, но справедливо же при этом называть их ногаями, а не представителями племен, из которых уже сложился к тому времени ногайский этнос. Видимо, во внимание бралось то, что если ногаи будут именоваться в соответствии с родовой принадлежностью, вне этнической, то тогда легче будет обобществить имена легендарных личностей, таких, как Эдиге и его потомки, объявить их героями истории и эпоса любого народа. в такой ситуации В. Трепавлов, из осторожности, мангытов в отпочковавшихся ханствах представляет чуть ли не как отдельное племя. Возможно, ученый подвергался давлению, и принципиальные формулировки в силу этого не сложились, помимо этого, еще не преодолено до конца соответствующее отношение, в частности, к эпосу «Эдиге», более 50 лет находившемуся под запретом. Только академик В.М. Жирмунский имел смелость в 1974 году издать свое великолепное исследование «Тюркский героический эпос», в котором представил правду о ногайском эпосе как отражении истории народа. Оценка позиции Вадима Трепавлова получилась такой еще и потому, что он, неоднократно ссылаясь на татарский вариант эпоса «Идегей», пишет: «В его татарском варианте Тохтамыш говорит Идегею: «Гай, татарин ты! От мангыта рождённый нечистый нагульный татарин...» *[1, 63]*. а ведь в казанском тексте и на татарском *[19, 21]* и на русском *[16, 15]* языках Тохтамыш хан с этими словами обращается не к Идегею, а к его отцу Кутлыкия. «Гай син татар, гай татар, Мангыттан азган чал татар!» («Гай, ты татар, ты татар, от Мангыта представший седой татар!» – подстр. пер. И.К.), в данной цитате произносящий её Тохтамыш-хан сравнивает отца Идегея с чуждым народом татар. Хотя в русском переводе совершенно другой смысл: Кутлыкия предстаёт изгоем татарского народа. Конечно, можно сослаться на издержки перевода прекрасного переводчика Семёна Липкина, но очевидно, что смысл исказили те, кто составляли подстрочный перевод. Как тут не вспомнить книгу татарского учёного Фаргата Нурутдинова «Булгарский вопрос» (18)?! Эта книга состоит из двух частей: 1. «Как машина зла убивала народы» и 2. «Служилые татары, или Похитители Чингиз-хана с Идегеем» – наименование второй части ярко говорит о своём содержании. В.Трепавлов, с большой вероятностью можно утверждать, посвящен в эти факты.

Так называемые «крымские мангыты», предводителями которых были потомки Мансура, сына Эдиге, возглавляли ногаев. Они внесли в войсковую терминологию Крымского ханства даже должность нурадина, бытовавшую только в Ногайской Орде. Например, в Большой Орде (Тахт-эли) беклербеем состояли сын Эдиге Науруз и его потомки. Они, опять-таки, не возглавляли одних мангытов, их народ-войско представляли ногаи, состоящие из разных родов и племён. Сын Эдиге Казый (Гази) оставался правителем в отцовском юрте, но одновременно был беклербеем то у Кучук Мухаммеда, то у хана Джумадука; его вотчина называлась Мангытским юртом, и отнюдь не из-за того, что в нём

поголовно жили одни мангыты, а из-за его собственной принадлежности к роду мангыт. В.В. Трепавлов это также не может не знать.

Понятно, что в официальных источниках обозначение нашего народа термином ногаи появляется во второй половине XV века (хотя сегодня это является спорным утверждением). Такое запоздалое появление в источниках является основной причиной кривотолков, разночтений. Но ведь известны примеры, когда целое тысячелетие народы фигурируют под другим, не своим именем. Взять хотя бы адыгов, широко известных под названием черкесы, или армян, у которых самоназвание хаи, казахов – киргиз-кайсаки вплоть до XX века. Хотя в венгерских источниках за 1285 год, в китайских источниках есть сообщения о «ногайских татарах». Но эти факты и не рассматриваются вовсе. По крайней мере, к моменту создания эпоса «Эдиге» под самоназванием ногаи находилось большинство кочевых племен в Золотой Орде.

Эдиге для своего времени был крупнейшим политическим деятелем. Например, – и об этом говорят многие учёные, – он прекрасно понимал, что раздираемая противоречиями Золотая Орда идёт к упадку. Зная, что в ханстве крепко живёт миф, идеализирующий потомство Чингиз-хана, он не мог открытыми действиями приняться за искоренение разлагающегося рода. Он не мог пойти по пути Аксак Тимура. Но в этой тяжелейшей обстановке он сумел создать видимость, что Золотой Ордой управляют чингизиды, а управлял сам, по собственному усмотрению. Одновременно он приложил много усилий для создания своего улуса, своего юрта, который служил надёжной базой для сосредоточения, а значит, сохранения военного потенциала всего ханства. Исключив сепаратизм, он придал своему улусу суверенное существование. Ногайская Орда (Мангытский улус) имела территорию с границами, управленческую вертикаль, своё войско – самое мощное в то время, сохраняла налоговый иммунитет, имела развитые дипломатические отношения, городскую инфраструктуру, активные торговые связи с дальними и ближними странами, имела свою богатую духовную и материальную культуру, при этом никому не платила дань. Вместе с тем на народе-войске Мангытского улуса или Ногайской Орды, лежала ответственность за состояние дел в других областях. Чингизиды создали Казанское, Астраханское, Крымское, Касимовское, Сибирское ханства, а ещё отпрыски царского рода, ушедшие казаковать, – казахские жузы и ханства кочевых узбеков. Потомки Эдиге, правители Ногайской Орды, до самого конца существования своего государства (начало XVII века) пытались вмешиваться в дела всех ханств, т.к. они помнили свои традиционные обязанности, функции со времен Ногая, своё место на курултаях справа от хана.

В Ногайской Орде в память о сыновьях Эдиге появились сугубо ногайские названия должностей нурадин и кейкуват, возглавлявших соответственно правое и левое крыло.

После смерти Эдиге, как и при его жизни, его потомки занимали ведущее положение в распадающейся Золотой Орде. Так, при существовании самостоятельного государства Ногайская Орда сыновья: Нурадин, Мансур, Науруз, Кейкуват, Казы (Гази) – являлись беклербеями (по-ногайски биями), т.е. соправителями, во всех отпочковавшихся государствах. Зачастую служа одному хану, они воевали с другим ханом, войско которого возглавляли их братья. Преданность хану считалась выше кровного родства. Служба хану приравнивалась верности Сыну Неба, долгу перед

Отечеством. То же самое повторили их внуки и правнуки, вечные воины. Имена Окаса, Абаса, Темира, Хорезми, Мусы, Ямгурчи, Джанкувата, Дели-Агыса, Ших-Мамая оставили неизгладимый след в истории и песенном фольклоре Великой Степи.

Потрясающим явлением в истории народов Великой степи следует считать и то, что эпический образ Эдиге и его потомков на все оставшиеся времена доминировал в сознании кочевников Улуса Джучи и даже затмил в устном народном творчестве образ самого Покорителя Вселенной, августейшего владыки Чингиз-хана. Такое могло произойти из-за того, что необратимый процесс развития фольклора требует нового осмысления истории. Во многих вариантах эпоса, записанного у ногайцев, Эдиге приравнивается Чингиз-хану:

«…Я похвалюсь: да равен я
Чингизу одному!..» [20, 46]

По крайней мере, изучение содержания и логики такой эволюции героического образа – от Чингиз-хана до Эдиге должно быть плодотворным. На этом пути возможно еще не одно открытие.

ЛИТЕРАТУРА

1. Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. М.: «Восточная литература», 2001.
2. Капаев И.С. Бессмертная смерть. Ставрополь. 2004.
3. Курмансеитова. А.Х. Князья Юсуповы //«Половецкая луна», № 2, 1992. Черкесск.
4. Курмансеитова А.Х. Ярлык Токтамыш-хана и могущественный князь Эдиге// «Половецкая луна». № 1. 1992. Черкесск.
5. Торекулов Н. Сто мудрых биев казахов //«Казах адабияты», № 7, 1993.
6. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов Золотой Орды. Т.1., 1884.
7. Амин аль-Холи. Связь между Нилом и Волгой в XII–XV в.в. М., 1962.
8. Хакимов М. Айкын тарих. Алматы. 2006.
9. Утемиш-Хаджи. Шынгыс-наме. Алматы: Дайк-Пресс. 2005.
10. Егоров В.А. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV в.в. М., 1974.
11. Тизенгаузен В.Г. Материалы Золотой Орды. Т.2. М., 1941.
12. Фазлаллах Рашид-ад-дин. Сборник летописей. Т.1. Книга вторая. М.-Л. 1952.
13. Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений. Т.2, с. 208. Алма-Ата, 1961.
14. Урманче Ф. Эдиге. Очерк. //«Половецкая луна». №2, 1992. – Черкесск.
15. Веселовский Н. Хан из темников Золотой Орды. Ногай и его время. – ЗРАНОИФ, 1922. Т. XIII, № 6.
16. Идегей. Татарский народный эпос. Пер.,С.Липкина. Казань, 1990.
17. Кочекаев Б.Б. Ногайско-русские отношения в XV–XVIII в. Алма-Ата 1988.
18. Нурутдинов Ф. Булгарский вопрос. Оренбург, 1993.
19. Идегей. Татар халк дастаны. Казань 1988.
20. Эдиге. Ногайская народная поэма. // «Половецкая луна». №1, 1991. Черкесск.

М.А. АВЕЗОВ

Казаклыктан кайткан мырас

Бурын коьплигиннен ер кайыскан он сан ногай азайса да, ол оьзининъ карзыналы соьз калымжасын, коьз карашыгындай аявлап, саклап, бир аркадан баска аркага аманатлап, мутпай келген. Суьйтип, Эдиге акында муннан 600 йыл артта тувган дестан бизим юрек дертлеримизди буьгуьнлерде де дувлатып, толкынластырып, коьнъилимизди коьтереди. Ата-бабаларымыз оклар ман отлар, кан ман коьзяслар арасыннан оьтип, ата юртларынынъ топыракларын калдырып, амалсыздынъ куьши мен ят якларга коьшип, янларын талдырсалар да – кан тамырына эм эсине синъген асыл соьздинъ акыллы ойларын йойтпаганлар.

Эне сонынъ акында шаатлайды 1988-нши йылда Бухаресттинъ «Критерион» китап баспасында шыккан «Бозжигит» деген китап. Сонынъ ишиндеги баьтирлик эм ашыклык дестанларды – «Эдиге Баьтирди», «Айсыл улы Амет Баьтирди», «Байбоьри улы Буьйрек Баьтирди», «Адил Султанды», «Бозйигитти», «Тахир мен Зухрады», «Козыкоьрпеш пен Баянсылувды», «Арыз бан Камберди», «Юсуф пан Зулейхады», «Эртаргыл ман Юлдызханды» – орта оьмирлерден алып казаклыкка шыгып кеткен ногайлардынъ соьлеги шакта бизге кайтатаган асыл мырасы деп айтпага боламыз.

Белгилисинше, ногайлардынъ бир этникалык куьби бу куьнлерде Румынияда, Добруджа еринде, Кара денъиз касындагы Констанца каласында (Коьстенжелиде) эм сонынъ тоьгерегиндеги ногай коьйлерде (авылларда) оьмир суьредилер.

Сосы элде халкымыздынъ соьз карзынасын йыюв ман, оны илмилик йорыгында тешкеруьв – тергев мен, сонъында айырым китаплар этип шыгарув ман филология илмилерининъ докторлары, профессорлар – ногай Яхьядынъ улы Энвер Мамут эм онынъ аьлейи – татар Алидынъ кызы Недрет Мамут каьр шегип келедилер. «Бозжигит» китап та олардынъ язган кирис соьзи мен ашылады. Сондагы билдируьвлерге коьре, сосы йыйынтыкка Добруджада яшайтаган ногайлар ман татарлардынъ фольклоры киргистилген. Йогарда айтылып озган аьлимлер, 1958-нши йылдан бербетин, эки кардаш халктынъ соьз карзынасын йыйып, соларды илмилик йорыгында тергеп, адабиятлык оьлшемлерге келисли кепте асыллап, айырым йыйынтыклар этип, шыгарып келедилер.

Бурынгы дестанымызга 600 йыл толув ман байланыста биз де «Ногай давысы» газетасынынъ окувшыларын алыстагы аданасларымыздынъ – добруджалы ногайлардынъ арасында толганатаган «Эдиге Баьтир» дестанынынъ толы тексти мен таныстырмага суьйдик. Булайда айтпага тийислимиз, бу йыл «Ногай давысы» газета аркалы элимиздинъ туьрли регионларында яшайтаган ногайлар язувшы Иса Капаевтинъ, илми куллыкшы Юмав Каракаевтинъ аьзирлеген вариантларынынъ текстлери мен эм бек кызыклы окылатаган макалалары ман таныстылар. Солай

---

[1] Печатается по: «Ногай давысы», № 117–118, 19 октябрь, 1991 г.

ок, бизге белгилисинше, тезден Дагыстан китап баспасында фольклоршы аьлим Ашим Сикалиев (Шейхалиев) аьзирлеген текст те, бир хыйлы баска баьтирлик дестанлар ман косылып, айырым китап болып шыгаяк. Язувшылар Иса Капаев эм Валерий Казаков уйгынлаган «Половецкая луна» журналында болса «Эдиге акында дестан» орысша баспаланмага аьзир этилинген. Оны орыс тилине зегийли шайиримиз Фарида Сидахметова коьширген. Бу суьйинишли хабарлар халкымыздынъ маданиятында уьйкен маьнеси болган оьзгерис деп санаймыз.

«Эдиге» дестанынынъ туьрли вариантларынынъ шыгувлары аьлимлерге янъы илмилик излестируьвлер юргистпеге мырсатларды кенъейткенине шекленмеске болады. Бизим аьзирлеген, добруджалы ногайларда йырланатаган вариант та сол куллыкты бардырувга колгабыс этер деп ойлаймыз. Неге десенъиз, Румынияга кетип калган ногайлардынъ тарыйхы да, фольклоры да бизим элдегилердики мен тар байланыслылар. Профессор Энвер Мамут «Добруджа ногайлары эм олардынъ конъыслары» деген илмилик куллыгында: «Сырт (Керуьв) яде Кыпшак тюрклериннен мунда (Добруджада – М.А.) биринши ерлескен ырувлар Эдил-Урал эм айырымша Сырт Кавказдан, Кобан данъылларыннан эм Буджактан келген Ногай татарлары болганларын, буларга туьрклер кабайыллар деген атты (арабша «ырувлар») бергенлерин тарыйх документлериннен эм бу ырувлардынъ бек ярасыклы эм терен маьнели асыл соьзли халк адабиятыннан уьйренемиз», – деп аянлайды. Ногайлар Румынияга карап XIV оьмирдинъ сонъыннан алып XIX оьмирдинъ сонъгы шеригине дейим коьшип турганлары акында коьплеген тарыйхлык булаклар коьрсетедилер.

Элбетте, Энвер эм Недрет Мамутлар аьзирлеген текст Иса Капаев, Юмав Каракаев, Ашим Сикалиев аьзирлеген вариантлардан баскаланады. Болса да, олардынъ айырымланув нышанларыннан эсе биргелесуьв нышанлары номай деп ойлаймыз. Боьтен де тил ягыннан бу вариант Ю. Каракаев аьзирлеген текст пен ювык уйкасып келеди. Соны коьрсетуьв ниетте биз йырдынъ баслапкы кишкей кесегин, кайтип добруджа ногайларында йырланатаган болса, сондай этип калдырдык. Соны ман биргесине, бизим ойымызга коьре, сосы вариантта ортак тюрк тилининъ бурын заманлардагы ногай-кыпшак, шагатай (чагатай), огуз диалектлерининъ белгилери орын тапканлар. Оннан баска, сейирлиси сол, сосы текстте караногай эм кобан ногайларынынъ диалектлери де барабар кулланылып келедилер. Татар, туьрк, гагауз, караим тиллерден кирген кайбир соьзлер де расадылар.

Бу вариантта йыр текстиннен эсе кара соьз тексти коьп. Дестаннынъ кайбир орталык персонажларынынъ атлары, таварыхлар, мифологиялык келбетлер, топонимлер окувшыларга муннан алдын таныс текстлердикиннен баскаланадылар. Сога да коьре, биз энъ де маьнелиси деп, йырдынъ оьзеклик сюжетлерининъ йоьнелислерининъ биздеги вариантлардыкы ман ювык уйкасып келуьвлерин эсапламага тийислимиз. Сол зат «Эдиге» дестаннынъ баьри вариантларынынъ асыл негизи ортак экенлигин ыспатлайды.

Добруджа ногайларынынъ дестанындагы, баска вариантларда болмаган, баслапкы толгавды текстке йыравлар сонъ коскан болсалар ярайды. Мунда биз XVII–XVIII оьмирлерде ногайлардынъ оькимети кишкей ордаларга боьлингенлиги акында билдируьвлер табамыз. Йырав бас деп оьзи акында билдирип озады. Ол Уьйкен Булбуьл коьйинде (авылында) тувган. Асылы онынъ тап таварыхлы Тогыз Байдынъ тамырына кетеди. Оьзининъ сойы (ырувы) «Жетишкуьл, Жетисан, Жембойлук Ногай ишинде, кабайыллар, керилген Кериш (Керчь), кырылган Кырым

(Крым), бузылган Буджак, Ак Добруджа ишинде айтувлы» экенин оьктемлик пен билдиреди. Сосы топонимлерди окыган яде эситкен аьдем, эгер ол ногайлардынъ тарыйхын аз болса да билсе, соьз не зат акында баратаганын, элбетте, туьсинеек. Халкымыздынъ оьткен авыр эм кыйын йоллары акында айта келип, йырав оьз халкынынъ яшавды суьювине эм онынъ оьткир оьмезлигине сукланмай болмайды: «Анадан коьрип тон тиккен, атадан коьрип ок жонган, тандыр отын соьндирмеген, Ногайлыкта энъ онъган, Докыз Байдыр меним сойым».

Бу вариантта солай ок ислам динининъ сезимлери артыгырак аянланганы коьринеди. Суьйтип, Эдигединъ карт бабасы (ана ягыннан туьп атасы) дестанда бир коьйде яшайтаган шейх деп айтылады. Ол супы (суфий) экен. Исламда кенъ белгили болган тасаввуф яде суфизм аганын яклавшы киси. Ондайларды орта оьмирлерде официаллы дин басшылары кувлаганлары акында биз эситкенмиз. Болса да, шейхти Токтамыс хан оькиметиннен диншилик ойкараслары уьшин кувмайды. Не уьшин экенлиги йырда ашык анълатылган. Шейх оьлген сонъ, онынъ яны юлдызга айланып, Каьбе йолына (Аьжи йол деп те айтылады – Млечный путь) етип, сонда ерлеседи. Суьйтип пен шейх сыйлылар сырасына киреди. Бу бир мысал.

Экинши мысал. Дестанда динине мукаят аьдем болып Кутлыкаядынъ аьвлети Эдиге – Кубувыл коьрсетилген. Онынъ динине мукаятлыгы мунадай бир коьринисте аянланады. Эдиге Токтамыс ханнан басын акашып, Темир ханга бараятканда, йолдасларынынъ узак йолдан йоьнъкигенлерин коьрип, ял алув уьшин токтайды. Тексттен уьзик келтирейик: «Баьриси де разы болып, сол ерде кырк куьн калып карув йыядылар. Кырк кеше Эдиге атларды карав ман бирге, кырклар ман намаз кылады. Кыркыншы кешеси кырклар:

– Арамызда Эдиге бар, ога бир энди хайыр дувасын окыйык, – дейдилер.

– Бу йигиттинъ кылышы колайыннан айлансын! – дейдилер бир талайы.

– Душпаны ман бетпе-бет келгенде, йолы ашык болсын! – дейдилер баскалары. Сонъ баьриси де сол тилеген тилеклери уьшин дува этедилер».

Соьлеги окувшыга бу уьзикте не эткен кырклар акында соьз баратаганын туьсинмеге кыйын болар. Соьз мунда ислам беркитуьв уьшин бурынгы заманларда янын курман эткен кырк араб акында бардырылады. Оларды мусылманлар оьзлерининъ аьзизлери деп эсаплайдылар. Булайда, Дагыстаннынъ бурынгы шахары Дербентте Кырхляр (Кырклар) оьлигинде тап VII оьмирде каьпир дербентлилер эм хазарлар ман янъы динди – исламды – беркитуьв уьшин согысып, ян берген сол кырк аьзизлердинъ кабырлары деп саналатаган, сандыкларга усас тас эстеликлер бар экенлигин айтпага керек. Оларга карап элтейтаган сокпакларды аьлиге дейим де от баспайды. Соьле де дин тутувшылар сосы кабырларды эслейдилер, соларда курманлык эсабында оьзлерининъ коьйлеклериннинъ (шыбаларыннынъ) кумаш кесеклерин калдырып кетедилер. Аьзизлер олардынъ тилеклерин мутпай, кабыл этсинлер деген уьмитлери мен.

Сол Кырхлярда койылганларды VIII оьмирде перслер де оьз халкынынъ уллары деп эсаплаганлар, эрмелилер де (армянлар) оларды оьзлериндики деп коьрмеге муьки боладылар. Дербенттен кетеятканда орыс саьвдегери Федор Котовтынъ оьзи де сосы кабырларга сый этип, бас ийип кеткени белгили. (Каранъыз: В. И. Марковин. «Дорогами и тропами Дагестана». Москва, «Искусство», 1988, 107 бет). Сосы кырк аьзиз бен байланыслы таварых ерли халклар арасында бурынгыдан бербетин айтылып келеди. Сол оьликтен баскалай, Дербентте Кырхляр капылары да бар.

Бизим дестанда Эдиге мен бирге намаз кылатаган, ога хайыр дувасын окыйтаган кырклар да, бизим ойымызга коьре, эш те, мусылманлардынъ сол аьзизлери мен байланыслы боларлар. Эгер ойымыз беркитилсе, бу ерде биз ногай йыравлары мусылман динининъ таварыхларын оьзлерининъ йырларына келисли кулланып, янъы мифологиялык келбетлер тувдыратаганларын коьрермиз.

Соны ман биргесине ногайларда (оннан да бурында, халкымыздынъ туьп тамыры канглыларда, кыпшакларда), кырк саны киели сан болып келгенлиги де белгили. Сол зат кайдан шыккан экен?

Канглылар ман кыпшаклар хазарлар ман айкасканларын коьплеген тарыйхлык булаклар беркиткенлер. Бу шоьл халклары баьриси де язычниклер болганлар. Ама хазарлардынъ каганлары (ханлары) арасында иудаизм динин алганлар номай шыкканлар. Иудаизмде болса Кабала яде Каббала деген мистикалык ыйнанымнынъ агыны болганы белгили. Иудаизмнинъ сосы орта оьмирлерде куралган мистикалык окувында баьри затлардныъ негизлери еврейлердинъ санларын да эм алфавитининъ букваларында, эмлейтаган куьшлер болса – мойтымарларда (талисманларда) эм формулаларда сакланадылар деп эсапланган. (Каранъыз: Шет тиллер соьзлиги, Москва, «Русский язык», 1990, 209 бет). Белки, сонынъ акында анъламлар хазарлардан канглыларга эм кыпшакларга, олардан болса – тувра ногайларга коьшпеге де болгандыр, деген ой тувады. Сол затка бизди «кабуллар ишинде айтувлыдыр меним сойым» деген дестан сыдыралары келтиредилер. Суьйтип, фольклорлык шыгармаларымызда йолыгатаган: «ети кабат ер астында», «тогыз байдынъ тогыз улы», «токсан авыз соьздинъ тобыктай туьйини», «тогыз баслы, бир куйрыклы, тогыз куйрыкли, бир баслы йылан», «Ногайдынъ кырк баьтири», «кылды кыркка боьлген кылыш» эм сондай баска бурынгыдан бербетин уьзилигисиз айтылып келетаган коьплеген соьз байламлары да кайбир санларды ногайлар киели этип эсаплаганлары акында шаатлайдылар. Сол заттынъ тамыры Каббала мен байланыслы болса ярайды, деп ойлаймыз. Неге экенин йогарда анълатпага шалыстык. Белки, аьлимлер бу сырдынъ маьнесин баска ягыннан ашпага да боларлар.

Кыпшак данъылларында коьплеген ырувлар, халклар оьзлерининъ тарыйхлык ызларын номай калдырганлар. Мунда коьплеген динлер карысыклы болганлар эм Эдиге акындагы дестаннынъ вариантларында да сол заттынъ нышанлары айтылмай болмаганлар. Сол саялы, сосы текстлерде исламнынъ анъламлары ман барабар язычестводынъ анъламлары да йыйы расадылар. Бу затлар бизге, Темир хан ман Токтамыс ханнынъ явласувларында, сонъ согысувларында, эки туьрли динлердинъ – ислам ман язычестводынъ бир бирине карсы турувларында орын тапканларына ярык тоькпей болмайды. Сол затты коьплеген тарыйхшылар оьзлерининъ тергевлеринде аянлайдылар. Айтпага, В. Тизенгаузен, араб тарыйхшылары Низам-ад Дин Шами, Шереф Ад-дин Иезди язган «Енъувлер китапларындагы» билдируьвлерге таянып, Коьк Ордадагы беклер, нухурлар оьзлерининъ бурынгы шоьл динлерин (язычестводы), аьдетлерин кайтадан беркитуьвди Токтамысханнан таплаганларын коьрсетеди. Чингислилердинъ (солай, ок кыпшаклардынъ) бурынгы динин эм аьдетлерин 1312 йылда Узбек кувлап турганы да белгили. Эгер Темир хан нешаклы коьшпели халклардынъ бурынгы динлерине эм аьдетлерине карсы турып, олардынъ арасында исламды беркитпеге шалыскан болса, сол шаклы да Токтамыс янъы диннинъ – исламнынъ таралувына карсы турмага амалсыз болган. Токтамыс ханнынъ тоьгерегиндегилер оьзлериннинъ басшысыннан сол затты, талмай,

талаплап турганлар. Суьйтип пен, бу эки ханнынъ согысы тек тюрк дуныясына ие болув уьшин тувыл, соны ман биргесине эки туьрли, бир-бирин унамайтаган, динлер – эки туьрли дуныялык ой-карасларды беркитуьв уьшин согысувларга айланганлар. Сол зат акында, элбетте, дестанда тувра айтылмаса да, сога келисли сеслесуьвлер табыладылар.

Оннан баскалай, сосы варианттынъ кайбир ерлеринде тарыйхлык документлер мен эжуьвлесип, усасып кеткен уьзиклер де коьзге илинедилер. Суьйтип, Эдигединъ улы Нурадин, Токтамыс кашып кеткен сонъ, ханнынъ тагына минип олтырганда, онынъ не болганын билмеге суьйип, атасы ызыннан келеди. Улы ога Токтамыс ханнынъ кашып кеткени акында айтады, энди оьзи хан болып калганына мактанады. Сонда Эдиге улына акыл уьйретип, булай деп толгайды:

«…Малым бар деп мактанма,
Буьгун барда, танъла йок.
Хан болдым деп мактанма,
Буьгуьн бар да, танъла йок.

Тилим бар деп мактанма,
Тилинъ бир куьн куьрмелер.
Куьним бар деп мактанма,
Куьн де келер – туьрленер.

…Балшыбынын оьлтирмей,
Онынъ балы ашалмас.
Токтамысты оьлтирмей,
Онынъ тагы босалмас».

Эндигиси, тарыйхлы булаклардан белгили болган, Эдиге мен бирге Токтамыс ханга карсы согыскан Темир Кутлуг деген мырза Литвадынъ князи Витовтка Токтамысты колыма бер деп салган шартында йогардагы сыдыраларга келисли соьзлерди окыймыз: (сол уьзикти орысшылатып келтирейик) «…Выдай мне беглого Токтамыша! Он мой враг, не могу оставаться в покое, зная, что он жив и у тебя живет, потому что изменчива наша жизнь: нынче хан, а завтра беглец, нынче богат, а завтра нищий, нынче много друзей, а завтра все враги»… (Каранъыз: Соловьев С.М. История России … Кн. II Т. III Стр. 364–365). Сол тарыйхлык оьзгеристинъ алыс сеслесуьви, туьрленисли болып, дестанда да коьринеди.

Добруджа ногайларыннынъ вариантында Эдиге деген аттынъ кайдан шыгувын анълатпага шалысувлык та расады. Кутлыкая улын бир тав арасындагы кувакликка ясырады. Оьзи уьйине кайтып барады. Сонда, оны Токтамыс ханнынъ кырк саклавы оьлтиреди. Кишкей балады Эсен карт тавып алады. Карттынъ пишесиннинъ де яс баласы болады. Тексттен уьзик келтирейик: «…Эсен карт этегин ашып тавдан тапкан балады апакайына (пишесине) узатады да: – Ал, мунав балады да, оьзимиздики мен бирге эмгист, эгизлердей болып оьссинлер, – дейди. – Ай, оны да кайдан таптынъ? Ин баласыма, йин баласыма? – деп сорайды апакайы. – Бакырма! Не болса да болсын. Бала бизики, эш бирев тиймесин! Бирев сорай калса, эгиз тапканман деп айтарсынъ, – дейди Эсен карт. – Бек аьруьв, ама мунынъ атын

ким деп салайык? – деп сорайды апакайы. – Ким деп салаяксынъ. Эл шеттен тавып этегимде алып келгеним уьши Эдиге дермиз ога, – дейди Эсен карт». Суьйтип добруджалы ногай йырав Эдиге деген атты «этекке салынган бала» деген анълам ман туьсиндирмеге шалысады.

Баспалавга биз аьзирлеген вариантта сондай коьплеген баскалыклар бар. Добруджа ногайларындагы Эдиге акында дестанда конъысылас яшаган балкан халкларынынъ фольклорыннан кирген мифологиялык элементлер де расадылар. Суьйтип пен шейх оьлеятырганда калдырган кабал (рожок) саьарли куьш пен байланыслы. Ол Кутлыкаяга да, онынъ улы Эдигеге де эр кисидинъ ырызын сакламага, коьплеген сынавлардан оьтпеге коьмек этеди. Кабалдынъ ярдамы ман Кутлыкая Токтамыс ханнынъ лашын кусын юмырткалатады, эсип турган еллерди тындырады эм, баскалай да, коьплеген сейирли затларды этеди. Бу ерде биз Орфей акында таварыхты эсимизге келтирмей болмаймыз.

Соны ман биргесине добруджалы ногайлардан профессор Энвер Махмут язып алган «Эдиге Баьтир» дестаны, биздеги баска вариантлар ман бирге, халкымыздынъ 74 йылдан бербетин тыюв салынып, соьлеги яс несилге таныс тувыллыктынъ, ят болувлыктынъ иргелерин бузып, яс-явкадынъ ян тамырларындагы канга оьлимсиз оьнердинъ эси болып кайтатаганына сенмеге суьемиз. «Эдиге» дестанынынъ туьрли вариантларын тешкеруьвли тергевлер энди де алдыда деп ойлаймыз.

А. А. ЧЕРКЕСОВА

Современные записи эпоса об Эдиге

Современными полевыми исследованиями зафиксировано бытование эпоса у всех субэтнических групп ногайцев [Гайнуллина, 2004; Карданова, 1999]. в 60–80-е гг. XX века сказания можно было услышать в собрании мужчин на свадьбах и других семейных и сельских торжествах. в свадьбе эпос являлся звуковым маркером страты мужчин старшего поколения (от 50 лет). Эпический репертуар, закрепленный за упомянутым возрастным слоем, сохранялся, в частности, благодаря приуроченности к свадебному пиру, следовавшему после мусульманского бракосочетания *никах*.

Обновление обрядов, менее строгая половозрастная регламентация – присутствие мужчин младшего возраста и женщин, а также приглашенных музыкантов, по мнению носителей традиции, не способствует созданию благоприятных условий для воспроизведения эпических текстов. Традиционные певцы помнят их и сказывают в основном по просьбе фольклористов и ценителей старины, и лишь изредка в мужских собраниях. Известны также профессиональные певицы, знающие немало сказаний и готовые продемонстрировать свое искусство со сцены и для записи.

Эпос не исполнялся для себя и всегда адресовался большому числу слушателей. Наличие эпической среды – слушателей, представляющих определенный социально-возрастной слой, полноценно воспринимающих эпос и поддерживающих сказителя (*йырав*) заключительным возгласом (*«эжуьв»* у кубанских ногайцев), создает атмосферу состязания – одно из главных условий для воспроизведения эпических текстов. в мужском собрании присутствовало, как правило, два-три сказителя, но в одном или нескольких соседних селениях сказителей были все же единицы. Они знали друг друга и нередко собирались для беседы. Так, сказитель Хаджи-Исхак Джума-Алиевич Кумуков (1888–1966), по сведениям его дочери[1], дружил с Махмудом Казаковым из аула Адиль-Халк, Ажбатыром Раскельдиевым и Джумаем Матакаевым из аула Кызыл-Юрт, в разговоры, которых часто вплетались героические *сказания* и лиро-эпические *дестаны*, привлекавшие многочисленных слушателей.

В современных полевых записях эпос представлен лишь в вокальном исполнении (сольном или с поддержкой «*хора*»). Однако в воспоминаниях об известном сказителе Хаджи-Исхаке Кумукове содержатся свидетельства о том, что он нередко аккомпанировал себе на домбре[2]. Помимо этого в среде астраханских ногайцев

---

[1] ПЗ Черкесовой А. А. 22.03.2016 в ауле Икон-Халк Ногайского р-на Карачаево-Черкесской Республики. Инф. Асхатова (Кумукова) Фатима Хаджи-Исхаковна, 1937 г. р.
[2] Инф. тот же.

сохранились народные термины *«домбрачы»* (домбрист), которыми обозначались исполнители эпоса [Гайнуллина, с. 140]. Эти сведения позволяют предположить наличие в прошлом у ногайцев разных исполнительских форм сказывания эпических текстов.

Записи эпизодов из эпоса «Эдиге» были сделаны у кубанских ногайцев в ауле Икон-Халк Ногайского района Карачаево-Черкесии (2014) от восьмидесяти двухлетнего Юсупа Хан-Гереевича Джемакулова; в городе Махачкале Республики Дагестан (2012) от уроженки аула Икон-Халк семидесяти четырехлетней Асият Сулеймановны Кумратовой; у караногайцев в селе Карагас Ногайского района Республики Дагестан (2015) от восьмидесяти однолетнего Казгерея Сыртлановича Сыртланова.

Истории освоения ими сказаний удивительны. Юсуп Хан-Гереевич впервые услышал эпос «Эдиге» в юном возрасте на свадебном пиру в исполнении Паша-Герея Карасова (дяди по матери) из аула Эркен-Халк[3]. Эпос звучал сольно без инструментального сопровождения. На просьбу обучить его пению «Эдиге» Паша-Герей дал юноше лишь рукописный текст. Его напев Юсуп Хан-Гереевич слышал всего один раз и с тех пор поет по памяти.

Учителем Казгерея Сыртлановича Сыртланова был сказитель Магомед Терекбаевич Терекбаев (1894–1966) из села Кунбатар[4]. Известный йырав, которому к тому времени было около семидесяти лет, некоторое время пас овец по соседству с тридцатилетним чабаном Казгереем. Подружившись с молодым человеком, сказитель предложил ему выбрать, чему бы он хотел обучиться – Корану или песне. Казгерей выбрал последнее, и с тех пор Магомед-йырав ежедневно передавал ему по небольшому отрывку из эпоса и авторских песен. Тексты эпоса Казгерей Сыртланович не записывал, и поет по памяти, а сочинения учителя собраны им в рукописные тетради. По воспоминаниям Казгерея Сыртлановича Магомед-йырав мастерски владел игрой на домбре, сам изготовлял инструменты и часто аккомпанировал себе, однако эпические тексты игрой не сопровождал.

Асият Сулеймановна Кумратова освоила героический эпос и лиро-эпические дестаны от Ашима Имам-Маземовича Сикалиева – исследователя ногайского фольклора. Женщины нередко знают и помнят тексты и могут воспроизводить их по просьбе фольклористов, однако в соответствии с традицией публично эпос они не исполняли. Асият Сулеймановна, будучи Народной артисткой России, впервые представила эпос на концертной эстраде в женском исполнении.

Наличие в собрании слушателей-участников – главное условие полноценного воспроизведения эпической традиции. Так, в экспедициях 2014 и 2016 гг. в ауле Икон-Халк Ногайского района Карачаево-Черкесии[5] в собрании певцов 1930-х годов рождения была зафиксирована традиция исполнения «эжуьв» в эпических сказаниях у кубанских ногайцев. При записи одного сказителя эта форма исполнения не могла быть воссоздана. «Эжуьв» – одобрение слушателей, выраженное коллективным возгласом «Эй!», «Ой!» или «Ий!» по окончании стиха, или полустишия, одновременно с изложившим текст солистом.

---

[3] Аул Эркен-Халк Ногайского района Карачаево-Черкесии.
[4] Село Кунбатар Ногайского района Республики Дагестан.
[5] 2014 – Собиратели: Т.С. Рудиченко, А.А. Черкесова, З.А. Наток; 2016 А.А. Черкесова.

Интонирование эпоса обозначается *толгав* (размышления, думы) и представляет собой декламацию рифмованного текста, чередующегося с речитацией прозаических отрывков. Его характеризует силлабическое соотношение слова и напева (слог-звук), неширокий диапазон (чаще в пределах сексты-кварты), репетиции на одном тоне, волнообразное движение в терции-кварте, либо образуются узкообъемные ячейки (шаги, опевания). Скачками отмечены инципиты начальных построений композиции, связанные, как правило, с прямой речью героев. Если в мелодическом движении преобладает слитная поступенность, то ладовые опорные звуки образуют бесполутонный остов (c b g; b g).

Музыкальное оформление имеют те сюжетные темы, которые связаны с поворотными моментами в жизни героя: наставление, конфликт, подвиг, завещание, выраженные лично отстраненным повествованием, монологом или диалогом героев. Героический эпос и лиро-эпический репертуар нередко декламируется сказителем на один напев. Этот напев не характеризует его исполнительскую индивидуальность, но используется и другими сказителями.

Формообразование напевов описываемых исполнительских вариантов «Эдиге» подчинено принципу членения текста на тирады, содержащие законченную мысль [Лапин, 2002, с. 36; Рудиченко, 2006, с. 221]. Каждая из них представляет собой многостишие (в среднем от четырех до 10–15 стихов). Охватывающие стихи мелодические построения повторяются, комбинируются и чередуются, как правило, в следующих видах *(Пример 1)*:

$ABCB^1CB^2C^1B^2D$;
$ABCC^1B^1B^2C^2B^3D$;
$ABCDC^1D^1C^2D^2C\ D^3C^3A^1A^2D^4E$.

В композиции приведенного примера прослеживается как тенденция к сквозному развитию, так и парные повторения контрастных или тождественных построений.

Опорными точками и маркерами границ напева тирады являются первое и последнее построения. Начальное отмечается характерной возгласной интонацией («Эй!») на самом высоком тоне (иногда повышаемом на секунду) и выделенным ритмически укрупнением длительностей, очерчивающим верхний край диапазона. Завершающие построения нередко выделяются нисходящим фригийским оборотом, либо в них обобщается волновой контур вопросно-ответных интонаций. Разновысотные концевые тоны построений (чаще, квартовая/квинтовая оппозиция и основной опорный тоны) чередуются, образуя соотношение «вопрос – ответ».

Эпическая традиция субэтнических групп ногайцев в основных своих характеристиках (ладо-мелодическая сторона, принцип формообразования, особенности интонирования и механизм передачи исполнительской традиции) сходны. Стилистическая общность поэтических эпизодов и напевов позволяет отнести эпическое сказание о Эдиге к общеэтническим явлениям культуры.

Записи, выполненные автором в последние годы (2014–2016 гг.) свидетельствуют о сохранении эпических текстов в сфере памяти и возможности их воспроизведения в благоприятных для этого условиях. Мужчины, помнящие эпос и в частности хоровые варианты *«эжуьв»*, преимущественно 1930–1940 годов

рождения. Это говорит о том, что число желающих наследовать традицию из представителей среднего и молодого поколения сокращается. Проблема заключается в утрате интереса к неспешному музыкально-поэтическому повествованию. Повышение статуса исполнителей эпоса (йырав) в обществе, восстановление эпической среды – воспитание поколений слушателей-участников может способствовать возрождению эпической традиции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гайнуллина Н.Г. Эпические напевы ногайских татар Астраханской области. к проблеме ритмической и ладомелодической организации // Фольклор: современность и традиция. Материалы третьей международной конференции памяти А.В. Рудневой / Моск. гос. консерватория им. П.И. Чайковского. М., 2004. С. 140–149.
2. Карданова Б. Б. Музыка ногайского эпоса // Культурно-историческая общность народов Северного Кавказа и проблемы гуманизации. Черкесск, 1999. С. 260–264.
3. Лапин В. А. Фольклорное двуязычие: феномен и процесс // Искусство устной традиции. Историческая морфология. к 60-летию И. И. Земцовского: Сб. ст. / Отв. Ред. Н.Ю. Альмеева. СПб.: РИИИ, 2002. С. 28–38.
4. Рудиченко Т. С. Припевки-тирады в донской свадьбе (к изучению универсалий фольклора) // Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Северного Кавказа за 2005 г. : мат-лы Северокавказской науч. конф. Дикаревские чтения (12) / отв. ред. М.В. Семенцов. Краснодар: ООО РИЦ «Мир Кубани», 2006. С. 220–230.

Кубугул

♪ = 114

Пример 1

Эй, То - хта - мы - с–хан, эл - динъ ше - ти - не,

Бай - тал да со - йып, бал куй - ды - рган,

Туь - кли де ша - ты - р(ы) ку - рды - рган,

Йы - раў ка - ртла - рды жый - ды - рган.

Тоьр ка - ртла - рын жый - ды - рып,

Уьй - кен де тоь - бе ба - сын - да,

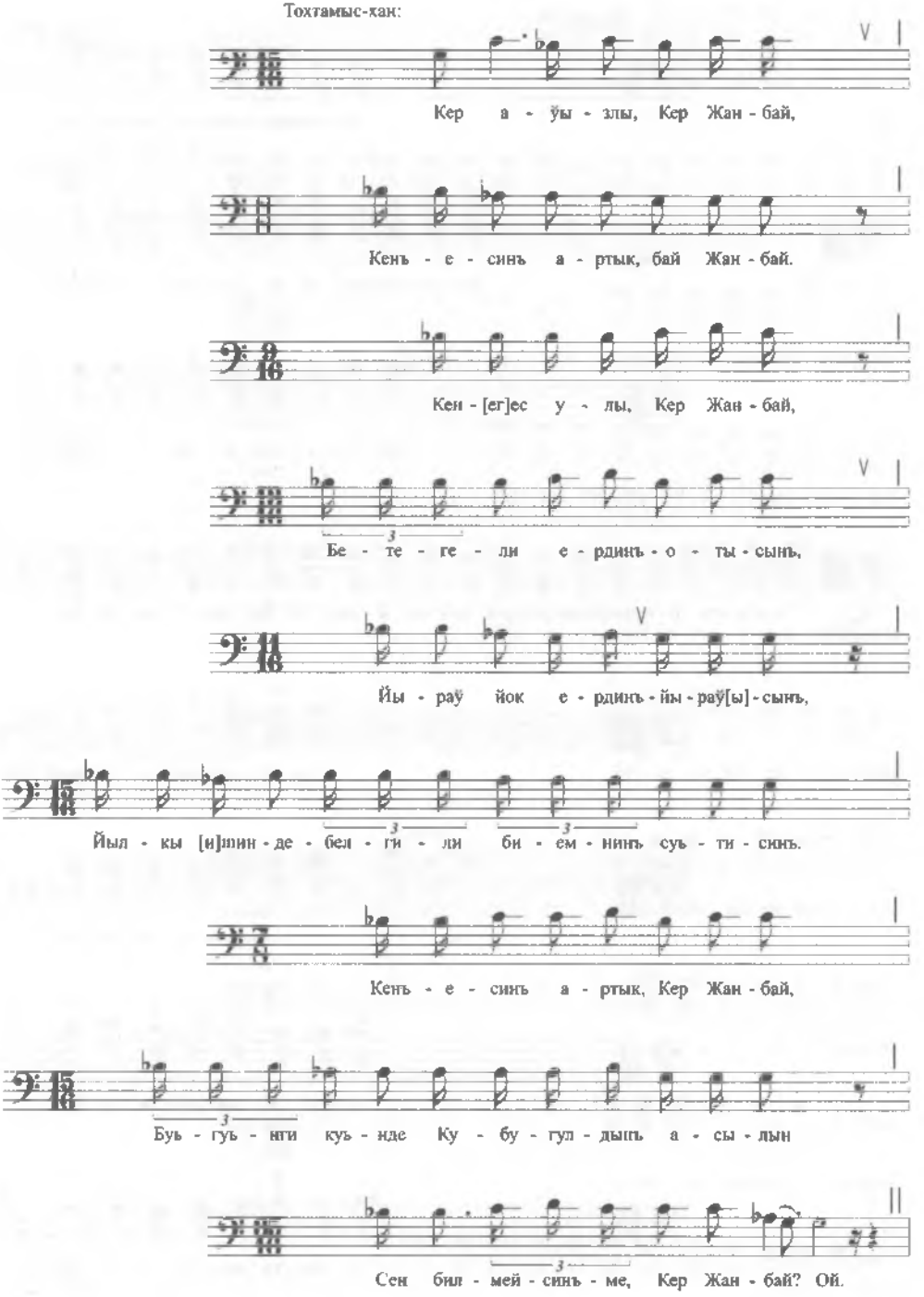
Уьй - кен тор[ы] ат а - стын - да,

Ка - мы - шы - сы яй–ма {а]л - тын,

Я - йыл - га - ны - баь - р[и] ал–тын.

Сон - да То - хта - мы - с–хан тол - гай - ды, ой:

Тохтамыс-хан:



Жанбай:

То - хта-мы - с–хан, То - хта - мы-с–хан,

Мен бил-мей-мен Ку - бу - гул - дынъ а - сы-лын.

Юз де е - тпис я - сын я - са - ган

Сы-бы - ра у - лы сыргкарт жы-раў, на - таш а - кам, ол бил - ме - се ким би - лер

Ку - бу - гул - дынъ а - сы-лын? Ой.

Эй, я - кла - рын уў - лаў мы - нан...

А - тка да ми - нер аь - ли йок,

А - рба - га ми - нер я - ны йок.

Я - кла-рын уў - лаў мы - нан уў - ла-ткан,

Ти - сле - ри о - нынъ ку-йыл-тан, кел - ле - ти мен ка - пты-рып жи - бе - ктен ти - зди-рген,

Тил - ле - ри о - нынъ ты-йыл-ган,

Дуь - дик пи - нен коь - ме - кей-ден соьй-ле-ткен.

Кол - ты - ты - на ко - сар я - стык сал - ды-рып,

Бе - ли - не бо - та буў - ды-рып.

Ко - лы - на ал - мас кон-ды-рып,

Ез та - я - кты ил - ди-рип,

Ал-ты да боз/[а]тты е - кти-рип,

Сы - бы - ра у - лы сырт карт жы - раў - ды кел - ти - рди.

Ол бил - ме - се, ким би - лер

Ку - бу - гул - дынъ а - сы - лын? Ой.

Сы - бы - ра у - лы сырт карт жы - раў

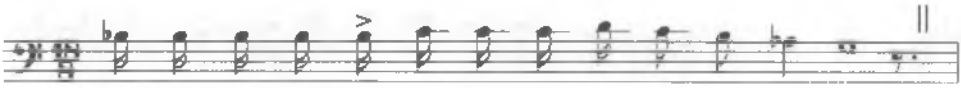
Аь - ри - бе - ри ы - ргы - лан - ды ти - ли кел - мей соьй - ле - рге.

О - ны коь - рип То - хта - мы - с–хан,

Уьш то - ста - кай бал бе - рди.

Бал суў - ды си - ми - рген - де,

Бал буьй - рек - ке туь - ске - иде. буьй - рек бал ман ои - ске - иде,



Сыбыра-жыраў:

Кум ка - пты - рар Ку - бу - гул, ой, дий - ди.

Жанбай:

Кай - тса - наш, Ку - бу - гул, кай - тса - наш!

Хан - лар да, бий - лер кай - ткан сонъ, кай - ткан а - йып/гуў{ыл} э - ди, Ку - бу - гул.

Я - га - сы ал - тын суў...

А - та - йынъ са - га кайт, дий - ди, ой.

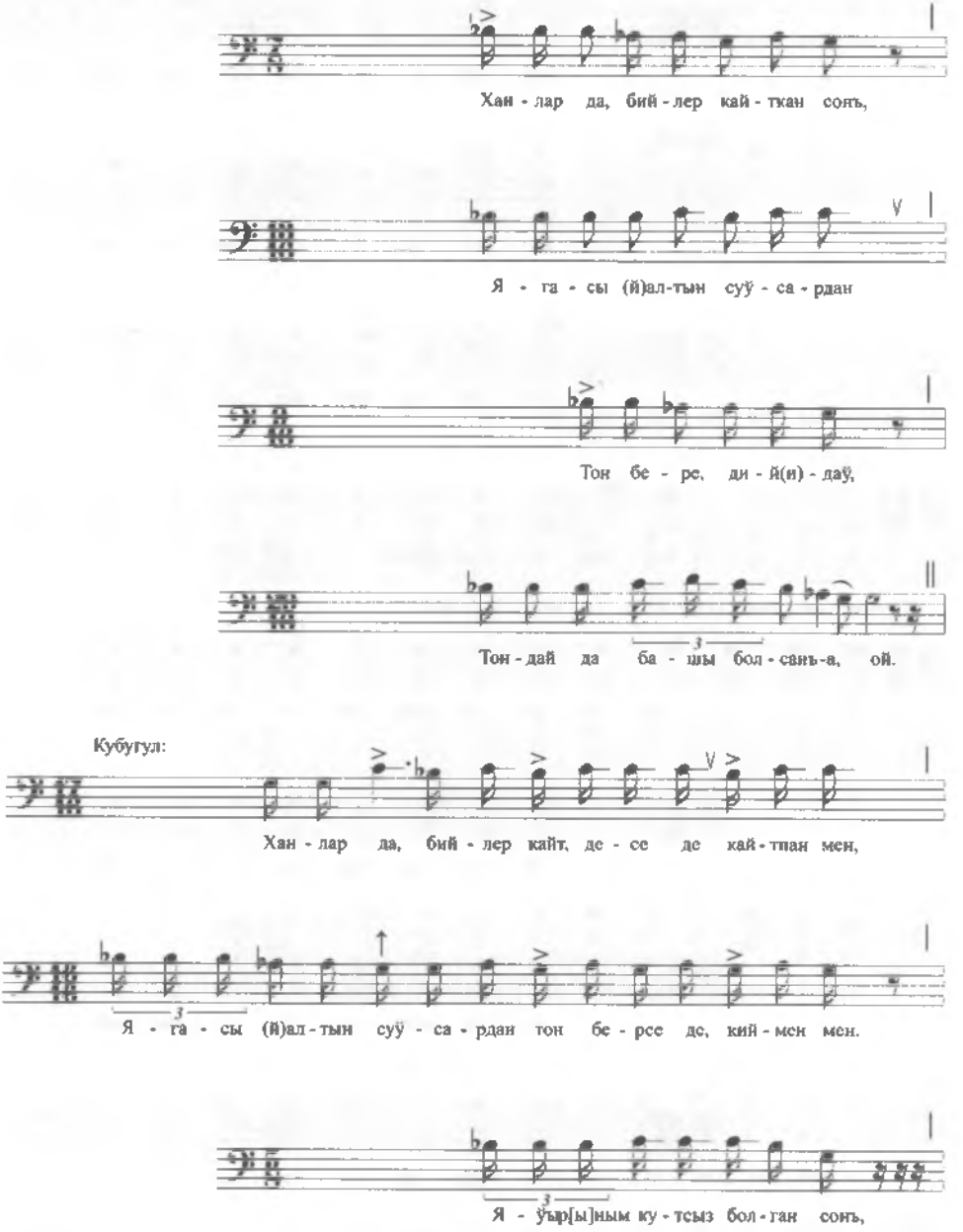
Кубугул:

Хан - лар да, бий - лер кайт, де - се де кай - тпан мен,

Кул - ла - ры ку - рык а - лай шы - бык а - лып куў - ган сонъ, ой.

Жанбай:

Кай - тса - наш, Ку - бу - гул, кай - тса - наш!


Хан - лар да, бий - лер кай - ткан сонъ,
Я - га - сы (й)ал-тын суў - са - рдан
Тон бе - ре, ди - й(и) - даў,
Тон - дай да ба - шы бол - санъ-а, ой.
Кубугул:
Хан - лар да, бий - лер кайт, де - се де кай - ттан мен,
Я - га - сы (й)ал - тын суў - са - рдан тон бе - рсе де, кий - мен мен.
Я - ўар[ы]ным ку - тсыз бол - ган сонъ,

Тон - дай да ба - шы бол - ман сонъ, ой.

Жанбай:

Кай - тса - наш, Ку - бу - гул, кай - тса - наш!

Хан - лар да, бий - лер кай - ткан сонъ,

Кай - ткан а - йып/туў[ыл] э - ди, Ку - бу - гул.

А - сыл а - тай А - ра - лы - стан - нан ат бе - ре - ди,

И - е - ри, ка - сы куь - ми - стен,

Ю - ўе - ннинъ ба - сы ал - тын - нан,

Ат - тай да ба - шы бол - санъ - а, ой.

Кубугул:

Хан - лар да, бий - лер кайт, де - се де кай - ткан мен,

А - сыл а - тай А - ра - пы - стан ат бе - рсе де, мин - мен мен.

А - ўым да ку - тсыз бол - ган сонъ,

Ат - тай да ба - шы бол - ман сонъ, ой.

Жанбай:

Кай - тса - наш, Ку - бу - гул, кай - тса - наш!

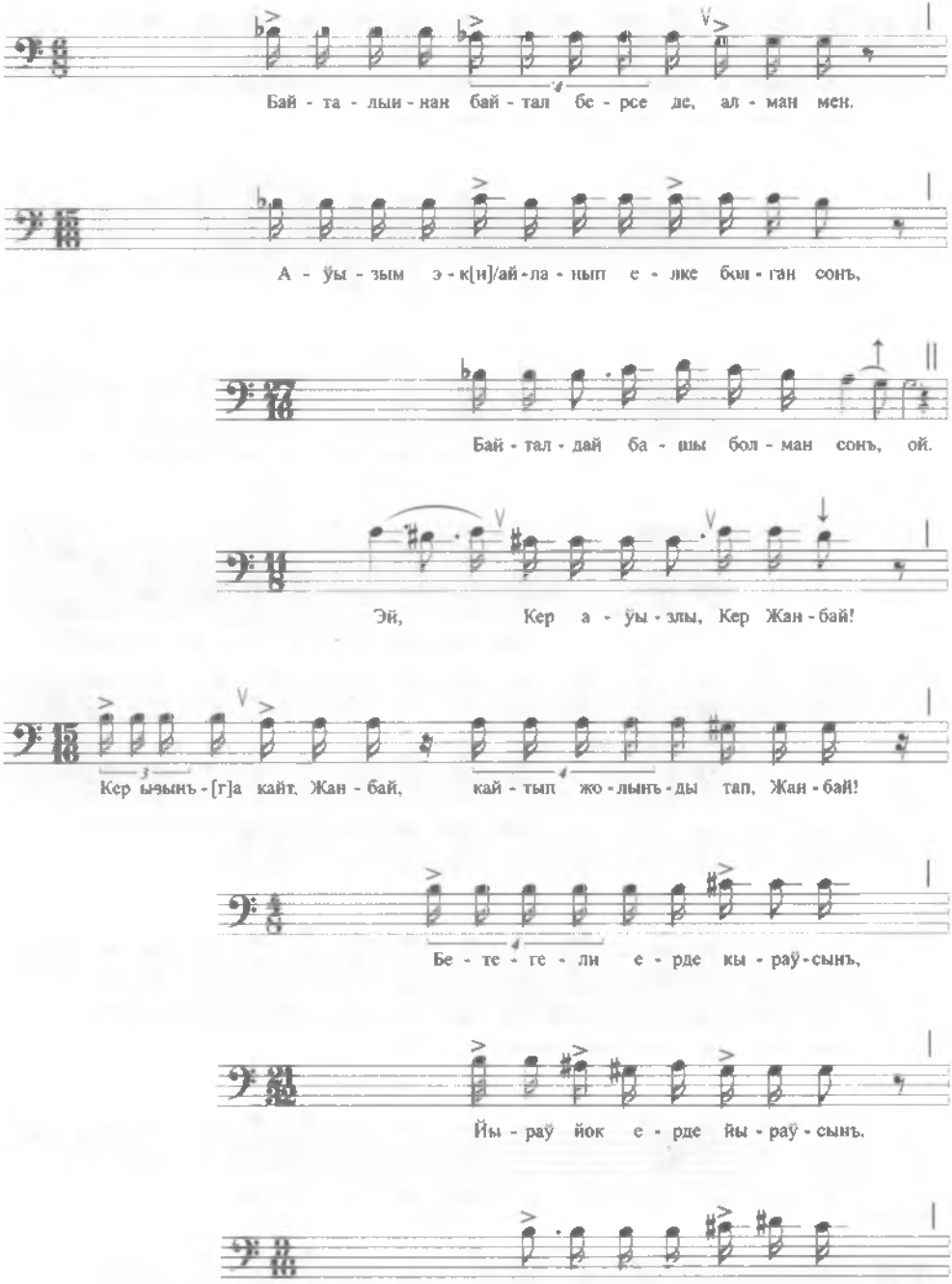
Кай - ткан - лар кай - тип туъ - ги - ле - ди.

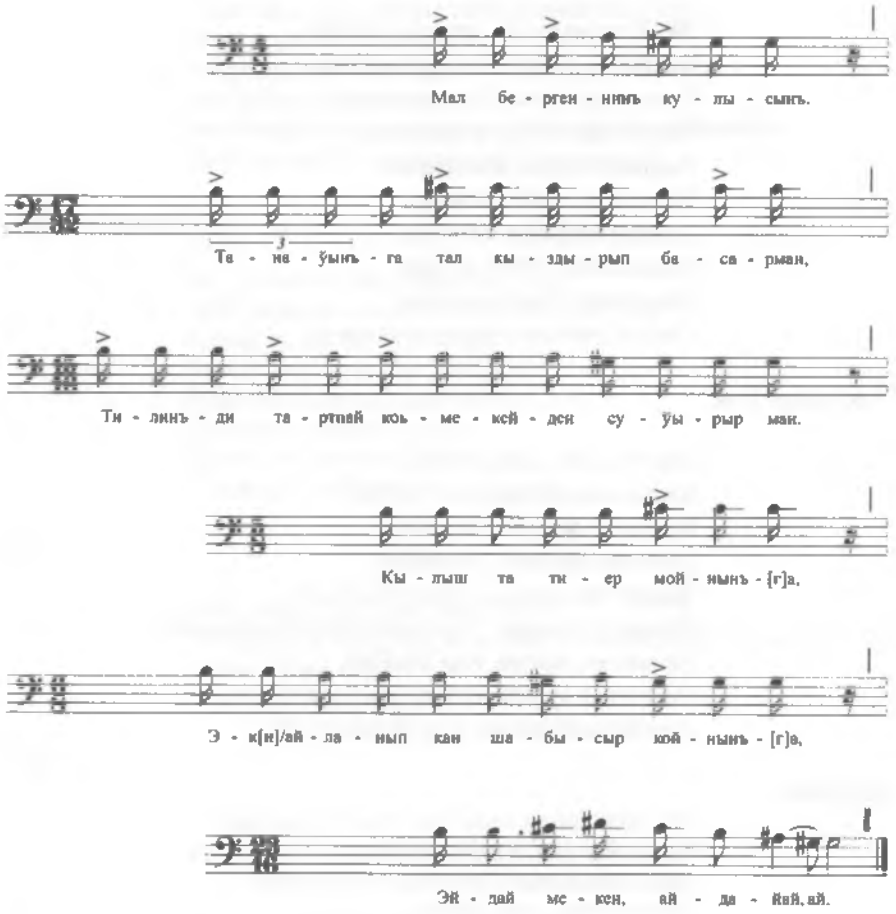
Бай - та - лын - нан бай - тал бе - рил - д[и]дий - даў

Бай - тал да ба - шы бол - санъ - а, ой.

Кубугул:

Хан - лар да, бий - лер кайт, де - се де кай - тпан мен,


Бай - та - лыи - нан бай - тал бе - рсе де, ал - ман мен.
А - ўы - зым э - к[и]/ай - ла - нып е - лке бол - ган сонъ,
Бай - тал - дай ба - шы бол - ман сонъ, ой.
Эй, Кер а - ўы - злы, Кер Жан - бай!
Кер ызынъ - [г]а кайт, Жан - бай, кай - тып жо - лынъ - ды тап, Жан - бай!
Бе - те - ге - ли е - рде кы - раў - сынъ,
Йы - раў йок е - рде йы - раў - сынъ.
Ас бе - рген - нинъ и - йти - синъ,


Мал бе - рген - нинъ ку - лы - сынъ.
Та - на - ўынъ - га тал кы - зды - рып ба - са - рман,
Ти - линъ - ди та - ртпай коь - ме - кей - деи су - ўы - рыр ман.
Кы - лыш та ты - ер мой - нынъ - [г]а,
Э - к[н]/ай - ла - нып кан ша - бы - сыр кой - нынъ - [г]а,
Эй - дай ме - кен, ай - да - йай, ай.

Кубугул

Эй, Тохтамыс-хан, элдинъ шетине,
Байтал да сойып, бал куйдырган,
Туъкли де шатыр(ы) курдырган,
Йыраў картларды жыйдырган,
Тоьр картларын жыйдырып.
Уьйкен де тоьбе басында,
Уьйкен тор[ы] ат астында,
Камышысы – яйма алтын,
Яйылганы – баьри алтын,
Сонда Тохтамыс-хан толгайды, ой:

Тохтамыс-хан:

Кер аўызлы, Кер Жанбай,
Кенъесинъ артык, бай Жанбай.
Кен[еге]с улы, Кер Жанбай,
Бетегели ердинъ – отысынъ,
Йыраў йок ердинъ – йыраў[ы]сынъ,
Йылкы [и]шинде – белгили биемнинъ суьтисинъ.
Кенъесинъ артык, Кер Жанбай,
Буьгуьнги куьнде Кубугулдынъ асылын
Сен билмейсинъме, Кер Жанбай? Ой.

Жанбай:

Тохтамыс-хан, Тохтамыс-хан,
Мен билмеймен Кубугулдынъ асылын.
Юз де етпис ясын ясаган
Сыбыра улы сырт карт жыраў, нагаш акам, ол билмесе, ким билер
Кубугулдынъ асылын? Ой.

Эй, якларын уўлаў мынан…
Атка да минер аьли йок,
Арбага минер яны йок.
Якларын уўлаў мынан уўлаткан,
Тислери онынъ куйылган, келпети мен каптырып жибектен тиздирген.
Тиллери онынъ тыйылган,
Дуьдик пинен коьмекейден соьйлеткен.
Колтыгына косар ястык салдырып,
Белине бота буўдырып.
Колына алмас кондырып,
Ез таякты илдирип,
Алты да боз [а]тты ектирип,
Сыбыра улы сырт карт жыраўды келтирди.
Ол билмесе, ким билер

---

[6] Название эпизода из эпоса «Эдиге». Инф. Ю.Х.-Г. Джемакулов

Кубугулдынъ асылын? Ой.
Сыбыра улы сырт карт жыраў
Аьри-бери ыргыланды тили келмей соьйлерге.
Оны коьрип Тохтамыс-хан,
Уьш тостакай бал берди.
Бал суўды симиргенде,
Бал буьйрекке туьскенде, буьйрек бал ман пискенде,
Кубугулдынъ асылын шешип баслады, ой.

Сыбыра жыраў:

Ай, Тохтамыс-хан, Тохтамыс-хан,
Кубугулдынъ асылын билмей куўлайсынъ.
Алтын да тактан туьсирир,
Алтын тажынъды басына киер.
Кырсаў[га] басып, шыгарагынънан,
Шыгып та кашар Кубугул.
Куўып та барган аьскеринъге
Кум каптырар Кубугул, ой, дийди.

Жанбай:

Кайтсанаш, Кубугул, кайтсанаш!
Ханлар да, бийлер кайткан сонъ, кайткан айып туў[ыл] эди, Кубугул.
Ягасы алтын суў…
Атайынъ сага кайт, дийди, ой.

Кубугул:

Ханлар да, бийлер кайт, десе де кайтпан мен,
Куллары курык алай шыбык алып куўган сонъ, ой.

Жанбай:

Кайтсанаш, Кубугул, кайтсанаш!
Ханлар да, бийлер кайткан сонъ,
Ягасы (й)алтын суўсардан
Тон бере, дий(и)даў,
Тондай да башы болсанъа, ой.

Кубугул:

Ханлар да, бийлер кайт, десе де кайтпан мен,
Ягасы (й)алтын сувсардан тон берсе де, киймен мен.
Яўыр[ы]ным кутсыз болган сонъ,
Тондай да башы болман сонъ, ой.

Жанбай:

Кайтсанаш, Кубугул, кайтсанаш!
Ханлар да, бийлер кайткан сонъ,
Кайткан айып туў[ыл] эди, Кубугул.
Асыл атай Арапыстаннан ат береди,
Иери, касы куьмистен,
Юўеннинъ басы алтыннан,

Аттай да башы болсанъа, ой.

Кубугул:

Ханлар да, бийлер кайт, десе де кайтпан мен,
Асыл атай Арапыстаннан ат берсе де, минмен мен.
Аўым да кутсыз болган сонъ,
Аттай да башы болман сонъ, ой.

Жанбай:

Кайтсанаш, Кубугул, кайтсанаш!
Кайтканлар кайтип туъгиледи.
Байталыннан байтал берилд[и], дийдаў.
Байтал да башы болсанъа, ой.

Кубугул:

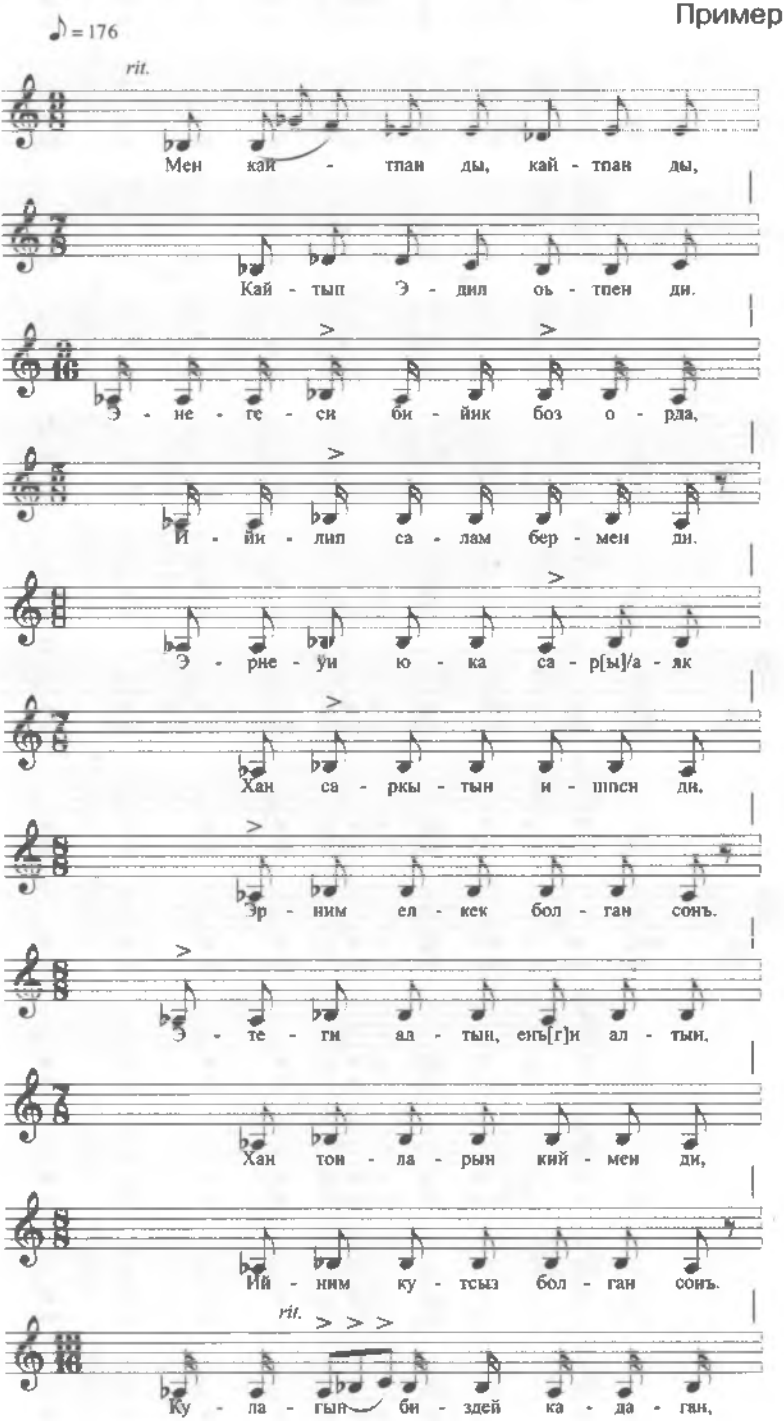
Ханлар да, бийлер кайт, десе де кайтпан мен,
Байталыннан байтал берсе де, алман мен.
Аўызым эк[и] айланып елке болган сонъ,
Байталдай башы болман сонъ, ой.

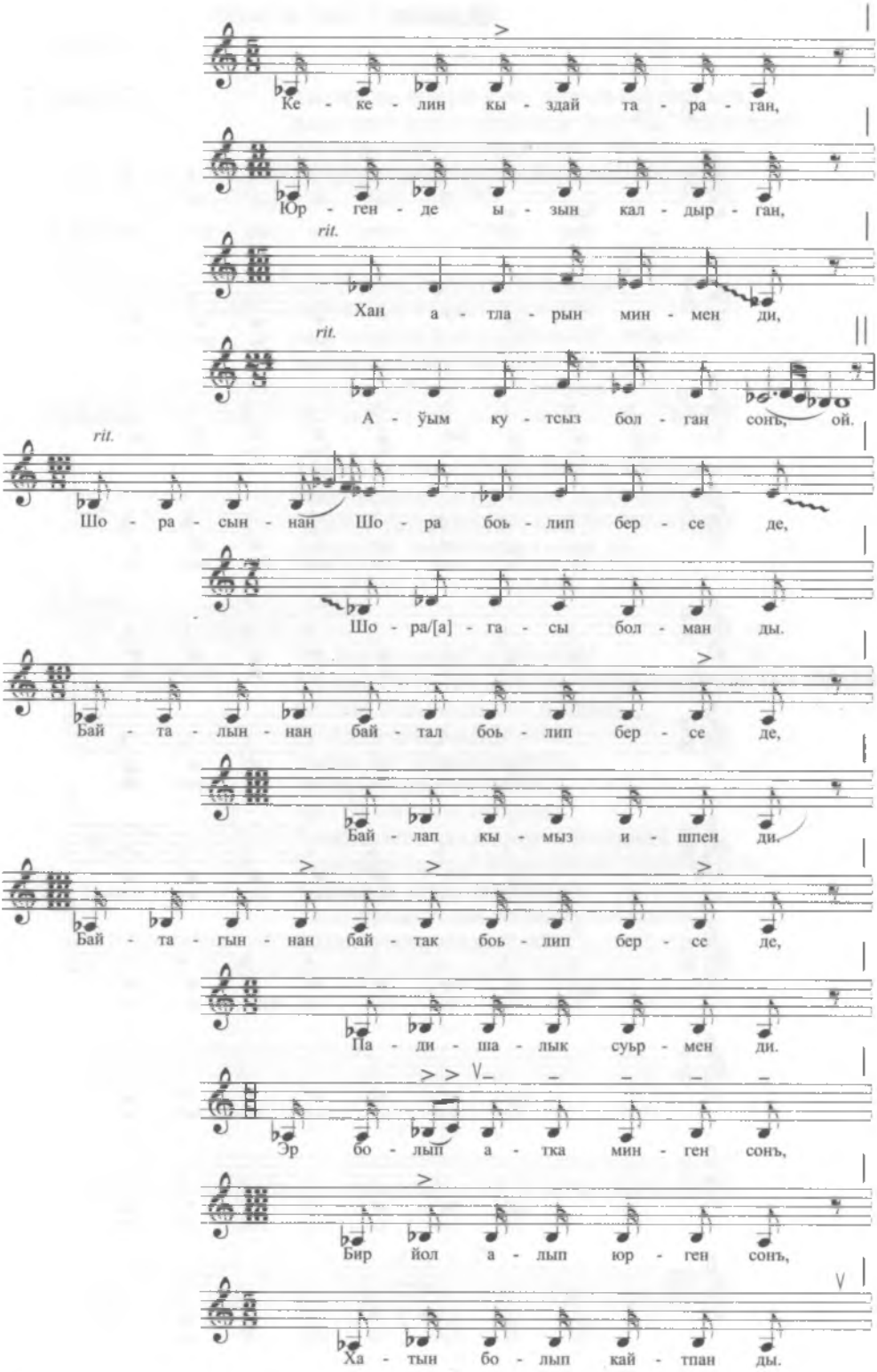
Кубугул:

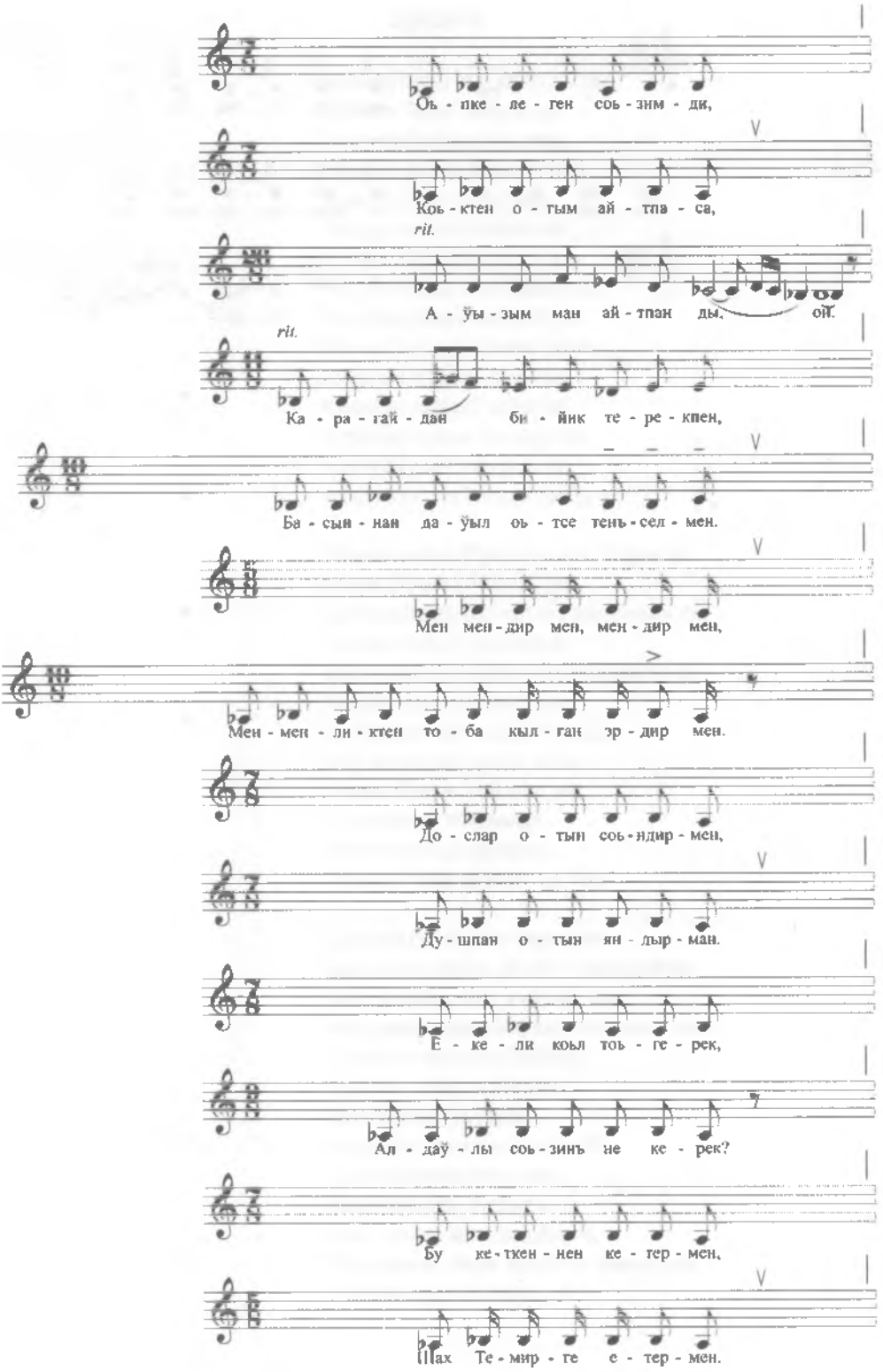
Эй, Кер аўызлы, Кер Жанбай!
Кер ызынъ[г]а кайт, Жанбай, кайтып жолынъды тап, Жанбай!
Кайтып жолынъды тап, Жанбай!
Бетегели ерде кыраўсынъ,
Йырав йок ерде йыраўсынъ.
Ас бергеннинъ ийтисинъ,
Мал бергеннинъ кулысынъ.
Танаўынъга тал кыздырып басарман,
Тилинъди тартпай коьмекейден суўырыр ман.
Кылыш та тиер мойнынъ[г]а,
Эк[и] айланып кан шабысыр койнынъ[г]а,
Эйдай мекен, айдайай, ай.

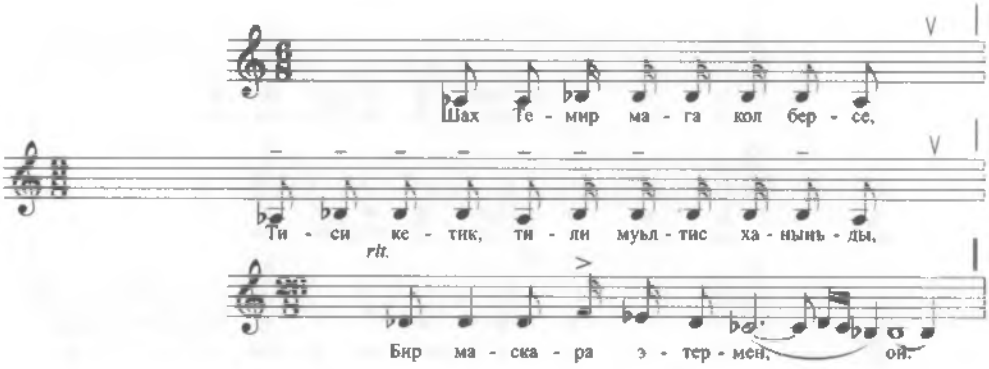
Эдиге

Пример 2




Ке - ке - лин кы - здай та - ра - ган,
Юр - ген - де ы - зын кал - дыр - ган,
rit.
Хан а - тла - рын мин - мен ди,
rit.
А - ўым ку - тсыз бол - ган сонъ, ой.
rit.
Шо - ра - сын - нан Шо - ра боь - лип бер - се де,
Шо - ра/[а] - га - сы бол - ман ды.
Бай - та - лын - нан бай - тал боь - лип бер - се де,
Бай - лап кы - мыз и - шпен ди.
Бай - та - гын - нан бай - так боь - лип бер - се де,
Па - ди - ша - лык суўр - мен ди.
Эр бо - лып а - тка мин - ген сонъ,
Бир йол а - лып юр - ген сонъ,
Ха - тын бо - лып кай - тпан ды.


Оь - пке - ле - ген соь - зим - ди,
Коь - ктен о - тым ай - тпа - са,
rit.
А - ўы - зым ман ай - тпан ды, ой.
rit.
Ка - ра - гай - дан би - йик те - ре - кпен,
Ба - сын - нан да - ўыл оь - тсе тень - сел - мен.
Мен мен - дир мен, мен - дир мен,
Мен - мен - ли - ктен то - ба кыл - ган эр - дир мен.
До - слар о - тын соь - ндир - мен,
Ду - шпан о - тын ян - дыр - ман.
Е - ке - ли коьл тоь - ге - рек,
Ал - даў - лы соь - зинъ не ке - рек?
Бу ке - тхен - нен ке - тер - мен,
Шах Те - мир - ге е - тер - мен.


Шах Те - мир ма - га кол бер - се,
Ти - си ке - тик, ти - ли муьл - тис ха - нынъ - ды,
rit.
Бир ма - ска - ра э - тер - мен, ой.

Эдиге

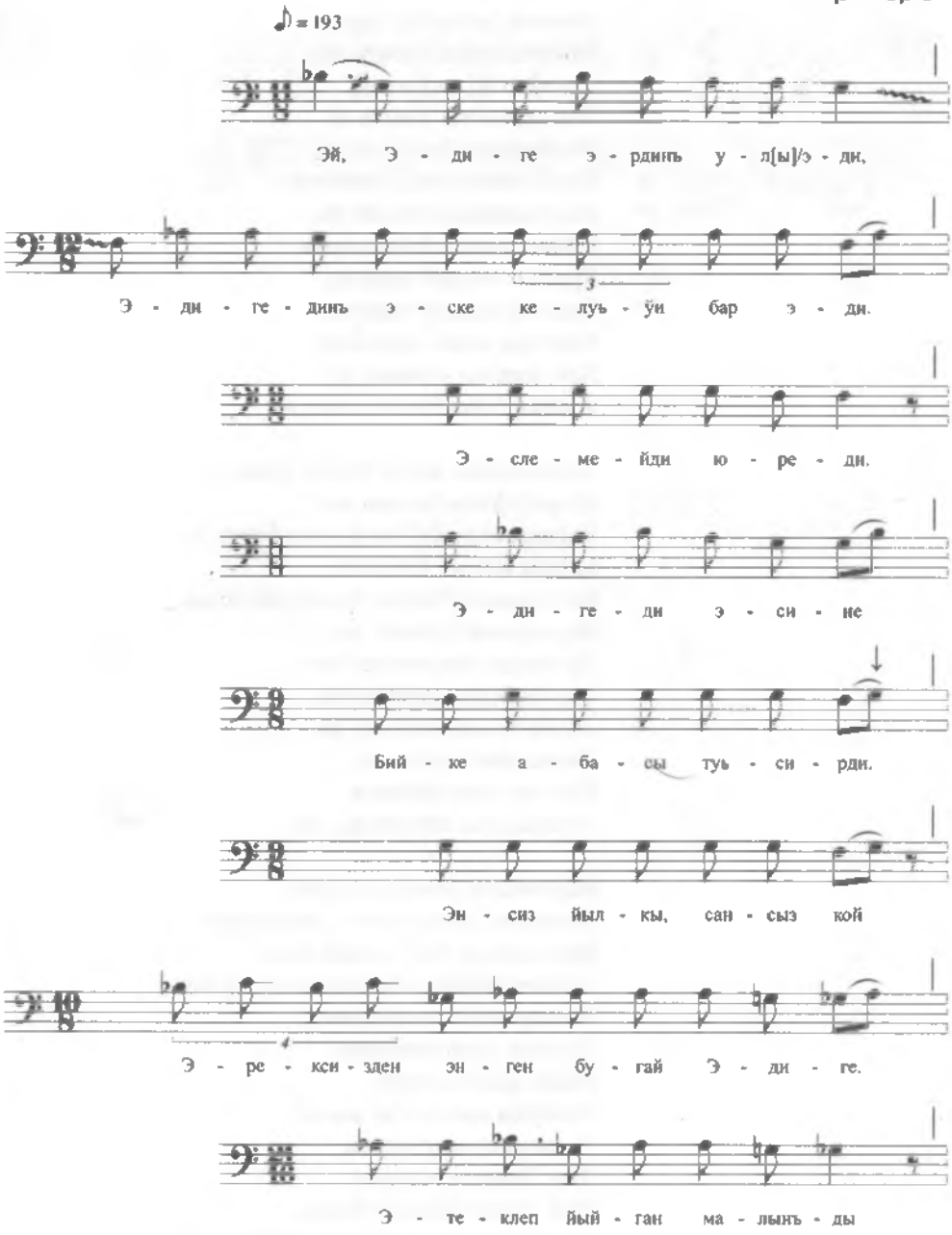
Мен кайтпан ды, кайтпан ды,
Кайтып Эдил оьтпен ди.
Энегеси бийик боз орда,
Ийилип салам бермен ди.
Эрнеўи юка сар[ы] аяк
Хан саркытын ишпен ди,
Эрним елкек болган сонъ.
Этеги алтын, енъ[г]и алтын,
Хан тонларын киймен ди,
Ийним кутсыз болган сонъ.
Кулагын биздей кадаган,
Кекелин кыздай тараган,
Юргенде ызын калдырган,
Хан атларын минмен ди,
Аўым кутсыз болган сонъ, ой.

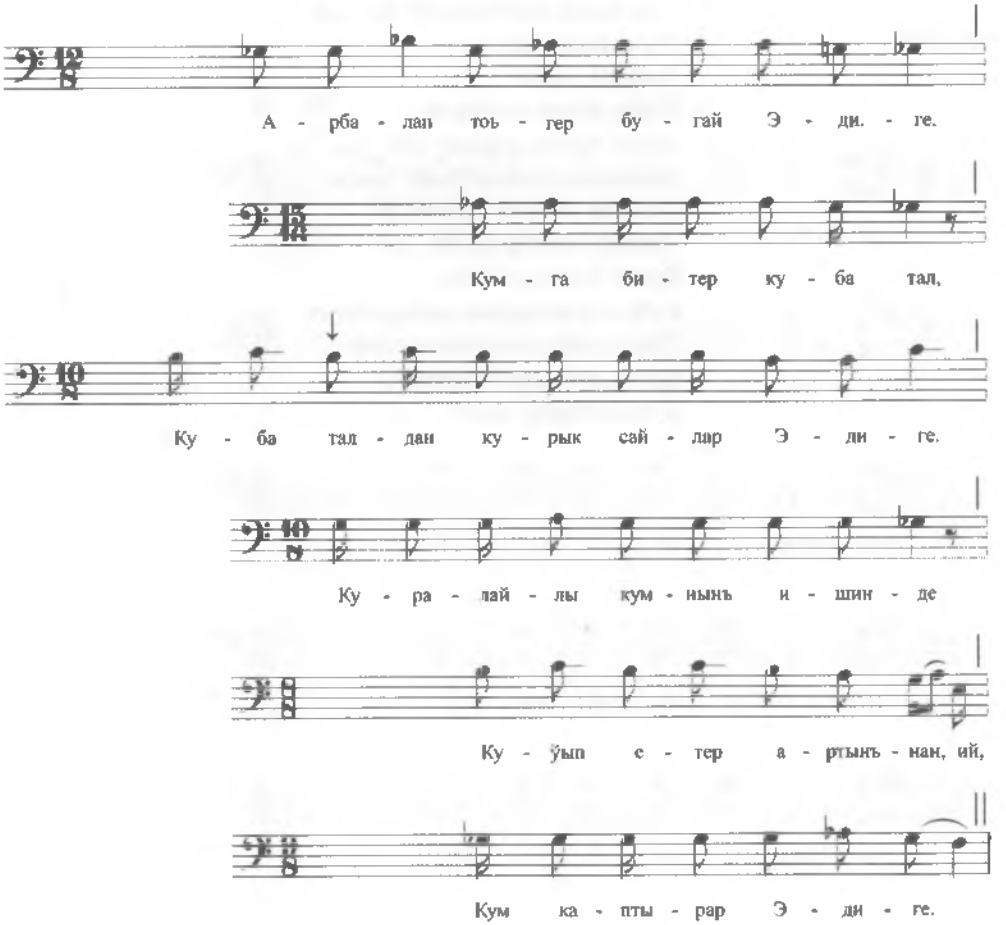
Шорасыннан Шора боьлип берсе де,
Шора [а]гасы болман ды.
Байталыннан байтал боьлип берсе де,
Байлап кымыз ишпен ди.
Байтагыннан байтак боьлип берсе де,
Падишалык суьрмен ди.
Эр болып атка минген сонъ,
Бир йол алып юрген сонъ,
Хатын болып кайтпан ды.
Оьпкелеген соьзимди,
Коьктен огым айтпаса,
Аўызым ман айтпан ды, ой.

Карагайдан бийик терекпен,
Басыннан даўыл оьтсе – тенъселмен.
Мен мендир мен, мендир мен,
Менменликтен тоба кылган эрдир мен.
Дослар отын соьндирмен,
Душпан отын яндырман.
Екели коьл тоьгерек,
Алдаўлы соьзинъ не керек?
Бу кеткеннен кетермен,
Шах Темирге етермен.
Шах Темир мага кол берсе,
Тиси кетик, тили муьлтис ханынъды,
Бир маскара этермен, ой.

Эдиге

Пример 3



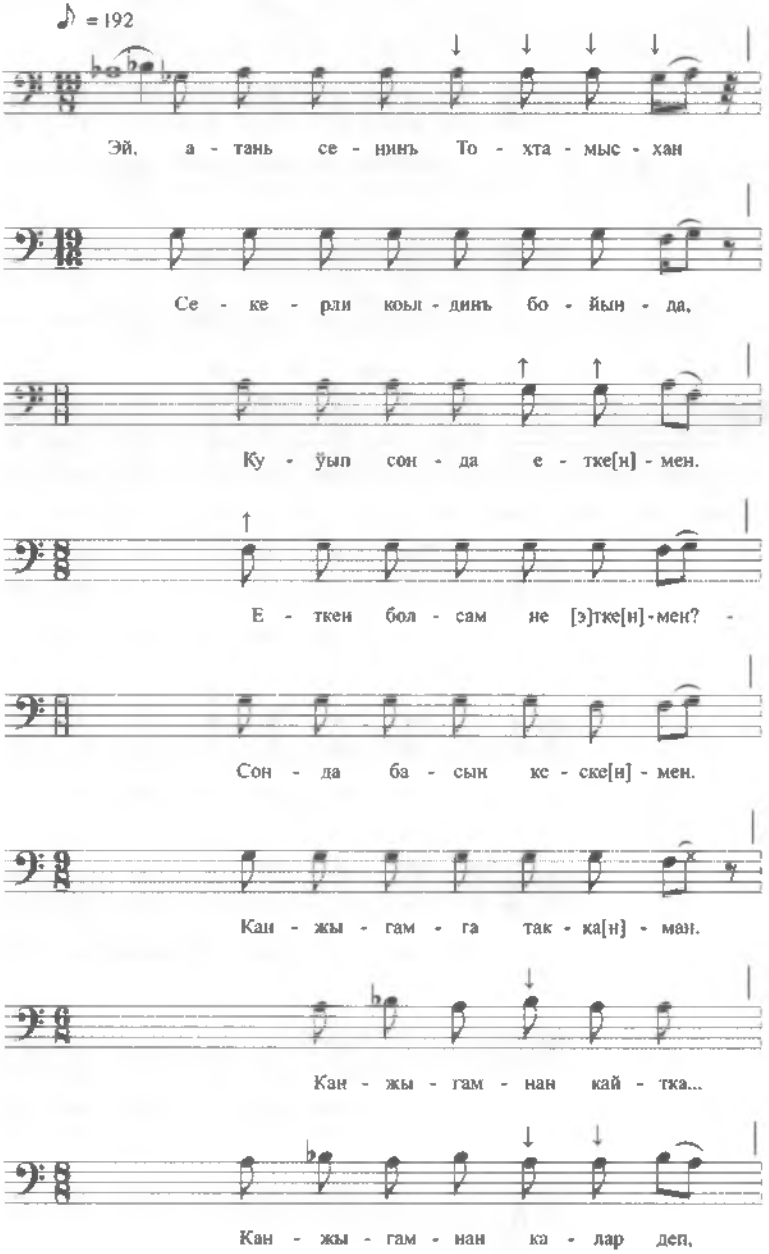

А - рба - лан тоь - гер бу - гай Э - ди. - ге.
Кум - га би - тер ку - ба тал,
Ку - ба тал - дан ку - рык сай - лар Э - ди - ге.
Ку - ра - лай - лы кум - нынъ и - шин - де
Ку - ўып е - тер а - ртынъ - нан, ий,
Кум ка - пты - рар Э - ди - ге.

Эдиге

Эй, Эдиге эрдинъ ул[ы] эди,
Эдигединъ эске келуьўи бар эди.
Эслемейди юреди.
Эдигеди эсине
Бийке абасы туьсирди.
Энсиз йылкы, сансыз кой
Эрексизден энген бугай Эдиге.
Этеклеп йыйган малынъды
Арбалап тоьгер бугай Эдиге.
Кумга битер куба тал,
Куба талдан курык сайлар Эдиге.
Куралайлы кумнынъ ишинде
Куўып етер артынънан, ий,
Кум каптырар Эдиге.

Эдиге

Пример 4



И - е - м[г]е соь - зим ял - ган бо - лар деп,

Мой - ны - ма д(и)й мен мсн оь - зим

Аьй - кел са - лып кел - ге[н] - мен.

Э - ди - ге у - лы Шах Ну - ра - дил мен - дир мен.

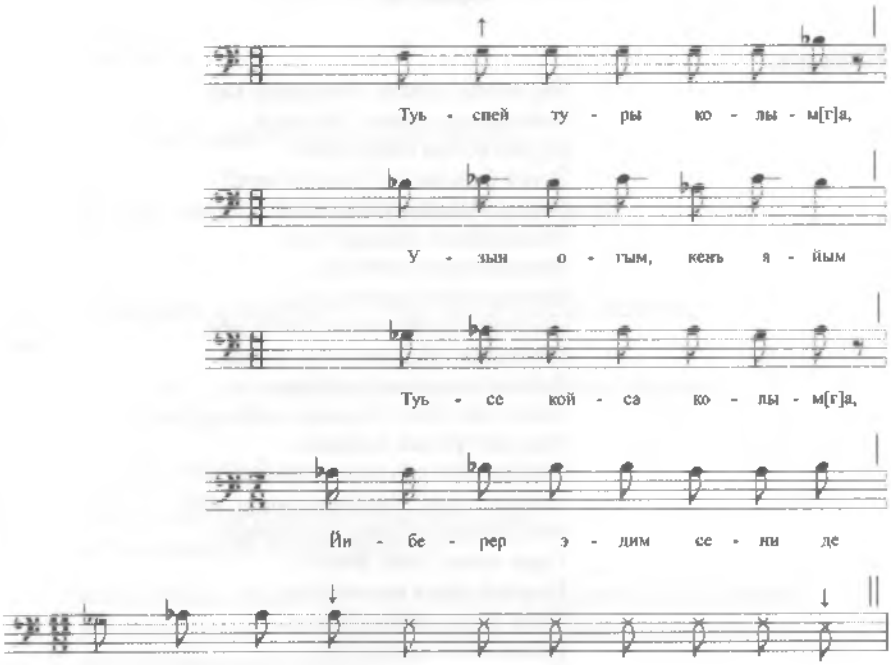
А - на - дан туў - май ка - ра - ман,

Са - (б)ын - лап юў - санъ, а - гар - ман.

Са - ным ту - ўыл, бу - р[ы]ным-нан, ий,

Бий - д[а]/оь - тке - рсенъ кай - гы - рман.

У - зын о - гым, кенъ я - йым


Туь - спей ту - ры ко - лы - м[г]а,
У - зыи о - тым, кезь я - йым
Туь - се кой - са ко - лы - м[г]а,
Йи - бе - рер э - дим се - ни де
А - тань ке - ткеи Эр То - хта - мыш йо - лы - на.

Эдиге

Нурадил:

Эй, атанъ сенинъ Тохтамыс-хан
Секерли коьлдинъ бойында,
Куўып сонда етке[н]мен.
Еткен болсам не [э]тке[н]мен?
Сонда басын кеске[н]мен.
Канжыгамга такка[н]ман.
Канжыгамнан кайтка…
Канжыгамнан калар деп,
Ием[г]е соьзим ялган болар деп,
Мойныма д(и)ймен мен оьзим
Аьйкел салып келге[н]мен.
Эдиге улы Шах Нурадил мендир мен.
Анадан туўмай караман,
Са(б)ынлап юўсанъ, агарман.
Саным туўыл, бур[ы]нымнан, аий,
Бийд[а] оьткерсенъ кайгырман.
Узын огым, кенъ яйым
Туьспей туры колым[г]а,
Узын огым, кенъ яйым
Туьсе койса колым[г]а,
Йиберер эдим сени де
Атанъ кеткен Эр Тохтамыш йолына.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Кубутул
ПЗ Рудиченко Т. С., Наток З. А. и Черкесовой А. А. в ауле Икон-Халк Ногайского района Карачаево-Черкесии в 2014 г. Исп. Джемакулов Ю. Х.-Г. 1932 г. р.
[2] Эдиге
ПЗ Черкесовой А. А. в Махачкале Республики Дагестан в 2012 г. Исп. Кумратова А. С. 1940 г. р., уроженка аула Икон-Халк Ногайского района Карачаево-Черкесии
[3] Эдиге
ПЗ Черкесовой А. А. в с. Карагас Ногайского района Республики Дагестан в 2015 г. Исп. Сыртланов К. С. 1934 г. р.
[4] Эдиге
ПЗ Черкесовой А. А. в с. Карагас Ногайского района Республики Дагестан в 2015 г. Исп. Сыртланов К. С. 1934 г. р.

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

глиссандо

знак окончания мелодической строфы;

условно-разделительная черта в виде тактовой;

↑ ↓

повышение и понижение звука менее чем на полутон;

нисходящее глиссандо в определенных высотных границах;

(ы)

редуцированный звук;

ў; (й)и

лабиальное (огубленное) произнесение *у*,
и йотированное произнесение *и*;

знак, связывающий звуки, на которые приходятся слоги, образовавшиеся за счет «огласовою» согласных гласными, дифтонгами, редуцированными фонемами;

скандирование или произнесение близкое речевому;

v

дыхание

>

акцент

[]

пропущенные звуки

()

добавление в текст дополнительных знаков, указывающих гласные звуки и прочие нюансы произношения

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Adiga / Chodzko A. Astrakan tatar songs // Specimens of the popular poetry of Persia. London, 1842. P. 348–362.
2. Эдигей / Вал иханов Ч.Ч. Сочинения; ред.: Н.И. Веселовский // Записки Имп. Русского Географического Общества по отделению этнографии. СПб., 1904. Т. XXIX. С. 265–273.
3. Эдиге // Сказание об Едигее и Тохтамыше. Киргизский текст по рукописи, принадлежавшей Ч.Ч. Валиханову. Издал профессор П.М. Мелиоранский. СПб., 1905. С. 2–24.
4. Идеге Би // Радлов В.В. Образцы народной литературы северных тюркских племен. СПб., 1896. Т.VII. С. 99–121.
5. Мурза Эдыге // Семенов Н. Туземцы Северо-Восточного Кавказа. СПб., 1895. С. 415–465.
6. Токтамыс кандынъ хикаьети // Османов М. Ногайские и кумыкские тексты. СПб., 1883. С. 32–49.
7. Токтамыш хан хикаьети // Турецкая хрестоматия / Сост.: И.Н. Березин. Казань. Т. 2. 1892. С. 59–76.
8. Adiga Sage // Çağatay, Saadet. Ural-Altaisdie Jahrbücher, 1953. Band XXV, Heft 3–4, Otto Harrasswitz, Wiesbaden, p. 243–282.
9. Эдиге йыры // Джанибеков А-Х. Соьз казнасы яде Ногай фольклоры. Рукопись. Рукописный фонд ИЯЛИ ДНЦ РАН. Ф.28. Опись 1. Папка 3. Листы 93–120. На латинской графике.
10. Кубыгул // Калмыкова С.А. Ногай эртегилер. Черкесск. 1967. С. 124–133.
11. Edege Batir / MAHMUT, Nedret ve Enver Mahmut. Bozcigit. // Dobruca Tatar Masalları. Birinci Kitap. Kriterion Kitap Uyi. Bucuresti. 1988. P. 15–67.
12. Эдиге // Сикалиев А.И-М. Ногайдынъ кырк баьтири. Эдиге: Ногай халк дестанлары. Махачкала. 1991. С. 17–52.
13. Эдиге // Сикалиев А.И. Домбыра: Ногай халк дестанлары. Черкесск. 1993. С. 50–97.
14. Эдиге // Сикалиев А.И-М. Ногайский героический эпос: (монография). Черкесск. 1994. С. 243–280.
15. Акманбетов Т.А. Эдиге. Рукопись. Запись 1975 г. Архив Т.А. Акманбетова. Публикуется впервые.
16. Эдиге йыры /Вариант И.С. Капаева // Ленин йолы /Орган Карачаево-Черкесского обкома партии и облисполкома. 1991. № 44–45, от 27 апреля.
17. Эдиге / Вариант И. Капаева; худож. перевод на рус. яз. Ф. Сидахметовой // Половецкая луна. 1991. №1. С. 38–64.

СЛОВАРЬ [1]

Абдырав – прийти в замешательство; попасть в затруднительное положение.
Аваз – голос.
Авлат (аьвлет) – ребёнок, дитя.
Аглав – плакать.
Агыр (авыр) – тяжёлый, большой.
Ад (ат) – имя.
Азамат – 1) удалой, бравый; 2) величественный, великолепный.
Азат – свободный.
Азыр (аьзир) – готовый//готово.
Айдала – степь.
Аймак – административно-территориальная единица (округ, район).
Айдынланув – озаряться.
Айдынлы, айдыны – светлый.
Айман – вид посуды.
Айсе, айса – тогда, в таком случае.
Ак - I. № 1) истина//истинный, верный; 2) право//правый.
Ак - II. № 1) плата, оплата; 2) цена, стоимость.
Аклы – прав *(в чем-либо)*.
Акшам (аксам) – сумерки; вечер.
Акылзаде – мудрец; советник.
Алапа – плата за службу; жалованье.
Алдаспан – сабля с изогнутым клинком.
Алмас – алмаз.
Алт – низ.
Алтмыс, алтмыш (алпыс) – шестьдесят.
Алчын (алшын) – крупнейший союз племён Младшего казахского жуза.
Алып, алп – богатырь, герой; великан.
Амайыл, аммайыл – амулет.
Аман – *пощади!*
Аман-заман – *см.* **аман.**
Амма (ама) – но, однако.
Аньжылык (анъшылык) – охота.
Анъ-танъ – удивление, изумление.
Арабий, арабы – арабский.
Арайыс – украшение//украшенный.

---

[1] В словаре представлена устаревшая, малоупотребительная и диалектная лексика, топонимы и антропонимы, встречающиеся в различных вариантах эпоса Эдиге, а также слова, записанные от сказителей в форме, отличной от современных норм орфографии и орфоэпии. в скобках даются слова в современной орфографии ногайского языка.

Арасат: арасат оты – адский огонь.
Арвах, арвак – дух предков.
Аргын – аргын (название племени).
Арман – гумно, ток.
Аркадаш (аркадас) – товарищ, друг.
Арс (арш) – место престола Аллаха на девятом небе.
Арша – можжевельник.
Арыштырув – искать.
Аслилик (асыллык) – чистопородность,благородство.
Асман (аспан) – небо.
Атан – холощёный верблюд.
Атлав – шагать.
Ахшам (аксам) – *см.* акшам.
Аьвлие, аьвлия – святой.
Аьгер (эгер) – если.
Аьдирне – *воен.* вид лука *(ядринский лук).*
Аьзелде – раньше, прежде.
Аьзрет – величество; **кан аьзрет (хан аьзретлери)** ханское величество.
Аьйкел I. – 1. статуя, изваяние; 2. памятник;
Аьйкел II. – амулет.
Аьлши – обманщик, перебежчик.
Аьнже – так же, точно так же.
Аьпенди – *см.* аьфенди.
Аьриз – объяснение, предложение.
Аьтте – даже.
Аьфенди – господин *(вежливое обращение).*
Байса (пайза) – пайцза.
Байтак – сила, власть, могущество.
Байыр – *здесь:* холм.
Бакшыш – подарок.
Балавсак – трава, растущая по берегам рек.
Балдыр (балтыр) – *анат.* голень, икры.
Балкув – блестеть, сиять, излучать свет.
Барабар – 1) вровень, поровну, наравне; 2) вместе, совместно, сообща.
Барча (барша) – все, всё.
Бардак – кувшин, кринка.
Батман, батпан – мера веса *(от 180 до 300 кг).*
Баьйтылла (Бейтулла) – Дом Аллаха (Кааба).
Баьли – да *(частица утверд., употреблялась в разговоре со старшими по возрасту, уважаемыми людьми и представителями высших слоёв общества).*
Бедев – скаковая лошадь.
Бекчи – стражник.
Беллев – думать, полагать.
Бен (мен) – я.
Беним (меним) – мой.
Беяз – белый.
Билижи (билимши) – человек, отличающийся большим умом и обширными знаниями, в том числе эзотерическими.
Биркаш – несколько.
Бирлен, бирле, билен – *послелоги, соотв.* **ман/мен, бан/бен, пан/пен**.
Бийда – кинжал, короткая пика, штык.
Бийдаяк (бийдайык) – вид хищной птицы.
Бик (бек) – очень.
Бим-бияз – белый-пребелый.

Бинъ (мынъ) – тысяча.
Битин (буьтин) – целый.
Бо (бу) – этот, эта, это.
Бозага (босага) – порог.
Бора – верблюд-самец.
Борасын – буран, метель.
Боьруьк (боьрк) – шапка.
Бувра – *см.* бора.
Бужак – Буджак *(историческая область на территории современных Молдавии и Украины).*
Буйда – *см.* бийда.
Букар – *см.* Бухар.
Булан – газель.
Булгары – юфть *(дорогой сорт кожи особой выделки).*
Булув – найти, находить.
Бурак – животное, на котором пророк Мухаммед вознёсся на небо.
Бурылша, бурылча – норовистый, с норовом *(о коне).*
Бухар – Бухара *(город и историческая область).*
Буьйуьз (муьйиз) – рог.
Буьйуьк – большой, великий.
Буьйуьтуьв – вырастить, воспитать.
Буьлбуьл (билбил) – соловей.
Буьлуьв – 1) разбредаться; 2) заволноваться, забеспокоиться.
Буьрек (буьйрек) – почка.
Вадаласув (ваьделесуьв) – договариваться об условиях *чего-либо.*
Вар (бар) – есть, имеется.
Варув (барув) – идти, ходить.
Вафат – кончина, смерть.
Вахыт, вахт (вакыт) – время, пора.
Ваь – *союз соед.* и.
Веруьв (беруьв) – дать, давать, отдавать.
Гайып – отсутствующий; исчезнувший; **гайып болув** – пропасть, исчезнуть.
Генди – *см.* Кенди.
Гене (кене) – опять, снова, ещё; всё-таки, всё же.
Данышманд – учёный, мудрец.
Дахы (тагы) – ещё.
Даьрет – омовение.
Даьврен – *см.* девран.
Девам – продолжение.
Девран – время от рождения до смерти, жизнь; **девран суьруьв** – жить.
Дегиштируьв – менять.
Деде – прадед; дед.
Дейил (тувыл) – *частица отриц.* нет, не.
Дерхаьл – тотчас, тут же, немедленно.
Джеллат – палач.
Джеллатлык – казнь, кара, наказание.
Дийван I. – 1) высший совет; 2) суд; 3) канцелярия;
Дийван II. – сборник стихов.
Дийнар – динар *(золотая монета).*
Динълев (тынълав) – слушать.
Доброжа – Добруджа *(историческая область на территории современных Румынии и Болгарии).*
Догув (тувув) – родиться.
Долашув – 1) обходить *(какую-либо территорию)*; 2) кружить (*вокруг чего-либо).*
Дулфар – *см.* тулпар.

Душпан, душман, дусман – враг.
Дуюв – *см.* туюв.
Дуьгуьн – свадьба, пир.
Дуьлдуьл – кличка мула халифа Али.
Дуьшуьнуьв – думать, размышлять.
Едди – настоящий, подлинный.
Елкек – морковник.
Емен – *геогр.* Йемен.
Емин – *формула клятвы.*
Ене (яне) – опять, снова.
Ешил (ясыл) – зелёный.
Жавырын (явырын) карав – гадание на бараньей лопатке.
Жавырынжы, жавурунжы (явырыншы) – гадальщик; тот, кто гадает на бараньей лопатке.
Жады (яды) – колдун.
Жаксы (яхшы) – хороший, лучший // хорошо, лучше.
Жамий – мечеть.
Жаьлил – великий *(эпитет Аллаха).*
Жебе (ебе) – стрела.
Жеп – карман.
Живан – юноша, добрый молодец.
Жигирме (йырма) – двадцать.
Жилинчик – голень.
Жин (йин) – джин.
Жолат – Джулат *(золотоордынский город в центральной части Северного Кавказа).*
Жошы – *см.* Йошы.
Жуап (яап) – ответ.
Жупар (йыпар) – аромат.
Жуьгируьв (ювырув) – бежать; скакать.
Жуьмле – все, весь, вся, всё.
Жыван – *см.* Живан.
Замана ахыр – светопреставление *(букв. конец времени).*
Зафыран (запыран) – желчь.
Зая – простой.
Заьр кылув – 1. томиться. 2. томление.
Зембил – корзинка, лукошко; плетёная кошёлка.
Зенгин – богач // богатый.
Зереди алув – надоедать, досаждать.
Зехер (зер) – яд.
Зор – большой.
Зуьнбил – гиацинт.
Зуьрйат – потомство, дети.
Ибрет – назидание, поучение.
Из (ыз) – след.
Изин (ызын) – разрешение.
Илгериде – раньше, прежде.
Илаьч (лаьж) – лекарство, средство.
Иле – *см.* бирлен.
Илишуьв – трогать, касаться.
Имдат – помощь.
Индже (йинъишке) – тонкий, изящный.
Инжи (ынжы) – жемчуг.
Инсаниетли – человечный, гуманный.
Инъен – верблюдица.
Ипей – порядком, основательно.

Исе (эсе) – чем, нежели, же.
Истев – хотеть, желать.
Ихбар этуьв – доносить.
Ичери, ичериси (ишкери) – внутрь, внутренний, внутренняя сторона.
Йингирме, йикирми (йырма) – двадцать.
Йифек (йибек) – шёлк.
Йошы – Джучи, старший сын Чингиз-хана.
Йылдыз (юлдыз) – звезда.
Йыныс – порода.
Йыранак – овраг.
Кабал – свирель, рожок, дудка.
Кабыл, кабул – 1) приём, принятие; 2) согласие.
Кабыл этуьв – 1) принимать *(гостя, посла; дары и т. п.)*; 2) соглашаться.
Кадак – гвоздь, шип.
Кадим – древний, старый, старинный.
Калкам (калкан) – щит.
Кайып – *см.* гайып.
Калбыр – решето.
Калкув – вставать.
Кан (хан) – хан.
Кандырув – убеждать, уговаривать.
Каннас – охотник.
Капес (кафес) – клетка.
Карсак – корсак, степная лиса.
Картал – орёл.
Картбабай – дед, дедушка.
Кары I. – рука.
Кары II. – 1) старый, старая; 2) старик, старуха, 3) женщина; жена.
Кастетуьв (каст этуьв) – замышлять против *кого-либо* зло; покушаться.
Катесиз (хаьтесиз) – безупречный.
Катил – убийца.
Катык – *здесь:* вид кислого молока.
Катырув – запрягать.
Кабе, Каьбе, Каьба – Кааба.
Катебе (катеби) – бархат.
Каьбе Йолы – Млечный Путь.
Каьвир (гаьвир) – неверный, гяур, кафир.
Каьгыз (кагыт) – бумага.
Кебегет – вина.
Кедей – бедный, бедняк.
Кез – тупой конец стрелы.
Кезев – приготовиться к выстрелу, приложив стрелу к тетиве лука.
Кейик – *см.* кийик.
Кек – месть, затаённая обида.
Кеклемев, кектемев – не таить злобу.
Кемер – пояс; кушак.
Кенар – край, окраина.
Кенди – сам; свой *(соотв. мест.* ***ьзи, ьз****)*.
Кенегес – кенегес *(название племени)*.
Кереге – решётчатое основание юрты.
Кереметли – благородный, достойный.
Кериске – тетива.
Кериш – Керчь.
Керчек – правда.

Ки – *союз подч.* что, чтобы.
Кие – священный, святой.
Кизметкер – *см.* кызметкер.
Кийик – *здесь:* лань.
Кимсе – кто-то, кто-нибудь, кто-либо, некто.
Кишши (киши, кишкей) – малый, маленький.
Кобусчы (кобызшы) – музыкант, играющий на старинном струнном музыкальном инструменте **кобыз**.
Когашынъ – разновидность осоки.
Кожа – муж.
Кол – *здесь:* войско.
Комшы (конъысы) – сосед; соседний.
Кона – расстояние однодневного перехода.
Копарув – оторвать, отрывать.
Кор – закваска для изготовления кумыса.
Корай (куврай) – сухая высокая трава.
Коччы – 1) раб, служитель, прислуга; 2) обозный, слуга при караване.
Кош – поставленная на телегу кибитка; крытая повозка.
Кошув – бежать, мчаться, скакать.
Кошы – загон для скота.
Коьбе – *см.* куьбе.
Коьген – тёрн.
Коьй – аул; деревня, село.
Коьймек, коьлмек (коьйлек) – рубашка, рубаха.
Коьк орай – высокая густая трава.
Коьлдуьнен (коьлденен) – поперёк.
Коьпшик – подушка.
Коьреге (куьреге) – чаша.
Коьринис, коьриниш, коьруьнуьш – встреча; аудиенция.
Коьруьшуьв (коьрисуьв) – встретиться, встречаться.
Кубатал – краснотал.
Кубаша – 1) смуглый (о человеке); 2) светло-бурый *(о масти лошади)*.
Кун – плата за ущерб; выкуп, возмещение.
Кундак – пелёнка.
Кур – *см.* кор.
Куралай – *здесь:* лань.
Куьбе – кольчуга.
Куьнахкер – грешный; грешник.
Куьнъ – рабыня.
Куьрен – тёмно-рыжий *(о масти лошади)*.
Куьрк – мех *(пушного зверя)*.
Кыдыр, Кызыр – мусульманский святой, покровитель путников: Хызр, Хызыр-Ильяс, Кыдырлыяс.
Кызартма – *кул.* жаркое.
Кызартув – жарить.
Кызгытув кус – *см.* кызгыш.
Кызгыш, кызгыс, кызгыч – чибис.
Кыз-кардеш – сестра.
Кызмет – служба.
Кызметкер – работник; служитель; прислуга.
Кызылгак, кызылкак – 1) вода, оставшаяся в низких местах на солончаковом грунте; 2) выбоина; место, размытое дождем.
Кыйбет (кыймет) – цена.
Кыйва – *см.* Хыйва.

Кылув – делать, совершать.
Кырмызы – красный.
Кысаяклы (кыскаяклы) – женщина.
Кышым – гнев.
Лакап – прозвище; псевдоним.
Лакин – *см.* лекин.
Лап – 1) разговор; 2) бахвальство, пустословие.
Лашын, лаьшин – сокол.
Лекин – но, однако.
Майтак – *см.* байтак.
Манара (минара) – минарет.
Масак, машак – остриё стрелы.
Масал – сказка.
Маслахат (маслагат) – совет.
Махпал – подушка.
Махсус – предназначенный для *чего-либо*; специальный.
Машараат, машарат –договорённость, соглашение.
Маьзкуьр – вышеупомянутый.
Маьл – время.
Маьлуьм (маьлим) –известно, известный.
Межлис – собрание, совещание.
Мейир – подарок, который жених делает невесте перед бракосочетанием.
Мекам – место; местопребывание.
Мемлекет (маьмлекет) – страна, государство.
Мерген (мергин) – меткий стрелок.
Мешевуьре – совет, совещание.
Миндер – *здесь:* маленькая подушка для сидения.
Минъ (мынъ) – тысяча.
Моьр – печать.
Мусаххар – побеждённый, покорённый.
Муьжде – подарок *(за добрую весть)*.
Муьждечи – человек, посланный с радостной вестью.
Муьйтен – название племени.
Муьпсит – провокатор, подстрекатель.
Муьхлет – отсрочка; срок.
Мырас – наследие; наследство.
Мысакар – *см.* мусаххар.
Мысафир (мисапир) – странник, путник; гость.
Нар – одногорбый верблюд.
Нарт – богатырь; герой, витязь.
Немере – внук.
Никях (неке) – брак, бракосочетание.
Нусха – 1) экземпляр; 2) вариант.
Оглан (улан) – 1. парень, юноша; 2. титул младших членов правящего рода чингизидов.
Огыл (увыл, ул) – сын.
Огырлав (урлав) – красть, воровать; украсть.
Огрылык – кража, воровство.
Ода – комната.
Ойдырма – вымысел, выдумка.
Ойран (вайран) – 1) драка, битва; 2) возня, ссора, шум-гам.
Ока – старинная мера веса, равная 1, 284 кг.
Олжа – добыча, трофей.
Орай – *здесь:* локон.
Оьгит – наставление, внушение.

Оьгретуьв (уьйретуьв) – учить.
Оьдев – платить, возмещать.
Оьн – перед, передний.
Оьтеки – тот, другой.
Падшах (патша) – хан; падишах; царь.
Пайтахт – столица.
Пашыманлык (пашманлык) – грусть, печаль, тоска.
Папаз – 1) христианский священник; поп; 2) *разг.* старый хрыч.
Пара – деньги; монета.
Парча, парша – кусок.
Пашман, пейшман, пийшман – печальный, грустный.
Паьк – чистый, непорочный.
Пейда болув – появляться, возникать.
Пек (бек) – очень.
Пекий – хорошо, ладно.
Пери – фея, пери.
Периште, перисте – ангел.
Пехлеван (пелван) – богатырь; силач, борец.
Пир – глава религиозной общины; религиозный наставник, старец.
Рахет (рахат) – успокоение, отдых, удовольствие.
Руба – *см.* Урба.
Рухсет – разрешение.
Саба I. – сосуд для хранения кумыса.
Саба II. – утро // утром.
Садак – колчан.
Саклав – стражник.
Сал – плот.
Салпав – болтаться.
Самур – соболь.
Сандал – наковальня.
Салтанат – пышность, роскошь.
Сарайшык, Сарайжык – Сарайчик (крупный золотоордынский город, впоследствии столица Ногайской Орды).
Саркыт – *здесь:* остаток пищи (после почтенных людей), которым угощают других.
Сарт – название осёдлых узбеков.
Сахип – хозяин, владелец.
Сатемир, Сахтемир – шах Тимур, Тамерлан.
Саф – чистый.
Саьлем (салам) – салам *(приветствие).*
Саьлесер – рубаха, надеваемая под кольчугу.
Севуьнуьв (суьйинуьв) – радоваться.
Сежде – поклон.
Семсер – вид сабли.
Серде – поднос.
Сехил – нищий.
Сеэн – медное блюдо с крышкой.
Сикилет – трудность.
Силах – оружие.
Сой – род, клан.
Сон (сонъ) – потом, после.
Сонъра, сонъыра (сонъырак) – после, потом.
Сор – солончак; грязь.
Сорув (сорав) – спрашивать, спросить.
Суал – вопрос.

Сувсар – куница.
Сунькар, сункар – кречет.
Супы – суфий.
Суьнгер – морская губка.
Сылах – *см.* силах.
Сынъыр – граница.
Сырр (сыр) – тайна, секрет.
Сыфат (сыпат) – внешний вид, облик.
Таат – послушание, покорность.
Таварык (таварых) – легенда, предание.
Таваф – ритуальное хождение вокруг Каабы во время хаджа.
Тагзым – *см.* таьзим.
Таксырлы – виноватый, виноват.
Такым – внутренняя сторона коленного сустава.
Такыт – силы.
Талчыгув – сильная усталость; сильный голод.
Танъга кылув – изумляться, удивляться.
Таразы – весы.
Тараф (тарап) – сторона.
Тарсыгув – тосковать, переживать.
Татартуьп – Татартуп *(золотоордынский город в центральной части Северного Кавказа).*
Тахт (так) – трон, престол.
Таьзим, таьжим – поклон.
Таьнъревий – божий, относящийся к Богу.
Таьнъри, Таьнъир, Тенъри – верховное божество, с принятием ислама отождествляется с *Аллах.*
Тевап – *см.* таваф.
Телеген – телега.
Темане, темена – пожелание.
Темизлев – чистить.
Тен – Дон.
Тенъселуьв – качаться, шататься.
Теприж (тепреш) – ногайский народный календарный праздник.
Терезе – *см.* таразы.
Тесир – влияние, воздействие.
Теслим этуьв – сдаваться, капитулировать.
Тетик – бдительность, осторожность; **тетикте турув** быть начеку, настороже.
Тежип – удивление, изумление.
Тилле – золотая монета.
Тогры (тувра) – правильно; прямо.
Тоз – *здесь:* порошок.
Торун – внук, внучка.
Тостакай, тостакан, тостак, тостаган – деревянная чашка.
Тоьбел – со звёздочкой на лбу (о животных).
Тув – *здесь:* знамя.
Тувылга – боевой шлем.
Тулга – навершие боевого шлема.
Тулпар – волшебный крылатый конь.
Туна – Дунай.
Тунык – *см.* тынык.
Туччы – *см.* шушы 1.
Туюв – 1) чувствовать, ощущать; 2) слышать; 3) испытывать *(напр., беспокойство).*
Туьбек I. ружьё, винтовка;
Туьбек II. детский горшок, устроенный в колыбели.

Туьнник (туьнлик) – кусок войлока, которым для сохранения тепла на ночь закрывают верхнее отверстие юрты, служащее для выхода дыма из очага.
Туьпек – *см.* туьбек I.
Туьркстан – город Туркестан, ныне на территории Казахстана.
Туьсленуьв, туьшленуьв, туьстенуьв – останавливаться на отдых.
Тымув (тынув) – успокаиваться, затихать.
Тынык – чистый, отстоявшийся *(о жидкости).*
Тынъшы – разведчик, шпион.
Тышкары (тыскары) – наружу, наружный.
Улашын – *см.* лашын.
Улы, улыг (уллы) – великий.
Упак (увак) – мелкий, малый.
Уран оты – сигнальный или ритуальный огонь; *ср.:* **уран** – особый клич, который имело каждое кочевое тюркское племя или род.
Урба – 1) одежда; 2) доспехи.
Услав, устав, ушлав (ыслав) – держать, хватать, ловить.
Усынув – предлагать, подавать.
Уьзенги (зоьнъги) – стремя.
Уькуьм (оьким) – 1) приговор, приказ, повеление; 2) власть.
Уьлешин – *см.* лашын.
Уьлкен (уьйкен) – большой, старший.
Фадшах – хан, падишах.
Фалан (баьлен) – такое-то *(время, место и т. д.).*
Фаланджы (баьлен) – такой-то, некто, некий *(о человеке).*
Фарыз (парыз) – обязанность.
Фейда – *см.* пейда.
Фелаькет – бедствие, несчастье.
Фериште – *см.* периште.
Фикир (пикир) – мысль.
Хабер (хабар) – весть, известие; новость.
Хадисе – происшествие.
Хален – в настоящее время, теперь.
Ханий – ханша, жена хана.
Хараж – поземельный налог с населения.
Хафта – неделя.
Хаьзир (аьзир) – готовый // готово.
Хаьйле – хитрость, обман.
Хаьр (аьр) – каждый, любой.
Хеле – *см.* хален.
Хем (эм) – *союз соед.* и.
Хемен – тотчас, тут же.
Хепи, хепси – *см.* эпси.
Хер (аьр) – см. хаьр.
Херип (каьрип) – бедный, несчастный.
Хеш (эш) – вовсе.
Хикаьет – рассказ, повесть, предание.
Хинд – *геогр.* Индия.
Хуьджум, хуьжуьм – атака, штурм; нападение.
Хыйва – Хива *(город и историческая область).*
Хыянатшы – изменник, предатель.
Чай– *см.* шай.
Чевируьв – поворачивать.
Чешме (шешме) – родник.
Чибин (шыбын) –1) муха, 2) пчела.

Чийкан (шыйкан) – чирей, фурункул.
Чога (шуга) – сукно.
Чок – много.
Чопаланув – шататься, качаться.
Чора – *см.* шора.
Чунак – *см.* шунак.
Чуъмек (симек) – трубка из полой юсти *(устанавливается в колыбель для стока мочи).*
Чуьн (уьшин) – правда.
Чуьюв – *см.* шуьюв.
Чыгарак – *см.* шанъырак.
Чын – *см.* Шын.
Шай, шайтып (суьйтип, соьйтип) – так, таким образом.
Шанъырак, шагарак – дымовое отверстие в центре купола юрты.
Шах – шах, хан; царь; король.
Шахадет – свидетельство, показание; **ийман шахадети** – присяга в правдивости показаний, подтверждаемая произнесением слов верности Аллаху.
Шехер (шахар) – город.
Шикаьет – жалоба.
Шикаьетши – человек, обращающийся с жалобой.
Шинди, шимди – теперь.
Шиш (сис) – вертел.
Шол (сол) – тот.
Шора – воин, дружинник.
Шошамий, шошамий торгай – жаворонок.
Шу (сол) – тот.
Шунак – лошадь с маленькими ушами.
Шункар – *см.* **сунъкар.**
Шушаган – дряхлый, одряхлевший.
Шушы I. – пресный.
Шушы (сосы) II. – этот.
Шушындай (сосындай) – такой.
Шуьюв – 1) запускать, спускать *(ловчую птицу, воздушного змея и т.д.)*; 2) метать, бросать вверх.
Шылым – слизь.
Шын – 1. правда; истина; 2. правильный // правильно, верно.
Шын-Машын – собирательное название северного (Шын) и южного (Машын) Китая.
Шыр – ограждение для скота из перекати-поля, которое спасало животных от холода и служило подкормкой.
Ыдыс – посуда, сосуд.
Ылав – верховая лошадь.
Ырахатланув (рахатланув) – отдыхать.
Эв – дом.
Эвели (аьвел) – раньше, в прежние времена.
Эвлаьт (аьвлет) – ребёнок, дитя.
Эвленуьв – вступать в брак.
Эгилуьв – согнуться.
Эер (иер) – седло.
Эзуьв кагув – восточное приветствие, а также жест, выражающий покорность, почтение или признательность, заключающийся в прикладывании к груди ладони правой руки с одновременным поклоном.
Эйвалла – 1. до свидания; 2. спасибо; 3. пусть будет так.
Эйи (ийги) – хорошо.
Эксик – отсутствующий.
Эксилуьв – убавляться, уменьшаться.

Эл – *здесь:* 1) друг *(слово используется только при противопоставлении:* эл – яв друг – враг*).* 2) рука.
Элаь – хорошо, отлично.
Эмди (энди) – теперь, сейчас.
Эмир – приказ.
Эмиш, эрмиш – экен.
Эмсал – подобный, сходный.
Энтаьри – длинное женское платье свободного покроя.
Энтигуьв – измучиться, дойти до изнеможения.
Энше, энче – наследство; доля от наследства.
Энълик, эидик, энъдик – румяна.
Энъсе – часть спины между лопатками.
Эпенди – *см.* аьфенди.
Эпси – все, всё.
Эр (аьр) – каждый.
Эрен – муж, герой, воин.
Эрди – эди.
Эрсе – эсе.
Эрнев – верхний край, верхняя кромка посуды, различных ёмкостей *(чаши, горшка, бочки и т. п.).*
Эртиш, Эртис – Иртыш.
Эсенъгирев – удивиться, поразиться; быть ошеломлённым.
Эсил (асыл) I. – благородный, знатный.
Эсил II. – Ишим, левый приток Иртыша.
Эфсане – легенда, предание.
Эхтияр – старый.
Эш – супруг, супруга.
Юва – гнездо.
Югируьв (ювырув) – бегать, бежать, скакать.
Юксек – высокий // высоко; выше.
Юпар (йыпар) – аромат.
Яак (як) – щека.
Яваш-яваш – потихоньку, понемногу, постепенно, неспеша.
Явырганак – лопатка *(человека, животного).*
Яд (ят) – память.
Язы – надпись.
Язык – *здесь:* жаль, жалко, обидно.
Якут – яхонт; **коьк якут** – сапфир, **кызыл якут** – рубин.
Якшы (яхшы) – хороший, лучший // хорошо, лучше.
Ялав – кнут, нагайка.
Ялан (ялган) – ложь.
Янъыз (ялгыз) – один.
Япаша – коровий помёт *(использовался в высохшем виде как топливо).*
Яр этуьв – оглашать, объявлять через глашатаев.
Яршы – глашатай.
Ярын – завтра.
Яян (яяв) – пешком.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 7

Часть I
Тексты эпической поэмы «Эдиге»

Эдиге. Вариант А.И-М. Сикалиева 23
Эдиге. Вариант А.Л. Ходзько 55
Эдигей. Вариант Ч.Ч. Валиханова 65
Эдиге бий. Вариант Ч.Ч. Валиханова *(подготовил П.М. Мелиоранский)* 72
Идеге бий. Вариант В.В. Радлова 108
Мурза Эдыге. Вариант Н.С. Семенова 132
Токтамыс кандынъ хикаьети. Вариант М. Османова 158
Токтамыш хан хикаьети. Вариант И.Н. Березина 177
Эдиге эфсанеси. Вариант Чагатай С 191
Эдиге йыры. Вариант А-Х.Ш. Джанибекова 203
Эдеге баьтир. Вариант Энвера и Недрет Махмутов 221
Эдиге. Вариант Т.А. Акманбетова 267
Эдиге. Вариант И.С. Капаева 292
Эдиге *(художественный перевод на русский язык)*. Ф.М. Сидахметова 314

Часть II
Научные приложения

В.М. Жирмунский. Сказание об Идиге. Из монографии«Тюркский героический эпос» 339
П.М. Мелиоранский. Предисловие к «Сказанию о Едигее и Токтамыше». 368
Е.М. Мелетинский. Кипчакские сказания о ногайских богатырях 380
А.И-М. Сикалиев (Шейхалиев). Из монографии «Ногайский героический эпос» 383
Ф.И. Урманче. Из книги «Народный эпос «Идегей». 401
Ф.А. Кусегенова. Фольклорное наследие ногайцев: проблемы сохранения и перспективы исследования 409
Б.И. Нурдаулетова. Мифологические аспекты эпоса «Маулимнияз-Едиге» 415
Ю.И. Каракаев. Языковые особенности ногайского героического эпоса «Эдиге» 421
Т.Х. Джемакулов. Об особенностях орфографии первых публикаций эпоса «Эдиге» на языке оригинала 425
Б.Б. Карданова (Карасова). Музыкальное воплощение ногайских эпических сказов 429
И.С. Капаев. От Чингиз-хана до Эдиге. Эссе 435
М.А. Авезов. Казаклыктан кайткан мырас 458
А.А. Черкесова. Современные записи эпоса об Эдиге 464
Условные обозначения 495

Библиография 496
Словарь 497

509.

Научное издание

ЭДИГЕ

Ногайская эпическая поэма

Утверждено к печати
Ученым советом
Карачаево-Черкесского института
гуманитарных исследований
при Правительстве
Карачаево-Черкесской Республики

Оформление и компьютерная вёрстка *А.Я. Алимова*
Художник *Ю.Б. Карасов*
Художественный редактор *В.Ю. Яковлев*
Технический редактор *Н.Л. Лисицына*

Подписано к печати 26.08.16
Формат 70 × 100 $^{1}/_{16}$. Гарнитура Таймс
Печать офсетная
Усл.печ.л. 42,9 Усл. кр.-отт. 46,8. Уч.-изд.л. 40,0
Тираж 500 экз. Тип. зак. 1485

ФГУП Издательство «Наука»
117997, Москва, Профсоюзная ул., 90
E-mail: secret@naukaran.com
www.naukaran.com

ФГУП Издательство «Наука»
(Типография «Наука»)
121099, Москва, Шубинский пер., 6

ISBN 978-5-02-039964-8